Джордж ван Фрекем

ГИТЛЕР И ЕГО БОГ

За кулисами феномена Гитлера

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О Гитлере написаны тысячи книг, но он по-прежнему остается загадкой. Как могло случиться, что человек, который был никому неизвестным, одиноким фронтовиком без будущего, через несколько лет оказался Вождем и Мессией немецкого народа? Как могло такое ничтожество развязать самую разрушительную и убийственную войну в истории человечества? Джордж ван Фрекем пришел к заключению: в случае Гитлера должна была существовать причина, соразмерная с последствиями его действий – он был одержим «богом», неким существом, вдохновлявшим и направлявшим его, приведшим его к власти и в конце концов покинувшим его, когда тот стал не нужен. И в этой связи автор раскрывает совершенно неожиданную роль индийского философа и йогина Шри Ауробиндо в борьбе против Гитлера накануне и в ходе Второй мировой войны.

- Джордж ван Фрекем
  - ○
  - ○ Часть первая
    - ■ 1. Превращение
    - ■ 2. Магистры
    - ■ 3. Ментор
    - ■ 4. Волк
    - ■ 5. Сведение счетов
    - ■ 6. «Майн Кампф»
  - ○ Часть вторая
    - ■ 7. Высший народ
    - ■ 8. Продолговатые черепа и широкие черепа
    - ■ 9. Фолькистское движение
    - ■ 10. Еврейский вопрос
    - ■ 11. Германия в поиске
  - ○ Часть третья
    - ■ 12. Мировоззрение Гитлера
    - ■ 13. Медиум
    - ■ 14. Мировоззрение Шри Ауробиндо
    - ■ 15. Властелин Наций
    - ■ 16. Два стихотворения
      - ■
    - ■ 17. Мир, висящий на волоске
  - ○ Ссылки
- notes
  - ○ 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40

Джордж ван Фрекем
ГИТЛЕР и его бог. За кулисами феномена Гитлера

Моей истинной семье посвящаю
Дж.в.Ф.

Те края населял одержимый народ.
Демоническая сила, таящаяся в глубинах человека,
Которая тяжко вздыхает, подавленная
человеческим законом сердца,
Устрашена спокойными властными очами Мысли,
Может в пожаре и землетрясении души
Восстать и, взывая к своей родной ночи,
Свергнуть разум, захватить жизнь
И впечатать свое копыто в содрогающуюся землю Природы…

Шри Ауробиндо, «Савитри»

Кто из обитателей ангельских миров услышит меня, если я закричу? И если один из них нежданно коснется моего сердца, я погибну, раздавленный его присутствием. Ибо Красота – это лишь рассвет наступающего Ужаса, она едва переносима. И мы так почитаем ее потому, что, бесстрастная, она с презрением отталкивает нас в небытие. Каждый ангел ужасен.

Райнер Мария Рильке, «Дуинские элегии»

Владения исчезают, кланы исчезают;
И ты умрешь, как они.
Одно лишь, знаю я, пребудет вечно:
Слава и деяния мертвых.

«Хавамала», древняя нордическая сага

Часть первая
Гитлер становится фюрером

1. Превращение

«Я гарантирую вам, господа, что
невозможное всегда побеждает.
И чем невозможнее, тем вернее».

Адольф Гитлер

Капрал смотрит на мышей

Капрал проснулся ранним утром; дневная рутина еще не началась. Заняться было нечем, и он развлекался, швыряя кусочки хлеба мышам, частым посетителям его каморки, наблюдая за их играми и возней. Первая мировая война, так называемая «Великая война», закончилась, и будущее капрала, не сохранившего связей ни с родственниками, ни с друзьями, выглядело весьма мрачно.

Он вернулся с фронта, но не с нескончаемыми толпами солдат, не с серыми усталыми колоннами, несущими в складках своих шинелей запахи грязи, пороха и разлагающейся плоти. Дело в том, что незадолго до перемирия его ослепило в газовой атаке неподалеку от Вервика, на франко-бельгийской границе, и его перевезли на север, в Померанию, в военный госпиталь в Пазевалке. Известие о том, что 11 ноября 1918 года боевые действия были прекращены и Германия проиграла войну, что кайзер Вильгельм и немецкие принцы отреклись от престола и провозглашена Германская республика, повергло его в отчаяние. Теперь он ожидал демобилизации в мюнхенских бараках, где ютились остатки его полка.

По рождению он был австрийцем. В августе 1914 года, будучи гражданином Австрии, Адольф Гитлер все же сумел попасть в резервный Баварский пехотный полк, носивший название «полк Листа». С первых недель войны и до ее последних дней, полные четыре года, он служил там с честью. Будучи вестовым при штабе полка, то есть, пользуясь его собственным выражением, *Gefechtsmeldegänger* (связным на поле боя), он принял участие во множестве кровавых сражений во Франции и в Бельгии. Не раз он лишь чудом избегал смерти. Был награжден Железным крестом первой степени за храбрость. «Ни у кого из тех, кто знал [Гитлера] близко, не было сомнений в его храбрости», – свидетельствовал позже полковой адъютант. «На поле боя он зарекомендовал себя храбрым, надежным вестовым, без всякого сомнения, достойным Железного креста первой степени. Еще до

вручения этой награды его несколько раз представляли к ней. Это был тот самый неизвестный солдат, скромно и достойно исполнявший свой долг»[1] [1]. Как позже отметит сам Гитлер, война стала «самым незабываемым, самым грандиозным переживанием ранних лет его жизни». Он был «безумно счастлив быть солдатом»[2]. Теперь ему двадцать девять. Что станется с ним? У него нет ни перспектив, ни будущего. И он всеми силами цепляется за армию, оттягивая демобилизацию, ведь здесь у него есть койка и кусок хлеба. Предоставленный себе, он, вероятнее всего, скатился бы вниз, перебиваясь продажей акварелей с изображениями зданий и памятников, в бесплодных мечтах о будущем великого архитектора. Именно этим он и занимался в Мюнхене до войны, равно как и в Вене, где жил как бродяга. «Он всегда выглядел таким изголодавшимся», – вспоминают его знакомые по тем временам.

В скором времени ему придется надеть гражданскую одежду. Героев войны вокруг хоть пруд пруди. Никто не обращает внимания на колонны вооруженных оборванных солдат, в глазах которых отражаются невыразимый ужас и смерть, – солдат, оказавшихся в гражданском мире, который они уже не узнаю́т, который они глубоко презирают. Положение с продовольствием в Германии оставалось очень серьезным. Никому не было дела до голодающих. И все же несколькими крошками можно было поделиться с мышами. «Так как я обычно просыпался до пяти утра, – пишет Гитлер в “Майн Кампф”, – у меня вошло в привычку бросать на пол объедки и хлебные корки мышам, которые резвились в моей комнате. Я наблюдал, как эти смешные маленькие твари гоняются друг за другом ради нескольких вожделенных кусочков. В своей жизни я пережил столько бедности и голода, что мне было легко представить себе голод, а значит, и радость этих маленьких созданий»[3].

Но поглядите-ка… прошло не так уж много лет, и перед нами тот же самый Адольф Гитлер, триумфально стоящий на балконе рейхсканцелярии в Берлине, – его приветствуют тысячи немецких граждан! А затем он же, с Железным крестом первой степени на груди, одиноко возвышается над стройными колоннами одетых в униформу немцев на Цеппелинских полях в Нюрнберге. Они славят его, они его обожают. Это их вождь, их фюрер и даже мессия. Он пришел с тем, чтобы вернуть им величие, поднять их на неслыханные вершины истории, сделать их властителями мира. *Deutschland über alles, über alles in der Welt* (Германия превыше всего, превыше всего в мире). Бывший капрал без будущего стал «вождем нации, главнокомандующим вооруженными силами, главой правительства, высшим руководителем, верховным судьей

и вождем партии (НСДАП)»[4].

Он не просто стал господином жизни и смерти в стране, которой правил. Его воля стала законом, а слова почитались высшей истиной. В итоге он «перекроил карту Европы, разрушил империи, способствовал появлению новых великих сил, вызвал революции и привел к концу колониальную эру»[5]. «Человек ниоткуда» объединил Австрию с Германией и вошел завоевателем в Прагу, Варшаву и Париж. Он завоевывал, порабощал и убивал и намеревался и дальше завоевывать, порабощать и убивать.

Как это могло произойти? Как вышло так, что бывший австрийский капрал, которого сравнивали с изможденной бродячей собакой, достиг таких высот власти, что Иоахим Фест смог написать: «Если бы Гитлер пал жертвой заговора или несчастного случая в 1938 году, сейчас его, не колеблясь, называли бы величайшим канцлером, которого знала Германия, венцом немецкой истории»[6]?

О Гитлере и о нацистской Германии написаны целые библиотеки, однако немало историков, из самых читаемых и известных, по-прежнему считают его загадкой. «Чем больше материалов находится в нашем распоряжении, чем дальше отстоим мы от этих событий, тем загадочнее выглядит Гитлер», – пишет Христиан фон Кроков[7]. Алан Буллок, автор таких работ, как «Гитлер – исследование тирании» и «Гитлер и Сталин – параллельные жизни», в одной из бесед признался: «Чем больше я узнаю о нем, тем труднее мне объяснить Гитлера… Я не способен объяснить его. И я не думаю, что это способен сделать кто-то еще»[8]. Для Тревор-Ропера «Гитлер и через пятьдесят лет остается пугающей загадкой»[9].

«Однажды, несмотря на полностью враждебное окружение, я выбрал свой путь, – говорил Адольф Гитлер, – и, безвестный и безымянный, я шел по нему, пока, в конце концов, не добился успеха. Я, кого часто провозглашали несуществующим, кому всегда желали исчезновения, в конце концов оказался победителем»[10].

Должен существовать некий период времени, в течение которого произошло «превращение Гитлера в Гитлера», когда ничтожество преобразилось в провидца и политика, способного в самое короткое время совершить то, что казалось невозможным: уничтожить унизительный Версальский договор, поставить на ноги падшую, отчаявшуюся Германию, объединить страну, превратив ее в военную машину, способную осуществлять его маниакальные, преступные цели, явные и тайные. Должен был существовать некий источник силы, поддерживавшей этого человека без корней, осыпаемого насмешками и постоянно

недооцениваемого, источник энергии, необходимой для создания мощной и безжалостной политической партии, источник, вдохновлявший его в самые критические моменты, заставляя подниматься над теми, кто был выше его как в Германии, так и за ее пределами. Должен существовать источник зла, который, используя Гитлера, пытался разрушить человечество, отбросив его к варварскому состоянию, оставшемуся, казалось бы, в далеком прошлом.

Германию лихорадит

Когда слышат слово «каста», его обычно ассоциируют исключительно с древней Индией. При этом не замечают, до какой степени кастовая структура определяла и все еще продолжает определять порядок существующих на Западе социальных отношений. В Средние века – не так уж и давно – каста была фактом самой жизни. Существовала католическая церковь со своим духовенством (*брахманы*); затем шла знать и феодальная иерархия (*кшатрии*); затем – развивавшийся и очень активный класс торговцев (*вайшьи*); на последнем же месте – по счету и по важности – стоял класс рабочих (*шудры*). Главным образом, это были бесправные крестьяне, к которым относились как к домашнему скоту и прочей собственности.

Возрождение поставило под сомнение эту социальную пирамиду. Вместе с ней оказался под вопросом весь жизненный уклад и само мировоззрение Запада. Вдохновленное идеалами Возрождения – а среди этих идеалов была и идея равноправия всех людей, – «третье сословие», то есть торговцы или буржуа, стало проникаться сознанием собственной значимости. Революцией этого третьего сословия станет Великая французская революция. Чтобы как следует закрепить в обществе эти новые идеи, за революцией 1789 года должны будут последовать новые революции девятнадцатого века. Этот век станет веком торжества буржуазии, материализма, либерализма, прогресса и разума. Революции, шедшие за Великой – а именно революции 1830, 1848 и 1870 годов, – были необходимы для того, чтобы сломить сопротивление со стороны знати и духовенства, боровшихся за выживание, а также для преодоления обычной инертности, свойственной всякому человеческому существу.

Но как же быть с «четвертым сословием», классом трудящихся, рабочих, крестьян, слуг всякого рода? Они ведь тоже люди, а значит, заслуживают равных с другими людьми прав. Параллельно с Французской разворачивалась другая революция,

которую также никто не предвидел заранее, – революция индустриальная. В ее ходе возрастала роль класса рабочих, *шудр*, – ведь именно они были силой, делавшей возможным это гигантское развитие индустрии. Бросая опостылевшую крестьянскую долю, от плуга и коров люди шли в города. Они ожидали найти там рай, но оказывались в еще худшем аду. Они превращались в «пролетариат». И лишь слепой мог не видеть того, что рано или поздно эти люди восстанут и потребуют равноправия от тех, кто так долго использовал их и издевался над ними.

После подготовки и накопления сил – что заняло почти столетие – с русской революцией 1917 года пролетариат решительно вышел на сцену истории. Верховное командование германской армии, которое к тому времени практически правило страной, поддержало русских революционеров в надежде, что переворот приведет к крушению царской России, решит все проблемы на восточном фронте и позволит ему нанести решительный удар по союзникам на западе. Этот план едва не увенчался успехом. Германское «весеннее наступление» 1918 года – а его сделало возможным мирное соглашение с русским революционным правительством в Брест-Литовске – прорвало оборону противника. Париж вновь оказался под угрозой. Немцы опьянялись предстоящей победой. Но союзники оправились – отчасти этому помогли свежие войска вступивших в войну Соединенных Штатов. Восьмого августа, ставшего «черным днем» для Германии, Гинденбург и Людендорф, фактические военные правители страны, поняли, что поражение неизбежно. Они доложили об этом кайзеру.

Все это напрямую касается нашей истории. Германский пролетариат составлял значительную часть населения страны. Его интересы выражали Социалистическая партия Германии и более радикальная марксистская Независимая социалистическая партия Германии (которую вскоре переименуют в Коммунистическую партию Германии). Как раз перед войной, на выборах 1912 года, Социалистическая партия Германии получила большинство. Это вызвало беспокойство и страх в традиционных высших классах, которые очень хорошо осознавали свой социальный статус, другими словами – обладали классовым сознанием. Рабочие, по их мнению, должны находиться уровнем ниже, а не рядом и уж тем более никак не выше. Им не место в правительстве или администрации. Германия так и не прониклась идеалами Возрождения – она осталась прусским автократическим и иерархически организованным обществом, где низшие ждали указаний от высших, а высшие с презрением поглядывали вниз.

Но война потрясла устои, казавшиеся незыблемыми. Немцы поняли, что Русская революция непосредственно угрожает их существованию. Разве не говорили марксисты, что Германия, страна с самым развитым и многочисленным пролетариатом, лучше других готова к великой пролетарской революции? Разве российские большевики не делали все возможное, чтобы поджечь фитиль революции в других странах – прежде всего в Германии? В Берлин, Гамбург, Лейпциг и Мюнхен прибывали толпы беженцев из России. Каждый рассказывал ужасы о красных, каждый стремился предостеречь. Вместе с ними внедрялись и большевистские агенты, управляемые Третьим Интернационалом. Германским марксистам они казались героями, осуществившими исторический подвиг, которому суждено изменить мир.

Традиционные классы Германии – высший и средний – в последние месяцы 1918 года стали оголтелыми националистами. Их одурачила пропаганда Верховного командования и собственные предрассудки. Об аде, царившем на поле боя, они знали понаслышке. Великое множество молодых людей уже никогда не вернется домой; еды все меньше, ее все труднее достать, а напряжение войны выносить все сложнее – все это подрывало порядок вещей, еще недавно казавшийся нерушимым. Левые силы, которых социальные барьеры уже не сдерживали, а события в России будоражили, в конце октября – начале ноября 1918 года объявили всеобщую забастовку.

Тогда произошел Мюнхенский переворот: Курт Эйснер, журналист, еврей, 7 ноября провозгласил Баварию социалистической республикой. В тот же день король Баварии Людвиг III Виттельсбах отрекся от престола – первым из восемнадцати владетельных принцев Германии. (Кайзер Вильгельм II последует его примеру 9 ноября. Дело в том, что американский президент Вудро Вильсон включил в условия мирного соглашения пункт, согласно которому все авторитарные и военные структуры и организации Германии должны быть ликвидированы.) Эйснер, бородатый интеллигент, не походил на революционера и не был фанатиком. Он был пацифистом, социалистом идеалистически-гуманистического склада. Его влек вперед энтузиазм товарищей, усталость от войны многих его сограждан, пусть мыслящих по-иному, но одинаково голодных. Баварией стал управлять Совет рабочих, солдат и крестьян, не имевших никакого опыта. В этих тяжелых условиях им пришлось изобретать систему управления самим. Меньше всего опыта было у самого Эйснера. Вскоре он доказал это на социалистическом конгрессе в Берне, где публично обвинил Германию в развязывании войны. Этим он подписал себе смертный приговор.

Именно в такой Мюнхен 21 декабря 1918 года прибыл выписанный из госпиталя в Пазевалке капрал Гитлер. Его направили в резервный батальон второго пехотного полка – батальон, подлежащий немедленной демобилизации. Но именно демобилизации Гитлер старался всеми силами избежать, ибо, как мы уже видели, он «стоял перед пропастью»[11]. Он сумел устроить так, что его перевели в лагерь военнопленных в Траунштайне, между Мюнхеном и Зальцбургом, охранять русских и французов, которых вот-вот должны были отправить домой. В конце января 1919 года Гитлер опять оказался в Мюнхене в составе военной охраны Центральной железнодорожной станции.

Его избирают *Vertrauensmann,* то есть представителем нижних чинов своего батальона. Это неудивительно, принимая во внимание его послужной список, а также проявлявшуюся порой способность произносить зажигательные речи – если его к тому подтолкнут, – что свидетельствовало об определенном уровне интеллектуальной одаренности. Но это избрание одновременно и поразительно: армейский гарнизон Мюнхена управлялся эйснеровскими социалистами, а значит, Гитлер хорошо ладил с левыми силами, что диаметрально противоречит его более поздним убеждениям. Он даже вошел в секцию пропаганды при солдатском совете, а когда 21 февраля Курт Эйснер был убит, депутат Гитлер был одним из сотен тысяч скорбящих, сопровождавших прах еврейского премьер-министра на кладбище[12].

«Практически со стопроцентной вероятностью можно утверждать, что до мая 1919 года Гитлер был на стороне народа [то есть социалистов]. Он лгал, когда утверждал впоследствии, что “уже в ноябре 1918 года понял, что это бесчестные люди”»[13]. Многих исследователей жизни Гитлера эти недавние открытия поразили. Они принимали на веру его собственные утверждения в «Майн Кампф» о том, что «гранитный фундамент» его мировоззрения был выстроен еще в венские годы (между 1907 и 1913 годами). Однако Бригитта Хаман и другие исследователи, шедшие по ее стопам, показали, «как мало в “Майн Кампф” от биографии и как много от политической пропаганды»[14]. В начале 1919 года капрал Гитлер сделал бы что угодно, лишь бы остаться в армии – больше идти ему было некуда.

«После Первой мировой он был одним из многих тысяч бывших солдат, бродивших по улицам в поисках работы… В то время Гитлер стал бы работать на любого, кто сжалился бы над ним. У работодателя-еврея он работал бы с тем же рвением, что и

у арийца», – вспоминал позже некий Майр, капитан в отставке. «Когда я встретил его впервые, он был похож на изможденного бродячего пса, ищущего хозяина»[15]. Об этих словах Майр еще пожалеет.

Русская революция совершилась в две стадии. Первая, мягкая, в феврале 1917 года была революцией меньшевиков во главе с Александром Керенским. Вторая – в октябре того же года – началась с решительного захвата власти большевиками во главе с Лениным. Эту последовательность событий опробовали и в Германии. Радикальные спартаковцы во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург попытались сместить правительство социалистов. Но эта попытка была подавлена с помощью *Freikorps* (добровольческого корпуса). Этот добровольческий корпус состоял из независимых ультраправых вооруженных формирований, состоявших, главным образом, из ветеранов войны под командованием харизматических офицеров с замашками кондотьеров[2] . И все же в Мюнхене, столице Баварии, коммунистам удалось отобрать власть у эйснеровских социалистов, правда, лишь ненадолго. 7 апреля была провозглашена «диктатура пролетариата» и создано правительство Советов рабочих и солдат, по примеру «советов» в России. Красная Армия, под руководством двадцатитрехлетнего моряка должна была стать силовой опорой этого правительства в его работе по превращению германского общества в пролетарский рай.

Нужно иметь в виду, что положение Германии в те ранние послевоенные годы было крайне бедственным. Все способствовало умственному и физическому хаосу: шок от неожиданного поражения, тысячи безработных солдат, бесцельно слонявшихся повсюду, новый социал-демократический режим, который называли «системой» и считали чуждым телу «истинной» Германии. Этот режим ненавидели с самого начала, чему в значительной степени способствовал постоянный голод, вызванный непрекращавшейся блокадой союзников. Эйснер с его политиками-любителями был не в состоянии справиться с этим хаосом. Это оказалось не по плечу и руководителям коммунистам. Поначалу их забавляла возможность устрашать и обкрадывать духовенство, богачей, мелкую буржуазию и всех тех, кто считался врагами народа. Но вскоре многочисленные ошибки Советов привели к такому хаосу, что их падение стало лишь вопросом времени. Рейхсвер[3] , при поддержке нескольких подразделений *Freikorps*, без труда нанес им поражение. К 3 мая последние очаги сопротивления красных были подавлены.

Эта практическая демонстрация «диктатуры пролетариата» до

такой степени усилила ужас перед коммунизмом, его отрицание во всех формах, в том числе и в левых движениях, что католическая Бавария стала прибежищем всех правых фракций, идеологий, группировок и частных лиц. Более того – и это немаловажно, – Бавария никогда не забудет, что некоторые наиболее активные деятели красных Советов, равно как и социалист Эйснер, были евреями. Именно по приказу этих евреев были убиты заложники-националисты. Тогда большинство считало, что все руководство Российской революции, включая Ленина, полностью состоит из евреев (что не соответствовало действительности), что недолговечную марксистскую революцию в Венгрии начал еврей Бела Кун, что евреи Роза Люксембург, Лео Йогихес и другие разожгли спартаковское восстание и что марксистские революции того и гляди начнутся по всей Германии. Чем сильнее подводило живот, тем больше пищи для себя находил традиционный немецкий антисемитизм.

Открытие капитана Майра

После уничтожения Мюнхенской Республики Советов в городе появился офицер, сыгравший важную роль в «сотворении» Адольфа Гитлера, – штабной капитан Карл Майр. Правительство в Берлине и Верховное главнокомандование поставило себе целью выбить из голов солдат все ошибочные левые идеи и заменить их верными – патриотическими и националистическими. Для этого в Четвертом военном округе, который охватывал собой всю Баварию (во главе его стоял могущественный генерал фон Мёхль), была создана «информационная служба», которая в действительности являлась отделом разведки и пропаганды. Руководителем секции пропаганды был назначен капитан Майр.

Майр, «радикально правый до мозга костей», был «амбициозным, умным, талантливым организатором, вовлеченным в политические игры». Он также был противником Веймарской республики и антисемитом[16]. По всей видимости, он был связан с самыми влиятельными центрами германского общества. Невероятно деятельный, бурлящий идеями и начинаниями, он был гораздо более влиятелен, чем можно было бы предположить исходя из его скромного звания и должности. Он не только был вхож в высшие круги германской армии через генерала фон Мёхля, но и напрямую был связан с Пангерманским союзом и с *Germanenorden*, двумя организациями, с которыми мы встретимся позже.

Вскоре капрал Гитлер заинтересовал Майра. Гитлера выбирали представителем от батальона не только при режиме социалистов, он также был «депутатом» при власти коммунистических солдатских Советов. Однако после того, как Республика Советов была раздавлена, он вновь развернулся на сто восемьдесят градусов и вошел в состав следственной комиссии, которая должна была представить сведения о патриотической преданности солдат его батальона при недолговечном коммунистическом режиме – том самом, с которым он сам все это время мирился! Нет сомнений, он всегда чувствовал, откуда дует ветер, и делал все, чтобы остаться в армии. Но нельзя отрицать, что у своих товарищей по оружию он пользовался уважением. У Гитлера был хорошо подвешен язык, и капитан Майр внес его имя в списки слушателей «ораторских курсов» для армейских пропагандистов, проводившихся с 5 по 12 июня 1919 года в Мюнхенском университете.

На курсах лекции читали заслуженные ученые и профессора, такие как Карл Александр фон Мюллер, Карл фон Ботмер и Михаэль Хорлакер. Они рассказывали о «политической истории войны», «теории и практике социализма», «ситуации в нашем сельском хозяйстве и условиях мирного договора», а также о «взаимоотношении внутренней и внешней политики»[17]. Именно здесь Гитлер впервые смог услышать образованных интеллектуалов, говорящих на интересующие его темы. Именно здесь он выучился соединять разрозненные точки зрения в единое целое, получая некое подобие связного мировоззрения. Общее направление лекций, разумеется, было социал-демократическим, так как социал-демократы были у власти, но более глубокая струя была, несомненно, националистической, пангерманской и антисемитской.

Безусловно, ум тридцатилетнего Гитлера не был чистым листом. В дни своей молодости в Австрии он впитал пангерманские идеи своего отца, мысли своего учителя истории Леопольда Пётча, а также идеи Георга фон Шёнерера. Сам воздух тех мест был словно пропитан антисемитизмом. Помимо этого молодой Гитлер всегда интересовался политикой – главным образом для того, чтобы выразить свой протест происходящему. В Вене он посещал заседания австрийского Парламента, жадно читал газеты в кафе, а также проглатывал любые попадавшиеся ему памфлеты или трактаты. Физическое присутствие и ораторское искусство почтенных ученых и профессоров произвело на него глубокое впечатление и дало ему возможность увязать между собой множество разрозненных мнений, поместив их в более широкий контекст.

После лекций проходили собрания дискуссионных групп. Здесь Гитлер чувствовал себя как рыба в воде. Он всегда был готов пуститься в нескончаемый монолог, был бы только повод. Он обрушивал на слушателя потоки слов, словно обращаясь к огромной толпе. Август Кубицек, один из самых близких его друзей по Вене и Линцу, в своих воспоминаниях сообщает о частых ораторских вспышках Адольфа, а многие товарищи Гитлера по окопам или по ночлежке рассказывают, как легко было подбить его на гневную диатрибу[4] – достаточно было высказать что-то противоречащее его мнениям. Теперь же Гитлер мог опробовать свои новоприобретенные знания в дискуссионных группах. Речи уже не были его личной причудой, они стали его прямой обязанностью – обязанностью армейского пропагандиста, преобразовывающего ложно мыслящих леваков в верно мыслящих правых германских патриотов.

К. А. фон Мюллер рассказывает, как после одной из своих лекций он заметил группу, «зачарованно слушающую человека, стоящего в центре. У него был необычайно резкий голос, и он обращался к ним с нарастающей страстностью. У меня было странное ощущение, что слушателей волновало то, что он говорил, и в свою очередь именно это волнение подстегивало его речь. Я увидел бледное худое лицо, окаймленное штатской челкой, короткие усики и поразительно большие, фанатично холодные бледно-голубые глаза»18. Когда же Мюллер указал на него капитану Майру, тот походя заметил: «А, это Гитлер из полка Листа».

Гитлер стал ораторской звездой Майра. В середине августа его направили в лагерь Лехфельд, где содержались немецкие солдаты, которым промыли мозги в русском плену. Теперь, перед тем как выпустить их в гражданскую жизнь, надлежало развернуть их умы в противоположном направлении. При лагере было постоянное представительство «информационной службы» Майра, и заведовал ею унтер-офицер Рудольф Бейшлаг, опытный пропагандист, который стал здесь непосредственным начальником Гитлера. Темы лекций, в сущности, были теми же, что и на курсах повышения ораторского мастерства. Слушатели хвалили Гитлера, называя его «превосходным и страстным докладчиком», «выдающимся и темпераментным оратором»19. Именно на этот период ссылается сам Гитлер в «Майн Кампф» в известном пассаже, где он пишет: «Да, я мог говорить». Он имел в виду не способность формулировать свои мысли и выражать их в словах – он делал это бесчисленное количество раз в нескончаемых монологах со времен юности. Это означало, что он был способен увлекать за собой аудиторию – что окажет огромное

влияние на его собственную судьбу и на будущее Германии.

Другим достойным внимания фактом является то, что именно во время своего пребывания в Лехфельде Гитлер впервые начинает атаковать евреев. Причем с таким напором, что начальству приходится его сдерживать – как бы оно с ним ни соглашалось, все же оно состояло на службе у социал-демократического правительства. Комендант лагеря в Лехфельде писал в управление округом: «А теперь о том, что касается прекрасной, ясной и темпераментной лекции капрала Гитлера о капитализме, который в этой связи коснулся еврейского вопроса… Несмотря на то, что еврейская проблема была представлена [Гитлером] очень хорошо и он особо подчеркнул германскую позицию, все же такого рода дискуссии легко могут дать евреям повод навесить на эти лекции ярлык антисемитской пропаганды. В связи с этим я считаю необходимым указать, что при обсуждении этой проблемы нужно быть исключительно осторожным и что всякие явные упоминания о расе, чуждой германскому народу, должны быть по возможности исключены»[20].

Хотя антисемитизм издавна являлся частью немецкой ментальности, эта тема на лекциях в Мюнхенском университете не затрагивалась. Более того, Бригитта Хаман показала, что Гитлер даже в свои венские годы не был активным и сознательным антисемитом – он поддерживал дружеские отношения с евреями-соседями по ночлежке, а также с торговцами, помогавшими ему сбывать акварели. В таком случае где, когда и кто заразил его этими страстными антиеврейскими чувствами?

То, что к тому времени он стал считаться авторитетом по антисемитским вопросам, документально зафиксировано небольшим письмом капитана Майра от 10 сентября 1919 года. В этом письме он просит Гитлера ответить на вопрос, заданный ему другим пропагандистом, его подчиненным Адольфом Глемихом. Вопрос был такой: «Каково отношение к евреям со стороны социал-демократического правительства? Подразумеваются ли в пункте «о равных правах» также и евреи, несмотря на то, что они составляют угрозу *Volkstum* [национальному характеру народа]?»[21] Майр просит Гитлера ответить вместо него, причем обращается к своему подчиненному капралу *Sehr verehrter Herr Hitler*. Обычно это переводят «дорогой мистер Гитлер». Но тон немецкого выражения в действительности более почтителен, дословно оно переводится как «высокочтимый господин Гитлер». Немецкий ученый Иоахим Фест замечает, что «такое обращение капитана к капралу выглядит странно»[22], а Вернер Мазер, также немец, пишет, что это обращение «необычайно уважительно».

Ответ Гитлера не только намекает нам на возможные источники его новообретенных мыслей, но и документально подтверждает, что к тому времени в его уме уже утвердилась структура, которая – в том, что касается евреев – останется основой, «гранитным фундаментом» его идеологии до последних дней жизни. Здесь и чуждость еврейского народа, и опасность, которую он несет. Здесь же он пишет, что евреи – это раса, а не религия; здесь также можно найти утверждение о том, что в итоге целью борьбы с евреями должна быть их полная «ликвидация» – что бы этот термин ни значил для Гитлера в 1919 году[23].

Майр писал, что с июня 1919 года до сентября следующего года, то есть в течение пятнадцати месяцев, он ежедневно контактировал с Гитлером, который, действуя под влиянием присущих ему деспотических импульсов, уже оттеснил Бейшлага в тень. Он стал «частым гостем Военного министерства, считалось, что он входит в политическую команду Майра… Майр решил, что эту его находку можно использовать и для большего»[24]. Действительно, 12 сентября 1919 года Гитлера послали в конференц-зал мюнхенской пивной для сбора информации о небольшой группе, походящей на масонскую ложу, которая там порой собиралась. Она называлась «Германская рабочая партия» (DAP).

То, что случилось дальше, – это, как говорится, уже история.

Уже сами даты говорят о многом. Уважительный запрос Майра отправлен 10 сентября, ответ Гитлера датируется 17 сентября; его первый контакт с DAP, партией, основанной обществом Туле, приходится на 12 сентября. Очевидно, что Гитлер за период с 6 июня, когда Майр мимоходом заметил: «А, это Гитлер из полка Листа», по сентябрь, когда капитан так уважительно обращается к своему подчиненному, далеко продвинулся по пути к своей цели. «Процесс [формирования гитлеровской идеологии] начинается в 1919 году, во всяком случае, лишь в этом году он становится видимым. Ни в одном более раннем документе нет ни малейшего намека на позднейшие концепции… Складывается такое впечатление, что [до 1919 года] Гитлер не интересовался политикой… Нет даже уверенности, что тогда он был антисемитом…» (Эберхард Йекель[25])

Очевидно, что именно в эти летние месяцы 1919 года в жизни Гитлера произошли большие перемены. Себастьян Хаффнер называет это время «необъяснимым белым пятном». Конрад Хайден пишет, что «в эти месяцы Гитлер преобразился», и гадает о «загадочных обстоятельствах, преобразивших его»[26]. Джон Лукач считает так же: «1919 год – важнейшая веха или, точнее,

поворотный пункт всей жизни [Гитлера]»[27]. Ян Кершоу пишет, что «если бы капитан Майр не охотился за талантами, мы, возможно, никогда не услышали бы о Гитлере»[28]. «Этот мюнхенский период дал Гитлеру ключ ко входу в политику»[29], – подтверждает Иоахим Фест. В конце концов, есть и признание самого Гитлера. В 1941 году в одной из бесед, невольно противореча неоднократным (ложным) утверждениям в «Майн Кампф», он проговаривается: «Моя программа была создана в 1919 году»[30]. Под «программой» он подразумевал не партийную программу НСДАП, та была написана в 1920-м, он имел в виду основу собственного мышления, свою идеологию.

2. Магистры

Люди из Туле положили свою жизнь за свастику первыми.

Герман Гилбхард

«Вначале Гитлер обратился к членам Туле, и именно они первыми поддержали его»[31], – писал Рудольф фон Зеботтендорф в книге «Еще до Гитлера», вышедшей в Германии в 1933 году сразу после того, как Гитлер стал канцлером. За много лет до этого – в 1917-м – Зеботтендорф основал в Мюнхене общество Туле. Он и был его Великим Магистром во времена красного правительства Эйснера и Республики Советов, до 1919 года. Затем он уехал из Германии и поселился в Турции. Зеботтендорф не мог непосредственно наблюдать процесс восхождения Гитлера к вершинам власти, что отчасти объясняет ту наивность или простоту, с которой он опубликовал свою книгу. Ему следовало бы знать, что Гитлер никогда не признавал заслуг своих прежних учителей, руководителей, помощников или начальников – за исключением Рихарда Вагнера и Дитриха Эккарта. Тем же, кто имел неосторожность напомнить ему о своей роли, затыкали рот, а порой их бросали в концентрационный лагерь. Но Зеботтендорфу повезло: Рудольф Гесс, бывший член Туле, стоящий теперь у вершин власти Третьего рейха, позаботился о своем бывшем Великом Магистре. Зеботтендорфа освободили под предлогом того, что воздух за пределами Германии будет полезнее для его здоровья.

Tule-Gesellschaft (общество Туле) было тайным обществом, которому уделяется большое, а порой и чрезмерное внимание в книгах об оккультной стороне нацизма. Возможно, именно поэтому до недавних пор историки академического направления старались обходить эту тему стороной. В результате сложилась ситуация, о которой пишет Петер Левенда: «Если послушать большинство историков, складывается впечатление, что *Tule-Gesellschaf* – это мелкая аберрация, аномалия, не заслуживающая серьезного рассмотрения»[32]. Однако объем значимых фактов, касающихся общества Туле, так велик, что в любой биографии Гитлера или истории нацизма для них должно найтись место, иначе мы упустим сведения об очень важном периоде в жизни Гитлера. И здесь необходимо подчеркнуть, что нижеследующие главы основаны на исторических фактах, а не на капризных полетах фантазии.

Австрийские провидцы

Около 1880 года в европейском сознании произошла любопытная перемена. Уже в начале XIX века завоевания Просвещения – и всего века Разума – были поставлены под сомнение движением романтиков. Теперь же на защиту прав эмоциональных составляющих человеческой природы встала новая мощная волна интуитивизма и витализма. Поначалу эта перемена проявилась в искусстве, главным образом, через импрессионистов с их «взрывом света». Затем на сцене культуры один за другим появились (упомянем лишь важнейшие фигуры первооткрывателей) Ницше, Фрейд, Бергсон и Пруст. Все они бросали вызов единовластию разума; человеческое существо пыталось вырваться из смирительной рубашки рационального ума. В результате, добившись свободы, человек, с одной стороны, почувствовал себя потерянным в новообретенном мире, с другой – у него закружилась голова от новых возможностей и перспектив. Именно в те времена целью человеческого развития провозглашалась то одна, то другая разновидность «сверхчеловека». «Переоценка всех ценностей» Ницше вызывала эйфорию и в то же время глубокий страх – казалось, исчезают самые привычные и надежные ориентиры.

В этом культурном перевороте, в ходе которого росло напряжение, в итоге приведшее к Первой мировой войне, важную роль играло Теософское общество, основанное в 1875 году Е. П. Блаватской и Г. С. Олкоттом. Быстрое и широкое распространение теософии говорит о том, что она в чем-то отвечала глубоким и нереализованным потребностям человеческого существа. Действительно, человек сложнее, чем полагал Декарт и философские наследники картезианства: материалисты, позитивисты, сайентисты и редукционисты. Безусловно, в человеке присутствует телесная, материальная часть, но в нем есть и витальная составляющая со своими жизненными силами, есть и ментальная часть (которую Декарт считал эпифеноменом), а также душа. Теософия заимствовала на Востоке идею многослойной природы нашего существа, соответствующей космическим уровням бытия. Также она позаимствовала и идею о том, что история человечества уходит в прошлое куда дальше, чем тот неправдоподобно малый временной отрезок, который считается историей в современной академической науке. Идея реинкарнации придала краткой человеческой жизни некий новый смысл. Немаловажно и то, что теософия предложила новый, не антропоморфный образ Бога: все есть «Это» и с Этим можно войти в прямой контакт, даже стать Этим – ведь Оно вживую

присутствует в глубине души человека.

«Истоки современного возрождения оккультизма в Германии [и Австрии] следует искать в теософии, популярной в англосаксонском мире в 1880-х годах», – пишет Николас Гудрик-Кларк[33]. Он считал, что это возрождение проходило с 1880 по 1910 год, и заметил при этом, что «в Германии, по сравнению с другими европейскими странами, теософия оставила более глубокий след». Причиной было то, что в Германии оппозиция идеалам Просвещения была сильнее, так как развитие германского национального духа шло по особому пути. Германия словно осталась на периферии культурных достижений других западноевропейских стран, а порой даже противостояла им. Этот специфический германский путь порой называют *Sonderweg*, «особой дорогой» Германии.

Некоторые фундаментальные верования и убеждения, позже приведшие к нацизму, впервые возникли в Австрии. Часто этому не уделяют должного внимания – ведь эта красивая страна ассоциируется, прежде всего с тирольскими хижинами, пением горцев, приветливостью и уютом. Другая причина в том, что в результате напряженных отношений между оккупировавшими ее союзниками Австрия избежала своего собственного Нюрнбергского процесса. Вследствие вражды между различными национальными и языковыми общинами Австрийской империи австро-германцы развили в себе чувство культурного и расового превосходства, приведшее позже к пангерманскому фанатизму. Сама же империя медленно сползала в хаос. Чтобы сохранить свою руководящую роль, германоязычной общине приходилось бороться с не менее патриотически или расистки настроенными чехами, словаками, поляками, рутенцами, словенцами, сербохорватами, итальянцами и другими. «В Вене жило больше чехов, чем в Праге, больше евреев, чем в Иерусалиме, и больше хорватов, чем в Загребе»[34].

Новые теософские идеи, замешанные на растущем в Австрии пангерманизме, отчасти объясняют появление такой фигуры, как Гвидо фон Лист (1848—1919). Лист был романтическим мечтателем – в своих работах он возвеличивал германское прошлое. Он утверждал, что арийско-германское богочеловечество являлось высшим типом человеческих существ, который когда-либо существовал, и ему вновь суждено стать «высшей формой жизни, способной когда-либо развиться во вселенной»[35]. Согласно ему, у германо-арийцев было две формы религиозной практики: одна открытая, экзотерическая – вотанизм, другая тайная, эзотерическая – арманизм. На дальнем севере с незапамятных времен до наших дней существует

непрерывная традиция посвященных арманистов. Эту элиту, *Armanenschaft*, нужно возродить. Она должна осознать свою истинную задачу: создание будущей расы богоподобных людей.

Свои воззрения Лист подкреплял псевдоисторическими рассказами, пробуждая интерес к остаткам арийско-германского прошлого: к монументам, ландшафтам, археологическим находкам. Он написал целые тома, посвященные священным рунам. Делая все это, он воскрешал антиримские и антикатолические чувства, присущие германскому сознанию задолго до Лютера. Названия его книг говорят сами за себя: «Германские мифологические ландшафты», «Изначальный язык германо-арийцев и язык их мистерий», «Арийско-германская религия – ее экзотерическая и эзотерическая стороны», «Германо-арийцы – это арманисты», «Тайна рун»…

Влияние Листа усиливалось. Общества Листа и тайные арманистские ложи появились во многих австрийских городах, еще больше их было в Германии. Разумеется, его книги тешили германское эго историями о великом прошлом и сияющем будущем немецкого народа. О реинкарнации и карме многие впервые прочли у Листа. Многое из того, что было подавлено в немецкой душе жестоко навязанным христианством, выразилось в фантастических работах Листа и вошло составной частью в фолькистское[5] движение. «Лист фактически стал гуру пангерманцев», – пишет Петер Орцеховски. «В прижизненной биографии его называли «человеком, воскресившим древнюю арийскую мудрость». На крыльях славы идеи Листа, воспевающие тайную германскую сущность, в самый короткий срок распространились и в империи Вильгельма II. Члены обществ Листа сыграли в этом немалую роль»[36].

Откровения Листа подкреплялись и в некотором смысле дополнялись публикациями другого австрийца, Йорга Ланца фон Либенфельса (1874—1954). Ланц был знаком с Листом, более того, как считает Бригитта Хаман, он был «его ближайшим учеником и последователем»[37]. Именно Ланц изобрел слово «ариософия» (под явным влиянием «теософии») и применил его к своему учению и учению Листа. Бывший монах, Ланц усердно изучал Библию, для «истинного» понимания которой он изобрел некий ключ. При этом он всей душой желал реализовать идеалы рыцарей-тамплиеров – во всяком случае, то, что он считал этими идеалами. Позднее он создаст Орден новых тамплиеров.

Ланц писал книги с названиями наподобие «Теозоология, или Предания обезьянцев из Содома и Электрон Богов» (1905). Но самые влиятельные эссе, когда-либо выходившие из-под его пера, появлялись в периодическом издании «Остара». Практически это

была серия брошюр на определенные темы. Вот некоторые заглавия: «Раса и женщина: ее предпочтение мужчин низшего вида»; «Опасность прав женщин и необходимость высшей морали, основанной на правах мужчин»; «Любовная и сексуальная жизнь блондинов и темнокожих»; «Введение в сексуальную физику»; «Блондины как создатели языка»… Как видно из этих названий, навязчивые идеи бывшего монаха, в сравнении с Листом, были куда фривольнее. Неудивительно, что одной из причин его исключения из Цистерцианского ордена было *amori carnati captus*, что означает попадание в сети плотской любви – по всей видимости, гомосексуальной.

Центральное откровение Ланца состояло в том, что в человечестве между высшими, благородными, богоподобными существами и низшими, безобразными, животноподобными тварями существует пропасть. Этих низших существ он называл чандалами, обезьянцами или *Schrättlinge* – лешими, уродцами. Высшие существа – это «беловолосые арийские героические расы всех народов и наций». Увы, женщины этих возвышенных существ дали себя совратить полукровкам, которые таким образом наслаждались порчей крови благородных рас. Мало-помалу это привело к деградации светловолосого человечества, а следовательно, и всего благородного, чистого, творческого. Бывшие представители высшего человечества стали пародией на самих себя, больше походящими на животных, чем на истинных людей. Грех пришел в мир именно через женщин, ведь они подвержены влиянию животной похоти больше, чем мужчины.

Бредни Ланца не просто циркулировали в узких группах или сектах. У «Остары» был большой тираж и она широко читалась. В идеях Ланца и Листа неприкрыто выражалось чувство расового превосходства, поддержанное дарвинистскими аргументами, а также вдохновленное стремлением к реализации высших идеалов, широко распространенных в то время в Германии и Австрии. Эти чувства были одной из движущих сил фолькистского[6] движения. Позже они станут неотъемлемой частью нацизма.

Здесь необходимо заметить, что несколько авторитетных исследователей склоняются к тому, чтобы поверить утверждениям Ланца: Гитлер в венские годы читал «Остару». Сам Ланц писал в 1932 году: «Гитлер – один из наших учеников»[38]. Как и Зеботтендорфу, эта наглость не прошла ему даром – его заставили замолчать. Как бы то ни было, фактом остается то, что нацизм реализовал на практике множество идей Ланца, в особенности это касается Черных рыцарей – СС Гиммлера. Ланц фон Либенфельс тешил себя картинами огненного холокоста – когда эти полукровки, недолюди, будут в огромных кострах

приноситься в жертву богам. «И под ликование богоподобных людей мы завоюем всю планету»[39], – писал он.

Germanenorden [Орден германского народа]

Как раз около 1880 года – водораздела в культурной истории Европы – самосознание германцев (если не сказать, их мания величия) приобрело гипертрофированные формы. Благодаря искусному правлению Бисмарка им удалось в 1871 году создать германское государство, которое они называли Вторым рейхом. (Первый рейх, Священная Римская империя германской нации, закончила существование в 1806 году.) Но чем больше немцы убеждались в исключительном превосходстве своего народа и, в особенности, в превосходстве своей расы, тем легче им было презирать другие народы, которые, с их точки зрения, Создатель одарил не так щедро. Здесь нужно заметить, что в те годы даже верующие легко принимали дарвинизм – им как-то удавалось совмещать мировоззрение, основанное на власти случая, с идеями о всемогуществе Бога и Провидения. А социальный дарвинизм был прекрасным дополнением к расизму, придавая ему новый импульс.

В этом описании германского самосознания нет ни капли преувеличения, что можно продемонстрировать, процитировав параграф из листовки, распространявшейся *Germanenorden*: «Самая высокоталантливая и одаренная раса – это раса нордическая или арийско-германская. В наиболее чистой форме она характеризуется следующими внешними признаками, отличающими ее от всех других рас: светлые волосы, голубые глаза, розовато-белый цвет кожи и благородная осанка. Согласно последним исследованиям, эта раса с древнейших времен была единственным создателем и выразителем благороднейших моральных идей и всех высших форм культуры. Благодаря своим прирожденным умственным способностям, богатству чувств, чести, чувству справедливости и милости, а также благодаря своей творческой силе и созидательным способностям именно этой древнейшей расе предназначено быть вождем всего человечества»[40]. Это было фундаментальное верование всех германских националистов и пангерманистов, именно это убеждение толкало нацистов к власти, а немецкие армии – к завоеванию всего мира.

И если германцы лучшие из всех, если это народ божественных избранников, то они, естественно, могли чувствовать неудобство от присутствия людей, чуждых телу их

германской, нордической, нордо-германской или арийско-германской расы. Эти чужаки были с ними веками: предприимчивые, сообразительные, порой пробиравшиеся в самые высокие слои общества, – речь идет о евреях, одном проценте населения Германии. Как и жители других европейских стран, немцы имели давнюю и глубоко укоренившуюся традицию антисемитизма, столетия назад занесенного сюда христианством. А христианство учило, что евреи убили вочеловечившегося бога и в наказание за то рассеяны по лицу всей земли. Чем больше раздувалось германское эго, тем меньше оставалось места для «чужаков», а антисемитские чувства разгорались все жарче и становились все заразнее.

На этой благодатной почве родился *Germanenorden*, детище инженера-механика Теодора Фрича (1852—1933). Некоторые считают Фрича «самым значительным антисемитом до Гитлера»[41]. Именно он составил в 1887 году «Катехизис антисемита». Двадцать седьмое издание этой книги вышло в 1907 году под названием «Справочник по еврейскому вопросу». До конца Третьего рейха он оставался настольной книгой и источником вдохновения для всех, кто ненавидел евреев. В 1889 году Фрич основал Антисемитскую народную партию. В 1902 он стал издавать журнал «Молот», который пользовался таким успехом, что ассоциации Молота стали появляться по всей Германии. Именно на эти ассоциации опирался Фрич, основывая *Germanenorden* в 1912 году. «Самыми важными распространителями идей Листа по ту сторону границы [между Австрией и Германией] были члены обществ Листа в Германском рейхе, вовлеченные в ассоциации Молота и *Germanenorden*»[42], – пишет Гудрик-Кларк. Разнообразные инициативы Фрича находили в Германии широкий резонанс. Его влияние было огромным. Именно этот человек превратил широко распространенные, но туманные антисемитские чувства в четко сформулированные концепции, лозунги и действия.

Орден германского народа (*Germanenorden*) был организацией, параллельной ассоциации Молота, фактически ее тайным близнецом. Детлев Розе сообщает: «Активисты из *Germanenorden* основали первую антисемитскую ложу, первое тайное общество для противодействия тайным еврейским обществам… Собирая информацию, раздавая инструкции, они стремились завоевать влияние и вернуть в германские руки контроль над судьбой германских стран»[43]. Предполагалось, что существуют тайные еврейские общества, нацеленные на захват власти над миром и в особенности над Германией. Эти слухи получили широкое распространение еще до того, как начали свою

разрушительную карьеру «Протоколы сионских мудрецов».

Поразительно, что *Germanenorden* был организован в виде лож – несмотря на то, что франкмасоны окажутся главной мишенью всех прогерманских организаций и, главным образом, нацистов. Причина этой ненависти была в том, что франкмасоны искали свое вдохновение в идеях Просвещения и, следовательно, были интернационалистами по духу. Из этого фанатичные германцы заключили, что франкмасонство является не чем иным, как инструментом еврейской мировой гегемонии. Согласно их логике, во-первых, сама эпоха Просвещения была попыткой евреев завоевать власть над умами людей, навязав им руководство разума. Во-вторых, интернационализм – равно как и демократия, индивидуализм, либерализм и социализм – является порождением Просвещения и потому находится под прямым или косвенным контролем мирового еврейства. Если следовать этой логике дальше, то скоро можно прийти к заключению, что евреи являются причиной всех страданий в этом мире. Почтенный господин профессор Трейчке даже создал подходящую формулу: «Наша беда – это евреи».

В своем подражании масонству Орден германского народа пошел еще дальше, практикуя ритуалы, которые постороннему наблюдателю могли бы показаться несколько странными. Например, существовал ритуал «Возвращение блудного ария в германское лоно»[44]. Магистр ложи, который должен был принять блудного ария на свои колени, сидел под балдахином. По сторонам его стояли два рыцаря в белых одеждах и рогатых шлемах, опираясь на мечи. Братья из ложи стояли перед ним полукругом, тогда как с заднего плана доносилась музыка – играла фисгармония или фортепиано, аккомпанируя хору лесных эльфов. Братья пели «Хор пилигримов» из вагнеровского «Тангейзера». Весь ритуал должен был проходить при свечах. И так далее. Это показывает, что *Germanenorden* все еще находился в плену наивных фантазий о мифическом прошлом. Создать новую культуру и новые мифы не так-то просто. Гитлер сделает это куда эффективнее.

И все же несмотря на то, что некоторые аспекты *Germanenorden* кажутся немного детскими, антисемитизм, который он исповедовал, был фанатичным, агрессивным и смертоносным. Этот орден был школой ужасов, совершенных нацистами. Именно в тайных глубинах этого ордена формировались эскадроны убийц. Согласно Герману Гилбхарду, «из рядов *Germanenorden* выходили крайне опасные террористы, что доказывает убийство Маттиаса Эрцбергера[7] : оба стрелявших в бывшего министра финансов в августе 1921 года, а также

Манфред фон Киллингер, отдавший приказ об убийстве, состояли не только в организации «Консул» в Мюнхене, но и входили в *Germanenorden* в Регенсбурге…»[45]

Разлады и расколы в оккультных организациях случаются часто. Видимо, дело здесь в том, что оккультная реальность постигается на личном субъективном опыте, – но как решить, кто из руководителей организации обладает высшими или глубочайшими субъективными переживаниями? Осенью 1916 года *Germanenorden* разделился на две организации: руководителем одной был Филипп Штауфф, бывший личный ученик Гвидо фон Листа, другую возглавил Герман Поль. Поль назвал подвластную ему часть «*Germanenorden-Walvater*» в честь Вотана (или Одина), «нордического Всеобщего Отца или *Walvater*, дающего людям героическую смерть на *Walstatt*, поле сражения»[46].

И именно здесь мы вновь встречаемся с еще одним персонажем нашего повествования – Рудольфом фон Зеботтендорфом. Дело в том, что Зеботтендорф вступил в контакт с Полем и, по всей видимости, имел такие убедительные «верительные грамоты», что вскоре после раскола тот назначил его главой баварского отделения *Germanenorden-Walvater* в Мюнхене.

Рудольф фон Зеботтендорф

Адам Гаулер, иначе Рудольф Фрайхер фон Зеботтендорф фон дер Розе, родившийся в 1875 году, был сыном машиниста паровоза. Машины и всяческая техника интересовали сына так же, как и отца. Адам стал умелым техником. Он даже пытался учиться на инженера, но не закончил курса. Он стремился увидеть мир и нанимался техником на корабли, державшие курс в Австралию, Нью-Йорк или Неаполь. Не колеблясь, он переходил с одного корабля на другой, если тот шел по более заманчивому маршруту. В 1900 году в Австралии он даже занялся золотоискательством, но был вынужден оставить эту затею из-за смерти компаньона. Вскоре Гаулер находит работу на корабле, который привозит его в Египет. Именно в Каире его жизнь вступает в новую фазу: в тени пирамид он заинтересовался реальностью, лежащей за внешней видимостью вещей, – тем, что обычно называют «оккультизмом».

«Гаулер начал серьезно изучать оккультизм, – пишет Гудрик-Кларк. – Его интерес к эзотерике проснулся в июле 1900 года, когда он увидел вертящихся дервишей из секты Мевлевийя и

посетил пирамиду Хеопса в Гизе. Его спутник Ибрагим рассказал ему о нумерологическом и космологическом значении пирамид и заинтересовал его тайными знаниями, которыми владели древние теократические государства. Гаулер гостил у Гуссейна Паши – человека богатого и ученого, практиковавшего суфизм, который обсуждал с ним эти темы. В Бурсе он познакомился с семейством Термуди… Старик Термуди отошел от дел и целиком посвятил себя изучению каббалы и собиранию алхимических текстов и текстов розенкрейцеров… Все Термуди были масонами… Гаулер был принят в ложу стариком Термуди, а позднее унаследовал его оккультную библиотеку. В одной из этих книг Гаулер нашел заметку Гуссейна Паши, где тот описывал традиционные тайные мистические техники исламских алхимиков, все еще практикующиеся в секте дервишей, называемой Бекташи»[47].

В 1902 году Гаулер возвращается в Германию, но остается привязанным к Турции – еще и потому, что его женитьба и финансовые дела в Германии пошли неудачно. К концу 1908 года он вновь возвращается в Турцию, где «продолжает изучать исламский мистицизм, который, с его точки зрения, имеет общие арийские корни с германскими рунами». Одним из результатов этих исследований стало эссе о дервишах Бекташи, «парадоксальном мистическом ордене, широко распространенном и влиятельном в Турции, который легенда связывает с происхождением янычар»[48]. Тайная организация Бекташи напоминала масонскую, она сыграла важную роль в переходе от абсолютистского Османского государства к современной Турции – к тому времени младотурки революционным путем установили конституционную монархию и парламентское правление. Гаулер, по его собственным словам, стал турецким подданным в 1911 году и был усыновлен жившим в Турции германским бароном Генрихом фон Зеботтендорфом фон дер Розе, имя которого он и принял.

В 1913 году, незадолго до начала Первой мировой войны, Зеботтендорф вновь вернулся в Германию. Он увидел «материалистическую страну без всяких ориентиров, которая, казалось, находилась на грани духовного коллапса… Исчезли старые простые нравы и обычаи, люди пытаются забыться в оргии потребления. Церкви пусты, они уже не поддерживают ничьей веры. Везде разлит яд зависти и ненависти… В обществе полно ложных пророков и спиритических кружков, где “истеричные женщины” и “анемичные юнцы” ищут утешения, но вместо этого попадают в сети к обманщикам. “Не было такой глупости, в которую хоть кто-нибудь не верил бы”»[49].

Что же сделало Зеботтендорфа, впитавшего оккультную

традицию Ближнего Востока, страстным германским националистом и антисемитом? Быть может, это началось просто с внутренней дисциплины, с привычки к концентрации, с осознания элементарной иерархии невидимых вещей, присущей всякому истинному духовному поиску. Он не принял западный образ жизни, но в своем отвержении пошел по тому же пути, что и фолькисты, – обратился к прошлому, концентрируясь на свете, исходящем из «германской души». «Политические воззрения Зеботтендорфа имели главным образом религиозный источник – это антиматериализм османского мистицизма, алхимия, розенкрейцеры; затем к этому добавилась послевоенная ненависть к большевизму, который он считал кульминацией материализма. Все это привело к тому, что он обратился к антидемократическим идеям»[50]. Такая направленность ума сделала Зеботтендорфа восприимчивым к писаниям Гвидо фон Листа и Йорга Ланца фон Либенфельса (истинные имена которых – Гвидо Лист, без благородной частички «фон», и просто Георг Ланц).

Зеботтендорф, как и Лист, был очарован рунами. Ученые считают, что появление фонетического рунического алфавита относится к первым векам нашей эры и что он, вероятно, произошел от этрусского письма. Найдено множество древних рунических надписей, особенно в Скандинавии. «Историки в большинстве своем сходятся в том, что руны обладали символическим смыслом и помимо своего фонетического значения и использования в письме широко применялись в гаданиях, при бросании жребиев, в магических заклинаниях, при изготовлении амулетов и талисманов»[51]. Лист много писал о рунах. Он провозгласил, что в действительности это символические знаки арманийцев (*Armanen*) – древних арийско-германских посвященных и богоподобных людей прошлого. Именно этот предмет и свел вместе Зеботтендорфа с Германом Полем, новоиспеченным Великим Магистром *Germanenorden-Walvater*.

Теперь мы имеем некоторое представление о «верительных грамотах» Зеботтендорфа, которые так впечатлили Поля, что тот поставил его во главе баварского отделения ордена. В ближайшее время – между 1921 и 1923 годами – Зеботтендорф напишет две полуавтобиографические новеллы и целых семь учебников по астрологии. В то время в Германии насчитывалось «больше астрологов на квадратный километр, чем где-либо в мире», и между тем он был одним из самых авторитетных. Если добавить к этим работам его эссе о дервишах Бекташи и многочисленные заметки в изданиях, выпускавшихся под его контролем, придется

признать, что Зеботтендорф – человек незаурядный. Это подтверждается и тем фактом, что в мюнхенское отделение ордена вступило множество очень заметных людей из высшего общества. Поэтому можно с некоторым скепсисом отнестись к утверждениям вроде того, что «[Зеботтендорф] был политиканом с темным прошлым» (Фест[52]), или к названию главы о Зеботтендорфе в книге Детлев Розе: «Искатель приключений из Хойерсверды [место его рождения][53]». Заявления такого рода просто вешают на Зеботтендорфа ярлык, что мешает более глубокому пониманию этого человека. Заключение Гудрик-Кларка, который был лучше информирован, заслуживает большего доверия: «Не будь этого человека, вероятнее всего, и *Germanenorden*, и ариософия были бы преданы забвению»[54].

Общество Туле

Когда Зеботтендорф принял руководство баварским отделением ордена (в 1916 году), весь *Germanenorden-Walvater* находился не в лучшей форме. «Великая война» была тогда в самом разгаре. Ее надеялись завершить за несколько недель или месяцев, однако она превратилась в нескончаемый ад на фронте и привела к непрекращающимся лишениям в тылу. Многие члены *Germanenorden* попали на фронт, идеи каждого подвергались суровой проверке. Гудрик-Кларк пишет, что в то время орден «дышал на ладан». Это же подтверждает и Зеботтендорф, говоря, что члены ордена, оставшиеся в тылу, должны были приложить все усилия, чтобы «вновь вернуть орден к жизни»[55]. Однако Зеботтендорф, как оказалось, был активным и вдохновенным организатором. В самый короткий срок баварское отделение насчитывало уже 1500 членов, из которых 250 приходилось на Мюнхен.

Великий Магистр Зеботтендорф избрал для мюнхенского филиала новую резиденцию: престижный отель *Vier Jahreszeiten,* «Четыре времени года» (этот отель до сих пор один из лучших в городе). Торжественное открытие новой резиденции пришлось на Рождество 1917 года. В ознаменование этого события Зеботтендорф начал издание двух журналов, одного с типичным названием «Руны», – для симпатизирующих и для друзей ордена и другого, под названием «Новости Ордена», – для посвященных членов. Зеботтендорф, у которого водились деньги – он женился на дочери богатого дельца, – также приобрел влачившую жалкое существование газетенку *Münchener Beobachter,* «Мюнхенский обозреватель». Позже она будет переименована в *Völkischer*

Beobachter и станет ведущей газетой нацистов. Эмблемой мюнхенского отделения ордена (то есть общества Туле) стала свастика, увенчанная дубовыми листьями, с мечом на заднем плане.

Были определены следующие установки и цели *Germanenorden*:

1. Член ордена должен быть немцем, «который может доказать чистоту своей крови до третьего колена, что пресечет возможность того, что в орден просочатся евреи»;

2. «Особая важность придается пропаганде расовой науки», понимаемой в дарвинистском смысле;

3. «Принципы пангерманизма должны быть применены ко всей германской расе; нужно готовить объединение всех людей германской крови»;

4. «Со всевозможной энергией необходимо вести борьбу против всего антигерманского, борьбу с интернационализмом, борьбу против еврейства в германцах».

Члены ордена также должны были подписать бумагу, свидетельствующую о чистоте их крови: «Нижеподписавшийся заявляет, что, насколько ему известно, в жилах его и его супруги течет кровь без всякой еврейской или цветной примеси; он также свидетельствует о том, что среди его предков не было представителей цветных рас»[56].

При этом Зеботтендорф дал новое имя мюнхенскому филиалу ордена. Теперь он стал называться *Thule-Gessellschaft*, то есть общество Туле. С тех пор тайный *Germanenorden* начнет открыто действовать под этим подставным именем. «Так как на смену тайным ритуальным действам *Germanenorden* пришли явные собрания крайне правого направления, термин «общество Туле» был принят в качестве «прикрытия» для ордена – с тем чтобы не привлекать к нему внимания социалистов и прореспубликанских элементов», – объясняет Гудрик-Кларк[57]. Новое имя звучало, по словам Зеботтендорфа, «достаточно загадочно», и в то же время «те, кто был в курсе, понимали, что это такое»[58]. Генеалогия общества Туле не оставляет никаких сомнений: имперская *Reichshammerbund* (ассоциация Молота) Фрича создала тайную параллельную организацию *Germanenorden* (Орден германского народа), а мюнхенский филиал его баварского отделения принял имя «общество Туле». В Баварии слова *Germanenorden* и общество Туле означали одно и то же.

Туле, упоминаемая некоторыми античными историками, – это мифическая страна где-то за Британскими островами, лежащая в затянутых туманами районах вечного льда и снега, где-то неподалеку от Северного Полюса, а может, и на нем самом.

Романтическое воображение фолькистского движения превратило эту мифическую страну в «тот самый Север»[59]. Туле стала «родиной души нордической расы… памятью о рае…» (Зюннер[60]) и отождествлялась с «загадочной родиной ариев – сверхчеловеческой расы с божественными способностями, обладавшей знаниями, утраченными современным человеком»[61]. Одним словом, все мечты, все нереализованные желания проецировались назад, в мифическое прошлое, в эту легендарную страну, со страстным стремлением к тому, чтобы германский народ реализовал все это в будущем. «В то время Туле было выражением духовных устремлений многих немцев, явившихся реакцией на современные тенденции, непонятные и пугающие: экономический либерализм, материалистический утилитаризм и научный позитивизм… Туле было символом отрицания жизни – символом вечности и успокоения, символом смерти и одновременно победы над смертью в источнике расы»[62].

Слово «Туле» содержало и намек на Атлантиду, которая то и дело является если не из океанских вод, то из водоворотов человеческой памяти. Согласно Крису Амери: «В глубинах подсознания все немцы одной ногой стоят в Атлантиде». «Нордический расистский миф об Атлантиде понимался тогда как указание на общий источник германской культуры»[63]. Все это имеет отношение к нашему повествованию, что подтверждают следующие строчки, написанные Зеботтендорфом: «Нас пытаются убедить – и мир все еще верит этому, – что (арийцы) появились на азиатских возвышенностях или в Месопотамии. Говорят, что свет пришел с Востока. Но недавние исследования показали, что это предположение ошибочно: корни создателей культуры находятся в северной Европе, на севере Германии. Именно отсюда с темных доисторических времен до наших дней, волна за волной шли потоки оплодотворяющей германской крови, неся всему миру культуру»[64]. Это было не просто его личное мнение. Подобные мысли в XIX веке высказывались многими видными публицистами, учеными, а также писателями. К первой декаде XX века для участников фолькистского движения и расистски ориентированных германцев эти идеи приобрели истинность Святого Писания. Гитлер, например, придерживался в точности тех же самых взглядов, равно как и Альфред Розенберг, ответственный в Третьем рейхе за официальную нацистскую идеологию.

Воображение людей, увлеченных фолькистским движением, легко отзывалось на слово «Туле» еще и вот по какой причине: издатель Юген Дидерихс избрал это слово в качестве названия серии книг, где публиковались переводы северных мифов и саг –

Sammlung Thule («Собрание Туле»). Эта серия, состоявшая из двадцати четырех томов, печаталась с 1911 года. Публикация тщательно подобранных книг или целой серии – по доступным ценам – является одним из самых действенных методов распространения какой-либо идеи. Широкая публика впервые смогла читать и изучать Эдду, другие нордические мифы, легенды, песни и эпосы. Инициатива Дидерихса значительно способствовала тому, что «германский ум повернулся к Северу» и отошел от Востока, а что еще важнее – от южной Европы и в особенности от Рима, символа древней Римской империи, ее культуры, а также от католической церкви. «Туле – это не прошлое. Туле – это вечная душа Германии», провозглашали проспекты Дидерихса[65].

«Для многих общество Туле стало прибежищем, – вспоминает Зеботтендорф. – В Мюнхене не было ни одной организации, представлявшей национальные интересы, которая не нашла бы приюта в Туле»[66]. Принимая во внимание то, что Мюнхен с его пивными залами и пивной культурой был (да и сейчас остается) городом, в котором общение и вечеринки являются образом жизни и «все друг друга знают» – важный фактор в появлении нацистского движения, – в столице Баварии общество Туле должно было обладать серьезным весом.

Для пропаганды своих идей Туле организовывало националистические и антисемитские общества, но помимо этого оно занималось и разнообразной внутренней деятельностью – ведь и зарегистрировано оно было как «группа по изучению германских древностей». Читались лекции по рунам, по германской истории и доисторической эпохе, лекции об Эдде и о Песне о Нибелунгах, а также на другие фолькистские темы, которые признавал и поддерживал *Germanenorden*. Изучалась астрология, нумерология, использование маятника и лозоискательство. Проводились вечера искусства, вечера инструментальной и вокальной музыки. Отмечались важные даты германского календаря, прежде всего зимнее и летнее солнцестояние. И все это – в клубах дыма от сигарет и сигар, подкрепляясь сосисками и пивом.

Но у Туле была и другая сторона – оккультная деятельность, скрывающаяся за этим шумным фасадом, ведь это общество было тайным – его члены давали клятву молчать[67]. Здесь проходили псевдо-масонские ритуалы *Germanenorden-Walvater* «“Возвращение блудного арийца в Хальгадом”, регулярные собрания, на которых проводился инструктаж членов, обсуждались предложения по внешней работе или осуществлялись продвижения по иерархической лестнице. Также проходили собрания членов Туле,

увлеченных оккультизмом того или иного рода». Нам известно ближневосточное прошлое Зеботтендорфа – его, безусловно, просили поделиться своими знаниями. Вальтер Наухауз, его близкий сотрудник, читал «“исследования” Гвидо фон Листа, издания по астрологии, хиромантии и книги Перит Шоу. В письме к Листу он признавался, что интересуется каббалой, индуистскими и древнеегипетскими верованиями. Как и Зеботтендорф, Наухауз увлекался мистическими учениями древних теократий и тайных культов»[68].

Отклик происходившего тогда в Туле можно найти и в мемуарах Вальтера Шелленберга, главы внешней разведки СС: «Расовая мания Гитлера была одной из характерных его черт. Я несколько раз обсуждал это с Гутберлетом, мюнхенским врачом, входившим в круг его приближенных. Гутберлет верил в какой-то “звездный маятник” – некое астрологическое приспособление – и утверждал, что оно дает ему способность немедленно чувствовать присутствие еврея или людей с примесью еврейской крови и находить их в любой группе людей… Гитлер… часто обсуждал с ним расовые вопросы»[69]. Доктор медицины Вильгельм Гутберлет упоминается в списке, приведенном Зеботтендорфом в книге «Еще до Гитлера», – он был членом одного из двух подразделений Добровольческого корпуса, созданных Туле. Его однополчанином был и некий Рудольф Гесс.

Принимая все это во внимание, едва ли можно сомневаться в том, что существенной сферой интересов Туле был спиритизм. Филипп Штауф, один из основателей *Germanenorden*, «участвовал в серии спиритических сеансов, в которых, якобы, устанавливался контакт с давно умершими королями-священниками древней религии»[70]. В Германии того времени интерес к вызыванию духов достиг рекордного уровня – многие пытались утешиться, связываясь с отцами, сыновьями или братьями, павшими на поле боя. Кроме того, тогда спиритизм был не просто погоней за леденящими кровь ощущениями, как это принято считать сейчас, – он был поиском «новых форм трансцендентного опыта», основанного на холистической интерпретации реальности[71].

В уже упоминавшейся книге («Еще до Гитлера») Зеботтендорф воспроизводит ряд своих работ, публиковавшихся в изданиях Туле. Достаточно нескольких коротких цитат: «Немцу нужен фюрер, который навязывал бы ему свою волю… Мы не признаем братства между народами, мы признаем интересы нашей расы. Мы признаем не братство людей, но братство крови… Борьба – отец всего… Мы больше не желаем быть наковальней, мы хотим стать молотом [намек на *Hammerbund* – ассоциацию Молота Фрича]… Демократию выдумали евреи, и

любая демократическая революция – дело их рук… Существуют высшие и низшие расы. И если кто-то приписывает равную ценность расовым ублюдкам, чандалам и благородному народу ариев, он совершает преступление против человечества. Для восходящей эволюции человечеству нужны люди-вожди и расы-вожди…»[72] Зеботтендорф гордо добавляет: «Ничего подобного в Мюнхене раньше не слышали». Позиция, занятая Туле, пишет он, представляет собой «фундаментальное изменение отношения германцев к еврейской проблеме… Современные исследования и имеющиеся факты не оставляют сомнения в том, что еврейская проблема – это проблема расовая, а не религиозная. Вот в чем вопрос: допустим ли мы, германские братья-по-расе (*Volksgenossen*), чтобы в будущем над нами политически, культурно и экономически доминировало меньшинство людей чуждой расы, меньшинство, осознающее себя таковым, держащееся в стороне и тщательно охраняющее чистоту своей крови законом и религией – что для еврея одно и то же?»[73]

Война подходила к концу – назревала революция. В первые дни ноября 1918 года моряки германского флота, стоящего в Киле и в Вильгельмсхафене, следуя примеру русских моряков из Кронштадта, отказались подчиняться офицерам и восстали. Моряки расходились по стране, убеждая население присоединиться к их протесту против войны, против ее поджигателей, против ее катастрофических последствий для Германии. Они подняли красный флаг, проповедуя мировую революцию пролетариата. 7 ноября Курт Эйснер перед огромной толпой народа на *Theresienwiese* (большом открытом пространстве) в Мюнхене провозгласил Баварию социал-демократической республикой. Король Баварии Виттельсбах отрекся от престола и удалился в изгнание. 11 ноября Германия сложила оружие. Ее «попытка захватить мировую власть» провалилась, «война иллюзий» была проиграна. Удар по немецкой психике, по чувству немецкого превосходства был ужасающим. Обществу Туле пришла пора доказать, что оно способно на что-то большее, чем высокопарные воззвания.

Зеботтендорф немедленно ответил на революционную ситуацию в речи, обращенной к членам Туле: «Мои братья и сестры! Вчера мы стали свидетелями того, как рушилось все, что было нам привычно, что мы любили и ценили. Вместо принцев, связанных с нами кровью, над нами царит Иуда – наш смертельный враг. Мы не знаем еще, что разовьется из этого хаоса. Об этом можно лишь гадать… Все мы, участники этой борьбы, подвержены опасности, ведь враг ненавидит нас безграничной ненавистью иудейского племени. Теперь – око за

око, зуб за зуб… И пока я держу в руке этот молот (Великого Магистра), Туле будет бороться… С сегодняшнего дня мы начинаем действовать…»[74]

И они начали. Герман Гилбхард пишет: «Во времена Германской революции Туле собрало под свою крышу практически все националистические и антисемитские силы Мюнхена»[75]. С ним соглашается Детлев Розе: «Общество Туле стало центральной организацией, объединяющей пангерманские, патриотические и им подобные ассоциации. Оно пыталось предоставить убежище всем группам, оказавшимся под угрозой в разразившейся политической буре… Его роль в это смятенное время была крайне важна… К отелю *Vier Jahreszeiten* сходилось множество невидимых нитей»[76].

Для борьбы с красными общество Туле развернуло пропагандистскую кампанию, печатая десятки тысяч листовок, что было одним из главных инструментов политической борьбы в то время – тогда средства массовой информации еще не стали тем, чем они являются сегодня. Покупалось и пряталось в тайниках оружие, ставшее легко доступным с тех пор, как армия вернулась с фронта. В самые первые республиканские дни Туле сформировало военизированный *Kampfbund Thule* (Боевой союз Туле). Вскоре общество создаст еще одну боевую единицу – *Freikorps Oberland.* Эти два отряда Добровольческого корпуса находились под командой демобилизованных офицеров, за плечами которых были годы фронтового опыта. Позже эти отряды отличатся при свержении Мюнхенской Республики Советов, а также в борьбе с большевиками в районе Прибалтики. 21 февраля 1919 года был убит Курт Эйснер, как раз тогда, когда он собирался оставить президентский пост. Предполагают, что его убийца Антон фон Арко ауф Валлей был связан с обществом Туле.

Особенного накала контрреволюционная борьба достигла, когда на смену социалистам Эйснера пришли коммунисты, провозгласившие Республику Советов и усилившие атмосферу хаоса. Большевики бросали вызов буквально каждому пункту программы Туле. Они не колеблясь реквизировали, обыскивали, арестовывали и убивали. Трагикомическая цепь ошибок привела к тому, что семь членов Туле были арестованы и казнены. Одним из погибших был Вальтер Наухауз – тот самый, что предложил свастику в качестве эмблемы общества. Среди других были барон Карл фон Тойхерт, графиня Хейла фон Вестарп и князь Густав Мария фон Турн унд Таксис. Восьмым казненным был профессор Эрнст Бергер, еврей, попавший в эту компанию антисемитов по ошибке. Он настаивал на том, чтобы их вели к месту казни, думая, что их поведут допрашивать и там ему удастся объяснить,

кто он такой. Весть об этой казни скоро достигла подразделений рейхсвера и Добровольческого корпуса, окруживших Мюнхен. При взятии города коммунистов не щадили.

Зеботтендорф оставил свой пост Великого Магистра общества Туле немедленно после того, как закончились революционные события, длившиеся в общей сложности шесть месяцев – с ноября 1918 по май 1919 года. Сам он объясняет это так: газета социалистов *Münchener Post* напечатала памфлет, обвинявший его в том, что он, живущий под чужим именем, трусливо оставил Туле в разгар террора, получил турецкое гражданство с тем, чтобы не попасть на фронт, таскал деньги из общей кассы, и так далее[77]. Зеботтендорф утверждал, что отказался от защиты, чтобы не раскрылись секреты ордена. Он предпочел удалиться. «Чтобы не повредить нежное растение, нужно было уехать». Под «нежным растением» подразумевалось одно политическое движение, созданное с его помощью. Что и подводит нас к следующей главе.

3. Ментор

Германская душа, подобно свету солнц,
Новой зарей завоевывает ночь!

Дитрих Эккарт

Туле идет в народ

Реакционеры ненавидели социал-демократов и страшились их подъема, но даже Бисмарку не удалось предотвратить его. В 1912 году социалисты получили в парламенте 110 мест – больше, чем какая-либо другая партия. В 1914 году на волне всеобщей эйфории, вызванной началом войны, социал-демократы на время позабыли о своем принципе интернационализма и предали его. Однако война обманула их ожидания, и под давлением коммунистов и событий в России 1917 года большинство вернулось к первоначальным идеалам. Начиная с революции 1918 года, превратившей Германию в республику, страна оказалась расколотой на два враждебных блока и «угроза гражданской войны нависла над Германией, как грозовая туча»[78].

Общество Туле – «вероятно, самая могущественная тайная организация в Германии»[79] – хорошо понимало возможные катастрофические последствия этого разрыва между правыми и левыми и попыталось бороться с этим. Нужно было завоевать расположение рабочих, обратить их к националистическим идеалам. В приведенных ниже словах Гитлера из «Майн Кампф» слышится отзвук этих забот Туле: «Буржуазия недооценивала важность масс и, следовательно, важность социальной проблемы. В результате буржуазия способствовала отчуждению рабочих от их собственной расы (*Volkstum*), направив их в объятия еврейско-марксистских вождей. Это непростительная ошибка… Для успеха партии решающее значение имеет ее способность поддерживать связь с массами»[80].

Быть может, мысль о том, что рабочих совершенно необходимо привлечь в националистический (и антисемитский) лагерь, была подсказана обществу Туле политически активными элементами рейхсвера – такими, как генерал Арнольд фон Мёхль или капитан Карл Майр. «Между рейхсвером и Туле существовали личные и идеологические связи»[81], – говорит Орцеховски. Это подтверждает и Иоахим Кёлер: «Майр был доверенным Ордена»[82].

Действительно, между всеми правыми активистами, к каким бы организациям они ни принадлежали, существовали прочные взаимоотношения. Рейхсвер, *Germanenorden*, Пангерманская лига и Добровольческий корпус работали вместе. В хаотичной и напряженной атмосфере тех дней правые чувствовали, что их держат в осаде «большевистские силы», и считали, что в этой внутренней осаде находится вся германская культура. Гражданская война редко велась в открытую – главным образом борьба проходила между тайными организациями на бесчисленных скрытых фронтах.

Чтобы перетянуть пролетариат на свою сторону, общество Туле к концу 1918 года основало две подставные организации. Первая получила название Германская социалистическая партия, ее пропаганда началась в Рождество. Предполагалось, что она будет политической партией в классическом смысле этого слова, «партией германской, фолькистской и социалистической», партией закрытой для евреев. Ее газетой будет *Münchener Beobachter und Sportblatt*. Название было рассчитано на то, чтобы привлечь людей из низших классов: *Sportblatt* означает «спортивная газета». Председателем новой партии стал Ганс Грассингер, входивший в один из боевых отрядов Туле, *Tule Kampfbund*.

Рождение следующего отпрыска Туле – Германской рабочей партии – общество провело без лишнего шума. Партия была основана 5 января 1919 года, ее немецкой аббревиатурой было DAP. По задумке президента этой партии Карла Харрера (члена Туле), она должна была скорее походить на ложу, тайный фолькистский клуб. Его членами должны быть рабочие, которых знакомили бы там с идеалами Туле. Таким образом, DAP стала бы более элитным рабочим крылом Туле. По иронии судьбы, именно из DAP выросла массовая НСДАП, Национал-социалистическая рабочая партия Гитлера. Впоследствии она поглотит Германскую социалистическую партию, свою старшую сестру.

«Брат» Карл Харрер (1890—1926), «неутомимый борец за правду и справедливость», по профессии был спортивным журналистом. Газета, в которой он работал (*München-Augsburger Abendzeitung*), как-то напечатала заметку в поддержку продолжения войны. Ее автором был некий Антон Дрекслер. В марте 1918 года Дрекслер основал в Бремене Рабочий комитет за справедливый мир и пригласил Харрера на одно из его заседаний. Когда же руководство Ордена поручило Харреру создать инструмент, с помощью которого можно было бы «завоевать поддержку рабочих масс для борьбы за идеалы фолькистской политики»[83], он вспомнил о Дрекслере,

работавшем в то время в Мюнхене слесарем на железной дороге.

Антон Дрекслер (1884—1942) был необычным пролетарием, в особенности если принять во внимание его прошлую деятельность в Бремене, его печатные работы, такие как «Мое политическое пробуждение», и разнообразные политические инициативы. Он стал «гостем» Туле – это означало, что он тесно сотрудничал с Орденом, но не являлся посвященным. Вместе с Харрером он организовал «рабочий кружок», мюнхенским председателем которого стал он сам, Харрер же получил пост «общегерманского руководителя». Членами кружка были главным образом товарищи Дрекслера по работе. «Люди, которые принимались исполнительным комитетом в члены, давали клятву молчать как о деятельности группы, так и о составе ее членов»[84]. Из этого кружка вскоре и родилась DAP. «Германская рабочая партия, по тактическим соображениям, подавалась как личная инициатива Дрекслера»[85]. «На первых порах Германская рабочая партия (DAP) не имела большого влияния и существовала исключительно в Мюнхене. Когда же по воле судьбы осенью 1919 года в ее немногочисленные ряды войдет Адольф Гитлер, произойдет поворот, который обретет огромное историческое значение для немецкого народа»[86].

Капрал вступает в партию

Первый контакт Гитлера с DAP произошел 12 сентября 1919 года. В «Майн Кампф» он рассказывает об этом так: «Однажды я получил от начальства приказ выяснить, что собой представляет некая организация, носившая, по всей видимости, политический характер. Она называлась Германская рабочая партия и должна была вскоре провести собрание, на котором собирался выступать Готфрид Федер. Мне приказали посетить это собрание и доложить о ситуации… Я решил прийти, хотя эта партия была мне совершенно неизвестна»[87]. Эти строчки вошли в гитлеровский миф, внушая мысль о том, что его первый контакт с DAP был чистой случайностью. Однако есть твердые основания считать, что начало политической деятельности Гитлера имело совсем иной характер.

Общество Туле было тайным, тайным был и его рабочий филиал DAP, задуманный Харрером скорее как ложа, а не как обычная политическая партия. В английском переводе «Майн Кампф» есть примечание Ральфа Манхейма: «Составной частью партийной политики было сознательное ограничение членства, чтобы сохранять эзотерический характер общества. Обычно на его

собрания приходили только по приглашению…»[88] Гитлер к тому времени был не только пропагандистом рейхсвера, он был сотрудником военной разведки и одной из его задач был сбор информации о политических интригах в Мюнхене. Каким образом мог он узнать о месте и времени предполагаемого тайного собрания DAP 12 сентября в пивной *Sterneckerbräu*? Более того, как он мог оказаться на этом собрании без приглашения? Тогда он был лишь капралом и все еще носил форму. Более того, он появился на собрании не в одиночку, а в сопровождении еще трех военных, что подтверждают следующие строки Иоахимшталера: «В тот день, в пятницу 12 сентября 1919 года согласно списку присутствовало всего 43 человека. Среди них были сопровождавшие Гитлера сержант Алоис Гриллмейер и два пропагандиста из Груко (*Gruppenkommando*), Эвальд Болле и Алоис Кнодн»[89].

Главным выступавшим на этом собрании был Готфрид Федер, автор «Манифеста борьбы за освобождение от рабства денежного процента» – довольно бредовой теории, которая в то время произвела глубокое впечатление на немецких антисемитов, в том числе и на Гитлера, отметившего: «Лекцию Федера я знал еще со времен курсов [для пропагандистов в Мюнхенском университете]». В действительности же на этом собрании Федер заменял Дитриха Эккарта, «гостя» Туле, недавно ставшего членом DAP и хорошо известного капитану Майру. «Выступать должен был Эккарт, но он заболел»[90]. Там же мы встречаем нашего старого знакомого, изобретателя звездного маятника Вильгельма Гутберлета. «Доктор Вильгельм Гутберлет (1870—1933), практиковавший в Мюнхене, член Туле и известный астролог, [на собрании 12 сентября] сидел рядом с Гитлером, о котором он написал пространный отчет для Дитриха Эккарта»[91].

Под конец собрания Гитлер горячо возразил некоему профессору Бауману, осмелившемуся защищать идею союза Австрии и Баварии против протестантской Пруссии. Возможно, это выступление Гитлера было не таким импровизационным, как он хочет это представить: «Здесь я почувствовал необходимость попросить слова. Я решил сказать ученому джентльмену все, что я об этом думаю. В итоге только что выступавший благородный джентльмен тихонько выскользнул со своего места и, не издав ни звука, исчез, как высеченная дворняжка. Пока я говорил, с лиц присутствовавших не сходило выражение удивления»[92]. Капрал продемонстрировал свои ораторские способности и выдержал испытание. Его пригласили стать членом DAP. Несколько дней спустя он вступит в партию.

В последних исследованиях большинство специалистов по

этому периоду жизни Гитлера сходятся в том, что он вышел на политическую сцену при поддержке рейхсвера и общества Туле. «Когда Гитлер писал главу “Майн Кампф”, посвященную Германской рабочей партии, он хотел скрыть, что инициатива вступления в эту партию исходила не от него», – пишет Ральф Ройт[93]. В этой связи Ян Кершоу ссылается на капитана Майра: «В документе, на который до последнего времени обращали мало внимания, начальник Гитлера по рейхсверу, капитан Майр утверждает, что он *приказал* Гитлеру вступить в Германскую рабочую партию, чтобы содействовать ее росту. С этой целью, продолжает Майр, Гитлеру поначалу помогали деньгами… При этом – несмотря на то, что он вступил в политическую партию – ему было разрешено остаться в армии (что шло вразрез с армейскими традициями)»[94]. Антон Иоахимшталер также говорит о том, что у Гитлера был приказ от Майра ознакомиться с DAP «и даже войти с ними в контакт… Можно считать твердо установленным, что Майр если и не приказывал Гитлеру вступить в DAP, то, по крайней мере, советовал сделать это, а также оказывал щедрую поддержку его политическим инициативам в этой партии и давал ему другие задания»[95]. «Гитлера, представителя рейхсвера, контрабандой протащили в DAP», – пишет Орцеховски и продолжает: «Члены тайного общества Туле помогли Гитлеру прийти к власти»[96].

Все это неопровержимо подтверждается письмами капитана Майра Вольфгангу Каппу, главе правого «капповского путча», произошедшего в 1920 году. (Кроме того, эти письма еще раз подтверждают, что Майр был лишь одним из звеньев широкой националистической сети – между националистическими организациями, противостоящими социал-демократическому правительству, существовала координированная связь.) Здесь Майр пишет, что он встречается с Гитлером ежедневно вот уже в течение пятнадцати месяцев. И продолжает: «Мы создаем радикальную националистическую организацию. Национальная рабочая партия [DAP] должна стать фундаментом мощного штурмового отряда, который мы надеемся создать… С июля (1919 года) я пытаюсь усилить это движение… В этом участвует очень крепкая молодежь… Движущей силой стал Гитлер… Я полностью согласен с господином Гитлером в том, что так называемое правительство социал-демократов находится под еврейским контролем… Все вредные элементы, как источники заразы, должны быть вышвырнуты прочь или изолированы – это относится и к евреям…»[97]

До сих пор широко распространено мнение о том, что первое посещение DAP Гитлером было случайностью. Как мы видим, это

далеко не так. Это подтверждает и анализ некоторых утверждений Гитлера в его автобиографической книге, хотя он и пытается скрыть истину за дымовой завесой. Часто цитируют последние слова из седьмой главы, которая называется «Революция». Здесь он пишет: «Что до меня, то я решил стать политиком»[98]. Считается, что это решение было принято в Пазевалке, в госпитале, под конец периода депрессии, овладевшей им при получении известий о том, что война проиграна, а Германия стала республикой. Эти утверждения не просто ложны, они абсурдны. В Пазевалке он был практически полностью отрезан от общественной жизни. Ему было двадцать девять. Германия проиграла войну, и теперь его армейское геройство ничего не значило. У него не было ни будущего, ни профессии, ни родных, ни друзей, которые могли бы помочь, – и абсолютно никаких денежных средств. Он и сам признает: «Я был беден, без средств, но это еще полбеды. Хуже было то, что я был потерян в толпе безымянных людей – тех миллионов, которые либо перебиваются кое-как по воле случая, либо умирают – и никто и усом не ведет, даже их ближайшие соседи. В дополнение к этому имелась еще одна трудность – недостаток формального образования»[99]. То, что произошло в Пазевалке в действительности, мы попытаемся выяснить позже.

Так или иначе, во внутреннем мире Гитлера произошло судьбоносное превращение, и в сентябре 1919 года он *действительно* входит в политику. Как ни странно, «к моменту вступления в DAP у него уже были очень конкретные представления о целях, которые он собирался преследовать»[100]. «Этот смешной маленький кружок с горсткой членов [DAP], – пишет Гитлер, – обладал, по моему мнению, одним преимуществом: он еще не стал застывшей организацией, он оставлял человеку возможность реальной индивидуальной деятельности. Здесь еще можно было работать. Чем меньше политическое движение, тем легче придать ему необходимую форму. Здесь еще можно задать содержание, цель, пути. В больших устоявшихся партиях это совершенно невозможно»[101]. И он заявляет: «Я не собирался присоединяться к существующим партиям, я собирался основать свою собственную»[102]. Макс Аманн, сержант, товарищ Гитлера по армии, случайно встретился со своим капралом «где-то весной 1920 года». «Он был еще в военной форме, – вспоминает Аманн, – и на мой вопрос о том, что с ним стало, он ответил, что служит в рейхсвере по линии образования… Однако он не был удовлетворен этой работой. Он собирался заняться политикой и основать свою политическую партию»[103]. (Те сведения, с которыми мы уже ознакомились,

позволяют нам уточнить приведенную Аманном дату: эта встреча, по всей видимости, произошла ранней осенью 1919 года.)

Откуда Гитлер взял саму идею основать партию? Он, человек ниоткуда – в чем он прекрасно отдавал себе отчет? «Так называемая “интеллигенция” до сих пор с невероятным презрением смотрит на тех, кто не получил образования в определенных школах, где их могли бы накачать необходимыми знаниями. Вопроса о том, на что человек способен, не задают, спрашивают лишь: что он изучал? “Образованные” ставят любого идиота, облепленного дипломами, выше способнейшего молодого человека, у которого этих драгоценных документов нет» («Майн Кампф»)[104]. Это чувство социальной неполноценности глубоко въелось в Гитлера, и несмотря на свои авторитарные замашки, он всегда косо смотрел на «образованных людей».

Откуда он взял мысль, что «нужно провозглашать новую идеологию, а не новые предвыборные лозунги»? Как вышло, что он, попавший на собрания, где присутствовало максимум тридцать-сорок человек, «с самого начала мыслил в масштабах массовой партии»[105]? Между строк «Майн Кампф» скрываются секреты, частички «тайны», над которой до сих пор бьются историки. Так почему же Гитлеру вопрос о вступлении в жалкую группу правых фанатиков и им сочувствующих казался «труднейшим вопросом жизни», – это ему-то, у которого до сих пор единственной насущной проблемой было как перебиться со дня на день? И разве вопрос о вступлении в политическую партию, затерянную во мраке второсортной пивной, может быть для кого-то «решением, которое принимаешь бесповоротно, раз и навсегда», как писал о себе Гитлер[106]? Человека, который мог бы ответить на все эти вопросы, звали Дитрих Эккарт.

Дитрих Эккарт

Бригитта Хаман в своей капитальной работе «Гитлеровская Вена» (1998) называет Дитриха Эккарта «ближайшим другом и ментором» Гитлера[107]. В этом она не одинока. Действительно, многие исследователи жизни Гитлера утверждают то же самое, используя практически те же самые слова. «Ментор» – смотрим в словаре – это «мудрый близкий советник и руководитель», «мудрый и заслуживающий доверия воспитатель или наставник».

Читая Иоахима Феста, об Эккарте можно получить несколько иное представление: «Неотесанная и комичная фигура, Эккарт, со своей большой округлой головой, с пристрастием к хорошему вину и грубым шуткам, не добился успеха, к которому стремился

как поэт и драматург… В качестве компенсации он вошел в богемный кружок, который играл в политику»[108]. Джон Толанд пишет в том же ключе: «Дитрих Эккарт – поэт, драматург, завсегдатай кофеен для интеллектуалов – был высоким лысым дородным чудаком. Большую часть времени он проводил в кафе и пивных, уделяя равное внимание разговорам и выпивке»[109]. Однако корреспондент *Frankfurter Zeitung* Конрад Хайден, бывший свидетелем и противником подъема НСДАП в Мюнхене, сообщает: «…Признанным духовным лидером небольшой группы [сплотившейся вокруг Гитлера] был Эккарт, журналист и поэт, на двадцать один год старше Гитлера… Он имел на него сильное влияние – быть может, самое сильное, которое кто-либо когда-либо на него оказывал»[110].

В своем «Кризисе немецкой идеологии» Джордж Моссе соглашается с тем, что Дитрих Эккарт был «человеком, который оказывал на Адольфа Гитлера в первые послевоенные годы наибольшее влияние». По его мнению, «эта важная фигура фолькистского движения играла ключевую роль в окончательном формировании мировоззренческих установок Гитлера… Эти двое составляли одну команду, где Гитлер играл роль жадного до знаний и быстро схватывающего ученика». Затем Моссе справедливо добавляет: «Поэтому просто удивительно, что историки до сих пор не уделили должного внимания вкладу Эккарта в укрепление жизнеспособности национал-социализма»[111]. Франсуа Дельпла выражает эту мысль еще резче: «Эккарт историков не интересовал»[112]. В своей биографии Гитлера (1973) Фест посвящает Эккарту одну страницу, Толанд (1976) – полтора абзаца, Кершоу (1998) – также два абзаца, полагая, впрочем, что «роль Эккарта была решающей».

Это белое пятно в жизни Гитлера и истории нацизма удивляет еще больше, когда мы понимаем, что недостатка в документах нет. Объемное литературное и журналистское наследие Эккарта можно было бы изучить, стоило лишь поискать. Эрнст Нольте, один из ведущих немецких историков, обращал внимание исследователей на важность эккартовского «Диалога», так называемого диалога с Гитлером, еще в 1969 году. Биография Эккарта, написанная Маргарет Плевниа, была опубликована в 1970 году. Главным же источником, указывающим на важность Эккарта в истории, был сам Адольф Гитлер. У него мы находим огромное количество ссылок, что особенно бросается в глаза, учитывая то, что Гитлер, как правило, заметал все следы, ведущие в его прошлое до выхода на политическую сцену, зачастую уничтожая и самих людей, связанных с этим прошлым. («Фюрер никогда не мог допустить, что идеи, которые он отстаивал,

получены им от других»[113].)

Гитлер оказал Эккарту величайшую честь – его именем, как торжественным аккордом, заканчивается «Майн Кампф»: «Здесь, в конце второго тома[8] , я хочу еще раз воскресить в памяти наших соратников и борцов за наши идеалы, тех людей, которые совершенно осознано, как герои, пожертвовали своими жизнями ради всех нас… Рядом с этими именами я хотел бы поставить имя одного из лучших людей, человека, который посвятил всю жизнь пробуждению своего народа – нашего народа – как поэт, как мыслитель и, наконец, как боец. Его имя – *Дитрих Эккарт*»[114].

На поступившие от промышленников средства Гитлер приобретет особняк Барлов, расположенный на Бриннерштрассе в Мюнхене. Любимый архитектор Гитлера Пауль Троост (вскоре умерший) перестроит его, превратив в комплекс партийных учреждений – штаб-квартиру нацистской партии. В помещении, названном Залом Сената, были установлены два бюста: один – Отто фон Бисмарка, другой – Дитриха Эккарта. Место в столовой, зарезервированное для фюрера, находилось под бюстом Эккарта.

В своих монологах в штаб-квартире в Растенбурге на Восточном фронте Гитлер упоминает имя Дитриха Эккарта, умершего за двадцать лет до этого, чаще, чем любое другое. Один из секретарей Гитлера сообщает, что у того слезы наворачивались на глаза всякий раз, когда он вспоминал этого человека, которого однажды назвал своим «отеческим другом». «Заслуги Эккарта бессмертны», – говорил он, добавляя: «Какая трагедия, что Дитрих Эккарт не дожил до того, чтобы увидеть этот подъем [Нацистской партии]»[115]. В этих монологах он вспоминает о том, как он открыл для себя – благодаря Эккарту – Оберзальцберг и дом, расположенный неподалеку, ставший впоследствии его знаменитой виллой Бергхоф. Он вспоминает и другой эпизод, как однажды ночью он явился к Эккарту без предупреждения и как тот открыл дверь, одетый в ночную рубашку, из-под которой были видны его волосатые ноги. «Сегодня мы находимся на новом этапе и поэтому не отдаем себе отчета в том, чем [Эккарт] был тогда – он был путеводной звездой».

После пожара в здании рейхстага, когда немецкий парламент провел свое первое заседание в здании Кролл оперы, председатель Герман Геринг открыл сессию речью, посвященной памяти Дитриха Эккарта. Памятник Эккарту в его родном Ноймаркте был открыт лично фюрером. В Берлине был создан театр под открытым небом, названный в честь Эккарта. Общества и дома Дитриха Эккарта создавались повсюду. Его поэмы учили наизусть в школах, а студенты писали курсовые работы о его трудах. В газетах торжественно освещался его день рождения. Его

пьесы, иногда по прямой просьбе фюрера, возрождались в театрах. Посмертно Эккарт стал «фигурой, символизирующей молодую партию [НСДАП]»[116].

Дитрих Эккарт родился в Ноймаркте в 1866 году в семье королевского нотариуса[117]. Он изучал медицину, а также какое-то время, если верить Гитлеру, право – но ему так и не удалось завершить обучение по причине болезни. Слабое здоровье будет преследовать его всю жизнь и сделает его зависимым от обезболивающего средства – морфина. В 1899 году Эккарт переехал в Берлин, где пытался реализовать свои литературные амбиции. Он стал вести богемную жизнь и превратился в завсегдатая литературных кружков и кофеен. Этот образ жизни, а также великодушие и нерасчетливость Эккарта – переходящие порой в расточительность – привели к тому, что отцовское наследство утекло сквозь пальцы, и берлинский период его жизни стал «двенадцатью голодными годами». Именно тогда он написал большую часть своих пьес: «Отец семейства», «Малый не промах» и «Король лягушек». Их ставили, но они не пользовались заметным успехом. Он добывал средства к существованию, работая репортером, печатая очерки, литературные и поэтические. Кроме того, он писал стихи – поэтом-то он по существу и был.

Затем к Эккарту пришел успех. Случилось так, что на одной из постановок его пьесы «Наследный граф» присутствовал сам император Вильгельм II. Пьеса так ему понравилась, что он явился и на следующий спектакль. В тот же период переработанная Эккартом пьеса Ибсена «Пер Гюнт» добилась беспрецедентного успеха – она стала самой играемой пьесой «Хофбюна», Придворного театра, которому покровительствовал император. Через некоторое время император лично получил Эккарту написать пьесу по случаю брака его дочери с герцогом Брауншвейгским. Премьера этой пьесы – «Генрих Гогенштауфен» – состоялась в 1915 году.

В 1915-м – второй год Великой войны – Эккарт перебрался из Берлина в Мюнхен, где чувствовал себя уютнее. Он активно участвовал в политических кружках и ввязывался в журналистские свары с левыми газетами – в первые годы войны он стал ярым националистом и неистовым антисемитом. Причины, приведшие к такой зловещей перемене в его мировоззрении, неясны. Едва ли это можно объяснить реакцией на неприятие некоторых его пьес или на нападки критиков. Гораздо вероятнее, что причиной стали контакты с кружками и группами, подобными обществу Туле. Эккарт упоминается в качестве «гостя» Туле в книге «Еще до Гитлера». Многие новые

черты мышления Эккарта согласуются с идеологией Туле, изложенной Зеботтендорфом в той же книге. Зеботтендорф и Эккарт были знакомы, что подтверждают слова самого Зеботтендорфа в том месте, где он пишет о выходе в свет эккартовского журнала «Простым немецким»: «Начало издания этого журнала привело к тому, что Эккарт стал относиться к Зеботтендорфу с враждебностью [здесь Зеботтендорф пишет о себе в третьем лице]». Дело было в том, что последний не смог или не захотел предоставить Эккарту необходимые финансовые средства[118]. Скрытой причиной трений могло быть и то, что оба обладали сильными характерами, и ни один не хотел уступить ни пяди другому.

Первый выпуск «Простым немецким» увидел свет 7 декабря 1918 года – не прошло и месяца после прекращения военных действий. Это был период недолгого президентства Курта Эйснера. В число первых покровителей нового журнала, который в принципе должен бы был выходить раз в две недели, но своей нерегулярностью отражал характер Эккарта, вошли, что довольно примечательно, Вольфганг Капп и капитан Карл Майр. Майр тайно скупал большое количество экземпляров для раздачи военным. Эккарт был известным человеком – об этом можно судить по списку сотрудников его журнала: в него входили многие выдающиеся националистические и антисемитские писатели. Об этом журнале с похвалой отзывался сам Теодор Фрич, основатель и высший Великий Магистр Ордена германского народа (*Germanenorden*). Главными темами этого боевого издания были следующие:

1. *Dolchstoßlegende* (легенда об ударе в спину): дело якобы в том, что причина поражения Германии – не фронтовые события. Ей вонзил нож в спину внутренний враг – иудейский большевизм;

2. Еврейский мировой заговор: евреи стремятся к мировому господству и в своих планах уделяют особое внимание Германии;

3. Демократия, социализм и коммунизм – это еврейские изобретения и козни; их цель – привести мир в состояние хаоса и разрушить германскую душу;

4. Германия должна стать сильной, сознательной и единой нацией. Отсюда следует, что традиционный баварский сепаратизм нужно осудить, а чувство национального единства – поддержать[119].

Эти четыре темы впоследствии станут столпами гитлеровского мышления. (Впервые явившись на заседание DAP, Гитлер так горячо возражал именно по четвертому пункту.)

Трудно сказать, кто в действительности определял политический курс общества Туле, – вероятно, в значительной

мере сам Зеботтендорф. И тем не менее поразительно, насколько цели общества гармонировали с целями такой независимой личности, как Эккарт. Обмен мнениями между влиятельнейшими членами Туле должен был происходить часто и интенсивно. Эккарт также живо ощущал необходимость обращения к рабочим. Он считал, что из социалистических интернационалистов их нужно превратить в националистически настроенных германцев. Иначе достичь основной цели – единства Народа (*Volk*) и единства государства – будет невозможно. Германский народ для него состоял не из *Volksgenossen* (соотечественников одной расы), но из *Bürger* (граждан), которые должны быть организованы иерархически, в соответствии с уровнем психологического совершенства каждого, – так будет создана общегерманская нация. С этой целью Эккарт основал Гражданскую ассоциацию, которая должна была объединить всех «рабочих умственного и физического труда». Но она оказалась мертворожденной. И все же Эккарт стремился принести хоть какую-то пользу участием в сопротивлении коммунистической Республике Советов, организованном обществом Туле, в результате чего он был схвачен красными. Его имя могло бы пополнить собой список мучеников Туле, однако он сумел вывернуться из этой рискованной и совершенно ненужной ситуации.

В ноябре 1918 года в Мюнхене появился Альфред Розенберг, немецкий прибалт, эмигрировавший из России. В поисках поддержки и, возможно, работы он постучался в дверь Эккарта. Розенберг описывает хозяина так: «Из-за стола, заваленного бумагами, поднялся высокий человек с бритой головой. Его лоб был изборожден глубокими морщинами. Через очки в роговой оправе на меня смотрели синие глаза. Слегка изогнутый нос был довольно короток и мясист. У него были толстые губы и широкий, можно сказать, агрессивный, подбородок»[120]. Эккарт взял Розенберга под крыло – он помог ему усовершенствовать знание немецкого языка и сделал его сотрудником своего журнала. Взамен он получил фанатичного антисемита, который впоследствии станет главным распространителем «Протоколов сионских мудрецов» – фальшивки, принесшей столько зла.

Этот краткий биографический очерк Дитриха Эккарта был бы неполон без упоминания о другой стороне его личности – обращенной к философскому, оккультному и духовному знанию. Как и Гитлер, он был почитателем Артура Шопенгауэра (1788—1860). (Гитлер говорил, что во время войны всегда носил в ранце пять томиков его сочинений.) Мысль этого философа представляет собой одну длинную, правда, хорошо написанную, скорбную жалобу на страдания этого мира. Мир держит и вечно

побуждает к действию Желание – Шопенгауэр называет это Волей. Шопенгауэр делал особый акцент на жизненной силе, противопоставляя ее разуму – и по этой причине стал одним из вдохновителей фолькистского движения. Этот философ одним из первых на Западе открыл буддизм и познакомился с его техниками отрицания бытия, которые ведут к спасению из этого абсурдного мира, слепо движимого желанием и подчиненного Майе.

Более того, Эккарт был почитателем поэта-мистика Ангелуса Силезиуса (1624—1677), которого он мог цитировать наизусть целыми абзацами. Эккарт считал, что смысл жизни в том, чтобы «пробудить божественное в человеке», и что благородство дается не рождением, а духом. В своем иерархическом взгляде на человечество он был убежденным антиматериалистом и противостоял, таким образом, идеалам Просвещения, модернизма, индустриализма и прогресса. (В заглавии книги Плевниа он назван «фолькистским публицистом».) Чем духовнее человек, чем больше частица божественного в нем, тем более высокую ступень он занимает в человеческой иерархии. Эккарт, подобно другим мыслителям того времени, пришел к мысли о высшем, внутренне преобразованном человеке – «сверхчеловеке», о неких избранных существах, детях Света, которые восстанут против всех форм материализма. Если немцы осознают свои высшие душевные качества, они смогут стать такими же сверхлюдьми. Их задача – сражаться со все крепнущим материализмом и взращивать свою высшую арийскую душу. Немецкий народ – это будущий спаситель мира.

И если арийские германцы находились на самой вершине иерархической лестницы человечества, то евреи стояли в самом низу. «Евреи не имеют никакого представления о чувстве вечности, у них нет стремления к бессмертию. Из этого следует, что у еврея нет души. Таким образом, еврей составляет полную противоположность германцу, который всегда борется за что-то высшее. Германец и еврей противостоят друг другу, как свет и тьма»[121]. Евреи материалистичны, интеллектуальны, привязаны к миру, эгоистичны, они – дети тьмы; арийцы же (читай: германцы) благородны, чисты, идеалистичны, стремятся к свету, свободны от мирских привязанностей и достойны править этим миром.

Эти мысли были свойственны германским националистам и фолькистам, опиравшимся на идеи Лютера, Вагнера, Хьюстона Чемберлена и Теодора Фрича, – если ограничиться четырьмя самыми влиятельными мыслителями этого толка. Куда оригинальнее выглядит эккартовский «дуализм», его убеждение в том, что идеализм и материализм, свет и тьма, арийское и

еврейское начало имеются в человечестве изначально и, таким образом, присутствуют в каждом индивидууме. В вечной борьбе добра и зла за господство над миром германцы стоят в первых рядах. Эта битва должна вестись не только внешне, в открытых столкновениях представителей противоположных лагерей, но, прежде всего, внутри каждого индивидуума. Лишь победа арийского начала над еврейским *в душе самого германца* может привести его к господству над миром. Евреи «свойственны «организму человечества» примерно так же, как некоторые бактерии, которые являются естественными составляющими человеческого тела… Мы вынуждены терпеть присутствие евреев в нашей среде, это необходимое зло. Кто знает, сколько тысячелетий это еще продлится»[122]. До некоторой степени Гитлер воспримет эти идеи Эккарта и будет говорить об «антисемитизме разума», противопоставляя его импульсивному антисемитизму погрома. Но все же эсхатологическое мировоззрение Гитлера будет базироваться на более грубой расистской основе, дарвинистской.

Все это позволяет увидеть Эккарта в ином свете – не таким, каким его обычно изображают, простым героем-завсегдатаем баварских пивных. В нем было, конечно, и это. Но эта сторона его личности совершенно не достаточна для объяснения его влияния на Гитлера и его роли в создании нацистского движения. Неотесанный, порывистый и комичный любитель пива не смог бы организовать широкую сеть, состоящую из выдающихся людей по всей Германии, к которым он мог обратиться в любой момент. И такой культурный и много повидавший человек, как Эрнст Ганфштенгль, не смог бы написать: «[Эккарт] был образованным человеком, поэтом. Его перевод пьесы “Пер Гюнт” до сих пор остается образцовым… В партии именно он первым взял Гитлера под крыло… Эккарт всегда был одним из моих любимцев – этакий медведь с искрящимися глазами и великолепным чувством юмора»[123].

Эккарт сделал свой экзистенциальный выбор. Он состоял в том, чтобы попытаться осуществить отрицание мира *в самом* мире. Мы еще немного последуем за ним в этом направлении.

4. Волк

Самое лучшее – это ликвидировать всех пессимистов.

Адольф Гитлер

Источники знаний

До сих пор средства массовой информации часто представляют Гитлера сумасшедшим, одержимым несколькими навязчивыми идеями. В том, что он был одержимым, есть определенная правда, но сумасшедшим он не был. «Гитлер не был душевно больным, – пишет Джон Лукач, – он нес ответственность за то, что делал, говорил и думал… Он был наделен значительными интеллектуальными способностями»[124]. К примеру, он обладал поразительной памятью, которая была главным инструментом контроля на всех ступенях его политической карьеры и которую он использовал для того, чтобы ошеломлять собеседников. Также он обладал даром упрощать и сводить к простейшим элементам самые запутанные вопросы и темы. По словам Феста: «Гитлер обладал умением передавать абстрактный характер политических и социальных отношений в простых образах»[125].

Некоторые его биографы представляют дело так, что складывается впечатление, будто в венский период жизни он изучал некоторых влиятельных философов, – впечатление, подкрепленное самим Гитлером, тут и там упоминавшим их имена в своих речах и сочинениях. Тем не менее, достаточно трудно поверить в то, что двадцатилетний самоучка, не получивший систематического образования, мог разобраться в хитросплетениях мысли таких философов, как Ницше, Маркс и Шопенгауэр. Гитлер, без сомнения, был способен выдавать эффектные цитаты, приводить отрывки из трудов этих мыслителей в подтверждение своих собственных убеждений. Но для этого вовсе не требуется глубокое проникновение в мысль философа. «Нужно отдавать себе отчет, что познания молодого Гитлера никоим образом не основывались на первоисточниках. Иными словами, свои знания он получал не непосредственно от Дарвина, Чемберлена, Дюринга, Лебона, Ницше, Шопенгауэра или Шиллера. Прежде всего, он черпал их из газетных статей, брошюр и популярных книг» (Бригитта Хаман[126]). «На самом

деле, знания ничего не значили для Гитлера. Ему были неведомы радость и борьба, идущие рука об руку с их обретением, – знания были просто полезны ему. “Искусство правильного чтения”, о котором он говорил, было всего лишь охотой за формулировками, которые можно позаимствовать, за авторитетами, которых можно процитировать в поддержку своих собственных готовых мнений…» (Иоахим Фест[127]). «Идеи как абстракции не представляли для Гитлера никакого интереса. Они были важны для него лишь как средство для достижения цели» (Ян Кершоу[128]).

«Книги, вечные книги! Я не могу представить себе Адольфа Гитлера без книг. Это был его мир»[129], – пишет Август Кубицек. Он близко знал Гитлера по Линцу и по Вене – их знакомство прервалось в 1909 году, когда Гитлер во второй раз провалил вступительные экзамены в Академию изящных искусств и окончательно растворился в безликой толпе, наводнявшей метрополию. Гитлер читал книги о том, что его больше всего интересовало: о Рихарде Вагнере, о театре, о технических аспектах сценического искусства, об архитектуре, о военной технике и о войне, о немецкой истории и о политической подоплеке событий, происходивших на его глазах в Вене. Другим, не менее важным источником, питавшим его ум, были газеты. Газеты и сейчас являются характерной чертой венских кафе. В кафе всегда тепло, и Гитлер, сидя за чашечкой кофе, мог читать часами. «Источником его знаний главным образом были газеты», – пишет Хаман. Гитлер и сам упоминает о том, что «в молодости был увлечен чтением газет». «Ранние биографы Гитлера стремились ограничить набор предполагаемых источников его вдохновения авторами, престижными с интеллектуальной точки зрения. Главным образом, это были писавшие о расовом превосходстве и антисемитизме Гобино, Ницше, Вагнер и Чемберлен. Однако нет никаких свидетельств того, что Гитлер читал их труды в подлиннике. Гораздо более вероятно, что идеи, которые он использовал для оправдания своего дуалистического мировоззрения и комплекса германского превосходства, были почерпнуты им из дешевых памфлетов, которыми была наводнена Вена той поры»[130].

Андре Франсуа-Понсе, французский посол в Берлине, хорошо знал Гитлера и был единственным зарубежным дипломатом, заслужившим его уважение. В своих воспоминаниях он пишет: «Гитлер – самоучка, любознательность которого ограничивается предметами, привлекающими внимание публики, внимание рядового человека… Вот в чем его талант: он усваивает то, что способен усвоить ум среднего человека, а затем связывает между

собой разрозненные элементы с помощью мнимых логических связей. И он способен излагать все это просто и живо в форме, доступной для примитивного ума»[131]. «[Гитлер] читал не ради обретения знаний, не для самопросвещения, но для того, чтобы найти подтверждение своим собственным идеям»[132], – пишет Кершоу, вторя замечанию Кубицека: «Он находил в книгах лишь то, что ему подходило»[133]. «Дилетантство было одной из основных черт характера Гитлера, – вспоминает архитектор Альберт Шпеер. – Он так и не получил никакого профессионального образования и в итоге навсегда остался дилетантом в любой профессии. Как многие самоучки, он не имел никакого представления о том, что значат специальные знания»[134]. В другой связи Шпеер пишет следующее: «Мы все знали: он твердо верил в то, что в книге стоит читать лишь конец, ведь именно там должно содержаться все самое важное»[135].

Вышеприведенные высказывания подтверждаются отрывком из «Майн Кампф», где Гитлер объясняет, как нужно читать. «Я знаю людей, читающих беспрерывно, книгу за книгой, страницу за страницей, и тем не менее, я не могу назвать их хорошо начитанными. Без сомнения, они “знают” огромное количество вещей, однако их мозг не способен согласовать и классифицировать материал, набранный ими из книг. У них отсутствует способность различения между полезным и бесполезным в тех книгах, которые они читают… Ведь чтение – не самоцель, это средство для достижения цели. Главная же цель в том, чтобы наполнить содержанием структуру, состоящую из талантов и способностей, которыми владеет каждый человек. Таким образом каждый добывает орудия и материалы, необходимые ему для реализации своего жизненного призвания…»[136]

Ум Гитлера, однако, обладал и другим свойством – некой интуицией, которая наделяла его крайней восприимчивостью, способностью мгновенно отзываться на поведение или аргументы людей и на ситуации, с которыми он сталкивался. При этом он использовал все известные ему факты, заряжая их силой убеждения. Вальтер Шелленберг, генерал СС, работавший с Гитлером, пишет: «Он обладал выдающимися полемическими способностями, что позволяло ему одерживать верх в любой области даже над авторитетнейшими экспертами… Он так сбивал их с толку, что подходящие контраргументы приходили им в голову уже на лестнице»[137]. Немногие собеседники Гитлера могли в его присутствии сохранять контроль над своим умом. В подавляющем большинстве случаев с Гитлером расставались переубежденными или, как минимум, глубоко впечатленными.

Когда капитан Майр направил тридцатилетнего Гитлера на курсы в Мюнхенском университете, его ум не был свободен от ранних влияний. При этом на его долю выпало много серьезных испытаний – куда более серьезных, чем достается среднему человеку. Особенно если вспомнить его жизнь в бурлящей, перенаселенной, разлагающейся Вене и бесконечный ад, через который он прошел в окопах.

Адольф ненавидел своего деспотичного отца. Но все же тот был таможенным инспектором и, следовательно, официальным лицом, носящим мундир (в тогдашнем обществе это имело большой вес). Отец мог передать ему свою фанатичную приверженность ко всему немецкому. Впрочем, этот таможенный инспектор всегда был верен своему высшему начальству – австрийскому императору. «Расовая ненависть играла доминирующую роль в политике габсбургской империи. И Гитлер, и Адольф Эйхман провели там годы становления. С 1882 по 1914 год различные этнические группы, боровшиеся за власть в многонациональном Австрийском государстве, постоянно организовывали демонстрации и мятежи. Уже к 1848 году католический антисемитизм цвел среди австро-германцев пышным цветом… В 1911 году – последние выборы перед 1914-м – две трети австро-германцев голосовали за антисемитов. Неудивительно, что процент участия австро-германцев в холокосте был выше, чем для немцев в целом» (Джон Вайсс[138]).

Страницы «Майн Кампф», на которых упоминаются имена Георга фон Шёнерера и Карла Люгера, свидетельствуют о том влиянии, которое оба оказали на Гитлера. Карл Люгер (1844—1910), мэр Вены, поразил его своим ораторским мастерством и властью над массами – талантами, которые соответствовали пока еще скрытым способностям Гитлера. Люгер был не просто мэром, он был «властелином Вены» – некоронованным королем, обладавшим такой властью, что порой не уступал в столкновениях с самим императором Францем Иосифом. Однако Гитлера привлекал не столько Люгер-политик и его партия – христианские социалисты, к 1895 году наиболее влиятельная антисемитская партия в Европе, – сколько его яркая личность, образец того, чем мечтал стать молодой Гитлер.

Более определенным было влияние Георга фон Шёнерера (1842—1921), провозгласившего себя вождем австрийских пангерманцев и боровшегося за объединение своей страны с Германией. «Шёнерер не защищал ни католицизм, ни империю. Он был лидером австрийского пангерманского движения, а также

однозначным и недвусмысленным расистом. Он выступал в поддержку *аншлюса* (воссоединения Австрии и Германии) и был смертельным врагом как славян, так и евреев. Он мог задать Гитлеру идеологическую модель поведения»[139]. Однако Гитлер никогда бы не совершил ошибки, которую сделал Шёнерер: в антисемитской, но преимущественно католической Австрии он объявил открытую войну католической церкви. Шёнереровское движение «Прочь от Рима» стоило ему стольких сторонников, что в результате он лишился власти.

Молодой бродяга – а в его венские годы статус Адольфа Гитлера был именно таков – никогда не смог бы встретиться с богатым и уважаемым пангерманским фюрером. Но «молодой Гитлер безусловно был знаком с культом этого идола пангерманцев, в особенности через их партийные газеты»[140]. Кроме того, речи Шёнерера распространялись в виде брошюр. Террор по отношению к евреям и чехам, который пангерманцы развернули на улицах Вены, стал обыденностью. Шёнерер был «богом германских лавочников, ремесленников и служащих. Его фотографии висели на стенах бесчисленных лавок и магазинов, его газету можно было прочитать в любом кабачке. Шла бойкая торговля цепочками для часов с изображениями повешенных евреев… Программа его партии звучит до боли знакомо: евреи не должны иметь права преподавать в школах, служить в армии и работать на государственной службе; нужно ввести квоты на число евреев среди юристов и медиков… Для защиты ремесленников и крестьян евреям нужно запретить въезд в Империю. Тех же, кто уже находится на ее территории, нужно рассматривать как чужеземцев с особым правовым статусом и налоговым бременем»[141]. «Очевидно, что Гитлер не просто унаследовал от Шёнерера его политические принципы – он практически скопировал их», – пишет Хаман[142].

Кроме того, значительное влияние на ум Гитлера – задолго до того, как тот узнал о Шёнерере и Люгере – оказал Леопольд Пётч, учитель истории в линцевском реальном училище, которое юный Адольф покинул, не закончив. Этот человек произвел на Гитлера – своенравного и непослушного по отношению ко всем прочим учителям – такое впечатление, что позже тот посвятит ему не менее двух с половиной страниц «Майн Кампф». «Изучать историю – значит искать и находить силы, являющиеся действительными причинами явно видимых результатов, которые мы называем историческими событиями… И то, что мой учитель истории очень хорошо знал, как сделать этот подход основным в процессе изложения материала и проверки знаний, возможно, определило всю мою будущую жизнь. Этим учителем был доктор

Леопольд Пётч из реального училища в Линце. Он идеально воплощал в себе качества, необходимые для учителя истории, в упомянутом выше смысле. Пожилой господин с твердым характером, но добрым сердцем, он был прекрасным рассказчиком и заражал нас своим энтузиазмом»[143].

Придя к власти, Гитлер оказывал Пётчу многочисленные почести. «Вы не представляете, чем я обязан этому человеку», – сказал он своему окружению после неофициальной встречи со своим старым учителем в Клагенфурте в 1938 году[144]. Пётч привил Гитлеру любовь к Вагнеру. Другим результатом его влияния стало увлечение Гитлера германскими мифами и легендами. В ту пору их нередко считали достоверными историческими источниками. «Многотомное издание “Саг о германских героях” было его любимым чтением. Эти книги он никогда никому не одалживал», – вспоминает Кубицек. «Вновь и вновь он отождествлялся с великими людьми этой ушедшей эпохи… Дело в том, что мир, двери в который открывали саги о германских героях, так и остался для него единственным, к которому он мог относиться с истинным благоговением и почитанием»[145].

Все эти влияния хранились в памяти Гитлера, когда капитан Майр «открыл» его и ввел в DAP. Что же касается процесса развития его пангерманских, националистических и антисемитских убеждений, то он оказывается не столь прямолинейным, как это желала бы представить Бригитта Хаман. Если мы согласимся с Хаман в том, что структура убеждений Гитлера уже была четко и ясно сформирована им в ранние годы, становится совершенно непонятно, каким образом в числе его товарищей по мужскому общежитию могли быть евреи – что обнаружила сама Хаман. Она также пишет: «На решающий вопрос о том, когда антисемитизм стал центральным пунктом мировоззрения Гитлера, период его жизни в Линце и в Вене ответа не дает»[146].

Ораторские вспышки Гитлера, будь то в общежитии или во фронтовых блиндажах, не были направлены против евреев. Обычно его специально провоцировали язвительными замечаниями, задевавшими Германию или оскорблявшими его пангерманские чувства. Некоторые офицеры его полка были евреями. Евреем был капитан, представивший его к Железному кресту первой степени. Также не нужно забывать того факта, что во времена Эйснера и Республики Советов капрал Гитлер носил красную повязку.

В период своего обучения на курсах и во время пропагандистской практики он должен был оживить и

переформулировать все то, что получил от Шёнерера и Люгера, а также от Листа и Ланца фон Либенфельса. И здесь все свидетельства указывают на одного человека, начитанного, хорошо осведомленного, фанатичного антисемита с большими связями – на Дитриха Эккарта.

Перед тем, как перейти к следующему этапу нашего повествования, не лишним будет упомянуть последний и довольно неожиданный источник влияния на ум Гитлера. Это немецкий автор Карл Май, плодовитый писатель, создавший около семидесяти приключенческих романов для молодежи. Ади (уменьшительное от Адольф) также любил «Дон Кихота», «Робинзона Крузо», «Путешествия Гулливера», «Хижину Дяди Тома» и «Тысячу и одну ночь». Но Май останется его любимейшим автором даже в зрелом возрасте. «Любовь Гитлера к Маю не слабела со временем. Говорят, что, даже будучи рейхсканцлером, он находил время, чтобы перечитывать полное собрание его сочинений. В 1943 году, несмотря на дефицит бумаги, он приказал напечатать 300 тысяч копий «Виннету» для солдат. И это вопреки очевидному факту, что герои Мая принадлежали к чуждой расе – они были «краснокожими», американскими индейцами»[147]. «Он легко мог упомянуть в одном предложении Старину Шаттерхенда и Наполеона», – пишет Шпеер[148].

Карл Май принадлежал к христианскому крылу германского фолькистского движения. В марте 1912 года, незадолго до своей смерти, он прочитал в Вене лекцию, которую Гитлер – если он о ней знал – безусловно, посетил. Темой лекции Мая было *Empor ins Reich der Edelmenschen*[149], что можно перевести как «Ввысь, к царству благородных людей». Слово *Edelmensch* часто использовали для обозначения арийско-нордического германца в его самом чистом проявлении – что было одной из разновидностей «сверхчеловека», прихода которого ожидали на рубеже веков. Какая бы идеология ни лежала в основе книг Карла Мая, его фантазии зачаровывали бесчисленное множество детей – и не только в Германии. Его сочинения – в особенности те места, где он описывает, как ловко Виннету и Старина Шаттерхенд выходили из опасных ситуаций, – могли помочь Гитлеру выжить во время Первой мировой войны: в сражениях жизнь связного постоянно висела на волоске.

Внезапный взрыв энергии

После краха Республики Советов, особенно во времена

правого правительства Густава фон Кара, Бавария стала «убежищем правых экстремистов со всей Германии, включая и тех, на кого уже был выписан ордер на арест в других частях страны»[150]. Здесь нашли приют и «*Bund Oberland* (Лига Оберланд), и офицерский союз *Eiserne Hand* (Железная рука), и организация "Эсхерих", и Союз обороны и нападения немецкого народа, и *Verband Altreichsflagge* (Союз флага старой империи), а также Байрейтский, Вицбургский и Вольфский добровольческие корпуса». В этот список можно включить также общество Туле и (НС) ДАП.

В ряды баварских правых влились потерпевшие поражение участники путча Каппа (март 1920 года), бежавшие из Берлина; среди них – формальный глава путча Вольфганг Капп собственной персоной и национальный герой Германии Эрих фон Людендорф. Там были и некоторые крайне опасные элементы из бригады Эрхардта, включая ее командира капитана Эрхардта и его правую руку – лейтенанта Клинцша. Один был основателем, другой – одним из руководителей кровавой организации «Консул». Там были «палачи, сами выносившие приговоры своим жертвам, авантюристы и революционеры-националисты всех мастей… Они были готовы использовать традиционные сепаратистские настроения баварцев [католиков] – ведь их неприязнь к протестантскому прусскому Берлину началась не вчера»[151] (она продолжается и по сей день). Именно в такой обстановке – еще больше ее запутывала общая утрата ориентиров и удручающие условия жизни в послевоенной Германии – Дитрих Эккарт встретился с капралом Гитлером.

Антон Дрекслер, основавший DAP совместно с Карлом Харрером, «познакомился с фолькистом-националистом и яростным антисемитом [Эккартом] … в начале лета 1919 года». Сам Эккарт вспоминал позднее: «В начале 1919 года меня навестил Антон Дрекслер, который незадолго до того основал Национал-социалистическую рабочую партию Германии. [В действительности она еще называлась тогда Германской рабочей партией.] Он познакомил меня с ее основными идеями. Все это меня очень заинтересовало, и я принял решение помогать молодому движению по мере своих сил и возможностей. Несколькими неделями или месяцами позже я впервые встретился с Гитлером»[152].

Мы знаем, что Вильгельм Гутберлет должен был доложить Эккарту о поведении Гитлера на собрании DAP 12 сентября – где сам Эккарт не мог присутствовать по болезни, – очевидно, что первая встреча Эккарта и Гитлера произошла до этой даты, быть может, несколькими неделями ранее. Мы помним, что капитан

Майр заинтересовался капралом Гитлером из полка Листа в конце мая или в самом начале июня, до начала курсов ораторского мастерства для армейских пропагандистов. Майр знал Эккарта, он покупал у него экземпляры «Простым немецким» для распространения среди военных. Можно предположить, что именно Майр представил Гитлера Эккарту в июне, самое позднее – в июле, и что оба сошлись на том, что этот австрийский капрал с Железным крестом и хорошо подвешенным языком может стать ценным приобретением для дышащего на ладан отпрыска общества Туле – DAP.

Еще в мае, во времена Республики Советов, когда Гитлер носил красную нарукавную повязку, он не был антисемитом (по крайней мере, в открытую). Курс, прослушанный им в Мюнхенском университете, не был откровенно – тем более, намеренно – антисемитским, ведь он проводился по инициативе социал-демократического правительства. Однако ближе к концу июля – в Лехфельде – Гитлеру уже советуют смягчить язвительные антисемитские речи. А к десятому сентября в глазах капитана Майра он становится авторитетом в еврейском вопросе, способным давать разъяснения коллегам по армейской пропаганде. Из этого следует, что переворот в мировоззрении Гитлера произошел в июне-июле 1919 года. Человеком, под влиянием которого произошла эта перемена, был его «ментор» Дитрих Эккарт.

Появление Эккарта означает, что Гитлера наконец кто-то признал. Одиночка, до этого ютившийся в общежитиях, блиндажах и бараках, в конце концов был принят в теплоте и уюте частного дома – принят широко известным человеком, поэтом, драматургом, журналистом, издателем и редактором журнала. Интересы Гитлера совпадали с главными темами журнала «Простым немецким», прежде всего это величие Германии и жажда мести, а также битва против идеалов Просвещения, которые, с фолькистско-германской точки зрения, грозили превратить мир в беспросветный материалистический кошмар. Кроме того, Эккарт так много знал, был так начитан, что легко мог создавать из разрозненных идей четкие структуры. Он был человеком общества, веселым и общительным, который чувствовал себя как дома в Мюнхене и в особенности в Швабинге, богемной части города, где можно было встретить чуть ли не половину живших в то время писателей и художников. «Эти двое образовали команду, в которой Гитлер был жадным до знаний и быстро схватывающим учеником»[153], – пишет Моссе. Ройт соглашается и добавляет, что Эккарт придал связность и последовательность идеям, уже имевшимся у Гитлера, и что

гитлеровская теория мирового еврейского заговора сформировалась «под влиянием Эккарта»[154].

Теперь проросли семена, хранившиеся в подсознании Гитлера. «Эккарт оказывал большое влияние на развитие антисемитской динамики в рядах Рабочей партии», – пишет Моссе. «Он усилил ненависть Гитлера к евреям – народу таинственному, странному, устраивающему тайные заговоры. В некоторых сферах он дополнил идеи Гитлера, в других заложил более фанатичную основу их дальнейшего развития. Несмотря на то, что Гитлер уже разделял многие убеждения Эккарта, по большей части это были лишь смутные, неоформленные идеи. Эккарт шел глубже и связывал устранение еврейской угрозы с возвращением Народа (*Volk*) к жизни. В итоге Гитлер будет видеть эту проблему его глазами: как проблему чрезвычайной важности, решение которой должно положить конец испытаниям Народа. Сам он скажет об этом так: «Еврейский вопрос представляет собой главнейшую проблему человечества, в действительности в ней содержатся все другие его проблемы. Все загадки на земле прояснятся, если пролить свет на тайну евреев»[155].

Что происходило между Эккартом и Гитлером во время их частых встреч, остается неизвестным. Однако несомненно то, что Гитлер внезапно начинает проявлять взрывную энергию, которая в самое короткое время делает из него бесспорного лидера, а из его чахлого кружка – динамично развивающуюся партию. Это тем более удивительно, если принять во внимание, что в описываемый период Адольф Гитлер был чужаком, фигурой довольно жалкой и смешной. Он все еще носил серую армейскую форму (до конца марта 1920 года), его манеры были неуклюжи. Это было смиренное – если его не провоцировали на ораторский взрыв – существо, с бледным, голодным лицом и усами, которые он вскоре укоротит до размеров «смешного пятнышка». Однако Эккарт, «игравший ключевую роль в кристаллизации политических идей Гитлера»[156], с того самого момента, как принял его под свое покровительство, всегда был рядом и направлял его карьеру как истинный ментор или «крестный отец».

Когда Гитлер стал членом дрекслеровской и харреровской DAP (Германской рабочей партии), ему был вверен безвредный пост *Werbeobmann*'а, то есть ответственного за пропаганду. Руководство не понимало ни того, какого волка пустили они в свой загон, ни того, что Гитлер с самого начала собирался превратить этот маленький политический клуб в активную политическую партию. Он сразу же принялся за работу –

увеличил число приглашений на партийные встречи (среднее число присутствующих колебалось до этого от тридцати до сорока), дал указание печатать броские красные плакаты, дающие понять, что DAP бросает вызов всем левым, и стал арендовать для собраний все большие и большие помещения. В итоге собрания будут проводиться в центральном Хофбраухаусе, а люди, желающие его послушать, будут забивать до отказа цирк Кроне.

Стремительные действия Гитлера незамедлительно привели к трениям внутри DAP, в особенности между ним и Карлом Харрером. Харреру его детище всегда виделось спокойным гражданским клубом, в большей или меньшей степени подобным масонской ложе. Он никак не мог согласиться с подходом Гитлера и даже пытался преуменьшать ораторские дарования «пропагандиста». Однако другие члены DAP понимали, что без Гитлера они мало что значат, и Харреру, «общегерманскому руководителю», пришлось уступить. «Вопрос о выборе между “ложей” и активно действующей партией был сделан уже 5 января 1920 года. В тот день Карл Харрер покинул Германскую рабочую партию» (Гилбхард[157]). Прошло всего четыре месяца, а Гитлер уже выпихнул его из гнезда.

Двадцать пять пунктов партийной программы, сформулированные Гитлером и Дрекслером, были представлены общественности 24 февраля 1920 года. *Lexikon Nationalsozialismus* так формулирует ее четыре основные цели: «1. Объединение всех немцев в Великую Германию; 2. Отмена Версальского и Сен-Жерменского договоров; 3. Предоставление Германии права на необходимые ей территории и колонии; 4. Изгнание из Германии всех евреев»[158]. В скором времени название «Германская рабочая партия» (DAP) было изменено на «Национал-социалистическая рабочая партия Германии» (НСДАП). Выражение труднопроизносимое, но это не составляло проблем для носителей языка, в котором обычны слова вроде *Bauchspeicheldrüsenentzündung* (что означает «панкреатит»). Из своих швабингских штаб-квартир в «Кафе Хек», «Остерии Бавария», «Братвюрштглоклье» и «Салоне Шеллинга» Гитлер неустанно планировал и организовывал работу партии, разрабатывал символику, знамена и отличительные знаки, писал статьи, выносил вердикты по тем или иным вопросам и изыскивал средства для пополнения кассы. Большую часть всего этого он делал либо по совету капитана Майра и Дитриха Эккарта, либо после предварительной консультации с ними.

Смятение

В Германии царило смятение. Почти половина населения была враждебно настроена по отношению к своему социал-демократическому правительству. Не было недостатка ни в общегосударственных, ни в местных переворотах, которые совершали то крайне правые, то крайне левые. Помимо революций в Мюнхене, были и другие попытки захвата власти со стороны левых – в Берлине (Спартаковское восстание), в Гамбурге, в Рейнской области, в Швабии, Тюрингии и других местах. «Капповский путч» 12 марта 1920 года был восстанием, направленным против Веймарской республики, которое организовали правые реакционеры. Пангерманец журналист Вольфганг Капп (1868—1922) – о нем мы уже упоминали, когда знакомились с Майром и Эккартом – был его номинальным главой. Военным же вождем был генерал фон Люттвиц, поддерживаемый одним из наиболее решительных и беспощадных отрядов Добровольческого корпуса – Морской бригадой капитана Эрхардта.

Бригада Эрхардта вступила в Берлин. Правительственные войска отказались открыть огонь по солдатам Добровольческого корпуса, своим фронтовым товарищам. Правительство бежало. Люттвиц провозгласил новое, революционное правительство с Каппом на посту канцлера. Но законное правительство призвало к всеобщей забастовке против правых путчистов: «Бастуйте, прекращайте работать, остановите возврат кровавой реакции! Ни один рабочий не должен помогать военной диктатуре. Всеобщая забастовка по всему фронту! Рабочие, объединяйтесь!»[159] На этот раз *все* рабочие – как социалисты, так и коммунисты – услышали призыв и действовали согласованно. Берлин был парализован. Пять дней спустя Капп объявил о своей отставке и бежал в Швецию. Бежал и Эрих Людендорф, который его поддерживал. Большинство других путчистов отправились пешком на юг, в Баварию.

Это происшествие имеет непосредственное отношение к нашей истории. Дело в том, что Майр и Эккарт посчитали путч достаточно важным событием и связались с Каппом в Берлине, намереваясь скоординировать его переворот с возможным правым восстанием в Баварии. Майр позаимствовал легкий самолет рейхсвера, и Эккарт вместе со «своим сотрудником» Гитлером 16 марта прилетел в Берлин. (Толанд пишет: «Погода была плохой, и Гитлера, несмотря на мастерство пилота, тошнило, не переставая… Когда они приземлились в Берлине, бледный и изнуренный Гитлер поклялся, что никогда в жизни не будет больше летать»[160].) Однако к моменту их прибытия в центр столицы переворот выдохся, и бригада Эрхардта уже

маршировала в противоположном направлении – назад в бараки за пределами городской черты. Эккарт воспользовался случаем и впервые представил Гитлера своим влиятельным берлинским друзьям. Впоследствии они еще несколько раз побывают в Берлине вместе.

В декабре 1923 года финансовое положение газеты *Völkischer Beobachter* стало таким серьезным, что встал вопрос о ее продаже. Гитлер немедленно ухватился за представившуюся возможность. Он поставил в известность Дрекслера, однако ключевой фигурой, руководившей операцией по сбору необходимых средств, снова оказался Дитрих Эккарт. *Völkischer Beobachter* (порой это название переводят как «Расовый обозреватель») станет центральным печатным органом нацистской партии и будет оставаться таковым до самого конца. Ее первым редактором стал – кто же еще? – конечно, Дитрих Эккарт.

Книга Розенбаума «Объясняя Гитлера» может помочь нам прочувствовать политическую атмосферу, царившую в Мюнхене в период восхождения Гитлера. В работах по истории нацистской партии и в гитлеровских биографиях главным героям уделяют такое внимание, что может показаться, что они стояли в центре жизни Германии того времени. Но движение, начатое Майром, Эккартом, Гитлером и другими, было всего лишь одним из многих иррациональных начинаний, предпринимавшихся в ту иррациональную эпоху – иррациональную не только в политическом, но и в социальном, идеологическом и религиозном смысле. Времена были безумными – и не только на земле Гете и Канта, – но все же в Германии в особенности. Гитлер, подталкиваемый силой своей «одержимости», был интригующей фигурой, обращавшей на себя внимание масс. И чем шире расходилась о нем слава, тем большим нападкам он подвергался от своих врагов, прежде всего слева. В Мюнхене эту роль взяла на себя социалистическая газета *Münchener Post*.

Нацисты называли *Münchener Post* «ядовитой кухней». «Журналисты этой газеты первыми сосредоточили пристальное критическое внимание на Гитлере, с того самого момента, как этот странный призрак явился из глубин пивных залов, – пишет Розенбаум. – Они стали его первыми противниками, первыми, кто смеялся над ним, первыми, кто исследовал его феномен, первыми, кто показал теневую сторону деятельности его партии – кровавые и преступные шаги, маскирующиеся под политическое движение. Они были первыми, кто пытался предостеречь мир об опасности, исходящей от зловещей твари, надвигавшейся на Берлин… Их дуэль с Гитлером продолжалась около двенадцати лет. Ее результатами стали глубочайшие – на то время и по сей

день – очерки, освещающие его характер, образ мыслей и методы. Большую часть их работы забыли, но мало что сумели превзойти. Выражение “ядовитая кухня” дает понять, что они сидели у Гитлера в печенках»[161]. Одной из первых акций нацистов во время путча 1923 года стал разгром офисов и печатных станков *Münchener Post.* Они сделают это еще раз в 1933 году немедленно, как только Гитлер станет канцлером.

Капрал становится фюрером

Именно в газете *Münchener Post* в июле 1921 года был опубликован памфлет под заголовком «Адольф Гитлер – предатель». В нем Гитлера обвиняли во всех видах внутрипартийных нарушений, а также в том, что он ведет себя точно так же, как и те, на кого постоянно нападает в своих речах и статьях, то есть как еврей. Памфлет был результатом гневной реакции на поведение Гитлера со стороны определенной группировки, сформировавшейся внутри самой НСДАП. В более широком контексте дело было в том, что во время продолжительного отсутствия Гитлера (он был в Берлине) Дрекслер и другие вступили в контакт с рядом малых националистических партий. Они собирались объединиться с ними для увеличения своего политического веса. С Гитлером перед этим не проконсультировались, и тот отреагировал на эту новость «как примадонна» – вспышкой ярости. Уже в те дни им порой «овладевали приступы бесконтрольного гнева»[162]. 11 июня без лишних церемоний он объявил о своем выходе из партии.

Для человека, лишенного каких-либо иных средств к существованию, который, вступая в партию, был убежден, что «назад дороги нет», эта отставка была рискованным шагом. Но так ли это было в действительности? Гитлер прекрасно знал, что «уход из партии ее единственной звезды будет серьезным, быть может, фатальным ударом для НСДАП»[163]. Его решение, выглядящее импульсивным, на поверку больше походило на хорошо спланированный маневр для захвата абсолютной власти в партии. Эта власть будет ему предоставлена, и вновь не без посредничества того же Дитриха Эккарта: 26 июля Гитлер снова станет членом партии, а три дня спустя его изберут «председателем партии с диктаторскими полномочиями». Более того, он настоит на неизменности программы партии и на том, чтобы впредь и речи не шло об объединении с другими партиями или организациями.

Здесь перед нами впервые является истинный Гитлер. Он

один знает, какая миссия ему поручена (и он никогда никому ее не раскроет). Он считает НСДАП своим инструментом и никому ни при каких условиях не позволит мешать исполнению своей миссии. В глубине души Гитлер стал абсолютным самодержцем с тех самых летних дней 1919 года, когда в нем произошли пока еще необъяснимые перемены. Он останется им до того самого момента, когда пустит себе в голову пулю. Лишь преходящие обстоятельства его невероятного взлета заставят его временно прятать или смягчать это свое притязание. «Гитлер представляет собой крайний пример политика, ставящего личную убежденность в своей миссии выше всего остального. В своей политической деятельности он руководствовался нормами личной биографии», – пишет Себастьян Хаффнер[164].

Одной из легенд, крепко пустивших корни в истории, стала легенда о том, что Гитлер в первые годы своей общественной деятельности считал себя провозвестником, предтечей, «зазывалой». То есть тем, кто собирает людей для подготовки к пришествию «сильного свыше», истинного фюрера, который поведет, наконец, расу господ к светлому будущему. Легенда о том, что Гитлер, вплоть до своего тюремного заключения в Ландсберге и написания «Майн Кампф», был «зазывалой», берет свое начало в таких, например, работах, как «От “зазывалы” до “фюрера”» (1975) Альбрехта Тирелла. Главным распространителем этой теории был Ян Кершоу.

Верно, Гитлер в некоторых случаях называл себя «зазывалой», но это случалось исключительно в публичных обращениях или в беседах с посторонними, в особенности с журналистами. Причина этого видимого смирения проста: в то время для широкой публики Гитлер был всего лишь выскочкой – забавным, претенциозным и фанатичным новичком, появившимся на переполненной политической сцене Мюнхена, где-то на юго-западном углу Германии. Тогда в стране не было недостатка в правых вождях, рвущихся в диктаторы. Среди кандидатов был и промышленник, владелец газет и издательств Альфред Хугенберг, и видный пангерманец Хейнрих Класс, и главнокомандующий рейхсвера генерал Ханс фон Зеект. Кроме того, над всеми возвышалась фигура фельдмаршала Эриха фон Людендорфа, героя Танненберга, который вместе с Паулем фон Гинденбургом фактически был диктатором Германии на протяжении второй половины войны. «В фолькистско-националистическом лагере на роль будущего диктатора чаще всего прочили именно его» (Петер Лонгерих[165]).

«Гитлер был сознательно скромен, когда речь заходила о сравнении его роли [во время неудачного путча 1923 года] с

ролью Людендорфа. Именно Людендорф занимал первое место, говорил Гитлер на суде [в ходе процесса, последовавшего за путчем], тогда как он, Гитлер, руководил лишь политической борьбой. Претендовать на первое место в движении, в котором рядом с ним стоял Людендорф, было для него “немыслимо”»[166]. Так и было в действительности. Гитлер был одержимым, но не сумасшедшим – не настолько, чтобы публично провозглашать себя фюрером германского народа, все еще будучи «одиноким странником ниоткуда» (по его собственному выражению) – практически неизвестным австрийцем, скромным отставным капралом, авантюристом политических задворок и оратором пивных залов. Людендорф же «был тогда символом общенародной борьбы»[167].

Но *внутри* партии Гитлер вел себя совершенно иначе: с июля 1921 года везде и во всем он действовал как фюрер – единственное в своем роде лицо, в конечном счете ответственное за принятие всех решений. «…На общем собрании [НСДАП 29 июля] было принято единогласное решение о том, что руководить партией буду лично я. Тогда же был принят и новый устав, возлагающий на председателя движения всю полноту ответственности…», – писал Гитлер в «Майн Кампф». «С утверждением нового устава и назначением меня на пост президента я получил власть и права, необходимые для того, чтобы покончить с этой бессмыслицей [то есть с демократическим процессом]. Вместо решений, принимаемых в комитете большинством голосов, был утвержден принцип абсолютной ответственности»[168]. Гитлер, благодаря посредничеству Дитриха Эккарта, приобрел «диктаторские полномочия», соответствующие его амбициям. Он уже больше никогда от них не откажется. «Смесь хладнокровия, хитроумного коварства и решительности, а также готовность идти на большой риск даже ради малых ставок, качества, которые он вновь и вновь будет проявлять в критических обстоятельствах, помогли ему захватить контроль над НСДАП и в то же время упрочить свои притязания на лидерство во всем национал-расистском движении» (Фест[169]). Даже сам Кершоу пишет: «[Июльский переворот в НСДАП] был первым шагом на пути превращения НСДАП в партию нового типа – “партию фюрера”»[170]. Это же подтверждает и Хайден: «С того дня [29 июля 1921 года] Гитлер стал вождем мюнхенского национал-социалистического движения»[171].

«Тем самым вечером Герман Эссер в цирке Кроне приветствовал Гитлера словами “наш вождь” – *unser Führer*. Именно Эссер, с циничной сентиментальностью

разглагольствующий в ресторанах и пивных, заслужит титул самого рьяного проповедника мифа о фюрере. Одновременно Дитрих Эккарт в *Völkischer Beobachter* начал хорошо организованную кампанию по созданию того же самого мифа. 4 августа он набрасывает портрет Гитлера – “бескорыстного, самоотверженного, преданного и искреннего” человека, всегда “целеустремленного и бдительного”. Несколько дней спустя появляется другая заметка – на сей раз написанная Рудольфом Гессом – которая добавляла духовных черт в этот земной портрет. Гесс славил “чистейшие намерения” Гитлера, его силу, его ораторские способности, превосходные знания и ясный рассудок. О фантастических темпах роста культа Гитлера свидетельствует другой очерк, написанным Гессом год спустя. Гесс представил его на конкурс на следующую тему: “Каким должен быть человек, который снова поведет Германию к величию?” Работа Гесса получила первый приз…»[172]

«Человек, который в один прекрасный день сделает Германию свободной», – так Эккарт представлял своего протеже, вводя его в высшие слои мюнхенского общества. Он знакомил его с хорошо обеспеченными братьями и сестрами из общества Туле, с другими заметными и состоятельными националистами и пангерманцами, например с издателем Юлиусом Леманом. Он вводил его в богатые круги, куда сам имел доступ как из-за своей известности, так и благодаря покровительству Эрнста Ганфштенгля. Ганфштенгль, поклонник и сторонник Гитлера, выпускник Гарварда, был лично знаком с Т. С. Элиотом, Уолтером Липпманом и президентом Франклином Рузвельтом. Он управлял крупным международным предприятием, торгующим произведениями искусства.

Историк К. А. фон Мюллер впервые увидел Гитлера именно в доме сестры Ганфштенгля, Эрны. «Зазвонил звонок. Через открытую дверь я мог видеть его в узкой передней, вежливо и почти подобострастно приветствующим хозяйку. Он отложил в сторону хлыст, велюровую шляпу и теплую полушинель, затем расстегнул пряжку патронташа с висящим на нем револьвером и повесил все это на крюк для одежды. Это выглядело довольно эксцентрично, в стиле романов Карла Мая. Тогда мы еще не знали, до какой степени все эти мелочи в одежде и поведении были рассчитаны на эффект, так же, как и его усики, поразительно коротко остриженные, которые были у́же, чем его нос с неприятно широкими ноздрями»[173].

Эккарт также ввел Гитлера во влиятельные круги в Берлине. Он представил его и вагнеровскому клану в Байрейте, членов которого хорошо знал, так как ранее в течение нескольких лет

писал газетные обзоры вагнеровских фестивалей (*Festspiele*). Хаман в недавно вышедшей книге «Винифред Вагнер, или Байрейт Гитлера» называет Эккарта «вагнерианцем». Это указывает на еще одну область его интересов, в которой он сходился с Гитлером. Винифред Вагнер, англичанка, вышедшая замуж за сына Вагнера Зигфрида, в юности провела несколько лет в доме Бехштейнов, владельцев известной фирмы по производству роялей. Она считала Бехштейнов своими приемными родителями. В свое время Бехштейны предоставили Эккарту средства, необходимые для издания его журнала «Простым немецким». В июне 1921 года он представил им Адольфа Гитлера. Бехштейны стали «страстными поклонниками Гитлера» и стояли за него горой в любых обстоятельствах. Чем именно Гитлер во времена своего восхождения к вершинам власти был обязан таким своим сторонникам, как Бехштейны, Брукманы и Вагнеры, относится к главам истории, большая часть которых до сих пор остается ненаписанной. Но на каждом этапе его восхождения, за каждым его движением мы видим руку Дитриха Эккарта. Он готов был строить из себя буйного баварца, любителя пива, всегда готового вспрыгнуть на стол и прореветь свое стихотворение «*Sturm! Sturm! Sturm!*» («На штурм!»). Но одновременно он был, по всей видимости, первым, кто увидел в капрале настоящего Гитлера – задолго до всех остальных – и направлял первые шаги его рокового пути.

«Для роли фюрера нам нужен человек, который не убежит при первых звуках пулемета, – так передают слова Эккарта, которые он как-то вечером в начале 1919 года произнес за столиком для завсегдатаев одной мюнхенской пивной. – Офицера мы использовать не можем – народ их больше не уважает! Лучше всего подошел бы рабочий с хорошо подвешенным языком. Конечно, не профессор – тот наложит в штаны, как только красные начнут поигрывать ножками от столов. Особых мозгов тут не нужно: политика – это глупейшее занятие в мире, и любая рыночная торговка в Мюнхене знает больше, чем эти господа в Веймаре [там находилось социал-демократическое правительство]. Он также должен быть холостяком – тогда мы заполучим женщин»[174]. Позже существование Евы Браун, любовницы Гитлера, будут держать в секрете. Для германского народа их фюрер останется одинокой фигурой, ораторствующей на трибуне на Цеппелиновских полях в Нюрнберге или принимающей бесконечный военный парад с поднятой правой рукой. Гитлер удовлетворял всем предварительным условиям Эккарта. Но мог ли предполагать ментор – или все же мог? – что его ученик перерастет эти условия и перейдет все мыслимые

границы?

Драки и убийства

В послевоенном Мюнхене, для того чтобы публично пропагандировать какую-либо идею, необходимо было уметь постоять за себя в буйном мире тамошних пивных, где кулак был зачастую главным аргументом; тем более это было актуально в той нервной, взрывоопасной политической обстановке. Одной из главных черт баварского характера – если не говорить о слезливой сентиментальности в подпитии и при наплыве романтических чувств – является бьющее через край и порой переходящее в насилие физическое выражение своего настроения. А насилие тогда было разлито в самом германском воздухе. Тысячи закаленных в боях солдат принесли домой фронтовой дух. Они принесли также насилие и смерть, шедшие с ними бок о бок. Чуждый им мир буржуазной благопристойности они презирали. Это было поколение нигилистов – будь то возвышенный, литературный нигилизм Эрнста Юнгера или грубый, физический нигилизм уличного бойца, преданного лишь своим товарищам по отчаянию.

Более того, Германия была разобщенной страной. Напряжение вот-вот готовой разразиться гражданской войны ощущалось почти физически. Порой оно выражалось в революционных попытках захвата власти, подобных описанным ранее. Публично отстаивать свою точку зрения, а тем более агитировать за новую политическую партию было невозможно, не располагая физической силой, способной дать решительный отпор любому противодействию. Гитлер понимал это с самого начала. И все же за его одержимостью физической силой стояло нечто более глубокое, нечто «метафизическое». «Программа обычной политической партии – это всего лишь рецепт того, как состряпать из следующих выборов благоприятные результаты, – писал он в “Майн Кампф”. – Однако программа новой идеологии (*Weltanschauung*) [подобной его собственной] означает объявление войны существующему порядку вещей, существующим условиям – короче говоря, установившейся идеологии… Для того чтобы новая идеология стала эффективной, она должна воплотиться в боевом, воинственном движении… Любая идеология, будь она хоть сто раз правильной и в высшей степени благотворной для человечества, не принесет никакой практической пользы до тех пор, пока ее основные положения не лягут в основу боевого движения»[175].

С самого начала этот человек был убежден, что несет новое *Weltanschauung*, новое мировоззрение, более того, новую Веру – как Германии, так и всему человечеству. Он немедленно увидел, что ничтожную DAP можно использовать для того, чтобы вырастить массовую партию и захватить власть над обществом. Он также знал, что лишь физическая сила – другими словами, насилие – была способна привести его к цели. «Со дня нашего основания, – писал он, – мы приняли твердое решение защищать будущее движение, пробивая себе дорогу с боем, в духе слепой веры и отчаянной решимости… Применяя агрессивные методы борьбы, мы устанавливаем в мире новую идеологию, за которую будем стоять с беззаветной преданностью… Террор нельзя победить инструментами разума, он побеждается лишь контртеррором»[176]. Здесь лежит источник варварства, террора и жестокости, ставших отличительными чертами Третьего рейха. «Времена были жестокие, но это движение было исполнено духа насилия с самого своего рождения», – отмечает Лоренс Рис[177]. Конрад Хайден сам слышал, как Гитлер кричал: «Быть может, мы бесчеловечны. Но если мы спасем Германию, мы совершим самое гуманное деяние в мире! Быть может, мы неправы. Но спасая Германию, мы уничтожаем величайшую неправедность в мире! Быть может, мы аморальны. Но спасая наш народ, мы вновь открываем дорогу к нравственности!»[178]

Банда мускулистых телохранителей была совершенно необходима, это стало очевидно с первого момента выхода НСДАП на публику. Так же, как социалистам и коммунистам, их соперникам из правого лагеря, нацистам, была нужна *Saalschutz* (охрана зала). Эта тренированная охрана должна быть способной утихомирить буянов или вышвырнуть их на улицу – если нужно, с пролитием крови. Использование пивных кружек и ножек от столов и стульев в качестве основных аргументов было устоявшимся политическим обычаем того времени. Здесь нацисты преуспели не меньше, чем их противники. Гитлер сам как-то получил тюремный срок за срыв – при помощи своих приспешников – встречи баварских монархистов в Лёвенбраукеллере.

Много лет спустя в одном из своих монологов Гитлер будет вспоминать: «Я мог использовать лишь тех людей, которые умели драться. Это справедливо везде: люди, которые способны строить планы, но не могут пустить в ход кулаки, бесполезны. Я нуждался в тех, кто был готов делать то, что нужно было делать»[179], – это могло означать все что угодно. «Ведь мы нуждались и нуждаемся, – писал он в “Майн Кампф”, – не в одной или двух сотнях горячих заговорщиков-сорвиголов, но в сотнях и сотнях

тысяч фанатичных борцов за нашу идеологию. Нужно работать не в тайных кружках, а на гигантских массовых манифестациях. Дорогу нашему движению нельзя расчистить ни пистолетом, ни кинжалом, но лишь завоеванием улицы. Мы должны показать марксистам, что национал-социализм является будущим властелином улицы, равно как и будущим властелином нации»[180].

Именно так появился на свет *Sturmabteilung*, сокращенно СА (штурмовики, буквально – «атакующее подразделение»). Поначалу эти отчаянные головы набирались под прикрытием спортивных клубов, но все изменилось, когда дело взяли в руки профессионалы, в особенности бригада Эрхардта. Полное название этого широко известного отряда Добровольческого корпуса, который после войны сражался в Брауншвейге, Мюнхене и Силезии, звучало «Морская бригада Эрхардта», по имени своего основателя и предводителя корветтен-капитана Германа Эрхардта. «Во время Кильского восстания», случившегося в начале ноября 1918 года и ставшего прологом революции в Германии, «клинобородый Эрхардт начал мобилизовывать антиреволюционно настроенных солдат. Он организовал их в бригаду численностью в пять тысяч человек. Позже один независимый эксперт назовет эту бригаду лучшим боевым подразделением из всех, что ему доводилось видеть»[181].

И все же этот отряд Добровольческого корпуса был лишь одним из многих. Они «появлялись, как грибы после дождя». Их общая численность достигла 400 тысяч человек. (В Германии к тому времени было демобилизовано шесть миллионов солдат.) «Добровольческий корпус – это кондотьеры наших дней, – пишет Бурлейгх. – Его отряды состояли из бывших ударных частей, из унтер-офицеров, сверхштатников, университетских студентов, которым не удалось попасть на фронт, и всех остальных, кто еще жаждал крови или был психологически неспособен к демобилизации»[182]. «Как наемников древних времен, “их толкало вперед неугомонное беспокойство. Они хотели выгореть дотла, их вело извечное мужское стремление идти навстречу опасности. Солдаты удачи, они принимали презрение толстых буржуев, но платили им той же монетой, сидя вокруг своих лагерных костров, находясь в казармах, в битве или на марше”», – пишет Хайнц Хёхне, цитируя Эрнста Юнгера[183]. Конрад Хайден назвал их «вооруженной накипью общества, результатом пяти гибельных лет»[184].

Связующим звеном между бригадой Эрхардта и движением, возглавляемым Гитлером, стал капитан Эрнст Рем. Наряду с Майром и Эккартом, он был одним из тех, кто сделал возможным

феномен Гитлера. Лонгерих называет Рема «приемным отцом» СА. «В его понимании общества доминировали военные категории. Он разделял презрение фронтовиков ко всему гражданскому и с нетерпением ожидал начала какой-нибудь войны»[185]. Военные и война, в ходе которой Рем был несколько раз ранен – ему отстрелили часть носа, – были его жизнью. У него был тот же склад ума, что и у бандитов из Добровольческого корпуса. Разница была лишь в том, что он был офицером законного рейхсвера, в соответствии с Версальским договором урезанного до 100 тысяч человек. Рем носил скромное звание капитана, но был удивительно влиятельным офицером. Он мог принимать решения на политическом уровне в обход начальства, и прежде всего потому, что был главой нелегального движения по организации складов оружия в Баварии. Его даже называли «пулеметным королем». «Рем владел ключами к оружейному арсеналу»[186]. Как и капитан Майр, Рем был связан со многими организациями, явными и тайными. Сам он возглавлял *Reichkriegsflagge*, «Боевое знамя рейха», а также играл ведущую роль в *Eiserne Faust*, «Железном Кулаке». Кроме того, он входил в обширную сеть гомосексуалистов – гомосексуализм был результатом скандальнейшего выхода на поверхность латентного гомоэротизма в молодежных движениях и в *Männerbünde* (мужских лигах), в том числе в армии и Добровольческом корпусе.

Рем вступил в DAP вскоре после Гитлера. Все тот же общительный Эккарт приложил руку к привлечению в партию этого влиятельного и талантливого офицера, способного организовать боевые отряды, а при необходимости и снабдить их оружием. Однако офицер Эрнст Рем так никогда и не подчинится бывшему капралу Гитлеру безоговорочно, хотя в течение некоторого времени они и будут обращаться друг к другу на «ты». Неразрешенный конфликт в их отношениях впоследствии приведет к физическому устранению Рема. «Несмотря на то, что Рем возлагал огромные надежды на лидера НСДАП, он ни в коей мере не чувствовал необходимости подчиняться Гитлеру лично. Напротив, Гитлер как “политический” вождь *Kampfbund*’а [“боевого отряда” – временной коалиции националистических организаций] был для него в первую очередь “зазывалой”, работающим на публику глашатаем, который в рамках самого движения должен стоять позади военных. Рем высоко ценил себя. Он всегда ставил солдата выше политика»[187].

«Рем включил солдат Эрхардта в гитлеровскую СА, и они составили ее ядро», – пишет Хайден[188]. «Бригада Эрхардта попросту превратилась в отряд гитлеровских штурмовиков», – подтверждает Хайнц Хёхне[189]. На этот счет у нас есть свидетель,

Эрнст Ганфштенгль: «Гитлер более или менее открыто работал с людьми из Бригады Эрхардта… Когда я начал захаживать в бюро “Беобахтера”, которое было штаб-квартирой заговора, два человека, стоявшие на страже у дверей Гитлера, даже не были членами СА, они были из организации «Консул» – той части группы Эрхардта, что стояла за убийствами Эрцбергера и Ратенау… СА обычно маршировали вместе с *Viking Bund*, то есть с военизированными формированиями самого Эрхардта»[190]. «Там был еще один человек, несколько загадочный лейтенант по фамилии Клинцш, – продолжает вспоминать Ганфштенгль. – Он был одним из руководителей штурмовиков, а прежде был – а может быть, и тогда оставался – членом организации “Консул”»[191]. Клинцш, правая рука Эрхардта, был непосредственно причастен к убийству Маттиаса Эрцбергера. Организация «Консул» была группой заговорщиков из бригады Эрхардта. В ее ведении находилось исполнение приговоров тайного трибунала. «Консул» – конспиративное имя самого Эрхардта. Журналист Конрад Хайден, лично знавший о связях гитлеровского движения с этой бандой профессиональных убийц, без оговорок обвиняет в смерти Эрцбергера непосредственно Гитлера: «Эрцбергера убили люди Гитлера»[192].

В поисках объяснения «зла Гитлера» историк Рон Розенбаум обратился к заметкам ежедневной газеты *Münchener Post*, читая которые он вновь и вновь наталкивался на пятна крови и мозгов на стенах, на следы смерти. «После того, как я ушел с головой в их репортажи о Гитлере и его партии, – пишет Розенбаум, – я увидел, что словосочетание “политический преступник” было не пустым эпитетом. Это было четко сформулированное выражение более широкого взгляда: зло Гитлера – это не порождение некоей зловещей высшей абстракции или убеждения, это не идеология, которая для достижения своих целей опустилась до преступления и убийства. Скорее, его зло *возникло* из самой его преступной природы и лишь облекло себя в форму идеологического убеждения. *Münchener Post* день за днем подтверждала это – и не столько в сообщениях о крупных скандалах на первых полосах, сколько в ежедневных банальных заметках об убийствах. “Тайный трибунал убивает в Тюрингии”, “Коричневое убийство в Штутгарте”, “СА проливает кровь в Галле”, “Коричневый террор в Магдебурге”, “Нацистские убийства в Липпе”. Редкий номер этих последних двух лет выходил без одного, а то и двух, трех, четырех коротких донесений, сообщающих об откровенных хладнокровных убийствах членами гитлеровской партии своих политических оппонентов… Более крупный масштаб, который обычно берут для изображения этих событий, не позволяет

разглядеть то, что происходило, так сказать, на земле, сам характер ежедневного террора, который смотрит на нас со страниц *München*er *Post.* Проводилось систематическое, последовательное физическое истребление самых способных политических оппонентов Гитлера. Это осуществляла партия политических преступников»[193].

Но капитан Эрхардт, самовластный командир элитной бригады Добровольческого корпуса, подобно Рему, отказался подчиняться человеку, который в его глазах был любителем, претенциозным, если не сказать помешанным, экс-капралом. (В те времена имя Адольфа Гитлера в окружении Эрхардта часто насмешливо сокращалось до Ахи.) По сведениям Хёхне, Эрхардт не только отозвал своих людей из СА, но и открыто выступил против Гитлера и его партии. «В тесном сотрудничестве с правительственными кругами и под прикрытием националистов капитан Эрхардт готовился сформировать еще один отряд Добровольческого корпуса. Судя по способу, каким осуществлялся набор его личного состава, и принимая во внимание прежнюю позицию капитана Эрхардта, его целью должно было быть уничтожение НСДАП». Это убедит Гитлера в необходимости иметь отряд телохранителей, связанных клятвой с ним лично. Он создаст ударный отряд *Stosstrupp Adolf Hitler*, который впоследствии будет заменен СС, Черным орденом Мертвой головы.

(Гитлер не забудет ни того, что Эрхардт замышлял в отношении его самого, ни того, что во время мюнхенского путча в ноябре 1923 года тот принял сторону фон Кара[194]. В «ночь длинных ножей», во время расправы с руководством СА и Ремом лично, «роботы из СС охотились за предполагаемыми врагами государства повсюду… Капитан Эрхардт, неохотно сотрудничавший с Гитлером в 1923 году, захватил с собой пару ружей и скрылся в лесах своего поместья. Как только гестапо покинуло его дом, с помощью нескольких друзей он был тайно переправлен в Австрию»[195]. Ему удалось спастись. Рему и многим другим, включая фон Кара, повезло меньше.)

«Везучий волк»

«Гитлеру нравилось, когда в близком кругу его называли Wolf (Волк)», – читаем мы у Феста. «По его мнению, именно из этого древнегерманского слова происходило имя Адольф. Более того, оно соответствовало его пониманию мира, живущего по закону джунглей, и намекало на присущую его носителю силу,

агрессивность и одиночество. Он также время от времени пользовался именем Wolf в качестве псевдонима, а позднее дал его сестре, управлявшей его домашним хозяйством»[196]. Толанд пишет: «Жизнь Гитлера соответствовала его имени, которое произошло от древнетевтонского слова, означавшего “удачливый волк”»[197]. (Согласно еще одному источнику, имя «*Adolf*» означает *Adelwolf*, благородный волк.) Не случайно и то, что в подписи Гитлера буква «*H*», с засечкой на горизонтальной черте, напоминала руну *Wolfsangel* («волчий капкан»).

Гитлер пользовался этим псевдонимом достаточно часто. До тех пор, пока не стало ясно, что дом Вахенфельда в Оберзальцберге приобрел известный политик Адольф Гитлер (вероятно, на средства, полученные от Бехштейнов), его знали там под именем *Herr Wolf* (господин Вольф). Он перестроит этот дом и превратит его в свою знаменитую резиденцию Бергхоф. «Вольф» был также его обычным псевдонимом в Байрейте; дети Винифред и Зигфрида называли его «дядя Вольф». В названиях многих его полевых штаб-квартир и ставок слышится то же слово: *Wolfsschlucht* (Волчье Ущелье), *Wolfsschanze* (Волчье Логово) и *Werwolf* (Волк-оборотень). Город, в котором будут делать Фольксвагены – автомобили, спроектированные Гитлером совместно с Фердинандом Порше, – был назван Вольфсбург. Он носит это имя и поныне. Можно привести множество других примеров.

В 1922 году один из его телохранителей, Христиан Вебер, подарил Гитлеру на день рождения (20 апреля) немецкую овчарку. Тот был в восторге. (Во время войны лучшим другом Гитлера был маленький английский фокстерьер по кличке Фоксл. «Ублюдок, укравший его, не представляет, что он со мной сделал!» – сказал он однажды ночью в Вольфсшанце.) Овчарка получила имя Вольф в честь своего нового хозяина и стала постоянным спутником Гитлера… Это был верный и преданный пес. Фюрер всегда брал его на прогулки, а также на совещания»[198]. Эту собаку можно видеть на некоторых фотографиях, где Гитлер принимает парад или произносит речь под открытым небом. Этот пес станет первым в ряду собак Гитлера. Последней будет Блонди, оставшаяся с ним в берлинском бункере, – ее используют для того, чтобы проверить действие яда, с помощью которого Гитлер и Ева Браун собирались покончить с собой.

Другим постоянным спутником Гитлера в те ранние годы была плеть. В какой-то момент у него их было целых три! «Ганфштенгль представил Гитлера фрау Эльзе Брукман, жене издателя Хуго Брукмана, антисемита, симпатизировавшего

пангерманскому движению… Вкрадчивые манеры Гитлера и его неловкость в обществе пробудили в Эльзе материнский инстинкт. Неясно, из каких соображений она подарила ему одну из тех собачьих плеток, которые тот неизменно носил с собой, – быть может, для защиты от недругов? Любопытно, что другую собачью плеть – его первую – преподнесла ему еще одна покровительница, фрау Хелена Бехштейн. А третью, тяжелую, из шкуры гиппопотама, которую он стал носить позднее, подарила фрау Бюхнер, хозяйка “Платтерхофа” – отеля, где он останавливался в Оберзальцберге» (Ян Кершоу[199]).

Эти на первый взгляд мелкие детали и анекдотические подробности указывают на один элемент, который, как мы отмечали ранее, является неотъемлемой чертой нацизма. Нацизм усвоил его, подражая своему высшему образцу, фюреру. Этим элементом было насилие, террор и жестокость. Себастьян Хаффнер рассказывает, как главные нацисты, которых за глаза называли *Goldfasane*, «золотыми фазанами» из-за броских, обвешанных медалями мундиров, важно расхаживали со своими плетьми. «Им была свойственна, – пишет он, – эта отвратительная манера поигрывать хлыстом, хотя они никогда даже не сидели верхом на лошади»[200]. Первым, кто стал копировать в этом Гитлера, был полусумасшедший извращенец Юлиус Штрайхер.

Кажется странным совпадением, что столько актеров в великой германской драме – позже они займут вершины нацистской иерархии – оказались на мюнхенской сцене в одно и то же время. «Все эти люди, чья встреча положила начало новой политической и идеологической организации, способствующей распространению цивилизации, совершенно отличной от нашей, сошлись в Мюнхене… Все главные члены будущего высшего правящего класса Третьего рейха оказались на одной сцене»[201]. Многих поражало и то, что в момент подъема этого движения даже в глазах проницательного человека эти люди терялись на фоне обычных немцев той поры. Действительно, Гесс был заслуженным военным летчиком, обладателем приза за первый полет вокруг Цугшпитце, а также студентом и другом профессора Хаусхофера; Штрайхер – учителем; Розенберг – архитектором; Гиммлер – сельскохозяйственным инженером; Ганфштенгль – бывшим гарвардским студентом и торговцем произведениями искусства; Грегор Штрассер был аптекарем; Франк – юристом; Геббельс – доктором немецкой филологии; Геринг – пилотом-асом, последним, кто командовал легендарной эскадрильей Рихтхофен, кавалером высшего военного германского ордена «За заслуги»… Джозеф Персико в своей книге о Нюрнбергском процессе писал: «Большинство этих военных преступников просто

затерялись бы в толпе бизнесменов и бухгалтеров…»[202]

Но уже после захвата власти, когда «партийные товарищи из разных мест страны, в компании канцлера великого германского народа, сходились вместе за мирной чашкой кофе, неизменными темами их разговоров были истребление, бунт, аресты, убийство и грабеж!»[203] В ранние годы оба брата Штрассера – Грегор и Отто – входили в эту удачливую банду. Одно время многие даже считали Грегора соперником Гитлера в борьбе за власть в НСДАП. В изгнании Отто Штрассер напишет: «Геринг – это грубый эгоист, которому нет дела до блага Германии, лишь бы он сам был важной шишкой. Геббельс – двуличный хромой дьявол. Рем – свинья. Такова старая гвардия фюрера»[204]. А Грегор незадолго до своей смерти в «ночь длинных ножей» говорил: «Отныне Германия находится в руках австрияка [Гитлера], являющегося прирожденным лжецом, бывшего офицера-извращенца [Геринга] и косолапого [Геббельса]. И нужно сказать, что последний – самый худший из них. Это Сатана в облике человеческом»[205].

«Единственное, что было у них общего, – это ревность и мелочное соперничество», – напишет Ганфштенгль, старый сподвижник, советник и, как он полагал, друг Гитлера. Ганфштенгль думал, что может быть откровенным с ним и после того, как тот стал рейхсканцлером. Не тут-то было. Чтобы сохранить жизнь, ему пришлось бежать. «Очень многие из нас слишком поздно поняли, что возрождение национальной жизни и экономики – это лишь часть их целей. Гитлер и большинство его сторонников и в самом деле верили в свои антиклерикальные, антисемитские, антибольшевистские и расистские лозунги. И чтобы провести их в жизнь, они были готовы перевернуть вверх дном всю страну»[206].

5. Сведение счетов

Я верю, что есть люди, притягивающие смерть.

Без всяких сомнений, Гитлер был одним из них.

Генриетта фон Ширах

Ужасный год

После череды мучительных послевоенных лет наступил ужасный для Германии 1923 год. В отместку за неудовлетворительные выплаты репараций – карательных платежей, согласованных Версальским договором – три французские и бельгийские дивизии оккупировали Рур, промышленное сердце Германии. Германское правительство ответило на это «пассивным сопротивлением», остановив в Руре все производство. Тем не менее, оно было вынуждено выплачивать компенсации промышленникам и рабочим – правительство включило печатный станок, вызвав тем самым бесконтрольную инфляцию. В результате победители в Великой войне получали деньги, которые уже ничего не стоили. Но для населения Германии последствия были катастрофическими. Прежде всего это ударило по среднему классу, потерявшему все свои сбережения.

Очень скоро гиперинфляция приняла фантастические масштабы. Пачки денежных купюр уже не пересчитывали, их мерили линейкой. «Топить печь деньгами было дешевле, чем углем», – пишет Вайсс[207]. Хайден использует выражение «голодные миллиардеры». Одно яйцо стоило пять миллионов марок. «По существу, денег в Германии больше не было», – заключает Хаффнер[208]. Тысячи людей потеряли работу. Лавинообразно росло число стачек и мятежей – толпы голодных людей громили магазины в городах и фермы в сельской местности. Процветали жулики, торговцы черного рынка и ростовщики. Средний класс, у которого был свой кодекс чести – в подражание дворянству и родовой знати, – а также военные и государственные служащие не знали больше, во что верить, и, как следствие, обратились к партиям крайне правого толка, которые утверждали, что здоровье и самоуважение Германии способны вернуть лишь самые решительные меры. Число членов НСДАП

резко возросло.

Коммунисты, которыми теперь напрямую руководили из Москвы (скоро это будет обозначать лично Сталина), решили, что в Германии наступил момент для совершения «второй революции». Они попытались захватить власть, отобрав ее у социал-демократов – аналога российского Временного правительства, – которые были у власти в Веймарской республике. «И действительно, в Тюрингии и Саксонии, где в сентябре к власти также пришел Народный фронт, по решению Политбюро Российской коммунистической партии радикально левые готовились к решительному вооруженному восстанию. При помощи российских инструкторов были организованы ударные отряды и первые “революционные сотни”, дружины вооруженных рабочих, сформированные по примеру революционной гвардии Петербурга. Их задача была в том, чтобы… разносить революцию, как лесной пожар. Она должна была стремительно разойтись из центра по всей Германии и вылиться в “немецкий Октябрь”, в подражание российскому»[209].

Германия была расколота на два лагеря – левых и правых. Гражданская война казалась неминуемой. Но сами левые были роковым образом разделены на социалистов и коммунистов. Причиной, по которой гражданская война *не* вспыхнула в годы, непосредственно последовавшие за перемирием, была глубокая враждебность между двумя левыми идеологиями. Они грызлись между собой яростнее, чем с правыми. По иронии судьбы, социал-демократическому правительству, для того чтобы удержаться у власти, подавляя коммунистические выступления, приходилось целиком опираться на ультранационалистический рейхсвер, то есть на армию.

Социал-демократические правительства Шейдемана и Штреземана – время от времени образовывавшие коалиции с либералами и католиками центра – были способными, патриотичными и преданными не только делу улучшения положения рабочих, но и благосостоянию своей страны как единого целого. Но им досталась в наследство ситуация, с которой было невозможно совладать: во-первых, необходимо было выполнять пункты Версальского договора, во-вторых – управлять страной, стоявшей на краю пропасти. И все это в атмосфере травли и насмешек со стороны правой, реакционной, националистической части населения, которая считала себя истинной Германией и живым воплощением ее ценностей. Такое отношение – почти инстинктивное – реакционной Германии к идеологическим ценностям социализма, выражавшим интересы четвертого сословия, будет непосредственной причиной того, что

приход к власти Гитлера станет возможным. Сам он будет использовать этот фактор до предела.

Главнокомандующим рейхсвера был Ханс фон Зеект, носящий монокль офицер прусской выучки, весьма одаренный и хорошо отдающий себе отчет в том, что он стоит в центре реальной власти. Некоторые прочили его в правые диктаторы. Хотя численность немецкой армии и была сокращена до 100 тысяч человек, причем Германии было запрещено иметь флот и военно-воздушные силы, в стране были тысячи обученных и фанатично преданных националистическим идеалам людей из Добровольческого корпуса и народного ополчения. Зеект предусмотрительно включил их в состав «черного рейхсвера», маскируя под молодежные организации и спортивные клубы. Задачей Зеекта было подавление коммунистических выступлений в Тюрингии и Саксонии, а также в Гамбурге, Руре и других местах. Это удалось без большого труда – вероятно потому, что он мог рассчитывать на поддержку любого немца. Всего через шесть лет после Русской революции коммунизм уже стал всеобщим пугалом.

Более серьезной проблемой для фон Зеекта, а также для правительства Веймарской республики была Бавария. Для всех немецких реакционеров она была оплотом националистического духа. Как мы уже видели, Бавария была готова помочь в беде правым борцам и принять тех, кто оказался не в ладах с законом. Здесь нужно иметь в виду, что германские государства (федеральные земли), входящие в Германию, все еще сохраняли значительную долю независимости; армия и полиция, к примеру, управлялись местным правительством. Другим важным обстоятельством было то, что католическая Бавария была склонна к сепаратизму и соперничала с протестантской Пруссией. Мюнхен, «Афины на Изаре», для баварцев был синонимом культуры, тогда как прусский Берлин символизировал грубость, невоспитанность и ересь. «С тех пор как Бисмарк основал Второй германский рейх, Бавария играла роль провинциального вассала. Теперь же сложившаяся ситуация давала Мюнхену шанс вырвать лидерство из рук презренных берлинских пруссаков и возглавить Германию»[210].

Осенью 1923 года напряженность между Баварией и федеральным правительством достигла критического уровня. Канцлер Штреземан не пожелал больше терпеть нападки на себя лично и на республику со стороны мюнхенской правой прессы, особенно *Völkischer Beobachter*. При этом неповиновение Баварии закону вышло за все мыслимые рамки – она предоставила убежище таким людям, как Эрхардт и Клинцш, которых

разыскивала полиция. Когда генерал Отто фон Лоссов, командующий отделением рейхсвера в Баварии, отказался выполнить указания военного министра, тот отстранил его от должности. В один и тот же сентябрьский день и правительство Баварии, и центральное правительство одновременно объявили о введении чрезвычайного положения. Президент Баварии наделил диктаторскими полномочиями Густава фон Кара, «государственного комиссара», а генерал фон Лоссов был восстановлен в должности главы баварского рейхсвера. Это означало мятеж: Бавария бросила открытый вызов Веймарской республике.

Принимая во внимание оккупацию Рура, на месте которого французы стремились создать отдельное государство, учитывая коммунистические выступления, провоцируемые Москвой, и то, что напряженность между Баварией и центральным правительством достигла крайней точки, а также катастрофическое состояние финансов и экономики, приведшее к безработице и бунтам, неудивительно, что Себастьян Хаффнер пишет: «Осенью 1923 года Германское государство было на грани политического исчезновения»[211]. Иоахим Фест придерживается того же мнения: «Изнуренное [центральное] правительство вполне могло принять события в Мюнхене за начало конца»[212].

Путчист во фраке

«Три фона» – государственный комиссар Густав фон Кар, командующий баварским рейхсвером генерал фон Лоссов и полковник фон Шайссер, глава баварской полиции – сформировали триумвират, обладавший практически неограниченной властью в Баварии. Будучи реакционерами правого толка, они не колеблясь пошли на дальнейшее усиление конфронтации с Веймарской республикой и провозгласили Баварию «твердыней германской нации, над которой нависла угроза». Баварская армия должна была присягать не конституционному центральному правительству, а Баварскому государству. Большую часть своей повстанческой деятельности триумвират представлял мерами, направленными против коммунистической угрозы, исходящей из соседней Тюрингии. Но никто не сомневался в том, что они планировали еще один правый переворот против Веймарской республики и рассчитывали на поддержку националистических кругов по всей стране, в том числе и в Берлине. Однако они были не просто сепаратистами, они были монархистами. Они хотели вернуть на баварский трон

династию Виттельсбахов в лице кронпринца Руппрехта, фельдмаршала, командующего баварской армией в ходе войны и по-прежнему «пользующегося почти мистическим авторитетом». Теперь принц Руппрехт жал на все пружины, чтобы вновь попасть в королевский дворец в Мюнхене, который глубокой ноябрьской ночью 1918 года в спешке покинул его отец.

«Три фона» и Адольф Гитлер друг друга терпеть не могли. Ультраправый Гитлер, фанатичный пангерманец, был заклятым врагом баварского сепаратизма и с глубоким презрением относился к королевской семье и дворянству в целом. Триумвират, со своей стороны, смотрел на австрийского экс-капрала сверху вниз, ибо последний был в их глазах «претенциозным молодым человеком с темным прошлым, у которого, кажется, не все дома»[213]. Эрнст Ганфштенгль позднее засвидетельствует тот факт, что «на борьбу Гитлера с этим пренебрежительным отношением уйдут годы»[214]. Люди, пишущие о Гитлере, порой упоминают некоторые его замечательные достижения. Это, например, восстановление экономики, воссоздание германской армии или мастерски спланированная стратегия вторжения во Францию. Но о его упорной борьбе против социальных барьеров и предрассудков на пути к власти пишут очень редко. Тем не менее, именно это упорство сделало возможным все остальное. Для того чтобы привести его туда, где он в конечном счете оказался, он должен был черпать энергию в чрезвычайно сильной убежденности или во вдохновении, или в неком видении.

Кар и двое его приспешников сделали все, что было возможно, ставя преграды на пути реализации амбиций Гитлера. Они запрещали некоторые манифестации нацистов, а также, время от времени, публикацию его газеты *Völkischer Beobachter*. «Коричневая фаланга», СА, быстро набирала мощь. Росло и число членов НСДАП. Часто проносились слухи о путче – в особенности после того, как Муссолини стал «дуче» (вождем) Италии в результате своего «марша на Рим». Кто в Германии знал тогда, что этот «марш» был большей частью мифическим? И кто учитывал то, что социальная и политическая обстановка в Германии была совершенно отличной от ситуации в Италии? Достаточно бросить взгляд на карту Германии и принять во внимание расстояние, разделявшее Мюнхен и Берлин, а также то, что дисциплинированные войска рейхсвера, подчинявшегося фон Зеекту, могли легко блокировать продвижение на север любых баварских отрядов, чтобы подивиться тому, как триумвират, равно как и Гитлер, могли даже мечтать о марше на Берлин. Но безумные времена рождают безумные планы.

Кроме того, Гитлер сам загнал себя в угол, лишившись свободы маневра. Он не протестовал, когда его сравнивали с Бенито Муссолини и уже публично позволял называть себя фюрером, то есть вождем, *дуче*, нацистов. (Скоро титул «фюрер» станет в НСДАП обязательным. Старые знакомые, по привычке обращаясь к нему «господин Гитлер», будут вызывать его гнев.) Растущие ряды СА, большей частью пополнявшиеся безработными, нужно было кормить и чем-то занимать. Их утешало чувство братства, радовали украшенные свастикой грозные повязки и мундиры (если таковые у них были), но большинство СА состояло не из идеалистов: они просто были голодными людьми без гроша в кармане. И они не могли вечно маршировать по улицам под бравурную музыку или собирать деньги для партии, порой озоруя на стороне – например, избивая какого-нибудь старого еврея. Они ждали обещанного – а им обещали хлеб, деньги и власть, – и все это не в отдаленной перспективе, но при первой возможности.

«Гитлер оказался заложником собственной пропаганды, где он вновь и вновь объявлял, что вскоре рассчитается с “ноябрьскими преступниками”. И было ясно, что если сейчас он не пойдет на путч, то в глазах своих сторонников окажется нерешительным болтуном. И тогда – рано или поздно – сама динамика ситуации вырвет у него инициативу и лишит власти» (Ральф Ройт[215]). «Штурмовики рвались в бой. Их нетерпение имело различные причины. Многие были профессиональными солдатами, которые после недель тайных приготовлений пребывали во взвинченном состоянии и ждали, наконец, сигнала к решительным действиям. Некоторые полувоенные организации, неделями пребывавшие в боевой готовности, приняв участие в «осенних маневрах» [баварского] рейхсвера, остались совсем без средств. Гитлеровская касса также была практически пустой. Люди начинали голодать» (Иоахим Фест[216]).

Гитлеровский путч 8 и 9 ноября 1923 года был одним из самых плохо подготовленных, самых неуклюжих и даже комичных (если не считать завершившей его перестрелки) событий в немецкой истории. Вечером 8 ноября Гитлер и его приспешники попытались захватить собрание в «Бюргербраукеллере», которое было организовано Каром, Лоссовом и Шайссером. Гитлер опасался, что это трио может опередить его и первым начать путч, провозгласив независимую Баварию под властью короля Руппрехта. Но с самого начала все пошло наперекосяк.

Гитлер во главе своего ударного отряда – они были в касках и с оружием – появился в переполненном пивном зале. Он был во фраке и походил на официанта-распорядителя. (Никому так и не

удалось выяснить, откуда ему могла прийти в голову мысль выбрать для совершения переворота этот оригинальный костюм.) Размахивая пистолетом, он выстрелил в потолок и заставил толпу замолчать. «Национальная революция началась!» – прокричал он. Он провозгласил, что сформировано новое национальное правительство во главе с ним самим и с Людендорфом в качестве главнокомандующего (это распределение ролей с Людендорфом не обсуждалось, и тот никогда не простит этого Гитлеру). Под угрозой применения силы Гитлер заставил триумвират принести клятву сотрудничать с ним – они тут же нарушили ее, как только Гитлер оставил их одних и отправился куда-то еще, где его присутствие было совершенно не нужно. «Фоны» бежали из пивного зала, провозгласили все инициативы нацистов незаконными и занялись подавлением путча. После долгой нерешительной ночи, во время которой была совершена масса других глупых ошибок и выпито множество литровых (миллиард марок каждая) кружек пива, где-то в 11 утра 9 ноября нацисты, по инициативе Людендорфа, двинулись к центру города.

«Большинство участников марша были в изношенных мундирах из старых армейских запасов, порой перемежавшихся предметами гражданской одежды вроде фетровых шляп и шалей. У одного из участников сложилось впечатление, что он и его товарищи выглядят “как армия, которую разбили еще до боя”. Другой спрашивал себя, могут ли эти оборванные фигуры произвести хоть какое-то действенное впечатление на население. Но что было делать? Никто не знал заранее, что в пропагандистских целях им придется маршировать через весь город, а прошлой ночью они спали слишком мало и выпили слишком много пива. Многие страдали от жуткого похмелья» (Дэвид Лардж[217]).

Гитлер шагал в первом ряду, за флагами и знаменами; слева от него шел Людендорф, справа – Шойбнер-Рихтер. Также в первом ряду шел Геринг, как глава СА, Крибель, командир «Кампфбунда», Розенберг и телохранитель Гитлера Ульрих Граф (мясник, борец и известный буян). Затем, одна рядом с другой, шли три колонны: ударный отряд *Stosstrupp Adolf Hitler*, ветераны из мюнхенского СА и «Бунд Оберланд». За ними – «разношерстный люд». Их общая численность составляла две-три тысячи человек.

Прибыв на Мариенплац – центральную площадь Мюнхена с готическим зданием муниципалитета, – Гитлер вновь показал себя неспособным к принятию решений. Тем, кто определил курс, опять стал Людендорф. Он, будучи «при всех регалиях», направил шествие по направлению к Фельдернхалле – знаменитому зданию

эпохи Возрождения рядом с площадью Одеон. Но узкая улочка, на которую вышли участники марша, была заблокирована кордоном полиции. Никому не известно, кто выстрелил первым. Через тридцать секунд – а когда стреляют, это немало – перестрелка прекратилась. Четырнадцать участников марша и четверо полицейских были убиты. Шедший рядом с Гитлером Шойбнер-Рихтер был убит одним из первых и увлек в своем падении Гитлера. Упавшего ничком фюрера закрыл своим телом Граф. В Графа попало не менее одиннадцати пуль (он выжил). Это был один из множества случаев, когда Гитлера защищало само провидение – впрочем, это можно назвать как угодно. Он отделался вывихом левого плеча, бежал и укрылся в загородном доме Ганфштенгля в Уффинге. Здесь он пытался было покончить с собой, но его остановила супруга Ганфштенгля, прекрасная Хелена, которая вырвала у него револьвер.

Тот день, когда он так «оскандалился», «свалился с каната» – как он сам выразится позднее, – на всю оставшуюся жизнь станет для Гитлера болезненным воспоминанием. Именно тогда завершился ученический этап его политической карьеры. В дальнейшем он перейдет к совершенно иной тактике: достижению власти законными средствами.

Историки до сих пор пишут, что ноябрьский путч был импровизацией. Однако Бригитта Хаман в своей книге о Гитлере и Винифред Вагнер заставляет нас в этом усомниться. Впервые Гитлер посетил *Haus Wahnfried* в Байрейте 1 октября 1923 года, за месяц до путча. Все присутствующие были тронуты торжественностью, с которой он впервые знакомился с местом, в котором жил, работал и был похоронен великий Вагнер. «Не подлежит сомнению, что Гитлер говорил Вагнерам о планируемом путче», – утверждает Хаман. «Очевидно, что он планировал свой визит к Винифред очень тщательно. Он появился лишь тогда, когда его уже стали считать особенным человеком, даже будущим “спасителем Германии”, прихода которого давно уже ожидали по всей стране. Тогда он уже занимал центральное положение в немецких националистических союзах. То, что он нанес этот визит именно тогда, незадолго до путча и предполагаемого захвата власти, было подобно посвящению. Перед принятием важных решений религиозные люди отправляются в паломничество. Гитлер же пришел получить благословение [Хьюстона] Чемберлена и почившего учителя Рихарда Вагнера»[218]. Множились слухи, строились планы, был взят напрокат фрак – и вся эта затея обернулась ошеломляющим провалом, фиаско. Однако это фиаско сделает Гитлера фигурой национального масштаба.

Где же во время гитлеровского путча находился Дитрих Эккарт? Джон Толанд обнаруживает его в Бюргербраукеллере. Эккарт был там как раз перед самым выходом демонстрантов. Он был и около Изартора – смотрел, как те проходили мимо, распевая «Штурмовую песню», написанную им самим для СА[219]. Тогда он уже был тяжело болен и, должно быть, следовал за колонной путчистов в автомобиле. После провалившегося переворота его тоже арестовали и поместили под стражу – сначала в тюрьму Штадельхайм, а затем – вместе с Гитлером и остальными – в крепость в Ландсберге.

Важным документом гитлеровской саги является незаконченный «диалог», написанный Эккартом несколькими месяцами ранее, в апреле и мае того года. Он назывался «Большевизм от Моисея до Ленина: диалог между Адольфом Гитлером и мной». Данный текст является записью не реального, а вымышленного диалога. Однако он, без сомнения, основывался – и в этом его особая ценность – на действительных беседах, проходивших между этими двумя людьми. Если бы эти страницы были чистым вымыслом, Эккарт никогда бы не стал давать их читать другим и их никогда не стали бы печатать после смерти автора – во всяком случае, не в нацистском издательстве *Hocheneichen*.

Немецкий историк Эрнст Нольте в 1961 году первым привлек внимание исследователей к этому документу, а биография Эккарта, написанная Маргарет Плевниа, с подробным комментарием и анализом этого диалога появилась в 1970 году. Однако лишь сейчас историки начали изучать этот диалог всерьез. Первые шаги Гитлера на политической сцене до сего времени были исследованы явно недостаточно. Этот поразительный пробел является не только причиной недостаточного или неверного понимания того, как формировалось мировоззрение Гитлера, он также дает свободу самым экстравагантным домыслам.

С точки зрения Плевниа, гитлеровский антисемитизм сформировался в период «между осенью 1919 года и летом 1920 года» под влиянием Эккарта. Это прослеживается в речах Гитлера, сохранившихся в архивах мюнхенской полиции. Влияние эккартовской разновидности «метафизического антисемитизма», упомянутого в предыдущей главе, бесспорно. Например, об этом свидетельствует следующий фрагмент: «Мы не хотим быть эмоциональными антисемитами, создающими атмосферу погрома: нами движет непреклонная решимость разоблачить зло

в самой его основе и вырвать его с корнем. Для достижения этой цели оправданны любые средства, даже если бы нам пришлось заключить договор с дьяволом» (6.4.1920). И еще: «Если мы хотим вновь обрести здоровье, нам необходимо уничтожить эту отраву [то есть еврейский дух] как снаружи, так и внутри нас самих» (17.4.1920).

Гитлеровские антиеврейские тирады, развитие которых прослеживается со времен его зажигательных речей в Лехфельде и письма Гемлиху, становились все агрессивнее и напористее. Своего пика (на тот период) они достигнут в речи, произнесенной 13 августа 1920 года – менее чем через год после его вступления в кружок Харрера и Дрекслера. Название говорит само за себя: «Почему мы антисемиты?» Здесь Гитлер выдает весь свой антисемитский репертуар. В полицейском протоколе этой речи отмечено характерное нарастание отклика аудитории: «смех – аплодисменты – крики “браво!”, сопровождаемые аплодисментами – бурные аплодисменты – бурные продолжительные аплодисменты…» Эти протоколы ясно показывают, что германская почва была готова принять семена, которые сеял Гитлер и ему подобные.

Разумно предположить, что Эккарт хотел засвидетельствовать этим диалогом тот факт, что именно он был ментором Гитлера. Одной из возможных причин, побудивших его изложить все это на бумаге, было быстрое ухудшение здоровья. Другой причиной могло быть и то, что Гитлер больше не желал довольствоваться эккартовским «метафизическим антисемитизмом» и обратился к более осязаемым обоснованиям своей миссии. Хотя Эккарт и был пламенным антисемитом, проповедовавшим очищение германской расы от иудейского зла и пришествие фюрера, который должен повести немцев к великому будущему, его аргументация и философские идеи были слишком абстрактны для целей, которых пытался достичь своей демагогией Гитлер. Гитлер не мог призывать к уничтожению и устранению евреев, одновременно утверждая, что их зло, яд демонической расы разлит во всем человечестве, включая каждого немца, присутствующего в аудитории. Дарвинизм, в интерпретации Чемберлена и Розенберга, был куда проще и практичнее. В конце концов, антисемитизм – это что-то вроде инстинкта, и для его оправдания сойдет любое сочетание элементарнейших аргументов, как бы слабо они ни были связаны между собой. Согласие аудитории обеспечивается вдохновенностью и силой речи, а не стоящими за ней рассуждениями.

Тем не менее, многие термины (яд, отрава, паразиты, бациллы) и концепции, которые Гитлер использовал и будет

использовать в дальнейшем, находятся именно здесь, в этом тексте Эккарта. Он написан в форме диалога равных, чтобы не оскорбить недавно провозглашенного фюрера, если тому доведется его прочитать. Здесь есть и шизоидное толкование библейского рассказа о евреях в Египте: египтяне не держали евреев в рабстве, наоборот, евреи занимались своей обычной подрывной деятельностью, пытаясь свергнуть фараона. Здесь есть и положение о том, что именно христиане, последователи Павла, еврея из Тарса, подточили основы Римской империи, что привело к ее крушению. (Для Гитлера – так же, как и для Вагнера, Чемберлена, Розенберга и большинства нацистов – Христос не был евреем, он был арийцем и антисемитом.) Здесь и недвусмысленное отрицательное отношение к католической церкви, в корне своей иудейской, ведь ее священное писание – плод труда евреев, а многие ее праздники и церемонии – еврейского происхождения. Эти рассуждения находятся в прямом противоречии с тем фактом, что ответственность за антисемитизм в первую очередь несут именно христианство и католическая церковь. Конечно, Эккарт не забывает здесь и о теориях еврея Карла Маркса – они распространяются с тем, чтобы евреи смогли захватить мир, именно они вдохновляют Ленина и его иудео-большевизм.

Идеи, позаимствованные у Эккарта, встречаются здесь и там в различных беседах и ночных размышлениях Гитлера и в более поздние годы. Порой он будет заявлять, что нацизм должен вести борьбу с большевизмом слева и с капитализмом справа, потому что обе эти системы являются стратегическими инструментами для достижения еврейского контроля над миром. Эккарт в своем «диалоге» выражает это так: «Наш фронт стоит против левых *и* правых. Именно в этом причина того странного обстоятельства, что обе стороны, сражающиеся друг против друга, атакуют нас. Красные кричат нам, что мы реакционеры, а реакционеры – что мы большевики. С обеих сторон нас пытаются задавить евреи»[220].

Читая это нагромождение бредовых идей, можно лишь дивиться тому, как миллионы людей, принадлежавших к самой культурной нации в мире (по крайней мере, в их собственных глазах), могли считать все это чистой правдой. Но это еще не все. Идей такого типа было больше – к примеру, теория мирового льда, теория полой земли, а также официально провозглашенная арийская наука, противостоящая еврейской науке Эйнштейна и подобных ему верхоглядов. Не стоит забывать и смертоносные «научные» расовые теории.

Да, политические, социальные и культурные фантазии Гитлера и нацистов были абсурдны, но в их основе – в основе

фолькистского движения, к которому принадлежал нацизм, – лежало очень важное явление европейской культурной сцены: нежелание принять идеалы Просвещения, порожденные Разумом, и упорное инстинктивное сопротивление им. Именно эти идеалы, точнее, целостное мировоззрение, выражавшее их, и было объектом темной и злобной агрессии со стороны тех, кто считал себя носителем истинных, фундаментальных человеческих ценностей, рожденных «германской душой» в мифическом прошлом. Модернизм приравнивался фолькистскими фундаменталистами к просвещению и прогрессу, отождествлялся с материализмом, капитализмом, либерализмом, интернационализмом, демократией, социализмом, коммунизмом, большевизмом и тому подобным. Возьмите любой из этих терминов – обнаружится, что в письменных работах, речах и беседах Гитлера он будет связан со словом «еврей». Слова «еврей» и «еврейский» могли использоваться Гитлером и его людьми для всего того, что они находили лично неприятным, второсортным, низшим, несправедливым, враждебным или преступным. Однако с философской точки зрения они всегда применяли их к изменяющемуся и развивающемуся миру, причиной и оправданием развития которого было Просвещение. В этом аспекте нацизм был фолькистским движением, порожденным дезориентацией, чувством беззащитности и страхом – он был частью общеевропейской реакции на рождение нового мира.

Как человек становится антисемитом? В случае Эккарта ни конкретная причина, ни повод неизвестны, как неизвестны они и во многих других случаях. В те времена этими микробами был пропитан воздух, а в умственную пищу был подмешан яд, который начинал действовать, когда душевный склад людей оказывался к нему восприимчивым либо под влиянием определенных обстоятельств, либо в результате травматического опыта. Германский дух – и не только германский – был отравлен тем, что Джон Вайсс называет «идеологией смерти». Эккарт же прочел все книги на эту тему. В его «Диалоге» имеются ссылки на Отто Хаузера, Вернера Зомбарта, Генри Фода, Гугено де Муссо, Теодора Фрича, Фридриха Делицша и прочих, а сверх того – на целый ряд периодических изданий. И все это Эккарт пережевывает, для того чтобы Гитлеру было легче это усвоить.

Кроме того, с 1917 года стал играть важную роль новый фактор: Русская революция. Ленин, Троцкий, большевизм, Республика Советов, Бела Кун, спартаковцы, красные флаги, серп и молот, введенные левыми в обиход новые термины и лозунги – все это стало частью общественного сознания и воспринималось как угроза. Присутствие всех этих элементов в структуре

мышления Гитлера является убедительнейшим признаком того, что она сформировалась именно в Мюнхене под непосредственным влиянием Эккарта, благодаря его письменным работам и частым контактам с ним, а также косвенно – под влиянием общества Туле и связанных с ним кругов, вдохновляемых Зеботтендорфом. Теперь наша главная задача – объяснить ту загадочную силу, которой владел этот «человек ниоткуда», позволившую ему совершить невозможное, сделавшую так, что «никакой серьезной альтернативы Гитлеру не было»[221].

Да почиют в мире

Некоторые исследователи жизни Гитлера и нацизма в целом, осведомленные о той решающей роли, которую играл Дитрих Эккарт, считают, что в 1923 году Гитлер все больше дистанцировался от своего наставника. Одним из признаков этого, говорят они, является то, что Альфред Розенберг сменил Эккарта на посту редактора *Völkischer Beobachter*. Этот аргумент не слишком убедителен, так как у Эккарта к тому времени уже были серьезные проблемы со здоровьем. При этом *Beobachter* стал ежедневной газетой, и для руководства требовался человек, способный работать регулярно – а это не было свойственно Эккарту.

В качестве другого доказательства приводят абзац из автобиографической книги Эрнста Ганфштенгля «Пропавшие годы Гитлера». Здесь он пишет, что однажды ночью в Берхтесгадене Эккарт сказал ему: «Вы знаете, Ганфштенгль, Адольф, кажется, совсем свихнулся. У этого парня развивается неизлечимая мания величия. На прошлой неделе он расхаживал по двору со своим чертовым хлыстом, крича: “Я должен войти в Берлин, как Христос в Иерусалимский храм, я выгоню ростовщиков плетью!” и подобную ерунду. Говорю вам, если он не сладит с этим своим мессианским комплексом, он погубит всех нас»[222]. Другим симптомом возможной перемены в отношениях Гитлера и Эккарта является следующее замечание, которое последний обронил в разговоре с Ганфштенглем: «Я сыт по горло этой гитлеровской игрой в солдатики. Видит бог, евреи в Берлине ведут себя отвратительно, а большевики – еще хуже, но политическую партию нельзя строить на одних предрассудках. Я писатель и поэт – я уже не в том возрасте, чтобы и дальше идти с ним этой дорогой»[223].

Тем не менее, есть факты, демонстрирующие, что Эккарт шел с Адольфом до самого конца. Когда НСДАП проводила свой

первый партийный съезд – 27 и 28 января 1923 в Мюнхене, – Эккарт стоял на почетном месте рядом с Гитлером и глядел на марширующих по снегу людей. Именно в тот день были освящены первые знамена СА – и на всех них был изображен лозунг *Deutschland erwache!* (Пробудись, Германия!) – боевой клич, автором которого был Эккарт. (*Deutschland erwache!* – последняя строчка обоих куплетов его «Штурмовой песни».) Плевниа приводит факсимильную копию этой песни, записанную автором в гостевой книге «Братвурштглокля» ночью 18 января 1923 года. Эккарт сопроводил текст песни иллюстрацией, на которой изображен Гитлер, стоящий в воинственной позе со знаменем в руке. Это творение подписано ими обоими[224]. 20 апреля, в день рождения Гитлера, *Beobachter* напечатал поэму, написанную Эккартом и озаглавленную «Германский фюрер». В ней Эккарт объявляет о том, что фюрер уже пришел: «Кто хочет видеть, да увидит! Сила уже здесь, и ночь отступает!»[225]

Когда в апреле 1923 года Эккарт был вынужден скрываться – был выписан ордер на его арест в связи с его пасквилем на президента Эберта, – он инкогнито жил в горах над Берхтесгаденом. «В течение всего периода изгнания контакты Эккарта с НСДАП не прерывались. У него гостили Дрекслер, Аманн, Вебер, Эссер и Гитлер»[226]. Когда приказ об аресте был отменен, Эккарт вернулся в Мюнхен и дважды выступал с речами на партийных собраниях НСДАП. В ходе Ноябрьского путча он встретился с Гитлером в Бюргербраукеллере перед самым началом марша на Фельдернхалле. После путча он какое-то время пытался сохранять единство разваливающегося нацистского движения, помогая Розенбергу, но в конце концов тоже был арестован. В тюрьме Штадельхайм он пишет стихотворение, в котором бичует немцев за то, что они оставили своего фюрера в борьбе за спасение отечества: «Народ трусов! Вы гнушаетесь всякого, кто преданно служит вам!.. Вы рождены для рабского ярма, вам лишь бы набить брюхо!»[227] Это, несомненно, показывает, что крепкая связь между Эккартом и Гитлером существовала по-прежнему. Плевниа также цитирует слова друга Эккарта, некоего Райда, который летом 1923 года услышал из уст Эккарта следующее: «Если и есть человек, которого провидение выбрало для спасения Германии, то это Адольф Гитлер, и никто другой». Даже после Ноябрьского путча Эккарт доверительно признается Райду, что «продолжает верить в Гитлера, так как ему покровительствует судьба»[228]. Но самым весомым подтверждением нерушимости связи между наставником и учеником были те почести, которые Гитлер воздавал Эккарту с момента своего прихода к власти. Стоит вспомнить и слезы,

которые всякий раз наворачивались ему на глаза, когда он вспоминал Эккарта. Для Гитлера, который никогда не забывал и не прощал ни малейшего неуважения к своей персоне, это воистину исключительный случай.

Дитрих Эккарт был освобожден из тюрьмы в Ландсберге по причине серьезного сердечного недомогания. Ганфштенгль пишет, что Эккарт однажды просто свалился во время учебной тревоги. Он умер в Берхтесгадене 26 декабря. Перед смертью он якобы сказал: «Следуйте за Гитлером. Он будет танцевать, но мелодию написал я. Мы дали ему средства для общения с Ними… Не скорбите обо мне, я повлияю на историю больше, чем любой другой немец»[229]. В этих словах много истины – даже если они апокрифичны или преувеличены.

Зеботтендорф многие годы жил вдали от Германии; по всей видимости, он не следил за событиями на родине с должным вниманием и серьезно ошибся в оценке характера Гитлера. Через несколько месяцев после того, как нацистский канцлер вступил в должность, он публикует книгу «Еще до Гитлера». Название было броским и первым делом привлекло внимание баварской политической полиции. Нет сомнений, Зеботтендорф написал эту книгу для того, чтобы выставить Гитлеру счет за оказанные услуги. Он думал, что может потребовать своей доли в успехе движения, появлению которого помогал. Вскоре после краха Мюнхенской Республики советов – а именно тогда Туле действовало наиболее активно, причем несколько его членов были казнены – начался период упадка, вспоминал он. Общество стало распадаться. «Начались серьезные внутренние распри, что означало конец Общества. Оно выполнило свое предназначение и теперь должно было исчезнуть, чтобы в мир смогло войти нечто новое, уже стоящее на пороге. Через несколько недель после отъезда Зеботтендорфа [здесь он пишет о себе в третьем лице] в помещении общества Туле появился Адольф Гитлер. Он принял участие в грандиозной пропагандистской кампании под руководством Даннеля [преемника Зеботтендорфа] – весь Мюнхен тогда был покрыт листовками и плакатами»[230].

Но такое прошлое Гитлер вспоминать не желал. «Если кто-то бывал поражен сходством мыслей Гитлера с идеями других и пытался привлечь его внимание к предшественникам или сходно мыслящим людям, Гитлер всегда воспринимал это как личное оскорбление. Он хотел быть мыслителем, дошедшим до всего самостоятельно, без всяких примеров в прошлом. Если ему указывали на аналогичные идеи, он воспринимал это как попытку приуменьшить его величие»[231].

Точно так же ему не пришлась бы по душе мысль, что

исчезновение Зеботтендорфа сделало возможным его собственное появление. «Он был вынужден пожертвовать собой, – пишет Зеботтендорф о себе. – Он должен был уйти, чтобы не повредить нежный росток». Имеется в виду национал-социализм[232]. Бывший Магистр ухудшил ситуацию еще больше, попытавшись воссоздать общество Туле. Вероятно, он считал, что в Третьем рейхе он и его последователи должны будут занять почетное место. «Сегодня свершилось то, к чему стремились те семеро [казненных членов Туле] и все Общество в целом… Мы признаем величие и заслуги Адольфа Гитлера. Он создал то, чего мы так жаждали; мы собрали вместе элементы, он же привел нас к цели!.. Впервые Гитлер обратился к членам Туле, и именно они первыми поддержали его»[233]. Другой серьезной ошибкой Зеботтендорфа было то, что для восстановления общества Туле он обратился к помощи антисемита и бывшего иезуита Бернарда Штемпфле. Дело в том, что Штемпфле, один из читателей и корректоров «Майн Кампф» в рукописи, уже успел насолить Гитлеру – вероятнее всего, в ходе темного дела Гели Раубаль. Впоследствии он станет еще одной жертвой «ночи длинных ножей».

Читатель помнит, что Зеботтендорфа, после того как его арестовало гестапо, спас его «брат по Туле» Рудольф Гесс. «Почти все сотрудничавшие с Гитлером [в мюнхенские годы] так или иначе пересекались с обществом Туле либо просто-напросто были его членами», – утверждает Герман Гилбхард[234]. Перечень связей между гитлеровской НСДАП и обществом Туле и в самом деле довольно внушителен. DAP была основана членом братства Туле Харрером и «гостем» общества Дрекслером. Свастика была эмблемой Туле. *Völkischer Beobachter* был одним из печатных органов Туле до того, как его приобрел НСДАП. Многие члены Добровольческого корпуса Туле вступили в СА («отряд Добровольческого корпуса *Oberland* [созданный Туле] представлял собой костяк СА “Хохланд” и в любом случае был основой первых подразделений СА»[235]). Идеология германского национализма и антисемитизма, пропагандируемая Туле, напрямую – через Эккарта – была связана с идеологией Гитлера. Кроме того, многие нацисты в свое время входили в состав общества Туле или связанных с ним кружков.

«Жизнь Рудольфа фон Зеботтендорфа после 1934 года по-прежнему покрыта тайной, несмотря на множество домыслов и слухов всякого рода, – пишет Гилбхард. – Существует несколько непроверенных версий его дальнейшей судьбы. Особенно примечательны те, что относятся к действию немецких секретных служб, активных на Востоке в ходе Второй мировой войны». Герберт Риттлингер, биограф Рудольфа фон Зеботтендорфа,

утверждает, «не приводя никаких доказательств, что тело Зеботтендорфа 9 мая 1945 года вытащили из вод Босфора. Отсюда он делает вывод, что основатель общества Туле покончил жизнь самоубийством»[236]. Девятое мая непосредственно следует за восьмым – днем, когда Германия подписала капитуляцию.

Ноябрьский путч ознаменовал собой поворотный пункт как в жизни Гитлера, так и в истории нацистского движения. То, что до тех пор большей частью было историей Баварии, теперь становится частью германской и мировой истории. И здесь нам следует попрощаться еще с одним человеком, сделавшим Гитлера возможным. Это тот, кто буквально открыл Гитлера, – Карл Майр. Ему было присвоено звание майора, а в марте 1920 года он оставил службу в армии. Тогда же покинул армию и Гитлер (31 марта) – так как его армейский покровитель оказался в отставке. Ройт полагает, что Майра уволили с позором[237]. Он не приводит причин, но говорит, что, находясь на своем посту, Майр действовал с удивительной самостоятельностью. Быть может, социал-демократические власти наконец спохватились и пресекли его махинации.

Однако самое удивительное то, что Майр после всего этого развернулся на сто восемьдесят градусов. Он стал одним из руководителей Германской социалистической партии и ее военизированных формирований, называемых *Reichsbanner* (не следует путать с *Reichsflagge* Рема). Человек с его способностями и опытом пришелся ко двору, и в течение какого-то времени он даже редактировал журнал социалистов. Когда в 1932 году Рем попал в переделку из-за своего гомосексуального кружка, а в *Münchener Post* было напечатано несколько скандальных писем, он обратился за помощью именно к Майру. Хайден утверждает, что Рем предложил отделить СА от партии Гитлера и вместе работать для братского единства всех рабочих, носящих форму. В свете того, что мы узнали выше, это не так уж невероятно. Циничное, но проницательное замечание Майра в ответ на это предложение звучало так: «Хотите, я назову вам имена ваших будущих убийц?»[238] Конечно, он имел в виду Гитлера и его приспешников. Здесь он был прав.

Когда Гитлер пришел к власти, Майр, как и многие другие, бежал из страны, во Францию. Но его имя стояло в черном списке Гитлера. Во-первых, из-за того, что он предал общее дело. Во-вторых, и это гораздо существеннее, из-за его анонимной статьи, которая впоследствии будет напечатана в американском журнале «*Current History*» под заглавием «Я был начальником Гитлера (Воспоминания бывшего офицера рейхсвера)». Именно здесь Майр сравнил австрийского капрала, встреченного им в первые месяцы

после войны, с «изможденной бродячей собакой». Гитлер, пишет он, был готов принять корку хлеба от любого, кто пожелал бы стать его хозяином – даже от француза или еврея.

Майра схватили и выдали немцам. Он умер в Бухенвальде 9 февраля 1945 года[239].

6. «Майн Кампф»

Великие лжецы – это и великие волшебники.

Адольф Гитлер

Германия подчинилась религии, которой не знала, следовала обрядам, которых не понимала, приходила в восторг и умирала ради таинства, в которое не была посвящена. Лишь «фюрер» обладал реальным знанием, в этом не было сомнения ни у одного национал-социалиста. А фюрер держал при себе то, чем не желал делиться с другими.

Иоахим Келер

Отдых в Ландсберге

Провал путча был сокрушительным ударом для Гитлера – в первую очередь потому, что он почувствовал себя посмешищем. Его поместили в тюрьму в Ландсберге и предоставили просторную камеру – некоторые даже утверждают, что она была комфортабельнее, чем его мюнхенские апартаменты того времени. Ее освободил для него Антон фон Арко ауф Валлей, убийца Курта Эйснера. Около двух недель Гитлер отказывался от еды. Честь того, что именно они уговорили своего фюрера возобновить прием пищи, впоследствии оспаривали несколько его посетителей: это Антон Дрекслер, Ганс Книрш (чехословацкий нацист), Хелена Бехштейн, всегда верная и готовая помочь, и Хелена Ганфштенгль, к которой Гитлер в то время, видимо, питал слабость.

Из местной знаменитости Гитлер превратился в национального героя. О нем упомянула даже зарубежная пресса – чтобы объявить о конце его политической карьеры. «“Нью-Йорк Таймс” напечатала его политический некролог на первой полосе: “Мюнхенский путч окончательно вычеркнул Гитлера и его последователей национал-социалистов из политической жизни”»[240]. И все-таки своим безрассудным, но смелым

поступком он завоевал расположение многих националистов, особенно в Мюнхене. К многословным, но бессильным лидерам, таким как Кар, Лоссов и Шайссер, те уже не испытывали ничего, кроме презрения. «В Мюнхене Гитлера по-прежнему воспринимали всерьез. В то Рождество группа художников, участников движения из Швабинга, отметила праздник в Синем Кафе живой картиной «Адольф Гитлер в тюрьме». Поднимается занавес и открывает взору тюремную камеру. Через маленькое зарешеченное окно видно, как на улице падают хлопья снега. За столом сидит человек, закрывший лицо руками, а невидимый мужской хор поет: “Тихая ночь, святая ночь”. Затем ангел ставит на стол рождественскую ель с зажженными огнями. Человек медленно поворачивается и открывает лицо… Словно сдавленное рыдание пробежало по всему залу», – так был похож актер на сцене на Гитлера[241].

Гитлера должны были судить по обвинению в государственной измене. Процесс открывался 26 февраля 1924 года, и он опасался его по двум причинам. Одна была в том, что его могли предать военно-полевому суду. Тогда процесс был бы закрыт для публики и его средства защиты были бы серьезно ограничены. Другая и более важная причина заключалась в том, что он, как австрийский гражданин, мог быть выслан в свою родную страну[9] . Но он успокоился, когда выяснилось, что это будет обычный гражданский суд и что баварский министр юстиции Гюнтер назначил председателем суда Георга Нейтхардта, «ревностного националиста». Гитлер сразу же увидел, что «катастрофический провал путча можно превратить в демагогический триумф… Обвиняемыми были Гитлер, Людендорф, Рем, Фрик, Пёнер [бывший шеф полиции Мюнхена], Крибель [командир “Кампфбунда”] и четыре других участника путча. Кар, Лоссов и Шайссер проходили по делу в качестве свидетелей»[242]. Но эти «три фона» также были виновны в мятежных действиях против законного правительства. Это была вопиющая несправедливость, которую можно было обернуть веским доводом в свою защиту, что Гитлер не преминет сделать.

Он сумел превратить судебное заседание в продолжительное театрализованное пропагандистское действо. «Все это помогло Гитлеру повернуть ход процесса в свою пользу. И все же нужно отметить, что он вел себя на этих заседаниях очень смело – особенно учитывая недавнее поражение. Он взял ответственность за всю эту историю на себя, оправдывая свои действия высокими идеалами патриотического и исторического долга»[243].

Эхо мощной концовки заключительной речи Гитлера, которую цитируют во всех его биографиях, до сих пор слышно в

истории. «Армия, которую мы подготовили, растет с каждым днем, с каждым часом. В это самое мгновение я питаю гордую надежду на то, что однажды эти дикие отряды сольются в батальоны, батальоны – в полки, полки – в дивизии… надежду на то, что старые знамена вновь взовьются перед строем, что удастся достичь примирения перед вечным трибуналом Господа, перед которым мы готовы предстать. Тогда из наших костей и могил раздастся голос единственного трибунала, которому мы подсудны. Ибо не вы, уважаемые господа, будете выносить нам приговор – этот приговор вынесет нам вечный суд истории… Я уже знаю, к какому вердикту придете вы. Но тот, другой суд, спросит нас: совершали вы государственную измену или нет? Тот суд будет судить нас… как германцев, желавших добра своему народу и отечеству, как германцев, желавших сражаться и умереть. Вы можете объявить нас виновными хоть тысячу раз – богиня Вечного правосудия лишь улыбнется и спокойно разорвет обвинительный акт прокурора и вердикт суда, ибо она оправдает нас»[244].

Гитлеру было опасно давать слово – из-за той силы, которой были заряжены его речи. Теперь он стал звездой. «Оглашение приговора стало событием в мюнхенском высшем обществе. Зал суда был наполнен зрителями, готовыми аплодировать этому смутьяну с кучей друзей на важных постах. Вердикт еще раз подчеркнул “чисто патриотические мотивы и честные намерения” ответчика, но приговорил его минимум к пяти годам тюремного заключения. Правда, уже через полгода он получал право на досрочное освобождение. Людендорф был оправдан. Закон требовал депортации любого неблагонадежного иностранца, но суд решил сделать исключение для Гитлера, “который мыслит и чувствует в германских понятиях”»[245]. Не пройдет и года, как он будет освобожден.

Казалось, сам ход событий того времени согласовывался с поступками и потребностями Гитлера. Пока он находился в тюрьме в Ландсберге, обстановка в Германии начала улучшаться – до такой степени, что период с 1924 по 1929 год назовут «золотыми годами» Веймарской республики. По этому благоприятному пути страна пошла в первую очередь благодаря двум людям – премьеру Густаву Штреземану и «финансовому гению» Яльмару Шахту, создавшему новую денежную систему. Подобную роль он сыграет и позже в Третьем рейхе. Нацистская партия, лишившись своего волевого фюрера, поплыла по течению и раскололась на несколько фракций. Гитлер предвидел это и не сделал ничего, чтобы это предотвратить. Он считал, что эта ситуация может быть полезной, когда он выйдет из тюрьмы и,

наводя порядок волевыми методами, вновь возьмет власть в свои руки.

Он поставил во главе НСДАП Альфреда Розенберга, хотя и знал, сколь малым уважением пользовался этот бледный интеллектуал у своих товарищей-коричневорубашечников. Каждый тянул одеяло на себя. Дрекслер не забыл, как Адольф небрежно отмел его в сторону в июле 1920 года – и это в партии, созданной им самим! «Теперь Дрекслер хотел перестроить партию в согласии со своим собственным, менее революционным курсом»[246]. Затем существовала фракция Штрассера, в которую входил весьма амбициозный и все еще очень социалистически настроенный доктор Йозеф Геббельс. Эта фракция будет создавать и укреплять нацистскую партию на севере Германии и останется самым серьезным внутрипартийным вызовом Гитлеру до тех самых пор, пока тот не станет канцлером. Был также и великолепный Эрих Людендорф, который лукаво отвел от себя обвинения в ответственности за путч, тот самый, которому Гитлер в свое время отвел вторую роль, провозгласив себя главой государства, а фельдмаршала – главнокомандующим своей армией. Теперь Людендорф хотел, наконец, «сосредоточить контроль над националистическими группами в своих руках и воспользоваться отсутствием Гитлера для того, чтобы навсегда нейтрализовать его»[247].

Гитлер с большой пользой провел время в Ландсберге – своем «университете за государственный счет». Даже тюремщики и охранники (многие из них обратились в нацизм) относились к нему с большим почтением, словно к королю со свитой из нацистов-заключенных. У него появилась масса свободного времени: ему не нужно было постоянно принимать решения. Он читал книги, принимал посетителей, пускался в свои бесконечные грозные монологи, а за обедом сидел во главе стола. «Все остальные ждали, стоя за своими стульями. Наконец, быстрыми шагами входил Гитлер. Кто-то выкрикивал: “Внимание!” Он продолжал стоять во главе стола до тех пор, пока каждый из присутствующих не поприветствует его»[248]. «К нему относились весьма благосклонно. Ему позволялось принимать съестное в качестве подарков извне. В свою очередь, это давало ему дополнительные рычаги влияния на надзирателей… У него и у Гесса были даже не камеры. Это была, скорее, вереница комнат, целая квартира. Причем это место было похоже на гастроном. Добра здесь было столько, что при желании можно было открыть цветочный, фруктовый и винный магазины. Люди слали подарки со всей Германии. В итоге Гитлер заметно потолстел»[249].

Затем настал день, когда он решил написать книгу, которую

впоследствии назовет «Майн Кампф». Первоначально она была озаглавлена «Четыре с половиной года борьбы с ложью, глупостью и трусостью». «Если бы не время, которым я располагал в тюрьме, “Майн Кампф” никогда бы не появилась на свет, – размышлял Гитлер позднее. – И я могу сказать, что именно тогда мне удалось достичь концептуальной ясности относительно многих вещей и понятий, которые я прежде использовал скорее интуитивно»[250]. Тюрьма дала ему время для размышлений.

Если вы не читали эту книгу, то прежде всего отбросьте мысль о том, что «Майн Кампф» это тривиальная чепуха, написанная безграмотным маньяком. Разумеется, эту книгу нельзя отнести к жанру изящной литературы; она содержит самые невероятные идеи, «абсолютно аморальна», полна лжи и софистики, а также нескрываемых угроз в адрес западной цивилизации и презрения к человеку и общечеловеческим ценностям – в ней много подобных вещей. Там есть и «удивительно тошнотворный, бесстыдный запах», пропитывающий, по замечанию Иоахима Феста, ее страницы. Но за всем этим лежало видение, которым Гитлер руководствовался прежде и будет руководствоваться впредь – беспрецедентное, революционное по своему характеру, нацеленное на создание нового мира и нового человека. «Тот, кто пишет эти строки, уподобляется в своей камере Иоанну в пещере на Патмосе. В своем одиночестве он открыт вдохновению, – говорит Карин Вильгельм. – Когда Гитлер пишет, он также следует голосу, который слышит внутри себя, – тогда в его глазах загорается прозрение»[251].

Первые страницы «Майн Кампф» Гитлер диктовал своему шоферу и сокамернику Эмилю Морису. Морис записывал, а затем Гитлеру приходилось печатать текст двумя пальцами на портативном ремингтоне. Процесс изменился, когда еще один участник путча, Рудольф Гесс, сдался полиции и оказался в одной тюрьме со своим горячо любимым фюрером. Теперь Гесс, бывший студент Карла Хаусхофера, профессора геополитики в Мюнхенском университете, печатал под диктовку прямо на машинке, помогал советами, а также вносил исправления. «В тот период между этими двумя людьми существовала очень тесная связь. Я впервые услышал, как они обращались друг к другу на “ты” – впоследствии на публике они так не поступали», – вспоминает Ганфштенгль. Людей, к которым Гитлер когда-либо обращался в этой доверительной манере, можно пересчитать по пальцам одной руки. «В тот период Гесс оказывал на него сильнейшее влияние, и результаты этого сохранились надолго», – пишет Ганфштенгль. Он рассказывает и об «эмоциональной

составляющей дружбы, возникшей между Гитлером и Гессом»[252].

Возможно, есть какая-то истина в словах Ганфштенгля о том, что в отношениях между Гитлером и его будущим заместителем присутствовал гомоэротический (хотя и не гомосексуальный) элемент. Но дело в том, что гомоэротизм является очень распространенным явлением среди лиц одного пола, живущих долгое время вместе. Впрочем, в описываемое нами время, когда более свободное проявление сексуальности было трудно вообразить, «мужская дружба» была весьма широко распространена, а в Германии существовало множество исключительно мужских ассоциаций и обществ. Но есть еще одно измерение, в котором существовала связь между Гитлером и Гессом. Ганфштенгль не мог его заметить, так как у него не было для этого необходимых органов восприятия: речь идет об оккультном измерении. Ведь Гесс был не просто «братом из Туле» – он был человеком, проявлявшим чрезвычайный интерес ко всем видам оккультных явлений, точно так же, как и Гитлер. Немаловажно и то, что он был посредником между своим фюрером и профессором Карлом Хаусхофером, своим учителем.

Толанд сообщает, что гитлеровский «двор» в Ландсберге делился на два уровня в соответствии с двумя классами лиц. Первый – приближенные Гитлера, с камерами на верхнем этаже, другой – «простолюдины», размещавшиеся на нижнем. Несомненно, в Ландсберге Гитлер много размышлял о своей миссии, возрождая свою веру в нее, и в этом процессе, по всей видимости, важную роль играл Гесс, постоянно находившийся рядом. Скорее всего, именно это и станет главной причиной близости этих двух людей, а также причиной того, что Гесс вскоре станет секретарем Гитлера, а впоследствии – вторым человеком в рейхе, несмотря на то, что в нацистской верхушке все были уверены, что Гесс – никудышный политик и организатор. Нацисты порой называли его «фрейлейн Анна» – дело в том, что он любил поэзию и слушал камерную музыку. Его считали маменькиным сынком, несмотря на то, что в Первую мировую войну он был летчиком-истребителем, а в уличных боях во главе своего отряда СА всегда первым бросался в гущу сражения.

Гитлер раскрывает свои замыслы

Уильям Ширер, американский журналист, который наблюдал «взлет и падение Третьего рейха» вблизи, пишет: «Если бы больше тех немцев, которые не были нацистами, прочитали “Майн Кампф” до 1933 года и если бы, пока еще было время, ее

проштудировали те, кто определял политику европейских государств, возможно, катастрофы удалось бы избежать как в Германии, так и во всем мире. Адольфа Гитлера можно обвинять во многом, но никто не может обвинить его в том, что он не написал черным по белому, какую Германию он хочет создать, придя к власти, и что за мир он намерен основать путем германских завоеваний. В этой книге есть все: и план построения Третьего рейха, и основы варварского нового порядка, который Гитлер навязал завоеванной Европе в годы его триумфа между 1939 и 1945 годами. Все это изложено с ужасающей беззастенчивостью и в детальных подробностях»[253]. Позицию Ширера подтверждает Христиан фон Кроков, популярный современный немецкий писатель: «Вот что поразительно: написанное в “Майн Кампф” в точности соответствует тому, что Гитлер сделал впоследствии. Однако люди либо не читали этого, либо не принимали всерьез»[254]. Христиан Центнер говорит просто: «Без “Майн Кампф” политику Третьего рейха понять невозможно»[255].

И тем не менее, эту книгу зачастую воспринимают лишь как выходку психопата. Многие верят, что в нацистской Германии ее никто не читал. Эберхард Йекель, к примеру, пишет, что «Майн Кампф» «почти не читали, а понимали еще меньше»[256]. Обе части этого утверждения нуждаются в поправках. Что касается первой части, то до 1945 года было напечатано около десяти миллионов копий «Майн Кампф». Всем супружеским парам мэр вручал экземпляр этой книги – это было частью свадебной церемонии (многие экземпляры до сих пор еще пылятся на чердаках немецких домов). Эту книгу можно было найти всюду, где процветал нацизм. «Майн Кампф» входил в список настоятельно рекомендуемых к изучению материалов во всех образовательных учреждениях, а немецкая молодежь должна была заучивать наизусть целые абзацы.

Более того, пропагандистские материалы немецких средств массовой информации были полны цитат из книги фюрера, которая считалась нацистской библией. Это следует понимать буквально – экземпляр «Майн Кампф» должен был присутствовать на специальных церемониях СС: на крещениях, принятиях в Орден, свадьбах и похоронах. А вот несколько пунктов из регламента Церкви национального рейха: «…14. Церковь национального рейха провозглашает, что для нее, а значит, и для германской нации “Майн Кампф” фюрера является грандиознейшим и важнейшим документом. Здесь находится не только величайшая, но и чистейшая и самая истинная этика настоящей и будущей жизни нашей нации… 19. На алтарях не

должно быть ничего, кроме “Майн Кампф” (самой священной книги для германской нации, а следовательно, и для Бога). Слева от алтаря должен находиться меч»[257]. Наконец, были гитлеровские речи – «Майн Кампф» в действии. Всякий немец обязан был прослушивать их, и, если он был на людях, избежать этого было невозможно: во всех общественных местах стояли громкоговорители, доносившие до народа слова фюрера. Можно допустить, что мало кто прочитал «Майн Кампф» от корки до корки: эта книга – трудный орешек для любого, да и многие ли вообще читают идеологическую литературу? Но самые доступные идеи этой книги распространялись, воспроизводились и обсуждались в стране победившего нацизма постоянно на всей ее территории, составляя идеологическую структуру жизни и работы всех ее граждан.

Можно согласиться со второй частью утверждения Йекеля, что «Майн Кампф» не понимали, но с одной оговоркой – если иметь в виду непонимание или неверное понимание самой сущности гитлеровского мировоззрения. Действительно, по этому вопросу расходятся во мнении даже самые опытные и эрудированные комментаторы, располагающие всей возможной информацией. По этому пункту не могли прийти к согласию и главнейшие нацисты, окружавшие Гитлера. В этом состоит фундаментальный парадокс этой книги, благодаря которому она занимает особое место в истории.

«Это редкий, быть может, единственный случай: правитель, еще не достигнув власти, описал все то, что исполнил впоследствии», – пишет Йекель. Он цитирует Ганса Гизевиуса: «Читая “Майн Кампф” постфактум, в этой книге можно найти все, буквально все, что этот человек сделал с миром»[258]. Другие говорят о «невероятной искренности» этой книги. Центнер даже относит «Майн Кампф» к категории *Bekenntnisbuch*, исповедальной литературы. Она полна признаний и откровений, и Гитлер впоследствии выражал сожаление, что написал ее. Однако он злорадствовал по поводу того, что, хотя его заветные мысли были выставлены в ней на всеобщее обозрение, все же едва ли кто-то сумел понять их истинный смысл или поверить в их реальность – в этом и заключается парадокс. Одна из причин этого непонимания в том, что люди в целом не интересуются абстрактными идеями и мало способны их усваивать. Другая же в том, что в «Майн Кампф», во всяком случае в период ее написания, ставились цели политически и идеологически невозможные, невероятные – и потому непонятные. И последнее: вся эта книга являлась выражением, быть может, довольно неуклюжим, центрального видения автора, сама сердцевина

которого скрывалась даже от ближайших к нему людей.

Раз эта книга так важна, с ней стоит познакомиться поближе.

Смертельный враг – Франция

В Первую мировую войну немцы воевали на два фронта. Их армии не могли добиться решительной победы, действуя разобщенно, и нескончаемая война несла все больше страданий отечеству. Из-за этой сложной ситуации немецкая элита (армейское руководство, главы банков, воротилы тяжелой промышленности), стоящая у власти и единодушно поддерживавшая военную диктатуру пары Гинденбург—Людендорф, приложила все усилия, чтобы привести Российскую империю к краху. Ленин пришел к власти благодаря немцам – факт, который Гитлер, нападая на Ленина и его «иудео-большевизм», предпочитал не упоминать. Брест-Литовский мирный договор, заключенный 9 февраля 1918 года с Украиной и 3 марта – с Россией, выглядит как добивание раненого врага и обшаривание его карманов.

После этого немецкие войска были немедленно переброшены с восточного фронта на западный. Операция «Михаэль» – большая битва за Францию – началась 21 марта. Первым немецким движениям сопутствовал ошеломляющий успех. Их армии, как в августе 1914-го, вновь угрожали Парижу. Но в войну вступили американцы, и союзники, лучше вооруженные и более сильные, чем когда-либо прежде, отбросили «гуннов» назад. В августе Людендорф осознал, что поражение неизбежно, и испытал нервный срыв. Теперь он и Гинденбург маневрировали, чтобы дать политикам возможность найти выход из крайне затруднительного положения, в котором оказалась Германия. Кайзер, согласно условиям перемирия, выставленным союзниками, должен был отречься от престола. Предоставленные самим себе, политики из рядов Германской социалистической партии провозгласили Германию республикой – почти случайно.

Таким был пролог к послевоенной катастрофе. После трех лет бесплодного противостояния, окрыленные Брест-Литовским миром, немцы были уверены в близком триумфе («до самого последнего момента военные цензоры пропускали лишь донесения о победах; даже в рейхстаге не знали всей правды»[259]). Их армии не проигрывали сражений! Поэтому все те, кто подписал договор о прекращении огня, а впоследствии и «навязанный» Германии Версальский договор – в первую очередь, это Маттиас Эрцбергер, – стали в глазах немцев предателями

родины. Война началась не по вине Германии; она проиграла, потому что в тылу ее предали социал-демократы, коммунисты и евреи; нация должна обрести былую силу и мощь и отомстить. Адольф Гитлер был так же потрясен ноябрьским крахом, как и любой другой немец. Ораторствуя в пивных барах, он постоянно муссировал эти темы, они же составляют существенную часть «Майн Кампф».

Но все это построение было основано на лжи, которая утешала немцев в понесенном поражении, но не искореняла ни гордыни, ни прежних амбиций. Последствия этого сложно переоценить. «Легенда об ударе в спину», *Dolchstosslegende*, нашла широкий отклик и вскоре стала считаться исторической правдой. В Германии она оставалась в этой роли целое поколение и даже дольше. Зигфрид, мифический герой, убив дракона, выкупался в его крови и стал неуязвимым – исключая лишь одно место, которого кровь дракона не коснулась. Его жена Кримхильда узнала, что оно находится между лопаток, и по глупости сказала об этом Хагену. Тот же подкрался к Зигфриду сзади и убил его, вонзив кинжал в спину. И вновь, как и прежде, «сражающийся Зигфрид [то есть Германия] пал от удара кинжала, который ему вонзили в спину [пацифистски настроенные социал-демократы и прочие “евреи”]», – писал Гитлер в «Майн Кампф»[260]. Этот вымысел, ложь, которую мягко называют «легендой», пустил в ход Гинденбург, отвечая перед комиссией, расследовавшей причины немецкого поражения. Ее подхватил и стал проповедовать Людендорф. В нее долго верили даже после того, как Гитлер вторично привел Германию к катастрофе. «Эта ложь, как ничто другое, отравляла внутриполитическую атмосферу Веймарской республики»[261].

Версальский договор, подписанный 28 июня 1919 года в Зеркальном зале Версальского дворца Людовика XIV, стал еще одной причиной немецкого и гитлеровского гнева. Автор «Майн Кампф» нападал на него с особой силой. Версаль – «это скандал и позор, а навязанный там договор – это разбой на большой дороге, направленный против нашего народа», это «инструмент безудержного гнета», «удар бича по телу [германского] народа», «инструмент безграничного шантажа и бесстыдного унижения», демонстрирующий «садистскую жестокость» его авторов. «Каждый пункт этого договора нужно впечатать в умы и сердца германского народа, выжечь в них, пока, наконец, шестьдесят миллионов мужчин и женщин не почувствуют, что их души охвачены пламенем гнева и стыда и из них, словно из печи, не хлынет море огня. В нем, как стальной меч, будет выкована одна общая воля. И тогда весь народ сольется в боевом крике: “Вновь к

оружию!”»[262].

Многие авторы до сих пор утверждают, что безжалостные условия Версальского договора явились непосредственной причиной нацизма и Второй мировой войны. Им бы стоило задуматься над следующими словами Феста: «В действительности, его пункты вполне могут выдержать сравнение с теми условиями, которые сама Германия навязала России в Брест-Литовском договоре, а Румынии – в Бухарестском»[263]. Ширер сообщает некоторые подробности, касающиеся Брест-Литовского договора. «Один британский историк, писавший через два десятилетия после того, как страсти уже улеглись, назвал этот мирный договор «беспрецедентным унижением, единственным в своем роде в новой истории». В соответствии с этим договором Россия лишалась территории, примерно равной по площади Австро-Венгрии и Турции вместе взятых. На ней проживало 56 миллионов жителей или 32 % всего ее населения. Она лишалась трети железных дорог, 73 % железной руды, 89 % угля и более чем пяти тысяч фабрик и заводов»[264]. Но Брест-Литовск – это «забытый договор». Правда, сам Гитлер о нем помнил, так как, будучи армейским пропагандистом, написал о нем «циркуляр» и провел несколько бесед. То же самое он сделал позднее для DAP. «Я сравнил два эти договора [Версальский и Брест-Литовский] пункт за пунктом и показал, насколько один договор [Брест-Литовский] в действительности гуманнее в сравнении с жестоким варварством другого [Версальского]»[265].

На самом деле германские «военные цели» (*Kriegsziele*), сформулированные канцлером Бетман-Гольвегом в сентябре 1914 года, а затем дополненные пангерманцами и лоббистами от немецкой тяжелой промышленности и банков, были гораздо более масштабными и жестокими, чем Версальский договор. Они состояли в следующем:

1. Германия должна расширить свои владения в Центральной Европе и занять доминирующую политическую и торговую позицию в отношениях с Францией, Бельгией, Голландией, Данией, Австро-Венгрией и Польшей, а со временем – с Италией, Швецией и Норвегией.

2. Франции придется расстаться с угольными бассейнами и месторождениями железной руды в Лонгви-Брие, а также с атлантическими портами, находящимися напротив южной Англии. Она также должна будет платить репарации «столь высокие, что не будет способна финансировать свое перевооружение в течение последующих пятнадцати-двадцати лет». Она должна попасть в постоянную зависимость от Германии в торговом отношении, потребляя германские товары.

3. Бельгия должна уступить район вокруг Льежа, а также Антверпен – в те времена самый крупный и активный порт Европы; в торговом отношении она должна стать германской провинцией.

4. Некоторые французские колонии и большая часть Бельгийского Конго должны перейти под контроль Германии.

5. Территориальные завоевания на востоке должны дать Германии доступ к пшеничным полям и рудным бассейнам России и нефтяным месторождениям Ближнего Востока. (Эта военная цель ставилась уже в мирное время – строилась железная дорога Берлин-Багдад)[266].

Такова была программа-минимум, на которую опиралось германское руководство и которую надлежало реализовать в случае победы в войне. Условия Брест-Литовского договора составляли лишь ее часть. Необходимо отметить, что эта программа очень редко, если вообще когда-либо, упоминается в исторической литературе, ориентированной на массового читателя. Но она с великолепной ясностью демонстрирует цели, которых Германия пыталась достичь дважды и которые дважды приводили к смерти и разрушениям в ужасающих масштабах. Гитлер прекрасно знал об этих целях и почти буквально реализовал их на практике.

Историческое сознание Германии, а также и всего мира должно было дождаться 1961 года, чтобы ему напомнили о намерениях Германии в начале XX столетия – именно тогда Фриц Фишер опубликовал свою работу *Griff nach der Weltmacht* («Борьба за мировое господство»). Этот же гамбургский историк сообщил немцам – по прошествии пятидесяти семи лет и еще одной мировой войны – что в 1914 году Германия действительно «была главным виновником развязывания всеобщей войны»[267]. Поэтому статья 231 Версальского договора «об ответственности за войну», формально утвердившая виновность Германии, вовсе не была беспочвенной. Смелые разоблачения Фишера, спокойно сформулированные и документально обоснованные, были очень неприятны. Они вызвали шум, который не утихает до сих пор.

Унижение непобежденной нации, удар в спину, мучительный, бесчеловечный договор и лживые обвинения в ответственности за начало войны – вот набор из лжи, заблуждений и оскорбленных патриотических чувств, который обеспечил Гитлера боеприпасами. Он использовал их, обрушиваясь на «врагов Германии», реальных и воображаемых, внешних и внутренних. И все же Франция была его любимой мишенью. Эта страна стала «победителем не по праву», ибо несправедливо, «что немцы, такой высокоразвитый в культурном отношении народ, проиграли

войну»[268]. Для Гитлера Франция «была и продолжала оставаться непримиримым врагом Германии», «смертельным врагом нашей нации». «Французская нация, которая медленно вымирает, – писал он, – не столько из-за снижения численности населения, сколько вследствие исчезновения ее лучших расовых элементов, может продолжать играть в мире важную роль лишь при условии уничтожения Германии. Французская политика движется к своей неизменной цели сотней окольных путей, но разрушение Германии является ее конечным пунктом, ее путеводной звездой. Именно уничтожение Германии несет в себе реализацию глубинных желаний и тайных умыслов французов»[269].

Фанатичного расиста Гитлера взбесило то, что в 1923 году французы разместили в оккупированных рейнских землях «цветные» сенегальские войска. Для него это было прямым ударом по чистоте крови арийской Германии, цель которого – расовая деградация. Он никогда не простит французам этого подлого деяния. (В 1937 году дети немецких женщин и этих африканских солдат будут одними из первых, кого стерилизуют в соответствии с евгенической программой Третьего рейха[270].) «И пока извечный конфликт между Францией и Германией будет проходить лишь в форме германской защиты против французской атаки, он не может быть разрешен. Столетие за столетием Германия будет утрачивать одну позицию за другой… Лишь когда немцы ясно поймут все это, они перестанут растрачивать национальную волю к жизни на пассивную оборону. Тогда они объединят все силы для последнего решающего поединка с Францией. В этой борьбе мы будем сражаться за неотъемлемое право германской нации. Только тогда можно будет положить конец вечному франко-германскому конфликту, который все это время оставался неразрешенным»[271].

Оценивая шаги Гитлера, современные исследователи порой считают войну в Западной Европе второстепенной и незначительной в сравнении с завоеванием Восточной Европы. В действительности же, подавление и унижение Франции с ее «цивилизацией» нордическими германцами с их «культурой» было заветной мечтой немцев и личным желанием Гитлера. Придет день, и он, человек, проведший на французской земле четыре года в пыли и грязи траншей, аннулирует «позорное» перемирие, подписанное 11 ноября 1918 года в знаменитом вагоне в Компьенском лесу, и ранним июньским утром 1940 года победителем проедет по улицам Парижа.

Когда Гитлер писал или говорил о правительстве Веймарской республики, он использовал обороты еще хлестче тех, что он приберегал для ненавистных французов. Выражение «ноябрьские преступники», обозначавшее всех левых и евреев, якобы ответственных за прекращение огня и последовавшие за этим события, использовалось им постоянно и стало выражать некую идеологическую концепцию. Но были и другие выражения, посильнее, употреблявшиеся в том числе и в «Майн Кампф». Дело в том, что война с Францией ожидалась в перспективе, а борьба с левыми и их партнерами-центристами в правительстве происходила в настоящем. Лишь победив в этой борьбе, можно было захватить власть, без чего нельзя было и думать о том, чтобы подготовиться к удару возмездия против смертельного врага Германии.

Социал-демократическое правительство Гитлер называл «иудео-демократическим рейхом наших дней, истинным проклятием германского народа». Правительство – это «мерзавцы-евреи, пришедшие к власти в 1918 году и разоружившие нацию», это просто «шайка разбойников»[272]. «Принимая во внимание законы, управляющие ходом истории, совершенно немыслимо, что германский народ может вернуть себе достойное место под солнцем, не отомстив прежде всего тем, кто был как причиной, так и условием краха, приведшего к разрушению нашего государства. Перед судом грядущих поколений ноябрь 1918 года будет считаться не просто мятежом, но предательством и государственной изменой»[273].

«Под самыми жалкими предлогами эти парламентские холопы своей партии вырвали из рук нации оружие, необходимое для поддержания существования нашего народа, а также для защиты его свободы и независимости». Версальский договор запрещал Германии иметь флот и военно-воздушные силы, урезал ее армию до 100 тысяч человек и серьезно лимитировал возможности ее вооружения. «Откройте могилы на полях Фландрии! Оттуда поднимутся тысячи кровавых обвинителей, сотни тысяч лучших представителей нашей молодежи, брошенных в руки смерти этими бессовестными парламентскими мерзавцами, которые либо вообще не готовились к своей должности, либо знали все лишь наполовину. Эти юноши и миллионы других убитых и покалеченных были потеряны для отечества просто потому, что несколько сотен мошенников, обманувших народ, стремились совершить нужные им политические маневры, набить карманы или даже просто изменнически протащить в жизнь свои схоластические теории»[274].

Что же на самом деле произошло в том роковом ноябре 1918 года? Нам известно, что Гинденбург и Людендорф осознали, что война проиграна, что Германия должна прийти к соглашению со своими врагами, и потому Кайзер должен уйти. Нам также известно, что эти двое, Верховный главнокомандующий и Генерал-квартирмейстер, умудрились свалить с себя ответственность, переложив ее на плечи бездарного и бессильного правительства, канцлером которого на тот момент был Макс фон Баден. Затем «принц Макс подал в отставку, передав руководство умеренному лидеру социал-демократов Фридриху Эберту, сорокалетнему шорнику и главе профсоюза.

«Как и многие другие социал-демократы, Эберт стоял за установление конституционной монархии по британскому образцу. Однако его планы расстроил его заместитель Филипп Шейдеман, который провозгласил республику почти случайно. Узнав о назначении Эберта, Шейдеман бросился в Рейхстаг, чтобы известить об этом своих коллег, после чего отправился пообедать. Неожиданно ему сообщили, что Карл Либкнехт, предводитель крайне левого “Союза Спартака”, расположился в Королевском дворце и намеревается провозгласить оттуда республику, некое подобие ленинской России… Нельзя было терять ни минуты. Бросив обед, он вышел на маленький балкон библиотеки рейха. Огромная толпа громко приветствовала его появление, затем затихла – он начал импровизированную речь… Была нужна эффектная концовка, и он выпалил: “Прогнившая старая монархия изжила себя. Да здравствует новое [правительство]! Да здравствует Германская республика!” Вот так была провозглашена республика – просто с языка сорвалось»[275].

Имеющиеся исторические документы доказывают, что Эберт-шорник и Шейдеман-журналист были людьми доброй воли, которые делали все возможное, чтобы удержать Германию на плаву в этой буре, к созданию которой они не имели никакого отношения. Бремени, которое взвалили на них потерпевшие крах трусливые военачальники в остроконечных шлемах, не вынес бы никто. «Внутри самой Германии негодование по поводу условий мирного договора увеличивало озлобленность против республики, показавшей свою неспособность защитить страну от бедствий и лишений этого “постыдного навязанного мира”… Для огромного числа немцев слово “республика” стало синонимом позора, бесчестья и бессилия. Казалось, что республика была навязана немцам обманом и принуждением и совершенно чужда их природе. Какими бы ни были ее недостатки, республика все же несла в себе надежды на будущее; но даже за несколько удачливых лет у власти ей не удалось “ни увеличить лояльность

граждан, ни увлечь за собой политическое воображение народа”»[276].

Версальский договор «был миром, который в глазах большинства немцев миром не являлся», – пишет Маурерсбергер. – «Внезапно стало ясно – всем, вплоть до самых закоренелых сторонников примирения, – что европейские союзники США вовсе не стремились к переговорам. Их единственной целью было окончательное уничтожение политической и экономической мощи Германии»[277]. Маттиаса Эрцбергера, министра, который согласился подписать Версальский договор и тем самым разрешить неразрешимую проблему, сделали козлом отпущения. Националистическая пресса писала: «Именно на [парламентском] большинстве, желавшем мира, и на их предводителе Эрцбергере лежит ответственность за кровь тех миллионов, что погибли с лета 1914 года, ответственность за тысячи миллионов марок, потерянных для Германии и мировой культуры, за позорный мир, под гнетом которого сейчас стенает германский народ»[278]. Впоследствии Эрцбергер будет убит членами организации «Консул». Людендорфа же будут чествовать в Веймаре как «фолькистского короля», Гинденбурга будут называть эрзац-кайзером, а в 1925 году изберут президентом.

«Складывалось впечатление, что Веймарская конституция была навязана Германии западными державами, с тем чтобы превратить Германию в подобие других западных стран. Конституция казалась чем-то абсолютно чуждым германским расовым и национальным традициям, она превращала Германию в космополитическую и рационалистическую нацию, что было совершенно чуждо германской истории»[279]. Именно поэтому Веймарскую конституцию и описанный ею порядок правления пренебрежительно называли «система». Дело в том, что содержание конституции напрямую вдохновлялось идеалами Просвещения и, следовательно, Разума. В немцах же укоренилась традиционная, фолькистская иерархическая шкала ценностей, в которой «система» и общественный договор были чем-то противоестественным и враждебным. «Буржуазия так боялась демократии и общественных перемен, что предпочла республике новое авторитарное государство»[280] – государство нацистское.

«Проснись, Германия!»

Этот лаконичный призыв Дитриха Эккарта, вышитый на всех партийных знаменах, кратко выражал одну из основных тем

«Майн Кампф», – эта книга была, помимо всего прочего, программным выступлением человека, который намеревался вести воскрешенную Германию к великому будущему. Но значение этого призыва нельзя понимать буквально. Германия воевала, оплакивала мертвых, ее потрясали восстания, ей каждый день приходилось сражаться за то, чтобы выжить, – ей было не до сна. Лозунг Эккарта—Гитлера в действительности означал, что Германия должна вновь стать ведущей страной мира, обрести подобающие ей место и власть. После того, как ее бесстыдно унизили другие нации, она должна вновь найти средства, необходимые для того, чтобы занять принадлежащее ей по праву место под солнцем. Довоенные лозунги были все еще в ходу и слышались всякий раз, когда в сердцах пробуждались национальные чувства: *Heute Deutschland, morgen die ganze Welt!* (Сегодня – Германия, завтра – весь мир!); *Den Deutschen gehört die Welt!* (Мир принадлежит немцам!); *Deutschland über alles in der Welt!* (Германия превыше всего в мире!). И каждый знал наизусть песни, подобные *Die Wacht am Rhein* («Стража на Рейне»). В стране существовало множество националистических и фолькистских ассоциаций, и каждая издавала свою литературу, содержание которой лаконично выражали вышеприведенные песни и лозунги.

Время, о котором мы рассказываем, было временем расцвета колониализма. Белая раса считала себя высшим и прекраснейшим плодом древа эволюции, а ее культура была вершиной достижений человеческого ума. Германцы же были убеждены в том, что в иерархии белых народов именно они занимают высшую ступень. Если же они чувствовали, что слово «германцы» несколько расплывчато, они называли себя «нордическими народами», а если не были до конца уверены и в этом, то становились «арийцами». Но в действительности проблематичными были все три термина. Слово «германцы» пришло из латинского – от *germanus* – и, вероятно, первоначально обозначало лишь смесь варварских племен, обитавших за Рейном. Эта смесь племен имела сложный состав и происхождение, и даже Ганс Гюнтер, ведущий специалист нацистской расовой науки, вынужден был признать, что германский народ состоит из нордических, альпийских и средиземноморских элементов. К этому следует добавить, что значительная часть германского населения имела славянское происхождение. Даже сами пруссы изначально были славянским племенем, а за века сражений и завоеваний на восточных границах германский народ смешивался с поляками, балтийцами, русскими и многими другими народами.

Некоторые германские расисты, чтобы не рисковать,

называли себя представителями «нордической» расы, включая в число избранных народы Исландии и Скандинавии. Иначе было бы сложно объяснить тот факт, что большая часть «исконных» германских обычаев и традиций, освященных ностальгическими фолькистскими мечтами и известных публике по костюмам вагнеровских героев и героинь, на самом деле были обычаями и традициями викингов, а те были скандинавами. И как объяснить, что большинство изделий ранней «германской» эпохи с руническими надписями было найдено в Швеции?

Однако наиболее проблематичным был термин «арийцы», ведь «первоначально арийский вопрос был вопросом лингвистическим. Он возник в 1776 году, когда Вильяма Джонса поразило чрезвычайное сходство между несколькими языками: санскритом, греческим, латинским, немецким и так далее. В итоге эти языки объединили в одну семью, а их сходство стали объяснять общим происхождением от одного и того же первоначального языка, который Томас Юнг в 1813 году назвал «индоевропейским»… Предполагалось, что этот изначальный язык был языком некоего народа, который также назвали «индоевропейским». Считалось, что в прежние времена он обитал где-то между Средней Азией и Восточной Европой. (Разные гипотезы называли различные места первоначального обитания – от Индии до северной Скандинавии.) Это означает, что язык был [без достаточных оснований] превращен в народ, а из этого народа [опять-таки безосновательно] сделали самостоятельную расу»[281]. Арийская раса существовала лишь в фантазии нескольких кабинетных расистов, которые выпустили эту химеру пастись на вольные поля воображения высокомерной Германии.

«Всякое проявление человеческой культуры, всякий продукт художественного творчества, научной деятельности и технического мастерства, который мы можем сегодня видеть перед собой, почти без исключения является продуктом творческой мощи арийцев», – писал Гитлер в «Майн Кампф». «Даже на основании этого единственного факта можно уверенно заключить, что основы высшего человеческого типа заложены исключительно арийцем, поэтому он является архетипом того, что мы понимаем под словом ЧЕЛОВЕК. Ариец – это Прометей человечества, от его сияющего чела во все времена разлетались искры гения, каждый раз вновь возжигая костер знания, несущий свет в темноту ночи, срывающий с нее пелену таинственности и показывающий человеку, как он может возвыситься над собой и стать господином всех других существ на земле. Если по какой-то причине ариец исчезнет, на землю ляжет непроглядная тьма. Пройдет еще несколько тысячелетий – и человеческой культуры

не станет, а мир превратится в пустыню.

Если разделить человечество на три категории – создателей, носителей и разрушителей культуры, то в первую категорию могут войти лишь арийцы… Именно арийцы предоставили материалы и планы для сооружения великих построек на пути человеческого прогресса, и лишь особенности реализации этих планов несут на себе отпечаток индивидуальных качеств каждой отдельной расы»[282]. Ариец – это «знаменосец человеческого прогресса». «Быть гражданином этого рейха – даже в качестве дворника – будет почетнее, чем быть королем иноземного государства»[283], ибо арийцы являются «высочайшим образом и подобием Господа»[284]. Это «раса, которой суждено владеть всеми другими народами и которая будет распоряжаться средствами и ресурсами всего мира»[285]. Позднее в речи, обращенной к молодежи и произнесенной в орденсбурге Зонтхофен, Гитлер скажет: «Мы хотим, чтобы наш Народ (*Volk*) был на первом месте! Нам нет дела до того, любят нас или нет, главное – они должны нас уважать! Нам нет дела до того, ненавидят нас или нет, главное – они должны нас бояться!»[286] «Они» – это другие, негерманские народы, стоящие ниже арийцев. Правда, те же самые слова относились и к самим арийским германцам, марионеткам своего фюрера.

«Несмотря на множество темных мест, по которым нет еще твердых данных, результаты научных исследований не могут изменить одного важного факта: все значительное в мировой истории зародилось на Севере и представители светловолосой и голубоглазой расы распространили это по всей земле в несколько волн, что и определило в итоге культурную составляющую всего мира», – заявлял в своем «Мифе двадцатого столетия» Альфред Розенберг, официальный идеолог нацистского рейха. Нордическо-расистский миф об Атлантиде, населенной голубоглазым, светловолосым, высокорослым народом с розовой кожей и продолговатыми черепами, «стал достоянием миллионов. Его распространителями были мадам Блаватская от теософов, Рудольф Штайнер от антропософов, Лист и Ланц от ариософов, и Розенберг и Вирт [основатель *SS-Ahnenerbe*] от национал-социалистов»[287].

Как поддерживалось единство германско-нордическо-арийской расы, как оно должно было передаваться из поколения в поколение? – Через кровь. «Народ – или, вернее, расу – создает не язык, а кровь»[288]. В жилах чистой расы течет чистая кровь. Или, иначе, если в жилах некой расы течет чистая кровь, это значит, что эта раса чиста; кровь – носитель ее жизни. Для расистов кровь стала мистической идеей, пережитком эпохи анимизма, когда

человечество не имело никакого представления о действительных путях передачи наследственных характеристик. В расовых вопросах, а значит, и в основополагающих вопросах существования все зависит от чистоты или нечистоты крови. Народ (*Volk*) может деградировать, если его чистая кровь смешается с гнилой кровью выродившихся рас. В этом состояла основная идея фолькистского движения, которую пропагандировала литература, издаваемая *Germanenorden* и обществом Туле. Одним из их лозунгов было: «Храните вашу кровь в чистоте!», а роман Артура Динтера «Грех против крови» стал бестселлером в Германии в период между двумя войнами. Смешение крови происходит лишь путем полового контакта. В этом причина широко распространенного сексуального и даже порнографического характера злобной клеветы, которая обрушивалась на «сознательных загрязнителей арийской крови» – евреев.

«Если природа не желает, чтобы более слабая особь скрещивалась с более сильной, – читаем мы в “Майн Кампф”, – она тем более не желает смешения высшей расы с низшей, ибо это сводит на нет сотни тысяч лет ее усилий по созданию существ более высокого эволюционного уровня. История снабдила нас бесчисленными примерами, доказывающими истинность этого закона. С поразительной ясностью она показывает нам, что всегда, когда арийский народ смешивал свою кровь с кровью низшей расы, результатом было падение и деградация этого народа, еще недавно бывшего знаменосцем высшей культуры… Одним словом, в результате смешанных браков всегда происходит следующее: во-первых, уровень высшей расы понижается, во-вторых, начинается физическое и умственное вырождение, медленно, но неуклонно ведущее к истощению жизненной силы. Поступки, ведущие к этому, – грех против Вечного Творца. А грех не остается безнаказанным»[289].

«В гитлеровской “Майн Кампф” расизм и дарвинизм вступают в симбиоз», – пишет Центнер[290]. Связь между ними очевидна: чистота крови означает здоровую, сильную высшую расу, смешение кровей ведет к вырождению. Выживают наиболее приспособленные – обладатели чистой крови. Но здесь расизм приходит к недарвинистскому заключению: чистокровные, наиболее приспособленные, также имеют право – которое им дает Природа или «Господь» – на власть над другими. Разумеется, вся эта аргументация прекрасно согласуется с включением человеческой расы в состав животного царства – что впервые сделал Линней. Но эта теория, если применить ее последовательно, в один миг сводит на нет все гуманистические,

религиозные и духовные ценности человечества.

«Идеология, согласно которой государство основывается на расовой идее, должна в конечном счете привести к наступлению более благородной эры. Тогда люди уже не будут выводить и выращивать исключительно породистых собак, лошадей и кошек, они будут стараться улучшить породу самой человеческой расы», – учит Гитлер в «Майн Кампф». В соответствии с этой «ветеринарной идеологией», как ее называет один из комментаторов, «сильнейшие должны господствовать над слабыми, а не скрещиваться с ними – в противном случае они погубят свою высшую природу». В этом заключается «фундаментальный закон – его можно назвать железным законом природы». «[Наше] движение должно воспитать в своих сторонниках уважение к принципу борьбы, которая должна рассматриваться не как необходимое зло, но как нечто желательное само по себе»[291]. «Война – это самое естественное, самое обычное», – говорил Гитлер Герману Раушнингу[10] . «Война вечна. У нее нет начала, и в конце ее нет мира. Война – это жизнь»[292]. «Природа не знает политических границ. Она помещает на эту планету живые существа и наблюдает за свободной игрой сил. У кого больше смелости и прилежания, тот и получит – как ее любимое дитя – право господства над всеми другими существами»[293]. Один из нацистских вождей подвел итог: «Национал-социализм – это прикладная биология»[294].

Вождь и массы

В «Майн Кампф» Гитлер не оставляет никаких сомнений в том, кто именно возглавит арийцев в их борьбе за мировое господство. Книга писалась в то время, когда существовало несколько кандидатов в диктаторы. И хотя Гитлер никогда не упоминает себя в этой связи прямо, не составляет большого труда выяснить, кого именно он имеет в виду, например, в следующих строках: «Характерной чертой всех великих реформ является то, что вначале вперед выступает один единственный боец, который действует от лица нескольких миллионов. Не раз случалось так, что сотни тысяч людей страстно стремились в глубине души к некоему преобразованию, стремились столетиями; и наконец вперед выходит один из них. Это глашатай воли большинства, знаменосец давнего устремления, которое, в виде новой идеи, он ведет к новому воплощению»[295].

Для того чтобы господствовать над массами, вождь-Гитлер был наделен даром слова и прекрасно сознавал это. Он уже

опробовал это «высочайшее ораторское искусство человека, обладающего апостольской убедительностью», на аудиториях всех видов, больших и малых. «Силой, которая везде и всегда приводила в движение исторические лавины религиозных и политических движений, является магическая сила устного слова. Широкие массы населения более восприимчивы к живому слову, чем к чему бы то ни было еще. Все великие движения – движения народные. Это вулканические извержения человеческих страстей, пробужденных безжалостной богиней бедствий или факелом ораторского слова, брошенным в самую гущу народа. Великие движения рождаются не в елейных излияниях эстетствующих литераторов и салонных героев. Предотвратить гибель нации может лишь взрыв горячей страсти, но лишь тот, кто страстен по своей природе, способен пробудить страсть в других»[296]. Козырными картами Гитлера на пути к власти были сила слова, непоколебимость его убеждений и то загадочное воздействие, которое он порой мог оказывать на других своим личным присутствием.

«Душа широких масс принимает лишь того, кто обладает силой и стойкостью. Она подобна женщине: абстрактные доводы слабо влияют на ее чувства, скорее ей свойственно смутно сознаваемое стремление к силе, дополняющей ее собственное существо. Она скорее подчинится сильному мужчине, чем поработит слабого. Точно так же народные массы предпочитают диктатора просителю. Бескомпромиссное учение придает им уверенность, тогда как учение, дающее свободу выбора, пугает их. Они слабо понимают, как делать этот выбор, и чувствуют, что их бросили на произвол судьбы… Едва ли они отдают себе отчет в том, что над их свободой бессовестно надругались, – они даже не подозревают, что вся доктрина в сущности ложна. Они видят лишь беспощадную жестокость, силу ее решительных заявлений и подчиняются им безусловно»[297].

В «Майн Кампф» особенно поражает неприкрытое презрение, с которым Гитлер пишет о «массах». А ведь они были его аудиторией – германским народом. Быть может, именно поэтому позднее он сожалел о том, что написал эту книгу – ведь множество страниц свидетельствуют о том, что вождь германского народа, их почитаемый фюрер, не колеблясь, использует их в своих целях – что он и намеревался сделать. Впрочем, он мог бы и не беспокоиться – та атмосфера, которую он создавал на митингах и собраниях, а впоследствии и в масштабе всей страны – вся Германия стала его театром и аудиторией – исключала использование разума. Гитлер мог свободно писать о «миллионах немецких глупцов», «тупоголовом большинстве»,

«нерешительной толпе человеческих детенышей», о «их немощной способности к пониманию и быстроте, с которой они обо всем забывают», – они все равно неистово аплодировали ему. Это доказывает, что он верно понял суть массовой психологии – неважно, почерпнул ли он эти знания из работ Гюстава Лебона или Жоржа Сореля, у Эккарта, из «Протоколов сионских мудрецов» или же дошел до всего собственной интуицией и опытом. Гитлер, человек театра, был гениальным знатоком массовой психологии, что сделало его гениальным пропагандистом. И то, что своим главным помощником в этой сфере он выбрал Йозефа Геббельса, еще раз доказывает верность его чутья.

Теперь мы оказываемся в самом сердце германской трагедии. Целью Гитлера было не просто господство над массами: с самого начала он стремился использовать их. «Готовность жертвовать своим личным трудом и, при необходимости, даже собственной жизнью ради других, обнаруживается в арийской расе в наиболее развитой форме. Величие арийца основывается не столько на силе его интеллекта, сколько на его готовности посвятить все свои способности служению обществу. Здесь инстинкт самосохранения проявляется в благороднейшей форме: ариец с готовностью подчиняет свое собственное эго служению общему благу и, если необходимо, жертвует ради общества всем, даже своей жизнью»[298]. Нацизм противостоял Просвещению, он также был противником всех форм индивидуализма. Всеобщая унификация Германии, лес застывших вытянутых рук, щелкание каблуков, нескончаемые волны выкриков *Sieg Heil!* – все это было недвусмысленным предостережением, к которому не прислушались. Центнер пишет: «Гитлер стремился достичь внутреннего единства нации, спаять ее в жестко организованную марширующую колонну, готовую жертвовать собой и в любое время исполнить любой приказ национал-социалистического руководства»[299]. Гитлер сравнивал объединенные массы с мечом, со своим оружием для ведения войны. «Война и разрушение необходимы для восстановления неустойчивого равновесия этого мира – в этом заключалась и мораль, и метафизика его политики» (Фест[300]). Он формулировал эти цели достаточно открыто: «Выковать этот меч – задача внутриполитического руководства. Обеспечить этому процессу безопасность, а также найти союзников в битве – задача внешней политики»[301].

«Можно серьезно усомниться в том, что Гитлер любил немцев», – размышляет Эберхард Йекель[302]. «Я знаю, что должен быть строгим воспитателем. Прежде всего мне нужно создать Народ (*Volk*), лишь затем я смогу думать о решении проблем, с

которыми мы, как нация, сталкиваемся в настоящее время», – говорил Гитлер Раушнингу. «Нам нужно подготовиться к тяжелейшей борьбе, которая когда-либо выпадала на долю какого-либо народа. Лишь пройдя через это испытание, мы сможем подготовиться к власти над миром, к которой мы призваны. Мой долг будет состоять в том, чтобы вести эту войну, невзирая на потери. Жертвы будут чудовищными. Мы все знаем, что значит тотальная война… Города превратятся в руины, величественные здания исчезнут навсегда. На этот раз наша святая земля тоже попадет под удар. Но я не боюсь этого. Мы будем стоять непоколебимо и сражаться до конца. И Германия, которая встанет из этих руин, затмит красотой и величием любую страну мира»[303].

Слепая вера

Гитлер описывает в «Майн Кампф» свои первые контакты с DAP в сентябре 1919 года. Он пишет здесь, что после долгих размышлений он пришел к выводу, что «необходимо провозгласить новую идеологию, а не новый политический лозунг»[304]. То, что он размышлял об этом не в одиночку, уже было показано выше. Стоит все же напомнить о том поразительном обстоятельстве, что он вступил в кружок Харрера и Дрекслера, уже располагая идеологией, готовой к практическому применению. Он «хотел основать [собственную] партию», для чего и собирался использовать незначительную DAP.

В 1924 году, когда Гитлер в ландсбергской тюрьме писал первую часть «Майн Кампф», его мечты и прозрения стали уже гораздо яснее. Да, первые шаги Гитлера казались скромными, а возможность того, что его замыслы осуществятся, – ничтожной. Так казалось большинству сторонних наблюдателей, но не самому Адольфу Гитлеру. В ходе ландсбергского уединения Гитлер вновь обрел несокрушимую уверенность в своем призвании и убежденность в том, что ему удастся выполнить свою миссию. Благоразумие и осмотрительность все еще удерживали его от провозглашения себя фюрером германской нации, но на страницах «Майн Кампф» он не оставляет никаких сомнений в том, кто является этим фюрером, хотя и не называет себя прямо.

«Чувствуете ли вы, что Провидение призвало вас возвестить миру истину? Если так, тогда идите и возвестите ее, – писал Гитлер. – Но вы должны иметь смелость делать это напрямую, а не использовать в качестве своего рупора какую-либо политическую партию – иначе вы не исполните своего призвания.

[“Использование политической партии” здесь означает использование устоявшейся партии с готовой программой при неспособности провозгласить свою собственную.] На место того, что существует, но является бесполезным, поместите что-то лучшее, что будет работать для будущего». «Из армии миллионов, ощущающих истину этих [фолькистских, националистских и антисемитских] идей, даже до какой-то степени понимающих их, должен выступить один человек. Этот человек должен обладать даром излагать общие идеи в ясных и точных формулировках. Из множества расплывчатых идей, смутно вырисовывающихся в умах толпы, он должен выковать принципы, которые будут четкими и непоколебимыми, как гранит. Он должен провозгласить эти принципы единственно верными. Он должен сражаться за них до тех пор, пока из мутных вод бессвязных идей не поднимется твердая скала общей веры. Эти действия оправданы их необходимостью; этого человека оправдает его успех». Нет никаких сомнений в том, кого именно имеет здесь в виду автор. «Выдающегося гения нельзя судить по общей мерке»[305].

Гитлер считал, что сам он – мыслитель, человек идей и одновременно практик, воплощающий их в жизнь: «Когда в одном человеке объединяются способности теоретика, организатора и вождя – это редчайшее явление на земле. Именно это сочетание качеств рождает великого человека». «В истории человечества лишь изредка случалось так, что в одном лице сочетался политик-практик и политик-философ. Чем теснее это соединение, тем серьезнее препятствия, с которыми придется столкнуться в своей деятельности этому политику. Такой человек не будет трудиться для достижения целей, понятных любому обывателю. Нет, он стремится к тому, что понятно лишь немногим избранным. Его жизнь раздираема любовью и ненавистью. С одной стороны – нападки современников, которые не понимают этого человека, с другой – признание со стороны потомков, ради которых он трудится… Величайшими героями истории являются те, кто сражаются за свои идеи и идеалы, несмотря на то, что не получают никакого признания от современников. Это люди, памятник которым будет воздвигнут в сердцах будущих поколений»[306]. Гитлер уже строил себе мавзолей и готовился занять место в Валгалле среди великих героев.

«Совершенно очевидно одно: наш мир стоит на пороге великой революции», – заявляет он[307]. Согласно Йекелю, «Гитлер считал самого себя пророком нового мировоззрения»[308]. Фактически это верно, но, по-видимому, сказано слишком мягко. Как бы то ни было, Гитлер постоянно сам повторяет в своей книге, что стоит за «новую великую идею», «небывалую идею, в

которую должны поверить массы». «Политическим партиям свойственно идти на компромиссы, но идеология не занимается соглашательством. Политическая партия склонна корректировать свою доктрину, чтобы иметь возможность противостоять соответствующим доктринам ее оппонентов, идеология же провозглашает свою собственную непогрешимость. Программа обычной политической партии – это всего лишь рецепт того, как состряпать благоприятные результаты из следующих всеобщих выборов. Новая идеология – это объявление войны существующему порядку вещей. Это война против существующей идеологии»[309]. Иными словами, Гитлер нес этому миру новую идеологию или *Weltanschauung* (мировоззрение). Эта идеология «чиста и абсолютно истинна» – это новое кредо, новое евангелие, новая вера.

Для того чтобы его видение могло обрести в этом мире зримые черты, ему была нужна организация, выполняющая его приказания. Религиозные реформаторы называли это Церковью, Гитлер позднее назовет это Орденом и даже скажет: «Мы – это тоже Церковь». Однако в начале политической карьеры у него не было другого выбора – ему пришлось назвать новое движение «политической партией». «Задача этой организации прежде всего в том, чтобы передать определенную идею, рожденную в уме одного человека, множеству людей. Она также должна контролировать воплощение этой идеи на практике». «Из расплывчатых идей создается политическая программа, туманная идеология оформляется в четкую политическую веру». «Именно поэтому программа нового движения [НСДАП] была сведена к нескольким фундаментальным постулатам, всего их двадцать пять. Главным образом, они нужны для того, чтобы человек с улицы мог получить примерное представление о целях, которые ставит перед собой это движение. Это в некотором смысле символ веры, кредо, которое должно привлекать в движение новых сторонников и объединять их. Это словно общий завет, под которым подписывается каждый из них». «Для большинства последователей нашего движения его сущность будет состоять не столько в буквальном смысле этих тезисов, сколько в том смысле, который им будем придавать мы»[310]. Что означает: «в смысле, который им придам *я*».

После того, как двадцать пять пунктов этого кредо были сформулированы, Гитлер отказывался их изменять, несмотря на то, что некоторые из них теряли смысл или устаревали по мере развития национал-социалистического движения. Их буквальное значение было несущественно. Это кредо играло роль оболочки, догматической и символической, которую масса последователей

должна заучить наизусть и исповедовать. Внутри же этой оболочки, скрываясь за догмой, жил и действовал дух, который знал, – это был дух Гитлера. Именно поэтому он так резко отмежевывал свою НСДАП от фолькистского движения, которое большей частью исповедовало некие туманно-романтические и даже сентиментальные идеи и представляло собой разношерстную массу течений, от вотанизма до нудизма. Для Гитлера фолькизм был бегством от реальности, игрой или позерством. Гитлеровец же готовит мир к грядущей революции.

Гитлер не церемонился с фолькистским движением, осыпая его насмешками, несмотря на то, что именно там лежали корни нацистского движения, а для большинства его сторонников и для широкой публики нацизм и фолькизм были неразделимы. Он писал: «Не менее опасны эти полуфолькисты, которые носятся вокруг, выдвигая фантастические схемы, большей частью развитые на основе какой-то навязчивой идеи. Возможно, эта идея сама по себе и верна, но, будучи изолированным понятием, она совершенно бесполезна для создания широкого боевого движения и не может служить основой для его организации… В лучшем случае эти люди – бесплодные теоретики, чаще же – зловредные возмутители общественного мнения». Можно, конечно, спросить, откуда сам Гитлер позаимствовал свои идеи и насколько зловредным был *он сам*. «Они полагают, что могут скрыть свою интеллектуальную несостоятельность, тщету своих усилий и отсутствие всяких способностей, потрясая развевающимися бородами и играя в древних германцев»[311]. Последнее высказывание – явный выпад против таких организаций, как *Germanenorden*, а также против последователей Гвидо фон Листа и Ланца фон Либенфельса. Гитлер был многим им обязан, но теперь он хотел полностью отмежеваться от них.

Боевое движение

Успехи НСДАП в значительной степени объяснялись тем, что Гитлер хорошо понял: в послевоенной обстановке никакая новая партия не может добиться успеха, если она не способна решительно противостоять другим, используя грубую силу. Это касалось социалистов и, в особенности, коммунистов – они были хозяевами улицы и могли сорвать любые собрания или манифестации, если те были им не по душе. Люди – не ангелы; вся история человечества говорит о том, что революционная идея, для того чтобы проявиться и расти в обществе, нуждается в боевом революционном движении – здесь Гитлер был прав.

Он писал: «Любая идеология, будь она хоть сто раз правильной и в высшей степени благотворной для человечества, останется совершенно бесполезной для людей до тех пор, пока ее принципы не лягут в основу боевого движения… Если будущее развитие планируется на основе некой абстрактной концепции общего порядка, в первую очередь необходимо ясно сформулировать суть и границы применимости данной концепции. Лишь на этой основе может быть создано движение, черпающее боевую силу из внутренней согласованности своих принципов и убеждений. Из расплывчатых идей нужно создать политическую программу, а туманную идеологию оформить в четкую политическую веру». «Мы уже провозгласили один из наших принципов следующим образом: «Для самозащиты мы будем отвечать на насилие насилием». Естественно, этот принцип смутил спокойствие благородных рыцарей пера. Они горько упрекали нас за «грубый культ дубинки», а также за то, что на нашей стороне – по их мнению – не стоит никаких интеллектуальных сил. Эти шарлатаны ни на секунду не задумались о том, что пятьдесят идиотов могут заставить замолчать даже Демосфена, если явятся на собрание, чтобы заглушить его речь воплями и запугать его сторонников кулаками». «Мы, посредством нашей агрессивной политики, устанавливаем новую идеологию, которую будем защищать с беззаветной преданностью»[312].

«Вера» и «преданность» – это религиозные термины. Гитлер часто и преднамеренно ими пользовался. Дело в том, что он был пророком новой идеологии, а не просто политической программы, которую политическая партия реализует с политическими целями. Он нес фундаментальное религиозное учение, целью которого было использование германской нации в качестве инструмента для завоевания мира и установления нового мирового порядка. Гитлер-человек мог быть мелким и даже смешным, но захватившее его видение было тотальным. Оно действительно перевернуло мир вверх дном. «Теперь вы понимаете, как глубоко наше национал-социалистическое движение?» – спросил он Германа Раушнинга, чуть приоткрыв завесу тайны. «Разве можно представить себе что-то более великое и всеобъемлющее? Тот, кто считает, что национал-социализм – это просто политическое движение, не имеет о нем никакого понятия»[313].

Оправдывая неизменность своей партийной программы, Гитлер писал: «Роль догмы в религии аналогична функции, которую партийные принципы выполняют в политической партии, находящейся в стадии становления… Учение, создающее новое

мировоззрение, не сможет бороться и побеждать, если даст право на свободное истолкование своих основных положений. Эти положения нужно переоформить в символ веры, который должен стать каркасом политической организации». «Основы учения никогда не следует искать во внешних формулах, но всегда – в их внутреннем смысле. А смысл этот неизменен»[314]. Основные положения гитлеровского учения и впрямь были неизменными – в его собственной голове. Множество людей, более или менее близких к нему, отмечали неколебимость его основных идей, а также завесу секретности, скрывавшую их. О своей новой вере он написал следующие зловещие, но многозначительные слова: «Революционное понимание мира и человеческого существования добьется решающего успеха лишь при выполнении двух условий. Во-первых, новой идеологии нужно обучить весь народ – при необходимости ее можно и навязать. Во-вторых, центральная организация, само движение должно быть подконтрольно минимальному числу людей, совершенно необходимых для формирования нервных центров создаваемого государства»[315]. Этот человек предвидел все основные черты своего будущего тоталитарного государства и изложил их здесь черным по белому.

«С самого первого дня мы приняли решение сражаться за будущее нашего движения, прокладывая ему путь в духе святой веры и безжалостной решимости, – пишет Гитлер. – Борьба за идеологию должна вестись людьми героического духа, способными жертвовать всем, иначе в самое короткое время мы не сможем найти ни единого последователя, готового сражаться и положить жизнь за общее дело… Чтобы обеспечить условия, необходимые для успеха, нужно дать понять всем, кого это касается, что новое движение надеется на почет и славу у будущих поколений, но ему нечем вознаградить тех, кто сражается за него сегодня». «Против веры сражаться труднее, чем против знания. Любовь устойчивее уважения. Ненависть длится дольше, чем простое отвращение. А научные знания еще не совершили ни одной великой революции и не способны захватить воображение масс. Величайшие революции на земле вдохновлялись религиозным рвением; зачастую массы побуждала к действию некая истерия»[316].

В этой связи Ральф Ройт цитирует Геббельса: «Геббельс однажды заметил: “То, к чему мы стремимся, с точки зрения научных законов невозможно и недостижимо. Мы знаем об этом. Но мы, тем не менее, действуем в соответствии со своими убеждениями, потому что мы верим в чудеса, в невозможное и недостижимое. Для нас политика – это чудо невозможного!”»

Ральф Ройт замечает по этому поводу: «В этой иррациональности, в этой метафизике слепой веры и лежит смысл национал-социализма – политической религии»[317]. И так как Гитлер держал свои самые глубокие мысли в тайне, «Германия подчинилась религии, которой не знала, следовала обрядам, которых не понимала, приходила в восторг и умирала ради таинства, в которое не была посвящена. Лишь фюрер обладал реальным знанием, в этом не было сомнения ни у одного национал-социалиста. А фюрер держал при себе то, чем не желал делиться с другими»[318].

«Еще одним подтверждением политического чутья Гитлера является тот факт, что он всегда обсуждал подробности своих планов лишь в узком кругу, позволяя лишь единицам уловить взаимосвязь между его идеями в целом. До его прихода к власти это происходило потому, что лишь немногие представители средней буржуазии, составлявшие ядро его сторонников, были способны расширить свои ментальные рамки и при этом не отшатнуться в ужасе от новых идей, переходящих все границы “разумного” национализма и социализма. У партийных “реалистов” озаренный провидец и фантаст Гитлер и так уже был под подозрением. То, что именно “фантастические” идеи Гитлера дадут ему возможность идти своим особым путем, что он посрамит всех скептиков, тогда понимали лишь немногие» (Герман Раушнинг[319]).

«Великий мастер лжи»

Если ариец был «Прометеем человечества, от сияющего чела которого во все времена разлетались божественные искры гения», то антагонистом его был еврей. «Еврей составляет наиболее разительный контраст с арийцем, – писал Гитлер. – Вероятно, ни один другой народ не превзойдет “избранный” по развитости инстинкта самосохранения. Лучшим тому доказательством является тот простой факт, что эта раса до сих пор существует. Где еще можно найти народ, который, подобно евреям, претерпел так мало изменений в своем мировоззрении и характере за последние две тысячи лет?.. Этот факт демонстрирует бесконечно цепкую волю к жизни, к сохранению рода!»[320] Эти слова дают понять, почему Фест писал: «[Гитлер] восхищался евреями… В сущности, он считал их кем-то вроде сверхлюдей со знаком минус»[321].

Однако на земле есть место лишь для одного избранного народа – для арийцев. И если в работах Гитлера изредка можно

найти оттенок восхищения евреями, все это сторицей перекрывает гораздо более сильное, всепронизывающее чувство ненависти, которое он питал к ним с самого начала своей политической карьеры до того самого момента, когда диктовал свое политическое завещание за несколько часов до смерти. «Его мечты о германской экспансии, озабоченность судьбой Европы и вопросами мирового господства, его настойчивое утверждение принципа единоличного руководства – все это несло на себе оттенок мессианства, который становится заметен не только через двадцать лет после “Майн Кампф”, но и до написания этой книги… И это неразрывно связано с постоянной идеологической установкой Гитлера – он торжественно берет на себя руководство битвой глобальных масштабов, от исхода которой зависит жизнь или смерть человечества. Это составляло самую сердцевину антисемитского мировоззрения Гитлера» (Джей Гонен[322]).

Для того чтобы облечь свою ненависть к евреям в слова, Гитлеру не нужно было прилагать больших усилий. Книги, подобные «Руководству по еврейскому вопросу» Теодора Фрича, предоставляли в его распоряжение неисчерпаемый запас антисемитской клеветы, собранной за века. Эккарт, использовавший значительную часть этого арсенала в своем журнале «Простым немецким», был его достойным учителем. Если ариец был высшей формой, которой может достичь человеческое существо, то еврей – низшей; фактически, это даже не недочеловек – его человеческий облик был лишь обманчивой видимостью. «Еврей юлит, проскальзывает в тела наций и выедает их изнутри», учит «Майн Кампф». Он «паразитирует на нациях», это «вредитель, нахлебник, который, как зловредная бацилла, распространяется все шире и шире». Это «настоящая пиявка, присасывающаяся к телу своих несчастных жертв, которую невозможно удалить»[323]. Еврей – это «бактерия, разъедающая человечество», «бацилла, несущая туберкулез наций». Он падальщик, «его привлекает легкая добыча». Поскольку он человек лишь по видимости, «его деятельность не стесняется никакими моральными соображениями»; ему свойственна «грубость и ненасытность»[324]. Таковы образчики выражений, которыми были полны газеты в нацистский период. Молодое поколение усваивало это в школах. Именно эти понятия были вбиты в головы тех, кто евреев уничтожал.

«Евреи всегда были нацией, имеющей определенный расовый характер, вероисповедание никогда не было их отличительным признаком»[325], – решительно заявляет Гитлер. Тем не менее, это очевидная ложь. К тому времени уже было доказано, что еврейский народ разнороден по составу. Однако для связности

гитлеровских теорий о расе и крови необходимо было считать еврейский народ расой. «[Еврей] отравляет кровь другим, но сохраняет свою собственную кровь неизменной… Религиозное учение евреев – это главным образом руководство по сохранению чистоты еврейской крови»[326]. Ставкой в войне между арийцами и евреями была ни больше ни меньше как жизнь человечества. «Еврей – это враг самого существования человечества. Его конечной целью является уничтожение наций, смешение и скрещивание народов, понижение уровня высших рас и господство над получившейся расовой мешаниной через уничтожение интеллектуалов других народов и их замену евреями… Если еврей, при помощи своей марксистской веры, одержит победу над народами земли, то венцом его деяний станет гибель всего этого мира. И потом эта планета вновь, как и миллионы лет назад, будет нестись в пустоте, лишенная человеческих существ»[327].

«Он, не переставая, болтает о “просвещении”, “прогрессе”, “свободе”, “человечности” и тому подобном, однако в первую очередь [еврей] заботится о том, чтобы сохранить расовую целостность своего народа. Порой он жаловал одну из своих дочерей в супруги влиятельному христианину, но расовый состав его потомков мужского пола по существу всегда сохранялся в чистоте. Отравляя кровь других, в свою собственную кровь он примесей не допускает»[328]. Реакционерам и фундаменталистам свойственно считать себя «порядочными» и «здоровыми», в то время как «другие» в их представлении являются дегенератами и безнравственными существами. Не менее типично и то, что за фасадом порядочного человека обнаруживается достаточно грязи и гнили. Одним из примеров извращенности, лежащей в основе болезненного гитлеровского расизма, является его одержимость «черноволосым еврейским молодцем», который «часами сидит в засаде, с сатанинской похотью подглядывая за ничего не подозревающей [арийской] девушкой, с тем чтобы совратить ее и испортить ее кровь»[329]. Другим примером является его навязчивая идея насчет сифилиса. Еще одним – то, как он поддерживал Юлиуса Штрайхера и непристойный антисемитизм его журнала *Der Stürmer*.

В цитате, приведенной в начале предыдущего абзаца, Гитлер еще раз прямо нападает на дух и идеалы Просвещения, а также на «прогресс» – лозунг девятнадцатого столетия. «Для того чтобы скрыть свою тактику и одурачить свои жертвы, [еврей] ведет разговоры о равенстве всех людей, независимо от расы или цвета кожи. И простаки начинают ему верить… На этом этапе работы главной целью еврея является победа демократии или, скорее,

верховное господство парламентской системы, которая является воплощением его понимания демократии. Это учреждение наилучшим образом согласуется с его целями, ибо таким образом устраняется личностный элемент и на его месте мы получаем тупоголовое большинство, непродуктивность и – последнее по порядку, но не по важности – мошенничество»[330]. В настоящее время для человечества демократический образ жизни стал нормой, которая задает государственное устройство. Эта организация общества дает людям свободу, за которую они готовы отдать жизнь. В каком же направлении двигался Гитлер, реализуя свои реакционные цели? Вместо равенства перед законом он проповедовал социальную иерархию («принцип фюрера»); его идеалом был мировой порядок, где господствующая раса нордических германо-арийцев правит другими расами – рабами-недочеловеками. Не лишним здесь будет и следующий факт: «ни один еврей не играл какой-либо существенной роли ни в самой Французской революции, ни в философской революции, ей предшествовавшей»[331]. Наоборот, ведущие писатели Просвещения, например Вольтер, были откровенными антисемитами.

Нападая на Просвещение и прогресс, Гитлер был стопроцентным фолькистом и выразителем германского духа своего времени. Впрочем, он нападал на все, что казалось ему антигерманским. А «антигерманское» фактически означало просто-напросто нечто, противостоящее лично Гитлеру и его новой идеологии. Сваливая все грехи этого мира на одного виновника, он следовал своему пропагандистскому принципу: необходимо сосредоточить все внимание движения, массы или народа на единственном противнике. Этим противником для Гитлера был еврей. Таким образом, в сознании немцев он создал мир тотальной паранойи, а затем сделал эту паранойю вооруженной. Гитлеровская Германия, изолированная в своем «параллельном мире», стала чудовищным и чудовищно разрушительным инструментом смертоносного бреда.

Определенные аспекты этого видения апокалиптической вселенской войны между ложным и истинным «избранными народами» достались Гитлеру от Эккарта. Эккарт говорил о борьбе доброго (арийского) и злого (еврейского) принципа в человечестве в целом и в каждом человеке в частности. Однако теперь Гитлер переформулировал эти идеи в дарвинистско-расистском ключе. В этом направлении его подталкивал – в особенности после смерти Эккарта – Альфред Розенберг, который «обладал огромным влиянием на Гитлера» (Ганфштенгль). Этот человек был насквозь пропитан ядовитым русским

антисемитизмом рубежа веков (ставшим причиной массовой эмиграции евреев из Восточной Европы). Гитлер позаимствовал у него аргументы, которые использовал для превращения своего «интеллектуального» антисемитизма в антисемитизм «уничтожающий». Вероятнее всего, Эккарт, несмотря на свои закоренелые предубеждения, не мог и помыслить о таком превращении. Это могло стать причиной того, что он начал подозревать у своего ученика нешуточную «манию величия». Безусловно, представление о том, что евреи не принадлежат телу германского Народа (*Volk*), чужды и вредоносны и потому должны быть из него удалены или, во всяком случае, взяты под жесткий контроль и ограничены в свободах, было широко распространено в Германии того периода и часто выражалось в соответствующих яростных лозунгах, однако мало кто делал из этого крайние выводы. И все же общая антисемитская атмосфера значительно облегчила реализацию планов Гитлера. Те, кто будут играть в его вооруженной паранойе роль исполнителей, будут гордиться тем, что претворяют эти планы в жизнь.

Протоколы сионских мудрецов

Альфред Розенберг родился в Ревеле (Эстония) в 1893 году. Он учился на инженера и архитектора, но в 1917 году его планы разрушила Русская революция. Прожженный антикоммунист и антисемит – что для него значило одно и то же, – он бежал из России и в конце 1918 года обосновался в Мюнхене. Он влился в общество русских эмигрантов, многие из которых имели связи с экстремистами правого толка. Быть может, именно экземпляры «Простым немецким», попавшие в руки Розенберга, привели его к Дитриху Эккарту. Тот сделал его своим сотрудником, несмотря на то, что родным языком Розенберга был русский, а немецкий был еще очень плох. И именно Эккарт познакомил его с Гитлером. На Розенберга сильно повлияли «Основы девятнадцатого столетия» Хьюстона Чемберлена – книга, сделавшая своего автора гуру немецких националистов и любимым мыслителем императора Вильгельма II. (Чемберлен был супругом Винифред Вагнер и поэтому хозяином в доме *Wahnfried* в Байрейте.) Но еще большее влияние на Розенберга оказали «Протоколы сионских мудрецов».

«Протоколы» представляют собой запись указаний главам двенадцати колен израилевых, которые им якобы давал таинственный Верховный Магистр в полночь во дворе пражской синагоги. Их целью было достижение еврейского господства над

всем миром. Стратегия же заключалась в безжалостной тайной кампании против всего, что считалось священным у презренных *гоев*, а идеологией был крайний материализм, который, используя принципы Просвещения в качестве основных установок, в конечном счете должен был привести к рабскому подчинению зомбированного человечества еврейской расе господ. «Протоколы» были фальшивкой, сфабрикованной русской тайной полицией во Франции. Их непосредственной целью было убедить Николая II в опасности, которую евреи представляют для его монаршей власти. Эта фальшивка была одной из многих, написанной в русле традиций антисемитской литературы такого типа. Вероятнее всего, она была составлена во времена дела Дрейфуса, расколовшего Францию на два лагеря; толчком к ее написанию мог послужить первый Сионистский конгресс в Базеле в 1897 году[332].

«Протоколы» и миф о еврейском мировом заговоре использовались нацистской пропагандой на всех стадиях ее существования, от самого рождения Партии в 1919—1920-м до падения Третьего рейха в 1945 году, – пишет Норман Кон. – Задачи использования «Протоколов» варьировались в зависимости от политической ситуации в тот или иной период. В хронологическом порядке эти задачи были следующими: помочь партии прийти к власти, оправдать режим террора, оправдать войну, оправдать геноцид и, наконец, отсрочить капитуляцию. История использования этого мифа… в точности отражает этапы взлета и падения Третьего рейха». Согласно Кону, «тот, кто скажет, что около 1925 года “Протоколы” были самой читаемой книгой в мире после Библии, будет не так уж далек от истины»[333].

В «Майн Кампф» Гитлер писал о «Протоколах» следующее: «Все существование [еврейского] народа основывается на постоянной лжи, что с исключительной ясностью доказывают “Протоколы сионских мудрецов”… То, к чему многие евреи стремятся бессознательно, здесь сформулировано явно. Не так уж важно, в мозгу какого еврея родились эти откровения, важно то, что они раскрывают – с ужасающей точностью – характеристическое мышление и образ действий еврейского народа. В этих документах детально изложены пути, которыми евреи стремятся достичь своих конечных целей. Лучшим способом удостовериться в их аутентичности является изучение реальных событий. Если мы рассмотрим историческое развитие событий в течение последних нескольких столетий в свете содержания этой книги, становится понятно, почему еврейская пресса всячески отступается и отрекается от нее. Ведь если эта

книга попадет в руки широкой публики и люди осознают грозящую им опасность, еврейская угроза будет искоренена»[334].

«Гитлер нутром – если не рассудком – верил в реальность еврейского мирового заговора», – пишет Конрад Хайден[335]. Подтверждение этому можно найти на страницах “Майн Кампф”, где Гитлер пишет о «стремлении еврейского народа стать господином мира»[336]. Однако никакого мирового заговора не существовало, что недвусмысленно продемонстрировали трагические события предвоенных и военных лет. Во время войны еврейское движение было расколото. До войны еврейские общины не могли достичь даже минимального уровня сотрудничества, необходимого для того, чтобы дать убежище своим единоверцам, пытавшимся бежать из Германии. Показателен и тот факт, что они покорно «шли, как агнцы на заклание», следуя за своими палачами. Кон цитирует послевоенные свидетельские показания фон дем Баха, одного из самых известных истребителей евреев: «Если бы среди них были хотя бы зачатки организации, миллионы могли бы спастись. Но их просто захватили врасплох»[337].

В одной из самых ранних биографий Гитлера, которая перепечатывается до сих пор, Конрад Хайден несколько раз повторяет, что нацистский фюрер принял на вооружение как раз те методы, которые авторы «Протоколов» приписывали мифическим сионским мудрецам. Утверждение Хайдена легко счесть преувеличением, особенно если вспомнить, как он ненавидел Гитлера и все то, что делали нацисты. Но перечитывая «Протоколы» после изучения «Майн Кампф», начинаешь видеть аналогии практически на каждой странице. Действительно, целью Гитлера было мировое господство, и для достижения этой цели он мог «безжалостно» (одно из его любимых словечек) использовать в своих интересах слабости как своего народа, так и других, для чего пользовался методами и уловками, идентичными тем, о которых рассказывают вымышленные сионские мудрецы.

«Великий мастер лжи» – это выражение Гитлер часто употреблял в «Майн Кампф», говоря о еврее. Ранее этот оборот часто использовал Эккарт, позаимствовавший его у своего любимого Артура Шопенгауэра. В действительности же это выражение великолепно применимо к самому Гитлеру. Он обладал инстинктивным чувством слабостей человеческой натуры и умением использовать их, обращаясь как с массами, так и с отдельным человеком. Он умел самым бессовестным образом сбивать с толку, извращать факты и лгать. При чтении «Майн Кампф» это просто бросается в глаза. Быть может, еще и по этой причине он впоследствии сожалел, что написал эту книгу.

«Обычные люди готовы поверить чему угодно, то ли из-за своего невежества, то ли из-за простодушия», – писал он. «Большая ложь всегда правдоподобна. Дело в том, что широкие массы народа всегда гораздо легче поддаются влиянию на уровне эмоций. На уровне сознания и воли это не так легко. В примитивной простоте своих умишек они легче становятся жертвой большой лжи, чем маленькой…» Обещания даются для того, чтобы их не сдерживать. Договоры подписываются для того, чтобы их нарушать. Но адресатом величайшей лжи Гитлера был сам германский народ. Он делал вид, что народ – это его невеста по имени Германия, именно поэтому он холост. Он дал им работу, хлеб, радио и самоуважение – на время. Он развлекал их театральной и военной шумихой. Однако он не сказал им главного: их откармливают для того, чтобы отдать на съедение Смерти.

«Великим мастером лжи» и великим софистом был сам Адольф Гитлер; мастер внушения, он делал это страстно, извращая все термины и аргументы, и убеждал, сметая все логические барьеры. Если, как пишет Фест, от «Майн Кампф» исходит тошнотворный запах, причина этого – ее лживое содержание. Эта книга является истинным историческим предостережением. К сожалению, для большинства людей, знающих о ее существовании, она остается лишь вздорным курьезом.

Почему же, в конце концов, Гитлер стал антисемитом? Рон Розенбаум задал этот вопрос Алану Буллоку, изучавшему жизнь диктатора в течение многих лет: «Я не знаю. Никто не знает. Никто даже и не начал понимать»[338]. «Гитлер никогда ни единым словом не обмолвился о том, что планирует величайшее аутодафе в истории [то есть холокост]», – пишет Кёхлер[339]. «Несмотря на все известные нам факты, причины гитлеровского антисемитизма в полной мере необъяснимы», – считает Мазер[340]. И все же о гитлеровском намерении истребить евреев написано на каждой странице «Майн Кампф». Он кричал об этом во всеуслышание, ему вторили тысячи глоток в классных комнатах, на митингах и демонстрациях, радио в домах и громкоговорители на улицах, этим были наполнены газеты, журналы, эти вести нес безбрежный книжный поток. Но его «невеста Германия» по-настоящему не верила в это (так же, как и весь остальной мир) – это было слишком ужасно, это не могло быть правдой, – она предпочитала не размышлять на эти тревожные темы или держалась на расстоянии, не желая думать о своей ответственности.

«Для [еврея] язык не является инструментом выражения его мыслей, это скорее средство их сокрытия», – писал Гитлер. «Он не

остановится ни перед чем. Его совершенно бесстыдное поведение ужасает, и неудивительно, что для нашего народа еврей стал символом зла и воплощением самого Сатаны». «Как бывало уже не раз, Германия вновь стала главным пунктом этой чудовищной борьбы. Если наш народ и государство падут жертвами этих душителей, жаждущих крови и денег, жертвой этой гидры станет и вся земля. Если же Германии удастся вырваться из ее объятий, тем самым будет устранена величайшая угроза всем народам мира»[341].

Жизненное пространство для расы господ

«Важно, чтобы мощь нашей нации опиралась не на колониальные владения, – писал Гитлер в “Майн Кампф”, – а на наши собственные исконные европейские территории. Наш рейх не будет в безопасности до тех пор, пока у него не будет запаса земель, достаточного для того, чтобы – на столетия вперед – обеспечивать каждого представителя нашей расы собственным наделом. Никогда не следует забывать, что самым священным правом в этом мире является право человека на землю, которую он желает возделывать для себя, а самой священной из всех жертв является кровь, пролитая ради этой земли»[342]. Гитлер не оставлял никаких сомнений насчет того, где следует искать эти земельные наделы. Германские племена веками тянуло на восток, к завоеванию земель, принадлежащих балтийским, славянским и другим народам Восточной Европы. *Drang nach Osten*, стремление на восток, было чем-то вроде циклически повторявшегося подсознательного импульса. Сонмы викингов спускались на лодках по Днепру из «Готланда», главным образом из Швеции, доходя до Киева и Константинополя. Тевтонские рыцари покорили Пруссию и захватили территории, которые теперь называются Польшей, Прибалтикой и Украиной. Германские поселенцы становились здесь землевладельцами, а их потомки долгое время жили в тех же краях, гордясь своим германским происхождением. (Сталин отправит их всех в Сибирь.)

Гитлер впервые четко и в деталях сформулировал свою теорию *Lebensraum* (жизненного пространства) именно в «Майн Кампф». До этого главной темой его пропагандистских выступлений была идея германского возрождения и мести главному врагу Германии – Франции. И все же он никогда не забывал о России, востоке и необходимом жизненном пространстве – да иначе и быть не могло: об этом постоянно напоминала Октябрьская революция 1917 года. И она сама, и ее

последствия вызывали у немцев страх, возросший после целой вереницы красных восстаний и бунтов внутри самой Германии. Важными центрами антикоммунизма и антисемитизма были русские эмигрантские круги в Германии и Франции. Многие из этих беженцев-эмигрантов были дворянами, принадлежали к верхушке буржуазии и потому исповедовали правую идеологию. Как правило, в приютившей их стране они устанавливали контакты с экстремистами правого толка. Именно эти люди привезли в своем багаже «Протоколы сионских мудрецов». Альфред Розенберг был типичным их представителем. Другим был Эрвин фон Шойбнер-Рихтер, который во время Пивного путча шел рядом с Гитлером. Не погибни он тогда, его имя могло бы получить куда более широкую известность.

«Борьба за *Lebensraum* – это не просто нацистская цель»[343]. Действительно, завоевательные походы на восток всегда были вопросом тевтонской гордости, высокомерия и алчности. Тевтонские рыцари, католики, всегда считали себя существами более высокой породы по сравнению с пруссами, язычниками и варварами и прочими подобными им презренными народами. (По иронии судьбы именно потомки этих пруссов впоследствии провозгласят себя богоизбранным народом, носителем высочайшей культуры и законным – о каком законе речь? – властителем человечества.) Фриц Фишер показал, как Бетман-Гольвег – не так уж и давно, в 1913 году – инициировал «эпохальный поворот в сторону России». Это произошло, пишет Фишер, после возвращения канцлера из путешествия по Российской Империи, предпринятого за год до этого. Тогда он своими собственными глазами увидел – и это стало для него «чем-то вроде откровения», – какими необъятными человеческими и природными ресурсами располагает эта страна.

И вновь главной причиной этого эпохального поворота стало немецкое высокомерие. Именно в это время Германия переживала свое первое *Wirtschaftswunder* (экономическое чудо). «Германия видит, что ее население растет с каждым днем; ее флот, промышленность и торговля развиваются баснословными темпами – у нее есть право на свое “место под солнцем”», – говорил германский канцлер[344]. «Место под солнцем» был одним из ходовых националистических и пангерманских лозунгов того времени. Но была ли эта экспансия за счет других народов, подкрепленная «научными», псевдодарвинистскими доводами, действительно необходимой для Германии? Феноменальные темпы роста промышленности и торговли на рубеже веков показывали, что нет, а Христиан фон Кроков пишет о новом экономическом чуде после Второй мировой войны следующее:

«На резко уменьшившейся территории [Германию разделили на две части] немец получил, наконец, желанный *Lebensraum.* Для этого ему не потребовалось ничего, кроме собственного трудолюбия»[345].

В ходе ландсбергского уединения взгляды Гитлера не претерпели существенных изменений: немцы отомстят Франции за унижение Версальского договора (что касается Великобритании, он питал те же самые иррациональные надежды на взаимопонимание с ней, что и германские лидеры перед Первой мировой войной); от противника же арийской расы – еврея – следует тем или иным способом избавиться. Но теперь Гитлер осмелился высказать то, что раньше, когда он был известен как капрал-австрияк, могло вызвать лишь усмешку: Германия должна завоевать для арийской расы весь мир. Она начнет это завоевание там, где германцы остановились шесть веков назад – на востоке. В ландсбергской тюрьме у него было достаточно времени для размышлений, раздумий, чтобы придать видению своей миссии завершенную форму. Тогда на него оказали глубокое влияние воззрения Альфреда Розенберга, а также – через посредство Рудольфа Гесса – геополитические теории Карла Хаусхофера. Через несколько дней после своего освобождения из Ландсберга Гитлер нанес визит Ганфштенглю. «К моему ужасу, из него хлынула та же чепуха, которую я уже слышал от Гесса и Розенберга, только более высокой очистки, – вспоминает Ганфштенгль. – Я уверен, что именно в тот момент стали кристаллизоваться его позднейшие радикальные тенденции… Гессу удалось забить его голову мыслями Хаусхофера…»[346]

Карл Хаусхофер, родившийся в 1869 году, был образованным человеком, военным. В Первую мировую войну он дослужился до звания генерал-майора. Ранее он был военным атташе в немецком посольстве в Японии. В то время он много путешествовал по Индии, Тибету, Манчжурии, Китаю и Корее, что оказало на него глубокое влияние. В 1924 году он стал профессором геополитики в Мюнхенском университете и некоторое время спустя опубликовал пособие «Геополитика Тихого океана». Он был близким другом Рудольфа Гесса, который боготворил Гитлера и был одним из самых восторженных нацистов. Хаусхофер, знакомый с Гитлером с 1921 года, несколько раз навещал Гесса в ландсбергской тюрьме. Там он неизбежно встречался и с Гитлером – камеры Гесса и Гитлера были смежными и выходили в одну общую комнату.

У историков нет никаких сомнений, что Хаусхофер, через своего близкого ученика Гесса, сыграл важную роль в

формировании идеологического мировоззрения Гитлера, в особенности в том, что касалось его планов завоевания жизненного пространства. Однако в чем именно проявилось влияние Хаусхофера, до сих пор является предметом дискуссий. Согласно Мартину Аллену: «Геополитика, в версии Хаусхофера, по существу гласила, что в будущем произойдет перестройка мира и переход к эпохе великих империй. Доминировать будут те, кто займет сердце материка, район, “неуязвимый для морских держав и находящийся в Центральной Европе и Азии”. Хаусхофер утверждал, что это коренным образом изменит баланс сил на земном шаре и приведет к наступлению новой эры стабильности, мира и всеобщего процветания»[347].

Авторы, пишущие о намерениях Гитлера, придерживаются противоречивых версий о его завоевательных планах. На некоторых картах Великий германский рейх помещен в центр Европы, охватывая области от Скандинавии до Италии, на других он простирается вплоть до Уральских гор. Считается, что он должен был стать базой для будущего завоевания власти над миром. «Рассуждать о мировой политике, если ты не владеешь континентом, просто смешно», – сказал Гитлер в 1944 году[348]. Имел ли он в виду Европейский континент или же значительно более обширную часть суши, в которой Европа является лишь полуостровом?

Он снизошел до того, что установил дружественные отношения с японцами, малорослой цветной расой, объявив их «почетными арийцами». Его главным посредником здесь был Карл Хаусхофер. Это было необходимо для реализации его планов относительно Азии и Тихоокеанского региона. Гитлер планировал заложить лишь фундамент Третьего рейха, само же здание должны были возвести и завершить другие. Этот план не касался колоний. Вода не была его стихией. Эрнст Ганфштенгль, тщетно пытавшийся убедить Гитлера в большом потенциале США, пишет: «Он мыслил исключительно в европейских категориях»[349].

Как же Гитлер обосновывал в «Майн Кампф» право на жизненное пространство? Очень просто: «Лишь достаточно большое земное пространство может гарантировать независимое существование народа». А из этого следовал вывод: «Мы, национал-социалисты, должны твердо придерживаться той цели, которую сформулировали во внешней политике, а именно: германскому народу должна быть обеспечена территория, необходимая для его существования на этой земле. Осуществление этой цели – единственное, что может оправдать новое пролитие крови нашего народа в глазах Бога и в глазах наших германских потомков…

Государственные границы устанавливаются людьми, и люди могут их изменять. То обстоятельство, что некий народ приобрел огромную территорию, еще не основание для вечного владения ей. Самое большее, обладание этой территорией является доказательством силы завоевателя и слабости тех, кто ему покорился. Именно в этой силе, и только в ней, лежит право владения. И если германский народ оказался заперт на клочке земли, если его ждет здесь жалкое будущее, то это произошло совсем не по воле Провидения, и потому отказ мириться с таким положением вещей ни в коей мере не будет нарушением его законов. Мы не можем винить в несправедливом распределении земли Высшую силу, которая, якобы, присудила другим народам больше земли, чем германцам. Земля, на которой мы живем сейчас, – это не дар, который Небеса поднесли нашим праотцам, нет, наши предки должны были завоевывать ее, рискуя своими жизнями. Точно так же и в будущем наш народ не обретет ни территории, ни средств к существованию по благоволению другого народа – он должен будет завоевать все это силой победоносного меча»[350].

Гитлер изображал славянские народы такими красками, что картина получалась одновременно и страшная, и отталкивающая, способная оправдать варварское вторжение, которое, по всей видимости, он планировал уже тогда. Германия должна была стать бастионом для защиты от многоликой опасности с Востока. Как благородный рыцарь, встанет она на страже ценностей Европы, предохраняя их от орд азиатских степей (это выражение использовал уже Вильгельм II). Эта пропаганда, которую подхватит и разовьет СС, впоследствии привлечет в войска СС тысячи представителей идеалистичной европейской молодежи, которой суждено будет лечь где-то среди русских равнин. То, что собирался сделать Гитлер – он писал об этом в 1928 году в так называемой «второй книге», – основывалось на «идее о том, что Европа поднимется не через объединение в федерацию, но в результате того, что самые сильные в расовом отношении нации [разумеется, германские] подчинят себе все другие… Национал-социалистическая революция будет продолжаться до тех пор, пока новый порядок не установится по всему миру»[351].

«На сегодняшний день по всей территории земного шара огромные пространства лежат невозделанными, – писал Гитлер в “Майн Кампф”. – Этим пространствам нужен плуг. Эти пустующие пастбища вовсе не являются резервами Природы для будущих нужд какой-то определенной расы или нации. Эти земли ждут народа, у которого есть сила завоевать их и достаточно трудолюбия, чтобы возделать. Природа не знает политических

границ. Она просто создает на этой планете жизнь, а затем наблюдает за свободной игрой сил. У кого больше смелости и прилежания, тот и получит, как ее любимое дитя – право господства над другими»[352].

«Мы положим конец этому вечному германскому движению на юг и запад Европы и обратим свой взор на восток. Мы прекратим колониальную и торговую политику довоенного времени и перейдем к территориальной политике будущего. Говоря сегодня о новых европейских территориях, мы прежде всего должны иметь в виду Россию и пограничные, зависимые от нее государства. Словно само Провидение указывает нам путь туда… Ибо Российское государство создано вовсе не творческим политическим талантом славянского элемента. В гораздо большей мере оно является замечательной демонстрацией способности к созиданию государств, которой обладает германский элемент, действуя внутри расы низшего уровня… Веками существование Российского государства держалось на германском ядре его правящих классов. Теперь же это ядро почти полностью разбито и уничтожено… Эта колоссальная восточная империя созрела – пришло время распада. Конец еврейского господства в России станет концом России как государства. По воле Провидения нам суждено стать свидетелями катастрофы, которая даст самое серьезное подтверждение справедливости националистической расовой теории»[353].

Часть вторая
Корни нацизма

7. Высший народ

И значит, этой войны хочет сама судьба. Быть может, это будет война против всех, чтобы убедить и победить каждого. Нас переполняла гордость от сознания того, что настал век Германии, что история простерла свою десницу над нами, что вслед за Испанией, Францией и Англией пришел и наш черед оставить свой след в мире и стать во главе человечества, что XX век – наш век.

Рассказчик в романе Томаса Манна «Доктор Фаустус»

Гитлер не был случайностью

Гитлер, нацизм, Вторая мировая война, холокост… как все это стало возможным? Величайшая трагедия XX века, несмотря на тысячи объяснений, оправданий и опровержений, так и осталась неразгаданной тайной, и прежде всего для народа, который и начал все это, – для немцев. Разве они не были в глазах всего мира – до того, как их нация окунулась в это безумие – народом *Denker und Dichter*, мыслителей и поэтов, народом музыкантов? В предыдущих главах можно разглядеть намеки на некоторые силовые линии, ведущие к этой трагедии (а до конца нашего повествования еще далеко). Но эти исторические взаимосвязи едва ли известны кому-либо, кроме профессиональных историков, а Гитлер в общественном сознании представляется либо клоуном, либо дьяволом, либо помесью их обоих. Исключительные масштабы созданного им движения, восхищение и энтузиазм, которые он вызывал, массовое кровопролитие, причиной которого он стал, – все это порой побуждало немцев снять со своего народа вину за происшедшее: они утверждали, что появление Гитлера на политической сцене и последующая мировая трагедия, в которой он играл главную роль, были чем-то экстраординарным, не поддающимся рациональному объяснению, а потому просто-напросто «исторической случайностью».

Некоторые компетентные исследователи совершенно

недвусмысленно засвидетельствовали, что Гитлер случайностью *не был*. Так, например, Джордж Моссе писал: «Национал-социализм не был каким-то отклонением. Точно так же нельзя утверждать, что у него не было исторических предпосылок. Он был, скорее, результатом взаимодействия экономических, социальных и политических сил, с одной стороны, и человеческих представлений, надежд и жажды лучшей жизни – с другой. Национал-социализм преуспел как массовое движение именно потому, что ему удалось использовать в своих целях древние мифы и символы»[1]. Себастьян Хаффнер, которому пришлось бежать из нацистской Германии, писал: «Мы крайне переоцениваем способности Гитлера, полагая, что он сумел создать эту массу [своих последователей] в течение каких-то двадцати лет из ничего. Истина скорее в том, что они уже имелись в наличии. Сырой материал, готовый следовать за национал-социалистами, должен был уже присутствовать в скрытой форме, его требовалось лишь вывести на поверхность из аморфной массы германского народа»[2]. А Иоахим Фест замечает: «В конечном счете, все вело к Гитлеру; он ни в коей мере не был “немецкой катастрофой”, как утверждается в заглавии одной известной книги. Он находился в полном соответствии с историческими тенденциями немецкого народа»[3].

Томас Манн, великий романист, был, видимо, первым, кто в одной из своих статей или радиообращений к германскому народу из эмиграции употребил по отношению к Гитлеру слово «случайность». В ноябре 1939 года он писал: «Гитлер, этот негодяй, не является случайностью; его появление было бы невозможным без соответствующих психологических предпосылок, причины которых следует искать гораздо глубже; ни инфляция, ни безработица, ни капиталистические спекуляции или политические интриги этого не объясняют»[4]. В «Идеологии смерти» Джона Вайсса мы читаем: «Двух самых известных немецких интеллектуалов конца XIX века [Поля де Лагарда и Юлиуса Лангбена] невозможно отличить от нацистских идеологов. Принимая во внимание этот факт германской культурной жизни, можно лишь удивляться тому, как широко распространено мнение о том, что национал-социализм слабо связан с интеллектуальным прошлым Германии… Будущие руководители Германии и их сторонники появились задолго до 1914 года. И это не просто Гитлер с горсткой нацистов… К 1914 году значительное число консерваторов как из высших, так и из низших классов с одобрением относились к идеям, которые мы сегодня называем нацистской идеологией. И это несмотря на то, что Германия тогда еще не перенесла ни травмы проигранной

войны, ни инфляции, ни депрессии. Темы, позднее использованные Гитлером, были хорошо известны задолго до того, как он произнес хоть слово…»[5]

Тот же Томас Манн в 1944 году указал на влияние Лютера на нацистское движение в целом и на Гитлера в частности: «Нет, Гитлер – это не случайность, не беспричинная беда, не отклонение. Гитлер напрямую связан с Лютером, и в первом достаточно явственно видится второй. Гитлер – это истинно германский феномен»[6]. Другой писатель, находившийся в изгнании, Ганс Хабе, в одном из своих романов выразил ту же мысль: «Все началось с Лютера… Лютер изобрел национал-социализм. Национал-социалистические учебники – это лишь копии Виттенбергских тезисов… Церковь Лютера уже была «германской» церковью – следовательно, это уже и не церковь. Распространение лютеранского учения ознаменовалось ужасной войной, после которой мир так и остался расколотым на два лагеря. Лютер изобрел церковь для одной нации и пытался нанять господа бога на службу к своему народу. Во всех последующих войнах различима лютеранская зараза – в том числе и в [Первой] мировой. В своей спесивой простоте протестантизм внушил немцам, что они являются избранным народом»[7].

«Национал-социализм является проявлением того, что немцы называют своей “сущностью”, – писал Йозеф Рот. – От Лютера через Фридриха II, Бисмарка, Вильгельма II и Людендорфа к Гитлеру и Розенбергу ведет прямая дорога… Что касается меня, то, при всем моем уважении к протестантам, я не могу усмотреть никакой разницы между тем, что писал Лютер (к примеру, в “Обращении к немецкому дворянству”), и работами господина Розенберга. Девяносто пять тезисов [Лютера] в точности согласуются с “Мифом двадцатого столетия” [Розенберга]. Существует прямая связь между знаменитой чернильницей, которую, говорят, Лютер швырнул в дьявола, и столь же хорошо известным “клочком бумаги” [так Гитлер презрительно назвал договор о нейтралитете с Бельгией]. И тот, кто в лютеровском предательстве крестьян, князей и евреев не может увидеть аналогии с тем, что сделали прусско-протестантские офицеры, предав свою церковь и весь мир, является просто наивным глупцом»[8].

Высший народ

Дорога, по которой шел германский народ, могла в конце

концов привести к Гитлеру – признаки этого были видны еще до Лютера. Анонимный автор, названный «революционером с Верхнего Рейна», в 1510 году написал «Книгу ста глав». В те времена европейская мысль, пробужденная революцией, которую принес Ренессанс, пребывала в брожении. (Лютер вывесит свои девяносто пять тезисов на двери виттенбергской церкви в 1517 году.) Этот «революционер», пишет Норман Кон, «был пожилым фанатиком, прекрасно разбиравшимся в огромной массе средневековой апокалиптической литературы – он много позаимствовал оттуда»[9]. Его книга представляла собой «послание Всевышнего, переданное Архангелом Михаилом», написанное по-немецки для немцев.

Откровения революционера с Верхнего Рейна сводились к тому, что император Фридрих Барбаросса, спящий под горой Кифхаузер, проснется, явится на белом коне и встанет во главе «новых рыцарей», которых и поведет в битву за установление тысячелетнего царствования, или рейха. Средства осуществления этого – убийство и террор, крестовый поход, который призван «во имя господа сокрушить Вавилон». Убивать нужно «богатое, отъевшееся, развращенное священство». Это главный враг, и он должен быть уничтожен. «Вперед, на них! – кричит мессия [Фридрих] своей армии. – Бейте всех, от Папы до последнего дьячка. Убивайте каждого!» Согласно его подсчетам, каждый день в течение четырех с половиной лет будет уничтожаться 2300 священнослужителей». Также надлежало предать смерти ростовщиков, богатых купцов, торговцев, заламывающих высокие цены, и бесчестных законников. Тогда настанет власть простого народа с «изобилием хлеба, ячменя, вина и масла по низким ценам… Вся собственность будет общей; воистину тогда будет один пастырь и одно стадо». Ожидания такого рода были широко распространены в Средние века – времена невообразимой нищеты, когда бедняки были во власти болезней, чумы, голода, жадных церковников и светских правителей.

«Однако, – пишет Кон, – в одном отношении революционер с Верхнего Рейна воистину оригинален: никто до него не совмещал столь страстную приверженность принципу общей собственности с таким же непомерным национализмом. Он был убежден, что в отдаленном прошлом германцы “жили на земле вместе, как братья”, и все у них было общее. Разрушение этого счастливого устройства общества начали римляне, а довершила католическая церковь… Ветхий Завет нужно отбросить, он бесполезен, ведь начиная с сотворения мира именно германцы, а не евреи, были избранным народом. Адам и все его потомки вплоть до Иафета [одного из трех сыновей Ноя], включая всех патриархов, были

германцами и говорили по-немецки… Иафет со своим родом первым пришел в Европу, принеся туда свой язык [то есть немецкий]. Они поселились в Эльзасе, в сердце Европы [во времена написания книги Эльзас был германским княжеством], а столица основанной ими империи находилась в Трире».

Это нагромождение вздора – не просто типичный симптом умственной лихорадки позднего средневековья: все элементы «Книги ста глав» и многое сверх того можно найти в германских трактатах следующих веков. Многое из этого можно обнаружить и в «Майн Кампф», а еще больше в нацистских публикациях, особенно в изданиях СС. Но это еще не все: революционер с Верхнего Рейна впервые провел разделение Европы на «север и юг» – впоследствии это будет играть очень важную роль в германском мировоззрении. «Он пишет, что история латинских народов была совсем иной, чем история германцев. Эти жалкие племена происходили не от Иафета. Они не были исконными обитателями Европы. Их родина – в Малой Азии, где их разбили воины Трира и в качестве рабов привели в Европу. Таким образом, французы – особенно мерзостное племя – с полным основанием должны быть зависимым народом и управляться германцами. Что касается итальянцев, они произошли от рабов, которых изгнали за Альпы… Римское право, папство, французы, Венецианская республика [в 1510 году все еще процветавшая] – все это было для него лишь различными проявлениями гигантского векового заговора против германского образа жизни… Император Фридрих вернет Германии верховное положение, уготованное для нее Богом… А будущая Империя станет полурелигиозным объединением людей в германском духе. Именно это имел в виду “революционер”, когда, ликуя, провозглашал: “Германцы однажды уже держали весь мир в своих руках – и они вновь овладеют им, с большей мощью, чем когда бы то ни было!”»

Норман Кон поясняет: «В этих фантазиях грубый национализм полуобразованного интеллектуала вырвался на простор народной эсхатологии. В результате получилось нечто поразительно похожее на фантазии, составлявшие ядро национал-социалистической “идеологии”. Достаточно открыть брошюры таких “экспертов” как Розенберг или Дарре – сходство поражает. Там та же вера в изначальную германскую культуру, которая когда-то была воплощением божественной воли и источником всего благого в истории; тот же заговор низших, негерманских народов, капиталистов и римской церкви, приведший к ее падению; тот же призыв восстановить древнюю культуру, обращенный к новой аристократии, незнатного происхождения,

но истинно германской по духу. Ее поведет вперед посланный богом спаситель, политический вождь и новый Христос в одном лице. Там было все, даже войны на восточном и западном фронте, был и террор, как инструмент политики и как самоцель, были величайшие бойни в истории – практически все, кроме создания мировой империи, которая, согласно Гитлеру, должна простоять тысячу лет»[10].

Стремление к мировому господству

«Германцы однажды уже держали весь мир в своих руках – и они вновь овладеют им, с большей мощью, чем когда бы то ни было!» – писал тот неизвестный германский автор в 1510 году. Германцы давали волю тем же самым чувствам и в последующие века. Это происходило вне всякой связи с «Книгой ста глав» – ее обнаружили лишь в конце XIX века. Это было просто выражением устойчивой черты немецкого характера. Но Германия веками была лоскутным одеялом, состоящим из множества княжеств, даже тогда, когда являлась основой Священной Римской империи, – она стала государством в собственном смысле слова лишь в 1871 году. Для этого стойкого чувства принадлежности к германскому народу, для этого «общегерманского» чувства должна была существовать некая психологическая основа. Именно это особое чувство общности заставляло их петь «Сегодня нам принадлежит Германия, завтра – весь мир» задолго до того, как они стали вскидывать руку в гитлеровском приветствии. То же самое относится и к лозунгам типа «*Am Deutschen Wesen wird die Welt genesen*» («Весь мир выздоровеет лишь тогда, когда станет немецким по духу»).

Весь остальной мир может выздороветь лишь в том случае, если подчинится германцам и будет чистить им сапоги. Леон Поляков называет это «бредовой германской манией величия», которая в конце концов преобразится в «смертоносную манию нацистов, вообразивших себя властителями мира» (Рюдигер Зюннер). «Самым слабым пунктом в Германии донацистского периода был немецкий патриотизм, – писал в 1939 году Себастьян Хаффнер. – Именно здесь в тело германского народа мог проникнуть нацистский яд. До сих пор это единственный пункт, по которому многие образованные немцы согласны с нацистами»[11]. В приведенной цитате все зависит от того, в каком значении понимать слово «патриотизм». Принимая во внимание лоскутное прошлое Германии, оно может иметь лишь один смысл: это «фолькистский эгоизм» или, проще говоря,

«националистическое эго» во всех степенях его выражения, от «самосознания» до «чувства превосходства». Начиная с эпохи Возрождения у германцев наблюдается гипертрофированное, воспаленное эго, в конечном счете ослепившее их. Этот националистический эгоизм и был главной причиной, сделавшей возможным появление Гитлера и всех бед, что за этим последовали. Именно это чувство заставляло их собираться под знамена своего великого вождя; именно оно заставляло их проливать свою кровь за Великую Германию, перед которой должен был склониться весь мир; именно оно заставляло их чувствовать себя истинным избранным народом, который имеет право и даже обязан уничтожить самозванцев, то есть евреев.

То, что национальное самосознание стало развиваться в этом направлении, – довольно неожиданно, в особенности если принять во внимание прошлое «германской расы господ». Этот народ веками получал удары со всех сторон и жил, по словам Тревор-Ропера, «от одной катастрофы к другой». Тридцатилетняя война (1618—1648) – в действительности представлявшая собой серию войн – между католиками, лютеранами и кальвинистами, где каждый, помимо религиозных целей, не упускал возможности преследовать свои материальные интересы, велась силами наемных армий главным образом на германской территории. Результаты были катастрофическими. После окончания войны все княжества лежали в руинах. В среднем погибла треть населения (в некоторых княжествах – половина). Некоторые даже утверждают, что Германия так и не смогла оправиться от последствий этой войны. Раздробленность Германии на множество княжеств и «вольных городов» была увековечена завершившим войну Вестфальским миром (1648). Характерные особенности этих микроскопических государств, их соперничество между собой – хотя Гитлер изо всех сил стремился сгладить все это – продолжают в приглушенном виде существовать и по сей день.

Политическая и культурная изоляция, явившаяся следствием Тридцатилетней войны, привела к одному «действительно серьезному отличию, отколовшему Германию от Запада» (Моссе). Дело в том, что Германия в целом не приняла участия в обновляющем философском движении Просвещения. Несмотря на то, что некоторые германские мыслители и отдельные князья демонстрировали открытость к идеям этого движения и даже готовность вносить в него свой вклад, основная масса народа оставалась верной своим «священным» традициям, то есть предрассудкам, уходившим корнями в глубокое средневековье.

Несмотря на то, что имена старых богов были практически

забыты, некоторые особенности старого мышления все еще сохранялись, особенно в сельской местности. Для широких народных масс христианство было всего лишь еще одним набором предрассудков, наложившимся на древние верования. Германские племена были обращены в христианство насильственно, их «плохо крестили». Даже сам Гитлер будет сравнивать христианскую культуру в Германии с тонким слоем лака, покрывающим целый мир по-прежнему сильных древних страхов и импульсов. Таковы были скрытые реалии, на которые будет опираться Романтизм и последовавшее за ним фолькистское движение, которое на почве этих глубоких инстинктов создаст целый воображаемый мир. «Национал-социализм – это фолькистское движение, – утверждает Джордж Моссе. – Гитлер смог продемонстрировать политическую действенность фолькистского мировоззрения потому, что его уже разделяло большинство германцев»[12].

Глобальные амбиции Гитлера

Некоторые авторы сомневаются в том, что Гитлер собирался завоевать весь земной шар и в буквальном смысле сделать германцев хозяевами мира. Они истолковывают его высказывания и письменные заявления как требования достойного места для Германии среди других великих наций, таких как Франция, Великобритания и США. Таким образом, его притязания приравниваются к германской заявке на «место под солнцем» – лозунгу, который выдвигался еще в районе 1900 года, когда Германия стала великой промышленной и торговой нацией.

Но за словами Гитлера нужно уметь видеть его истинные замыслы. Был период, когда он не мог открыто провозглашать свое намерение стать диктатором Германии – это нужно было скрывать, время еще не пришло. Точно так же было время, когда он не мог открыто высказывать свои глобальные амбиции – просто потому, что немцы в целом и его наиболее преданные сторонники в частности не поняли бы этого, не пошли бы за ним, и выполнение его миссии оказалось бы под угрозой.

«Безусловно, Гитлер импровизировал в соответствии с уровнем своего политического влияния, – пишет Ральф Джордано. – И все же бесспорным остается то обстоятельство, что конечная цель его внешней политики лежала не на востоке – у него была глобальная цель. У нас нет данных о конкретных методах ее достижения: были сформулированы лишь общие установки, которым новое “движение” должно было следовать в

своей вековой борьбе. Гитлер считал себя основоположником новой эпохи в мировой истории, эпохи, когда осуществятся надежды Германии на абсолютное мировое господство… Воля к власти над миром неразрывно связана с феноменом Гитлера. На гребне своих побед Гитлер открыто объявил о своих правах на власть над Европой. Его следующей задачей было достижение мирового господства»[13].

Этот вывод неизбежно следует из слов самого Гитлера – если мы вообще допускаем, что они содержат хоть долю истины. Германцы, будучи арийцами, являются высшей расой на земле, «высочайшим подобием Господа», источником всей культуры и всего сколько-нибудь сто́ящего в истории человечества – это избранный народ. Если евреи – самозванцы, претендующие на титул избранного народа, что подтверждают «Протоколы сионских мудрецов», если задачей гитлеровских арийцев является уничтожение евреев и совершение «работы Господа» по созданию Тысячелетнего рейха как Царства Божьего, то ареной этой эсхатологической борьбы мог быть лишь весь мир в целом. Подвергать это сомнению – значит удалить из гитлеровского мировоззрения мессианское измерение, что сделает невозможным объяснение всемирно-исторической трагедии, ставшей его следствием.

Но давайте еще раз откроем «Майн Кампф» и посмотрим, что по этому поводу говорит автор. «Мы все чувствуем, что в отдаленном будущем человечество может столкнуться с проблемами, которые могут быть решены только высшей расой человеческих существ – расой, которой предначертано стать владычицей всех других народов, которая будет иметь в своем распоряжении средства и ресурсы всего мира… Мы, национал-социалисты, будем твердо придерживаться цели, которую поставили перед собой во внешней политике, а именно – германскому народу должна быть обеспечена территория, необходимая для его существования на земле. Лишь такая цель может оправдать перед Богом и перед лицом будущих поколений новое пролитие германской крови. Перед Богом – потому что мы посланы в этот мир с наказом бороться за хлеб наш насущный как создания, которым ничто не дается даром и которые должны быть способны побеждать и удерживать свое положение властителей этого мира, опираясь лишь на разум и отвагу»[14]. Мы помним, что «быть гражданином этого рейха, пусть даже дворником, почетнее, чем королем чужеземного государства».

«Майн Кампф» писалась в 1924—1925 годах, когда Гитлеру пришлось все начинать сначала. Он хотел придать новую форму своим мечтам, в том числе и мечте о мировом господстве,

которая была целью предвиденной, но все еще смутной. Но что он говорил в то время, когда уже держал в своих руках бразды правления? Как пример, можно привести его обращение к депутатам от немецких меньшинств в европейских странах: «[То, о чем я вам говорю], касается не равенства с другими, но власти над другими… Вы будете руководить всеми этими завоеванными странами от имени германского народа… Евреев рассеяли по миру – и это помогло им стать силой мирового масштаба. То же самое сделаем сегодня и мы, истинный народ Господа. Мы используем нашу разбросанность по миру для того, чтобы стать вездесущей силой, расой господ на Земле»[15].

Вальтер Дарре, гитлеровский министр сельского хозяйства и видный идеолог СС, в речи, произнесенной в присутствии фюрера, сказал: «Вместо горизонтального нивелирования европейских племен должна быть введена их вертикальная организация. Это означает, что германская элита призвана стать господствующей силой в Европе, а в конечном счете – и во всем мире… Необходимо сознательно восстановить классовый или, скорее, иерархический порядок. Это невозможно сделать на ничтожной германской территории. Это должно быть осуществлено в масштабах всего континента, в масштабах всего мира»[16]. Не нужно забывать и о том, что в гитлеровских «орденсбургах» (*Ordensburgen*), школах высшей нацистской элиты, молодых людей готовили к управлению завоеванными нациями. Харди Крюгер, позднее сыгравший главную роль в «Хатари!» и в «Диких гусях», учился в одном из «орденсбургов». Он вспоминает: «Тогда я считал само собой разумеющимся, что после окончательной победы я буду, по меньшей мере, губернатором Москвы… Учителя девять лет вбивали мне в голову всю эту чепуху о немецкой власти над миром и о высшем статусе германской нации». Другие готовились к подобным постам в Сибири или в Чикаго[17].

Со своими архитекторами Гитлер планировал города и здания, которые говорили о его намерениях лучше, чем слова. Одним из этих архитекторов был Альберт Шпеер, его ближайшее доверенное лицо в этих вопросах в течение многих лет. В биографии этого юного архитектора – который позднее станет министром Рейха по вооружению и будет руководить двенадцатью миллионами рабочих, большей частью невольников негерманского происхождения, – Фест пишет: «Возвращаясь к своей “идее фикс” о громадном психологическом воздействии гигантских зданий, Гитлер однажды заметил, что “эффект этого увенчанного куполом зала”, одного из главных в “Германии” (так должны были переименовать Берлин), будет “не меньшим, чем

эффект трех победоносных войн”. Он мечтал, что здесь, с Галереи фюрера, он будет обращаться к нациям Великой германской империи и диктовать законы поверженному миру. Триумфальная арка по его замыслу должна будет «навсегда изгнать из умов людей пагубную мысль о том, что Германия проиграла [Первую] мировую войну. Вступая во Дворец фюрера, каждый должен был “испытывать такое чувство, будто он наносит визит владыке мира”. Те же психологические соображения, помноженные на гитлеровские мечты о всемогуществе, стояли за словами, произнесенными в 1939 году. Указывая на вершину купола той же модели, он сказал Шпееру: “Теперь орел должен стоять не над свастикой. Он венчает величайшее здание в мире – он должен держать в когтях земной шар”»[18].

Сам Шпеер писал о гитлеровской «стратегии поэтапного достижения мирового господства»[19]. Гитлер хорошо понимал, что может приписать себе всего лишь роль основателя, привнесшего в мир новую идеологию (*Weltanschauung*). Закладываемые им основания Великого германского рейха, в том числе новое мировоззрение или новая религия, были памятниками ему самому, и их масштабы должны быть достойны будущих повелителей мира. Начиная с 1937 года Гитлер страдал от ипохондрии. Он боялся за свое здоровье и постоянно подгонял архитекторов. Он не мог ждать, он хотел завершить строительство «Германии» к 1950 году. Очень вероятно, что этот самый страх – того, что он может не успеть – стал причиной его решающей ошибки: усилия, которых он потребовал от германского народа в серии войн – в особенности в войне с Россией, – оказались чрезмерными.

Шпеер пишет в своих воспоминаниях: «Эти монументы говорили о его притязании на мировое господство задолго до того, как он осмелился поделиться этими планами даже со своими ближайшими соратниками… Я всякий раз замечал, что Гитлер приходил в волнение, когда я мог продемонстрировать ему, что, по крайней мере, в размерах, мы превзошли все величайшие здания в истории. Разумеется, он никогда не давал выхода этим своим пьянящим чувствам. Разговаривая со мной, он редко использовал высокие слова. Возможно, в такие моменты он испытывал некое благоговение, трепет, но это был трепет перед самим собой и своим величием, которое он завещает будущему и вечности… Однажды на лестнице, ведущей в его апартаменты, Гитлер внезапно остановил меня, пропустил вперед свою свиту и произнес: “Мы создадим великую империю. В ее состав войдут все германские народы. Она будет простираться от Норвегии до Северной Италии. Я должен сделать это сам. Только бы не

подвело здоровье". Но и тогда он все еще сдерживался. Весной 1937 года Гитлер посетил мой берлинский выставочный зал. Мы стояли перед двухметровой высоты макетом стадиона, рассчитанного на четыреста тысяч человек… Мы говорили об Олимпийских играх, и я опять сказал ему (я упоминал об этом и раньше), что спортивная арена не соответствует здесь олимпийским пропорциям. Совершенно не изменив тона, как если бы это было само собой разумеющимся, Гитлер сказал: "Неважно. В 1940 году Олимпийские игры пройдут в Токио. Но потом они всегда будут проходить в Германии, на этом самом стадионе. И тогда размеры спортивной арены будем задавать *мы*"»[20].

И Шпеер продолжает: «Гитлер хотел, чтобы был построен огромный зал для собраний купольной конструкции, в несколько раз больший, чем Собор Святого Петра в Риме. В диаметре купол составлял восемьсот двадцать пять футов. Под этим куполом находился зал площадью примерно в четыреста десять тысяч квадратных футов, в котором могли стоя поместиться более ста пятидесяти тысяч человек… Городской вокзал должен был превзойти по размерам Главный вокзал в Нью-Йорке… Замысел состоял в том, чтобы люди, выходя из вокзала, были поражены или, скорее, ослеплены открывающейся городской панорамой и тем самым – величием рейха»[21]. Фест цитирует слова Гитлера, которые тот произнес в 1937 году: «Поскольку мы верим в вечность этого рейха, наши здания также должны быть вечными, то есть… мы строим не для 1940 года и не для 2000-го; как соборы нашего прошлого, они должны стоять тысячелетиями». «В 1938 году он разработал план превращения Берлина в столицу мира, – поясняет Фест, – сравнимую лишь с Древним Египтом, Вавилоном или Римом»[22].

Ренессанс и Реформация

Когда так называемый «революционер с Верхнего Рейна» все еще писал и думал в причудливой средневековой манере, ученые Возрождения по всей Европе делились друг с другом энтузиазмом и открытиями, относящимися к «новому знанию». В каком-то смысле, они были первыми европейцами. Но в те бурные времена даже чистое знание вынуждалось к тому, чтобы встать на чью-либо сторону, религиозную или политическую. Часто этим людям приходилось платить собственной жизнью за отказ защищать предвзятые мнения. Время костров, казематов и виселиц еще не прошло. Но христианская эпоха, которую мы называем Средними

веками, уже подходила к концу. А эпоха, последовавшая за ней, которую историки подразделяют на различные периоды, не закончилась и сейчас. Ренессанс вновь открыл людям дерзкое искусство самостоятельного мышления в духе древних греков и римлян, но властям предержащим это умственное упражнение казалось весьма подозрительным. Они не любили вопросов, так как не хотели, чтобы их самих можно было ставить под вопрос.

Движение, называемое Ренессансом или Возрождением, представляло собой гораздо более сложное явление, нежели обычно принято считать. В наши дни часто ограничиваются поверхностными ассоциациями с искусством таких гениев, как Леонардо да Винчи, Микеланджело и Рафаэль, с гуманистическими произведениями писателей, подобных Эразму Роттердамскому. Искусство эпохи Возрождения, безусловно, является одним из важнейших сторон нового видения мира. Великие исторические периоды всегда венчаются расцветом искусства в той или иной форме. Однако мало кто знает, что в рамках этого движения происходило и другое: переоткрытие герметизма и магии. Френсис Йейтс продемонстрировала это в своем эссе «Джордано Бруно и герметическая традиция» и в некоторых других публикациях. Она пишет: «Я считаю, что невозможно переоценить тот факт, что в рамках Ренессанса существовали две совершенно различные традиции [интеллектуальная и магическая], которые пользовались разными методами, прибегали к разным источникам и обращались к разным сторонам человеческого ума»[23]. Марсилио Фичино, переводчик Платона, и Джованни Пико делла Мирандола были не только эрудированными классическими филологами – они были также и магами. Магом был и Джордано Бруно, сожженный за это на костре в 1600 году. С другой стороны, Эразм Дезидерий, Томас Мор и Джон Колет, а также многие другие были учеными-гуманистами. Пико четко определил это различие в письме к своему другу: «Наша жизнь была славной, и в памяти потомков мы будем жить не в школах грамматиков или питомниках молодых умов, но в компании философов, в тайных кругах мудрецов, где обсуждаются не вопросы о матери Андромахи или детях Ниобы и другая бессмысленная чепуха, но вещи божественные и человеческие»[24]. Однако магия и оккультизм, хотя и станут неиссякаемыми источниками идей современного мышления и современной науки, останутся в европейской культуре лишь тайными течениями. Они никогда не сумеют достичь того уровня зрелости, которого они достигли в древнем Египте или в Индии. Интеллектуалы, «грамматики» возьмут верх и разовьют «натурфилософию», которую мы сейчас называем

наукой.

Но в Возрождении был и третий компонент – «эмоциональный». Через Фукидида, Демосфена, Перикла, а также Цезаря, Цицерона и Тацита люди Возрождения вновь учились чувствовать благородную и возвышающую душу причастность к некоему большему целому – это было чувство патриотизма, «общего блага», вдохновляющее влияние традиций прошлого. Они начинали сознавать общность, в которую входит каждый гражданин, которая является его большим «я», ради которой в грозные времена он должен быть готов отдать жизнь. Средневековое общество представляло собой кастовую иерархическую систему, в которой каждое лицо занимало свое фиксированное место, а право мыслить и принимать решения было прерогативой небольшой верхушки. Теперь же, следуя по пути, указанному античностью, Ренессанс и Реформация вновь открыли ценность отдельной личности и ее способность к самостоятельному мышлению. Пройдет немного времени, и виттенбергский монах открыто заявит свое – равно как и любого другого человека – право на свободное мышление и будет смело отстаивать это право даже в столкновениях с высшей властью. Новая задача, вставшая перед людьми, – необходимость самосознания – вынуждала их найти некое высшее целое, к которому принадлежит отдельная личность. Так в структуру сознания вошел патриотизм.

Полное издание «Германии» Тацита появилось в 1510 году. «Рукописная книга, содержащая «Германию» Тацита, пережила период Средних веков в монастыре в Херцфельде и в XV веке попала в Италию. Едва ли можно переоценить влияние, которое оказал этот текст на представление германцев о самих себе. «Германия», в интерпретации гуманистов, продолжала оставаться твердым авторитетом даже в двадцатом столетии»[25]. «Германия» была написана Тацитом (56—120 н.э.) в 98 году. В этой книге находятся несколько пассажей, которые надолго станут гордостью германцев, исходной точкой их патриотических фантазий и косвенной причиной больших бед. «Я склоняюсь к тому, что германцы, – писал Тацит, – являются исконными обитателями этой земли, а смешение с другими народами или взаимодействие с другими племенами оказало на них ничтожное влияние… Что до меня, я склонен считать, что германские народы никогда не сочетались браками с другими народами и поэтому являются особой нацией, чистой и уникальной в своем роде. Поэтому и физический облик их – впрочем, едва ли можно обобщать на такое огромное население – повсюду одинаков: неистовые голубые глаза, рыжеватые волосы и огромные тела. Они особенно

отличаются там, где требуется исключительная физическая сила»[26]. Впоследствии этот текст превратится в главный документ, оправдывающий претензии Германии на расовую чистоту и превосходство над другими народами. Ни очевидная отдаленность Тацита во времени и пространстве, ни оговорки, с которыми он делает свои утверждения, не помешают лучшим умам Германии счесть его высказывания святой истиной. «Каждый германский гуманист развивал тему германского величия по-своему. Все состязались в разнообразии и оригинальности своих аргументов»[27].

Как мы только что видели, Тацит писал, что германцы имели *caerulei oculi*, *rutilae comae*, голубые глаза, рыжеватые волосы и что у них были «огромные тела». Впоследствии эти характеристики, наряду с продолговатым (долихоцефальным) черепом – в особенности, начиная с последних десятилетий XIX столетия – станут стандартным описанием расово чистого германца, «белокурой бестии», идеального эсэсовца. Какими ненадежными были эти, а также и многие другие утверждения Тацита, особенно там, где ему приходилось писать с чужих слов, стало ясно совсем недавно. Филологи обнаружили, что выражение *caerulei oculi*, *rutilae comae* было просто общим местом, который классические авторы использовали для того, чтобы впечатлить своих читателей диковинным обликом варварского народа; другими словами, это выражение было историографическим клише. Великий греческий историк Геродот применял то же самое клише, описывая скифов, а римлянин Плиний использовал его для описания сингальцев с острова Цейлон! Так рождаются мифы – опасные мифы, если они становятся истиной для армии вооруженных фанатиков.

Одним из выдающихся деятелей германского Возрождения был рыцарь Ульрих фон Хуттен (1488—1523) – любитель приключений, патриот, сатирик и сторонник Лютера. Он сделал из херуска Арминия «настоящую культовую фигуру», которую впоследствии будет использовать германский национализм и нацизм. Арминий был германцем, осмелившимся противостоять всесильным римлянам. В 9 году н.э. он нанес им страшный удар в Тевтобургском лесу. Арминий – или, в германизированной форме, Герман – «происходил из семьи князей [племени херусков] и воспитывался в Риме при дворе императора». Его биография является иллюстрацией того, как успешно римляне ассимилировали завоеванные народы. Арминий даже стал трибуном римской армии – звание эквивалентное генерал-лейтенанту – и сражался, как и многие другие, против того же народа, из которого происходил сам (он командовал вспомогательными германскими отрядами). За это ему было

предоставлено – первому из германцев – римское гражданство и звание всадника. Причины, по которым он пошел против Рима, неясны. Он встал во главе заговора, завел три ударных римских легиона под командованием Вара в ловушку и уничтожил их. Это было тяжелейшим поражением римских войск в истории. Именно поэтому продвижение римлян и остановилось на Рейне[28].

Приукрашенная история об Арминии – погибшем позднее от рук своих же соплеменников – станет впоследствии одной из главных составляющих германского националистического мифа, формировавшегося со времен Возрождения. Этот миф предоставит аргументы, обосновывающие правомерность проведения разделительной линии «север – юг» и станет подтверждением того, что они, германцы, отличны от всех других народов мира, что они окружены враждебными народами и должны уметь постоять за себя в борьбе с ними. Первыми «антитезу Германия – Рим» (фон Зее) провели гуманисты, а своего высшего развития она достигла у Лютера. Германцы почувствовали, что отличаются от романо-латино-валлийских народов. Отныне протестанты будут сражаться с католиками, а культура (*Kultur*) – бороться с цивилизацией (*Zivilisation*). Со временем германцы провозгласят себя воплощением высшего Духа, а некоторые даже станут утверждать, что германцы – это единственные люди, наделенные душой. Романо-латино-валлийцы же, вместе с цветными и всеми прочими народами, окажутся «материалистами» – они подобны материальным объектам или животным. Их назовут *Untermenschen*, людьми второго сорта, низшими людьми, полулюдьми и даже нелюдьми, существами, лишь маскирующимися под человека (к ним, например, относили евреев).

Германия была готова к появлению Мартина Лютера (1483—1546). «Лютер значительно усилил националистический подъем, который слился с реформацией и придал лютеранству специфический германский колорит»[29]. Лютер побывал в Риме и своими глазами видел «отвратительные кощунства, творимые у престола Антихриста». Его также глубоко оскорбило презрительное и высокомерное отношение южан к отсталым германцам: «Германская нация – самая презираемая! В Италии нас называют животными, во Франции и Англии над нами смеются, подобным образом поступают и все прочие». Развивалась «своего рода германская паранойя» (Поляков), которая, в конечном счете, превратится в свою противоположность – убежденность в том, что германцы являются особым, высшим типом человеческих существ. Выражаясь языком психологии, комплекс неполноценности стал компенсироваться

манией величия и, в конце концов, полностью перерос в нее.

Лютер также превратил свой родной немецкий язык в почитаемое, благозвучное и гибкое выразительное средство. «Я благодарю Господа за то, что он дал мне возможность услышать и найти моего Бога в немецком языке, ибо ни ты, ни я никогда не смогли бы найти его ни в латыни, ни в греческом, ни в еврейском». «Немецкому языку был придан статус четвертого священного языка, превосходнейшего, в сравнении со всеми другими, за исключением разве что того еврейского языка, на котором говорили до Вавилонского смешения – языка Адама»[30].

«Из германского гуманизма стал развиваться четко оформленный германский романтизм», – писал Пауль Иоахимсен, проводя аналогию лютеровского движения с романтическим подъемом около 1810 года. Обретала форму концепция германской нации. «Эта концепция, уходящая своими истоками в древность, привела к выработке определенного идеала германского характера»[31]. То, что в глазах других было отсталостью или недоразвитостью, если не сказать варварством, в глазах германцев – благодаря романтическому истолкованию прошлого – стало источником гордости и самоутверждения. Однажды херуск Герман вызвал на бой и поверг римского великана. Теперь германский Народ (*Volk*), сильный своей расовой чистотой, готов вызвать на бой ослабевшие, женственные, застывшие в тисках цивилизации романо-латино-валлийские народы, да и любые другие, которые осмелятся противостоять ему.

Романтизм (1770—1840)

Три направления, которые мы выделили в движении Возрождения, продолжали доминировать в культурной и интеллектуальной жизни Европы – они доминируют и по сей день, просто потому что опираются на основные составные части человеческой природы: эмоциональную, ментальную и духовную – как бы они ни смешивались друг с другом, в каких бы формах ни выражались. К этим трем элементам следует добавить материальную сферу человеческого бытия, его земную опору, которая обычно и интересует человека больше всего. В века, следующие за эпохой Возрождения, разум и эмоции продолжали самоутверждаться – скорее диссонируя, чем гармонируя друг с другом. (Магическая, оккультная, полудуховная сторона существования в Европе так и останется в тени, хотя всегда будет незримо присутствовать позади двух других составляющих

триады.) Можно без преувеличения утверждать, что романтическое движение, прокатившееся по всей Европе, представляло собой реакцию на диктат рационализма в «век Разума», как стали называть эпоху Просвещения (немцы назвали этот период *Aufklärung*, французы – *les Lumières*).

Немецкий романтизм подарил миру целую плеяду великих романистов, поэтов, философов и музыкантов. Это писатели и поэты Гердер, Гете, Шиллер, Новалис, Гейне, Гельдерлин; философы Фихте, Шлегель, Гегель, формировавшиеся на фоне громадной фигуры Канта, образцового представителя *Aufklärung*; это композиторы, такие как Моцарт, Бетховен, Шуберт и Шуман – и сегодня радующие сердца своим возвышенным, глубоким и утонченным искусством.

Век Разума, особенно в лице своих французских представителей – философов-просветителей Руссо, Вольтера, Дидро, Даламбера, Гольбаха, Ламетри и других, – господствовал на европейской сцене; французский язык стал языком знати, интеллектуалов и дипломатов Европы. Именно в те времена Вольтер жил при дворе прусского короля Фридриха II, а Дидро гостил в России у Екатерины II. Однако Разум был новичком на этой сцене. Еще совсем недавно, в средние века, философия (в широком смысле) была лишь «служанкой богословия». Теперь же Разум претендовал на трон абсолютного суверена. Разум, пробуждаясь от долгого сна, последовавшего за золотым веком Греции и Рима, должен был вновь завоевать свободу, необходимую для полноты развития человеческой личности. Но фундаментальные изменения человеческой природы не даются легко; как и любые другие перемены в истории, они встречают сопротивление, а порой и яростную вражду. Ключевые экзистенциальные и идеологические вопросы становления человечества (равно как и вопросы духовные) большей частью решались на полях сражений.

Диалектическую борьбу эмоций и жизненных сил с разумом можно проследить со времен средневековья через эпоху Возрождения до романтического периода. Это имеет прямое отношение к нашему повествованию, ведь эта борьба непосредственно привела к появлению фолькистского движения, фашизма в общем и нацизма в частности. Попытка сделать человечество разумным вызвала реакцию – восстание страстей против разума. Превозносили природу, противопоставляя ее городу, идеализировали крестьянскую жизнь и цеховую систему средневековья, противопоставляя ее индустриализации, а традиционное прошлое – прогрессу и переменам. Народ, воплощение живого духа, противопоставлялся индивиду и

индивидуализации. Романтики ценили индивида-гения, но лишь потому, что он был каналом, через который душа Народа могла общаться с Богом, Мировой Душой или вселенским Духом. Величайшим же гением был Вождь Народа, «великий, посланный свыше» для свершения грандиозных деяний. Именно эти темы впоследствии овладеют умами тысяч людей, вовлеченных в фолькистские, националистические и пангерманские организации.

Выдающимся героем романтического периода был Наполеон Бонапарт, горячо любимый и не менее горячо ненавидимый. Во главе своих армий он прошел по всей Европе, насаждая повсюду идеалы Французской революции, то есть идеалы Просвещения. «Наполеон обрушился на Германию, как ураган. Он упразднил Священную Римскую империю, уменьшив число отдельных княжеств с нескольких сот до тридцати восьми. Он привел в ярость духовенство, упразднив клерикальные государства, церковные суды, десятину, монастыри и конфисковав церковную собственность. Он восстановил против себя дворян, упразднив их феодальные государства, а с ними феодальные платежи и налоговые льготы. Он разбил на части большие поместья и урезал власть помещиков над крестьянами. Он провозгласил равенство всех граждан перед законом, в результате чего представители среднего класса получили возможность занимать государственные должности. Он гарантировал неприкосновенность частной собственности и ввел современное экономическое законодательство. Он занимался общественными проектами: строительством дорог, каналов и мостов. Для распространения идеалов революции он создал светские средние школы. Но самое шокирующее – Наполеон не только уничтожил гетто, он дал евреям свободу вероисповедания, право на владение землей и право заниматься любым видом деятельности»[32].

Все это происходило в период господства французской культуры и ее носителя – французского языка. Политическое и культурное противостояние «валлийскому» империализму достигло небывалого накала и стало важным шагом в эволюции германского самосознания. «Волна освобождения от французских захватчиков и от диктата Наполеона, прокатившаяся по Германии, раз и навсегда пробудила в немцах национальное самосознание. Национальный энтузиазм достиг такой высоты и силы… что стал неисчерпаемым источником национальных чувств для будущих поколений»[33].

Как ни странно, самыми яркими выразителями этого пробудившегося германского самосознания стали философы, развивавшие эту тему со своих влиятельных университетских

кафедр. Это была школа «идеалистической философии», которую по высоте и чистоте абстрактного мышления можно сравнить с Афинами периода Сократа, Платона и академии. И тем не менее, такие фигуры, как Фихте, Шлегель и Гегель были настолько захвачены потоком национального пробуждения, что Германия – в том или ином смысле – виделась им кульминацией мировой истории и культуры. «Фихте [1762—1814] верил, что все европейцы, за исключением евреев и славян, связаны друг с другом кровными узами. Однако лишь германцам удалось сохранить свой древний дух свободным от иноземных влияний. С римским завоеванием французы перешли на латинский, тогда как германцы сохранили язык предков, а вместе с ним и духовные качества “исконной расы”. Они сохранили духовную связь с предками – воинами германских племен. Они свободны от латинского, французского и еврейского индивидуализма, от собственничества, от грубой погони за материальными благами. Лишь мы, писал Фихте, чувствуем так, как чувствовали наши германские предки, – наши обязанности и права проистекают из нашего подчинения коллективной воле. Лишь германцы готовы к новой эпохе общественной кооперации и коллективных нравственных идеалов»[34]. Такое антииндивидуалистическое мышление ведет прямой дорогой к коллективизму молодежных фолькистских организаций и к нацистскому лозунгу *Du bist nichts, dein Volk ist alles* («Ты – ничто, твой народ – все»).

Но Фихте пошел еще дальше. В своем «Обращении к германской нации» (1807—1808 год) он провозгласил: «Именно вы, германцы, в большей мере, чем какой-либо иной народ, обладаете зерном человеческого совершенства, именно вам надлежит стать во главе развития человечества… Альтернативы нет: если падете вы, все человечество падет вместе с вами. Воскрешения уже не будет»[35]. «Фихте и другие романтики пришли к мировоззрению, являющемуся радикальным вариантом христианского апокалипсиса, – пишет Майкл Лей. – Спасение человечества перестает быть задачей Бога, становясь задачей Народа, в котором воплотился Бог. На долю германцев выпала роль спасителей и искупителей человечества… Германцы построят мировую империю духа… Евреи являются воплощением антихриста, который должен быть побежден… Для защиты от евреев Фихте предлагал либо отрубить им головы, либо выслать их всех до одного в землю обетованную»[36].

Согласно Фридриху Гегелю (1770—1831), смысл истории состоит в раскрытии Идеи мирового Духа, которое происходит в несколько этапов. Дело в том, что существует мировой Дух, воплощающийся в мировой истории, движущейся к вселенскому

спасению. Главным народом современной фазы развития Духа, согласно Гегелю, являются германцы. «Другие народы не имеют никаких прав препятствовать абсолютному праву германского народа в выполнении его задач носителя мирового Духа на современном этапе развития». Другие народы «на данном этапе истории уже не играют заметной роли». Миссия, когда-то возложенная Богом на евреев, теперь легла на плечи германцев. Именно от них зависит спасение мира. И свобода индивида (эта тема встречается нам не впервые) состоит в его добровольном подчинении Государству, которое надлежит рассматривать как некое божественное воплощение на земле. Этот тип мышления, замечает Лей, «фактически эквивалентен растворению индивида в государстве и может служить обоснованием всевозможных форм тоталитаризма»[37].

Это лишь несколько примеров, взятых из философской школы, глубоко повлиявшей на германский образ мысли. Она постулировала превосходство германского народа, его миссию по спасению человечества, ничтожность индивида и абсолютное главенство государства. Эти идеи, порой дословно, можно найти в публикациях фолькистов, пангерманцев и нацистов. Более того, в конце XIX – начале XX века было опубликовано несколько антологий, содержащих высказывания романтиков и философов-идеалистов. Некоторые сборники такого типа, например «Справочник по еврейскому вопросу» Трейчке, выходили невероятными тиражами и переиздавались вплоть до конца Третьего рейха.

Кое о чем националисты предпочли забыть. Например, о провидческих предсказаниях романтика Генриха Гейне (1797—1856), который был евреем. «Христианство – и в этом его главная заслуга – сумело несколько сгладить грубость германского воинственного духа, но не смогло его уничтожить. И когда крест, этот укрощающий талисман, потеряет силу, тогда вновь восстанет древняя дикость, бессмысленная ярость неистовых воинов, о которой столько писали нордические поэты. Этот талисман ветшает, и настанет день, когда он падет. Тогда окаменевшие древние боги поднимутся и сотрут со своих глаз пыль тысячелетий. И наконец со своим гигантским молотом выпрыгнет Тор и сокрушит готические соборы…

Когда придут эти времена, вы услышите такой гром, какой еще не раздавался в истории человечества. Знайте: это германская молния наконец ударила в цель. От этого ужасного грохота с небес падут орлы, а львы в самых дальних уголках африканских пустынь, поджав хвост, уползут в свои царственные логова. В Германии же начнется такое, по сравнению с чем

Французская революция покажется невинной идиллией. Это время придет»[38].

Лист и Ланц

С Гвидо фон Листом и Йоргом Ланцем фон Либенфельсом мы уже встречались в первых главах. Мы помним, что труды этих австрийских мифотворцев-визионеров были широко известны и оказали непосредственное влияние на *Germanenorden* и его филиал, общество Туле. И Лист, и Ланц считали, что германская раса – это народ божественных людей, забывших на время о своем божественном происхождении. Однако в ближайшем будущем этот народ вновь обретет свое законное положение властелина мира и будет использовать другие расы в качестве рабов. «В своих описаниях тысячелетнего царства [Лист] охотно пользовался мифологическими параллелями, взятыми из средневековой германской апокалиптической литературы, нордическими легендами и теософией. Он пересказывал средневековую легенду об императоре Фридрихе Барбароссе, спящем в горе Кифхаузер. Придет час, и он проснется. Тогда – как прелюдия к установлению тысячелетнего царства и мирового германского владычества – на мир обрушится сокрушительная волна тевтонского гнева. Эта история основывается на целом комплексе средневековых легенд о тысячелетнем царстве, которые кристаллизовались первоначально вокруг императорских фигур династии Гогенштауфенов»[39]. (Не случайно план своего вторжения в Россию Гитлер назовет «операция Барбаросса».)

Лист также стал выразителем глубоко укорененных в германском народе ожиданий прихода Спасителя, *Herzog*, который избавит народ от вековой нужды и поведет его к светлому будущему. Эта потребность во всемогущем вожде была составной частью германского менталитета задолго до того, как «сильный человек» стал синонимом фашизма во многих странах Европы. Фюрера (вождя) ждали, на него молились задолго до того, как он обрел облик Адольфа Гитлера. Гитлер же сумел сыграть эту роль так, что в германском народе включились подсознательные механизмы и он отозвался на призыв фюрера с религиозным фанатизмом. «Отчаянное призывание вождя, – пишет Гюнтер Шольдт, – порождалось жгучим желанием найти того, кто сможет внести смысл в эти безбожные времена, подавляющие человека избытком личной ответственности и вызывающие в нем обостренное чувство одиночества»[40]. В этой связи он приводит слова Бруно Брема: «Подобная мечта есть у

всякого народа: когда князья и властители, мудрецы и священники не знают, как быть дальше, потому что законы бессильны, вера слабеет, а люди в замешательстве. Но вот из гущи народа выходит неизвестный человек, чтобы спасти всех. Его никто не звал лично, но к нему взывали. Люди видят этого человека, они чувствуют, что он пришел в самый последний момент, они узнают в нем самих себя и неожиданно понимают, к чему стремятся»[41].

«Еще в 1891 году Лист обнаружил в “Прорицании Вёльвы”» строки, говорящие об этой одновременно ужасающей и благодетельной мессианской фигуре:

> Великий человек входит в круг советников.
> Сильный свыше прекращает все распри.
> Все вопросы решаются справедливо.
> И его установления пребудут вовеки.

“Сильный свыше” становится расхожей фразой у Листа. Он будет употреблять ее во всех последующих описаниях прихода тысячелетнего царства. Некто, наделенный сверхчеловеческими способностями, прекратит все человеческие раздоры и замешательства, установив вечный порядок. Этот божественный диктатор казался особенно привлекательным тем, кто страдал от непредсказуемого характера индустриального общества. Лист страстно ждал прихода этого вождя. Он должен был принести с собой мир определенностей, что было необходимым условием осуществления тысячелетнего царства [германской нации]»[42].

«По-видимому, приход этого “непобедимого” принца-героя предрекала уже древнегерманская Эдда. Лист считал задачей своей жизни подготовку прихода “сильного свыше” и наступления эры германского мирового господства», – пишет Бригитта Хаман. «Согласно Листу, этот вожделенный вождь германского народа, этот “сильный свыше” должен править по праву богочеловека. Над ним не властны законы. Узнать этого героя-принца будет легко – он будет выходить победителем из каждой битвы. “Сильный свыше” всегда прав – Лист считал, что он будет действовать в гармонии с законами природы… Он не может ошибаться. Его “окончательная победа” неизбежна». Здесь Хаман приводит факсимиле из одной книги Листа, где тот пишет: «Эта моя работа – высочайший и святейший дар из всех, что приносились в течение долгих столетий. Я провозглашаю наступление арийско-германской зари богов – сильный свыше приходит вновь!»[43]

Ланц фон Либенфельс, друг и ученик Листа, также говорил

прямо, что «Германия не может больше терпеть того, что “обезьяноподобные мужланы [то есть недочеловеки, животноподобные чандалы] грабят этот мир”. Ведь вся эта планета является естественной колонией германцев, где должна найтись ферма для каждого смелого солдата и, согласно иерархическому принципу расовой чистоты, поместье для каждого офицера.

Чтобы прийти к расистскому тысячелетнему царству, этот прогнивший мир должен пройти через горнило апокалиптической битвы. Здесь Ланц вторит Листу, предсказывая начало мировой войны: “Под ликование освобожденных богоподобных людей мы завоюем всю планету… Огонь нужно раздувать до тех пор, пока из жерл пушек германских боевых кораблей не полетят искры, а из германских орудий не начнут сверкать молнии… и тогда в сварливом племени [недочеловеков] Удуму будет наведен порядок”. Этот предвкушаемый порядок был пангерманским расистским раем с верховными всеведающими жрецами, новой кастой воинов и мировой революцией, установившей всемирную германскую гегемонию.

Это апокалиптическое видение – с перспективой тысячелетнего царства, которое наступит в преображенном отечестве – было результатом слияния нескольких интеллектуальных традиций. Поэты и мудрецы раннего романтизма в одном строю с князьями и воинами доиндустриального консерватизма шагали в религиозный рай, обозначаемый такими неогностическими символами, как Святой Грааль, «электрон богов» и Церковь Святого Духа. Необходимым условием его достижения являлось полное покорение низших народов»[44].

Место под солнцем

Как единое государство Германия родилась в 1871 году. Местом ее рождения стал – что несколько странно – Зеркальный зал дворца Людовика XIV в Версале. Создание этого государства явилось результатом политического таланта и непрестанных усилий одного человека – Отто фон Бисмарка, ставшего первым канцлером Германии. Императором новой нации и нового государства стал Вильгельм I Гогенцоллерн, король Прусский, один из восемнадцати германских князей, четверо из которых назывались королями. Все они по-прежнему оставались верховными правителями своих наследственных княжеств. Пруссия станет не просто сердцем новой страны – которой она

передаст некоторые свои аристократические и милитаристские предрассудки, – ее земли составят около двух третей всей ее территории.

В новой Германии происходили глубокие перемены, особенно явственно заметные в последние годы XIX столетия. Аграрное государство преобразовывалось в индустриальное. Себастьян Хаффнер пишет: «Германия уже при Бисмарке [который был канцлером до 1894 года] в значительной степени индустриализировалась, но при Вильгельме II развитие в этом направлении достигло масштабов, несравнимых ни с одной другой страной мира, кроме далекой Америки»[45]. Впечатляющие статистические данные приводятся, например, в «*Krieg der Illusionen*» («Битве иллюзий») Фрица Фишера. В те годы Германия превосходила своих соседей практически по всем показателям. Она стала лидером в химической промышленности, в изготовлении электрического оборудования и оптики. Ее экономику поддерживали мощные банки. Она спроектировала и начала строительство железной дороги Берлин—Багдад, направленной прямо в сердце Британской империи, к обретающим все большую важность нефтяным месторождениям Ближнего Востока. Другой ее задачей было обретение плацдарма для дальнейших действий в Турции, неподалеку от южных границ России. Германия собиралась бросить вызов Великобритании и на море.

Одновременно с «колоссальным экономическим подъемом Германии» (Фишер) не меньшими темпами росло и ее самомнение, которое иначе можно назвать прусским чванством или прусской спесью. Хаффнер говорит, что в то время стало проявляться «гипертрофированное чувство силы». «Страна чувствовала свою мощь, и никакая похвальба уже не казалась чрезмерной», – саркастически замечает Барбара Тухман. «Немцы знали, что у них сильнейшая армия на земле, что они самые умелые торговцы, самые деятельные банкиры. Их народ проникает на все континенты, финансирует турок, прокладывает железную дорогу от Берлина до Багдада, завоевывает латиноамериканские рынки, бросает вызов владычице морей Британии, а в области интеллекта систематически реорганизует все области человеческого знания в соответствии с научными принципами (*Wissenschaft*). Они заслуживают господства над миром, и они способны к этому. Править должны лучшие. К тому времени Ницше безраздельно царствовал в интеллектуальном мире своих соотечественников. Им не хватало лишь мирового признания их господства. И пока мир не признавал их права на власть, росло чувство протеста и желание добиться этого

признания силой оружия»[46].

Германия, став полноценным государством позже других, заявила свои права на «место под солнцем» – достаточно обширное. Ее индустрии требовалось огромное количество железной руды и угля, запасы которых были ограничены. По этой причине индустриалисты и офицеры генерального штаба положили глаз на железорудные и угольные месторождения Бельгии и северной Франции. Тогда же родился и миф о нехватке «жизненного пространства» (чему, кстати, противоречили быстрые темпы индустриального и экономического роста того времени). Это привело к появлению идей о необходимости завоевания российских просторов, едва заселенных отсталыми, низшими народами. В любом случае, Германия должна господствовать, по меньшей мере, в Центральной Европе, господствовать не только в экономическом, но и в политическом и культурном отношениях. «После ухода Бисмарка страна стала ощущать себя мировой державой. Во времена Вильгельма многие немцы – из всех слоев общества – неожиданно увидели цель: мы станем мировой державой, мы распространимся по всему земному шару – Германия встанет во главе всего мира!» Как говорит Хаффнер, все это вело не только к неуемной гордости, но, увы, также и к «похвальбе, крайнему самомнению и эгоистическому взгляду на мир»[47].

«Все слои общества», о которых пишет Хаффнер, в действительности ограничивались главным образом традиционалистическим средним классом, исповедующим консервативные правые взгляды. Этих людей воспитывали в фанатично правом духе немецких университетов профессора, подобные Трейчке. Они были верными читателями таких авторов, как Лагард, Лангбен, Бернарди, Шпенглер, которые писали, что Германии пора, наконец, двинуться по пути, который ей указывает судьба, – к мировому господству. Разрозненные тенденции этих авторов объединились в одной любопытной фигуре – писателе Хьюстоне Чемберлене (1855—1927). Особенно показательным был его бестселлер «Основы девятнадцатого столетия», вышедший в 1899 году. Чемберлен был сыном английского адмирала и двоюродным братом известного британского государственного деятеля Невилла Чемберлена. Он воспитывался во Франции, стал биологом и своей второй родиной считал Германию. Писал он (иногда в трансе) по-немецки. Он женился на Еве, дочери Рихарда Вагнера, и таким образом стал хозяином *Haus Wahnfried* в Байрейте, где Вагнер провел последние годы жизни и был похоронен. Жорж Моссе называет Чемберлена «самым влиятельным расовым теоретиком», а Йозеф Геббельс –

«отцом наших идей».

«Если с этого момента немцы, живущие за границей, будут хранить тесные связи с Германией, станут немцами сознательно, гордо и открыто, – писал Чемберлен, – то завоевание мира приблизится с удивительной быстротой. Достаточно одного примера: как Германии завоевать Австралию? Как начать это завоевание? Как его завершить? Дело в том, что если всего лишь десять процентов обитателей этого континента будут сознательными германцами, они составят девяносто процентов всей интеллигенции и профессоров. Таким образом, они станут направляющим умом этой нации». Конрад Хайден, приводящий эти слова, поясняет: «Чемберлен пишет “Австралия” лишь потому, что бдительная военная цензура не пропустила “Латинскую Америку” или просто “Америку”, которая здесь имеется в виду. Чемберлен был одержим манией совершенства; ему виделась совершенная Германия, создающая совершенный мир».

Далее Хайден вновь цитирует Чемберлена: «И когда Германия, наконец, достигнет власти – а мы можем быть совершенно уверены, что это случится, – она немедленно должна начать проводить в жизнь свою гениальную научную политику. Август, придя к власти, стал перестраивать мир. Германия должна сделать то же… Обладая оборонительными и наступательными вооружениями, безукоризненно организованная на армейский манер, непревзойденная в искусстве, науке, технологии, промышленности, торговле, финансах – во всех областях, Германия станет рулевым и первопроходцем этого мира. Каждый человек будет стоять на своем посту, каждый будет вкладывать все свои силы в это святое дело. Тогда Германия, живое воплощение эффективности, завоюет весь мир силой своего внутреннего превосходства»[48].

Раса для Чемберлена была «главным принципом истории». «Он считал, что из всех рас лишь германская способна создавать культуру, именно она, начиная с третьего века нашей эры, поднималась из “хаоса народов”, порожденного Римской империей и католической церковью. Этой расе принадлежит будущее – при условии, что ей удастся очистить себя от антинемецких элементов, в первую очередь от евреев. Из всех германских народов лишь немцы призваны править миром. Но если на этом поприще они потерпят поражение, им суждено исчезнуть»[49].

Чемберлена изучал сам император Вильгельм II, который считал его своим советником по интеллектуальным вопросам и даже учителем. Он наградил его Железным крестом, военной наградой, и особым указом постановил, что экземпляр «Основ

девятнадцатого столетия» должен стоять в каждой прусской библиотеке. В 1922 году бывший император писал в своих воспоминаниях: «Именно Чемберлен впервые возвестил и объяснил восторженному немецкому народу, что значит быть германцем, сколько в этом величия»[50].

Другим благоговейным почитателем Чемберлена был Адольф Гитлер. В 1923 году, за несколько недель до своего Пивного путча, он впервые посетил *Haus Wahnfried*. «Совершенно ясно, что Гитлер тщательно планировал этот визит, – пишет Бригитта Хаман. – Он посетил *Wahnfried* тогда, когда его уже начинали считать кем-то особым и даже самим долгожданным «спасителем Германии»… То, что он побывал там именно тогда, перед путчем и возможным захватом власти, придавало его визиту оттенок посвящения. Перед принятием важных решений верующие отправляются к святым местам. Гитлер же отправился получить благословение Чемберлена и покойного учителя – Рихарда Вагнера»[51].

К тому времени Чемберлен уже был прикован к постели и был способен лишь пожать руку Гитлера и пробормотать несколько еле слышных слов. Однако затем он напишет Гитлеру, что благодарит Бога за то, что на склоне лет ему удалось увидеть спасителя Германии. «То, что в этот тяжелейший час Германия способна породить Гитлера, говорит о ее исключительной жизненной силе… Да хранит тебя Господь!»[52] Зигфрид Вагнер также был впечатлен первой встречей с Гитлером: «Гитлер – удивительный человек, истинная душа германского народа. Он должен победить»[53].

«Гитлер является воплощением крайне радикальной концепции германского мирового господства, истоки которой восходят к позднему периоду правления Бисмарка. Уже в начале века она конкретизировалась в определенных военных целях. После первой неудачной попытки реализовать эти цели в 1914—1918 годах, была предпринята вторая – еще более решительная, вылившаяся во Вторую мировую войну. Гитлер был выразителем столетнего империалистического устремления» (Иоахим Фест[54]).

Первая мировая война

«Это напряжение должно вызвать, наконец, искру», – писал за несколько недель до начала Первой мировой войны начальник германского генерального штаба Хельмут фон Мольтке. В августе 1914 года взрыв, наконец, прогремел. В каждой стране-участнице его встретили с ликованием. Архиепископ Камбре в пастырском

посланию провозгласил: «Французские солдаты чувствуют, что являются солдатами Христа и Марии, защитниками веры, они знают, что умереть по-французски – значит умереть по-христиански. Воистину, Христос любит французов»[55]. Английский поэт Роберт Брук встретил начало войны строками: «Возблагодарим Господа за то, что он послал нам этот час…»

Германия же ликовала больше всех. Наконец-то Бог, путем молниеносной войны, очистит для Германии давно обещанное и достойное место среди других народов. Фриц Фишер приводит слова Макса Ленца, своего предшественника на кафедре истории Гамбургского университета, записавшего в своем дневнике в первые дни войны: «Наша молодежь готовится к испытанию войной с восторгом, словно направляясь на пир. В нашем народе пробудился дух Зигфрида, в котором присутствуют основные черты всякой истинной религиозности: смирение, верность, послушание, доведенное до крайности чувство долга и вера в победу правого дела… Мы победим, потому что мы должны победить, ибо Бог не оставит свой народ»[56].

Военные были не единственными поджигателями войны. Их поддерживали, если не сказать, подталкивали, крупные промышленники и пангерманцы – в действительности, все националистически настроенные реакционеры. Военных также поддерживала протестантская церковь, которая со времен Лютера была церковью националистической. Эта церковь, каждое воскресенье обращаясь к народу с проповедью, добавляла свой веский голос в общий хор. Впрочем, общее мнение всегда было по сути националистическим и враждебным по отношению к другим народам – низшим, но все же опасным.

«В те дни публиковались сотни военных проповедей, свидетельствующих о силе германского духа и веры, – пишет Фишер. – В них вновь и вновь встречается мысль о том, что продержаться до конца можно лишь “духом 1914 года”… В бесчисленных проповедях немцев представляли избранным народом, на которого Бог возложил задачу посредством войны поднять мир на более высокий уровень культуры. Затем следовало рассуждение о том, что раз Бог предложил немцам победу и власть также и на материальном уровне, им надлежит принять это предложение, ведь Бог намерен обеспечить благосостояние немецкого народа»[57]. Далее Фишер цитирует слова, произнесенные на торжественной церемонии в честь Вильгельма II: «В истории нашего народа, как нигде в мировой истории, ясно различимо вмешательство божественного провидения. Бог вышел нам навстречу, в этом мире действует божественная воля. Единство с германской историей означает

единство с Богом». Откуда видно, что к началу войны гегельянское мировоззрение было еще очень сильно. «Германский народ, – пишет Фишер, – часто упоминается в качестве божественного инструмента. Нередко попадается следующая сентенция: мы верим в задачу, которую наш народ должен выполнить для блага всего мира»[58].

Выше показано, что взлет немецкого эго в августе 1914 года был подготовлен всей историей предшествующего столетия. Это было не смутное чувство, но комплекс достаточно четких идей. В молодой амбициозной германской нации отсчитывала секунды бомба с часовым механизмом. Несколько раз в начале двадцатого века казалось, что она вот-вот взорвется – во время кризиса в Марокко, во время Балканских войн. Когда же, наконец, горстка людей из немецкой военной и правительственной верхушки, отчасти к собственному недоумению, вдруг пошла на решительные действия, нация возликовала.

На Одеонсплац в Мюнхене общее ликование разделял двадцатипятилетний художник-акварелист. Австрийская армия признала его негодным к службе, но он выразил готовность пожертвовать жизнью за Германию и вступил в баварский пехотный полк добровольцем. В позднейших речах и сочинениях Адольфа Гитлера можно встретить все темы, которые мы здесь рассматривали. Они просто по-особому встроены в его индивидуальную структуру ума. Чем больше изучаешь Первую и Вторую мировые войны, тем больше поражаешься их параллелям: стремлению Германии к мировому господству, намерению завоевать Бельгию и Францию, неоправдавшимся надеждам на взаимопонимание с Великобританией, планам по колонизации России, войне на два фронта, которой боялись, но в которую, в конце концов, ввязывались, претензиям на то, что немцы являются высшим народом, народом-вождем… Эти мировые войны, Первая и Вторая, были в действительности двумя эпизодами одной и той же войны.

8. Продолговатые черепа и широкие черепа

Мы никогда не будем грубыми или бессердечными без необходимости. Мы, немцы, единственный народ на земле, хорошо относящийся к животным, будем хорошо относиться и к животным-людям.

Генрих Гиммлер

Гордость белого человека

С благородным арийцем – «Прометеем человечества», «знаменосцем человеческого прогресса» и «совершеннейшим образом Господа» мы уже встречались, листая страницы гитлеровской «Майн Кампф». Вспомним также, что гипотеза о существовании изначального арийского языка была выдвинута в начале XIX века, в период романтизма в литературе и идеализма в философии. Это открытие шло рука об руку с горячим интересом к индийской культуре и религии. Исходя из гипотезы о существовании языка, общего для большей части Европы и Азии, было сделано безосновательное заключение, что в древности существовал народ ариев, говоривший на этом языке и ставший родоначальником всех лучших человеческих племен, дошедших до нас.

Ученые занимались этими хитроумными интеллектуальными упражнениями в эпоху расцвета европейского колониализма. Белые люди проникали во все части света, встречая незначительное сопротивление со стороны других народов, которые, казалось, так не походили на них самих. Они чувствовали себя завоевателями по праву, с чистой совестью присваивая их собственность. Все делалось во имя превосходства их расы, их культуры и их истинного Бога. То, что сегодня называется расизмом, для западноевропейца того времени было обычной составляющей мировоззрения, основанной на якобы очевидном факте, что некоторые люди (с белой кожей) сильнее, умнее, изобретательнее и религиознее, чем другие люди (главным образом «цветные»). «То, что в работах Гобино,

Дарвина, Геккеля, Бухнера, Вогта, Гумпловича… и других кажется нам сегодня чудовищно расистским, в то время было точкой зрения большинства, такой распространенной, что ни правым, ни левым не приходило в голову критиковать ее», – пишет Андре Пишо[59]. И поэтому Дитрих Брондер прав, напоминая нам, что расизм как таковой «ведет свое происхождение вовсе не из Германии, его истоки – во Франции и в Англии». Лишь масштабы, которые он приобрел в Германии, привели в итоге «к таким чудовищным политическим последствиям»[60].

Для иллюстрации этой точки зрения приведем несколько высказываний того времени. В 1754 году шотландский философ Давид Юм был «склонен предполагать», что, вообще говоря, «все другие расы человеческих существ естественным образом стоят ниже белой расы». Другие расы так и не сумели создать развитого государства и не произвели заметных личностей ни в одной сфере деятельности. Однако даже среди самых варварских белых народов, например, у древних германцев, всегда можно найти что-то выдающееся. Это постоянное и стабильное различие между белыми и цветными «не могло бы существовать, если бы сама природа не провела такого изначального разделения рас». Немецкий профессор Кристофер Мейнерс писал, что только белые народы, в особенности кельты, «обладали истинной храбростью, любовью к свободе и другими страстями и добродетелями великих душ». Народы же «черные и уродливые» характеризуются прискорбным отсутствием добродетелей и наличием некоторых ужасающих грехов.

«Чем бы был мир без европейцев?» – вопрошал Иоганн Христиан Фабрициус, ученик шведского ботаника Линнея (1707—1778). Европеец призван самой судьбой владеть этим миром. Лишь он способен озарить его своим интеллектом и покорить своим бесстрашием, он является человеческим существом в истинном смысле этого слова, главой человеческого вида, другие же, низшие варвары, есть, фигурально выражаясь, лишь его эмбрион. Чарльз Уайт, хирург из Манчестера, придерживался сходной точки зрения, ибо писал в 1799 году: «Восходя по этой лестнице, мы, в конце концов, приходим к белому европейцу. Он отстоит далее всех от животного творения и потому по праву может быть назван красивейшим творением человеческого рода». Никто не осмелится усомниться в превосходстве его интеллектуальных сил. И где, как не в европейце, можно найти голову такой совершенной формы, такой большой мозг, такую благородную осанку и величественную походку? «И где еще в мире можно увидеть этот изысканный румянец, разливающийся по лицу европейских женщин, привлекающих взоры скромностью

и тонкостью своих чувств?»[61]

Европа правила миром, видела все со своей точки зрения и поступала так, как свойственно властителям. Ее история – мерило истории других народов. Ее научные и культурные богатства – а их немало – нужно постепенно и осторожно прививать другим. Экономическая эксплуатация – это лишь законное вознаграждение ее усилий. Ее Бог – это Бог истинный, а идолы язычников должны быть низвергнуты. Для того чтобы этот «евроцентризм» оказался под подозрением, чтобы весь остальной мир очнулся от временной спячки и вновь принялся отстаивать свои ценности и права, вновь стал хозяином своих ресурсов и культурного наследия, потребовалось очень долгое время. И этот процесс все еще продолжается.

Арийский миф был лишь одним из многих следствий евроцентристского взгляда на мир. Вскоре у темнокожих идолопоклонников индусов и некультурных иранцев отобрали право быть колыбелью арийцев – родина ариев последовательно смещалась к Южной, Центральной и, наконец, Северной Европе. «Матерью народов» стал север Германии и юг Швеции. Естественно, никто не имел представления о том, что происходило в этих областях даже за двести-триста лет до нашей эры. И поэтому всевозможным домыслам о происхождении арийцев от гиперборейцев, от выходцев из Туле или Атлантиды не мешало ничто.

Нацистская мифология была лишь экстремальной формой европейских мифов, питавшихся чувством превосходства белого человека. Некоторые крайности этих мифов сглаживались христианской верой, христианской моралью и идеалами Просвещения. Но романтическая и фолькистская Германия для возобновления жизненных сил обратилась к дохристианскому прошлому, к своим истокам и к силам своих старых богов. Она мечтала стать народом-господином (*Herrenmenschen*) в полном смысле этого слова. Когда при Гитлере ей показалось, что она достигла необходимой военной мощи, она попыталась претворить эти мечты в жизнь.

Социальный дарвинизм

Дарвиновская теория эволюции вошла в общественное сознание с появлением в 1859 году книги Дарвина «Происхождение видов посредством естественного отбора». Расистские мыслители тут же сообразили, что с ее помощью можно подвести научную базу под их идеи. Из революционного

дарвиновского подхода к природе следует, например, в применении к человеку, что жизнь – это постоянная борьба за существование, в которой побеждает и выживает самый приспособленный (самый сильный, самый умный). Этот высший статус постоянно подвергается проверке, он должен защищаться от постоянных атак. Если хорошо вдуматься, дарвинизм провозглашал природу ареной не столько Жизни, сколько Смерти. Согласно одному французскому биологу, «жизнь – это сумма функций, противостоящих смерти».

Однако расовый эгоизм того времени считал дарвинизм решительным, мужественным, почти аристократическим взглядом на жизнь. «Чтобы понять эту одержимость войной в дарвинистской социологии, необходимо осознавать, до какой степени дарвинизм влиял на биологию конца XIX века и как именно это влияние осуществлялось»[62]. Как указывает Поляков, «еще в 1899 году Макс Нордо заметил, что дарвинизм становится главным авторитетом для милитаристов всех европейских стран: «С распространением теории эволюции появилась возможность прикрыть свое природное варварство именем Дарвина и спустить с цепи свои кровожадные инстинкты – ведь они находятся в соответствии с последним словом науки»… Евангелие силы проповедовалось, прежде всего, в имперской Германии и англосаксонских странах. В последних оно с легкостью сочеталось с германо-арийской идеей, также известной под названием “теория тевтонских истоков”»[63]. Действительно, некоторые биологи, необязательно англо-саксонского происхождения, ставили британцев рядом с германцами, а порой и выше их, на самую верхушку родового дерева человечества.

Дарвинизм, естественно, считался солидной научной теорией – однако он ею не являлся. Андре Пишо, французский эпистемолог и историк научных идей, в своем эссе «Чистое общество – от Дарвина к Гитлеру» показал, что дарвиновская теория – пусть и основанная на наблюдениях – в действительности не имела научного статуса. Он утверждает, что рассуждения, приводимые в ее поддержку, были заимствованы Дарвином у британских экономистов и социологов, главным образом у Адама Смита, Томаса Мальтуса и Франсуа Гальтона. О том, *как именно* эволюционируют виды – а в основе этого лежат механизмы происходящих в клетке изменений и мутаций, – Дарвин просто не имел никакого представления.

«Его “Происхождение видов” датируется 1859 годом. Для того чтобы оформиться в качестве научной теории, дарвинизму потребуется еще пятьдесят лет. Его основные положения были сформулированы лишь в 1900—1915 годах, вслед за

переоткрытием законов Менделя и началом развития генетики. До 1900 года дарвинизм, не имевший ни сколько-нибудь серьезной теории наследственности, ни теории изменчивости (мутации считались редкими пертурбациями, не имеющими особой важности), был плохо согласующейся с фактами и весьма расплывчатой гипотезой. Единственным пунктом, по которому не было особых споров, являлся естественный отбор… Между 1900 и 1915 годами постепенно развивается генетика… которая хорошо соответствует дарвинизму… Благодаря этому дарвинизм приобрел несколько более научный и убедительный статус. Именно в этой форме, которая в конечном счете обязана лично Дарвину очень немногим, он и дошел до нашего времени»[64].

Как бы то ни было, в Европе дарвинизм был принят «на ура». «Немедленно явилась мысль применить эту теорию к обществу и политике». «Лишь только “Происхождение видов” вышло из печати, проницательные мыслители поняли, что влияние этих идей не ограничится новым пониманием истории и эволюции человеческих обществ, даже сами основы морали и политики не смогут уже оставаться прежними… Дарвин, сформулировав принципы борьбы за существование и естественного отбора, не только революционизировал биологию и натурфилософию, он преобразовал саму науку о государстве. Владение этими принципами давало возможность уяснить законы жизни и смерти наций, законы, которые до тех пор не давались философам», – писал Вашер де Ляпуж[65]. Применение дарвинизма к обществу и политике – хотя сам Дарвин, возможно, и не согласился бы с таким использованием своей теории – называется социальным дарвинизмом.

Согласно социальному дарвинизму, человек – уже не творение Божье: он принадлежал и принадлежит животному царству и является результатом долгой эволюции. Человек – это животное, хотя и высшего типа. В 1751 году Линней первым дал описание трех царств природы: минерального, растительного и животного. Он поместил человека в царство животных, в отряд приматов, вместе с человекообразными обезьянами. Эта идея шокировала общество того времени, все еще пропитанное христианством. Некоторые биологи предлагали ввести четвертое царство специально для человека. В 1809 году Ламарк (а вовсе не Дарвин), идя по пути, указанному Линнеем, заявил о том, что человек произошел от обезьяны. Сам же Дарвин, шокированный логическими следствиями своей системы, ничего не писал по этому вопросу вплоть до 1871 года, когда вышла его работа «Происхождение человека». К тому времени происхождение человека от животных уже давно было логически выведено из его

предыдущих тезисов и стало для широкой публики чем-то само собой разумеющимся.

Борьба уже не отдельных индивидов, но групп людей – племен, классов, рас, наций – стала теперь «научно обоснованным» и доказанным феноменом. Его было легко принять хотя бы потому, что история едва ли могла предложить что-либо взамен. Подобно тому как отдельный, лучше приспособленный индивид побеждает слабейшего, так и более сильная группа людей может и должна победить группу более слабую. Этот «закон природы» применим где угодно, и не следовать ему – например, из сострадания позволяя слабейшим выживать и даже размножаться – это все равно, что пытаться противостоять изначальному порядку природы, неважно, установлен он Богом или нет. (Поэтому заниматься евгеникой и, в итоге, устранять предположительно вредных людей, например евреев, – значит следовать логике природы.) Из этих положений, в частности, следует, что посредством эволюции человек никогда не сможет выйти за пределы человека-животного и возвыситься над своими животными характеристиками. В материалистическую эпоху социальный дарвинизм взял верх – какими бы шаткими ни были его научные основы. Он еще здравствует в некоторых своих разновидностях, таких, например, как социобиология. Даже новейшие философы и социологи чувствуют соблазн растворить индивидуум в массе, утверждая, что личность – это всего лишь клетка социального организма.

«В гитлеровской “Майн Кампф” расизм и дарвинизм вступили в симбиоз», – пишет Христиан Центнер[66]. Теперь нам хорошо известны некоторые источники книги Гитлера. Мы также знаем, что в нацистской Германии она стала евангелием истины и, посредством политической пропаганды, через систему образования и средства массовой информации формировала стиль мышления миллионов. Более того, лежащий в ее основе социальный дарвинизм нашел живой отклик в немецкой мысли того времени.

Нижеследующие цитаты из Гитлера говорят сами за себя. Он пишет в «Майн Кампф»: «Нет сомнений, этот мир однажды станет ужасающей сценой войн за существование внутри самого человечества. В итоге победит лишь инстинкт самосохранения. Перед его всепожирающим пламенем так называемый гуманизм, в действительности являющийся смесью трусливой робости и самообмана, растает, как снег под лучами мартовского солнца. Человек достиг величия в постоянной борьбе. Постоянный мир приведет его к упадку»[67]. В мае 1942 года Гитлер произнес речь перед 10 тысячами молодых лейтенантов, «его военных

наследников» (Генри Пикер приводит ее в конце «Застольных бесед Гитлера»). Он говорит здесь: «Полное глубокого смысла высказывание одного великого философа войны [Клаузевица] гласит, что борьба, то есть война, является породителем всего. И тот, кто наблюдает природу, кто способен видеть вещи такими, как они есть, обнаружит, что это высказывание применимо ко всем живым существам и ко всему происходящему не только на земле, но и далеко за ее пределами. Словно вся вселенная подвластна лишь этому закону: постоянно происходит отбор, в результате чего торжествует более сильный, а слабый погибает. Поэтому некоторые говорят, что природа жестока и безжалостна. Другие же понимают, что природа, поступая так, лишь следует железному логическому закону». Этот урок был хорошо усвоен Гитлером. В одном из своих ночных монологов он сформулирует его немного по-другому: «Нечего жалеть людей, осужденных провидением на гибель… Ни в коем случае нельзя жалеть того, кто лишен необходимой в жизни стойкости»[68].

«Жизнь жестока, – размышлял Гитлер глубокой ночью в своей восточной штаб-квартире. – Явиться, существовать, уйти из жизни: всегда и везде это означает убивать. Рожденное должно умереть, от болезни, несчастного случая или войны – разницы нет. Однако те, кто пали в войне, могут утешаться тем, что принесли жертву во имя будущего своего народа». Его логика была проста: «Если меня упрекнут, что в развязанной мною войне погибло сто или двести тысяч, то я могу ответить: из-за того, что я сделал раньше, население Германии увеличилось более чем на полтора-два миллиона. И если я требую принести в жертву десять процентов, в итоге я даю им остающиеся девяносто. Я надеюсь, что через десять лет немцев в мире будет еще на 10—15 миллионов больше – мужчин, женщин, неважно. Я создаю необходимые жизненные условия»[69]. «Война – это самое обычное, самое естественное. Война есть всегда и везде. Ей нет начала, и мир не наступит вовеки. Война – это жизнь. Война есть в любом состязании, война – это изначальное состояние», – сказал Гитлер Герману Раушнингу и добавил: «Природа жестока – поэтому жестокость позволена и нам»[70].

И все же Гитлер не верил в теорию эволюции Дарвина. В хитросплетениях его ума уживались самые противоречивые и абсурдные идеи (то же самое наблюдается и в идеологии под названием «нацизм») – он принимал практические следствия, выводимые популяризаторами Дарвина из дарвинизма, отвергая саму эту теорию. Ведь если Дарвин прав, и все люди произошли от общего предка, как тогда обосновать существование высших и низших рас? При этом сам Дарвин никогда не утверждал, что

естественный отбор может привести к созданию высшей расы. Согласно Дарвину, масса живых существ более или менее однородна, и если кто-то лучше приспособлен к данным условиям, то это еще не значит, что он является лучшим в абсолютном смысле. Более того, теория Дарвина применима лишь к индивидуумам, он никогда не пытался приложить ее к социальным организмам; такое применение, в сущности, является искажением исходной теории.

В 1942 году, пролистав книгу о происхождении человеческих рас, Гитлер скажет: «Кто дал нам право усомниться в том, что человек был таким, каким мы видим его сегодня, с начала времен? Да, изучение природы показывает, что в растительном и животном царствах происходят изменения, но нигде вид не делает таких прыжков, какой был бы необходим для появления современного человека из обезьяноподобного предка»[71]. Его вполне удовлетворяли объяснения, данные в эксцентричной «теории мирового льда» Ганса Гёрбигера. Тот считал, что вселенная является результатом борьбы огня и льда, что солнечная система порождена взрывом некоего большого космического тела, а геологические эпохи объясняются последовательными столкновениями нашей Земли с луноподобными объектами.

Трейчке, Фрич, Геккель

Как следовало ожидать, самомнение германцев достигало пика тогда, когда ход событий возносил их на вершину успеха. История знает два таких случая: при образовании Германского государства в 1871 году и в период ускоренного развития немецкой экономики во времена Вильгельма перед Первой мировой войной.

Выдающимся националистом, представляющим первый период, являлся герр профессор Генрих фон Трейчке (1834—1896). «Он активно действовал и до объединения Германии, но особенно явственно его влияние проявляется в последние декады столетия… Стоя перед битком набитой аудиторией, Трейчке провозглашал свою глубокую веру в моральную силу германцев и в Народ (*Volk*). Воинственная нота проходила через все его лекции [в Берлинском университете], он словно хотел совершить подвиги, которые из-за глухоты ему не было дано свершить на полях сражений»[72].

«Карьера Генриха фон Трейчке отражает рост реакции и расизма в университетской среде», – пишет Джон Вайсс. «Он был

любимцем прусской элиты. Кайзер лично назначил его королевским историографом, и без его знаменитой “Немецкой истории XIX века” [в пяти томах, не закончена] не мог обойтись ни один зажиточный дом… Идол немецких студенческих союзов, Трейчке давал профессорское благословение предрассудкам правящего класса. В течение двадцати лет его аудитории заполнялись членами правительства и военными самого высокого ранга, его классы были забиты их сыновьями и будущими учителями, которые, тогда как их сверстники во Франции изучали демократические добродетели, изучали добродетели самодержавия… Своим пронзительным голосом, который практически полная глухота огрубляла еще больше, разливаясь, как древнегреческий демагог, Трейчке превозносил империализм, поносил евреев, нападал на демократию и социализм. Гражданские, утверждал он, не имеют права вмешиваться в утверждение священного бюджета вооруженных сил. Нужно возблагодарить бога войны за то, что в те годы, когда Пруссия объединяла Германию, всеобщего избирательного права еще не было».

Именно здесь создавались и сплавлялись воедино составные элементы немецкого менталитета: прусский национализм и расизм, самовластие, милитаризм, уважение к существующей иерархической пирамиде, безусловное подчинение и чувство долга. Эти элементы подкрепляли националистические амбиции и милитаризм, которым был пропитан сам воздух, которым дышали немцы. Этот дух был настолько силен, что даже левые не смогли противостоять его влиянию в 1914-м, а потом еще раз в 1933-м. Именно он сделал невозможной демократическую республику – просто потому, что демократические принципы были ему непонятны и чужды. «Зачем давать право голоса читателям газет? Есть вопросы, которые под силу решать лишь избранным. Всеобщее среднее образование также вызывало недовольство. Но раз уж этого нельзя избежать, назначьте учителями отставных офицеров, они сумеют развить в душах учеников нужные ценности. Социализм для Трейчке был предательским заговором евреев, феминизм – незаконным отродьем еврейского социализма и еврейских женщин. Феминизм противоречит природе и угрожает патриархальной семье и воинской этике – истокам прусского величия. Как впоследствии будут утверждать нацисты, роль женщины состоит в том, чтобы рождать новых членов расы, заботиться о воинах и быть символом добрых чувств».

«Трейчке критиковал даже Бисмарка за то, что тот не объединил всех германцев в единую имперскую мировую державу

(*Weltmacht*). Народу, наделенному силой завоевывать и поглощать более слабые государства, само небо предписывает делать это. “Смелые народы растут – трусливые погибают”. Трейчке мечтал о дне, когда немецкий флот пойдет вверх по Темзе, а германская армия оккупирует Лондон… Если Австрия и Россия начнут войну, Германия должна поддержать Австрию [что она и сделала в 1914-м, развязав Первую мировую], так как расовый долг требует, чтобы германцы правили “низшими” славянами. В политике все решает сила. Война объединяет нации и воспитывает героизм, тогда как мир уродует личность и приводит к власти пошлые силы коммерции. Дело не в том, что сильный всегда прав, сила и *есть* право. Трейчке говорил, как мог бы сказать позднее Гитлер: “История – это лишь вечная борьба одной расы с другой”». Джон Вайсс назвал герра профессора «хриплым рупором казармы».

«Огромная популярность грубых упрощений Трейчке – это пример того, как расистская идеология позволяла многим представителям высшего класса Германии сводить комплексные социальные и моральные различия к расовым. Позже они принимали всерьез разглагольствования тех, кто в разгар социальных катастроф проповедовал расовую революцию и войну. Идеи Трейчке были воскрешены правыми радикалами в 1920-х, и он стал одним из немногих писателей XIX века, чьи работы попали в официальный нацистский список книг для обязательного чтения. Цитаты из Трейчке были в тех брошюрах, которые выдавались солдатам рейха во время Второй мировой войны»[73].

Теодор Фрич – еще одна влиятельная фигура времен всплеска немецкого национализма в период правления Вильгельма. Он также действовал политическими средствами, но предпочитал тайные пути, поэтому мы уже встречались с ним на этих страницах: именно он основал *Germanenorden*. Так или иначе, немецкий расизм был практически идентичен антисемитизму – евреи были главным чужеродным телом. Их часто сравнивали с бактериями или вирусами, внедрившимися в живое тело Народа. Ту же роль приписывали и цыганам, но в сравнении с численностью, экономическим и культурным влиянием евреев, они не представляли особой важности.

Фрич, который, «вероятно, являлся самым значительным расистом и антисемитом до Гитлера», был очень способным и продуктивным организатором. Мы помним, что он основал периодическое издание «*Der Hammer*», что привело к созданию на местах обществ Молота, которые в 1908 году объединились в *Reichshammerbund*. Чтобы противостоять предполагаемым тайным еврейским махинациям, Фрич, в дополнение к *Reichshammerbund*,

основал такой же тайный *Germanenorden*, ставший предшественником общества Туле.

Конечно, Трейчке и Фрич были не единственными расистами своего времени. Отклик, который они вызвали, показывает, что они являлись скорее симптомами, чем причинами этих умонастроений, которые нельзя назвать иначе, как «широко распространенными». Сознательными расистами были не только историки и литераторы: одним из самых мощных генераторов расизма в Германии до Первой мировой войны было общество *Alldeutsche Verein* или Пангерманский союз. Число его членов никогда не превышало четырех тысяч, однако пангерманцы были неким подобием масонов: лишь самые высокопоставленные и влиятельные люди могли вступить в их ряды. Историк Карл Лампрехт, советник канцлера Бетман-Гольвега, был пангерманцем. В это общество входил и знаменитый социолог Макс Вебер. Пангерманцами были Густав Штреземан, будущий министр иностранных дел, Людвиг Шеман, издатель работ Чемберлена, и множество банкиров, промышленников и политиков.

Зеботтендорф назвал Пангерманский союз «самым влиятельным фолькистским обществом предвоенного периода». Если бы он писал сегодня, возможно, он употребил бы термин «лобби». «На примере развития Пангерманского союза видно, как националистические, фолькистские и антисемитские круги объединяли свои усилия. Шло постепенное слияние расистского мышления с антисемитизмом, что находило выражение в националистической расистской политике» (Герман Гилбхард) [74]. Помимо того, что они были расистами безо всяких околичностей, пангерманцы стояли за объединение всех немцев в Великую Германскую империю или рейх, которому должны подчиниться все государства, находящиеся в сфере его влияния. «Военные цели» были их любимым детищем, усыновленным политической верхушкой и тандемом Людендорф—Гинденбург. Мы уже видели, что с подписанием Брестского мира эти цели были реализованы на востоке и едва не реализовались на западе, но тут военная фортуна повернулась к Германии спиной.

Еще одним пангерманцем был зоолог Эрнест Геккель (1834—1919). В наши дни его почти не знают за пределами Германии, но в свое время его работы переводились на множество языков и именно он учил немецкую нацию биологии. Тираж его книги *Die Welträtsel*, «Мировые загадки», за период с 1899 по 1933 год достиг 400 тысяч экземпляров. Геккель был одним из первых сторонников дарвинизма, который он популяризировал в своих работах. Он и сам был заметным ученым, причем

разносторонним: помимо биологии и зоологии его исследования охватывали другие дисциплины. Основой его мировоззрения был некий мистический пантеизм, постулирующий единство органического и неорганического царств, управляемых едиными физическими законами. Это позволило ему провести ряд новаторских исследований в пограничной области между жизнью и неживой материей. Он первым предположил, что клетка играет важную роль в вопросах наследственности – однако тогда в распоряжении науки не было инструментов, которые позволили бы ему исследовать этот вопрос более детально.

К нашему повествованию непосредственное отношение имеют теории Геккеля о человеческих расах, а именно, о родственной связи человека и обезьян, а также об иерархической структуре, которая, как он предполагал, существует внутри вида *Homo sapiens*. «Научное обоснование» этих откровений Геккеля и подобных ему ученых, к которым, затаив дыхание, прислушивались непосвященные, ограничивалось главным образом культурными, политическими и расовыми предрассудками. «Критерии [расовой иерархии Геккеля] были самыми расплывчатыми. Они касались типа волос, цвета кожи, формы черепа и ряда других биологических характеристик [которые впоследствии использовали расистские исследователи из *SS-Ahnenerbe*]; применялись и другие критерии – интеллектуальные, лингвистические, социальные и т. п. Классификация Геккеля – это таксономическая фантазия»[75].

Геккель пришел к выводу, что человечество состоит из тридцати шести рас и делится на двенадцать видов. Он составил генеалогическое дерево человечества, в котором все эти расы и виды были представлены в иерархическом порядке. Удивительно, что Геккель при построении индогерманской генеалогии поместил англосаксов рядом с южными немцами (*Hoch-Deutsche*) – по уровню развития они оказались чуть выше, чем северные немцы и голландцы. Негритянские же племена едва ли чем-то отличались от «человеко-обезьян». Как и большинство его современников, Геккель считал, что «духовное» различие, разделявшее высших и низших людей, было большим, чем разница между низшими людьми и человекообразными обезьянами.

«Геккель и ему подобные столкнулись бы с серьезными трудностями, попробуй они объяснить, в чем именно состоит эволюционный уровень, в соответствии с которым они классифицируют расы. Но сам этот вопрос просто не приходил им в голову», – пишет Пишо. «В действительности, они строили иерархию цивилизаций и затем переводили эту иерархию в план

биологии. Они считали, что цивилизация основана на наследственности, и первенство, присужденное Геккелем германцам и англосаксам, безусловно, базировалось на очевидном преимуществе в индустриальном развитии этих народов. Однако каким бы фантастическим ни был этот «эволюционный уровень», являвшийся критерием иерархического распределения рас, он прекрасно вписывался в контекст идеологии социального дарвинизма того времени – органически присущий ему расизм получал видимость научной обоснованности»[76].

Еще один сюрприз эволюционного дерева Геккеля состоит в том, что он, несмотря на то, что сам был убежденным пангерманцем, поместил семитов почти вровень с индо-германцами. Евреев ненавидели и боялись, но ими также тайно восхищались (в том числе и Гитлер) за их способность к выживанию, расовую чистоту и интеллект. Созданный христианством стереотип еврея был «вшит», впечатан в мышление людей. При жизни Геккеля эти привычки немецкого ума стали злобными и агрессивными – дело в том, что сам германский национализм озлобился и приобрел хищные повадки. Даже Трейчке одно время хотел дать евреям шанс влиться в нацию через обращение в христианство. Однако позже он стал воинствующим антисемитом и выдвинул лозунг: «Евреи – наша беда». Этому лозунгу суждена была долгая жизнь в следующих поколениях. По сравнению с ним, Эрнст Геккель держался умереннее.

Гобино и Вашер де Ляпуж

Одним из основателей современного расизма в Германии, впрочем, как и во всей Европе, является французский аристократ Жозеф де Гобино (1816—1882). Некоторые называют его «отцом расистской теории». Его слава зиждется главным образом на «Эссе о неравенстве человеческих рас». Эта фундаментальная работа вышла в четырех томах в 1853—1855 годах и десятилетиями оставалась незамеченной. «Лишь в 1894 году [то есть уже после смерти Гобино] была произведена серьезная попытка привить идеи Гобино в Германии», – пишет Джордж Моссе. «В этом году Людвиг Шеман основал общество Гобино, с тем чтобы отдать должное его имени и возродить его идеи в Германии и во Франции. Французское отделение не встретило достаточной поддержки и зачахло. Германское тоже не было особенно популярным, однако получило горячую поддержку

кружка Рихарда Вагнера, куда входил Шеман. Кроме того, Шеман, будучи членом правления пангерманцев, добился того, что расовую теорию поддержала и эта влиятельная консервативная группа. В результате подтвердились его собственные слова: “Лишь Германия способна воспринять Гобино и его идеи”»[77].

Версия, предложенная Моссе, нуждается в корректировке. Гобино был высокообразованным человеком и много путешествовал. Согласно Козиме Вагнер, он был принят в кружке ее мужа, Рихарда Вагнера, и «энтузиазм», с которым композитор воспринял его идеи, возместил Гобино равнодушие широкой публики. «Именно благодаря Вагнеру идеи этого француза легли в основу будущего арийского государства. Однако вскоре многие забыли, что истинной причиной того, что Гобино, равно как и Чемберлен, добился известности, был именно хозяин Байрейта»[78]. Иоахим Кёлер пишет, что общество Гобино, основанное Шеманом, родилось с благословения Козимы. Одним из ее друзей был Генрих Класс, председатель Пангерманского союза, куда входил и Шеман. Так разные нити вновь и вновь приводят нас к байрейтскому кружку, который, похоже, был самым активным тайным обществом, поддерживающим расизм и национализм, а также к богатым, влиятельным и вездесущим пангерманцам, которые, в свою очередь, поддерживали *Germanenorden*. Без поддержки этих трех силовых центров ничего значительного на расистско-нацоналистической германской сцене произойти не могло. Многим они руководили явно, например, капповским путчем, другое же осуществляли тайно: многочисленные секретные махинации и «физические устранения». Отсюда к Адольфу Гитлеру шла прямая дорога – он должен был стать послушным исполнителем их планов и плясать под их дудку.

Что же нашли они в Гобино, чье имя сейчас почти полностью забыто? Гобино первым «объяснил», что раса является определяющим и направляющим фактором эволюции человечества и что смешение чистой крови с нечистой – причина деградации рас. Его рассуждения предполагали историческое существование некой изначальной расы господ, с кровью, свободной от примесей. Немцам из упомянутых выше обществ с их мышлением, пропитанным фолькистскими идеями, особенно нравилось то, что Гобино был закоренелым реакционером и антимодернистом. Впрочем, он был писателем высокообразованным; оперируя множеством разнообразных аргументов и исторических фактов, он легко придавал своим тезисам правдоподобность. По времени его теории предшествовали дарвиновским – четыре тома «Эссе о неравенстве человеческих рас» вышли до публикации «Происхождения видов».

И все же «Гобино был не биологом, а писателем, и содержание его работы [вышеупомянутое “Эссе”] не вполне соответствует заглавию»[79]. Это был «дипломат невысокого ранга, который писал романы и эссе», «обеспечив себе прочное место в истории французской литературы такими произведениями, как “Плеяды”, “Сказания Азии”, “История персов” и “Ренессанс”». «Его “Эссе” и книга Дарвина схожи тем, что на них ссылаются куда чаще, чем читают… Расизм Гобино едва ли имел что-то общее с биологическим понятием расы. Его вдохновляла не классификация видов, но скорее некая иерархическая структура общества, даже мирового сообщества, подобная индийской кастовой структуре. Для того чтобы понять эту разновидность расизма, нужно рассматривать ее в контексте арийского мифа, связанного с Индией»[80]. Согласно Гобино, белая раса, обладающая высокоразвитой цивилизацией, очевидно, стоит выше других; более того, это единственная истинно цивилизованная раса. Черную расу едва ли удастся цивилизовать, а желтая находится где-то посередине.

Гобино, аристократа и ревностного католика, шокировали последствия Французской революции, титанических деяний Наполеона и индустриализации. Принципы Гобино основывались на старом порядке вещей. В этом безбожном веке, высшие идеалы которого – благосостояние и прогресс человечества, он, как и многие другие, чувствовал себя как рыба, вытащенная из воды. Поэтому Гобино был неисправимым пессимистом, а также – как и католическая церковь того времени – «чудовищно реакционным ретроградом».

Ясно, что Гобино никогда не смог бы согласиться с Дарвином. Он был католиком и по необходимости должен был довольствоваться историей об Адаме и Еве – он не мог обращаться к научным аргументам. У него не было никакого объяснения существования высшей расы или нескольких высших рас. Ведь если все чистокровные люди произошли от Адама и Евы, откуда было взяться нечистым загрязнителям?

Гобино, как и многие другие его современники, потерявшие ориентацию в меняющемся мире, не сомневался, что человечество медленно движется к гибели. Это неудивительно, если принять во внимание, какой катастрофой стала Французская революция для представителей старого режима, в особенности для аристократии и церковников – их система ценностей глубоко коренилась в религиозных, социальных и культурных структурах Средневековья. Новые философы-рационалисты больше не принимали слово божье на веру, а некоторые прямо критиковали священное писание или просто смеялись над ним. Но мир, в

основу которого легли принципы деистического, атеистического и материалистического модернизма, движется к гибели, поэтому люди, подобные Гобино, были антимодернистами не на жизнь, а на смерть. А если у человека есть глубокие убеждения, он всегда сумеет найти интеллектуальные, философские и «научные» аргументы для того, чтобы прикрыть их наготу.

Гобино не сомневался, что человечество деградирует, становясь аморфной массой животноподобных идиотов, и в конце концов вымрет. Это находится в явном противоречии с идеей создания Третьего рейха, руководимого чистокровной расой господ (*Herrenmenschen*), – со всем тем, что вдохновляло страну, чествовавшую этого француза как провозвестника нацистского мышления. Может быть, его и чествовали, но не изучали. Для того чтобы питать массовое движение, достаточно лозунгов. Зачастую интеллектуальная база, на которой партия основывает свою программу и оправдывает свои действия, состоит всего лишь из нескольких элементарных идей, кое-как сформулированных и связанных вместе. Нередко эти идеи противоречат друг другу. Хотя человек и является мыслящим существом, мышление само по себе для него тягостно – удивительно, до какой степени люди, даже получившие специальное образование, профессиональные мыслители, просто механически повторяют то, что сказали другие. Основные практические выводы из мировоззрения Гобино были диаметрально противоположны позиции нацистов. Несмотря на это, в своих расистских работах они будут благосклонно на него ссылаться.

Гитлер был «мыслителем-практиком» в том смысле, что из прочитанного он выбирал и запоминал лишь то, что укладывалось в своеобразную структуру его мышления – с тем, чтобы эти мысли были у него под рукой. Он делал это систематически и защищал этот путь обретения знаний в «Майн Кампф». На основании следующего пассажа из этой книги мы можем безошибочно заключить, что он слышал кое-что о Гобино: «Если люди утрачивают природные инстинкты и игнорируют свои обязанности перед Природой, то бесполезно надеяться, что Природа сама это исправит – во всяком случае до тех пор, пока люди не осознают эту потерю. Затем нужно будет восстанавливать утраченное. Но существует серьезная опасность, что люди, уже ослепшие в этом отношении, пойдут и дальше по пути разрушения межрасовых барьеров. В итоге они утратят то лучшее, что у них еще оставалось, и мы придем к однообразной мешанине – именно об этом, кажется, мечтают наши милые утописты. [Здесь Гитлер метит в демократов и социалистов.] Но эта расовая мешанина приведет к тому, что вскоре мир покинут

все высшие идеалы. Ведь мы получим огромное стадо. Можно будет заниматься разведением животных, но из этих ублюдков невозможно будет вывести человека, способного стать творцом и основателем цивилизаций. Миссия человечества потерпит крах»[81].

Самым главным загрязнителем крови в глазах Гитлера был, разумеется, еврей. («Он отравляет кровь другим, оставляя свою собственную неразбавленной».) В следующем параграфе из «Майн Кампф» – его цитируют особенно часто – слышится отчетливое эхо Гобино: «Если с помощью марксистской веры еврей добьется победы над народами всего мира, его царственным венцом станет гибель этого мира. Пустая Земля, уже без единого человеческого существа на поверхности, вновь будет миллионы лет бессмысленно блуждать в пространстве. Вечная Природа безжалостно мстит за попрание своих законов. И потому я верю, что сегодня я действую согласно плану всемогущего Творца: действуя против евреев, я спасаю творение Господа»[82].

Часто наряду с Гобино упоминается имя Вашера де Ляпужа. Как ни странно, Жорж Вашер де Ляпуж тоже был французом, виконтом и не был ученым. Моссе пишет, что «им восхищались в Германии», и это правда. Согласно Брондеру, он был «профессором в университете Монпелье» – а это уже заблуждение: в Монпелье он был помощником библиотекаря, а позже библиотекарем в Рене и Пуатье. Он изучал право, но никогда не был ни адвокатом, ни чиновником. Он предпочитал читать книги, приобрел огромную эрудицию, и его слава «свободного лектора» росла. Он стал автором эссе, таких как «Социальный отбор» (1896), «Фундаментальный закон антропосоциологии» (1897) и «Ариец – его особая роль» (1899).

Как Геккель и Гобино, Вашер де Ляпуж был убежден, что раса является фактором, определяющим развитие человечества и взаимоотношения между человеческими группами. Он тоже создал иерархию людских рас, конечно же, поместив арийцев на вершину. Теперь мы знаем, что вся эта расовая «наука» была крепко привязана к своему времени и опиралась на евроцентристское видение мира в эпоху колониализма. Как ни странно, Вашер де Ляпуж ставит на вершину своей расовой иерархии как «самый арийский народ на земле» не немца, а англосакса. «Британские острова – это почти единственное место, где мы можем видеть физический тип и крепкий характер первых жителей Европы». Пишо отмечает: «В те дни расовая теория могла возвеличивать как германских варваров, так и англосаксов с той же, если не с большей легкостью». И он цитирует Вашера де Ляпужа: «Превосходство янки [арийских корней], англичанина,

голландца или скандинава над французом, итальянцем и южноамериканцем следует не только из превосходства расы, но и из превосходства крови»[83].

«Фундамент великого будущего Британских островов заложило то, что там никогда не бывали брахицефалы», – вещает Вашер. Именно он привлек внимание ученых, занимавшихся расами, к различию между долихоцефалами – людьми с узкими продолговатыми черепами и брахицефалами – людьми с округлыми черепами. Это еще одна сумасбродная расовая классификация, которая породила кучу идиотской литературы, пестрящей специальными терминами, и привела к множеству страданий и гонений, обрушившихся на жертв расистов. «Главной чертой мышления [Вашера де Ляпужа] была озабоченность формой черепа. Он изучал, насколько долихоцефальной или брахицефальной является та или иная группа людей, и делал это всеми возможными способами. Одним из самых забавных примеров является его исследование связи формы черепа с использованием велосипеда. Он устанавливал эту связь на основании объема соответствующих налогов, которые платит население». Вашер заключил, что к новому изобретению (чем был тогда велосипед) длинные черепа проявляют большой интерес. Округлые же черепа никак на него не реагируют – они невосприимчивы и к любым другим формам прогресса. «Вашер де Ляпуж – автор очень неровный, местами ясный и пророческий, и вдруг опять просто смешной. Самая близкая к истине оценка его творчества состоит в том, что оно представляет собой очень удачную пародию на социобиологические идеи своего времени», – заключает Пишо.

«Абсолютный пессимизм» роднил Вашера с Гобино. Вашер также считал, что «окончательная катастрофа» и «исчезновение вида» неизбежны. Он писал: «Исследуя социальный отбор, неминуемо приходишь к абсолютно пессимистическим выводам. Будущее принадлежит не самому приспособленному, а, в лучшем случае, середняку. По мере развития цивилизации польза от естественного отбора превращается в проклятие человечества… Цивилизация постоянно мигрирует. В настоящее время она достигла европейского запада и северо-запада, но мы уже чувствуем, что жизнь Европы останавливается и что дни нашего мира сочтены. [Освальд Шпенглер уже готовился писать свой “Закат Европы”.] Ни одна раса не сможет устоять перед неотвратимым разложением… Мы являемся свидетелями последней стадии. Она будет продолжаться до тех пор, пока в расе присутствуют активные элементы. Когда эта стадия закончится, останутся лишь пассивные, какими бы длинными ни

были их черепа и какими бы светлыми – волосы. Человечество в смятении. Оно находится на пороге длинного периода потрясений, за которым различимо начало распада. Сумма знаний и материальных средств будет расти и дальше, но роста ценности человеческих существ уже не будет. В том светлом будущем, которое утописты сулили грядущим поколениям, будут жить лишь ничтожества, порождающие ничтожества еще большие»[84].

Чемберлен и Розенберг

«Я думаю, я не сильно преувеличу, если скажу – я слышал это от многих последователей Гитлера, – что Чемберлен был духовным основателем Третьего рейха»[85], – писал опытный журналист Вильям Ширер. Можно цитировать это с какими угодно оговорками, но нельзя усомниться в том, что влияние Хьюстона Чемберлена глубоко проникло в гитлеровскую Германию. Его книга «Основы девятнадцатого столетия» имела там «фантастический успех».

«К 1900 году существовало несколько соперничающих между собой расовых теорий, – пишет Джордж Моссе. – Бо́льшая их часть основывалась на аксиоме социального дарвинизма о “выживании самых приспособленных и развивалась, уточняя антропологические критерии”. И их авторы с оптимизмом смотрели на будущий курс мировой истории. Вместо того чтобы размышлять о неизбежности загрязнения рас и закате цивилизации, эти теоретики предпочитали говорить о новой развивающейся расе, которая спасет западную культуру и оставит на всем свой уникальный отпечаток. Самым значительным из них был Хьюстон Стюарт Чемберлен. В противоположность Гобино, Чемберлен занимался анализом цивилизации не потому, что был озабочен ее упадком – напротив, он страстно желал лучшего, более красивого расового будущего».

Как мы уже видели, Чемберлен был биологом по образованию, «особенно интересовавшимся патологией растений, и если бы не проблемы со здоровьем, он мог бы стать настоящим ученым. Вместо этого он стал радикальным мыслителем, слившим свою биологическую образованность с мистической любовью к природе и социальным дарвинизмом, что очень типично для того времени. Это превращение ученого в социального расиста было ускорено его знакомством с работами Рихарда Вагнера… Он снабдил новый романтизм [фолькистский и потому расистский] научной базой, придав его расовым

теориям научный пафос и цели»[86]. Слияние науки и мистицизма – довольно рискованное предприятие, в результате обычно страдает либо наука, либо мистицизм, либо и то и другое.

Согласно Чемберлену, «с одной стороны мы имеем немецкую науку, которая с предельной точностью измерила все то, что существует эмпирически, с другой стороны – немецкую религию, которая открыла перед немецкой душой бесконечные перспективы. В смысле относительной важности религия занимает первое место, так как лишь ей дано измерить истинную глубину сути вещей. И так как она действует в мире идей, она следит за тем, чтобы наука не выходила за положенные ей пределы. В то же время, она использует получаемый наукой эмпирический материал для помощи самой себе. Чемберлен уверял, что человек способен постичь смысл внешнего мира через свое внутреннее “я”, облаченное в мистический германизм»[87]. Отсюда прямая дорога ведет к официальным заявлениям нацистов (среди которых были и нобелевские лауреаты) о существовании истинной «немецкой науки» в противоположность ложной, «еврейской», олицетворяемой Альбертом Эйнштейном. Логические неувязки и просто бредовые утверждения такого рода не мешали немецким инженерам достичь удивительных высот в изобретательстве и рационализации производства. Это показывает, что работа инженера не нуждается в «идеологической поддержке». Однако именно «немецкая наука» поддерживала и «теорию мирового льда», и «теорию полой земли», и теорию расового превосходства арийцев. Нацизм – это фанатичный иррационализм, вооруженный инженерной технологией.

Хьюстон Чемберлен восхищался Гобино, однако, в противовес пессимизму этого француза, он выдвинул мировоззрение, полное величественного оптимизма. Как и многие его современники, в том числе Ницше, Чемберлен не мог примириться с происхождением человека от обезьяны. Это не помешало ему принять социальный дарвинизм – «что очень типично для радикальных мыслителей». Ведь раса – это пытающаяся воплотиться душа. Для этого ей нужна материальная форма, в которой важна составляющая крови. И поэтому расу можно исправлять, очищать и даже создавать «подходящим смешением кровей»[88]. Возможность выведения новых пород животных казалась Чемберлену убедительным подтверждением его точки зрения. Чемберлен ушел от проблемы происхождения существующих рас, в том числе арийской или тевтонской. Главное то, что нужную расу можно создать искусственным отбором – точка зрения, которую у него позаимствует Гитлер.

Чемберлен, без сомнения, был провидцем, кем-то вроде

рационального расистского мистика. (Ширер сообщает нам, что в процессе написания «Основ» Чемберлен «был одержим одним из своих “демонов”».) Расы – это духовные сущности, и составляющие их клетки-индивидуумы должны им служить и быть одной крови. Отсюда следовало, что расовый эгоизм не мог принять гуманистических и интернационалистических идеалов Просвещения. Другим следствием была святость тела твоей расы, являющейся прямым выражением воли Бога или вселенского Духа, или Природы. Тело расы нужно хранить в чистоте, что означает чистоту крови. Все чуждое и загрязняющее должно быть удалено.

«Чтобы доказать абсолютную природу расы, ее тотальность, вбирающую в себя как внутреннее, так и внешнее, Чемберлен опирался на науку. К концу XIX века, писал он, ни один ученый не может игнорировать тот факт, что внешняя форма, в которую облечен мозг, влияет на эстетические концепции, находящиеся внутри. Ведь всякое здание характеризуется материалами, из которых оно построено; они придают ему внешнюю форму и выражают собой “идеи”, лежащие в основе его создания». Далее Моссе рассказывает нам о том, как некий доктор Бургер-Виллинген создал инструмент, называемый *пластометр*, которым он «измерял географию человеческого лица и, таким образом, снимал слепок души человека». Разумеется, в результате этих научных измерений оказалось, что именно немцы являются благороднейшей расой на земле, спасителями мира, творцами и носителями высочайшей западной культуры.

«Физически арийцы воплощали германский идеал красоты; евреи же были их полной противоположностью. Символически – и вера в это углублялась со временем – они представляли собой противостояние Бога и дьявола… Бог, так сказать, воплотился в германской расе, а дьявол – в еврейской. Считалось, что чистых рас всего две, а между ними – “хаос народов”, выродившиеся помеси разнообразных рас»[89]. Ширер пишет: «Чемберлен утверждал, что тевтоны и евреи – это единственные чистые расы, оставшиеся на Западе». Но разве Чемберлен не был антисемитом? «Евреи, – пишет он, – не ниже тевтонов, они лишь отличны от них. Они не лишены своего величия – они осознали священную обязанность человека хранить чистоту расы. И несмотря на это, в своем анализе еврейской расы Чемберлен скатывается к тому самому вульгарному антисемитизму, который он критиковал в других и от которого было недалеко до непристойных карикатур на евреев Юлиуса Штрайхера, которые публиковались в гитлеровские времена. Определенно, немалая часть “философской” базы нацистского антисемитизма напрямую

вытекает из этой главы [о евреях в “Основах”]»[90]. По-видимому, быть германским расистом и не сползти в антисемитизм было невозможно.

Но как же Иисус Христос? Хотя германцев и «плохо крестили», они все же считали себя христианской нацией, в некотором смысле единственными *истинными* христианами, как поведал об этом миру Мартин Лютер. Но разве Иисус, основатель их веры, не был евреем? Чемберлен утверждал, что нет. В те времена, когда Иисус бродил по Галилее, та была населена нееврейскими племенами. У Христа «большая часть крови была нееврейской». И он добавляет: «Кто утверждает, что Иисус был евреем, тот либо дурак, либо лжец»[91]. На это нечего возразить, и этот неопровержимый аргумент приводили вслед за Чемберленом бесчисленные немецкие христиане. Сам же он лишь вторил тому, что говорил на этот счет Рихард Вагнер, который, в свою очередь, видимо, опирался на Шопенгауэра и Фихте. Немцы – это не просто чистейшие арийцы, они превосходят другие народы во всех областях, включая религию, и «являются куда более ревностными христианами, чем другие».

Гитлер тоже считал, что Христос не был евреем. «Христос был арийцем, – сказал он в одном из своих вечерних монологов. – Однако Павел извратил его учение, чтобы открыть дорогу темным силам и создать движение, явившееся предшественником большевизма»[92]. Как далеко могли заходить измышления на эту тему, показывает книга «Немецкий Христос» Макса Брюэра, вышедшая в 1907 году. «Известно, что как раз незадолго до рождения Христа в северной Италии появились армии из Шлезвиг-Гольштейна. Несмотря на их поражение, немецкая кровь не растворилась в римской полностью. Со времен Цезаря в низовьях Рейна римская кровь интенсивно смешивалась с немецкой. Утверждают, что телохранителями Пилата были солдаты из Нижней Германии. В любом случае, во времена, предшествующие рождению Христа, немецкая кровь вновь активизировалась в Галилее. И все, что Христос говорит о перевоплощении, словно вдохновлено кровью, воплотившейся в его теле»[93].

Другим почитателем Хьюстона Чемберлена был Альфред Розенберг (1893—1946), прибалтийский немец, бежавший от пожара русской революции и представленный Гитлеру Дитрихом Эккартом. Розенберг, бледный фанатичный интеллектуал, плохо вписывался в грубое и жестокое окружение Гитлера того времени. Его никто не любил, многие ненавидели и даже сам фюрер позже посмеивался над ним. И все же его влияние на Гитлера в ранние мюнхенские годы было более значительным, чем принято

считать. «Гитлер был просто очарован Розенбергом», – уверяет Эрнст Ганфштенгль, который считал его «опаснейшим ментором Гитлера»[94]. Именно Розенберг, ненавидя русских, внушил Гитлеру представления об их низменном характере и привлек его внимание к безбрежным русским просторам, словно ждущим захватчика. Он также постоянно уподоблял большевизм иудаизму.

Все тот же Розенберг, член общества Туле, будучи ярым антисемитом, активно распространял «Протоколы сионских мудрецов» и сотрудничал в нацистской газете «Фёлькишер Беобахтер», где сменил Эккарта на посту главного редактора в 1923 году. Он также издавал многочисленные работы, например, «Протоколы сионских мудрецов и мировая политика». Хотя Гитлер в частных разговорах порой и отзывался о нем язвительно, официально он по-прежнему относился с почтением к вкладу Розенберга в создание интеллектуальной базы национал-социализма, называя его «человеком, в чистоте личных намерений которого я полностью убежден»[95]. Он сделал Розенберга главным блюстителем национал-социалистической идеологии всего рейха, а позже назначил его генерал-губернатором оккупированных Восточных территорий.

Престиж Розенберга, помимо его предполагаемой близости к Гитлеру, прежде всего основывался на внушительном томе «Миф двадцатого столетия», который он опубликовал в 1930 году. Заглавие напоминает книгу Чемберлена «Основы девятнадцатого столетия», и это неспроста – Розенберг действительно хотел написать ее продолжение. «“Миф” Розенберга расходился изданиями в сотни тысяч, – пишет Альберт Шпеер. – В широких кругах эта книга считалась образцовым текстом по партийной идеологии, но Гитлер, во время разговоров за чаем, без обиняков называл ее “ерундой, которую все равно никто не поймет”, написанной “ограниченным прибалтийским немцем, мыслящим в чудовищно сложных терминах”. Действительно, книгу Розенберга читать еще труднее, чем “Майн Кампф”, и “Гитлер удивлялся, что подобная книга могла так хорошо продаваться”»[96].

Главный тезис Розенберга понять легко – он немногим отличается от тех, что мы уже встречали выше. История человечества точно так же представлялась ему историей борьбы рас, даже более масштабной, чем у его предшественников. Ему также было очевидно, что нордические арийско-германские народы стоят выше всех других и естественно заслуживают того, чтобы им поклонялись и подчинялись. И вновь Северная Европа – это «колыбель человечества»; ее корни восходят к Атлантиде, это «центр творения» и источник всех культур, в собственном смысле

этого слова.

Нордическая раса распространялась по миру в три фазы, тремя волнами. Конечно, источником была уже не Индия и не Ближний Восток, но север Европы. (Можно лишь развести руками от «евроцентризма» этих учителей.) Первой волной были индо-германцы. Расходясь веером по всему миру, они основали классические культуры. Затем, в первые века нашей эры, настал период миграций германских племен, положивший начало всем европейским государствам современности. Третьей волной стала «современная эпоха колонизации», которая стремится охватить весь земной шар[97].

Раса священна – конечно, если это нордическая раса; она является прямым выражением воли Творца и ей нужно религиозно поклоняться. Святая земля не в Палестине, она в Германии. Розенберг отстаивал деление мира на народы нордические и семитские, уделяя особое внимание евреям. Он углубил «деление между севером и югом», включив в понятие юга и восточные земли: ненависть этого эмигранта к России не утихала. Нордические расы владели миром в прошлом, им суждено то же и в ближайшем будущем. Их противники – евреи, христиане и большевики, единый враг в трех лицах. Ведь христианство выдумано Павлом из Тарса, оно проповедует любовь к ближнему с тем, чтобы ослабить народы и сделать их легкой добычей евреев. Большевизм же говорит об интернационализме и мировом братстве всех рабочих, что прямо противоречит теории борьбы рас. И разве не евреи стоят во главе всех социалистических и коммунистических революций?

Эти расистские темы нам хорошо знакомы, но теперь это уже часть национал-социалистического учения. С 1933 года они станут официальной доктриной нацистского государства, и Гитлер при первой возможности с предельной полнотой начнет воплощать их в жизнь. Он попытается построить из них нерушимый фундамент тысячелетнего рейха.

Расизм Гитлера

В «Майн Кампф» Гитлер писал: «Бессмысленно пытаться обсуждать вопрос о том, какая раса или расы первоначально были знаменосцами человеческой культуры и потому основателями того, что мы сегодня называем “человечеством”. Гораздо проще разобрать этот вопрос в его приложении к современности. Здесь ответ прост и ясен. Любое проявление человеческой культуры, каждое произведение искусства, все творения науки или техники,

которые мы сегодня видим перед собой, практически без исключений являются продуктом творческой силы арийцев»[98]. Ведь мы уже знаем, что арийцы были «прометеями» человечества. Тем не менее, это довольно странное заявление. Гитлер, главный расист, не считает нужным обсуждать вопрос о том, какие расы были «первыми знаменосцами человеческой культуры». На каком же основании он мог утверждать, что это были арийцы? Или, быть может, для него это утверждение было лишь политическим лозунгом, безосновательной псевдонаучной фантазией?

«Само собой, я понимаю не хуже этих педантов-интеллектуалов, что в научном смысле никаких рас не существует, – сказал однажды Гитлер Герману Раушнингу. – Но я политик, и мне была нужна концепция, с помощью которой я смог бы сломать современный порядок, держащийся на исторических взаимоотношениях, и навязать совершенно новый, антиисторический порядок, снабдив его некоей интеллектуальной поддержкой… Мне нужно освободить мир от его исторического прошлого. Нации – видимые силы нашей истории. Поэтому если моя цель – убрать хаотические рудименты исторического прошлого, потерявшие смысл, я должен суметь расплавить нации и отлить получившуюся материю в новые формы. Для этого я и использую концепцию расы. Она растворяет старое и делает возможным установление новых связей. С идеей нации Франция вынесла революцию за свои границы. С идеей расы национал-социализм произведет свою революцию, которая создаст новый мировой порядок»[99]. Здесь Гитлер опять видит в расе абстракцию, «концепцию», которой не требуется опоры в реальности – это лишь инструмент для создания нового миропорядка из обломков наций. Кем были эти не названные Раушнингом «интеллектуалы»? Быть может, лингвисты, которые указали на то, что выводить существование некой арийской расы из факта существования общего арийского языка логически ошибочно.

Гитлер же, чего до поры не знали даже самые верные его паладины, лелеял мечту о мировом господстве. У него было лишь несколько лет, чтобы заложить фундамент нового мирового порядка. Именно с этой целью он был послан в гущу немецкого народа, бессознательно подготовленного историей для того, чтобы служить его инструментом. И раз он оказался в этой ситуации, ему надлежало взять на вооружение фолькистские мифы, которыми этот народ объяснял свое право на существование и свое прошлое. Сам же Гитлер, хотя и был великим мечтателем, понимал, насколько иллюзорны и наивны эти легенды и мифы. Он не мог просто отринуть их, ведь его

собственное движение считало себя движением фолькистским, а приоткрой он свои заветные мысли – его сочли бы сумасшедшим. Более того, человеку невозможно за краткий отрезок жизни самому сотворить новый миф и создать на его основе политическое движение.

Этим объясняется противоречивое отношение Гитлера к фолькистскому миропониманию: публично он поддерживал его, и в то же время в узком кругу он порой смеялся над ним и даже открыто критиковал некоторые выводимые из него следствия. «Совсем не случайно, составляя детальную программу нового движения, мы исключили слово “фолькистский”. Концепция, которую определяет это слово, не может служить основой движения, так как выводимые из нее практические следствия слишком расплывчаты», – вежливо пишет Гитлер в «Майн Кампф». «Слово «фолькистский» не несет в себе ясно очерченной идеи». И затем более прямо: «Не менее опасны эти полуфолькисты, суетящиеся здесь и там, сочиняющие фантастические проекты, единственной основой которых является какая-нибудь идея фикс [тогда в Германии было немало таких людей, и Гитлер был одним из них]. Быть может, эта идея сама по себе и верна, но, поскольку это лишь изолированная мысль, она абсолютно бесполезна для создания монолитного боевого движения и никоим образом не может служить основой для его организации»[100]. А именно в такое движение Гитлер хотел превратить немецкий народ: в хорошо организованное, снабженное всем необходимым, идеологически подготовленное орудие для реализации его видения.

Фолькистским лидером нацистов был Генрих Гиммлер. Гиммлер считал свое СС, созданное из лучших представителей и одновременно хранителей народа, воплощением фолькистских идеалов своей юности. Он надеялся однажды заложить СС-государство, основанное на этих идеалах. Гитлер умел прекрасно манипулировать Гиммлером, однако не раз делал его мишенью своего сарказма. Вот один из примеров (из разговора со Шпеером): «Зачем привлекать внимание всего мира к тому, что у нас нет прошлого? Как будто не достаточно того, что римляне возводили великие монументы, в то время как наши предки все еще жили в мазанках! Теперь Гиммлер раскапывает эти глиняные деревни и приходит в восторг от каждого черепка или каменного топора. Единственное, что мы этим доказываем, так это то, что мы бросались каменными топорами и сидели на корточках вокруг костров, когда Греция и Рим уже достигли величайшей степени культуры. О таком прошлом лучше помолчать. Вместо этого Гиммлер создает вокруг шумиху. Должно быть, современных

римлян эти открытия очень веселят»[101]. Они действительно смеялись – и Муссолини громче всех.

Гитлер прекрасно понимал, что знания «педантичных интеллектуалов» о германских племенах не идут в прошлое дальше одного или двух столетий до нашей эры, и что бесчисленные контакты и смешение с другими расами имели место и до того, и после. В основном это расовое смешение происходило в районах, которые тевтонские рыцари постоянно отвоевывали у славян, – население этих территорий подвергалось германизации и христианизации.

Пруссы, практически идентичные современной немецкой нации, изначально были славянским племенем. «Тевтонские рыцари, рыскавшие по балтийскому побережью, убивая всех на своем пути, практически уничтожили местное население. Построив замки, форты и города, они обратили оставшихся жителей в христианство, сделали их крепостными и стали правителями этих земель»[102]. «Половина территории немецкого рейха первоначально была славянской, – пишет Христиан фон Кроков. – То, что в итоге стало немецкой нацией, образовалось из слияния германских и славянских племен»[103]. В разговоре с Раушнингом Гитлер упоминал об опасности, которая грозит немецкому народу из-за того, что он содержит в себе слишком высокий процент славянского элемента. Это меняет характер народа, говорил он. «В наших жилах и так слишком много славянской крови. Вас не поражало, что в Германии столько людей на важных государственных постах носят славянские имена?»[104]

Внешность самого Гитлера, как и большинства немцев, плохо согласовывалась с арийскими нормами. Через австрийский Вальдфиртель, область, из которой он был родом, много раз проходили племена с востока и запада. Неизвестно, кто был его дедом с отцовской стороны. До 1933 года в левой прессе вовсю издевались над его «ярко выраженной неарийской внешностью», в особенности доставалось его мясистому носу[105]. Пустота арийского мифа Третьего рейха бросалась в глаза, стоило лишь взглянуть на его руководителей: Геринг был толстяком и наркоманом, Геббельс – низкорослым, косолапым и большеголовым, у Гиммлера было монголоидное лицо, у Гесса – густые темные брови и торчащие вперед зубы, Борман же был крепышом с круглым черепом. В самом Гитлере мы не находим ни светлых волос, ни высокого роста, ни крепкого телосложения, ни удлиненного черепа; правда, говорят, у него были голубые глаза. О неарийском внешнем виде вождей ходила масса анекдотов. Многие шутники оказались в концентрационных

лагерях.

На практике Народ и раса (*Volk und Rasse*) были идентичны, и Гитлер следил за тем, чтобы их определения не шли вразрез с его намерениями и не беспокоили бы без нужды фолькистских романтиков. «Раса – это то, чем мы должны стать, во всяком случае, сознательно», – вот одна из самых содержательных формулировок, записанная Генри Пикером в его «Застольных беседах»[106]. Опять-таки заметно, что Гитлер опускает великое арийско-нордическо-германское прошлое. Кем же были для Гитлера его современники немцы, эта гордость человечества, этот пуп земли? Как ни странно, это «порченый» народ. «Наша порода была так разбавлена примесью чуждых элементов, что евреи, борясь за власть, могут использовать более или менее “космополитические” круги, существующие в нашей среде, круги, вдохновленные пацифистской или интернационалистической идеологией». Мы знаем, что Гитлер соглашался с Гобино: «Разбавление крови и следующий за этим расовый упадок являются единственными реальными причинами гибели древних цивилизаций. Народ никогда не погибает от войн – он гибнет от потери силы к сопротивлению, которая присуща лишь расе с чистой кровью… Арийцы не позаботились о том, чтобы их собственная порода оставалась свободной от примесей, и поэтому потеряли право жить в раю, созданном ими самими».

Немцы, как и всякая другая раса на земле, пренебрегли обязанностью хранить свою кровь в чистоте. «К сожалению, национальное существо Германии не основано на однородном расовом типе. Однако процесс слияния разнородных элементов не зашел еще достаточно далеко, и мы не можем сказать, что появилась новая раса. Тем не менее, тот яд, что вливался в тело народа, в особенности после Тридцатилетней войны, нарушил однородность не только крови, но и души нашей нации. Открытые границы нашей родины, тесная связь с негерманскими чуждыми элементами, жившими вдоль этих границ, и, в особенности, постоянное вливание крови в сам рейх препятствовали полной ассимиляции этих элементов – ведь этот поток шел, не переставая. Из этого плавильного котла не вышла новая раса. Разнородные элементы существовали бок о бок… Кроме нордического типа мы видим восточноевропейский, кроме восточного – балканский, с обоими смешивается западный тип и множество промежуточных гибридов».

В случае любого другого народа эта ситуация должна была бы привести к торжеству полукровки и, в конечном счете, к вымиранию человечества – в полном согласии с идеями Гобино. Однако немцы – разве могло быть иначе? – являются

исключением. Гитлер описывает ситуацию так: «С одной стороны, то, что наши расовые элементы не смогли сплавиться воедино и создать единое народное тело, может быть недостатком, с другой – нам повезло, так как, по крайней мере, часть нашей лучшей крови осталась незагрязненной и качество ее расовой чистоты не пострадало». Он не объясняет, как произошло это чудо. «Полная ассимиляция так и не произошла, и польза от этого в том, что даже сейчас внутри организма нашей нации мы имеем большие группы нордического немецкого народа, чья кровь не смешивалась с кровью других рас»[107]. Эти положения станут основными догматами нацистского государства. Но это лишь фикции – псевдоисторические заявления, состряпанные с тем, чтобы продемонстрировать превосходство Германии как расы, как народа и как нации.

Но если возможность воссоздать германскую расу все еще существует, то сколько времени это может занять? В «Майн Кампф» Гитлер рисует довольно мрачные перспективы этого восстановительного процесса, который, между тем, был главной задачей национал-социалистической организации – ведь от него зависело выполнение всех остальных целей. «Посмотрите на то, что творится с нашим народом, на его ежедневные страдания, которые являются результатом его загрязнения еврейской кровью. Имейте в виду, эта ядовитая примесь может быть извлечена из тела нации лишь в течение столетий, а может быть и никогда. [!] Задумайтесь и над тем, как этот процесс национального распада портит, а в некоторых случаях даже полностью разрушает фундаментальные арийские качества немецкого народа, в результате чего его культурная созидательная сила постепенно слабеет. И есть опасность, во всяком случае, в больших городах, что мы можем скатиться до уровня сегодняшней Южной Италии. Сотни тысяч моих соотечественников смотрят сквозь пальцы на то, как евреи систематически портят кровь нашего народа».

Гитлер написал и следующие слова, которые можно считать кратким сводом всех его идей по расовому вопросу: «И поэтому мы можем принять следующий принцип: всякое смешение рас ведет в итоге к падению получившейся помеси при условии, что высшая прослойка в этой расовой смеси не сумеет сохранить достаточную расовую однородность. Опасность, которая грозит этому гибриду [чем и стал к моменту написания этих слов немецкий народ], может отступить лишь в том случае, если этот высший слой, который скрещивался главным образом внутри себя, отступит от стандартов расовой чистоты и начнет передавать свою кровь гибриду. Этот принцип лежит в основе медленной, но верной регенерации. Весь яд, влившийся в тело

нации, может быть постепенно исключен при условии, что чистые элементы расы, не вступавшие в скрещивания, сохранятся. Есть лишь одно священное право, которое в то же время является и святой обязанностью. Это право и обязанность заключаются в следующем: нужно хранить чистоту расовой крови, с тем чтобы сохранились лучшие типы человеческих существ. Таким образом станет возможным более благородное развитие самого человечества… Государство должно сделать институт материнства священным, а смысл этого института состоит в том, чтобы производить на свет существ, подобных Господу, а не монстров, являющихся помесью человека и обезьяны»[108].

«Даже если докажут, что арийской расы никогда не существовало, мы желаем, чтобы она появилась в будущем. Для человека действия важно лишь это»[109]. Это слова не Гитлера, а Хьюстона Чемберлена, и они еще раз показывают, что на Гитлере действительно сходились силовые линии немецкой мысли. Какими бы сухими, абстрактными и скучными ни показались вышеприведенные цитаты, государственная доктрина нацистского государства была выработана именно на их основе. Она была сформулирована в виде директив СС, оправдывала теории и эксперименты нацистской псевдонауки и привела в итоге к грудам трупов, которые бульдозерами зарывали в ямы в Бухенвальде и других лагерях смерти. С точки зрения логики, убеждения Гитлера были полным вздором, но они были действенными и смертоносными. Действенность придала им невротическая гордость народа, а смертоносными их сделало безусловное подчинение «гению», оказавшемуся архангелом Смерти.

9. Фолькистское движение

В политике больше мифов и аллегорий, чем рационального.

Мишель Винок

Нужно постоянно помнить: именно эти фантазии и принимались всерьез.

Джордж Моссе

Мы встречали слово «фолькистский» уже не раз и обнаружили, что оно напрямую связано с такими терминами, как раса, народ и нация, хотя и не является их синонимом. Джон Вайсс пишет, что «*volkist*», так он передает слово *völkisch* на английском, «является термином, производным от немецкого *Volk*, народ[11] , и означает племенное кровное родство, причем идея общечеловеческой природы ему совершенно чужда. По силе веры это сродни религии; у фолькистов нет аналогов в других западных народах»[110].

В своем известном эссе «Кризис немецкой идеологии» Джордж Моссе уделяет много внимания анализу фолькистского движения. Он пишет: «*Volk* значит больше, чем просто “народ”. Со времен рождения немецкого романтизма, то есть с конца XVIII века, это слово обозначало единство группы людей с некой трансцендентной “сущностью”. Эта сущность могла называться “природа”, “космос”, “миф”, но в любом случае она сливалась с глубинной природой человека; из нее исходило его творчество, она придавала глубину его чувствам, была источником его индивидуальности и его единения с другими членами Народа (*Volk*). Главным элементом здесь является связь души человека с его естественным окружением, с “сутью” природы»[111].

Герман Гилбхард видит это так: «В глубине идеи фолькизма лежит представление о том, что верховная сущность, *Volk*, стоит над государством, она предваряет его во времени и превосходит его. В любом случае, священным является лишь *Volk*, а не государство или общество. Словарь Брокгауза [авторитетный немецкий словарь] определяет концепцию, содержащуюся в слове “фёлькиш”, которая после событий 1918 года стала широко распространенной политической идеей, следующим образом:

“Немецкая форма слова “национальный”, причем этому национализму придается смысл, основывающийся на идее расы, что придает ему явно антисемитский характер”».[112]

Обычно *Volk* объединяется языком, который многие лингвисты, а также верующие фолькисты считали священным «языком-прародителем», способным если не породить *Volk*, то, во всяком случае, объединить его. Большинство немецких писателей и философов, упомянутых выше, пели своему языку дифирамбы, а некоторые даже заявляли, что именно на этом языке говорил Адам. Гитлер же утверждал в «Майн Кампф»: «Создает народ или, точнее, расу не язык, а кровь». Как бы то ни было, Великий Германский рейх должен был включить в свои границы все германские или германоязычные народы, будь то голландцы, фламандцы, скандинавы, эльзасцы или швейцарцы. Как мы уже видели, раса, а тем более, кровь – понятия весьма расплывчатые, не менее расплывчатой идеей был и *Volk*. Но установить, на каком языке говорит та или иная группа людей, легко – на практике именно это и определяло, кто, собственно, войдет в немецкий *Volk*.

В ходе своей карьеры Гитлер часто жонглировал словами *Volk*, раса, государство, нация, используя их по вдохновению и наитию. «Слово “фолькистский” не несет в себе четко определенной идеи», – читаем мы в «Майн Кампф». Это «расплывчатая концепция», которую «каждый понимает как ему вздумается». Однако мы знаем, что он не мог обойтись без множества последователей фолькизма – именно оттуда он вербовал своих людей, – а для них эта идея ассоциировалась с прошлым и будущим Германии, с величием ее народа и государства. Поэтому через несколько страниц нам попадается: «Фолькистская концепция этого мира находится в глубоком согласии с волей Природы, поскольку она восстанавливает свободную игру природных сил, ведущих расу путем постоянного взаимообучения к высшему типу. В результате этого лучшая часть человечества овладеет землей, сможет свободно работать в любой области этого мира и даже достичь сфер, лежащих за пределами земли. [?] Все мы чувствуем, что в будущем человечество встретится с проблемами, которые может разрешить лишь высшая раса человеческих существ, раса, которая будет владеть всеми другими народами земли и распоряжаться всеми ресурсами мира».

«По контрасту с Гиммлером, Гитлер был очень скрытным во всем, что касалось его эзотерических и мифологических воззрений, – пишет Рюдигер Зюннер. – Это говорит больше о его тактическом мастерстве, чем о действительном мировоззрении,

которое было каким угодно, но не рациональным… Он порой делал выпады против германского культа Гиммлера или оккультных фолькистских организаций, которые ясно показывают, что он осуждал их оторванность от земных реалий. Но он вовсе не нападал на идеи, лежащие в их основе. Помимо этого, Гитлер был очень осмотрителен во всем, что касалось его личных верований, и всегда умел приспособить свои слова к мнениям слушателей. Если же заглянуть в его высказывания глубже, за идеологическим фасадом можно различить мифологический фундамент, без которого эта пресловутая миссия ариев так и осталась бы непонятной. Важную роль во всем этом играли часто встречавшиеся в его изречениях христианские апокалиптические элементы, а также нордические легенды, саги и символы»[113].

Несомненно, саги и легенды о германском прошлом всегда завораживали Гитлера, даже в его блеклые венские годы – мы знаем об этом от Августа Кубицека. Возможно, самым значимым элементом его видения и миссии был мифологический мир, созданный Рихардом Вагнером. Сопоставляя друг с другом его нападки на учение фолькизма и одновременно важность для него отдельных элементов этого учения, мы неизбежно приходим к выводу, что в основе этих внешне противоречивых проявлений лежало нечто иное, фундаментальное, о чем он не говорил напрямую – в отношении чего он был «очень скрытен», по словам Зюннера, – нечто крайне важное для понимания Гитлера. Позже мы еще вернемся к этому. На данный момент нам придется удовлетвориться заключением Моссе, что «фолькистские мыслители, по мнению Гитлера, не могли оперативно реагировать на «действительное» развитие политической ситуации… Фактически, их мировоззрение, вместо того чтобы предсказывать возможные направления развития, вело их к оторванности от реальных событий… Именно гений Адольфа Гитлера сумел превратить фолькистов, бегущих от действительности, в дисциплинированную и эффективную политическую организацию»[114].

Фолькистский романтизм

О важности фолькистского движения можно судить как по разнообразию форм, с помощью которых оно адаптировалось ко всем аспектам немецкой жизни, так и по числу его сторонников. Это движение было народным, во всех смыслах слова. Оно находило поддержку в долговременной популярности

произведений великих романтиков: Гердера, Гёте, Шиллера, Новалиса и других. Великое, по общему мнению, прошлое, глубокая связь с природой заповедных мест и мест доисторических памятников, связь со своей глубинной душой, сливающейся с душой Народа, единение с природными силами, которые в действительности были силами богов, казавшихся давно умершими и забытыми, но в действительности весьма и весьма живыми, – все эти романтические темы вновь стали актуальными и первостепенно важными. Причиной этому был усиливавшийся конфликт с городским образом жизни Запада. Период «нового романтизма» в точности совпадал по времени с великим переворотом и обновлением интеллектуальной жизни Европы, начавшимся примерно в 1880 году.

«Помимо орденов, основанных Листом и Ланцем, словно из-под земли появлялись десятки других эзотерическо-фолькистских групп, заполнивших религиозный и интеллектуальный вакуум… чем-то вроде тайного подпольного движения, – пишет Зюннер. – Вслед за неогерманцами явились независимые религиозные движения, ассоциации вегетарианцев, нудистов, патриотов, а также теософские и антропологические кружки. “Перелетные птицы” (*Wandervogel*, что можно перевести и как “Птицы перехода (из одного состояния в другое)”) также были составной частью этой массы людей, ищущих смысла. Эти движения постепенно эволюционировали от романтизма и мистического единения с природой ко все более явственному идеологическому радикализму. В результате молодые люди практически безо всякого трения переходили из этих групп в молодежные организации национал-социалистов… Сами названия этих организаций выдают направление их будущего развития». Зюннер приводит несколько примеров: Братство Мидгард [Мидгард – в скандинавской мифологии сад в центре мира], Молодые германцы, Готы, Орден молодых германцев, Нордическое племя, Лига преданности возвышенной жизни, Друзья света, Викинги, Орел и Коршун, Буревестник и тому подобные[115].

Все эти группы преданных и, в большинстве своем, молодых людей – нацистское движение тоже называли молодежным – отворачивались от настоящего, стремясь найти утешение в прошлом. Подобные движения были и в других странах, но нигде они не достигали такой массовости и силы. Удивительно, что Германия в период неслыханного экономического и материального развития в своем внутреннем сознании обратилась спиной к современному, прогрессивному миру – она считала себя выше его и не могла с ним отождествиться. Принимая во внимание размах этого своеобразного движения,

охватившего целую нацию, которая в недалеком будущем обретет все необходимое для мира и войны, нетрудно увидеть неизбежность столкновения с нациями-соперницами – что и произошло летом 1914 года. Более того, «возвращение к прошлому входит в программу всех националистов, свое политическое будущее они видят в оживлении мифа» (Майкл Лей[116]). Действительно, несколько предыдущих глав показали нам Германию, которая брала на себя ответственность за будущее этого мира – она должна править им и вести его по верному пути (чего можно было добиться лишь серией вооруженных конфликтов).

Подобные соображения вызвали саркастическое замечание Майкла Бурлейгха, писавшего, что Германия «смело шагала в будущее в поисках призрачного прошлого»[117]. Фолькер Мёрсбергер, описывая переход Веймара – города Гете, Шиллера и Ницше, символа немецкой культуры – на сторону нацистов, цитирует одного историка, который пишет, что фолькистское движение, достигшее своей кульминации в нацизме, «воссоздавало прошлое, покрытое в коллективной памяти немцев великолепной позолотой»[118]. Удивительно, как много образованных и культурных интеллектуалов, увлеченных духом Народа, видели в этом, большей частью воображаемом, прошлом земной рай. Между тем в их распоряжении были исторические источники, демонстрировавшие нечто совершенно противоположное. Человеческий вид, неуверенный и запуганный, видит в будущем постоянную угрозу. Настоящее для него – проблема, которую нужно постоянно решать. Лишь прошлое, по мере своего отдаления, все больше покрывается позолотой.

«О средние века, что за благодатное время, когда все изучалось под руководством мастеров!» – восторгался Поль де Лагард[119]. Можно продолжить за него: когда рыцари в сверкающих латах, в тесноте и постоянном сквозняке своих замков умирали от самых обычных болезней, так как современные методы лечения были неизвестны, а большинство населения были крепостными, влачившими жалкое существование. Особое восхищение молодежи вызывали братства воинствующих монахов, в особенности тамплиеры и тевтонские рыцари – беззаветно посвятившие свою жизнь служению идеалу. Любители старых времен обычно отводят себе самые величественные роли, вдали от смрада гниения, страдания и смерти.

Время викингов прославляли не меньше. Правда, они были не немцами, а датчанами, норвежцами или шведами. Этим бандам грабителей, искателям приключений в длинных челнах их

фолькистские почитатели приписали роль завоевателей и распространителей культуры. Действительно, История, вопреки им самим, нашла применение авантюрному духу викингов. Именно они, став франкоговорящими норманнами, выиграли битву при Гастингсе в 1066 году и завоевали Англию. Именно они, поселившись на юге Италии, приняли участие в Первом Крестовом походе под руководством короля Богемунда. А спустившись на юг по великим русским рекам, они торговали в Киеве и даже составили элитную дворцовую гвардию константинопольского императора.

«Немец в исторической действительности – не более чем фикция», – говорит Клаус фон Зее[120]. Были ли Нибелунги немцами? Брунгильда была «с севера», вероятно, из Исландии, Зигфрид – из Ксантена, сейчас это Нидерланды, добрый король Гюнтер и его рыцари были бургундами, а Кримхильда вышла замуж за гунна Атиллу. Несмотря на это, *Nibelungen Treue*, легендарная верность Нибелунгов, станет самой прославляемой немецкой добродетелью, а Гиммлер на рукавах своей СС вышьет: *Meine Ehre heisst Treue* – «Честь значит для меня верность», верность до самой смерти.

Двигаясь по реке времени назад, к истокам основных германских мифов, мы опять приходим к херуску Арминию, знаменитому германцу, уничтожившему в 9 году н.э. три римских легиона. Отношение фолькистов к римлянам оставалось неоднозначным. Без сомнения, эти наследники греческой культуры были цивилизованным народом. С другой стороны, это были «южане», стремившиеся завоевать германцев, которые в этом случае оказались бы отрезанными от своих расовых корней и превратились бы в бастардов со смешанной кровью. Цитируя Фихте: «Если бы римлянам удалось подчинить себе германцев и уничтожить их как нацию [чего им сделать не удалось], тогда все последующее развитие человечества приняло бы другое, вероятно, менее благоприятное направление»[121]. И разве не римляне позволили еврейскому христианству подорвать свою силу изнутри – упущение, которое привело империю к краху?

Древних греков уважали больше, чем римлян. Не только из-за того, что они никогда не сталкивались с германскими племенами, дело в самой греческой культуре. Оставаясь практичной и беспорочной, она была, очевидно, уровнем выше цивилизации римлян, которые столько заимствовали у греков. Впрочем, греки, равно как и римляне, были германских кровей. Действительно, простейшая логика покажет вам, что раз вся высшая культура изначально происходила от арийцев, то культурные народы – римляне и греки – должны быть арийской крови. А арийский

значит то же, что и германский. Гитлер, заимствовавший идеи из фолькистской традиции, когда они его устраивали или когда ничего другого в голову не приходило, был того же мнения. «Под греками он подразумевал дорийцев. Конечно, его точка зрения сформировалась под влиянием теории того времени, согласно которой племя дорийцев, мигрировавшее на территорию Греции с севера, было германского происхождения. Отсюда следовало, что и греческая культура не была по сути средиземноморской»[122]. «Если нас спросят, кто наши предки, мы всегда должны указывать на греков», – говорил Гитлер[123].

Все, что принадлежало этому прошлому – великому, но, увы, фиктивному, – было достойно восхищения фолькистов. Руны, использовавшиеся со II века н.э. до конца средних веков, к которым внимание фолькистов привлек Гвидо фон Лист, активно изучались как символы и священные знаки власти. Самой (бес)славной стала двойная руна «зиг», которую СС носило на лацканах своей формы. Почетное кольцо СС, созданное другом Гиммлера магом Вайстгором, также было покрыто руническими символами. «Ученые, исследующие доисторические времена, в целом согласны с тем, что руны, помимо их фонетической роли и использования на письме, играли и роль символов: их использовали в гадании, бросании жребиев, магических заклинаниях, а также при изготовлении амулетов и талисманов»[124]. Для последователей фолькистского движения руны стали священным алфавитом, символами посвященных.

Всему, что сохранилось с древних времен, а также всему, предположительно связанному с этими временами, приписывался сакральный смысл. Бывшие священные места, такие как Экстерн Рокс, стали местами паломничества и неоязыческих обрядов. «Гуляя по немецким полям, поросшим вереском, где так остро чувствуется одиночество, ты останавливаешься перед руинами погребений твоих предков. И внезапно ты слышишь шепот, горячие, искренние слова о твоих отцах, о Немец! Эти слова звучат в твоей душе, и ты понимаешь их, понимаешь этот тихий голос жизни, давно прошедшей, но вечно возрождающейся… Имена и картины встают из глубин истории, из мира легенд, и ты вновь прозреваешь их глубинный смысл!» – Зюннер цитирует здесь один фолькистский журнал, *Nordland*.

«Такие пассажи – не редкость в книгах и периодике Третьего рейха, – продолжает Зюннер. – Речь шла о том, чтобы постепенно заменить христианские молитвы и посещение церкви новой верой и «германскими храмами». СС особенно старались придать древним мегалитическим захоронениям статус «святилищ из камня» и «домов вечности»… Шесть тысяч лет назад, пишет

журнал СС *Das Schwarze Korps*, люди водрузили друг на друга многотонные глыбы, «чтобы поведать потомкам в грядущих веках о своей далекой эпохе и о величии ее народа. Череда наследников древнего величия, величия, передававшегося с кровью от отца к сыну, преемственность нордических вождей от тысячелетия к тысячелетию нашла в этих древних семейных гробницах – чем и являлись эти грандиозные мегалиты севера – свое самое значимое символическое выражение. В незапамятные времена грандиозным напряжением человеческих сил из материалов, рожденных самой землей, предоставленных природой, возводились эти мегалиты, с тем чтобы стоять веками и поведать нам о заре истории – о первых поколениях вождей, руководивших народами».

Эти заявления Зюннер комментирует так: «Даже сегодня о так называемой мегалитической культуре, чьи дольмены, кромлехи и погребальные курганы воздвигались по всей Европе около 4000 лет до н.э., нам известно очень мало. По всей видимости, это памятники цивилизации, которая еще до египетских пирамид владела немалыми техническими и астрономическими знаниями. К этой культуре относятся не только Стоунхендж в Англии и Ньюгрендж в Ирландии, но и сходные мегалитические сооружения в Испании, Португалии и на Мальте. Эксперты до сих пор спорят, сформировалась ли она сначала на северо-востоке Европы, а затем распространялась на запад, или наоборот… Крайне маловероятно, что есть какая-то связь между этими каменными памятниками и ранней историей германских племен»[125].

Назад к природе

Природа – это храм; ее красота, гармония и величие позволяют каждому найти связь и с Ним, и со своей сокровенной душой. Природа безвременна и помогает превзойти время. В природе всё является видимым выражением жизненных сил, здесь можно отдохнуть от безумия, искусственности и гнета современных городов. Романтизм был гимном природе, примиряющим человека со страданием и смертью. К природе обратился и не желающий уступить напору современной жизни «новый романтизм». «В нашем поколении многие искали контакта с природой, – писал Альберт Шпеер, выросший в удушливо консервативной семье из верхней прослойки среднего класса. – Это был не просто романтический протест против ограниченности жизни среднего класса. Мы также бежали от требований мира, который становился все сложнее. Мы

чувствовали, что окружающий мир вышел из равновесия. На природе, в горах, в долинах рек еще можно было почувствовать гармонию творения. Нас звали дикие горы, прекрасные долины»[126].

Иоахим Фест, написавший, помимо биографии Гитлера, и биографию Шпеера, замечает на это: «Любовь к природе оказала на него даже большее влияние [чем романтическая литература]. Горные походы, в которые он ходил со своей будущей женой, путешествия на каноэ были – говорил он позже – видом “блаженства”. Блаженством была простая жизнь в горных хижинах, в домах около реки, блаженство несли часы молчаливой гармонии и красота окружающей природы. Остальной мир был далеко. На горных вершинах он переживал незабываемые моменты, испытывая жалость к “несчастным людям” внизу, под покровом облаков, угнетенным теснотой, шумом и суетой города. Это было характерной чертой “молодежи военной поры”, бегущей от действительности… Такое отвержение реальности было не просто субъективным импульсом, но общим настроением того времени»[127].

Девятнадцатый век был веком буржуазии. Идеалы французской и американской революции сменили религиозные верования, но так и не смогли вызвать в своих последователях спонтанной внутренней приверженности. Результатом стала сухая, традиционная мораль, нормы которой постоянно нарушались под воздействием витальных порывов – психологическую специфику того времени прекрасно описывают теории Фрейда. Молодежь страдала от пустоты за фальшивым фасадом буржуазного мира – в Германии больше, чем где бы то ни было: милитаристская иерархическая организация общества придавала здесь даже будничной жизни гротескные черты.

«Поначалу молодежные организации были идиллическими, до некоторой степени ими двигал истинный дух утопии и эмансипации, – пишет Зюннер. – Их рост был вызван кризисом, охватившим семью, школу и церковь. Семейные связи уже не давали близости и единства, способных придать ищущей молодежи цели и идеалы. Молодым людям был нужен энтузиазм, испытания, потрясающие переживания, а этого им не могли дать ни пастор, ни учитель. Именно на этой ничейной земле и образовались ассоциации студентов и другие молодежные объединения, в которые собиралось беспокойное и жадное до впечатлений юношество. Общество *Wandervogel* было основано в 1904 году – его группы сумеют ответить этим ожиданиям и будут быстро расти. “Походы должны научить нас и видеть, и прозревать”, – таким был один из пунктов их программы.

Эмоциональный подъем, который им давала сопричастность к культуре, ландшафту, обычаям и традициям земли их отцов, был главной целью их экскурсий. Они разбивали палаточные лагеря, разводили костры, вместе готовили еду и спали под звездным небом. Древнегерманские празднества воскресали вновь»[128].

Фест считает, что это молодежное движение было специфически немецким бунтом против современности. «Требования времени приводили их в ужас, весь их привычный мир летел в пропасть, но они черпали силы в вере во всемирную роль, которую суждено сыграть их стране в будущем – несмотря на то, что та стала единым государством и вышла на мировую политическую арену лишь недавно. Эта роль состояла в особой германской миссии сохранить “культуру”, которой грозит гибель от современной “цивилизации”. Поражение в войне, унижения, которым подверглась Германия, лишь придавали этим убеждениям вселенский масштаб»[129]. К 1900 году это мировоззрение уже породило «передовые союзы и организации. Особого упоминания заслуживают организации, стремившиеся преобразовать жизнь, которые появлялись повсеместно». В моде было вегетарианство, натуропатия всевозможных форм, нудизм, процветали «натуральные» диеты всех видов. Увлекались астрологией, а также всевозможными оккультными практиками, порожденными теософией, ариософией и антропософией. После Первой мировой войны многие занялись спиритизмом – те, кто лишился близких, искали контакта с павшими братьями, мужьями и сыновьями за границами материального мира. Это движение можно сравнить с тем, что родилось в шестидесятые годы двадцатого века в Америке (*New Age*). Германский *New Age* был не менее разнородным, и в него окунались с той же убежденностью.

«Они бунтовали против буржуазного мира и всего связанного с ним: неврозов и претенциозной пошлости, притворства и обмана, напыщенных германских мифов и кадок с пальмами. Они хотели заменить это простотой, любовью к природе, истинным воодушевлением и другими подобными ценностями. Но сами эти понятия показывают, насколько те, кто стоял за них, были далеки от реальности. Во всех обвинениях, которые они бросали миру, не было ни единой рабочей модели нового общества. Порой казалось, что они хотели не столько изменить это ненавистное состояние, сколько выразить свое негодование против него… “Носимый юношескими страстями и безрассудный”, – вот как характеризует самого себя в те далекие годы Шпеер. Это описание подходит и ко всему поколению в целом, и это “блаженство”, как бы глубоко оно ни ощущалось, означало лишь

пустую самоудовлетворенность»[130].

«Перед Первой мировой войной было уже много таких движений, возмущенных буржуазной ментальностью и самоудовлетворенностью окружающего общества. – замечает Брондер. – В 1914 году конец старого мира был встречен с ликованием. Молодежное движение породило *Wandervogel*, многие лучшие элементы которого позже вольются в национал-социализм… Основой их идеологии был лозунг “кровь и земля”, а также ненависть ко всякой “цивилизации”, либерализму, гуманизму, пацифизму, социальной демократии и большевизму и вдобавок к иудаизму». После 1918 года в этих молодежных движениях, по словам Брондера, преобладало «фолькистско-антисемитско-пангерманское» мировоззрение. Социал-демократическая Веймарская республика уже не стоила того, чтобы ее защищать. Они стремились противопоставить ее гуманистической ориентации такие ценности, как община, равенство, власть, подчинение и «принцип вождя», пресловутый «*Führerprinzip*», который станет главной опорой нацизма.

Многие члены молодежных фолькистских союзов пошли на фронт добровольцами и создали «миф Лангемарка» о безусловном подчинении любому приказу и радостном принесении своей жизни в жертву на алтарь отечества. (Лангемарк – название деревеньки во Фландрии, место одного из кровавых сражений Первой мировой.) «Вместо индивидуума – коллектив; группа сливалась с “племенем”, рутинные работы назывались “служением”, всякая деятельность сопровождалась выкрикиванием команд, барабанным боем и воинственными солдатскими или ландскнехтскими песнями. Жизнь в Гитлерюгенде, немецкой армии и в СС не несла новобранцам ничего существенно нового, они уже видели все это в одной из своих молодежных организаций»[131].

Чья душа глубже всего связана с «сутью природы»? Конечно, душа сына земли, фермера, крестьянина. С фолькистской точки зрения, крестьянин – это исконный и истинный немец, хранитель традиционного знания, крепче всего связанный с природными силами и находящийся с ними в постоянном взаимообмене. Хвалу крестьянину воздает Освальд Шпенглер на страницах своего «Заката Европы» (*Untergang des Abendlandes*). В этой книге с исключительной точностью, как в зеркале, отражается надежда и отчаяние времени, которое нас интересует. Крестьянин, пишет Шпенглер, благодаря самой своей жизни и характеру работы «превращается в растение». Его корни в земле, которую он возделывает. «Душа человека открывается душе окружающего ландшафта, образуя новую нить, связующую его с землей, в нем

рождаются новые чувства. Враждебная природа превращается в друга. Почва становится Землей-матерью. Череда посева, роста, жатвы, смерти открывает иной вид взаимоотношений. Новая религия становится культом земли, плодородной почвы, и растет вместе с человеком»[132].

Книга Шпенглера, написанная во время войны и опубликованная в 1918 году, повлияла на многих молодых людей, пытавшихся найти опору в этом мире после ужасов Лангемарка, Пасчендела, Ипра и *Le chemin des dames.* Отзывались и те, кто хотел быть вместе со своими братьями в этом жертвенном служении, но был слишком молод, а теперь, среди всеобщей безработицы и беспорядка, был лишен будущего. Даже видавшие виды солдаты Добровольческого корпуса мечтали осесть на земле и стать фермерами. Они бились в Польше и Прибалтике не только для того, чтобы оттеснить большевиков, но и для того, чтобы найти там свой клочок земли, на котором они могли бы трудиться и зажить, наконец, в покое. Этот фактор не потеряет своей важности и позже – Гитлер детально опишет укрепленные фермы, которые он собирался построить на плодородных российских землях для фермеров-воинов, господствующих над массами славянских рабов.

Одним из тех, кто мечтал вместе с другими фолькистами-фермерами, был Генрих Гиммлер. Его попытка вступить в армию под конец войны не увенчалась успехом. Гиммлер был членом *Artamanen*[12] , ассоциации фолькистского направления, основанной в 1924 году молодыми мужчинами и женщинами, идеалом которых было жить на земле и возделывать ее с прилежанием и усердием подобно тому, как поступали их предки в древние времена. «Эта ассоциация была мне известна по их публикациям еще со времен моего заключения, и я отдался этой работе со всей душой. Это был союз молодых, исполненных фолькистского сознания юношей и девушек из молодежных организаций всех политических партий националистического направления. Они хотели возвратиться к естественной жизни на земле, подальше от нездоровой, поверхностной и безумной городской жизни. Они презирали алкоголь и никотин – вообще все, что вредит здоровому развитию души и тела. Руководимые этими принципами, они стремились вернуться к земле, с которой пришли их предки, вернуться к источнику жизни немецкого народа, к здоровому крестьянскому образу жизни»[133].

Эти слова написал, незадолго перед повешением, Рудольф Хёсс, бывший комендант Освенцима. Многие известные нацисты и эсесовцы прошли через опыт дисциплинированной фолькистской жизни в *Artamanen*, например, Вальтер Дарре,

ведущий идеолог СС и министр сельского хозяйства, а также Мартин Борман, который, после полета Гесса в Шотландию, стал личным секретарем Гитлера и одним из самых влиятельных и опасных людей Третьего рейха. Герда, жена Бормана, фанатичная нацистка, писала: «Он [ее муж] делил все народы на три группы: крестьяне, с корнями в земле, кочевники, скитающиеся по степям, и паразиты, живущие коммерцией и торговлей. Представителями крестьян, укоренившихся в земле, являемся мы [немцы], а также японцы и китайцы. Только укоренившиеся в земле люди знают, что такое истинная культура; они знают, что должны защищать наследие своих отцов, что плоды их трудов перейдут к их сыновьям и внукам. Все их бытие вращается вокруг посева и жатвы»[134]. Так вдохновенно о земледельце могут писать лишь те, кого судьба уберегла от крестьянской жизни – кто не был вынужден непрерывно, год за годом, работать на земле и каждый божий день, с раннего утра до позднего вечера, заботиться о скотине.

Если деревня добра – то город зол; урожай – это дар, который природа дает земле, город же вымучен человеческим умом; «культура» связана с землей и здорова, «цивилизация» же не имеет корней, является искусственным созданием ума и симптомом упадка. Примеры этого дуализма мы в изобилии находим в книге Шпенглера, написанной в духе чистого отрицания. (Для него, как и для Гобино, человечество не имеет цели.) «Каменный колосс, метрополис стоит в конце жизненного пути каждой культуры, – пишет он. – Эта каменная масса возвышается надгробным памятником тому, что “было когда-то”». Города – это ум и ничего кроме ума, без контакта с землей, с живительным чревом природы. «Человек становится “умом”, свободным, похожим на кочевника, но более ограниченным и холодным. “Ум” – это специфически городской способ осознания. Все искусство, вся религия и наука постепенно становятся ментальными, чуждыми земле, непостижимыми для крестьянина, связанного с почвой. Цивилизация – это начало менопаузы народа. Вековые корни бытия иссушаются в каменных массах городов. И этот свободный ум, словно язык пламени, величественно поднимается в небо и испаряется»[135].

Опять перед нами мыслитель, считающий мышление признаком упадка и желающий от него избавиться, чтобы вернуться к крестьянскому образу жизни, свободному от тягот рефлексии. Тексты, подобные вышеприведенному, являются симптомами невроза, от которого страдал в то время немецкий народ. Нация, стоящая впереди всего мира по технологическому развитию, не доверяла современности и прогрессу и мечтала о

возвращении к раззолоченным ценностям прошлого – прошлого, которого никогда не было. Но те силы, которые создали первое немецкое экономическое чудо и получали от него выгоду, не могли позволить развитию остановиться. Напротив, они объединились, чтобы сделать свою нацию доминирующей и самой преуспевающей в мире. Но и с этой руководящей позиции они пытались воплотить в жизнь видение, которое в сущности было фолькистским. Гордясь своим отличием от тех, кто с головой погружен в материализм и пустой модернизм, они были убеждены в своем превосходстве, превосходстве своей расы, культуры и нации.

Германская религия

Деление на север и юг – а по сути конфронтация Германии и ее *Kultur* с гуманистическим духом Западной Европы – глубоко сидело в подсознании немецкого народа. Фактически это деление было идентично противопоставлению римской цивилизации варварскому миру германских племен, которые впоследствии, волна за волной, разливались по всей Европе в первые века нашей эры. Образ жизни, навязанный римской цивилизацией, считался чуждым немецкому народу и его душе. Еще большим насилием казалось обращение немецкого народа в христианство, которое навязали «язычникам» латинизированные правители – римляне стремились интегрировать завоеванные народы, а католическая церковь не шла на компромиссы и обращение зачастую было вопросом жизни или смерти. (Карл Великий умертвил тысячи упрямых саксов за то, что те не желали креститься, и получил прозвание «убийца саксов».) Один немецкий автор говорит так: католическая церковь всегда считалась «инородным телом в духе немецкого народа»[136]. Вот почему в 1517 году призыв Лютера вызвал такой энтузиазм: немецкий народ уже давно был готов «отбить крепость, которую захватило христианство».

Нет сомнений в том, что язычников крестили мечом. «Как бы мы ни старались посмотреть на это под другим углом, источники вновь и вновь говорят нам об одном: обратить – значит продемонстрировать силу христианского бога. Чудеса, изгнание дьяволов, сжигание храмов и разбивание в куски алтарей и было евангельской вестью»[137], – пишет в своей книге «Обращение Европы» Ричард Флетчер. Варварам нужно было доказать, что христианский бог сильнее их богов. Христианский бог мог управлять погодой, исцелять, побеждать в битвах и даровать своим почитателям богатство и здоровое потомство. Святые места

язычников, будь то природные или построенные человеческими руками, должны быть разрушены, а вместо них нужно возвести христианские церкви. (Кафедральный собор в Шартре, Нотр-Дам в Париже, Кёльнский собор и собор Святого Петра в Лондоне сооружены на местах бывших языческих храмов.) Все языческие боги были объявлены демонами. «И демоны заставляли людей возводить храмы в свою честь, выставлять там образы или статуи грешников, сооружать себе алтари, на которые изливалась кровь не только животных, но и людей. Помимо этого, много демонов, изгнанных с небес, нашли прибежище в морях, реках, ручьях или лесах; и те, кто не ведают истинного Бога, также воздают им божеские почести и приносят жертвы», – пишет Мартин, епископ города Браги.

Однако смена религии – это сложный и долговременный процесс. «Обращенным» язычникам не объясняли даже элементарных основ нового вероисповедания, поэтому почитание старых богов, что с незапамятных времен управляли их судьбой, втайне продолжалось. Обыденная религия в первую очередь опирается на инстинктивный страх: если ты не исполнишь как следует свои религиозные обязанности, бог накажет тебя, нашлет болезнь на тебя или на твоих родных, лишит разума, заведет в ловушку, поразит нежданной трусостью в битве, сделает так, что тебя убьют, или так, что ты умрешь в постели и не попадешь на небеса воинов, в Валгаллу. Христианский бог должен был доказать, что способен защитить от подобных несчастий, и если новообращенные не были в этом убеждены, они возвращались к своим старым богам, зачастую тайно. «Христианский бог – это бог церкви. Церковь – его крепость. Каждые семь дней его приверженцы должны появляться там и выслушивать то, что он скажет. А потом они возвращаются к своей обычной жизни. Они еще немного посмеются и поглумятся над тем, что сказал им бог-иностранец, но скоро забывают и это. Они вытаскивают из тайников своих старых богов, идут к ведунье или к пастуху, знающим старые добрые заклинания. И живут по десяти заповедям бога своих предков»[138].

«Благочестие современного крестьянина старше, чем христианство. Его бог старше любого бога высших религий», – писал Шпенглер[139]. Гитлер тоже считал, что христианство – это лишь тонкий слой лака на слое старых традиций и верований. Романтизм вновь обратился к природе, к силам, которые германцы почитали столетиями, задолго до того, как их подавило христианство. И теперь «новый романтизм», вооруженный множеством только что переведенных саг и легенд и новыми провидческими интерпретациями – Гвидо фон Лист сделал здесь

особенно много, – возвел литературу, которая раньше казалась просто вдохновенной, до статуса священной. Ибо для фолькистского движения было невыносимо сознавать, что их нордическая раса позаимствовала бога другой расы, семитской, и оставалась ему верна. У каждого народа – свой бог, утверждали они, поминая Ницше, который однажды написал, что «расам севера должно быть стыдно – за две тысячи лет они не сумели создать ни одного собственного бога»[140].

Немцы-фолькисты нуждались в прямых, индивидуальных переживаниях своей собственной души и бога. Для этого была необходима «религия без догм», без каких-либо посредников между богом и человеком (*gottesunmittelbar*). Церковь всегда ставила себя между верующим и божеством и даже называла святотатством попытку приблизиться к богу или пережить его напрямую. Такая «религия» – это набор положений веры, которые необходимо принять, «духовность» же – прямое, непосредственное приближение к богу через глубины души или через высшие области сознания. Все истинные мистики следовали тому или иному духовному пути, хоть многие из них и были принуждены склониться перед авторитетом церкви.

Лютер импонировал массам тем, что утверждал, что каждый имеет право напрямую общаться с богом – «каждый сам себе священник». Но он не сумел предотвратить того, что его путь, изначально духовный, также затвердел и стал церковью. Эта церковь в свою очередь разделилась на множество церквей, каждая из которых взяла за основу то или иное индивидуальное духовное переживание. Лютер не был единичным явлением, он скорее был воплощением немецкой традиции – это показывают работы Эберлина из Гюнсберга. Леон Поляков называет его «самым популярным лютеранским пропагандистом 1520—1530 годов». «Древние германцы, согласно этому бывшему францисканцу, были “добрыми и благочестивыми немцами”, христианами в истинном смысле слова. Римские миссионеры, проповедовавшие фальсифицированное и “обрезанное” евангелие, совратили их с пути истинного. Так “немецкий народ из истинной [христианской] веры был обманом обращен в папизм, от изобилия пришел к нищете, от истины ко лжи, от мужественности к женоподобию”. Но Лютер и фон Хуттен, посланные богом, возвращают немцев на верный путь. “Сердце божье радуется, так как истинное христианство расходится из Германии по всему миру”, и причиной тому – выдающиеся качества немецкого народа»[141].

Ключевой фигурой этого нового движения, ищущего подлинной духовности, был Юген Дидерихс (1867—1930).

Напомню, он был издателем серии переводов древних северных саг и легенд (*Sammlung Thule*). Дидерихс не только снабжал фолькистское движение переводами первоисточников, он также был мощным центром распространения немецкого мистицизма, приспособленного к новым временам, основывающегося на уникальной европейской мистической традиции (Хадевич, Мейстер Экхарт и Ангелиус Силезиус). Он понимал, что протестантские теологи после Лютера были «пустыми спорщиками», которые не дали развиться вдохновению, привнесенному Лютером. «Я глубоко убежден в том, что должен нацелить мое издательство на то, чтобы углублять религию без догм, и что будущее даст людей, необходимых для осуществления этой цели», – писал он[142].

Молодежь нуждалась в «боге в глубине своего сердца», в «Христе внутри нас». «Человек сам добивается своего спасения – вот новая религия», – писал Дидерихс. Совершенно естественно, что они обратились к Мейстеру Экхарту (около 1260—1328), великому немецкому мистику. Сегодня его слова звучат так же живо, как и семьсот лет назад. Если на христианском Западе можно найти образец чистейшего и высочайшего мистицизма, им будет доминиканский приор и магистр Сорбонны, прорвавшийся через все предписания и догмы католической веры, через все религиозные условности и сумевший найти *это* и стать *этим* в себе. «Это» уже нельзя было назвать «богом», ибо *это* было всем, и все было им, включая и растворившееся «я» того, кто имел это переживание. Его слова звучат революционно и сейчас, потому что исходят из самого Истока. «Важнейшим фактом является то, что Мейстер Экхарт для будущего немецкого протестантизма значит больше, чем Лютер», – писал Дидерихс. «Несмотря на то, что прошло четыреста лет, работы – непочатый край: реформация только началась»[143].

Нет сомнений, около 1900 года в Германии было и искреннее устремление, и возможность начать истинно духовное движение. К несчастью, германский эгоизм извратил чистейшие намерения и поставил их на службу общему умонастроению нации. Религиозных лидеров, которых ждал Дидерихс, не появилось, да и сам он, в конце концов, заплясал под дудку Крысолова, несущего свастику. Немцы были выше других во всех областях, тем более в вопросах религии и духовности. «Ни в одном народе христианство не проявляет такой творческой силы, как в немцах. Наш народ согбен под бременем материалистической науки, схвачен когтями асоциального еврейства, но все же в глубине немецкого сердца христианский дух остался таким же живым, как и в средние века. Во всяком случае, в Германии он борется с

враждебными силами с беспримерным упорством. Ни один народ не дал таких прекрасных «плодов царства божьего», как немцы, ни один народ не сравнился с ним в стремлении вновь и вновь приносить эти плоды… И когда мы осознаем эту гармонию между немецким и христианским духом, которую так явно демонстрирует весь ход истории, разве не вправе мы применить к немцам слова Христа о том, что однажды другой народ [не евреи] займет место избранного? Богатство плодов христианского духа в немецком народе показывает, что само сердце Христа является немецким, что оно – плоть от его плоти, что в нем течет та же кровь»[144]. «Мы [то есть нацисты] должны провозгласить себя единственными истинными христианами», – пишет Геббельс в дневнике[145].

Реформация осталась незавершенной – самым убежденным сторонником этого положения был Артур Динтер, основавший в 1927 году Воинствующую лигу по завершению Реформации. Бесполезно искать его имя в «Энциклопедии национал-социализма» (*Enzyklopädie des Nationalsozialismus*, 1997), хотя в годы формирования нацизма Динтер и играл важную роль[146]. Он даже притязал на то, чтобы быть предтечей нацизма, заявляя об этом во всеуслышание. Воинствующий антисемит, он еще в 1914 году в *Zirkus Busch* в Берлине произнес перед пятью тысячами слушателей речь, полную нападок на евреев. В Мюнхене он подружился с Дитрихом Эккартом, а в Нюрнберге – с Юлиусом Штрайхером и с 1916 по 1921 год вел обширную переписку с Хьюстоном Чемберленом, чьи «Основы» считал откровением.

В Первую мировую войну Динтер был офицером. Его переживания на фронте, видимо, способствовали тому, что его антисемитизм окреп и превратился в фанатичную убежденность. Серьезно раненый, он был демобилизован из армии и решил распространять идеи Чемберлена в художественной форме. «Грех против крови» был написан в 1917 году, напечатан в 1921-м и сразу же стал «феноменальным бестселлером». «В новелле изображен богатый еврей, который насилует невинную немецкую девушку, загрязняя ее кровь. Как фолькист, Динтер верил, что сексуальный контакт арийской женщины с евреем приводит к тому, что она теряет способность производить расово чистое потомство»[147], – тема, которую будет мусолить до тошноты Юлиус Штрайхер.

Динтер познакомился с Гитлером через Эккарта и Штрайхера. Одно время он говорил о бывшем капрале с усиками, что тот «является фюрером божьей милостью, что немецкому народу его послало само небо». Динтер станет гауляйтером, то есть фюрером местного значения, в Тюрингии, республике в

составе Германии. В свое время Тюрингия была центром революционной активности, теперь же, качнувшись в противоположную сторону, стала рассадником национал-социализма. Динтер, известный своей неистовой ненавистью к евреям, был избран членом парламента Тюрингии в Веймаре. В 1926 году он организовал первый День партии, и нацисты, под холодными взглядами Гете и Шиллера, без стеснения продемонстрировали свои намерения и те зверские методы, которыми они намерены их осуществлять[148]. Именно на этом Дне партии Гитлер, выйдя из заключения после провала мюнхенского путча, вновь встал у партийного руля, положив конец фракционным раздорам.

Однако Динтер, несмотря на то, что хвалился своими ранними убеждениями и близостью к Гитлеру, был себе на уме. В глубине души он не мог смириться с тем, что богоданным фюрером оказался Гитлер. Разве сам он не был антисемитом задолго до того, как этот австрияк вообще стал интересоваться этим вопросом, разве не знал он Гитлера, когда тот лишь начинал путь наверх, один из многих, который так и остался бы ничем без своих учителей и покровителей?

Когда Людендорф еще был серьезным националистическим кандидатом на лидерство в Германии, Динтер на одном общественном собрании потребовал, чтобы все присутствующие поклялись свергнуть социал-демократическое правительство (что было актом государственной измены) и как один встали за Эриха Людендорфа. Когда же Гитлер вновь укрепил свою власть над партией и стал тщательно дистанцироваться от всех, даже вернейших своих соратников, Динтер, вероятно, понял, куда тот клонит.

Динтер не желал с этим мириться и выразил открытый протест. В конце 1927 года он подал в отставку с поста гауляйтера, а в августе следующего года потребовал, чтобы партия создала комиссию для контроля над Гитлером. В результате Динтера исключат из партии. Несколько месяцев спустя он напишет: «Лишь слепцы, верующие в Гитлера, или те, кто упрямо не желает видеть истину, еще могут сомневаться в том, что партия Гитлера – это партия иезуитов, которые под фолькистским знаменем выполняют задание Рима». Динтер явно знал, что рискует жизнью – людей убивали и за гораздо меньшие проступки, но запугать его было нелегко.

Теперь он стал ревностным христианином, это шло рука об руку с его ненавистью к евреям. Он основывает *Geistchristliche Religionsgemeinschaft*, что можно перевести как «Религиозное братство христианских интеллектуалов». В 1930 году он назовет

Гитлера «сентиментальным мечтателем и болтуном». Будущее фолькистского националистического движения не «в руках Гитлера или полувоенных организаций, оно за немецким молодежным движением с молодыми спартанскими группами. И это судьбоносное движение – смертельный враг западной ментальности». Далее Динтер приводит в качестве примеров Эрнста Юнгера, Отто Штрассера и Эрнста Нейкича. Отто был братом Георга Штрассера, принципиальным социалистом, который, несмотря на свое членство в нацистской партии, создал Гитлеру массу проблем и, в конце концов, порвал с ним. Поставить его в пример – уже достаточная причина, чтобы тебя между делом могли прикончить СА или СС.

Но Динтер пошел еще дальше: при поддержке фракции национал-социалистов, обеспокоенной происходящим в партии, он начал движение протеста, «совесть фолькистской борьбы за свободу». 19 ноября 1932 года был основан *Dinter-Bund*. Меньше чем через три месяца Гитлер станет канцлером и начнет расправляться со всеми, кто когда-то осмелился встать у него на пути. Однако Динтеру, давно уже исключенному из НСДАП, всего лишь запретят заниматься общественной деятельностью. Странно, что после такого впечатляющего бунта против Гитлера он не попал в концентрационный лагерь или попросту не был убит; мы попытаемся предложить этому объяснение позже. Он умер в 1948 году в возрасте семидесяти двух лет.

Возрожденное христианство, псевдогерманское христианство или чисто германская религия – все это для Гитлера было одинаковой чепухой (*quatsch*). Он намеревался создать нечто совсем иное, но пока держал это при себе. Однажды, заговорив о религии, он сказал Герману Раушнингу: «Пусть фашизм [он имел в виду Муссолини] мирится с церковью. Я сделаю то же. Почему нет? Это не помешает мне вырвать христианство с корнем… Старый ли, Новый ли Завет, просто слова Иисуса, как предпочитает Хьюстон Стюарт Чемберлен, – все это тот же еврейский обман. Никакой разницы, это нас не освободит. Немецкая церковь, немецкое христианство – это просто бред. Ты либо христианин, либо немец. Невозможно быть обоими разом. Можно выбросить из христианства припадочного Павла. Другие делали это до нас. Можно сделать из Иисуса благородное человеческое существо и отрицать его божественность и посредническую роль. Некоторые делали это и в прошлом, и совсем недавно… Все это не имеет смысла, вам не избавиться от этой ментальности – а важно именно это. Нам нужны свободные люди, которые знают, что Бог находится внутри них, и которые чувствуют его там»[149].

Мы уже встречались с идеями, которые набирали силу в «новом романтизме» то есть в фолькистском движении. Мы знакомились с новой немецкой историей, почитавшей героев, чьи деяния и идеалы казались достойными подражания; с Родиной, красотами ее природы и со святилищами далеких предков. Неподалеку были и древние боги, еще живые среди людей, близких к земле, – их силы вновь воплощались в молодежи, открывавшей им сердца. И к этим сверхъестественным существам вели не логические теоремы и математические формулы, но пленительные мистерии оккультизма, «науки», основанной на опыте и мудрости.

«Иррациональность этих культов, а также модный в то время “новый романтизм” сделали поразительно большое количество людей восприимчивыми к подобным и даже более странным теориям национального наследия, расы и религии, – пишет Джордж Моссе. – Фактически, оккультизм был просто необходим другому аспекту фолькистского мышления: некоторые мыслители считали его мостом между прошлым и настоящим, переброшенным через тысячу лет забвения. Прошлое – а христианство сделало все возможное, чтобы разрушить его – можно вновь обрести и применить к нуждам настоящего с оккультной помощью. Оккультизм был чашей, удовлетворявшей их жажду, в то же время делая бессмысленными любые попытки ученых-историков представить события прошлого в совершенно ином свете»[150].

Николас Гудрик-Кларк в своих «Оккультных корнях нацизма» так объясняет процветание фолькистского оккультизма в те времена: «Широту распространения и сбивающее с толку разнообразие расистского оккультизма во времена республики и Третьего рейха можно было бы назвать всего лишь причудливым продуктом более широкого оккультного движения в Германии тех трудных времен. Конечно, все эти астрологи, маги с их рунами и мистики Эдды были оккультистами, но удовлетвориться этим – значит упустить из виду базовые идеологические и политические мотивы этой особой формы оккультизма. Всех этих мыслителей объединяло их глубокое неприятие современного мира. Немецкая республика казалась им вульгарной и продажной, она символизировала поражение. Пессимисты в культуре, они отводили взгляд от поражений и разочарований настоящего и обращали его ввысь, к арийской культуре мифического прошлого. И астрология, и миф Эдды, и рунические письмена, прочитанные таинственным шепотом или вырезанные в виде странных

магических символов, – все это устанавливало сверхъестественную связь с Золотым веком. Это были знаки, предвещавшие новую эру, когда магия, мистическое видение и власть над миром вновь станут достоянием каждого чистокровного немца»[151].

Для тех, кто его практиковал, оккультизм был основанным на мудрости методом выявления скрытых законов природы с их последующим использованием для определенных целей. Языческие же обряды служили почти исключительно варварскому самовозвеличиванию, обретению физической силы для покорения других, жажде добыть славу в битве, попасть на небеса воинов и, помимо этого, разжиться чужой собственностью. Католическая церковь, пишет Рюдигер Зюннер в главе «Подъем нового язычества на переломе веков», считала, что культ «демонов» уничтожен, и вдруг с изумлением обнаружила, что демоны оказались бессмертными и вновь со свежими силами стали утверждать свой культ.

«Немецкий утопизм в XIX и начале XX веков почти всегда означал возвращение, в той или иной форме, к дохристианской духовности, – заявляет Ричард Нолл. – В романтическом движении примером был Гете, который предложил заменить сказку о Христе культом Солнца. Романтическое возрождение греческих богов также вело к утопическим мечтам о Германии эллинизма, основанной на лучших, наиболее рациональных и наиболее эстетичных аполлонийских аспектах древней греческой культуры. В 1870-х Ницше и Вагнер дали волю череде утопических фантазий – они переиначивали идеалы и призывали к возвращению к иррациональному, оргиастическому дионисийскому единству воли и ее выражения»[152]. И Аполлон с поклонением Солнцу, и дионисийская безумная жажда обладания – все это было в фолькистском движении.

Чтобы проиллюстрировать тоску по свету и теплу в Германии того периода, Зюннер пересказывает содержание заметки в фолькистском журнале *Die Sonne* (Солнце) и поясняет: «Восходящее солнце и приход весны были метафорами, выражавшими неудовлетворенность настоящим и надежду на фундаментальные перемены. В немецком мире что-то разваливалось, что-то засыхало, что-то новое появлялось на свет. Боги, которым молились до сих пор (то есть капитализм и социализм), оказались моральными банкротами». Чистый «принцип удовольствия» не вызывал энтузиазма. Во всех классах и кругах общества чувствовалось желание выйти из-под власти интеллектуализма в любой его форме и окунуться в живое переживание. Люди чувствовали, что цивилизация – это нечто

холодное и мрачное[153]. «В истории едва ли найдется другой такой период, когда люди так много говорили о свете и солнце, – пишет Зюннер. – От этих слов просто пьянели, словно тоскующие по свету заключенные в мрачных казематах».

Руна *Зиг*, имеющая форму молнии, интерпретировалась как символ солнца и просветления. Гиммлер провозгласил Гитлера «одним из величайших Существ света», которое «карма германского народа» призвала вести «битву против [славянского] Востока». Альфред Розенберг, главный идеолог НСДАП, говорил, что там, где сейчас воздают честь павшим героям и горит «вечный огонь», победил, наконец, «нордически-аполлонийский принцип света». Журналам давали такие названия, как «Путь Света» или «Солнце». Считалось, что в любом мнимом или реальном святом месте Германии существовали древние «места солнечного культа». Люди тосковали по силе этого светящегося небесного тела, надеясь возродиться в его лучах после якобы перенесенных унижений…

Нацисты считали себя единственными наследниками древней религии Солнца, которая, конечно же, должна была появиться на севере – ведь лишь там весеннее возвращение солнца переживается как откровение. Это доказывала свастика и другие спиралевидные изображения, которые находили на скалах и различных культовых объектах со времен Бронзового века. Без долгих размышлений их сочли символами «алтарного» культа Солнца… Гитлерюгенд начал праздновать солнцестояние уже с 1933 года. Начиная с 1935 года подобные празднества устраивались во всех региональных партийных организациях. Порой участники заполняли стотысячные стадионы. Согласно Рейнхарду Гейдриху, фюреру СС, они верили, что таким образом получают энергию из того же источника, что и их далекие предки. Летом 1935 года праздновали даже «солнцестояние рейха» – тогда вдоль Любекской бухты одновременно зажгли восемь тысяч костров. Зимой того же года цепи огней расходились от большого костра на горе Броккен в Гарце, шестью лучами доходя до самых границ государства. Таким образом было создано огромное солнечное колесо размером с рейх…

> Во тьму этого мира свет принесли арийцы.
> Великое просветление пришло с севера…
> Германия старше и долговечнее Рима»[154].

Artamanen также праздновал солнцестояния. Все переодевались в народные костюмы и под вековыми деревьями организовывались танцы и символические представления.

Солнечный культ и здесь считался самым важным средством приведения юношества в контакт с душой предков. Зюннер приводит описание такого празднества из «Книги *Wandervogel*»: «В тиши собираются они вокруг груды дров. Зажигается смоляной факел… “Восстань, о пламя!” Но вот песня стихает, и настает глубокая тишина. Человек выходит из круга и, обращаясь к огню, говорит об истинном освобождении, об очистительном свете новых идей… Почему после речи и песни пляска вокруг огня напоминает хоровод безумцев, не поймет лишь тот, кто не знает, что юность порой скрывает глубину своих чувств проявлениями ребяческой радости… И как только огонь стихает, все прыгают через горящие угли, словно стараясь показать, что не боятся обжечься»[155].

Вакуум, образованный отторжением христианства и разочарованностью в идеалах Просвещения, был заполнен сфабрикованным мифом о немецком прошлом, о прошлом Народа, происхождение которого, а следовательно, и само существование оставались туманными. Эта жалкая попытка вообразить себя высшим народом, в сущности, не имела никакой реальной опоры. То, что Нолл назвал немецким «утопизмом», зачастую было просто защитной реакцией против мук нигилизма. Это объясняет, почему немцы были одновременно очарованы сумерками богов (*Götterdämmerung*), катастрофическим концом мира, и ницшеанским самоутверждением в этом мире, бессмысленном по своей сути.

«Этот отрыв от действительности выражался и в том, что идеал “солдатского бытия” базировался не на реальном опыте войны с ее грязью, разложением и смертью, он основывался на тщеславных иллюзиях, на мифе о героях-фронтовиках, который распространяло старое поколение, подслащая тем самым горечь понесенного поражения. *Wandervogel* начали с презрения к смерти, с романтического ореола, которым они окружали поле битвы с «горами трупов»; в итоге они пришли к возвеличиванию удушения, избиения и резни, а затем и к эстетическому облагораживанию насильственной смерти, к упоению от грандиозных катастроф. Это упоение в итоге перерастет все границы и станет невежественно-блаженной дрожью перед Нибелунгами, перед Последним Готом, перед Потерявшимся Отрядом средневековья, перед Лангемарком, Колчаком и идеалом самурая… Все это было не просто выражением псевдоисторического культа героя, это указывает на тенденцию, глубоко укоренившуюся в немецком образовании, готовить молодежь не к жизни, а к смерти. Суть духа этого молодежного движения, вся эта смесь псевдоармейских настроений,

самоутверждения и поверхностной метафизики нашла на редкость удачную формулировку в “немецкой троице”, которую один из его членов определил как: “Бог, я и мое оружие”» (Иоахим Фест[156]).

В фолькистском движении одним из самых популярных произведений искусства была гравюра Альбрехта Дюрера «Рыцарь, Смерть и Дьявол». Лепное украшение, сделанное по ее мотивам, украшало стену над письменным столом Гитлера в его новой берлинской канцелярии[157]. Средневековый рыцарь, с одной стороны которого – Смерть, а с другой – Дьявол, скачет по кошмарному миру к своему концу, готовый к битве, без надежды на победу. «Немцы склонны верить, что мрачные и суровые идеи имеют моральное превосходство над идеями более ясными и гуманными. Это соответствует их общей склонности к трагической стороне жизни и к необходимости зла в мире», – писал Томас Манн, автор романа «Доктор Фаустус»[158].

И так как фолькистский бунт против современного мира обратил молодежь к природе и к старым богам, неизбежно случилось так, что через этих юношей стали искать выход темные витальные жизненные силы. Молодежные ассоциации почти исключительно были тесно спаянными мужскими союзами (*Männerbünde*), женщины сюда доступа не имели, их презрительно отсылали назад, к условностям и обязанностям буржуазного мира. Если здесь и брали в пример Грецию, это была Спарта, а не Афины. Они пели военные песни, зачастую песни ландскнехтов, этих бродячих наемных солдат, которые, как и в добровольческих отрядах, слушались лишь своего капитана – пока он их кормил и платил им – и которые, несмотря на свои религиозные предрассудки, тоже были нигилистами, марширующими между Смертью и Дьяволом. Главным идеалом фолькистской молодежи стало самопожертвование, приношение своей жизни на алтарь Смерти – что означало в том числе и безусловное подчинение приказу вождя, фюрера. Ожидание великого вождя, который повел бы их к будущему, такому же прекрасному, как и воображаемое прошлое, было в то время широко распространено. Но даже если это будущее окажется еще одним *Götterdämmerung* (концом света) – что ж, они готовы погибнуть с честью.

Фолькистская молодежь жила в мире реалий, от которых было рукой подать до нацизма. «Национал-социализм – это движение фолькистское», – заявляет Моссе на первых страницах своего фундаментального труда, посвященного анализу фолькизма. Мы знаем, как сдержан был Гитлер на этот счет, и мы сделаем из этого выводы позже. Как бы то ни было, одним из поразительных интуитивных шагов Гитлера было использование

фолькистского аспекта нацизма до предела. Та же молодежь, что только что маршировала и пела в *Wandervogel* и подобных ей организациях, теперь маршировала и пела на митингах НСДАП, сливаясь с нацистским молохом и щеголяя тщательно продуманной униформой.

Часто цитируют Дениса де Рудемона, который после участия в массовом митинге НСДАП в 1936 году писал: «Я думал, что буду участвовать в демонстрации, в политическом слете. Но они отправляли свой культ!» И затем он описывает, как чисто физически на него подействовала – если не сказать, раздавила – сила религиозной веры сорока тысяч присутствующих, вопящих в унисон о своей вере в фюрера и Германию. Французский посол Андре Франсуа-Понсе был на одном из съездов нацистской партии в Нюрнберге; он пишет в том же ключе: «Еще более удивительной, нет, просто неописуемой была атмосфера коллективного энтузиазма, в которой купался весь город: невероятное опьянение, охватившее сотни тысяч мужчин и женщин, романтическая лихорадка, мистический экстаз, нечто вроде священного безумия, обуявшего их всех»[159]. Пророчество Гейне исполнилось – Тор вновь размахивал молотом.

Вокруг костров, во время походов и священных церемоний, обращаясь к силам святых мест, немецкие юноши слушали соблазнительные голоса, которые нашептывали им даже во сне и подталкивали их истратить свою энергию слепо, не размышляя, ради великого дела, указанного им харизматичным фюрером, этим «Существом света». Эти молодые люди чувствовали, что Вотан – которого иначе называют Один – вновь явился среди них. Этот одноглазый бог в зеленой шапке, предводитель мертвых всадников на дикой охоте – их видят во времена страшных потрясений, когда стонет шторм или когда свет луны делает ночи зловещими. У слова «*Wotan*» тот же корень, что и у «*wut*», что означает гнев, ярость.

«Мы должны стать исступленными (*berserker*) в нашем внутреннем существе и в нашей вере», – пишет Геббельс в своем дневнике и продолжает: «Мы – неистовые безумцы (*berserker*) новой германской идеи»[160]. Шпенглер в конце своей знаменитой книги говорит о чем-то похожем: «Раса вновь толкает себя вперед, чистая и неудержимая… И с этого мгновения мы опять можем жить так, как жили герои древности»[161]. А Рене Алло цитирует австрийского автора Отто Хёфлера, который пишет: «Самым почитаемым богом германских племен был бог демонической одержимости… Вотан – это дикий бог одержимости, божественный мастер экстатического *Männerbünde*, непредсказуемый бог войны и бури, рун и мертвецов, безумной

ярости и черной магии, бог масок и человеческих жертвоприношений»[162].

Этот «экстаз», одержимость витальными силами, божественными или животными, не был бегством от действительности, которого ищут сейчас в наркотиках, это была «культовая идентификация» индивидуального и коллективного существования. Когда человек открывается этим силам, он теряет свою обычную индивидуальность и «принимает обязанности, налагаемые на него общиной мертвых-но-вечных». Это переживание, эту связь с доисторической Германией можно было понять только в Третьем рейхе, пишет Клаус фон Зее. Национал-социализм был «движением», направляемым экзистенциально и экстатически. И фон Зее показывает, что в нацистский период слову «фанатик» придавался положительный смысл, оно понималось уже не как «исступленно ревностный», но как «охваченный идеей, энтузиазмом»[163].

Это опять подводит нас прямо к Гитлеру, который на страницах «Майн Кампф» вновь и вновь настаивал на «фанатичной» вере в движение национал-социализма и во множестве речей делал слово *fanatisch* ключевым. Не является истинным нацистом тот, у кого нет веры, *Glaube*; если ты не фанатик – ты не истинный нацист. Превратить немцев в фанатиков было основной составляющей образования и обучения в рейхе, равно как и целью пропагандистского промывания мозгов, которым руководил Йозеф Геббельс. Увы, эта попытка блестяще удалась, не в последнюю очередь благодаря фолькистской подготовке, кратко описанной выше. Главным был инстинкт, а не интеллектуальные доводы или, как писал Шпенглер, «причинности». Этот откат к животным инстинктам также может служить объяснением жестокости, с которой немцы, граждане одной из самых цивилизованных стран, обходились со своими жертвами.

Для понимания Гитлера центральным является то, что основывая свой Тысячелетний рейх, он постоянно жил в тени возможной катастрофы (*Götterdämmerung*) – и сознательно старался навлечь ее на Германию, когда стало ясно, что Тысячелетний рейх оказался мертворожденным.

Предположим, ему удалось бы создать свой рейх, какой бы тогда была поддерживающая его идеология, фундамент, смысл всего этого? У Гитлера было что-то на уме, но он никогда не говорил об этом прямо, и это «что-то» нам еще предстоит понять. Совершенно очевидно, это не было возвращением к призрачным золотым временам в фолькистском духе. Он также не собирался строить общество на «научно-методологической» базе. Его

мировоззрение было ненаучным, если не сказать иррациональным, а его вдохновения – о чем можно заключить на основании его действий – были религиозными, оккультными или, как говорят многие, демоническими. Гитлер «заявлял, что он служит не освобождению человечества, но его спасению», пишет Фест. Если это так, то можно задать законный вопрос: спасению во имя какого бога?

Шпеер писал о ритуальных действах, проходивших во время съездов нацистской партии в Нюрнберге: «Когда я увидел, что Гитлер таким образом практически канонизирует этот ритуал, я впервые понял, что те слова [Тысячелетний рейх] он понимал буквально. Я всегда думал, что эти построения, процессии и посвящения являются лишь частью расчетливой театрализованной пропаганды. Но тогда я, наконец, понял, что для Гитлера это было подобно ритуалу основания церкви… И я стал подозревать, что он добровольно отказывается от меньшего статуса народного героя ради гораздо большего статуса основателя религии»[164]. Там были массовые обряды, инициации, произнесение священных клятв, магическая передача силы, хранившейся в *Blutfahne* – знамени, освященном кровью мучеников, павших в ноябре 1923 года во время мюнхенского путча; были факелы и костры, и продолжительное молчание, и музыка, и песни, и ритмичный звук множества марширующих мужчин. «Партия – это неверная концепция. Я бы предпочел говорить “орден”… Видите ли, наша партия должна стать чем-то схожим: орденом, иерархичным орденом мирских священников… Я раскрою вам тайну: я основываю орден…» Это признание Гитлера (Раушнингу) приоткрывает завесу над самыми глубинными его замыслами.

Что за религию хотел основать Гитлер? «Орден Мертвой Головы» – СС – может навести нас на верный след. Многие гиммлеровские пристрастия были Гитлеру не по вкусу, но фундаментальные идеи, на которых был основан орден «черных рыцарей», были, без сомнения, одобрены, а может быть, и подсказаны или вдохновлены им самим. Эти идеалы были идентичны идеалам фолькистской молодежи: верность, жертвенность, героизм, гордость принадлежности к высшей расе, безусловное подчинение вплоть до готовности пожертвовать жизнью. Они были элитными легионами Смерти, носящими изображение черепа на головных уборах, готовыми «убивать и умирать», не задавая вопросов и не поддаваясь чувствам. Документальные фильмы, показывающие нацистов, орущих свои мантры на партийных съездах, позволяют своими глазами увидеть эффекты *furor teutonicus*, тевтонского неистовства или

экстаза. К пониманию этого также можно приблизиться, посещая те места, где СС отправляли свой культ варварского отмщения, например, руины Орадур-сюр-Глана или пустошь, где когда-то стоял поселок Лидице[13] . Но самыми невероятными следствиями этого языческого безумия являются груды истощенных тел, найденных там, где орден Смерти следовал принципам своей веры до конца.

«Крупномасштабные массовые демонстрации не только укрепляют волю индивида, но и приближают его к движению, помогают создать *esprit de corps* – чувство солидарности… [Человек] оказывается охвачен силами массового внушения, его питает возбуждение и энтузиазм трех или четырех тысяч других людей, среди которых он находится… Если эти тысячи добились явного успеха и как один подтверждают верность нового учения, тогда в уме этого человека впервые рождаются сомнения в справедливости того, чему он верил до сих пор, и он отдается восторгу, который мы называем массовым внушением. Воля, чаяния и даже сила этой массы людей передаются каждому индивиду. Человек, пришедший на такой митинг с сомнениями и неохотно, покидает его внутренне окрепшим: он стал членом сообщества». Гитлер писал это в 1926 году, во второй части «Майн Кампф», где можно найти и следующее: «Теперь и я смог почувствовать и понять, как легко человек с улицы поддается гипнотической магии этого грандиозного театрального действа»[165].

Вот что говорит о впечатлительности «человека с улицы» Пфеффер фон Саломон, бывший в свое время одним из руководителей СА: «Вид большого подразделения дисциплинированных мужчин, единых внешне и внутренне, чей воинственный дух легко увидеть и почувствовать, оказывает глубочайшее воздействие на каждого немца и говорит его сердцу больше, чем любые книги, речи или логика, и языком более убедительным и ясным». В своей биографии Гитлера Фест цитирует следующие его слова: «У нас [немцев] есть другая ценность: наш воинский дух. Он здесь, но погребен под грудой иноземных доктрин и теорий. Великая и мощная партия может выбиваться из сил, пытаясь доказать противоположное, – но неожиданно мимо проходит военный отряд, слышна музыка, и мучимый кошмаром человек сбрасывает с себя сон и присоединяется к колоннам. Так и сегодня. Нашему народу нужно лишь указать верное направление – вы увидите, он замаршируетъ»[166].

Презрение к разуму

Фолькистское движение отрицало руководящую роль разума, революционные перемены, принесенные Просвещением, а также новый мир и новую цивилизацию, создаваемую в духе разума. Фолькистская традиция являлась прямой наследницей великого романтического периода, который провозгласил, что разум – это незаконный захватчик власти в человеческой душе и что здоровая народная жизнь должна основываться на традициях, расовых корнях и душе Народа (*Volk*). Зюннер так описывает общее настроение: «Люди чувствовали, что цивилизация – это нечто холодное и темное… Слышались жалобы на усталость, холод, упадок и тьму, говорили об отвращении к рациональному миру, традиционная религия которого уже была не способна к новым духовным импульсам»[167].

И опять можно сослаться на «Закат Европы» Шпенглера, хотя бы потому, что в Германии эту книгу приняли с восторгом, и не только те, кто был явным фолькистом или нацистом. (Нацисты пытались перетянуть Шпенглера на свою сторону, и поначалу он с энтузиазмом приветствовал их появление. Когда же он открыто заявил о своем разочаровании, ему было предписано молчать, что он и делал до своей смерти в 1936 году.) «Французская революция, – писал Шпенглер, – это всего лишь результат рационализма. Династическое чувство находится у западных рас в крови, потому-то они и ненавидят ум. Дело в том, что династия представляет собой историю, она и *есть* воплощённая история, тогда как ум находится вне времени и антиисторичен… Права человека, свобода и равенство – это пустые слова и абстракции, а не факты».

Мы помним, что Шпенглер воспевал крестьянина и питал презрение к городу, «сделанному из камня и превращающему в камень все живое». Город – это верный знак того, что культура превратилась в цивилизацию и что конец близок. «Вместо мира – город, закуток, куда всасывается вся жизнь страны, тогда как все остальное засыхает. Вместо здорового Народа (*Volk*), сросшегося с землей, – новые кочевники, паразиты, жители города. Появление прагматичного человека без традиций, без религии, движущегося в бесформенной, расплывающейся массе, умного, бессильного, с глубоко укоренившимся отвращением к крестьянству означает решительный шаг к распаду, к концу»[168]. Гитлеру тоже случалось критиковать город, но нечасто, например в «Майн Кампф», где он пытается перетянуть на свою сторону пролетариат, «этих порядочных рабочих людей… которые были не способны понять и не поняли полной бесстыдности доктрины, проповеданной им социалистическими агитаторами»[169]. Но, разумеется, базой его движения были именно города: Мюнхен, «столица движения»,

Веймар, в котором сидел Динтер, Нюрнберг, контролируемый Штрайхером, Байрейт с Винифред Вагнер, Берлин Геббельса. Именно на улицах городов нацисты будут биться с красными, этими «порядочными, введенными в заблуждение рабочими».

Клаус фон Зее приводит высказывание классического древнеримского автора о том, что германские племена, чувствующие себя комфортно в лесу, избегают городов «словно гробов, покрытых сетями», и что они считают города «бастионами рабства». Насколько же глубоко должно было сидеть в душе немецкого народа это отвращение к городу, если оно сохранилось даже тогда, когда Германия стала главной индустриальной страной мира и была озабочена тем, чтобы это признали другие. Странный парадокс: в то время, когда строились броненосцы и цеппелины, немцы мечтали о традиционной, дающей жизнь «культуре» в противовес презренной, высасывающей насухо «цивилизации». Когда строилась железная дорога Берлин—Багдад, немецкий народ страдал от разочарования в культуре (*Kulturpessimismus*); а когда весь мир стал использовать их точные инструменты, краски, химикаты, они стали жаловаться на «цивилизационный дискомфорт». Здесь налицо прогрессирующая психологическая аномалия, которая скоро достигнет критической стадии – ведь Германия считала этот раскол в душе нации не угрозой своему здоровью, а источником силы.

«Невротическое отношение Германии к современному миру ограничивало и примитизировало ее перспективу. Немецкие поля, немецкий лес, сверкающие ледяные вершины всегда противопоставлялись городскому ландшафту, ограниченное крестьянское существование – цивилизации метрополиса, культ Вотана – конвейеру, нордическое братство – структуре современного общества. Это было ложное обращение внутрь, убогие мечты о плуге, мече и счастье под липой»[170].

Иоахим Фест, написавший вышеприведенные строки, ничуть не преувеличивает, что подтверждает следующая цитата из немецкого автора Эрнста Вейчерта, который в 1949 году (то есть через четыре года после Второй мировой) написал: «Провидцам и истолкователям современности стало ясно, что за последние две сотни лет западный человек совершал самый страшный из всех грехов: грех интеллекта. Интеллект оставил в прошлом божественную милость древности и средневековья с тем, чтобы самому уподобиться Господу. Он покинул магическую землю, где остались примитивные люди… Он посадил на трон *ratio* (разум), который обитает в сознательном уме и больше нигде, для которого бессознательное – это глупость и источник беспокойств. Но мне кажется, что, когда с плеч тех, кто “знает”, с людей “с

ясным разумом", как тряпка, спадет их роскошная мантия, останутся лишь "бессознательные". Останутся лишь провидцы, истинные художники, истинные верующие и дети. И они поднимут свои творения к поверхности из глубин земли, куда не достать ни интеллекту, ни математической или химической формуле, ни философской теории, ни логике»[171].

Сущность этих умонастроений, лежащих в основе фолькистского движения, раскрывает Иоахим Фест: «Национал-социализм был лишь симптомом болезни, на которую он ясно указал. В сфере политических объединений он являлся самым ярким проявлением интеллектуальной неудовлетворенности, псевдорелигиозной жажды, потребности в вере и стремления укрыться от практической интеллектуальной деятельности в более гостеприимной полутьме поддельных метафизических миров. Эти стремления были в свою очередь пронизаны тоской интеллектуала, замкнутого в своем литературном мире, по единству с массами. Он стремился приобщиться к их жизненной силе, свободной от пут ума, к их близости к природе, а также к их силе и эффективности в истории, о которых говорит миф о Нации. По сути, национал-социализм представлял собой политически организованное презрение к разуму…

Его враждебность разуму была интеллектуальной, и само движение было, по сути, движением интеллектуалов-неудачников, потерявших веру в разум. Прежде всего, именно они и создали тот интеллектуальный фасад, без которого в эпоху науки невозможно было бы завоевать массы мелкой буржуазии – когда даже отрицание разума должно было быть рационально обосновано…

Эти тлетворные культурные и этические критерии были итогом длительного процесса, восходящего к началу XIX века, когда ум отворачивался от самого себя во имя философии жизни, воли к власти, грубого динамического витализма и постоянно отрицал европейскую рационалистическую традицию. Поколения философов, социологов, историков и психологов приложили руку к тому, чтобы "ум – противник души" [название влиятельной книги Людвига Клагеса] был низложен и заменен интуицией, кровью и инстинктом. На пьедестал взошла обычная глупость, что привело к беспрецедентному моральному банкротству и "поражению человечества"…

Это мощное антипросвещение, питаемое романтическими импульсами, было знакомо всей Европе. Достаточно вспомнить имена Карлейля, Сореля и Бергсона, указывающие на основные направления, которым следовало это возвратное движение в истории идей. Но лишь в Германии эта критика сумела стать

полномасштабным “разрушением разума”, лишь здесь это было осуществлено с такой мстительной тщательностью»[172]. Эти проницательные замечания датируются 1963 годом, но ничуть не устарели.

Послушаем теперь, что говорил об этом Раушнингу сам Гитлер: «Мы стоим в конце интеллектуальной эры». «Ум, возвеличивающий сам себя, стал иллюзией жизни. Наша [национал-социалистическая] революция – не только политическая и социальная: мы стоим в начале огромных перемен в моральных концепциях и интеллектуальной ориентации людей. Лишь сейчас, с нашим движением, переходный период, средние века, заканчиваются. Человечество пошло по неверной дороге, но мы кладем этому конец. Законы Ветхого завета больше не действуют… Начинается новая эра магического объяснения мира, объяснения через волю – не через знание.

С истинным существом мира можно вступить в контакт лишь через наплыв чувств, через действие. Мне не нравится Гете, но я готов многое простить ему за одну фразу: «Вначале было Дело». Лишь человек действия осознает истинное существо этого мира. Человек неверно использует интеллект. Интеллект – это не гордость человека, это лишь инструмент, временно необходимый в борьбе за существование. Человек пришел сюда, чтобы действовать. Лишь действуя, он выполняет свое национальное предназначение. Умозрительные натуры, обращенные в прошлое, как, например, религиозные люди, – это мертвецы, которые проглядели смысл жизни. И именно немцам, которые столько купались в мечтах и мыслях, необходимо вновь открыть ту истину, что лишь действие и непрестанное движение могут придать жизни смысл»[173].

Особый путь

Сопоставляя все то, что мы узнали о немецкой истории на дорогах, ведущих к Гитлеру, можно набросать некоторую общую канву, полезную для понимания целого. Первым серьезным контактом немецких племен с соседями по континенту было столкновение с Римом. После того, как они прошли практически по всей Европе и по части Северной Африки, назрела новая конфронтация с Римом, на этот раз связанная с принятием христианской веры. Те германцы, что оккупировали римские земли, перешли в христианство без труда, как показывает история Клодовеча (он же Кловис). Они делали это хотя бы для

того, чтобы укрепиться на захваченной территории и повысить свой статус. (Многие стали основателями феодальных родословных деревьев, которые, раскинув ветви, превратились в дворянство голубых кровей, весьма христианское.) Они были движущей силой христианизации тех язычников, что жили на своих исконных землях. Многим немцам нелегко будет простить германскому королю Карлу Великому избиение тысяч упорствующих саксов. Однако Гитлер его простил, и чтобы заставить СС сделать то же самое, Гиммлеру придется издать специальный приказ.

Мы видели, что германский национализм родился в русле «романтического» направления Ренессанса и самым громким голосом в этом хоре был голос Мартина Лютера. Тогда впервые задумались о различии между римско-латино-валлийским югом и арийско-нордическо-германским севером. «Лютер презирал урбанистическую и гуманистическую культуру Возрождения, которая угрожала простому благочестию восхищавшего его крестьянства… Лютер был единственным религиозным реформатором, который осуществлял свои преобразования в националистическом ключе. В своей важнейшей работе “Воззвание к дворянству немецкой нации” он провозгласил, что говорит только с немцами и ради немцев, и призвал немецких принцев взять в свои руки управление церковью и избавиться от разлагающего влияния Рима. Немецкие политики, философы и теологи будут неоднократно цитировать его, интерпретируя его Реформацию как первое великое проявление немецкой души, отвергшей католическое христианство как латинское, антигерманское и космополитическое, как главнейшую, после международного еврейства, угрозу тевтонскому народу»[174]. В результате таких высказываний Лютера и энтузиазма, с которым они были встречены, Возрождение, распространяясь от Италии к Франции и Англии, лишь едва задело Германию. Возможно, одной из глубочайших причин успеха Гитлера является то, что Германия упустила возможность приобщиться к мировой гуманистической культуре[175].

За лютеровской Реформацией последовала серия религиозных войн. Тридцатилетняя война опустошила земли, которые мы сегодня зовем Германией, утомив и истощив их на сотни лет вперед. В результате Германия так и осталась лоскутным одеялом, состоящим из множества княжеств, тогда как в Европе, главным образом под влиянием мыслителей Просвещения, оформлялась новая идея «нации». «Если в Англии и Франции концепции нации и государства имели рационалистически-гуманитарные основы, восходящие к

Кальвину, с одной стороны, и к Просвещению – с другой, то в Германии движение романтиков создало из концепций нации и Народа (*Volk*) священный миф. Именно отвержение Просвещения и мифологизация Народа являются теми специфическими факторами, которые направили Германию на особый путь развития [*Sonderentwicklung*] с далеко идущими последствиями»[176].

Первым эффектом этого специфически немецкого понимания нации, основанного на идеях расы и Народа (*Volk*), стала реакция на неудержимые наполеоновские завоевания и насильственное утверждение на завоеванных территориях принципов Французской революции. Немцы обратились к тому, что казалось им их истинными истоками, к деревне и воинственным обычаям предков, и создали «прусский дух» и Прусское государство. «Восточная Пруссия, в свое время собранная из залитых кровью и обращенных в христианство территорий Тевтонского ордена, так и не утратила своего феодального характера… Прусские ценности, военные и аристократические, стали священными сначала для немецкой элиты, а потом и для среднего класса. Опять исторические пути Германии и либерального Запада разошлись»[177]. Пруссия станет ядром государства Бисмарка, первой политической единицей, которую в полном смысле слова можно назвать «немецкой».

Чувство долга и прилежание в работе, внутренне присущие немецкому народу, привели к первому *Wirtschaftswunder* (экономическому чуду), которое направлялось группой политиков, промышленников, банкиров и военных. Они стали требовать для Германии достойного «места под солнцем» среди других европейских наций, снисходительно посматривавших на нее как на новичка. Изнутри Германия в то время как бы делилась на три части. Первая стремилась сделать из своей страны мировую державу, выразителем этих устремлений был Пангерманский союз. Второй частью было фолькистское движение, которое бежало от современного мира и индустриализации, скрывшись в скорлупе призрачного мира средневековых и доисторических фантазий. И наконец, просыпалась темная масса, четвертое сословие, пролетариат, с которым все больше приходилось считаться и на который традиционные классы посматривали со страхом. Политические интересы этих групп, существовавших внутри Германии, имели мало общего; но порой, в моменты кризиса, их на время сводило вместе чувство принадлежности к высшему народу с особой миссией в мире и для мира. Немцы, пишет Хаффнер, были «народом амбициозным».

Это чувство превосходства подверглось суровой проверке. В 1918 году Германия потерпела неожиданное и потому еще более ошеломляющее поражение, породившее миф об «ударе в спину». Закрепивший победу союзников Версальский договор содержал некоторые «унизительные» пункты, вызвавшие всеобщее возмущение. Надежда на отмщение стала общим стимулом, помогавшим народу самоутвердиться. Немцы черпали силу в особенностях германского характера и обращались к традиционным германским ценностям. То, что немцы – это особый Народ (*Volk*), способный отстоять свои претензии на мировую гегемонию, будет доказано. Все или ничего. Презренная Веймарская республика – это выкидыш Просвещения, отцами которого были победоносные союзники. Как только найдется лидер, способный соединить и направить разрозненные энергии Народа, его глубинные силы пробудятся и он сможет реализовать свои идеалы – он преобразует мир и наконец займет в нем достойное место.

Джордж Моссе пишет о «существенном отличии Германии от Запада», что часто называют *Sonderweg* – «особым путем». «Но была ли Германия единственной в своем роде в Европе? – спрашивает он. – В других государствах тоже были движения, сходные с новым романтизмом. Во Франции Баррес и Моррас также призывали к полному обновлению нации, к трансформации, которой должны подвергнуться и метафизические религиозные убеждения, и политическая деятельность. Однако нигде этот импульс не шел так глубоко, как в Германии, и нигде он не приводил к подобным последствиям. Важно подчеркнуть это еще раз, так как в последнее время немецкие историки рады указывать на параллели в развитии Германии и других западных государств. Да, сходство некоторых элементов есть, но специфика нового романтизма в Германии была совсем другой. Новая система ценностей, созданная романтической фолькистской идеологией, гораздо глубже уходила своими корнями в национальную психику»[178].

Германия чувствовала, что у нее есть истинные ценности, а не просто ментальные конструкции. Ею руководила божественная душа, а не капризный ум. Ее сила коренилась в исконных ценностях, а не в расслабляющей морали чуждой иудейской веры. В ее жилах текла чистая, не испорченная кровь. Они вовсе не самозванцы; немцы – это избранный народ, герои будущего, окруженные бессильными нациями, жертвами упадочной цивилизации. История уготовила Германии много страданий, та поздно вышла на мировую сцену, но она претендует на достойное, даже выдающееся место, оно назначено ей самой

судьбой и следует по праву. Ее окружают соперники, пытающиеся перекрыть ей линии снабжения, задушить ее индустрию и уморить народ голодом. Но Германия, не побежденная на полях сражений, поднимется вновь, сильная, как никогда, и Третий рейх станет реализацией ее целей. Люди довершат то, что было предначертано Богом.

10. Еврейский вопрос

Нам нужно подорвать всякую веру, вырвать из умов гоев само понятие о Боге и духе и заменить его арифметическими расчетами и материальными нуждами… Царь Иудеев будет настоящим вселенским Папой, Патриархом международной церкви…

Протоколы сионских мудрецов

Стереотип еврея

В предыдущих главах мы уже бегло ознакомились с антисемитским аспектом фолькистского движения: быть фолькистом значило быть расистом, по крайней мере, до некоторой степени, в Германии же расизм был, по существу, синонимом антисемитизма. Целью фолькистского движения было восстановление здоровья тела Народа (*Volk*), а это можно сделать, лишь удалив из него все чужеродные элементы, действующие как обессиливающие паразиты или болезнетворные бактерии. Такой «санитарный» подход был довольно обычным в истории всех крепко спаянных групп, обществ и наций. В большей части Европы евреи оказались под подозрением и стали жертвами христиан, забывших о том, что сами, во времена зарождения христианства и почти по тем же самым мотивам подвергались преследованиям римлян: их бросали на растерзание львам, распинали, а император Нерон использовал их в качестве факелов.

«Антисемитизм стал главной движущей силой распространения фолькистского движения, – пишет Джордж Моссе. – Те, кого привлекал антисемитизм, без труда принимали базовые фолькистские идеи. Те же, кто уже входил в это движение, легко соглашались с расистскими антисемитскими заповедями… Гитлер был антисемитом, и дело здесь не в беспринципности и не в конформизме. Его антисемитизм был глубоко прочувствованным убеждением, опиравшимся на все фолькистское мировоззрение. Да, его миропонимание и общая духовная предрасположенность базировались на вере в

иррациональную космологию, жизненные силы и мистику природы. Над всем этим можно смеяться, называть это мировоззрением сумасшедшего, но антисемитизм Гитлера был, тем не менее, реальным»[179]. С этим можно согласиться, и все же следует добавить, что гитлеровский антисемитизм был радикальнейшей версией его самой агрессивной фолькистской разновидности. Таких разновидностей было много, целый спектр – от возможности уважительного сосуществования до уверенности в необходимости полного избавления от евреев какими угодно средствами. И все же до сих пор остается спорным вопрос, задумывался ли вообще кто-нибудь до Гитлера о возможности их физического уничтожения.

Фолькистское движение, особенно в лице своих молодежных организаций, стало мощным инструментом распространения антисемитизма в Германии. Формирующиеся умы молодежи с готовностью впитывали эти идеи. Создание стереотипа «чужака» – будь это враг или просто «не такой, как мы» – это пропагандистский прием, использовавшийся с незапамятных времен. Стереотип еврея, созданный фолькистами, позаимствует пропагандистская машина Третьего рейха. «Еврей лишен души и всех добродетелей, он не способен поступать этично, так как иудаизм – это окаменелая приверженность еврейскому закону. Что за разительный контраст с немецкой душой, восприемницей природных таинств, проникнутой единством с космосом, стремящейся постичь великие деяния предков, укоренившейся в природе, почве, пейзаже!..

Постепенно этот стереотип начал действовать. С позиций религиозных и этических стали задаваться вопросом: а можно ли считать еврея человеком, раз у него нет настоящей души? В аспекте социологическом и экономическом говорили о дьявольском заговоре евреев по захвату власти над всем миром гоев… В целой серии романов еврейские персонажи оказывались лишенными всех человеческих черт и, как правило, плохо кончали, становясь жертвами своей жажды власти. Приписывая еврею низменные стремления, из него делали воплощение зла, для усиления эффекта обращая внимание прежде всего на его внешний вид. Считалось, что принадлежность к определенной расе полностью описывает индивида. В соответствии с этим, физические качества евреев противопоставлялись немецким идеалам красоты. Скрюченная фигура на коротких ножках, полнота, выражающая жадность и чувственность, и, конечно, “еврейский нос” составляли низменную противоположность эстетически пропорциональной фигуре нордического человека. Сказать по правде, эти стереотипы были в ходу уже в XVI—XVII

столетиях, но тогда они не играли решающей роли. Еврея в те ранние времена рисовали скорее в комичном, хотя и несколько уродливом, свете, тогда как для фолькистов он стал угрозой – он держал немцев в реальной кабале.

Этот расовый стереотип приписывал еврею столько гротескных качеств, что по сути тот перестал быть человеком», – заключает Моссе[180]. Обесчеловечивание других является необходимым условием того, чтобы «высший человек» спокойно управлялся с ними и не задавал себе лишних вопросов. «Иные» перестают быть людьми, они становятся чем-то низким, презренным и бросовым, ими можно распоряжаться как вздумается и избавляться от них без каких-либо угрызений совести. (Франц Штангл, бывший комендант лагеря уничтожения Треблинка, называл прибывавших эшелонами евреев «грузами»[14] .) Человек обладает удивительной способностью превращать себе подобных в предметы или просто в ничто.

«Грузы»

Литература о нацизме изобилует примерами таких высказываний. Например, в биографии известных женщин-нацисток, Анна-Мария Зигмунд приводит слова отца Герды Борман: «Еврей – не человек. Это агент разложения. Грибок, атакуя гнилое дерево, селится там и разрушает ткани. Так и еврей, воспользовавшись огромными потерями и упадком Германии в результате Тридцатилетней войны, пробрался внутрь немецкого народа и начал свою разрушительную работу». Вальтер Бух, этот самый отец, председатель комиссии по расследованию внутренних нарушений в НСДАП, «без устали проповедовал это своим детям». Другой пример, приведенный тем же автором: медики в Дахау проводили серию экспериментов, чтобы определить реакцию человека на резкие перемены давления на больших высотах. «Некоторое время велись эксперименты на животных. Но они противоречили национал-социалистическим законам об охране животных – их прекратили, когда лично вмешался “главный егерь” маршал Геринг. Пришлось использовать людей»[181].

Гитлер, еще один любитель животных, в одном из своих монологов, выражая отвращение к охоте, сказал: «Клянусь, никогда в жизни я не причиню боли маленькому зайчику». А Гиммлер в речи, обращенной к своим черным Капитанам Смерти, хвалился, что немцы – это «единственный народ на земле, порядочно относящийся к животным». Поэтому им надлежит

хорошо относиться к русским «человекообразным животным». Правда, он только что сказал о них следующее: «Если при сооружении противотанкового рва десять тысяч русских женщин свалятся – или не свалятся – от истощения, мне это безразлично, при условии, что ров для Германии будет готов в срок… Другие народы могут жить в довольстве или дохнуть с голоду – меня это касается лишь в том смысле, что нашей культуре нужны рабы. Ни в каком другом отношении меня это не интересует»[182].

Евгений Фишер, доктор-нацист, работавший главным образом с детьми, в 1939 году писал: «Когда народ тем или иным способом стремится сохранить свою природу, он должен отбросить чуждые расовые элементы. Если же те уже пробрались в народное тело, их надлежит выявить и уничтожить. Еврей – это именно такой чужак. Если он пытается пробраться внутрь, его нужно отогнать. Это самозащита. Говоря так, я вовсе не хочу представить евреев низшими существами, какими являются, например, негры. Не стоит недооценивать нашего величайшего врага. Но чтобы сохранить наследственное богатство моего народа, я буду бороться с евреями всеми доступными мне средствами, не останавливаясь ни перед чем». Когда Франца Клейна, еще одного нацистского доктора, участвовавшего в программе эвтаназии, спросили, как ему удавалось совмещать клятву Гиппократа с деятельностью в Освенциме, он ответил: «Конечно, я доктор и моя цель – сохранять жизнь. Из уважения к жизни человека я удалю из его тела воспалившийся аппендикс. Евреи – это гангренозный аппендикс в теле человечества»[183].

«Еврей – тоже человек, никто никогда в этом не сомневался, – говорил саркастичный Йозеф Геббельс. – Но ведь и блоха – животное, правда, не из приятных. И раз блоха – животное не из приятных, ни наши обязанности, ни наша совесть не предписывают нам защищать ее и заботиться о ней, с тем чтобы она окрепла и стала еще пуще кусать и мучить нас. Наша задача – обезвредить ее»[184]. А в 1942 году все тот же Генрих Гиммлер напоминал своим войскам: «С биологической точки зрения он [еврей] кажется полностью нормальным. У него есть руки, ноги и что-то вроде мозга. У него есть глаза и рот. Но в действительности это совсем иное существо, это чудовище. Оно лишь выглядит человеком. Его лицо похоже на человеческое, но ум его еще хуже, чем у животного. Внутри этой твари бушует чудовищный хаос, жуткое стремление к разрушению, примитивные желания и ни с чем несравнимое зло. Это просто нечеловек»[185].

Параллельно с трансформацией еврейского стереотипа, новую жизнь получили старые злобные сплетни о краже Святых

Даров, отравлении источников, колодцев и о похищениях и убийствах христианских детей. «В Германии, Франции и Австрийской империи легенда о ритуальных убийствах была на слуху. Ее периодически воскрешали; в особенности этому способствовали интеллектуалы, порой поднимавшие шумиху, выраставшую до размеров народного движения. Только в Австрийской империи между 1867 и 1914 годами было не менее двенадцати судебных процессов о ритуальных убийствах… Для народных масс эти суды и суета вокруг них были ясными доказательствами еврейского заговора против христиан»[186]. Ненависть к евреям была так сильна в сознании немецкого народа, что в Мюнхене, этих «Афинах на Изаре», Рудольф фон Зеботтендорф мог угрожать комиссару полиции погромом, который он якобы способен устроить, просто схватив любого еврея и протащив его по улицам, крича, что тот украл Святые Дары[187].

Евреи были уродливы, грязны, воняли специфической *foetor judaicus* (иудейской вонью, которая, согласно некоторым источникам, исчезала в момент крещения), а также были сексуальными извращенцами. Страх того, что чистая арийская раса путем половых контактов будет загрязнена евреями, стал настоящей манией. Ланц фон Либенфельс печатал изображения пышных голых женщин, чистокровных, но слабовольных и похотливых, которых насилуют обезьяноподобные монстры. Гитлер в «Майн Кампф» писал о черноволосом еврейчике, который часами выжидает возможности обесчестить ничего не подозревающую немецкую девушку, загрязнив ее кровь и уведя ее от Народа. В своих ранних речах он вновь и вновь вдалбливал это слушателям. Он говорил, что сутенеры, «торговцы девушками», все без исключения являются евреями. Еврей подавался как угроза немецкой «порядочности», угроза стремлениям восстановить чистоту расы. Раса означает размножение, размножение означает секс, а секс пробуждает природные инстинкты, порою низменные. Это подтверждала *Der Sturmer*, широко читаемая газета, которую издавал Юлиус Штрайхер. Гитлеру нравилось ее полупорнографическое содержание, и он поддерживал Штрайхера, нацистского руководителя в Нюрнберге, пока это было возможно. Этот мрачный сексуальный компонент нацистского антисемитизма, несомненно, усиливал жестокость обращения с евреями.

Другая важная черта стереотипа еврея – это его отношение к деньгам. Еврейский банкир, процентщик, ростовщик, скупец вошел в пословицу в нескольких европейских языках. «Биржевой маклер, толстый банкир – вот образы евреев, тиражируемые в

популярной литературе. Особым символом капиталистического кошмара, навязанного немецкому народу евреями, стала биржа. Она была центром их системы власти, и именно туда, заявляли фолькистские мыслители, направит свой основной удар мировая революция, чтобы свергнуть этих чужекровных властителей денег… Но массовая антисемитская пропаганда сделала еще один шаг вперед: она слила вместе образы еврея, жаждущего денег, и еврея, вожделеющего арийских женщин. Результатом стала картинка, широко использовавшаяся в пропаганде: жирный еврейский банкир, ласкающий блондинку, сидящую у него на коленях»[188].

Леон Поляков в своей «Истории антисемитизма» показывает, каким образом в ходе европейской истории денежные обороты остались единственной формой деятельности, которой еще могли заниматься евреи, их спасательным кругом. Именно поэтому они относились к деньгам как к чему-то «священному, источнику всей жизни. Как-то незаметно оказалось так, что за каждый шаг, за каждое действие повседневной жизни еврей был обязан платить налог. Он должен был платить за приход и уход, за покупку и продажу, за право на общую молитву, за женитьбу, за родившегося ребенка, даже за мертвеца, уносимого на кладбище. Без денег еврейская община была обречена… В этом, и только в этом смысле поверхностному наблюдателю может показаться, что еврей был главным проводником “капиталистической ментальности”». Поляков также отмечает, что далеко не все евреи были Ротшильдами: «большинство было мелкими заимодавцами, старьевщиками, которые перебивались со дня на день и жили в постоянном страхе и непрекращающейся нищете»[189].

«Без христианства нет антисемитизма»

Традиционные антисемитские умонастроения, широко распространенные не только в Германии, но и в Европе в целом, стали результатом исторического процесса, восходящего к жизни и смерти Иисуса Христа и тесно связанного с христианством. В Европе, где христианство стало главным элементом культуры, отношение к евреям базировалось на предположении, что они отказались признать Христа мессией и убили его. Об этом говорится в Новом Завете, в книге священной, следовательно – это несомненная истина. В книге «Происхождение Сатаны» Элен Пагелс прослеживает, как авторы канонических евангелий – Марк, Лука, Матфей и Иоанн – постепенно становятся все более враждебными по отношению к евреям. В этом они шли по стопам

Павла из Тарса, который сам был иудеем, но обратился в христианство и последовательно преобразовывал иудейскую секту последователей Христа в потенциально всеобщую (*catholic*) религию, уже не ориентированную на какой-то определенный народ, его обычаи и верования.

Пагелс показывает, как авторы евангелий – писавшие через одно-два поколения после событий, о которых они якобы рассказывают как очевидцы, – мало-помалу снимают с римлян ответственность за распятие Христа и перекладывают ее на евреев. Грозный наместник Иудеи Пилат «от евангелия к евангелию становится все мягче… Чем больше отдаляются от авторов описываемые события, тем симпатичнее он выглядит». С исторической точки зрения Понтий Пилат, видимо, был таким же безжалостным чиновником, как и любой другой римский наместник или проконсул. «Марк изображает его милостивым, и это увеличивает вину еврейских руководителей, поддерживая ту точку зрения, что именно евреи, а не римляне были главной движущей силой, приведшей к распятию Христа». Согласно Матфею, Пилат умыл руки, чтобы показать свою невиновность в кровопролитии. В тот самый момент «еврейские лидеры и “весь народ” признали свою коллективную ответственность и произнесли слова, которые впоследствии превратились в проклятие им всем и всему их потомству: “Пусть его кровь будет на нас и наших детях!”»[190].

Иуда Искариот, который выдал Иисуса властям и который будет рассматриваться позже как типичный представитель еврейского народа, был, согласно евангелию, одержим дьяволом, вселившимся в него перед тем, как он совершил это гнусное деяние. Через некоторое время эта одержимость дьяволом будет перенесена на весь еврейский народ в целом. «Хотя Иуда и не выделяется в евангелиях своим особым еврейством (все апостолы, по крайней мере, номинально, были евреями), особая папская булла еще в пятом веке сделала эту идентификацию официальной… Неофициально же элементы евангельской истории об Иуде создали – или помогли созданию – самых гнусных еврейских стереотипов: его предательство произошло из-за денег (он продал Иисуса властям за тридцать сребреников), он был алчным казнокрадом (в евангелии от Иоанна он прикарманивал деньги, собранные учениками для бедных), а главное, он был бесчестным, коварным предателем, улыбающимся негодяем, целующим Иисуса и одновременно наносящим ему удар в спину»[191].

«Почти две тысячи лет, – пишет Пагелс, – многие христиане считали само собой разумеющимся, что евреи убили Христа, что

римляне были их невольными инструментами и что ответственность за это несут не только непосредственные участники тех событий, но, как настаивает Матфей, все их потомство. Несмотря на противоречащие этому высказывания Иисуса, бесчисленные множества христиан, слушая евангельские истории, веками учились отождествлять евреев-христопродавцев с силами зла. И грамотные и неграмотные, слушая библейские истории или глядя на изображения в церквях, безусловно признавали их религиозную значимость и историческую правдивость… И так как христиане, читавшие евангелия, разумеется, отождествляли себя с учениками Христа, то своих противников – евреев, язычников или еретиков – они на протяжении почти двух тысяч лет отождествляли с силами зла и, следовательно, с Сатаной»[192].

Это сказано весьма деликатно. Хиям Маккоби, литературовед, получивший образование в Оксфорде и ставший историком религии, в разговоре с Роном Розенбаумом выскажет ту же самую мысль резче: «Христиане говорят, что холокост – это выражение зла человеческой природы. Это не зло человеческой природы. Это зло христианства… Гитлер был воспитан в ненависти к евреям, в особенности в ненависти к евреям как к народу дьявола. Он потерял христианскую веру, но сохранил ненависть к евреям как к дьявольскому народу… В холокосте я виню не Германию. Я виню христианство»[193].

Антиеврейская точка зрения, принятая авторами евангелий, вскоре была усвоена и апробирована так называемыми отцами Церкви, которые превратили ее в церковную доктрину, обязательную к принятию на протяжении последующих веков. Ориген (ок. 185—254 н.э.) писал: «И посему мы можем утверждать с абсолютной уверенностью, что евреям никогда не вернуться к прежнему состоянию, так как они совершили гнуснейшее преступление – замыслили заговор против спасителя человечества… И потому было необходимо, чтобы город, где страдал Иисус, был разрушен до основания, и евреи были изгнаны из домов своих, и другие [то есть христиане] призваны Богом к благому избранничеству». Григорий Нисский проповедовал примерно в то же время в истинно христианском духе: «Убийцы господа, умертвители пророков, восставшие против Бога ненавистники его, они искажают Закон, не приемлют благодати и отвергают веру своих отцов. Приспешники дьявола, змеиная раса, доносчики, клеветники, с умом затуманенным, фарисейская закваска, синедрион демонов, проклятые, презренные, побиватели камнями, враги всего прекрасного…» А из златых уст Иоанна Златоуста излились следующие слова:

«Синагога – это бордель и театр, вертеп разбойников и логово диких зверей… Живущие для чрева своего, со ртами постоянно разинутыми, в похоти и обжорстве евреи подобны козлам и свиньям…»[194]

Крестовые походы и Черная Смерть

Хотя в ходе своей удивительной истории евреи никогда не были в безопасности, их особенно не донимали до призыва к первому крестовому походу, провозглашенному Урбаном II в 1095 году. С неожиданным рвением тысячи западноевропейских бедняков оставили то немногое, что имели, последовав за людьми типа Питера Отшельника в надежде обрести либо счастье, либо полный желудок, вышли за пределы окрестных лесов, являвшихся естественными границами их маленького и невежественного мирка. Эти орды, фанатичные в своем невежестве и потому опасные, действовали независимо от организованного похода королей и принцев. Они грабили и резали, чтобы выжить. Пронесся слух, что герцог Годфри Бульонский, один из руководителей крестового похода, поклялся отплатить евреям за пролитую кровь Христа. «Не было недостатка в проповедниках, подстрекавших к избиению евреев, не дожидаясь битвы с сарацинами». Логика была проста: разве не евреи убили сына Божьего? Разве не из их среды выйдет антихрист? Зачем тогда идти на восток убивать сарацинов, оставляя это дьявольское отродье в целости? Первых евреев убили в Руане, на северо-западе Франции, и иудейские общины этого района послали предупреждение своим братьям в Германии, так как «крестоносцы», по всей видимости, собирались двинуться вверх по Рейну к центру Европы. «Но общины рейнской долины, хорошо обосновавшиеся, богатые, добившиеся особого статуса, не приняли это предупреждение всерьез»[195]. Они об этом пожалеют.

В Германии первыми жертвами стали евреи из Шрейпера, затем пришла очередь Вормса, Майнца и нескольких деревень, где евреи попытались укрыться. Главным подстрекателем к убийствам был немецкий виконт Эмихо фон Лайзинген, «дворянин с подпорченной репутацией и разбойник», по словам одних, «человек очень благородный и могучий», говорят другие. «Вюрцбургский епископ собрал тела убитых евреев. Пальцы. Ступни. Руки. Отрезанные головы. Он помазал эти кровавые останки елеем и закопал в своем саду, ибо выполнение долга – в природе человеческой. «Иерусалимские паломники» виконта Эмихо пошли вверх по Рейну к Кёльну. Здесь, как и в других

местах, иудеи бежали, пытались скрыться или изменить внешность. Те, кто были пойманы и не захотели принять «свет этого мира», были убиты, их синагоги были разрушены и сожжены»[196]. А орды шли вперед с песнями об Иерусалиме, со множеством прочувствованных «аллилуйя», грабя и разрушая, оставляя за собой след иудейской крови в Меце, Трире, Регенсбурге, Бамберге, Праге, Нитре…

Вместо того чтобы согласиться принять крещение, что спасло бы им жизни, немецкие евреи сперва убивали своих близких, а потом кончали с собой. «Этот убил своего младшего брата, тот – своих родителей, жену и детей. Все чистосердечно склонялись перед божественным вердиктом [об их смерти], поручая свои души всевышнему и взывая: «Услышь, Израиль, вечный наш Бог, вечный Единый!» Поляков считает эти убийства евреев крестоносцами «важнейшим моментом» в истории иудеев. Тем летом 1096 года родилась традиция героического и абсолютного противостояния меньшинства подавляющему большинству. Это меньшинство было готово отдать свои жизни «во славу Имени» – традиция, ставшая примером для следующих поколений[197].

С тех пор на евреев была открыта охота, которую могла начать любая толпа, легковерная, возбудимая, ищущая козлов отпущения и добычи. «Походят на животных больше, чем сами животные, / все евреи, в этом нет сомнений. / Их страшно ненавидят, и я тоже… / И Бог их ненавидит, / и каждый должен ненавидеть их», – говорит летописец. Евреям теперь предписывалось носить особый знак – желтую метку, звезду Давида или, как в Германии – согласно предписанию IV Латеранского собора 1215 года – желтую коническую шляпу. «В странах, где христиане одеты так же, как евреи и сарацины, имеют место отношения между христианами и еврейскими или сарацинскими женщинами, и наоборот. С тем чтобы в будущем преступники не могли ссылаться на незнание, мы постановляем, что отныне все евреи, мужчины и женщины, будут носить особую одежду, что, впрочем, предписывал еще Моисей»[198].

Поляков рассказывает об одном из страшнейших погромов в германском городишке Рёттинген, где евреев в 1298 году неожиданно обвинили в осквернении гостии (Тела Христова). Некий Риндфлайш повел против них толпу и убил и сжег всех до единого. Но Риндфлайш, этот «палач евреев», как его назвали впоследствии, не остановился на этом. Он повел свои толпы евреененавистников по разным местам, нападая на евреев и убивая их, щадя лишь тех, кто соглашался креститься. Волна убийств прокатилась по Франконии и Баварии и оставила десятки тысяч жертв. «Новым здесь было то, что за предположительное

преступление одного или нескольких евреев отвечали *все* евреи страны… Пользуясь современным языком, можно сказать, что это был первый (не считая похода крестоносцев) случай “геноцида” евреев в христианской Европе»[199].

Следующая фаза в нашем все более мрачном повествовании открывается Черной Смертью, которая в течение трех лет (1347—1350 годы) свирепствовала в Европе, уничтожив, по меньшей мере, треть населения. Многие историки соглашаются с тем, что это была одна из самых низших точек в европейской истории, а один называет это время «веком Дьявола». «В городах заболевали тысячами. Почти все заболевшие умирали, так как не было ни заботы, ни помощи. По утрам их тела находили у дверей домов, где они умерли ночью. Дошло до того, что о телах умерших заботились меньше, чем сейчас о трупах самых презренных животных», – пишет Джованни Боккаччо. Но люди задавались вопросами: что это за напасть и откуда пришла она? Послана ли она богом или дьяволом? Но разве не известно, кто на земле является агентами сатаны? И козлов отпущения нашли – евреи! Они останутся в этой роли на долгие века.

В Страсбурге две тысячи евреев сожгли на их собственном кладбище, а их имущество разделили между жителями. Этому примеру последовали Кольмар, затем Вормс, Оппенгейм, Франкфурт, Эрфурт, Кёльн, Ганновер… Затем на сцене появились флагелланты, организованные группы фанатиков. Они шествовали из одного местечка в другое, публично избивая себя бичами и шиповатыми ремнями, пока плоть не начинала отделяться от костей. Они молили Господа сжалиться над этим грешным миром и призывали к общему покаянию, так как конец близится… А так как конец света означал предварительный приход антихриста, евреи объявлялись вне закона. Зачастую их начинали убивать сразу же по окончании благочестивых упражнений флагеллантов.

«Со второй половины XIV века, – пишет Поляков, – ненависть к евреям достигла такой силы, что мы безоговорочно можем сказать: именно в то время произошла кристаллизация антисемитизма в его классической форме. Позже это вызовет замечание Эразма: “Если ненависть к евреям – признак истинного христианина, то все мы истинные христиане”… В некоторых странах евреев уже не было [они были изгнаны из Англии, Испании и Франции] – тогда их изобретали. Чем меньше христианское население сталкивалось с евреем в обыденной жизни, тем больше ему не давал покоя его призрак, о котором говорила литература, на которого они глазели в церкви, который осмеивался в детских играх и театральных мистериях… В Англии

и Франции евреев будут презирать не меньше, чем в Германии и Италии. Интенсивность этих чувств, по всей видимости, зависит от среды, из которой произрастает народная культура. В германских странах эти чувства острее, чем в латинских. Все шло к тому, что Германия станет одной из самых антисемитских стран в мире»[200].

Антисемит Лютер

Затем пришла Реформация, а с ней и гигантская фигура Мартина Лютера, чья тень лежит на всей последующей германской истории. В предыдущей главе мы упоминали его как предтечу национализма; здесь мы поговорим о его влиянии на чувство, неразрывно связанное с национализмом – на расизм, который в этом случае проявляется, прежде всего, как антисемитизм. «Верно, поначалу евреи приветствовали Реформацию, так как это разделяло их врагов, – пишет Поль Джонсон. – Верно и то, что в поисках поддержки своего нового толкования Библии и отвержения папских прав Лютер в первую очередь обратился к евреям. В памфлете 1523 года, озаглавленном «По поводу того факта, что Христос был рожден евреем», он проводил мысль, что теперь ничто не мешает евреям принять Христа, и наивно ожидал их массового обращения в христианство. Когда же те ответили, что Талмуд толкует Библию лучше, чем он, Лютер, и в свою очередь призвали его обратиться в их веру, он сперва заклеймил их за упрямство, а позже, в 1543 году, набросился на них с яростью. Его памфлет “О евреях и о лжи еврейской”, напечатанный в Виттенберге, можно назвать первой работой в современном антисемитском духе, гигантским шагом вперед по дороге к холокосту»[201].

Антисемитизм стал навязчивой идеей Лютера, как и все то, что якобы служило делу его жизни. Он стал «автором брызжущих ядом крикливых антисемитских работ», целой их серии. К примеру, он писал: «О, как любят евреи книгу Эсфири, которая так чудно согласуется с их кровожадной, мстительной, убийственной жадностью и злопамятностью. Никогда солнце не осветит народа более кровожадного и мстительного, который считает себя народом избранным, а потому обязанным душить и убивать язычников»[202]. Или: «Конечно, мне, проклятому гою, не понять, откуда у евреев столько сноровки. Но вот что приходит мне в голову: когда Иуда Искариот повесился, то все его внутренности вывалились наружу. Наверное, евреи послали своих слуг с серебряными блюдами и золотыми сосудами собрать

иудову мочу и другие богатства, а затем пили и ели его потроха. Этим они так заострили свой взгляд, что сумели найти в Писаниях смысл, которого не нашли ни Матфей, ни даже сам Исайя, не говоря уже о других проклятых гоях»[203].

«Что же нам, христианам, делать с этим проклятым убогим народом – евреями?» – спрашивает Лютер. У него был готов ответ: их школы и синагоги должны быть сожжены, их дома сровнены с землей, все их молитвенники и Талмуды должны быть конфискованы, так как они полны идолопоклонства, лжи, проклятий и святотатства. Их рабби следует запретить преподавать под страхом смерти. Евреи не должны свободно разгуливать по улицам. Нужно запретить их заимодавство, а все золото и серебро отобрать. Молодых и сильных евреев обоего пола нужно заставить работать в поте лица – они должны возвратить все деньги, которые выманили обманом у немцев. Потом их нужно изгнать из страны[204]. Несколько авторов, упоминающих об этой программе, напоминают читателям о том, что назвавший Лютера «мощным врагом евреев» Гитлер как раз ее-то и будет осуществлять. Правда, он добавит в нее один пункт собственного изобретения, немыслимый для других – во всяком случае, в таком буквальном толковании. «Историческая связь между антииудаизмом Лютера и антисемитизмом национал-социалистов очевидна»[205].

«Лютер был расистом чистой воды, – утверждает Джон Вайсс. – Его вовсе не беспокоило то, что его ненависть к евреям отрицает способность Христа искупить грехи всего человечества. Для него еврей просто не был человеком. Как позже будут заявлять “немецкие христиане” из нацистов: искупление людских грехов Христом на евреев не распространяется»[206]. «Легко проследить генеалогическую линию, ведущую от Мартина Лютера к Адольфу Гитлеру. Обоих, и Лютера, и Гитлера, преследовал один и тот же кошмар – вселенная, полная евреев. “Знай, христианин, – писал Лютер, – что после Дьявола у тебя нет врага более жестокого, ядовитого и опасного, чем истинный иудей”. Сам Гитлер в ранней беседе с Дитрихом Эккартом утверждал, что Лютер поздний, антисемитский и есть настоящий Лютер. Придя к власти, нацисты обратились за поддержкой к авторитету Лютера, и его антисемитские работы вновь стали популярны. Нет сомнений, что сходство между ранними нападками Лютера на евреев и современным расистским антисемитизмом и даже гитлеровской расовой политикой не случайно. Все они принадлежат одной и той же исторической традиции» (Люси Давидович[207]).

Лютер со всеми своими достоинствами и не менее заметными

недостатками кажется воплощением немецкого характера. Себастьян Хаффнер находит, что он «практически персонифицирует немецкий характер», а Томас Манн считает его «гигантской инкарнацией немецкой сущности». В нем были и утонченность, и широта интересов, и глубокая образованность Возрождения; его вдохновенное использование немецкого слова практически заново создало немецкий язык; у него было влечение к музыке, он любил играть в кругу семьи. Здесь было и его признание за человеком права использовать свой разум, и отказ принимать то, что кажется ошибочным, и готовность биться за автономию разума в жизни индивида. Был также и духовный импульс, исходящий из самой души и требовавший свободы индивидуального развития. Однако в том же самом человеке была и грубость, без сомнения, соответствовавшая общему состоянию умов того времени, зачастую опускавшаяся до хамства и непристойности. В мире, созданном «этим немецким пророком нордической религии» (Моссе), было больше докучного дьявольского присутствия, чем утешительной милости божьей. И несколько Лютеровских лилий чистой духовности выросли на куче компоста из психологических конфликтов и отчаяния. Германия, откликнувшаяся на призыв Адольфа Гитлера, страдала от тех же противоречий, разрывавших ее на части.

Больше терпимости

Какое же отношение к евреям преобладало на следующей стадии европейской истории, во времена Просвещения? Принципом Просвещения было радикальное сомнение во всех истинах и догмах, которые раньше считались непререкаемыми – их вновь ставили под вопрос. Из-за открытия новых земель и новых народов вопросов становилось все больше. Уверенность в безусловной справедливости религиозных и политических догм уже сильно пошатнулась из-за жестоких религиозных войн, которые вели между собой государства, казавшиеся цивилизованными. Более того, наука изменила взгляд человека на космос и, следовательно, на создателя этого космоса. Галилей открыл новые небесные тела, система Коперника давно стала общепризнанной, а из законов Ньютона следовала структура Вселенной, едва ли согласующаяся с библейской историей творения. При этом ученые, подобные Ричарду Саймону, показали, что Библия, если ее анализировать филологическими методами как любой другой документ, оказывается гораздо менее связным творением, чем можно было бы ожидать от слова

Божьего.

Англия, родина Просвещения, была образцом терпимости. Такие мыслители, как Джон Толанд, Джон Локк и Дэвид Юм стали гордостью ее культуры. Они пытались дойти до окончательных выводов, к которым может привести этот просвещающий, но так часто заблуждающийся человеческий разум. Во Франции мы встречаем Пьера Бейля (1647—1706), «великого апостола терпимости», который в эти не слишком терпимые времена бежал в Голландию, которая тогда была приютом всех свободных умов. Его «Исторический и критический словарь», составленный в Роттердаме, «до сих пор остается одним из самых впечатляющих документов, обличающих бесстыдные поступки человека и путаницу в его уме». Его «Рассуждение о терпимости», с другой стороны, задавало тон беспристрастному подходу к вещам и людям.

Здесь нам предоставляется случай поговорить об одном философе-просветителе, о Мари-Франсуа Аруэ, то есть о Вольтере. Странно, что этот человек, один из самых заметных борцов за свободу, равенство и братство, был также «злобным антисемитом» (Вайсс). В его «Философском словаре» легко можно встретить множество колкостей, направленных против евреев. Например: «Евреи, наши учителя и враги, которым мы верим и которых ненавидим», или: «Евреи обращаются с историей и старыми преданиями так же, как их старьевщики со старой одеждой: они выворачивают их наизнанку и потом продают по самой высокой цене»[208]. Английский редактор и издатель «Словаря» пытается защитить своего автора: «Такие обороты обычны у Вольтера и питают легенду о его антисемитизме… Не то чтобы он не любил евреев по “расовым причинам”, он не любил их просто потому, что это народ Ветхого Завета и предтеча христианства». Довольно странный повод не любить кого-либо[209].

«И поэтому я спрашиваю, господа, чего требуют для себя французские протестанты и другие люди, не являющиеся католиками? – Свободы и равенства прав. Теперь я прошу за изгнанный из Азии народ, который постоянно в дороге, постоянно вне закона, который постоянно преследуют вот уже более восемнадцати столетий, за народ, который принял бы наши обычаи и манеры, если бы мы включили его в тело государства теми же, общими для всех, законами, и который мы не можем попрекать его моралью, так как она является результатом нашего собственного варварства и тех унижений, которым мы его незаслуженно подвергли!»[210] Вот как во времена Революции во Французской Национальной Ассамблее говорил один из депутатов. Евреи, не без некоторого противодействия, были

уравнены в правах 27 сентября 1791 года. Наполеон построил свой «Наполеоновский кодекс» (1804 год) на идее, что все граждане равны перед законом. Он вводил его в употребление на всех завоеванных им землях, разрушая вековые традиции и давая народам возможность впервые вкусить свободы и равенства. Как и у всякого нового напитка, у равенства был странный вкус, и некоторые его отвергли. Лишь постепенно, по мере того как накатывались и откатывались волны революций XIX века, оставившие свой след во всех европейских странах, идеалы Французской революции утверждались в умах и на политической практике. Гитлер и нацизм, вышедшие из среды, которая так и осталась противником этих идей, предприняли последнюю решающую попытку отвергнуть и уничтожить их.

«Евреи – наша беда»

«Еврей остается евреем и в Германии, и в любой другой стране. Нам никогда не изменить этой расы, даже если бы она жила среди других народов веками», – говорит «Справочник Гитлерюгенда», изданный в 1937 году[211]. Это утверждение, часть доктрины, усвоенной этими всегда готовыми на подвиг героями, выглядит абсурдно, если поместить ее в контекст остальных нацистских верований. Разве раса не вопрос крови и разве кровь не меняется постоянно – в худшую или в лучшую сторону, смешиваясь с кровью других типов? Если же такая перемена невозможна, то как же Гитлер с Гиммлером собирались возвысить германскую расу, постепенно очищая ее кровь? И как тогда был бы возможен «грех против крови» через сексуальные отношения с презренной еврейской расой и с другими недочеловеками?

Фихте был «философом немецкой освободительной войны против Наполеона», мы уже встречали его в этом качестве. Его знаменитое «Обращение к немецкой нации» (1808 год) было написано еще тогда, когда французские войска стояли в Берлине. В этом обращении он одним из первых сказал, что, если погибнет Германия, вслед за ней погибнет и все человечество. «Фихте называли отцом немецкого национализма. Его также можно назвать и отцом немецкого антисемитизма. Его прославление немецкой нации шло рука об руку с нападками на евреев. В 1793 году он возражал против планов уравнивания в правах всех граждан, характеризуя евреев как государство в государстве, подтачивающее немецкую нацию. Еврейские идеи так же отвратительны, как и французские. Единственный метод, который заставил бы его примириться с уравниванием евреев в правах,

был следующим: “в одну ночь отрубить всем им головы и заменить новыми, без единой еврейской мысли внутри”»[212].

Люси Давидович считает, что со времен Наполеона освобождение евреев шло циклами, тесно связанными с успехами Германии на внешнем и на внутреннем фронте, сопровождающимися нарастающими волнами националистических чувств. Каждый шаг немецких евреев на пути к свободе всякий раз вызывал все большую антисемитскую реакцию. «Чем сильнее было стремление к национальному единству, тем острее вставал еврейский вопрос», – замечает Джордж Моссе. Одной из важнейших фокусных точек этих циклов стало, разумеется, объединение Германии фон Бисмарком в 1871 году. Начиная с этого времени атаки на евреев перестают быть выражением личного мнения или общетеоретическими рассуждениями по расовому вопросу, они воспринимаются как необходимые действия по защите национального благосостояния. И серьезность этих атак была прямо пропорциональна серьезности идей немцев о своей собственной ценности как Народа и о той роли, которую этому Народу суждено сыграть в судьбах мира. «Чужеродное тело» еврейства, хотя и представляло собой меньшинство в один процент населения, считалось весьма опасным для здоровья Народа. При этом оно было удобно в качестве козла отпущения всех проблем этой страны, внутренне глубоко разделенной и переживавшей глубокий психологический кризис.

На евреев проецировалось все то, чем реакционная Германия быть не желала или делала вид, что не желает быть, а также то, чем она в действительности *была*, но быть не хотела. Евреи ассоциировались с наступающим новым миром, тогда как реакционная Германия продолжала смотреть внутрь себя, что было не так уж плохо, или назад, что было куда хуже. Тем временем Германия превращалась в одну из самых индустриально развитых стран мира. Это все больше расщепляло ее сознание, делало ее все шизофреничнее, а евреев – все виновнее. И то, что евреи были умны, а некоторые – весьма заметны, подливало масла в огонь.

Для того чтобы понять атмосферу того времени, необходимо привести несколько цитат. Именно тогда в хорошо структурированном, но психологически нездоровом германском обществе антисемитизм впервые сформировался как организованная сила. Известный востоковед Поль де Лагард, который стал “святым покровителем всех фолькистских антисемитов”, напечатал в 1878 году свои «Немецкие эссе». Он был убежден, что его современники евреи «потеряли всякую связь

с древними иудеями; они окаменели, прекрасный пример иссохшего духа. Теперь сущностью иудаизма стал фарисейский фундаментализм, основывающийся на буквальном следовании закону. И так как такой стерильный подход к религии несовместим с полным жизни мистицизмом, он никогда не сможет соединиться с живой и развивающейся немецкой религией. Поэтому еврею никогда не стать немцем…

Лагард приписывал еврейству заговорщические планы. Ведь отсутствие истинной религии означает обращение ко злу, подмену направленной внутрь веры материальными желаниями. По всей видимости, Лагард верил, что евреи практикуют ритуальные убийства, и даже заявлял, что Талмуд и его заповеди делают из евреев серьезных противников в неизбежной борьбе за власть. Поэтому к еврейскому вопросу нельзя подходить с позиций терпимости. Напротив, его можно свести к моральному противоборству: в конце концов, победит либо еврейский, либо "истинно" немецкий образ жизни… Еврей стал воплощением зла. Быть может, Лагарду было не чуждо человеколюбие, но оно несовместимо с его призывом уничтожать евреев, как бацилл»[213]. Этой метафоре была суждена долгая жизнь. Еще раз следует напомнить, что такого рода тексты публиковались и цитировались не только нацистами, но всеми антисемитскими организациями, а в донацистской Германии их было хоть пруд пруди.

«Антисемитская лига», первая организация, носящее такое откровенное имя, была основана в 1879 году. Евгений Дюринг, философ и экономист, напечатал в 1880 году свою работу «Еврейский вопрос как вопрос расовый, моральный и экономический», заявляя при этом, что он первым проанализировал этот вопрос в «расовых» терминах. «Для Дюринга евреи были "антирасой", отделенной от всего человечества. На нее не может повлиять ни ассимиляция, ни обращение в христианство, так как фундаментальная природа евреев зла и изменить ее невозможно. Он разделял тезис Вагнера о том, что христианская традиция является продуктом "иудейского ориентализма" и поэтому те, кто упрямо цепляется за христианство, не могут в действительности противостоять евреям или защитить "нордическую традицию"»[214]. «Лишь нордические боги могут привести немецкий народ к победе, ибо лишь нордическая религия способна противостоять еврейской инфильтрации. Согласно Дюрингу, силы еврейского материализма и старого германизма уже выстроились в боевой порядок. Благодаря расовой силе, внутренне присущей немцам, они восторжествуют над вторгшимися чужаками. Так готовые

формулы фолькистской мысли стали оружием в руках немецкого антисемитизма»[215].

«1880 год был годом водораздела, – пишет Давидович, – и началом антисемитской кампании, длившейся почти двадцать лет. Словно все тихие струи предрассудков слились в один мощный поток ненависти, затопивший страну. Это началось в конце 1879 года, когда Генрих фон Трейчке, национал-либерал и влиятельный профессор истории Берлинского университета, начал печатать в редактируемом им “Прусском ежегоднике” (*Preussische Jahrbücher*) серию статей по еврейскому вопросу. “Даже в высокообразованных кругах, даже среди тех, кого возмутили бы идеи, отдающие шовинизмом или религиозной нетерпимостью, раздалось как эхо: Die Juden sind unser Unglück! (Евреи – наша беда!). Эта фраза вновь и вновь отзовется в Германии в следующих поколениях. Генрих Класс, ведущий антисемит [и руководитель Пангерманского союза], спустя поколение напишет: «к моему двадцатилетию эта фраза стала частью моей души и тела и очень существенно повлияла на всю мою политическую работу”. Статьи Трейчке выходили в форме памфлетов и придавали антисемитскому движению вес и профессиональный авторитет. Трейчке, по словам антисемитов, выражал мысли “тысяч, а может быть, и миллионов своих соотечественников”»[216]. Поляков называет Трейчке *le maître a penser* (властителем дум) всей немецкой националистической молодежи. В этом качестве мы уже познакомились с ним в одной из предыдущих глав.

Объективности ради нужно отметить, что антиеврейские работы Трейчке вызвали волну возражений. Его самым заметным оппонентом был великий латинист Теодор Моммзен. Он с тревогой говорил о том, что Трейчке придал антисемитизму респектабельность, а это приведет к эскалации конфликта. «До конца своих дней Моммзен боролся против германского шовинизма и расизма и против «этих националистических идиотов, которые хотят заменить всеобщего Адама Адамом-немцем и наделить его всеми богатствами человеческого духа». Прямо или косвенно, эти дискуссии пополняли набор расхожих идей, и «антисемитизм интегрировался в буржуазный образ жизни. Множились антисемитские движения и партии, созывались международные конференции (Дрезден – 1882 год, Чемниц – 1883 год), многочисленные студенческие организации принимали решения об исключении евреев из своих рядов…»[217]

Теодор Фрич, который в нашем повествовании уже появлялся в роли основателя *Hammerbund* и *Germanenorden*, стал «осью антисемитского движения. Он объединял его как политический

организатор, издатель и писатель с первых робких шагов в 1880 гг. до прихода Гитлера к власти». (Фрич умер в 1933 году.) Джордж Моссе пишет о нем: «Расовый стереотип придал еврею столько гротескных черт, что тот потерял всякое человеческое подобие… В “Огненных шарах” (1881 год) Фрич прямо отрицает, что евреи являются людьми. Он заявляет здесь, что Бог сотворил еврея как барьер между человеком и обезьяной. Нацистская пропаганда позаимствует у него эту мысль. В 1931 году один из нацистских докладчиков будет утверждать, что ненордический человек занимает в природе промежуточную ступень. Его нельзя назвать человеком в собственном смысле – он сохраняет общие черты с обезьянами»[218].

В Австрии, стране еще более антисемитской, чем Германия, где Георг фон Шёнерер и Карл Люгер произвели глубокое впечатление на Ади, в 1889 году был основан *Antisemitenbund* (Антисемитский союз). В следующем году была рождена германская Антисемитская народная партия (*Antisemitische Volkspartei*), которая получила на выборах 48 тысяч голосов, а тремя годами позже – 260 тысяч. «Фактически, антисемитизм стал главным инструментом распространения фолькистского движения. Те, кого главным образом привлекал антисемитизм, принимали основные фолькистские идеи без труда, те же, кто уже входил в это движение, с легкостью восприняли концепции антисемитского расизма»[219].

В 1890 году Герман Алвардт издал книгу «Отчаянная борьба между арийскими народами и иудаизмом». «Алвардт утверждал, что народ, сумевший избавиться от евреев, высвобождает силы для своего материального развития и тем самым становится способным к господству над миром. Для него, как и для романтических защитников Народа, евреи были Мефистофелями мировой истории. Когда имеешь дело с евреями, утверждал он, христианское милосердие ни к чему… Было ли это призывом к насилию? Конечно! Но как только дело доходило до конкретного обсуждения способов, какими эта цель может быть достигнута, он проявлял нерешительность, довольно типичную для того времени. При написании конкретной программы Алвардт призывал лишь к введению строжайших ограничений, к изданию декрета, провозглашающего евреев иностранцами на немецкой земле, и к исключению их из всех областей немецкой жизни и культуры. Он также предлагал депортировать всех евреев за пределы Европы, отдав награбленные ими богатства германскому народу. Любопытно то, что это почти буквально совпадает с национал-социалистскими проектами решения еврейского вопроса…

Программа Алвардта в главных чертах предваряла программу нацистов, ибо они тоже демонстрировали двойственность подхода к еврейскому вопросу. С одной стороны, были фанатики, которые утверждали, что “окончательное решение” должно быть достигнуто на пути полного совпадения идеологических предписаний и практических действий и что депортировать евреев в отдаленные области – значит уходить от проблемы. С другой стороны, имелись такие функционеры и партийные лидеры, которые стремились любой ценой способствовать еврейской эмиграции… Безжалостная жестокость, прославляемая в фолькистской идеологии, и практические следствия, сделанные из этого нацистами, в конце концов овладели умами лидеров Германии. Истребление стало реальным фактом, а не просто риторической фигурой, употребляемой для разжигания страстей»[220].

Эти примеры ясно показывают основное направление развития германского антисемитизма к концу XIX века. Книга Хьюстона Чемберлена «Основы девятнадцатого столетия», высокочтимая «библия расизма», подытожившая все это, вышла в 1899 году. «Убежденный в том, что источником всех великих творений была, в конечном счете, тевтонская кровь, Чемберлен считал, что единственным недостатком древних племен была их неспособность уничтожить всех своих соседей. Он писал, что эта ошибка должна быть исправлена, а также, применяя учение Дарвина, нужно заняться выведением высших человеческих типов. Какими бы жесткими ни были необходимые меры, арийскую кровь необходимо очистить, высвобождая ее воинский дух и творческую силу.

Самый сильный враг – это еврей. Другие расы – просто низшие, евреи же это нечто противоестественное. Эта необычайно зловредная расовая сила была создана в результате смешения народов на Ближнем Востоке и последовавших затем тысячелетий близкородственных браков… Евреи знают, что Германия – это их последнее препятствие. В других местах они подчинили себе цивилизацию путем иудаизации идей Просвещения, идей, проповедующих космополитизм, отвергающих существование расы и отрицающих необходимость хранить верность своей крови. Однако раса Лютера, если ее очистить от зловредных примесей, не уступит в борьбе расе процентщиков. Чемберлен, любимец консервативных интеллектуалов, писал о будущем, осуществлением которого займется Гитлер: о смертельной расовой битве с евреями»[221].

В этом контексте необходимо упомянуть о расовом экстремизме большинства университетских профессоров,

учителей средних школ и их учеников. Помимо прочего, это объясняет, почему в Первую мировую войну молодые люди целыми толпами шли добровольцами на фронт, почему нацистам был открыт доступ в университеты и почему стало возможным противопоставлять «германскую науку» «науке еврейской». «В других западных странах не было ничего подобного. С 1890 по 1914 год поколение, которому было суждено поддержать нацистов, считало превосходство германской расы прописной истиной. В воспоминаниях австрийских и немецких евреев часто встречаются упоминания о бесчисленных притеснениях, которым они подвергались в школе со стороны учителей, этих карликовых тиранов, духовных борцов за германскую душу, навязывавших в классе дисциплину армейского барака. Хотя в Германии миллионы людей придерживались либеральных и социалистических взглядов, с этими идеями невозможно было познакомиться в школе. Учителя-евреи могли бы попытаться противостоять этой тенденции, но из четырех тысяч назначений на учительские вакансии в период с 1875 по 1895 год на евреев пришлось лишь сорок. Во всей Пруссии никогда не было больше двенадцати учителей-евреев»[222].

Большинство *Burschenschaften*, студенческих корпораций, ввели в свои хартии «арийский параграф» об исключении евреев. Вследствие этого «знаменитые элитные дуэльные сообщества» также отказались допускать в свои ряды евреев: «так как у них нет чести, им нечего защищать». Эта любопытная студенческая традиция – дуэли – была средством доказать свою мужественность. Студент не был стопроцентным мужчиной, если на его лице не было шрама, доказывающего стойкость перед лицом возможной смерти. (Дуэлянты умирали лишь в результате несчастных случаев, что происходило довольно редко.) «Братства, такие как “Аполло”, каждое со своим *Gasthaus*, пивным погребом, с отличительными цветными шляпами и ленточками, с их дуэльными матчами с противоборствующими обществами были сосредоточием студенческой жизни. В то же время в них проходила инициация, обряд посвящения в мужчины. Сама дуэль была не столько проверкой умения владеть оружием, сколько испытанием, которое нужно было пройти, не морщась, а зашивание раны было дополнительным тестом на умение владеть собой. Пиво пили в том же духе (пока оно не начинало сочиться изо всех пор), истошно горланя при этом песни о «рыцарях и великанах, о благородстве, чести и вине»[223].

Этот портрет крепнущего перед Первой мировой войной антисемитизма будет неполон, если не упомянуть Рихарда Вагнера (1813—1883), одного из самых могущественных

проводников антиеврейских чувств. Как композитор, он оказал феноменальное влияние не только в Германии, но и по всей Европе, в особенности во Франции. Но, как это часто бывает, человеческие черты творца не всегда соответствуют величию его творений. Исключительное качество музыки Вагнера невозможно ставить под сомнение – Леон Поляков называет его «медиумом XIX века». Однако как человек он был предельно эгоистичен, неистов, злопамятен, а порой просто отвратителен.

Ему удалось в одиночку придать жизнь и краски национальному мифу Германии: он воссоздал легенду о Нибелунгах, изобразив в переворачивающей душу музыке мир и силы нордических богов, а также их гибель (*Götterdämmerung*). Он также сыграл решающую роль в интеграции христианских мифов в комплекс идей об особой роли германского народа, ответственного за судьбу всего человечества. «Парсифаль», «священный шедевр Байрейта», величайшее творение Вагнера, над которым он работал на протяжении четверти века, обычно интерпретируется как символическая пьеса о чистоте крови, этом «Святом Граале» Германии. Вагнер также превратил Христа «в национального супергероя», а Байрейт – в «заповедник фолькистского движения» (Кёхлер).

Это сосуществование нордической и христианской религий, типичное для Германии того времени, является одной из самых удивительных ее черт, симптомом интеллектуальной непоследовательности, бессвязности мышления и раздвоения личности. «Высший бог германцев [Вотан] совсем не обязательно должен уступить место христианскому богу, – пишет Вагнер. – Его легко можно отождествить с ним. Достаточно лишь убрать те несущественные атрибуты, что придавали ему разные народы в соответствии со своим характером, землей и климатом… Этот изначальный уникальный национальный бог, от которого произошла раса, вовсе не был оставлен и забыт: в нем увидели убедительную аналогию с Христом, сыном Божьим. Он также умер, был оплакан и отомщен, как мы сейчас мстим евреям за Христа. Преданность и вера с легкостью была перенесена на Христа, ведь народ узнавал в нем своего исконного Бога»[224].

«Герои Вагнера и его музыка вдохновляли немецкие армии с 1914 по 1918 год и во времена несчастий и жертв даже больше, чем во время триумфа»[225]. Это описание еще лучше подходит к немецким армиям времен Второй мировой, так как ими руководил вагнерианец Адольф Гитлер, позаботившийся о том, чтобы его будущие солдаты воспитывались на этой музыке – она звучала на всех важных государственных или политических торжествах. Гитлер сделал из Вагнера официального композитора

Третьего рейха; живые композиторы, такие как Рихард Штраус, находились в его тени. Причина в том, что музыка Вагнера играла в жизни Гитлера очень важную роль. Со времен жизни в Линце Гитлер купался в его музыке, слушал его оперы невероятное количество раз и прочитал все печатные работы Вагнера.

Как подтверждают многочисленные свидетели, он знал музыку Вагнера наизусть и мог насвистывать ее в совершенстве. Нескольких вагнеровских аккордов было достаточно, чтобы в любых обстоятельствах успокоить его – он словно впадал в транс. «Эта музыка оказывала на него просто физическое воздействие, – говорит Эрнст Ганфштенгль, – она стала частью самого существа Гитлера»[226]. Гитлер однажды сказал: «Когда я слушаю Вагнера, я словно слышу изначальные ритмы мира»[227]. Гитлер никогда не скрывал, чем он обязан Вагнеру. Его благодарность выразилась в том, что он взял Байрейт и вагнеровское наследие под свою опеку – как рассказывает Бригитта Хаман в своей книге *Winidred Wagner, oder Hitlers Bayreuth* («Винифред Вагнер, или Байрейт Гитлера»).

Искусство Вагнера помогало и распространению его крепчавшего с годами антисемитизма. Вагнер провозгласил однажды: «Я считаю, что еврейская раса является прирожденным врагом чистого человечества и всего благородного в нем. Нет никаких сомнений в том, что она разрушает Германию, и я, возможно, последний немец, еще способный бросить вызов иудаизму, который уже заправляет всем»[228]. И еще: «Если человечество погибнет – не жалко. Но если оно погибнет из-за евреев – это позор»[229]. Иоахим Кёлер говорит прямо: «У Вагнера не отнять этого права: он был первым человеком в немецкой истории, активно способствовавшим своими письменными работами приходу времен «исчезновения» евреев»[230].

Ассимиляция

И однако, как ни удивительно слышать об этом после всего прочитанного, евреи чувствовали себя в Германии как дома. Вальтер Ратенау, олицетворение немецкого еврея, провозгласит: «Я немец еврейского происхождения. Мой народ – немецкий народ, моя родина – Германия, моя религия – это религия Германии, стоящая выше всех других религий»[231]. Профессор Хайнц Морал, после того как по расовым соображениям был уволен из университета, покончил с собой. В предсмертном письме к декану факультета он писал: «Я еврей, и я никогда этого не скрывал. Но все мое мировоззрение является немецким и я гордился тем, что был немцем с иудейской религией». Согласно

Гюнтеру Рохрморзеру, «ни в одной другой стране не был достигнут такой удачный симбиоз между коренными жителями и евреями, как в Германии. И одним из самых непостижимых и трагичных совпадений является то, что холокост случился именно здесь, в стране, достигшей такого тесного интеллектуального и философского сотрудничества между евреями и немцами»[232]. Христиан фон Кроков также пишет: «Едва ли в какой другой стране евреи чувствовали себя патриотами в той же степени, как в Германии, нигде их культурный вклад не был столь весомым»[233].

Виктор Клемперер, еврей, профессор французской литературы, запишет в 1939 году в дневнике: «До 1933 года, как минимум в течение ста лет, немецкие евреи были просто немцами и никем больше. Доказательством тому служат тысячи и тысячи тех, кто является евреями лишь наполовину или на четверть, «лица с еврейскими предками» и так далее. Это показывает, что немцы и евреи жили без особых трений и работали вместе в каждой области немецкой жизни. И антисемитизм, которого всегда хватало, не является доказательством противного, ведь трения между немцами и евреями и вполовину не были так серьезны, как, например, между протестантами и католиками, между работодателями и рабочими, между, скажем, восточными пруссаками и южными баварцами, между жителями долины Рейна и берлинцами. Немецкие евреи были частью немецкой нации точно так же, как французские – французской и так далее. Они играли свою роль в жизни Германии и ни в коем случае не были в тягость целому. Да, эта роль редко была ролью рабочего, еще реже – крестьянина. Они были главным образом интеллектуалами и образованными людьми. Но они были и остаются немцами, хотя сейчас уже больше и не хотят ими быть»[234].

Фактом остается то, что евреи, «крайне разнородная община», были тесно вовлечены в жизнь Германии. Сами трудности, с которыми сталкивались нацисты в попытках удалить их, иллюстрируют степень их «интеграции» и «ассимиляции». Подозревают, что даже у Вагнера, Гитлера, Розенберга и Гейдриха в жилах имелась еврейская кровь (в случае Гитлера это, видимо, так никогда и не будет выяснено наверняка). Эмиль Морис, Альбрехт Хаусхофер, Ерхард Милх и другие видные нацистские фигуры были частично евреями. Эмиля Мориса, шофера Гитлера, любовника его племянницы Гели Раубаль, отъявленного уличного скандалиста из СА, одного из основателей СС, Гитлеру пришлось объявить «почетным арийцем». Он был единственным членом СС, удостоившимся этой чести[235].

Кроме того, что вообще значит быть наполовину, на четверть,

на одну шестнадцатую евреем – или представителем какой угодно другой расы? Где в человеке эта доля находится? Лишь сейчас ученые *пытаются* искать это в генах вместе с другими чертами физической наследственности, корни которых уходят в далекое прошлое. Германские племена бессчетное число раз смешивались с другими племенами, что, конечно, было известно всем антропологам. Проблема евреев была в том, что они как народ сохраняли религиозную идентичность, и эта религия требовала от них отдельного от других существования в те времена, когда, вообще говоря, народы и так неохотно смешивались с другими на своей территории. Нацисты, и прежде всего Гитлер, всегда заявляли, что их расовая чистка не имеет отношения к религии, это вопрос «очищения крови». Но доказательства того, что человек принадлежит к еврейской расе, брались главным образом из религиозных реестров и подобных документов. Это касалось и тех, кто обратился в католичество, протестантство или стал неверующим.

Еврейская угроза

«Численно евреи были ничтожным меньшинством и никогда не превышали одного процента населения. Эти немногие, однако, стремились осесть в Берлине. В 1671 году там жило 50 еврейских семей, к 1800 году это число выросло до 3322, в 1900 году их было 92 тысячи, а в 1925 году был достигнут пик в 173 тысячи (во Франкфурте, где жила вторая по размеру еврейская община, их было 29 тысяч – в шесть раз меньше)». Но даже во время этого роста численности евреи никогда не составляли более пяти процентов населения Берлина. Правда, они сумели занять некоторые очень важные и престижные посты и были на виду. Они были невероятно влиятельны в коммерции и господствовали в таких гигантских банках, как Дойче, Дрезднер и Дармштадтер, а также владели огромными универсальными магазинами, например Вертхайм, Тиец и Кауфхаус Израиль. Евреям принадлежали самые значительные газетные концерны и даже, в определенном смысле, сама эффектная берлинская культура двадцатых годов – культура, в которой доминировали такие личности, как Макс Рейнхардт, Бруно Вальтер и Альберт Эйнштейн, была еврейской культурой. «Для евреев, естественно, это было предметом гордости, и не один еврейский писатель той эпохи отметил, что из всех Нобелевских премий, полученных немцами в первой четверти века, четвертая часть была получена немецкими евреями. [После 1933 года из Германии эмигрируют

двадцать евреев – лауреатов Нобелевской премии.] Однако многие неевреи, даже те, кто решительно утверждал, что не имеют ничего общего с антисемитизмом, видели в этом расцвете еврейской жизни силу чуждую и смутно угрожающую»[236].

Читая о нацизме и холокосте, неожиданно обнаруживаешь, что в книгах для рядового читателя почти ничего не говорится о самом еврейском народе, его характере, деятельности, как сейчас, так и в давние времена. Много книг или глав из книг посвящены попыткам анализировать и объяснить холокост, во всяком случае, уделить достойное внимание этому чудовищному событию, но его жертвы остаются для читателя практически неведомыми. Даже Иоахим Фест, самый проницательный автор, если говорить о характеристике Гитлера или о войне, едва касается этой темы. Лишь несколько современных авторов, например Майкл Бурлейгх и Джон Вайсс, действительно стараются понять, кем же в действительности были немецкие евреи, как они жили и, самое важное, насколько вескими были те обвинения, на основании которых их истязали и убивали.

Правда ли, что евреи были одним связным, монолитным телом, стремящимся осуществить свою четкую расовую цель? И правда ли, что для этого они сосредоточили в своих руках деньги всего мира и пытались посадить на трон Разум, обоготворить его, ослабляя и разрушая тем самым все традиционные ценности? Это утверждал Гитлер. Он также говорил, что социализм и коммунизм, дети Просвещения, являются, очевидно, их инструментами, равно как и капитализм в придачу с так называемым «прогрессом» – все это создано для того, чтобы поработить мир, раздробить его и привести к гибели. Евреи пробрались на высшие посты с тем, чтобы прибрать к рукам власть в Германии и превратить ее в одну из своих мировых колоний. Они спровоцировали Первую мировую войну, но не рисковали своей шкурой в окопах, а вместо этого делали карьеру и обогащались, используя создавшуюся ситуацию. В конечном счете они попытаются овладеть всем миром и править им по праву избранного народа. Тогда на трон взойдет антихрист, и мир погибнет.

«Еврей» – кто это?

«В нацистском языке “евреем” назывался некий тип, под который подпадали любые евреи, будь то с востока или с запада, мужчины или женщины, мирские или религиозные, ассимилированные, неассимилированные, буржуазия и

пролетариат. Согласно нацистской идеологии, даже крещеные евреи несли клеймо существ низшего типа крови. Евреи считались полной противоположностью немецких «арийцев», это была антираса, по природе своей разрушительная и паразитическая, инструмент распада»[237]. Эти слова Роберта Вистрича подтверждает Поляков: «“Евреи” и “иудаизм” – и это нужно повторять опять и опять – были просто словами; реальные люди, стоящие за ними, были настолько различны, что, пожалуй, их единственным общим качеством было то, что они не являлись христианами»[238].

Подавляющее большинство немецких евреев было ашкеназами с севера или запада Европы. По своим верованиям и стилю жизни они очень отличались от сефардов, выходцев из Испании или Португалии, – те жили главным образом на европейском юге. При этом немецкая еврейская община подразделялась на ортодоксальных евреев, строго следующих букве Закона, и на верующих не столь строго и даже скептиков. При этом были и отступники, которые обратились в католицизм или протестантство и крестились. Были и евреи-атеисты, не верующие ни в какого бога, разве что в абстрактного бога Спинозы или пассивного бога философов-просветителей. Другая линия, разделявшая еврейскую общину, проходила между «ассимиляционистами» и сепаратистами, последние были главным образом ортодоксами. Это деление отражало разницу во взглядах на интеграцию евреев в окружающее их общество. Для первых она была желательна, для вторых – достойна презрения. При этом были еще и сионисты, появившиеся относительно недавно, для которых решить еврейский вопрос значило покинуть европейские страны и вернуться назад в Иерусалим.

В каких же политических движениях участвовали евреи? Юридически они были теперь равноправными гражданами Германии, но на их выбор неизбежно влияло прошлое их народа. Реакционное крыло было несогласно с тем, что евреев уравняли в правах, правые партии также не приветствовали участие евреев в своей работе и одна за другой вводили в свои уставы «арийский параграф». Таким образом, большинство евреев, участвовавших в политическом процессе, оказалось в либеральных партиях центра, а радикальные отступники сместились влево и присоединились к социалистам и коммунистам. На этот выбор также повлияло разделение еврейской общины на богатых, зажиточных и бедняков. Лишь немногие были Ротшильдами, Баллинсами и Витгенштейнами, многие занимались торговлей вразнос или мелкими займами. Между этими слоями находился уважаемый средний класс – адвокаты, врачи, журналисты и служащие.

Одним из самых заметных различий, деливших немецких евреев на группы, было различие между евреями «ассимилированными» и *Ostjuden*, теми, кто недавно приехал с востока. Большинство чувствовало себя в Германии как дома и считало ее своим отечеством. Они хорошо приспособились к окружающей культуре, чувствовали себя комфортно, более того, они были готовы отдать свою жизнь за эту страну. Они женились и выходили замуж за немцев и в большинстве случаев были неотличимы от них – карикатурный стереотип редко совпадал с чертами реальных людей.

Ostjuden, однако, были другими. Эти беженцы из Восточной Европы, главным образом из России, выходцы из общин отсталых и ортодоксальных, «зачастую были безработными, полностью потерявшимися в послевоенных потрясениях и революциях Восточной Европы. Более того, в культурном смысле они были аутсайдерами, а для ксенофобов служили удобной мишенью для обвинений в экономическом паразитизме. В Веймарской республике они составляли примерно пятую часть всего еврейского населения. Те, кто был “ассимилирован” и хорошо влился в немецкое общество, склонны были считать, что возрождающийся антисемитизм направлен главным образом или даже исключительно против пришельцев с востока. Это был самообман с трагическими последствиями»[239]. Интегрировавшиеся евреи презирали *Ostjuden* – ходивших в черных кафтанах, с растрепанными бородами, в больших шляпах и со странными прическами – и считали, что те ставят под угрозу обретенную ими безопасность.

Поток ашкеназов с востока в Австрию и Германию, а затем десятками тысяч – в США, был вызван серией погромов, прокатившихся по России после событий 1903 года в Кишиневе (столица Бессарабии, где 45 процентов жителей были евреями). Враждебные чувства против евреев достигли высшей точки на святой неделе перед Пасхой – во многих местах убийцам Христа было даже запрещено появляться на публике. Было ясно: вот-вот произойдет взрыв, но официальные лица не сделали ничего, чтобы это предотвратить. В результате многие поверили, что случившегося хотел сам царь. Многих евреев убили, еще большее число было ранено, их дома разграбили. Неожиданностью для российских официальных лиц оказалась буря международных протестов, вызванная погромами в «отсталой, варварской России», где многие еще верили, что «евреи перерезают горло русским детям и пьют их кровь». Приводя число жертв русских погромов того времени – 47, 110 или 810, – Поляков замечает: «Невольно взгрустнешь о прошлом, когда убийство 810 евреев

вызывало немедленный международный протест»[240]. После холокоста мы привыкли считать тысячами, сотнями тысяч и миллионами – наши души огрубели.

Еврейская раса?

Существовала ли когда-нибудь на свете раса, которую можно было бы назвать еврейской? Согласно Андре Пишо, к которому мы вновь обращаемся за разъяснениями, однозначного ответа не было даже во времена Вашера де Ляпужа. Когда, следуя пути, указанному Дарвином, создавались первые генеалогические деревья человечества, евреи порой оказывались на самой вершине вместе с арийцами. При этом, как мы уже видели, эти деревья зачастую росли не из фактов, обретенных научным методом, а из почвы, сдобренной необузданной фантазией и культурными предрассудками. Пишо называет их *романами*.

«Охарактеризовать еврейскую расу, несмотря на то, что в 1860 годах Геккель признал ее существование, было бы непросто», – пишет Пишо. То, что *действительно* имело место, так это восточноевропейские еврейские общины, изолировавшиеся от остального населения, вступающие в браки лишь между собой и порождавшие «устойчивые генетические группы». Позже расистские ученые ошибочно сочтут эти признаки достаточными условиями существования расы. Однако евреи «веками смешивались с другими европейскими народами» и были, безусловно, «хорошо интегрированы» в немецкое общество.

Вашер де Ляпуж в существование еврейской расы не верил. «В итоге евреи оказываются не расой, а национальностью, главной общей характеристикой которой является религия и особая психология – результат небольшой ханаанейской примеси. Да, они рассеяны среди других народов и порой действительно являются для них тяжелым бременем, но в антропологическом смысле расы израильтян не существует… Преследования, которым они стали подвергаться повсюду, постепенно удалили из их среды явно выделявшиеся элементы – вместо пресловутой вездесущности евреев перед нами лишь еще один, и довольно любопытный, пример социального отбора». Следовательно, общность народа, называемого «евреи», основана на «психологической конвергенции», а не на физиологических или таксономических чертах. Быть евреем – по Вашеру де Ляпужу – значит принадлежать некоторой группе с «еврейской ментальностью», которая является результатом религии и традиции.

Пишо говорит в заключение: «Понятие расы – еврейской или любой другой – никогда не имело того субстанционального статуса, которым его наделяли историки». Это означает, что идея «расы» не имеет под собой научной основы. Но как раз потому, что строгого определения этого понятия не было, евреев могли называть расой, «хотя в их случае не было никакого ясно определенного биологического критерия. Считали ли эту квази-расу низшей? Не совсем так. Она была, скорее, «нежелательной». Вашер де Ляпуж, хотя и является антисемитом, не считает евреев низшей расой. Скорее, он рассматривает их в качестве модели для создания новой аристократии естественными или евгеническими методами». И здесь Пишо приводит слова Гитлера, которые тот продиктовал Борману в берлинском бункере в один из своих последних дней: «Еврей – по сути чужак, и еврейская раса – это прежде всего общность ума, сформированного веками преследований, которым они подвергались»[241]. Есть несколько свидетельств того, что Гитлер против воли восхищался евреями, прежде всего из-за несгибаемого духа их народа и замечательного интеллекта. Но это тайное восхищение лишь подливало масла в огонь его яростной, сумасшедшей ненависти.

Деньги

В первые десятилетия XX века в Германии еще была очень влиятельна средневековая система гильдий, и каждый желающий заняться каким-либо ремеслом вынужден был с этим считаться. Например, Эмиль Морис, человек с еврейскими корнями, личный шофер Гитлера, поначалу был подмастерьем и зарабатывал на жизнь починкой часов. Затем он делал то же самое уже в собственном магазине и в итоге стал часовых дел мастером. Порой Гитлер заказывал у него золотые часы для подарков в особых случаях[242].

Устойчивость этого средневекового обычая в обществе, которое на поверхности выглядит современным, – это симптом, знакомый нам по нескольким последним главам. Средневековые привычки оставались частью менталитета среднего класса, и это стало причиной его отсталости, в то время как ускоренное промышленное развитие определяло условия жизни низших классов. Уважительное отношение к традиционным ремеслам соответствовало устаревшему отношению к деньгам: в идеях капитала и процента чувствовалась угроза. Рождались теории, подобные теориям Готфрида Федера, который ратовал за то, чтобы мир вернулся к некоему подобию бартерной экономики.

Евреев тесно связывали с мировым капитализмом. Подозревали даже, что они управляют развитием капиталистической системы по всему миру. И если что-то и было синонимом еврея – так это деньги.

И между тем, евреи не всегда были «народом денег». «В Египте и на Ближнем Востоке они главным образом занимались сельским хозяйством; в других местах их основной деятельностью были разнообразные ремесла, в частности изготовление и окрашивание тканей, которое кое-где они практически монополизировали. Но они также были ювелирами, стеклодувами, изготовляли бронзу и железо». Апостол Павел делал палатки, а Барух Спиноза зарабатывал на жизнь полировкой линз. «Некоторые были простыми рабочими, другие жили торговлей или занимались гуманитарными науками. И все же, как справедливо замечает историк Дж. Жустер, “ни один античный автор не делает из них типичных торговцев. Нигде не встретишь отождествления евреев с торговлей, несмотря на то, что несколько столетий спустя это станет общим местом”.

Евреи также имели репутацию хороших профессиональных солдат, они сражались и охраняли границы римской империи. Евреи были и администраторами, порой очень высокого ранга. В имперской иерархии среди евреев были и всадники, и сенаторы, и легаты, и даже преторы. К этому можно добавить и то, что евреи, жившие в диаспоре, как правило, употребляли язык и носили одежду той провинции, где жили. Это значит, что с лингвистической и культурной точек зрения евреи были “ассимилированы” – они даже придавали своим именам латинскую или греческую форму. Из всего этого можно заключить, что они вовсе не страдали от какой-то особой враждебности, и ничто, кроме религии, не выделяло их из мозаичной массы народов, населявших Римскую империю»[243].

Ассоциация евреев с деньгами, видимо, была результатом того, что их уподобляли Иуде Искариоту с его тридцатью сребрениками. «В первые столетия христианства миф о еврейской расе жадных паразитов добавлял силу мифу о евреях – убийцах бога. По мере ослабления римского влияния, католическое духовенство набирало силу и все больше ограничивало деятельность евреев. Это создавало основу для бесконечных спекуляций о якобы приверженности евреев к обману в мелкой торговле, посредничестве и ростовщичестве, а также упреков в том, что они не желают ассимилироваться, предпочитая паразитические и непродуктивные коммерческие виды деятельности, с тем чтобы захватить в свои руки местную и международную торговлю и вредить честным христианам… На

евреев нападали за их якобы нежелание заниматься продуктивной деятельностью – история христианства изобиловала пророчествами, создавшими условия для своего собственного осуществления. Дело в том, что к этому евреев вынудила именно враждебность христиан. Вплоть до XVIII века, за редкими исключениями, они были вынуждены заниматься самыми низшими, самыми презираемыми и наименее прибыльными видами коммерции» (Джон Вайсс[244]).

Еврейские торговцы пришли в Европу «по пятам римских легионов». Они снабжали легионеров предметами роскоши, любопытными вещицами и вносили какое-то разнообразие в тяжелую жизнь этих профессиональных вояк. «Первые еврейские поселенцы в Европе были международными торговцами, поставлявшими продукты с Ближнего Востока, из Индии, Китая и Испании. Вдоль главных европейских торговых путей и в городских центрах вскоре выросли небольшие процветающие еврейские общины. К IX веку европейские евреи достигли значительных успехов в международной торговле, и слова “еврей” и “купец” стали почти синонимами. Наряду с христианскими “торговыми народами” – греками, сирийцами и итальянцами – евреи были предвестниками наступающего нового общества… Вплоть до наших времен богатство некоторых заметных членов еврейской общины вызывало “праведный гнев”, однако существование не менее богатых торговцев-христиан воспринималось спокойно»[245].

По мере того как положение евреев становилось все менее устойчивым, или, пользуясь современной терминологией, с ростом антиеврейской дискриминации у них оставалось все меньше выбора. «Изгнанные из других профессий, евреи вынуждены были оставаться в торговле. Им, как и другим купцам, было сподручно давать деньги в долг, так как они обладали ликвидным капиталом. Евреи никогда не доминировали на денежном рынке, хотя бы потому, что их было мало, но они преобладали в некоторых районах, в особенности там, где крестьяне не имели возможности занимать у христиан, вкладывавших деньги в дела более прибыльные… Большая часть кредитных операций в Европе фактически осуществлялась клерикальными и монашескими организациями [например, тамплиерами], а также мирскими торговыми группами: ломбардцами, сицилийцами, греками, венецианцами – всё это христиане. Да и сам Ватикан был известен своей изощренной кредитной деятельностью». Можно вспомнить, что иудаизм, так же как христианство и ислам, осуждал грех ростовщичества. «Известны жалобы на христиан, требующих большие проценты,

чем евреи, – ростовщичество было проблемой и там, где никаких евреев не было»[246]. Начиная с этого времени, жалобы на евреев обретают более-менее стандартную форму, их проступки изобретаются или преувеличиваются, причем одновременно с этим закрывают глаза на проступки христиан, в особенности в делах, касающихся денег.

Для евреев – этому их научила история – деньги были спасательным кругом и поэтому обрели священный ореол. Но это вовсе не значит, что они были центром всего их существования или что евреи были координированной мировой силой, контролирующей все денежные потоки и, следовательно, вершителями судеб мира. Конечно, они были человеческими существами со всеми людскими добродетелями и пороками. Однако большая часть тех общих черт, что выделяла их из общей массы в странах, подобных Германии, была навязана им прошлым. При этом, несмотря на разветвленные связи между общинами, они никогда не были координированной мировой силой. Одна из причин этого в том, что, будучи народом интеллектуальным, они были слишком индивидуалистичны и слишком отличались друг от друга. «Вопреки антисемитским мифам можно утверждать, – заключает Джон Вайсс, – что немецкая экономика была бы практически той же самой, даже если бы никаких евреев в Германии не было». И еще: «На тот момент евреи не представляли – и не представляли никогда – угрозы Германии. Разве что в антисемитских мифах»[247].

Ум

«Интеллект – смертный грех евреев», – сказал некий Фридрих Генц. Действительно, евреев всегда считали умным народом, отчего их боялись и ненавидели. Сам Гитлер писал в «Майн Кампф»: «Умственные способности еврея оттачивались тысячелетиями. Сегодня еврея считают “умным”, и в некотором смысле он сотни лет таким и был. Однако его умственные способности не являются результатом внутреннего развития, они оформились в процессе усвоения наглядных уроков, которые он получал от других… Так как евреи никогда не имели собственной цивилизации, они всегда заимствовали основу для своей интеллектуальной работы у других. Ум еврея всегда развивался через использование готовых культурных достижений, которые он находил в своем окружении».

Представление о том, что ум еврея сух, стерилен, неспособен к творчеству и паразитирует на жизненной силе и творчестве

других, было стереотипом. «Еврейский интеллект никогда не будет творить, он будет лишь разрушать, – писал Гитлер. – В течение нескольких лет евреи будут прилагать усилия к уничтожению всех, кто воплощает в себе интеллект нации. Лишая народ его естественных вождей, они готовят ему рабскую судьбу и вечное иго»[248]. Скорее, это намеревался делать он сам и ему подобные – Сталин и Пол Пот.

Леон Поляков пишет в своей «Истории антисемитизма»: «Можно сказать, что еврейская история началась в 586 году до н.э. в Вавилонии [где были пленены два оставшихся иудейских племени] … Именно там была рождена нерушимая верность Сиону, искоренены последние остатки идолопоклонства, а Пятикнижие обрело свою законченную форму. И, что особенно важно, изгнанники извлекли там уроки из своей истории, им удалось придать смысл всем ее перипетиям и твердо уверовать в этот смысл. Именно там они обрели историческую память о том, что они евреи».

В Вавилонии большинство евреев было земледельцами. Изучая этот период, понимаешь, «до какой степени мудрецы Израиля ценили ручной труд. В то время он был занятием большинства и ставился много выше торговли». Именно в Вавилонии Талмуд был кодифицирован в окончательной форме, и если там есть пункт, не вызывающий разногласий, так это, согласно Полякову, «абсолютное главенство образования. Как выразительно сказано в одном тексте: “Весь мир держится дыханием ученых”. В другом месте утверждается, что лишь вид учителя с учениками еще может отвратить от этого мира гнев божий. С тех времен и до сего дня еврейское обучение является обязательным, бесплатным и всеобщим»[249].

Много столетий спустя, когда «спасительные деньги» стали для еврея «драгоценностью, без которой было невозможно выжить во враждебном и завистливом мире», «внутренний мир учения стал таким же необходимым противовесом. Рабби веками ставили изучение Закона превыше всех земных благ, но никогда еще этому предписанию не следовали с таким истовым рвением. Евреи на севере Франции и в Германии погрузились в Талмуд воистину с маниакальным усердием, они беспрестанно, день и ночь разбирали его в синагогах. В одном тексте говорится: блаженны заучившиеся до смерти. Так сформировалась знаменитая еврейская двойственность: с одной стороны, деньгам придавалось слишком много значения, так как без денег можно было погибнуть или подвергнуться изгнанию, с другой стороны, слишком высоко ценимые деньги становились объектом презрения, и первое место отдавалось другим ценностям». Так

развивался ум и высокая культура народа, «который читал тысячелетиями». «Раввины беспрестанно утверждали, что с учением ничто не сравнится и что помочь бедным детям получить образование – это самое благочестивое деяние, превосходящее даже сооружение синагоги»[250].

Как только евреи получили равные права и возможность (относительную) свободно выбирать свой жизненный путь, их интеллектуальные способности стали очевидными для всех, в особенности в области высшего образования. «Относительное количество студентов-евреев было высоким, – пишет Джон Вайсс о последних десятилетиях XIX века. – На 100 тысяч мужчин каждого вероисповедания в Пруссии на католиков приходилось 33 студента, на протестантов – 58, а на иудеев – 519. В 1885 году один из восьми берлинских студентов был евреем, хотя те составляли меньше одного процента населения страны. В Вене диспропорция еще больше бросалась в глаза. Отчасти это было естественной реакцией на дискриминацию. Студенты, происходившие из высшего класса, обладали связями, средний класс мог выбиться в люди, опираясь на способности, но иудей-мужчина, чтобы избежать дискриминации, должен был культивировать высочайшее профессиональное мастерство: образование означало свободу… Евреи предпочитали изучать юриспруденцию и медицину, так как карьерный рост здесь не зависел от организационной дискриминации. Но это также означало, что в этих областях они конкурировали с немцами, которые не могли рассчитывать на семейные связи и боялись стать пролетариатом с образованием. Поэтому юристов и медиков было непропорционально много в нацистской элите – именно они были самыми радикальными расистами как в Австрии, так и в Германии. В западных странах университетское образование обычно означало меньший уровень расизма и консерватизма, в Германии же наоборот: для карьерного роста было необходимо подчеркивать свою расовую принадлежность и отождествляться с интересами правящего класса…»

Неудивительно, что евреев обычно ассоциировали с Просвещением, с подъемом разума в Европе, хотя они и не имели *никакого* отношения к идеям, сформулированным философами-просветителями. Напротив, как мы уже заметили, некоторые философы-просветители, например, Вольтер и Даламбер, были язвительными антисемитами. Но именно Просвещение подготовило Французскую революцию, а значит, и уравнивание евреев в правах. В «Наполеоновском кодексе» им придавался равный с другими народами статус – Наполеон вводил его во всех завоеванных им странах. С тех самых времен евреев стали

отождествлять с «французским духом», несмотря на то, что в самой Франции им яростно противостояли националисты и правые католики, а их раввины решительно осуждали французский деизм и атеизм. И все же большинство ассимилированных евреев видело в идеях свободы и равенства дорогу к собственной свободе, возможность, которой их народ до тех пор был лишен. В политике их можно было найти в середине политического спектра, среди либералов. А некоторые, более прогрессивно или революционно настроенные, вступали в ряды социалистов и коммунистов.

Социалисты и коммунисты

Хотя слово «социалистическая» и входило в название партии национал-социалистов, Гитлер понимал его в особом смысле. Оно употреблялось главным образом для того, чтобы привлечь рабочих – что являлось целью общества Туле, когда оно поручило Антону Дрекслеру и Карлу Харреру сформировать партию. Гитлер умел жонглировать словами и концепциями. Например, его «истинная демократия», которую он называл также «немецкой демократией», означала иерархическое общество, организованное на «принципе фюрера», что, конечно, было не демократией, а прямой ее противоположностью. Точно так же «социализм» не означал для него подъем четвертого сословия в борьбе с буржуазным обществом с целью более справедливого распределения общественного богатства – он означал полную интеграцию в тело Народа, убивающую всякую индивидуальность.

В действительности Гитлер – великий вождь, художник и гений – глубоко презирал рабочих, скрывая это лишь тогда, когда хотел привлечь их в свою партию или когда ему был необходим их вклад в подготовку Германии к войне. Для него рабочие были частью пресловутой «тупоголовой массы». Истинные социалисты – такие как молодой Геббельс или братья Штрассеры – скоро столкнулись с тем, что Гитлер думал по этому поводу в действительности. Не пройдет и нескольких недель после прихода Гитлера к власти, как партии социалистов, коммунистов и профсоюзы также поймут это.

Социализм, а также коммунизм (и капитализм!) были изобретены евреями для захвата власти над миром, поэтому те, кто знает истину, должны всеми силами с ними бороться. «Мой социализм – это нечто отличное от марксизма, – говорил Гитлер Герману Раушнингу. – Мой социализм – это не классовая борьба,

это порядок. Кто представляет себе социализм как восстание и движение самих масс, тот не является национал-социалистом. Революция – это не представление, которое устраивают массы. Революция – это тяжелая работа. Массы видят шаги лишь тогда, когда они уже сделаны, но какая чудовищная работа необходима для того, чтобы сделать хоть один шаг вперед, это выше их понимания – так оно и должно быть… Национал-социализм – это то, чем был бы марксизм, избавься он от этой абсурдной, искусственной связи с демократическим порядком»[251].

Конрад Хайден, непосредственный свидетель и участник описываемых нами событий, в своей биографии Гитлера пишет: «Нельзя отрицать того, что процент евреев в руководстве социалистических партий на европейском континенте был относительно высоким. Интеллектуалы буржуазной эры еще не открыли для себя рабочих, и если рабочим в руководители был нужен человек с университетским образованием, оставались только евреи, которые, быть может, и желали бы стать правительственными чиновниками или судьями, но ни в Германии, ни в Австрии, ни в России это было невозможно. Однако несмотря на то, что многие лидеры социалистов были евреями, лишь немногие евреи были социалистами. Назвать всю массу современного еврейства социалистической, тем более, революционной – это просто глупый пропагандистский анекдот. Воображаемый еврей, описанный в “Протоколах сионских мудрецов”, якобы хочет подчинить своей воле нации путем революционного восстания масс. Реальный же еврей из Италии, Германии или Франции, чтобы стать социалистом и пойти к рабочим, должен был прежде всего восстать против своей семьи и своего класса…

Еврейский социалист, как правило, оставлял религию своих отцов, а значит, становился ревностным последователем “религии прав человека”. Такому идеалисту, непрактичному даже в выборе собственной карьеры, зачастую оказывались не по силам испытания практической политики – его отметали в сторону более крепкие, не такие сентиментальные лидеры, пришедшие из нееврейской среды. Исторический пример такой смены социалистических лидеров дает Советская Россия в период с 1926 по 1937 год, когда еврейское в большинстве своем руководство революционного периода (Троцкий, Зиновьев, Каменев) было сметено с дороги преимущественно нееврейской группой (Сталин, Ворошилов и им подобные)»[252].

В Германии и Австрии «сотни тысяч» представителей правящего класса верили в угрозу «иудео-большевизма», в особенности потому, что после Первой мировой войны новые

правительства «возглавили социалисты, а их всегда считали еврейским фронтом», – пишет Джон Вайсс[253]. Страх революции был главным образом следствием революции в России – о ней ходили самые жуткие, зачастую обоснованные слухи. Более того, большевистские вожди сами провозгласили, что их революция – это революция мировая, а Германия – ее следующая цель. К тому же марксистские лидеры давно считали идеальной страной для пролетарской революции именно Германию, никто и не думал об отсталой аграрной России.

«Большевистская пропаганда провозгласила, что грядет завоевание Германии силами международного пролетариата. Это должно было стать решающим шагом к мировой революции. Тайная активность советских агентов, постоянные волнения, советская революция в Баварии, Рурское восстание в 1920-м, а в следующем году – бунты в центральной Германии, восстания в Гамбурге, а затем в Саксонии и Тюрингии – все говорило о реальности угрозы перманентной революции, исходящей от Советского режима»[254]. (Фест не упоминает здесь восстание Спартаковцев в Берлине под руководством Розы Люксембург и Карла Либкнехта, возможно, потому, что им не руководили из Москвы напрямую.) «Эта угроза, – пишет Фест, – была ведущей темой в Гитлеровских речах раннего периода». В условиях постоянных волнений в Германии и непосредственного, болезненного опыта революции в Мюнхене Гитлеру не составляло труда «заводить» аудиторию, сдабривая при этом свои речи острым антисемитским соусом.

Каковы же действительные факты, какова была численность еврейского руководства социалистических и коммунистических движений и революций? «Публика, возбужденная потоком памфлетов, подчеркивающих наличие евреев в большевистском руководстве, не знала, что их было там лишь 7 процентов, и это при том, что евреи составляли 12 процентов прослойки, откуда приходили большевистские лидеры… В период с 1900 по 1920 год число евреев, выбравших революцию, никогда не превышало числа евреев, бежавших из России. В 1920 году наибольший процент национальных меньшинств в большевистском руководстве составляли россияне немецкого происхождения, следом шли евреи, грузины и армяне. Эта информация не вписывается в расовые стереотипы… Подавляющее большинство политически активных евреев поддерживало меньшевиков [умеренных социалистов], которые отвергали большевистскую диктатуру и боролись за демократическую Россию. Немецкие социал-демократы, включая самых радикальных, таких как Роза Люксембург, также боялись успеха большевиков. Лишь во время

Гражданской войны, когда встал выбор между царизмом и Лениным, многие молодые евреи выбрали большевиков – при этом они были атеистами, иначе в партию было не вступить» (Джон Вайсс[255]). Общее число евреев, убитых на Украине белыми с 1918 по 1920 год превышало 60 тысяч.

Бесспорно, сразу после войны во главе Социалистической республики в Мюнхене и рабочих советов стояли евреи, в большинстве своем приезжие. Нацистская пропаганда годами пугала ими народ. Хаос, созданный этими левыми дилетантами, а также преступления, совершенные ими, предоставят неистощимый набор аргументов витийствующему Гитлеру. Разумеется, он ни разу не упомянет, что среди оплакивавших еврея Курта Эйснера был и он сам, с красной повязкой на рукаве.

Принимая все это во внимание, довольно иронично выглядит тот факт, что еврей Карл Маркс, любимая мишень Гитлеровской антисемитской риторики, сам всю жизнь был антисемитом. «Карл Маркс, архетип предполагаемого еврейского рабочего лидера, вышел из крещеной еврейской семьи, и его отношение к иудаизму можно охарактеризовать лишь как антисемитизм. Дело в том, что под евреями он понимал антисоциалистические или аполитичные иудейские массы, к которым он, как настоящий социалист, питал холодное презрение»[256]. В 1843 году он написал памфлет «Еврейский вопрос», в котором нападает на иудеев с не меньшей яростью, чем Гитлер. «В чем основа еврейской религии? – Практическая нужда, эгоизм… Деньги – вот ревнивый бог Израиля, перед которым должны отступить все иные боги… Банковский билет – вот истинный бог евреев… Еврейский Закон, в котором нет ни принципов, ни разума, – это всего лишь религиозная карикатура на мораль… Социальное освобождение евреев означает лишь социальное освобождение иудейской общины…» И так далее. Леон Поляков сухо замечает: «Заметно, что он употребляет термин “еврейский” лишь по отношению к другим и никогда по отношению к себе»[257].

Фронтовики

Ни один момент в истории не дает такого ясного представления о еврейской дилемме, как самое начало Первой мировой войны. Рост антиеврейских настроений следовал по восходящей кривой неистовствующего германского национализма. Однако именно в то время евреи дали неопровержимые доказательства своей любви к Германии, отдавая свои жизни за эту страну. И независимо от всех

аргументов «за» и «против», их вклад в Первую мировую войну останется памятником тому, чем могла бы стать Германия, если бы фюрер не раззадорил и не спустил с цепи иррациональные и эгоцентричные чувства своего Народа.

«Когда началась Первая мировая война, евреи, как и другие граждане Германии, были охвачены патриотическими чувствами. Они стекались на призывные пункты с тем же бараньим энтузиазмом. В армию вступило около 100 тысяч евреев (каждый шестой, считая женщин и детей). Из них 80 тысяч побывали в траншеях на передовой, 35 тысяч получили награды за храбрость, 12 тысяч были убиты. “Евреи были патологическими патриотами, – говорит рабби Принц. – Мой отец воевал, а дед был ранен в 1866 году в войне с австрийцами. Он необыкновенно гордился этим… Еврейское население в Германии составляло только полпроцента. Еврейские потери в войне – три процента”»[258].

Несмотря на все это, вклад евреев в национальное дело Германии не получил справедливой оценки, напротив, их обвиняли в предательстве. «Евреи сражались на обеих сторонах фронта, однако считались одним народом, поэтому они подвергались большой опасности. Газетчики в стане союзников обвиняли их в симпатиях к деспотизму и предательстве либеральных принципов, немцы же – в тайной предрасположенности к союзникам, так как евреи считались либералами. В действительности же, еврейские общины поддерживали, как могли, воинские усилия тех стран, где жили… Немецкие евреи надеялись, что их жертвы в войне убедят всех в их патриотизме. И действительно, поначалу – во имя национального единства – немецкий антисемитизм приумолк», – пишет Джон Вайсс.

Однако «скоро расизм стал даже сильнее, чем до войны, причем эти чувства подогревались немецкой армией. Когда евреев стали обвинять в бездействии, генеральный штаб запросил сведения о числе евреев на фронте. Полученные данные не были опубликованы, так как оказалось, что число евреев, павших в сражениях, в точности соответствовало проценту потерь городского населения и было чуть меньше средних данных по стране (крестьяне страдали больше всего). Если же принять во внимание общий уровень образованности и профессиональных навыков, необходимых для выполнения тыловых задач, евреев погибло больше, чем можно было бы ожидать. Почти половина тех, кто служил, получила награды. В армии, известной своим презрительным отношением к евреям, эти награды должны были быть заслужены вдвойне. Антисемитские чувства на фронте были

так сильны, что еврейских офицеров порой удивляло, что их приказания исполнялись»[259]. (Офицер, представивший капрала Гитлера к Железному кресту 1-й степени, был евреем.)

Марбургский профессор философии Герман Коген писал в 1916 году: «Как немцы, мы хотим быть евреями, но как евреи – немцами». Ему казалось, он видит, как в исторической перспективе немцы и евреи сливаются воедино. «С этой точки зрения, – пишет Дитрих Брондер, – евреи при всех обстоятельствах, даже в гитлеровских армиях, выказывали себя *немецкими солдатами*. И они не уступали ни в чем своим товарищам-неевреям, несмотря на то, что их часто оскорбляли, как, например, в клеветническом памфлете, распространявшемся в 1919 году на улицах Берлина: “Они везде, куда ни глянь, но в окопах – ни одного!”».

«Когда во время Первой мировой войны одна антисемитская газета напечатала провокационную статью, обещая премию в тысячу марок любому, кто сможет указать хотя бы одну мать-еврейку с тремя сыновьями, пробывшими на фронте хотя бы три недели, рабби Фронд-Ганновер назвал двадцать матерей, выполнивших это условие, только из его общины, и он мог назвать семьи, где на фронте было по семь и по восемь сыновей», – пишет Дитрих Брондер. Затем он рассказывает об участии евреев в войнах Германии и об их наградах. В Первой мировой войне было награждено 35 тысяч евреев, из которых тысяча – Железным крестом 1-й степени и 17 тысяч – Железным крестом 2-й степени, 23 тысячи получили повышения, 2 тысячи стали офицерами. 10 тысяч евреев вступили в армию добровольцами. Национальная ассоциация еврейских фронтовиков, основанная в 1919 году, насчитывала 35 тысяч членов. «В октябре 1933 года, когда Гитлер уже взял всю власть в свои руки, они еще хотели «в духе истинной воинской дисциплины стоять за Германию до последнего», но в 1939 году их разогнали. В 1941 году евреям запретили носить воинские награды. А с 1942 года для евреев-ветеранов перестали делать исключение, их наравне с другими посылали в Терезин и Освенцим»[260].

Всемирный заговор

Одним из самых распространенных обвинений против «международного еврейства» было обвинение в заговоре: евреи собираются овладеть миром, чтобы эксплуатировать его, при этом и правые, либеральные и капиталистические, и левые,

социалистические и коммунистические движения используются для достижения цели «избранного народа», которому их бог обещал власть над землей. Здесь нелишне заметить, что подобные замыслы приписывались не только евреям. С гораздо большими основаниями их можно было приписать большевизму, который открыто провозгласил своей целью совершение мировой революции; стремление же Советского Союза к мировому господству станет основным мотивом истории XX века. Католическая[15] церковь веками работала для того, чтобы действительно стать всемирной. Более того, в предыдущей главе было показано, что целью самого Адольфа Гитлера было завоевание всего мира для арийской расы господ. Именно это звало его на борьбу с мнимым всемирным еврейским заговором, о котором трубили пресловутые памфлеты наподобие «Протоколов сионских мудрецов», но которые так никогда и не смогли подкрепить свои обвинения доказательствами. «Этот тезис о мировом еврейском заговоре, о направляемом из некоего центра, то есть о расово обусловленном, методично осуществляемом завоевании мира евреями настолько абсурден, что лишь очень ограниченный, болезненный ум и соответственно окостеневшая душа может принять эту очевидную фальсификацию всерьез» (Кристиан Центнер[261]).

Согласно Роберту Джексону, одному из главных обвинителей на Нюрнбергском процессе в 1946 году, в Германии евреев «было так мало, что они были беспомощны, но все же достаточно для того, чтобы их можно было сделать пугалом». Имеются бесчисленные документы, говорящие о садистских наклонностях штурмовиков и молодежи из Гитлерюгенда, которые могли унизить и избить любого еврея, разгромить его магазин, и все это без какой-либо попытки сопротивления с его стороны. Войдя во вкус, они были готовы на большее. До сих пор поражает тот факт, что еврейские толпы сотнями тысяч безропотно шли, «как агнцы на заклание». Рауль Гильберг объясняет это так: «В диаспоре евреи всегда были в меньшинстве и жили в постоянной опасности, но они усвоили, что могут умилостивить и задобрить своих врагов и тем самым отвести грозу и избежать гибели. Это был урок длиной в две тысячи лет. Евреи не могли неожиданно переключиться, [когда их руководители поняли], что современная индустрия убийства действительно способна уничтожить всех евреев Европы»[262]. «Простой истиной является то, что еврейская прослойка была слабой, уязвимой и никогда не вынашивала агрессивных замыслов против Германии», – пишет Роберт Вистрич[263].

Леон Поляков ищет причины этой безропотности и находит

ее истоки в средних веках, когда после резни, устроенной крестоносцами в Вормсе, Майнце и других местах, «мученичество стало чем-то вроде обычая… Каждая новая жертва христиан становилась воином, павшим во славу Имени; погибшему часто давался титул “кадош” (святой), происходило нечто вроде канонизации… Убийство родителями своих детей [чтобы предотвратить их крещение или их убийство христианами] стало интерпретироваться в свете жертвоприношения Авраама, а история патриарха и его сына, под именем “акеда” (жертвоприношение Исаака), стала символом еврейского мученичества»[264].

Тем не менее, это «расхожее клише, утверждение о том, что евреи не противились своим убийцам и просто шли, “как скот на бойню”, не является ни точным, ни заслуженным… Эта безоговорочная критика их поведения упускает из виду то, до какой степени нацисты скрывали истинные цели своей еврейской политики. Они сознательно поддерживали ложные надежды на то, что уступчивость и труд могут стать для евреев спасением», – пишет Вистрич.

И он продолжает: «Выражение “как скот на бойню” также упускает из виду тот факт, что сама идея полного физического уничтожения была настолько беспрецедентна, что большинству евреев (и неевреев) она просто могла казаться плодом больного воображения. Также забывают о том, до какой степени евреи в гетто были истощены и деморализованы, отрезаны от мира. Недооценивают и устрашающий эффект коллективных наказаний, которые нацисты применяли при малейшем признаке сопротивления. Понимание того, что месть будет ужасающей, отбивало охоту к вооруженному сопротивлению по всей Европе. Военнопленные союзники и сотни тысяч русских пленных бунтовали крайне редко, несмотря на то, что их караулила горстка охранников. Однако против них редко выдвигают обвинения в пассивности. С ними, между тем, не обращались так бесчеловечно, как с евреями в гетто и в нацистских лагерях.

На евреев порой охотились, как на диких зверей. Другие народы не переживали ничего подобного. Ситуацию ухудшало то, что их окружение – во всяком случае, в Восточной Европе – зачастую было враждебным и антисемитским. Даже если им удалось бы бежать, еврейские мужчины были обрезаны, часто отличались характерными чертами лица, бородами, типичной одеждой. Несмотря на все эти препятствия, евреи все же восставали – в гетто Варшавы и Белостока, в лагерях смерти Треблинк, Собибор и Освенцим. Если им удавалось бежать от своих мучителей, они присоединялись к партизанам»[265].

Вооруженные восстания произошли, по крайней мере, в «двадцати гетто Восточной Европы». Самым известным является Варшавское восстание с 19 апреля по 5 мая 1943 года, когда тысяча евреев, вооруженных легким огнестрельным оружием, гранатами и бутылками с зажигательной смесью, противостояла трем тысячам элитных солдат СС с крупнокалиберными пулеметами, гаубицами, броневиками и артиллерией, к которым позже присоединились танки и бомбардировщики.

Решающим же аргументом, снимающим с евреев подозрения в захвате власти над миром, является нежелание правительств (якобы находившихся под еврейским влиянием) впустить в свои страны евреев, пытавшихся бежать из Германии после гитлеровского переворота. «Еврейская мировая мощь оказалась довольно бессильной», – замечает Конрад Хайден[266]. А Роберт Вистрич пишет: «Даже американское еврейство, ставшее к 1939 году богатейшей, значительнейшей и сильнейшей еврейской общиной в мире, было далеко от того, чтобы быть организованным лобби послевоенной эпохи, активным, дисциплинированным, сплоченным и способным направлять международную политику США. Напротив, в нем было так мало единства и уверенности в своих силах, оно было так запугано подъемом американского антисемитизма в период депрессии, что не сумело противостоять драконовским иммиграционным законам – и это решило судьбу европейских евреев. Почти то же самое можно сказать и о сравнительно малочисленной британской общине, хотя там отдельным евреям и удалось занять заметное место в жизни страны во время затишья между мировыми войнами»[267].

Вопрос, почему евреям, народу с религией божественного откровения, выпала такая роковая и трагическая судьба, для стороннего наблюдателя остается без ответа.

Война и холокост

«Что касается евреев, то в этом вопросе Гитлер останется тверд, – пишет в своих воспоминаниях посол Франсуа-Понсе. – Он как-то сказал мне, что, на его взгляд, проблему можно было бы решить, собрав всех евреев мира на одном острове, скажем, на Мадагаскаре. Однако в действительности он считает, что единственным удовлетворительным решением проблемы будет лишь их полное уничтожение. Их нужно уничтожить как врагов арийской расы, виновников всех страданий Германии и остального мира. По существу, именно эта тайная мысль – полное

уничтожение евреев – и вдохновляет все то, что делает он сам и его партия»[268]. Британский историк Ян Кершоу подтверждает слова французского посла: «Что касается Гитлера, то его основная идея – уничтожение евреев – оставалась неизменной с 1919 года, как бы ни менялись при этом непосредственные тактические соображения. Он обнажил свои намерения на съезде гауляйтеров партии в апреле 1937 года. Тогда, продолжая еврейскую тему, он сказал: “Я не бросаюсь в бой очертя голову. Если я хочу сражаться, я не говорю: «Сражайся!» Вместо этого я говорю: «Я хочу уничтожить тебя!» И теперь пусть моя ловкость поможет мне загнать тебя в угол, где ты окажешься беспомощным. И тогда ты получишь нож в сердце”».[269]

Все изучавшие жизнь Гитлера сходятся в том, что его отношение к евреям с 1919 года до самой смерти осталось неизменным. За день до самоубийства он удалился с одной из своих секретарш, Траудл Юнге, в отдельную комнату и объявил, что продиктует политическое завещание. Юнге надеялась услышать нечто, чего еще не слышал никто. «Наконец-то произойдет то, чего мы ждали все эти дни: объяснение происшедшего, исповедь, признание. Быть может, признание вины или оправдание. В этом последнем документе Третьего рейха будет сказана правда, поведанная человеком, которому уже нечего терять. Но мои ожидания не оправдались. Отстраненно, почти механически, фюрер произносил вещи, которые были уже давно известны мне, немецкому народу и всему миру»[270]. В последнем предложении своего завещания Гитлер предписывал назначенному им новому руководству страны «строго выполнять расовые законы и беспощадно бороться против отравителя народов, мирового еврейства».

В своем письме к Адольфу Глемичу по поводу евреев, написанному по просьбе капитана Майра в 1919 году – двадцатью пятью годами ранее, – Гитлер уже настаивал на необходимости «удалить евреев». Как мы видели в первых главах этой книги, ненависть Гитлера к евреям была феноменом, появившимся внезапно, и к этому имеет отношение его ментор Дитрих Эккарт. Возможно, именно он и разжег ее. Едва ли могло быть совпадением то, что капрал без будущего вступает в контакт с Немецкой рабочей партией, организованной по инициативе общества Туле, как раз тогда, когда начальник вежливо просит его изложить свое мнение по еврейскому вопросу для просвещения коллеги по армейской пропаганде.

Путь развития гитлеровского антисемитизма легко проследить: это ежедневные поучения Эккарта, «духовного отца нацизма» (Вистрич), это чтение и заучивание наизусть

антисемитской литературы, из которой один только «Катехизис антисемитизма» (*Antisemiten-Katechismus*) снабдит его 650 страницами ссылок, это и его беседы с Альфредом Розенбергом, распространителем «Протоколов сионских мудрецов» и теоретиком антисемитизма. Почти через год после письма к Глемичу Гитлер произнес речь: «Почему мы антисемиты?». Здесь он развернул перед своей восторженной аудиторией план, остававшийся неизменным до самого конца его жизни, – разве что «окончательное решение» не называлось своим истинным именем, но, вероятно, подразумевалось. Вселенские масштабы столкновения ариев и евреев присутствуют во всем, что он когда-либо говорил или писал по этому вопросу, в том числе и в «Майн Кампф». «И если еврею с помощью марксистской веры удастся завоевать народы мира, его царственным венцом будет погребальный венок человечества, гибель этого мира… И сегодня я верю, что действую согласно воле всемогущего творца: защищаясь от еврея, я сохраняю творение господа»[271].

Гитлер умел говорить о мире – став канцлером, он стал известен в Германии и за ее пределами под именем «мирный канцлер», хоть и стал готовиться к войне немедленно, как только занял этот пост. Точно так же он знал, как умерять свои нападки на евреев и даже полностью воздерживаться от них тогда, когда того требовала политическая ситуация. Например, так было в хаотические, суматошные времена беспрестанных выборов в период, непосредственно предшествующий его «законному» приходу к власти. Но как только он достиг цели, он начал осуществлять свою программу, начиная с пункта номер один: война против евреев.

Все началось с бойкота еврейских магазинов, объявленного через несколько недель после *Machtergreifung*, захвата власти, за которым последовало поэтапное удушение еврейской общины. Постепенно евреи потеряли статус личностей, оказались вне закона, на положении хуже парий. Им еще позволялось жить, но едва-едва. Когда немцы поняли, что Гитлер и его коричневорубашечники действительно собираются делать то, о чем говорили, протестовать было уже поздно. Нюрнбергские законы окончательно закрепили то, что национал-социализм обещал евреям с самого своего зарождения. Исполнение этих обещаний неумолимо приближалось.

30 января 1939 года, во время торжественного празднования *Machtergreifung*, Гитлер произнес слова, которые Люси Давидович назвала «объявлением войны евреям». В действительности же это был смертный приговор – война евреям была объявлена за много лет до этого. К тому моменту Гитлер решил вторгнуться в

Восточную Европу и понял, что военные действия могут стать идеальным прикрытием для решения проблемы евреев путем их физического уничтожения. «В своей жизни я часто бывал пророком и надо мной часто смеялись. В годы борьбы за власть смеялись над моим утверждением, что однажды я стану главой немецкого государства и одновременно вождем Народа и что тогда, помимо прочего, я решу еврейскую проблему. В первую очередь смеялись евреи. Думается, этот веселый смех сейчас застрял в их глотках. Сегодня я опять буду пророчествовать: если международному еврейству внутри и вовне Европы опять удастся ввергнуть народы в войну, результатом этой войны будет не большевизация земли с последующей победой еврейства, результатом будет уничтожение еврейской расы в Европе».

Одобрительные крики аудитории, раздавшиеся в ответ на эту угрозу – все это записано на пленку, – были оглушающими. Ликовала толпа в Кролл Опере, ликовали те, кто стоял у репродукторов на улицах городов и деревень или сидел у своих *Volksempfänger* (дешевая модель приемника, созданная специально для распространения нацистской пропаганды). Они не понимали того, что в действительности крылось за этими лживыми фразами. Правда, в Германии большинство уже перестало здраво мыслить, да это и не разрешалось. А здравомыслящему человеку было бы ясно, что евреям никогда не приходило в голову шутить над подъемом национал-социализма (хоть они и надеялись, что гроза пройдет стороной, и пытались убедить себя в том, что реальной опасности нет), что евреи не желали войны и что большевизм и иудаизм не идентичны.

Идея Гитлера состояла в том, чтобы объединить ведение войны с «окончательным решением» еврейской проблемы. На это указала Люси Давидович, заметившая, что каждый раз, когда Гитлер напоминал слушателям о своей угрозе 30 января 1939 года, он думал, что сделал это 30 сентября – в день вторжения в Польшу в самом начале Второй мировой войны. Война должна была стать дымовой завесой для осуществления тайного и по-человечески немыслимого плана. Как нацисты, так и обыватели постоянно говорили об «уничтожении», но это едва ли принималось всерьез. Евреев подозревали во всех грехах, над ними смеялись, издевались, порой били, но мысль о том, чтобы действительно убить кого-либо из них, не говоря уже об уничтожении всех поголовно, по-видимому, просто не приходила в головы. Конечно, «идеология смерти», распространившаяся в Германии, впоследствии серьезно способствовала реализации этой идеи. «Окончательное решение выросло на почве, подготовленной традиционным антисемитизмом и

параноидальными иллюзиями, охватившими Германию после Первой мировой войны, а необходимым его условием стало появление Гитлера и национал-социалистского движения. Без Гитлера, харизматического лидера, считавшего уничтожение евреев своей миссией, “окончательного решения” не было бы. Без устойчивой самоуверенной антисемитской традиции (она помогала немцам добиться ясности в вопросе, кто же такие они сами) у Гитлера не было бы почвы, где он смог бы взрастить свою организацию и распространять пропаганду…

Антисемитизм был в центре системы верований Гитлера, его центральным политическим мотивом. Он верил, что является спасителем немецкого народа, способным уничтожить евреев, воплощавших в его глазах адские силы. Когда он говорил или писал о своей “святой миссии”, он использовал терминологию, свойственную милленаризму, вплоть до буквальной передачи выражения «тысячелетнее царство» словами “Тысячелетний рейх”. Мало того, он говорил о посвящении, спасении, искуплении, воскресении и божьей воле. В своих фантазиях он видел убийство евреев велением божественного провидения, а самого себя – избранным инструментом для его исполнения»[272].

Неписаный приказ

«Великий план [уничтожения евреев] был в голове Гитлера, – пишет Давидович. – Он не разъяснял его в виде конкретной стратегии. Ничто не записывалось. (29 апреля 1937 года он советовал руководителям НСДАП: “Все, что можно обсудить устно, *никогда* не должно документироваться, никогда!”) Он даже возвел свои методы сохранения тайны в стратегический принцип: как можно меньшее количество людей должно узнавать как можно меньше и как можно позже»[273].

«Принимая во внимание структуру руководства нацистской Германии, можно уверенно утверждать, что операция таких масштабов, требующая огромных человеческих и материальных ресурсов – уничтожение миллионов людей по всей Европе, – была возможна лишь при согласии человека на самом верху, где сходились все нити», – пишет Петер Лонгерих в своей книге *Der unbeschriebene Befehl* («Неписаный приказ») о личной ответственности Гитлера. Он утверждает, что эту ответственность можно доказать, анализируя его многочисленные высказывания, а также разговоры с генералами, с группами людей режима, личные беседы. Гитлер старался, говорит Лонгерих, не давать прямых указаний, но создать «определенный климат», в котором

исполнительные органы знали бы, что любая радикализация политики по отношению к евреям будет одобрена высшим руководством. Помимо этого, «Гитлер с глазу на глаз давал прямые устные приказы к началу отдельных операций по систематическому массовому уничтожению евреев»[274].

То, что Лонгерих точно описывает ситуацию, подтверждают многочисленные свидетели, лично вовлеченные в этот исторический процесс. Альберт Шпеер говорил: «Ничто более или менее значимое не только не могло происходить без ведома Гитлера – это не могло происходить без его прямых указаний». И он повторяет слова Рудольфа Гесса: «Все важные решения Гитлер принимал лично»[275]. Кершоу цитирует Генриха Гиммлера: «Все, что я делаю, известно фюреру»[276]. Криста Шрёдер, одна из секретарш Гитлера, в послевоенном интервью восклицает: «Разумеется, Гитлер знал! Не только знал – это были его идеи, его указания!» И затем она рассказывает, как шокирован был Гиммлер, получив однажды от Гитлера *настоящий* приказ[277]. «Когда он не давал прямых приказов или инструкций, – пишет Роберт Геллатели, – всю иерархическую структуру полиции, юрисдикции и личного состава СС сверху донизу вдохновляли его идеи, его исполненные ненавистью речи и личные пожелания»[278].

В чем была причина одержимости Гитлера евреями, которые словно «жили у него в голове»? «Я не знаю. Никто не знает. Никто даже не начал понимать этого», – с отчаянием сказал Алан Буллок после многолетних исследований[279]. «Причина Гитлеровского антисемитизма, несмотря на множество известных нам деталей, пока не нашла удовлетворительного объяснения», – сдержанно говорит историк Вернер Мазер[280]. А Иоахим Фест выражает это так: «Видимо, нам уже не понять глубинной основы его все возрастающей ненависти к евреям, ненависти, которая не угасала буквально до последних часов его жизни». «Он восторгался евреями, – говорит Фест. – Их расовая исключительность и чистота казались ему достойными восхищения не меньше, чем их чувство избранности, несгибаемость и ум. В сущности, он видел в них что-то вроде сверхлюдей со знаком минус. В одном из застольных разговоров он заявил, что даже германская нация с относительно чистой кровью стоит ниже их: если поместить в Швецию 5 тысяч евреев, они очень скоро займут все руководящие посты»[281].

Загадка Гитлеровской ненависти к евреям тесно связана с «его видением апокалипсического конфликта между арийцами и евреями» – к этому заключению мы пришли, анализируя «Майн Кампф». «Это была его собственная манихейская версия конфликта между богом и дьяволом, между Христом и

Антихристом». Если у этой тайны и есть разгадка, ее нужно искать в загадочных событиях во время «превращения», когда в 1919 году, под влиянием капитана Майра и Дитриха Эккарта, Гитлер неожиданно становится экспертом в вопросах антисемитизма и очень интересным человеком, заслуживающим того, чтобы его поставили на позицию, с которой он мог начать завоевание Германии и воплощение в жизнь своего видения и миссии. Это может объяснить и то, каким образом конец уже был запрограммирован в начале: почему, диктуя завещание, в еврейском вопросе он все еще был тем же, кем стал тем летом в Мюнхене.

«Его идеология, план, которым он руководствовался, был доступен всем и одновременно оставался тайной для каждого». У Тревор-Ропера сложилось сходное впечатление – он писал о «стенах, воздвигнутых фюрером вокруг своих убеждений, за которые не проникал ничей взгляд. Быть может, там ничего и не было – лишь гигантское упорство ослепленного духа, приносящего все в жертву своему эгоизму, почитавшему лишь самого себя?»[282] (Но может ли это быть ответом на вопрос о причинах величайшего и трагичнейшего события в истории человечества? Всего лишь эго, почитавшее само себя?) Джон Лукач находит, что «Гитлер был очень скрытен, быть может, не менее скрытен, чем Сталин», и приводит его слова: «Вам никогда не раскрыть моих мыслей и намерений»[283]. «Чем выше ты находился, тем меньше знал», – поведал Гитте Серени Шпеер[284]. В дополнение к этим словам Шпеера можно привести подборку цитат из дневников Геббельса, показывающих, что «царя пропаганды» ставили в известность о некоторых важнейших решениях лишь постфактум.

«Гитлер никогда не открывал тайну своей миссии, – пишет Иоахим Кёхлер в своей книге *Hitlers Wagner* (стр. 20). – Суть его послания так и не была расшифрована (стр. 21) … Борьба с евреями была его крайне личным и крайне важным убеждением, которое не подлежало обсуждениям или объяснениям (стр. 98) … Он знал, что с политической стороны его невозможно атаковать, так как он скрывал свои цели в мистической тьме… Гитлера невозможно было описать или объяснить, и он остается таким и до сего дня (стр. 193) … В чем была сущность его личной истины, не знал никто… Гитлер был не политиком, который разрабатывает программу, а потом объясняет народу свои действия, – он был спасителем, посвященным тайного культа, который поставил перед собой задачу освободить мир от евреев… В действительности, немцам и не нужно было ничего знать, достаточно было веровать (стр. 334—335) … Совершенно

очевидно, он держал в тайне то, во что верил с “гранитной” непоколебимостью (стр. 336) … “Когда мы уничтожим эту чуму [то есть евреев], – пророчествовал Гитлер во время похода на Москву, – мы сделаем для человечества то, что наши люди на фронте пока не способны понять”. Это также означало то, что эти люди не знали, ради чего они убивали и погибали сами. Вокруг ликовали, не зная почему. Они были в восторге, когда им сказали, какова ставка, они верили в его непогрешимость, потому что он требовал от них этой веры. Его успехи оправдывали его действия, его цели оправдывали все средства (стр. 337) … Гитлер никогда, ни единым словом не выдал, что планирует величайшее аутодафе в истории человечества (стр. 410)».

11. Германия в поиске

Был Век золотой, нас знал каждый тогда.
В эту эпоху толпа не знает стыда.
Мы – это Роза: молодость в сердце и пламя.
Мы – это Крест: нас не согнут страдания.

Стефан Георге

Поиски смысла

Проведенный выше анализ немецкой ментальности, подводящий нас непосредственно к Гитлеру, будет неполным, если мы не сумеем показать, что даже за безумством национального эгоизма, за историческими и культурными чудачествами, за отрицанием всего, что ассоциировалось с «современностью», стояло некое искреннее устремление, искреннее искание. Да, в конечном счете победили извращенные иллюзии, но трагедия заключалась в том, что даже в тяжелейшие годы великие культурные и духовные ценности Германии были по-прежнему живы, но были подавлены некими силами. Мы видели, как эти силы становились все более могущественными, и нам еще предстоит понять их природу.

В книге Дж. П. Стерна «Гитлер: фюрер и народ» одна из глав, описывающая развитие Германии вплоть до Третьего рейха, называется «Общество, тоскующее по запредельному». Здесь он пишет: «Теперь немцы ищут ответа именно религиозного, то есть тотального и абсолютного, предмета веры, а не благоразумных размышлений. И так как они ищут вещи единой, “тотальной”, их “идеализм” может показаться совершенно несовместимым с преследованием материальных целей. Да, они искали не ответа, а спасения, однако не в смысле подмены их материальных интересов чем-то потусторонним, а в смысле оправдания и сакрализации этих интересов»[285].

«Многие умы во времена Веймарской республики искали “третий путь”, отличный от капитализма и марксизма, – пишет Джордж Моссе. – И раньше, в годы предшествующие Первой мировой войне, люди задавались сходными вопросами – быть

может, скорее в умозрительном, чем в практическом плане, но не менее серьезно. Вне всякого сомнения, поиск практически осуществимого “третьего пути” был важнейшей частью фолькистских исканий… Разочарованные в реальном мире, немецкие мыслители искали возможности вывести Народ из ограничений времени. Они были полны решимости освободить его от оков материалистической цивилизации, навязанной государством, которое было совершенно слепо к духовным нуждам Народа. В послевоенное время проблема “третьего пути” вновь выходит на первый план… Повсюду в Европе это стремление отыскать “третий путь” использовалось фашизмом… Какой бы ни была предложенная сторонниками “третьего пути” альтернатива, ее основы всегда были метафизическими. В 1920-е годы интеллектуалы считали грядущую германскую революцию прежде всего революцией духовной…

Мёллер ван дер Брюк в своей знаменитой работе “Третий рейх” (которую он поначалу хотел назвать “Третий путь”) писал, что Германия – это “новая нация”, отличная от перезрелых «старых наций», нация с особой судьбой. Это страна будущего, которая пока не смогла развить свои особенности и реализовать свое истинное величие. Ван дер Брюк провозгласил, что главное, чего до сих пор не хватало, что было причиной недавних поражений [1918 года], – это отсутствие милленаристского идеала[16] . Он утверждал, что “новая” Германия должна вдохновляться идеалами германского прошлого и мыслью о будущем величии, что нужно оживить и приспособить к современным условиям традиции средневекового мессианства. Необходимо расстаться с современным материализмом, современным обществом и современной наукой, германская душа должна подняться ввысь и идти свободными путями Духа… Ван дер Брюк стоял за революцию истинно духовную»[286].

«Либеральным и миролюбивым буржуа, воспитанным в духе европейского рационализма, фашисты… противопоставили культ чувств, эмоций, силы, долга, самопожертвования, культ героических добродетелей, – пишет Зев Штернелл. – Фашизм расцветает в атмосфере новой послевоенной этики, зародившейся накануне войны: страстного желания служить, культа силы, приказа и повиновения, коллективной веры и самоотречения. Фашизм – это приключение и, как и у Сореля, “действие и ничего кроме действия”… То, что в первую декаду XX столетия являлось всего лишь теоретическим аспектом социального дарвинизма, после войны для поколения, пережившего окопную бойню, стало реальным опытом и идеалом поведения. Бывшие военные считали, что на них возложена духовная миссия передать этот

уникальный опыт всему обществу, запечатлеть в его сознании героические добродетели воина, а именно дисциплину, самопожертвование, самоотречение и чувство боевого братства»[287].

Если наложить друг на друга перечисленные Штернеллом характеристики, получится нечто вроде фоторобота идеального характера среднего немца рассматриваемого нами периода. Немец нуждается в порядке, дисциплине и повиновении. Ему свойственна верность и самопожертвование. «В этой нации инстинкт законопочитания и повиновения укоренился очень глубоко, – пишет Фест. – Ей нужен или упорядоченный мир, или ей вообще не нужно этого мира… Ум немца безусловно признает принципы порядка, дисциплины и самоограничения… Гитлер умел манипулировать этими моделями поведения для реализации своих целей, для достижения господства. Именно поэтому он создал культ повиновения фюреру и организовывал эти полувоенные демонстрации, чья геометрическая точность построений была убежищем от хаоса, которого боялись все до единого»[288].

«С самого детства в нас воспитывали восприимчивость к этим идеям, – пишет в свое оправдание Альберт Шпеер. – Наши убеждения базировались на *Obrigkeitsstaat*, на государстве авторитарном, но не тоталитарном – на Германской империи. Кроме того, мы впитали эти принципы в военное время, когда авторитарный характер государства усилился еще более. Быть может, это прошлое готовило нас, как солдат, к мировоззрению, с которым мы встретились в гитлеровской системе. Строгий общественный порядок был у нас в крови; либерализм Веймарской республики казался чем-то подозрительным, мягкотелым и крайне нежелательным»[289].

«Более того, многие нацисты вышли из семей, порядки в которых основывались на строгих правилах кадетских училищ. Гитлеру очень помогли эти особенности авторитарной системы образования»[290]. Исполненные патриотизма, суровые авторитарные учителя подготовили «молодежь Лангемарка» к окопам Первой мировой. Такие учителя, а также пособляющие им отцы-солдафоны встречаются в биографии практически любого немца времен Второй мировой войны, будь то Гитлер, Борман, Шпеер, Геббельс, кто угодно. Это была «нация, которую буквально выдрессировали почитать эти качества… Подчинение властям было внутренне присуще немцам как до Гитлера, так и после его прихода». Прусская традиция, слепого повиновения (*Kadavergehorsam*) была еще очень сильна. И пословица сержантов-строевиков: «Пусть лошадь думает, у нее голова большая» не

теряла своей актуальности.

Куда могла пойти молодежь с характером, созданным по этому шаблону, не способная принять ни обветшалых предписаний религиозного догматизма, ни современного мира, которого она не понимала и боялась? Что могло утолить ее жажду порядка, подчинения, самопожертвования, а главное, жажду идеала, цели, ради которых стоило жить и умереть? Херуски Арминия и другие древнегерманские племена не могли предложить ничего, что можно было бы назвать «духовным» хотя бы с натяжкой. А у древних греков, высокочтимых создателей культуры и искусства, можно было найти лишь произвольность своенравного мира Гомера или трагичность человеческой судьбы Софокла. И все же истинную духовность, удовлетворявшую всем критериям, можно было обнаружить там, где ее искали великие Романтики и куда по их стопам устремился новый романтизм – в (идеализированном) Средневековье. Поэтому в воображении молодых людей – будь то в поездах, в химических лабораториях, в банках или часовых мастерских – царили монашеские ордена. Главным образом, ордена воинствующие.

На всех перепутьях фолькистской мысли Германии мы встречаемся с Тамплиерами или Тевтонскими рыцарями. Ланц фон Либенфельс уже в двенадцать лет мечтал стать тамплиером и в итоге основал Орден новых тамплиеров. Вступавшие в него клялись сражаться за окончательную победу светловолосых арийцев над недочеловеками-чандалами. Поэт Стефан Георге, «назначивший себя хранителем духовного и культурного будущего Германии», собрал вокруг себя кружок молодых людей, которые должны были стать не только эзотерическими посвященными, но и мистическими воинами, «солдатами духа» в духовном крестовом походе. В этом смысле они были наследниками рыцарей из его стихотворения «Тамплиеры». Конечно, под этим словом Георге подразумевал нечто весьма отличное от ариософских Новых тамплиеров Либенфельса»[291]. Часто утверждают, что Гиммлер, создавая свой Черный орден, пытался подражать тамплиерам или иезуитам, которые фактически были воинами католической церкви, сражавшимися с Реформацией. Сам Гитлер поведал однажды Раушнингу: «Скажу вам по секрету: я основываю орден». Главные элитные школы «его» молодежи были расположены в трех «орденсбургах»[17] : в Крёссинсее, Зонтхофене и Фогельзанге. Даже обычный Гитлерюгенд, в который вступали все немецкие дети с шести лет, с гордостью следовал идеалам военного ордена.

Традиции самоотверженного поведения базировались, главным образом, на прусском прошлом. Дисциплина, уважение к

военным чинам, честь мундира, прищелкивание каблуками, энергичная отдача чести, выкрикивание приказов и безжалостная муштра были так же обычны в XX веке, как и при Фридрихе II. Но то, что для большинства «новых романтиков» было лишь фантазией, с началом Первой мировой войны стало суровой реальностью. Идеалам слепого подчинения, безусловной дисциплины и самопожертвования следовали ежедневно. У тех, кто выжил, эти идеалы вошли в плоть и кровь. На смену тамплиерам и тевтонским рыцарям пришел рыцарь Дюрера, скачущий к неведомой судьбе между Дьяволом и Смертью. Его небом было блеклое небо нигилизма, расцвеченное облаками какой-нибудь возвышенной мечты или вовсе пустое. Несломленные в битве немецкие солдаты вернулись домой и стали членами Добровольческого корпуса. Здесь они маршировали бок о бок с молодыми людьми, сожалевшими, что родились слишком поздно для прошедшей войны. Эти солдаты удачи, ландскнехты, потерявшие идеалы, но сохранившие привычки, служили примером поколению «перелетных птиц». И никто не сможет использовать их стремление к служению и заполнить пустоту их сердец лучше Адольфа Гитлера. Он построит из них *свой* Орден новых тамплиеров для защиты «Святого Грааля чистой крови».

Водораздел 1880 года

Здесь нужно еще раз уделить внимание важным изменениям в европейской культуре, предвестникам грядущих потрясений XX века. Точкой отсчета здесь является 1880 год. Важность этого времени – один автор назвал эти годы *Zeitbruch 1880*, разрывом или стыком времен, подобным *Achsenzeite* (осевому времени, времени великих перемен Карла Ясперса), – еще не получила общего признания в официальной истории. «В такие времена ощущается страшная боль, и страдание становится невыносимым. Все ждут спасителя, распятые видны повсюду. Быть может, этот мир стоит на краю гибели? Возможно, мы пришли к концу, к смерти истощенного человечества, и впереди лишь последние конвульсии. Но возможно и то, что мы стоим в самом начале, и впереди – рождение нового человека»[292]. Искания Ренессанса, столетнее владычество интеллекта в век Разума подточили основы древней христианской веры и заложили основы чего-то иного. Обломки веры прошлого распадались, однако Разум не мог сказать, что придет ей на смену.

Мы видели ранее, что Джордж Моссе писал о «поиске

практически осуществимого “третьего пути” – главной проблеме фолькистских исканий». Он говорил, что этот «третий путь» должен был стать альтернативой капитализму и марксизму. В этом пункте с ним нельзя согласиться – третий путь, который искало фолькистское движение, а вместе с ним и все те, кто пережил боль и неуверенность в период с 1880 по 1914 год, должен был не просто стать альтернативой капитализму и марксизму, но чем-то большим. С одной стороны, он должен был дать что-то взамен разрушенной веры христианского прошлого, с другой – защитить от неведомого грядущего, включая капитализм, марксизм, а также всесокрушающую индустриализацию и урбанизацию, разрушавшую все привычные традиции. Перемены – это то, чего человеческие существа, ограниченные и уязвимые, боятся больше всего.

Временное владычество тирана-разума, которому, впрочем, в Германии всегда не доверяли, не удовлетворило, если не сказать, разочаровало фолькистски настроенных и сходных им по духу людей. Им нужны были учения или практики, которые могли бы удовлетворить нужды всего человека в целом. Не хлебом единым жив человек, точно так же он не может жить и одним интеллектом. В нем есть миры витальных сил, импульсов, желаний; есть и физическое тело, его голод, нужда в движении, сексуальном удовлетворении, в здоровье; в центре же всего существа – душа, то место, где человек чувствует связь с душой народа, с природой, с Богом. Догматические ответы, которые давала религия, не могли удовлетворить поколение, наследовавшее критическим мыслителям Возрождения и Просвещения, не говоря уже о Мартине Лютере, который настаивал на праве каждого человека на непосредственный контакт с Богом и на необходимости личной веры для спасения, а также на том, что религиозные организации не должны вмешиваться во все это.

Теософское движение Е. П. Блаватской, основанное в 1875 году в Америке, мгновенно перенеслось в Европу и в Индию и было воспринято как откровение. (Первое немецкое отделение открылось уже в 1884 году.) Наконец-то появилось учение, которое, как указано в одной из предшествующих глав, обращалось ко всем частям человеческого существа, которое говорило, что Бог находится внутри человека, что с ним можно вступить в контакт и даже отождествиться, и которое положило конец страху вечного адского проклятия. Теософия предложила практическую духовную программу, дала объяснение прошлому человека, сопоставимое с аналогичными взглядами других религий, и даже нашла место для научных теорий и открытий.

«Теософия пронеслась по Европе как ураган, ее эффект сравним лишь с эффектом Вагнера или Ницше. Возможно, Вагнер и создал собственную религию, но тогда не многие в Европе это понимали. Теософия, напротив, объявила, что является полностью развитой и структурированной религией – или, скорее, окончательным и высшим синтезом всех религий, всеохватной и всеобъясняющей сверхрелигией будущего. Своим существованием она угрожала всем другим религиям, что вызвало в их стане серьезное беспокойство. Теософия, провозгласившая, что основывается на “эзотерическом буддизме” и иерархии “тайных учителей”, обладающая универсальным охватом, создала комплексную схему, способную включить в себя все другие верования»[293].

Одновременно с теософией вновь возродился оккультизм – исследование реалий, недоступных обычным органам чувств. Человек – существо комплексное, и оккультизм, как и религия, всегда интересовал его. Практика обоих, по сути, идентична. Церковь, проклинающая оккультизм, использует магические формулы для претворения хлеба и вина в плоть и кровь своего Бога – впрочем, лишь «великие» религии отмежевываются от оккультных практик. Если определить духовность как истинную сущность всякой религии, как религию без догм, тогда всякая духовность необходимо будет оккультной. Однако духовным является далеко не всякий оккультизм.

Оккультизм всегда был частью европейской культуры, но его часто загонял в подполье нетерпимый европейский темперамент, и ему так и не удалось достичь зрелости. («Большей частью европейский оккультизм славится толстыми трактатами и ничтожными результатами – по контрасту с оккультизмом на Востоке, который базируется на строжайшей дисциплине, тщательных умственных и физических упражнениях и постоянном руководстве учителя или “гуру”» (Петер Левенда[294]).) Как ни странно, век Разума в Европе был одним из самых оживленных оккультных времен. «Ни один исторический период не может похвастаться таким количеством удачливых спиритов, магов, шарлатанов и им подобных, как время, которое обычно называют эпохой разума и просвещения… Со времен Просвещения теневая сторона разума становится необычайно привлекательной; по всей видимости, это было необходимо для того, чтобы сбалансировать резко выраженную рациональность буржуазного периода»[295]. Начиная с 1880 года – линии разлома между двумя мирами – оккультизм вновь выходит на первый план.

Если посмотреть на это глазами того времени, такой поворот событий покажется очень естественным. Генри Герц только что

обнаружил электромагнитные волны, Вильгельм Рентген открыл свои лучи. Гульемо Маркони, используя невидимые волны, послал первые сообщения, а Генри Беккерель, за которым последовали Мари и Пьер Кюри, открыл первые элементы, излучающие энергию без всяких видимых причин. Как раз тогда, когда ведущие ученые провозгласили, что наука дошла до своих естественных пределов – осталось заполнить лишь несколько белых пятен, – физика вырвалась из трехмерного мира в мир релятивистский и квантовый. Почти тогда же Фридрих Ницше писал в своих работах о «воле к власти», «сверхчеловеке» и «переоценке всех ценностей». Работы Ницше и его почитателя Генри Бергсона, создавшего философию потока сознания и «жизненного порыва» (*elan vital*), поведут человечество из крепости позитивизма новыми путями витализма к Зигмунду Фрейду. Импрессионизм в 1880 году уже достиг своего расцвета и начал раскалываться на другие художественные школы. По его пятам шел символизм Бодлера, Рембо, Верлена, Малларме и Валери, которые сейчас стоят, как статуи богов, у входа в мир модернизма.

«Может быть, дело лишь в случайности произвольной выборки, – пишет Эрик Хобсбаум в своей книге “Эпоха империи: 1875—1914”, – но и теория квантов Планка, и переоткрытие законов Менделя, и “*Logische Untersuchungen*” (“Логические исследования”) Гуссерля, и “Интерпретация сновидений” Фрейда и сезановский “Натюрморт с луковицами” датируются 1900 годом… Это совпадение во времени коренных нововведений в различных областях все же поразительно». Несколькими страницами позже он походя заметит: «Мы склонны недооценивать моду на оккультизм, колдовство, магию, парапсихологию (которыми занимались некоторые ведущие британские интеллектуалы), а также на различные версии восточного мистицизма и восточных религий, охватившую пограничные области западной культуры»[296]. Мы, его читатели, этой повальной «моды» не проглядим, ведь она была частью той, еще не получившей названия революции на разломе истории, которая приведет к опустошительному землетрясению Первой мировой.

Видимое и невидимое

Признаком хаоса в западной ментальности, якобы научной и материалистической, является то, что оккультизм по-прежнему остается чем-то подозрительным, в то время как миллионы без

вопросов принимают оккультные церемонии собственных церквей, а тысячи представителей социальной элиты являются практикующими масонами. То же недоверчивое отношение преобладает и среди профессиональных историков. «Я изучал историю и психологию в Мюнхенском университете и через несколько лет стал доктором философии, – пишет Петер Орцеховски. – В ходе исследований мне стало ясно, что история, как простая передача фактов, не способна объяснить исторические события. Это в особенности справедливо, когда речь идет об истории Третьего рейха… Существует множество цитат, указывающих на то, что Гитлер задумывал национал-социализм как религию. До сих пор ни один историк не сделал из этого серьезных выводов. Религия национал-социализма для рационального, аналитического ума представляется слишком невразумительной и потому не заслуживающей рассмотрения. Эта религия, по всей видимости, так глубоко погружена в оккультное, что историк не может изучать ее без того, чтобы коллеги не заподозрили в оккультизме его самого»[297].

«Иррационализм в его разнообразных проявлениях является одним из фундаментальных фактов любого общества, даже самого “развитого”, – пишет Детлев Розе. – Либерализм и Просвещение, полагая, что человеческие действия направляются исключительно интеллектом, всего лишь принимают желаемое за действительное. Тот, кто отказывается согласиться с тем, что интеллектуальные концепции, мировоззрение и позывы к действию также обусловлены иррациональными силами, упускает из виду один из первоэлементов жизненных реалий»[298]. Николас Гудрик-Кларк в своей общепризнанной работе «Оккультные корни нацизма» выражает ту же мысль немного осторожнее: «Для историков, которых готовили в университетах исключительно к работе с конкретными событиями, причинами, рациональными целями, этот мрачный мир фантазий может показаться нереальным. Они будут настаивать на том, что политические и исторические перемены совершаются лишь ради достижения реальных материальных целей. Как бы то ни было, фантазии могут достичь причинного статуса, если они организованы в систему верований, ценностей и восприняты социальными группами. Фантазии также являются важным симптомом грядущих культурных перемен или политических акций»[299].

Все зависит от того, что считать «фантазиями», способными достичь причинного статуса. Можно даже резонно спросить, а определялись ли вообще действия людей чем-либо еще, кроме фантазий? То, что в современном мире не может быть классифицировано как «научный факт», можно назвать

«фантазией». В таком случае все человечество на протяжении всей известной истории, за исключением примерно двух последних столетий, жило в мире фантазий, и можно только дивиться, как ему удалось добраться до эры научного реализма, в которой мы оказались сейчас. Как ни странно, это та же самая эра, когда Санта Клаус достиг международной известности, вновь зажигаются Олимпийские огни, люди продолжают участвовать в магических церковных церемониях, миллионы оплакивают смерть набитой деньгами британской принцессы, кинозвезды после кончины почитаются как святые, а материалистически мыслящие специалисты пишут целые библиотеки о Юнге и Фрейде. При этом убийства во имя фантазий происходят как ни в чем не бывало.

Поразительным примером избирательного подхода к фактам при описании исторических событий является так называемый «опыт вне тела» Альберта Шпеера, архитектора Гитлера, «его любимого министра и одного из возможных преемников».

В январе 1944 года Шпеер попал в госпиталь с серьезной инфекцией колена и легких. Время было не самое удачное: Геринг, всегда стремящийся ко все большей власти, интриговал против него и пытался добиться, чтобы Шпеер попал у Гитлера в опалу, для чего он использовал зловещего Мартина Бормана. Когда состояние Шпеера стало критическим, тот был помещен в оборудованный по последнему слову техники партийный госпиталь в Хохенлихен, неподалеку от Берлина. Этим медицинским учреждением руководил доктор Карл Гебхардт, группенфюрер СС и личный врач Гиммлера. Согласно Шпееру, Гиммлер дал Гербхардту указание устранить его. В своей знаменитой книге «Внутри Третьего рейха» Шпеер пишет: «Врачи подготовили мою жену к худшему. Но несмотря на этот пессимизм, я чувствовал необыкновенную эйфорию. Маленькая комната расширилась до размеров роскошного зала. Обычный шкаф, на который я пялился в течение трех недель, превратился в великолепный выставочный экспонат, выложенный редкими сортами древесины. Подвешенный между жизнью и смертью, я испытывал счастье, какое мне редко доводилось ощущать»[300].

Из беседы Шпеера с Гиттой Серени мы узнаем, что же произошло *в действительности*: он, очень амбициозный, очень материалистичный и очень здравомыслящий архитектор, властный министр нацистской верхушки, получил опыт сознания вне тела! Серени воспроизводит беседу так. «Никогда в моей жизни я не был так счастлив», – сказал Шпеер. По его словам, он был «наверху» и глядел вниз на самого себя, лежащего на кровати. «Я видел все очень четко. Врачи и медсестры парили, и

Маргарет [его жена] выглядела мягкой и тонкой, ее лицо было маленьким и бледным… То, что делали профессор Кох и медсестры, – продолжает Шпеер, – казалось мне молчаливым танцем. Комната была такой красивой… – он улыбнулся своему воспоминанию. – Я был там не один, там были еще фигуры в белом и в сером, и музыка… А потом кто-то произнес: “Не сейчас”. Я понял, они хотят сказать, что мне нужно возвращаться, и я сказал, что не хочу. Но мне дали понять, что я должен, мое время еще не пришло. Не знаю, как описать, что я почувствовал тогда. Это не было просто печалью или разочарованием – это было длительное чувство потери… До сего дня я считаю, что в те часы я испытывал такие вещи, которые, насколько я себя знаю, я не мог ни видеть, ни слышать, ни выразить. Могу сказать вам одно: с того времени я перестал бояться смерти. Я уверен, что это будет великолепно».

Почему же он не написал об этом в своих мемуарах? Шпеер отвечает: «Ну, считается, что я человек сверхрациональный, понимаете, пишущий авторитетнейшую книгу об этих ужасных временах, ставших историей. Как вы думаете, что сказали бы читатели, если бы в середине книги я заявил, что уверен – и уверен до сих пор, – что в ту ночь я умер и вновь вернулся к жизни? Представляете, как повеселились бы критики?»[301] Именно из этих или подобных соображений важнейшие переживания исключаются из «официальной» истории, которая подобна слою холодного пепла над расплавленной магмой действительности.

Как мы уже видели, человеческое существо, с нематериалистической точки зрения, по определению является оккультным, так как состоит главным образом из частей, которые обычные органы чувств воспринять не способны. Оно оккультно хотя бы потому, что большая часть его деятельности – мысли, чувства, импульсы, сновидения – является «оккультной», скрытой. То, что оккультизм так часто использовался всевозможными мошенниками и шарлатанами, не меняет справедливости сказанного. Индивидуальная жизнь – это большей частью оккультное переживание, более того, основы современного научного и материалистического мира пропитаны оккультизмом. Мы уже упоминали о магической составляющей Возрождения. Наитие, приведшее Декарта к переоценке основ западной философии, пришло к нему в трех сновидениях. Огюст Конт, теоретик позитивизма, создал новую религию человечества. Мысль Ницше, ориентированная главным образом на «этот» мир, исходит из и возвращается к положениям, не являющимся материалистическими. А развитие теоретической физики в течение последних ста лет привело к появлению «мифа материи».

В предшествующем абзаце мы обошли вниманием Исаака Ньютона. Благодаря прошедшему в 1936 году в Сотби аукциону «ученые впервые имели возможность оценить глубину и широту магических интересов Ньютона, – пишут Майкл Байгент и Ричард Лейгх. – Это оказалось поразительным открытием. Первым комментатором, опубликовавшим работы, которые до того времени замалчивались, был Джон Мэйнард Кейнс. Он пришел к заключению, что “глубочайшие интересы Ньютона были оккультными, эзотерическими и семантическими…” Согласно Кейнсу, “Ньютон не был первенцем века разума, он был последним из магов…” Пользуясь словами другого комментатора: “Можно уверенно утверждать, что алхимические идеи Ньютона так прочно покоились на базовых принципах, что он никогда не сомневался в истинности их главных положений. В каком-то смысле, вся его карьера, начиная с 1675 года, была одной долгой попыткой объединить алхимию с механической философией”»[302].

Николас Гудрик-Кларк назвал вторую главу своего труда об оккультных корнях нацизма «Оккультное возрождение в Германии в 1880—1910 годах». Он пишет об этом периоде следующее: «Оккультное учение старалось подчеркнуть тесную и глубокую связь человека и космоса в терминах “сущностного” соответствия микрокосма и макрокосма. При этом оно старалось противостоять материалистической науке, которая делает упор на феномены осязаемые и измеряемые, но пренебрегает невидимыми качествами, относящимися к духу и эмоциям. Эти новые “метафизические” науки давали человеку целостный взгляд на себя и на мир. Они давали ему чувство участия во всеохватном осмысленном миропорядке и с помощью предсказаний будущего позволяли планировать поступки в соответствии с этим миропорядком»[303].

Гудрик-Кларк набрасывает картину быстрого распространения оккультизма в Германии. Он упоминает об издании в Лейпциге двенадцатитомной «Эзотерической библиотеки» (1898—1900), а также о выходе тридцатитомной серии «Теософских работ» в Веймаре (1894—1896). В 1906 году в Лейпциге было основано Теософское издательство, в результате чего появилась «целая волна оккультных журналов». Опираясь на свои данные, Гудрик-Кларк заключает, что новый пик выхода оккультной литературы приходился на период с 1906 по 1912 год. Расцвет оккультного движения в Германии окажет заметное влияние на немецкое население Австрии. «Импульс исходил главным образом из Германии: как Лист, так и Ланц черпали свое знание теософии из германских источников… Теософию в Вене после 1900 года можно описать как квазиинтеллектуальную

сектантскую религиозную доктрину, импортированную из Германии и распространяющуюся среди людей, шатких в своих религиозных убеждениях, но тяготеющих к религиозному мировоззрению»[304]. Мы знаем, что Ланц и Лист вернут свой долг Германии сторицей, став непосредственными вдохновителями *Germanenorden* и нацизма.

Неудивительно, что трагические события Первой мировой войны – такого эффекта можно ожидать от всякого великого кризиса – породили новую волну интереса к оккультизму. В послевоенный период, пишет Ульрих Линзе, «многие психологически предрасположенные люди окунулись в вещи оккультные и мистические и оказались крайне восприимчивыми к различного рода внушениям. Хорошо известно, что сразу после войны появилось огромное количество гипнотизеров, магнетизеров, телепатов и им подобных. Они устраивали публичные выступления и демонстрировали свои “мистические” и целительские способности в ходе тщательно организованных шоу»[305]. Германский кризис затянулся на годы: после унизительного поражения последовали левые и правые революции, затем гиперинфляция. Это было время Терезы Ньюман со стигматами, спирита Вайсенберга Чёрча и знаменитого мага и шоумена Хануссена. В 1925 году масоны в Германии достигли абсолютного пика своей численности, насчитывая 82 194 брата в 632 ложах[306]. Нацизм тоже был частью общего поиска новых мощных, если не сказать чудесных, ценностей.

«Спасители являлись повсюду, – вспоминает Себастьян Хаффнер, – длинноволосые, во власяницах, провозглашавшие, что посланы Богом для спасения мира. Самым удачливым из них был некий Хауссер: он печатал плакаты, проводил массовые собрания и имел множество последователей в Берлине. Его мюнхенским аналогом, согласно газетам, был некий Гитлер, который, правда, отличался от своего берлинского соперника возбуждающей грубостью речей и побивал все рекорды вульгарности дутыми угрозами и неприкрытым садизмом. Гитлер хотел установить тысячелетнее царство, уничтожив всех евреев, тогда как некий Ламберти из Тюрингии хотел сделать это с помощью народных танцев, пения и игр. У каждого спасителя был свой стиль. Никто и ничто не вызывало удивления, люди давно забыли, что значит удивляться»[307].

«В немецком уме есть сильная иррациональная составляющая, – пишет Йохен Кирхгоф, – и он чувствует свое превосходство над западноевропейским рационализмом… С позиций этого ума декартовское *clarté* (ментальная ясность)

кажется плоской, искусственной… У немецкого ума есть давняя склонность к запредельному, глубинному в бытии. Это соответствует немецкой увлеченности вещами духовными, эзотерическими, сверхчувственными, оккультными, а также магией и всякого рода тайными обществами… В немецкой философии всегда есть что-то от мистицизма, от Мейстера Экхарта и Якоба Бёме. Западные европейцы склонны считать немецкий иррационализм близким к демонизму, к общению с мертвыми. За всем этим они чувствовали сползание в средневековье, к "тевтонскому варварству"… Это соответствует уровню "позавчерашнего дня" в немецкой ментальности, "древней основе неврозов", "тайной связи германской природы с демоническим", как говорит об этом Томас Манн, видящий здесь один из источников национал-социализма…»[308]

Живые и мертвые

В рассматриваемые нами годы самой распространенной формой оккультизма (не считая астрологии) был спиритизм. С незапамятных времен спиритизм, в самых разнообразных формах, был способом вступить в контакт с незримыми мирами и невидимыми существами, которыми, как предполагается, эти миры населены; он играет немаловажную роль в легендах и мифах всего мира. Сегодня спиритизм называют «ченнелингом», но, в сущности, это одна и та же оккультная практика. В настоящее время легко отнестись к контактам с мертвыми с пренебрежением, однако это ведет к недооценке серьезности спиритического движения, завоевавшего Америку и Европу к концу девятнадцатого века. Это движение появилось в США, и начало ему положил полтергейст сестер Фокс в 1848 году. Спиритизм мгновенно превратился во всеобщую манию, что подготовило почву для Теософского общества, семена которого будут посеяны Блаватской и Олкоттом в 1875 году. Стоит напомнить, что как Просвещение, так и спиритизм с теософией зародились в англосаксонских странах, известных своим реализмом и прагматизмом.

Последователи спиритизма считали его ни больше ни меньше как новой религией. «Вопрос о будущей жизни, надежда на то, что смерть – это еще не конец, так глубоко коренятся в людях, что это невозможно оставить без ответа»[309]. «Люди, жаждущие просветления и руководства, собираются в так называемый "кружок". Их больше не удовлетворяют ни церковные церемонии, ни воскресная проповедь, которая превратилась в пустые звуки,

не затрагивающие душ. Их живому духу нужна реальная пища»[310]. Спиритизм, очевидно, был составной частью процесса расставания со средневековым прошлым и перехода к новым временам.

«В шестидесятые-семидесятые годы девятнадцатого века множество спиритических групп стали устраивать свои собрания по воскресеньям, как альтернативу христианской службе. Здесь были лекции, молитвы и проповеди, которые читали медиумы в трансе, а также пение хором (существовали даже спиритические песенники). Эти спиритические организации смело называли себя “церквами”. Однако при этом считалось, что новая вера должна быть свободной от догм и застывших откровений, поддаваться проверке опытом и основываться на общепонятных естественных феноменах»[311]. Священника заменял медиум. «Причастность к спиритизму давала образованным людям ощущение того, что они стоят на границе между христианским откровением и опытным знанием материалистической науки. В этом смысле спиритизм был самой передовой наукой той эпохи, верившей в прогресс. После открытия электричества, телеграфа и рентгеновских лучей идея материи как конкретной реальности стала постепенно исчезать. Казалось очень правдоподобным, что и сверхчувственный мир скоро будет доступен экспериментальным исследованиям. Был открыт путь к созданию “трансцендентальной спиритической науки”»[312].

Какие же ответы давал спиритизм тем, кого в первую очередь беспокоила проблема собственной смерти и смерти родных и близких, а значит и проблема смысла жизни? «Ответ спиритизма состоял в том, что наши близкие по-прежнему живут в “промежуточном мире”, продолжая там развитие собственных душ, что они незримо присутствуют среди нас, принимают активное участие в нашей жизни и с ними в любой момент можно вступить в контакт. Таким образом, как отдельная личность, так и круг родных и близких продолжали существовать и после смерти. Спиритизм в некотором роде восстал против идей, господствовавших в то время, отстаивая свое понимание смерти, в котором нет места скорби – ведь смерть не уничтожает ни саму личность, ни ее связь с другими»[313].

Действительно, спиритизм считал себя наукой или, как минимум, областью исследований, которые в итоге приведут к созданию новой науки, где должное внимание будет уделено нематериальному. Ведь именно оно может оказаться основой, в которой коренится материальное. Спиритизмом интересовались известные ученые, например астроном Камиль Фламмарион, физиолог Шарль Рише, психолог Жан Пиаже и физик и химик

Вильям Крукс (а также писатели Виктор Гюго и Артур Конан Дойл). Главной целью было придать идеям о бессмертии и перевоплощении души статус экспериментально установленных фактов, а не догматов веры. «Оккультизм, – говорил исследователь Карл дю Прель, – это всего лишь неизвестная пока естественная наука. Он и станет естественной наукой будущего».

Спиритические сеансы проводились в узком кругу, во главе обычно стоял медиум. Были медиумы говорящие, их голосом говорил дух, были пишущие, которые предоставляли свою кисть в распоряжение духа, который передавал сообщения, были и те, кто получал послания через движения стола или другого объекта, пользуясь специальным условленным наперед кодом. Были медиумы-целители, были те, кто рисовал, сочинял и играл музыку и даже танцевал. Медиумами в большинстве своем были женщины, «удивительные жрицы». «Спиритизм, по крайней мере отчасти, был феминистской религией. Известно, что в США новую веру основали сестры Фокс. Несмотря на то, что теоретиками спиритизма в основном были мужчины – Эндрю Дэвис, Алан Кардек, Александр Аксаков и другие, – подавляющим большинством медиумов, входящих в транс, были женщины. Они доминировали в спиритических кружках»[314]. Следовательно, спиритизм сыграл важную роль на первых стадиях феминистского бунта, одной из главных социальных перемен последнего времени. Ульриху Линсе женщины-жрицы новых церквей напоминали пророчиц апокалиптических движений прошлого. В 1871 году Артюр Рембо писал: «Когда кончится бесконечное рабство женщины и она будет жить сама и для себя… она тоже станет поэтом!» Под «поэтом» Рембо подразумевал высшее состояние, доступное человеку. «Женщина свершит открытия в неизведанном!»[315]

Линсе также указывает на «очевидную связь между современным авангардным искусством и оккультизмом». Истинное, вдохновенное искусство является, в конечном счете, оккультным процессом. Феномен творчества всегда будет камнем преткновения при попытках распространить позитивистский подход[18] на все области человеческой деятельности. В чем источник искусства? Где находится то, что поэт и композитор слышат, а художник видит? Если душа – это галлюцинация, а сознание – иллюзия, бессильно следующая физиологическим процессам, происходящим в мозге, ни о каком вдохновении не может быть и речи, ему нет объяснения. Величайшие творения человечества в этом случае оказываются чем-то вроде безумия материи.

В своем эссе о влиянии спиритизма на Василия Кандинского

(1866—1944), Марион Аккерман показывает, как глубоко воздействовали на художника оккультные движения в его окружении, особенно в период его жизни в Мюнхене. «Несколько теорий, предполагающие существование четвертого измерения, выдвигались начиная с 1870 года и широко дискутировались в популяризаторской литературе; к 1900 году эти идеи глубоко проникли в общественное сознание, равно как и связь этого четвертого измерения с миром духов… Еще до Первой мировой войны концепция четвертого измерения оказывала влияние на художников. Кубисты, футуристы, лучисты и супрематисты верили, что способны сделать это четвертое измерение видимым»[316].

Феномен «нью-эйдж» к 1900 году был таким же разномастным, как и тот, что начал свое шествие по миру с середины шестидесятых годов XX века. Он был, как мы указали ранее, тесно связан с различными направлениями в фолькистском движении. Теософия, спиритизм и вообще оккультизм всякого рода процветал обычно в той же самой среде, где можно было встретить вегетарианство, реформистские центры, холизм, гомеопатию, натуропатию, магнетическое целительство, движения «назад, к природе», нудизм и ориентализм. В нацизме можно найти заметные следы всего этого.

В целом развитие оккультизма в Германии шло параллельно с индустриализацией, так что «почти ни в одной другой стране не вызывали столько духов, не совершали столько чудес, не излечивали столько болезней и не составляли столько гороскопов, как в Германии в период, предшествовавший Третьему рейху». Сами спириты были разных пород: оккультисты обыкновенные, новые психологисты, анимисты, спиритуалисты англосаксонской школы, последователи Дэвиса, Кардека, психисты, теософы, неооккультисты, ксенологисты и многие другие, в том числе и спириты-христиане. «Все с завистью смотрели на Францию, – замечает Линсе. – Там, во всяком случае внешне, все спириты были едины – все были последователями Алана Кардека». Кардек (1804—1869) утверждал, что взял себе имя галльского друида, которым был две тысячи лет назад. Его настоящее имя – Ипполит Ривайль. В 1857 году он написал «Книгу духов», которая будет бесконечно переиздаваться, а в следующем году начал публикацию «Духовного обозрения». Вскоре число его последователей будет исчисляться миллионами, а самого его будут звать «папой спиритизма».

Главными центрами спиритизма в Германии были Берлин, Лейпциг с его активным издательством *Verlag O. Mutze* и, конечно, Мюнхен, в особенности красочный район под названием Швабинг,

где по улицам расхаживали практически все знаменитости и чудаки того времени. На Тюркенштрассе и Шеллингштрассе или около университета можно было встретить поэтов Райнера Марию Рильке и Стефана Георге, писателя Томаса Манна, российского коммунистического вождя Льва Троцкого, художников из «Синего всадника», группы, в которую входил Кандинский, и многих других, в том числе персонажей из первых глав этой книги.

Рудольф Гесс прошел практически через все оккультные увлечения. Его наставником в обществе Туле был оккультист и известный астролог Рудольф фон Зеботтендорф. Само Туле было подразделением *Germanenorden*, множество членов которого, так же как и один из его основателей Филипп Штауфф, были спиритами. Более того, общество Туле было секретной организацией, специально основанной для того, чтобы изучать и распространять фолькистские, националистические и оккультные науки. Дэвид Клэй Лардж пишет, что целью «магических ритуалов» было установление связи современных нордических людей с их предками, с тем чтобы узнать тайны, которые помогут немцам XX столетия основать новую расу господ[317]. Так же как и доктор Гутберлет с его «астральным маятником», множество разноперых оккультистов присаживались на шесток штаб-квартиры Туле, наведываясь в отель *Vier Jahreszeiten* на Максимилианштрассе.

Известно, что Генрих Гиммлер был спиритом. Его биограф Питер Падфилд упоминает о том, что около 1923 года Гиммлер читал книгу *Der Spiritismus*, которая, как писал он сам в дневнике, «впервые дала ему возможность поверить в спиритизм»[318]. Как рассказывает Питер Левенда: «В большом зале за круглым столом [в Вевельсбурге] Гиммлер и его двенадцать обергруппенфюреров занимались установлением контактов с душами древних тевтонов и другими спиритическими упражнениями»[319]. Хайнц Хёхне в своей книге об СС пишет: «Гиммлер постоянно вступал в контакт с великими людьми прошлого. Он верил, что имел способность призывать их и общаться с ними, впрочем, говорил он Керстену, лишь с душами тех, кто умер сотни лет назад. Он часто говорил, что в полусне ему является король Генрих Птицелов (875—936) и дает ценные советы. Гиммлер зачастую начинал свою речь словами: «В данной ситуации король Генрих поступил бы так». Он был так одержим этим своим королем, что в конце концов стал считать себя его воплощением.

Когда нацисты пришли к власти, оккультизм во всех его формах был запрещен, а многие практикующие были брошены в концентрационные лагеря. Гиммлер говорил астрологу Вильгельму Вуффу, которого под конец войны попросили

работать для него: «Мне очень жаль, что пришлось посадить вас в тюрьму, но я просто был вынужден [несомненно, по приказу Гитлера] положить конец открытой практике астрологии… В национал-социалистическом государстве астрология должна быть *privilegium singulorum* [исключительной привилегией немногих]. Это не для широких масс… Дело в том, что астрология как доктрина, доступная каждому, диаметрально противоположна нашему мировоззрению… Учение, которое равно применимо к неграм, индийцам, китайцам и арийцам, грубо противоречит нашей идее о расовой душе»[320].

В ожидании Годо

Существенным компонентом немецких исканий была вера в появление великого человека, который в час унижения и неуверенности ободрит немецкий Народ и поведет его к славе. «Это было время пророков и поэтов-провидцев, – пишет Джордж Моссе. – Тогда казалось, что лишь харизматичный лидер сможет положить конец болезни интеллектуалов. Поэтому интеллигенция ждала героического вождя, который станет ее избавителем». Еще раз стоит сказать, что «самым ярким образом такого лидера» стал рыцарь Дюрера, который «в ужасающей компании Смерти и Дьявола, но все же спокойный и полный надежд, скачет к святому Граалю немецкого будущего»[321].

Мы знаем о «сильном свыше» – этот термин Гвидо фон Лист позаимствовал в Эдде из «Прорицания Вёльвы» (*Völuspá*), и он стал популярен в фолькистской среде. Приход «сильного» обычно ассоциировали с Фридрихом Барбароссой, который спит в горе Кифхаузер и должен проснуться в судьбоносный для Германии час. «“Сильный свыше” стало расхожей фразой, и впоследствии Лист употреблял ее в связи с тысячелетним царством. Некто с очевидными сверхчеловеческими способностями прекратит все людские раздоры и путаницу и установит вечный порядок. Этот божественный диктатор был особенно привлекателен для тех, кого пугала неопределенность будущего в индустриальном обществе. Лист страстно желал прихода такого вождя, который принесет с собой мир, полный определенности, что создаст необходимые социально-политические условия для наступления тысячелетнего царства Народа»[322].

«В послевоенные годы многие тосковали по вождю (*Fuhrer*), который был бы суровым, но в то же время мудрым, кто установил бы порядок, заставил людей подчиняться дисциплине и положил бы конец многопартийной системе. Он должен был

уметь взять бразды правления в свои руки и удержать их», – пишет Себастьян Хаффнер, добавляя: «Гитлер был воплощением мечты многих немцев»[323].

Германия ожидала вождя, но кто станет этим вождем? Генрих Класс, председатель пангерманцев, в свою влиятельную книгу «Если бы я был императором», вышедшую незадолго до войны, включил главу под названием «В ожидании лидера». Там он писал, что отборный отряд нетерпеливых бойцов готов «с энтузиазмом последовать за вождем. Но он все не приходит!» Однако он ободряет читателей: «Терпение! Терпение! Он не заставит себя долго ждать… Вождь, явившись среди нас, с удивлением увидит, сколько у него преданных бойцов и как эти бескорыстные бесценные люди верны ему. Есть ли еще кто-то, кто не слышал призыва вождя? Если так, то пусть этот клич раздастся еще громче, чтобы его услышал каждый!»[324]

«Вся Германия ждет одного человека» (Карл Шворм). Для большинства Адольф Гитлер этим человеком не был. Многие скорее признали бы спасителем либо низложенного императора Вильгельма II, либо одного из князей, отрекшихся от престола в ноябре 1918 года. Целью баварского путча, который подготавливали «три фона» из конституционного правительства и который Гитлер пытался перетянуть на себя, было восстановление монархии в пользу наследного принца Руппрехта. Другим кандидатом в вожди-диктаторы был сам Класс, а также Гугенберг и фон Шеект. Впрочем, самой серьезной фигурой, в особенности в 1924—1925 годы, когда Гитлер оказался не у дел, был Эрих Людендорф, которого подзадоривала его будущая жена Матильда фон Кемнитц. Для всех них главной целью было восстановление империи. Даже берлинский «Клуб баронов», который практически привел Гитлера к власти, надеялся в удобный момент вызвать Вильгельма из Голландии – именно подобные ожидания были причиной того, что Пауля фон Бенекендорфа фон Гинденбурга прозвали эрзац-кайзер, что можно перевести как «наместник императора». В те времена среди людей, отмеченных судьбой, Гитлер был лишь одним из многих, порой почти забытым, списанным со счетов, – его всегда недооценивали.

Когда в начале 1920 года Гесс впервые услышал выступление Гитлера, он был ошеломлен. Он улыбался, уставившись в пространство, и шептал: «der Mann! der Mann!» («Это он! Это он!») Позже его жена рассказывала: «Он словно стал новым человеком, живым, светящимся, куда девалась подавленность и молчаливость. С ним случилось что-то совершенно новое, что-то потрясающее». Немного спустя один богатый южноамериканец предоставил Мюнхенскому университету денежную сумму в

качестве приза в конкурсе на лучшее эссе «Каким должен быть будущий лидер, который вновь сумеет повести Германию к величию?». Для Гесса этот долгожданный лидер больше не был неизвестным лицом, у него было имя: Адольф Гитлер. Он слышал «его» громовержущий, завораживающий голос, он говорил с «ним», он знал – это был «сильный свыше».

Гесс принял участие в конкурсе и победил. В частности, он писал: «Ради национального спасения этот диктатор не постесняется использовать оружие своего противника: демагогию, лозунги, уличные парады и тому подобное. Если вся власть испарилась, возродить ее сможет лишь человек, за которым стоит народ. Так было в случае Муссолини. И чем глубже корни этого диктатора в массах, тем лучше он сумеет работать с народной психологией, тем меньше недоверия вызовет он среди рабочих, тем больше сторонников найдет он среди этих энергичных людей. Но сам он не имеет ничего общего с массой – как и все великие люди, он очень индивидуален… Если необходимо, он не остановится перед кровопролитием. Великие вопросы всегда решались железом и кровью. А вопрос, стоящий перед нами сейчас, таков: поднимемся ли мы вновь или будем уничтожены… Чтобы достичь цели, он готов пожертвовать своими самыми близкими друзьями… Этот законодатель очень суров… И настанет день, когда мы увидим новую Великую Германию, вобравшую в свои границы всех, у кого немецкая кровь…»[325]

Человеком, впервые провозгласившим Гитлера фюрером, был Дитрих Эккарт. После знакомства с Гитлером в своем журнале «Простым немецким» 5 декабря 1919 года он напечатал стихотворение, названное «Терпение» (*Geduld*). Здесь он говорил, что ожидаемый неведомый лидер кому-то уже известен, несмотря на то, что он по-прежнему «некто безымянный, кого все чувствуют, но никто не видит». Он выжидает, «герой, в ком вся наша опора». Терпение, терпение, он здесь и скоро объявит себя. Нужно сказать, что Эккарт напечатал это стихотворение еще раз – 25 августа 1921 года в «Фёлькишер Беобахтер», газете НСДАП (он был ее редактором). Это случилось после того, как Гитлер ультимативно потребовал и, не без помощи Эккарта, получил диктаторские полномочия в партии.

Позже Генрих Гиммлер скажет: «Гитлер пришел к нам в разгар наших бедствий, когда у немецкого народа уже не было будущего. Он – одно из Существ Света, которые всегда являются среди немцев, когда те находятся в глубочайшей физической, умственной или духовной нужде. Гете был таким в сфере ума, Бисмарк – в политике, но фюрер является им во всех сферах: политической, культурной и военной. Кармой германского

народа ему суждено вести войну с Востоком для спасения всего немецкого в мире. Одно из величайших Существ Света воплотилось в нем»[326]. Гиммлер позаимствовал этот термин у Хьюстона Чемберлена – тот провозгласил Гитлера Существом Света после личной встречи с ним в 1923 году.

Уже под конец войны, 31 декабря 1944 года, другой верный гитлеровский паладин, министр пропаганды Йозеф Геббельс, все еще описывал своего вождя так: «Он – величайший из всех, кто делает сегодня историю, и он на голову выше остальных по силе предвидения будущего. [В то время русские войска уже глубоко продвинулись на территорию Германии, а союзники стояли у ее западных границ.] Он превосходит их не только гением и политическим инстинктом, но также знанием, характером и силой воли… Свои дни и большую часть бессонных ночей он проводит в кругу близких и ближайших соратников, но даже среди них он остается в ледяном одиночестве гения, победоносно возвышаясь над всем и над всеми. Никогда с губ его не слетало слово лжи или низости. *Он – сама Истина*. Достаточно просто быть около него, чтобы физически чувствовать, какую он излучает силу, как он могуч и сколько энергии придает другим. От него исходит *непрерывный поток веры* и силы воли, несущий нас к величию»[327].

Эти обороты речи характерны для времен расцвета гитлеровского мифа. В час величайшей нужды великий человек вновь дарован Германии, он ведет народ к его предначертанной судьбе, к славе, к овладению миром. Этот великий человек – гений и провидец, герой и победитель драконов нашего времени, тот, кто воплощает вековые мечты, пророк и мистический спаситель народа, одаренный магическими силами для выполнения своей миссии. «Слова фюрера заменяют молитву, утреннее нацистское построение – мессу. Изображение Гитлера на фоне свастики заменяет Христа на кресте. Вместо Старого и Нового Заветов – “Майн Кампф” и “Миф двадцатого столетия”. Вместо религиозных процессий – марши со свастикой в качестве мистического символа, вместо благотворительных христианских организаций, созданных по личной инициативе, – государственные *Winterhilfe* [помощь бедным, особенно зимой], выполняющие роль “церкви действия”. “Божественная миссия” фюрера, по-видимому, была не просто трюком для обожествления режима и безграничного расширения его власти, она была чем-то большим – есть достоверные указания на то, что Гитлер считал себя мессией»[328].

Гитлер считался посредником между Народом и Богом, пишет Шольдт. «Торжественно проходит он / в молчании сквозь

свою коричневую армию, / как священник, который благословляет / прорастающие семена». Однако Гитлер – это не просто священник, он – спаситель, посланный Богом, исполнитель и инструмент божественного вмешательства. «Фюрер приказал – значит, это воля Бога». В стихотворении, обращенном к [покойной] матери Гитлера, есть строчка: «Ты дала нашему народу спасителя»[329]. Во многих домах можно было увидеть алтари, посвященные Гитлеру как божеству. Люди, чьей руки он коснулся, не мыли ее неделями и почитались в своих деревнях за святых. Паломники, бывшие в Оберзальцберге, хранили как драгоценность камешки, на которые ему случалось наступать. Розы, улицы, церковные колокола, деревни и дети назывались и переименовывались в его честь, Рейхсканцелярии в Берлине приходилось неоднократно вмешиваться, чтобы отделять великое от смешного.

Сам Гитлер способствовал тому, чтобы превратить свою невероятную популярность в восхваление, почитание и обожествление. «В особенности во время речей, обращенных к старым борцам, после минуты молчания в память павших он часто впадал в совершенно экстатический тон. Загадочными фразами он словно мистически причащал их. Наконец лучи прожекторов опускались на середину арены, и флаги, мундиры и музыкальные инструменты сияли багрянцем, золотом и серебром. Я всегда чувствовал, – кричал он в 1937 году, – что человек, пока он жив, должен стремиться к тем, кто помог ему создать свою жизнь. А чем была бы моя жизнь безо всех вас? То, что вы нашли меня, поверили в меня так давно, придало новый смысл вашим жизням, поставило перед вами новую задачу. То, что я нашел вас, сделало возможными мою жизнь и мою борьбу!

Годом ранее, на таком же собрании он выкрикивал: “И разве мы не переживаем сейчас вновь то чудо, что свело нас вместе! Когда-то давно вы услышали чей-то голос. Ваши сердца отозвались, и вы пошли за этим голосом. Годами вы шли за ним, но даже не видели, кому он принадлежит; вы просто слышали голос, и вы шли. И встречаясь здесь, мы все исполнены трепета от этой встречи. Не каждый из вас может видеть меня, и я вижу не каждого. Но я чувствую вас, а вы чувствуете меня! Именно вера в наш народ сделала нас, лилипутов, великанами, сделала нас, бедняков, богачами и из сомневающихся, разочарованных, беспокойных людей сделала храбрецов и героев. Она дала нам, заблудшим, возможность видеть, и она спаяла нас воедино”»[330].

Немецкие дети, стоя на коленях у своих кроваток, молились: «Я складываю ладони и преклоняю голову, / и думаю об Адольфе Гитлере, / который дает нам работу и хлеб / и помогает нам в

каждой нужде». Звезду на верхушке елки заменили светящейся свастикой. И самой задушевной рождественской песней была следующая: «Тихая ночь, святая ночь. / Все спят, на посту лишь один: / Адольф Гитлер хранит судьбу Германии. / Он ведет нас к величию, славе и счастью»[331].

За пределы человека

Водоворот перемен порождал замешательство и неуверенность. И все же тоска по смыслу, который мог бы придать значимость этой жизни, сопровождалась предчувствием, что новый золотой век на подходе, что создается новый мир. На «стыке истории», около 1880 года, мыслители, поэты и художники, восприимчивые к духу времени, выражали идею о новом человеческом существе и даже говорили о необходимости его появления. Предчувствие высшего существа, способного создать новые ценности и новый мир, является одним из самых разительных признаков фундаментальных исторических перемен.

Самым проницательным интерпретатором этих поворотных времен является Фридрих Ницше (1844—1900). Многие его прозрения оказались столь проникновенными, что вдохновляли многих философов на протяжении XX века и до сего дня. Читая авторов, комментирующих Ницше, часто удивляешься, до какой степени его личность воспринимается в отрыве от Германии, где он вырос, общие черты которой мы набросали в предыдущих главах. Это прямо противоречит одному из основных положений мышления самого Ницше – «перспективизму», согласно которому каждое событие и каждое существо определяется условиями и зависит от обстоятельств, в которых оно появляется и живет. Всякий человек понимается в исторической перспективе.

Неудивительно, что в работах Ницше мы встречаемся с основными темами фолькистского мышления – одни он подтверждает, другие осуждает. Его знаменитая фраза о том, что «бог мертв», означает – это часто понимают неверно, – что образ *христианского* бога перестал быть приемлемым на Западе. Это значит, как пишет Ницше в своей «Веселой науке», что «вера в христианского бога вышла из доверия». «Это величайшее событие современности», – писал он в 1882 году. Ницше считал «христианскую концепцию бога самой порочной из всех, что появлялись на земле», главным образом потому, что реализация жизненных целей переносилась из этого земного мира в фиктивный загробный. Для Ницше смерть христианского бога являлась «кардинальным событием новейшей истории и

современного мира, призраком, стоящим за каждой его значительной мыслью»[332]. Фундаментальный смысл этих утверждений в том, что европейское средневековье с его христианской цивилизацией подошло к концу.

Мыслитель и критик религии, морали и ценностей, установленных в прошлом, но сейчас распадающихся, Ницше не мог пройти мимо Просвещения, которое возводило разум в абсолют. В целом он очень уважал философов-просветителей, зная на собственном опыте, как сложно сформулировать едва зарождающуюся мысль и затем биться за свои убеждения на интеллектуальных полях сражений. «За малейший шаг на пути к свободному мышлению, свободному формированию характера приходится сражаться и платить за это пытками моральными и физическими». Он сам страдал от постоянных головных болей, трудностей со зрением и прогрессивного паралича. «Перемены требовали бесчисленных жертв… Ни за что не приходилось платить дороже, чем за тот кусочек разума и чувства свободы, которыми мы так гордимся сейчас»[333]. Ницше также особо выделял Францию и отмечал ее «культурное превосходство в Европе», противопоставляя ей то, что называл немецкой отсталостью, тяжеловесностью и поверхностностью.

Ницше не принимал автократии или монополии разума. Он неоднократно язвительно нападал на Сократа, мыслителя, несущего, согласно Ницше, ответственность за культ ума в европейской цивилизации. Самодовлеющая мысль казалась ему смертельной болезнью, и Аполлону, богу света и ясности, он противопоставлял целостность Диониса с бешенством его вакханалий. Сократовское мышление, писал Ницше, является истоком христианской морали, то есть слабости и разложения в самих корнях европейской цивилизации, что является причиной ее упадка и неизбежной гибели. (Освальда Шпенглера, автора «Заката Европы», назовут «попугаем Ницше».) Первопроходец Ницше считал себя инкарнацией бога Диониса, который пришел сражаться с тенью, оставленной мертвым христианским богом. Как его Заратустра, он принес новое «евангелие» сверхчеловека.

С точки зрения Ницше, ум был частью целого, состоящего из жизненных сил, сплетенных вместе в «волю к власти». Здесь он совершил роковую ошибку – ибо *и* ум, *и* жизнь, *и* материя являются частью чего-то большего, охватывающего целое. Ницше стал святым покровителем витализма, движения, которое включало в себя все формы фашизма и, в частности, нацизм. Как говорит об этом Дж. П. Стерн, согласно Ницше, «жизни невозможно дать определение: определить ее значило бы подчинить ее собственному слуге, разуму. Из этой логической

шарады вышли самые скандальные следствия. Ницше она досталась в наследство от Шопенгауэра, затем за нее ухватится Альфред Розенберг, в двадцатые годы она перейдет к Эрнсту Юнгеру, а в начале тридцатых – к Готфриду Бенну и ко многим другим влиятельным немецким авторам»[334].

Ницше глубоко презирал массы, один из новых социальных феноменов того времени. По всей видимости, для него важнейшей составляющей общества оставалась буржуазия, «третье сословие», которая была движущей силой Просвещения и Французской революции. Он так и не смог разглядеть за ней подъем четвертого сословия, пролетариата. Социализм, марксизм и их массы были вне круга его интересов. Он был прожженным индивидуалистом и считал овладение собой и «преодоление себя» средствами, преобразующими человека в высшее существо. Именно так этот мир можно сделать оправданным, завершенным эстетическим феноменом. «Нападая на модную идею прогресса, он утверждал, что “целью человечества” должны быть его “высшие представители”, которые вновь и вновь появляются в разные эпохи»[335]. Дело в том, что в одном видении, которое пришло к Ницше в швейцарских горах Энгадина, ему открылось, что все вещи вечно случаются вновь абсолютно тем же самым образом. Как ни странно, это наполняло его чем-то вроде мистического восторга. Ценность Ницше, однако, лежит не в логической связности его философской системы. Он и не претендовал на нее, напротив, эту связность он от всего сердца презирал. Его ценность – в глубине его прозрений, которые звучат живо и актуально и по сей день.

«До сих пор все твари создавали что-то выходящее за пределы их самих, неужели ты хочешь стать откатывающейся волной этого великого прилива и вернуться к животному, вместо того чтобы превзойти человека? Что такое обезьяна в сравнении с человеком? – Объект насмешек или горький стыд. Тем же самым будет человек для сверхчеловека»[336]. Без сомнения, Ницше знал Дарвина. Вальтер Кауфман даже говорит, что «молодой Ницше был пробужден Дарвином из своего догматического [протестантского] сна». Однако несмотря на то, что Ницше признавал, что естественное состояние организма можно превзойти, он был «последовательным противником» дарвиновских идей, так как теория Дарвина была теорией случая, чисел, чистой материи и не оставляла места для решительного индивидуализма, для усилия по превосхождению себя и для воли к власти. «Лишь человек, индивидуум расставляет здесь ценности… Единственный категорический императив, которому должен следовать человек, есть императив его внутреннего

потенциала. Чем он может стать, то и должно задавать ему направление, стать целью его непрерывных усилий, его воли»[337]. Эволюция по Ницше, во всяком случае для человеческих существ, была вопросом индивида, стремящегося к величию, а не рас, борющихся между собой за краткий миг господства на Земле.

Еще одной существенной связью Ницше с периодом, в котором он жил, были его взаимоотношения с Рихардом Вагнером. «Внутренне он был так связан с Вагнером, что разлука могла привести к глубокому кризису», – пишет Карл Плетч[338]. Когда Вагнер умер, Ницше написал в письме: «Вагнер был самым целостным человеком из всех, кого я когда-либо знал». Его музыка «проникала в самое существо его слушателей и преобразовывала их изнутри. Ничто в истории музыки не обладало такой смелостью композиции, такой провидческой точностью и эффективностью передачи силы и сути человеческого *Machtgefühl* [чувства власти]. Музыка Вагнера была выдающимся стихийным воплощением воли» (Лесли Чемберлен[339]).

Однако Ницше порвал с Вагнером, когда тот стал слишком *reichsdeutsch*, то есть слишком признанным и радующимся этой своей популярности у националистической и консервативной германской элиты, которая в те годы, после победы над Францией в 1871 году и образования Германии, купалась в чувствах гордости и превосходства. «“Немецкий” стало аргументом, “*Deutschland, Deutschland über alles*”[19] – принципом, тевтоны – носителями “морального мирового порядка”, – возмущенно писал Ницше. – У нас теперь есть история, которая *reichsdeutsch*, боюсь даже, антисемитская… как только господину фон Трейчке не совестно»[340]. Заразный антисемитизм Вагнера был еще одним элементом, нетерпимым для Ницше. Он был убежден, что смешение рас благотворно для человечества и гордился своим анти-антисемитизмом.

Именно на этом фоне оформилась идея Ницше о сверхчеловеке. Стоит заметить, что его комментаторы, начиная с Вальтера Кауфмана, осознали, что «сверхчеловек» является неточным переводом слова *Übermensch* и скорее вводит в заблуждение. Под сверхчеловеком можно понять нечто вроде разросшегося человеческого существа, тогда как *Übermensch* ясно указывает на существо *за пределами* нынешнего человека, не раздутого, а качественно иного, находящегося на другом уровне. Кауфман и другие используют термин «*overman*»[20] , что является буквальным переводом *Übermensch*. Филип Новак, которого слово «сверхчеловек» явно раздражает, все же использует его наряду с выражением «высший человек». Осознание этих нюансов может предотвратить неверное понимание этого слова, обозначаемой им

идеи и идеала. Оно, с легкой руки Ницше, появится практически во всех произведениях того периода, когда мир сделал решительный поворот в направлении, быть может, иного и лучшего будущего.

«Сверхчеловек – будущее мира», – говорил Ницше. «Я научу вас сверхчеловеку, – говорил его Заратустра. – Человек – это то, что нужно превзойти… Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, канат над пропастью… Это великий полдень: человек стоит в середине пути между животным и сверхчеловеком… Все боги мертвы, да здравствует сверхчеловек!» В «Генеалогии морали» он пишет: «Этот человек будущего освободит нас не только от идеала, царствующего ныне, но и от того, что неизбежно вырастет из него, – от великой тошноты, от воли к небытию, от нигилизма. Это колокол полдня и великого решения, высвобождающего волю и вновь указывающего ей цель на земле, это надежда человека, это антихрист и антинигилист, это победитель Бога и победитель небытия – *настанет день, и он придет*»[341].

Каким именно существом был бы сверхчеловек Ницше? Стерн свел вместе основные черты его характера, используя книгу «Так говорил Заратустра»: «Сверхчеловек открыт миру и его превратностям. Он верит в других и верит в случай. В нем основные пороки, такие как похоть, жажда власти и эгоизм, преобразуются в положительные качества. Он влюблен в землю, в свою судьбу, в свою жизнь, и он готов пожертвовать этой жизнью ради тех, кто открыт миру и его превратностям… Основываясь на положении о безбожности мира, сверхчеловек воплощает в себе напряженную свободную человеческую волю к власти и руководствуется псевдорелигиозным законом о “вечном возвращении”»[342]. Увы, это едва ли далеко продвинет нас в понимании сверхчеловека. Вообразить существо, которое превосходит тебя самого, – трудно, почти невозможно. Некоторое приближение к этой идее можно найти в образах, которые люди создали, думая о своих богах и других сверхъестественных существах. Сам Ницше порой проецировал на себя существо, подобное Заратустре, а в момент острейшего кризиса – нечто подобное тому, что он принимал за бога Диониса. Но попытка превзойти ум для человеческих существ опасна. В тех, кто не отступает, она должна либо привести к состоянию сознания, о котором рассказывают великие йоги, либо – если что-то пойдет не так – к сумасшествию.

Идеал Ницше отражал прозрения и чаяния своего времени, а Германия рвалась как к культурному, так и к национальному превосходству. Произошло неизбежное: националистическое

движение присвоило себе его идеал и приспособило его для своих целей – под сверхчеловеком стали понимать дарвинистского арийца. Это полностью противоречило идеям Ницше. Но из его работ можно было легко надергать цитат, по видимости, подтверждающих фолькистские убеждения.

Главным виновником этого «отмывания мысли» была его сестра Элизабет. В 1885 году она, к негодованию Ницше, вышла замуж за воинствующего антисемита Бернхарда Фостера и последовала за ним в Парагвай основывать тевтонскую колонию Новая Германия. Целью этой колонии, одного из многих утопических поселений того времени, было предохранить хотя бы горстку немцев от расового смешения, чтобы раса сумела выжить в чистейших своих представителях и чтобы с их помощью ее можно было восстановить в будущем. Из-за внутренних раздоров эта колония скоро развалилась, но некоторые потомки все еще живут там, где она когда-то существовала. В 1934 году Элизабет встретила рейхсканцлера Гитлера в архивах Ницше в Веймаре, вскинув руку в образцовом нацистском приветствии, и предложила ему сняться на фоне бюста Ницше, что должно было символизировать философскую преемственность нацизма.

Сверхчеловек Ницше не был единственным типом нового существа, ожидаемого в Германии. Существовал, например, «арио-германский богочеловек» Гвидо фон Листа. Этот богочеловек якобы являлся прямым наследником длинной линии «потомков солнечного короля», восходящей к Атлантиде, – его называли Арманен. Жители Атлантиды были божественной расой, и череда хранителей их тайного знания не прерывалась с тех древних времен. Эти хранители должны вновь объявить о себе сегодня. Они и станут создателями будущего – Лист «считал арио-германского богочеловека высшей точкой вселенского развития»[343].

Николас Гудрик-Кларк пишет: «Миф о тайной элите не новость в европейской идеологии. В эпоху, последовавшую за Просвещением, это было вечной темой оккультизма. По сути, это было попыткой восстановить определенность и очевидность религиозной ортодоксии в контексте узкого сектантского направления… Тайная элита окружает своих видимых представителей ореолом непререкаемого авторитета. Именно так воображаемые короли-священники прошлого придавали весомость претензиям Листа на тайное знание и особую власть. В то же время якобы существующие *Armanenschaft* (потомки Арманен) дают адептам основание предположить, что золотой век не за горами, что Германия и Австрия соединятся в едином теократическом пангерманском государстве, в котором

негерманские элементы не будут играть никакой роли. Через тридцать пять лет это станет определяющим принципом внешней политики Третьего рейха»[344].

Дитрих Эккарт был начитан и, конечно, знаком с публикациями Листа (что подтверждает Ральф Ройт в своей биографии Гитлера). Эти знания, а также многое другое он передал своему австрийскому ученику. У нас также есть свидетельство мюнхенского библиотекаря о том, что Гитлер брал читать книги Листа, а Бригитта Хаман упоминает несколько случаев, когда Гитлер использовал листовскую терминологию[345]. Интересен, однако, следующий факт: «В библиотеке Гитлера, частично дошедшей до нас, есть книга Тагора о национализме, с посвящением по случаю дня рождения: “Господину Адольфу Гитлеру, моему дорогому арманистскому брату, Б. Штайнингер”». «Это может указывать на то, что Гитлер имел контакты с секретной организацией, связанной с Листом», – полагает Хаман и добавляет: «Слово “арманист” можно понимать и буквально – тогда это будет означать высокий статус Гитлера в “тевтонской” иерархии»[346].

Арийский богочеловек Йорга Ланца фон Либенфельса напоминает сверхчеловеческий идеал Листа. Мы помним, как Ланц изображал завоевание земного шара этими высшими существами: «Подавляя и искореняя примитивных людей и недочеловеков, высшая героическая раса восстанет из могилы расового смешения и упадка и начнет восхождение к божественному человечеству, к бессмертию и божественности в самом корне, в расе, – писал Ланц. – Тогда породистые светловолосые боги пройдут по земле: расы вновь разделились, препятствия устранены. Тогда на земле настанет царство небесное. И светловолосые боги будут знать, кого благодарить за это небесное состояние: боги и богини с солнцем в волосах и небесной голубизной в глазах, вечно здоровые и вечно молодые, воздадут хвалу Великой Матери, которая столько страдала за них»[347]. В предыдущих главах мы видели, что Ланц планировал создать орден, очень напоминавший возникший позже СС, одной из целей которого было уничтожение недочеловеков.

Другим автором, провозглашавшим приход сверхчеловека, был Карл Май, любимый писатель Гитлера. В книге Хаман мы обнаруживаем, что Май, к тому времени семидесятилетний и очень известный, читал в Вене 22 мая 1912 года лекцию под названием «Ввысь, к царству Благородного человека» (если так можно перевести его *Edelmensch*). Зал, который мог вместить три тысячи человек, был полностью забит. Май был протестантом, но интересовался, тем не менее, Востоком, оккультизмом и

магическими способностями человека. «Даже истинно великого писателя не встретили бы с большим шумом и энтузиазмом, – писал репортер. – Май всегда стремится к вершинам, к свободному духовному царству высшего человека. Он называет себя то душой, то каплей в океане, то духовным авиатором… В том, что он говорит, самым замечательным является его серьезность, настоящий патетический энтузиазм, напоминающий энтузиазм религиозный». Карл Май воплотил свой сверхчеловеческий идеал в образах старины Шаттерхенда, символе немецкого превосходства над другими расами в действии, и Виннету из племени апачей, который был «шедевром» немецкого иммигранта профессора Клекихпетра. Молодой Гитлер, в ту пору потерянный, одинокий молодой человек из мужского общежития, присутствовал на лекции Мая и, согласно анонимному свидетельству, проявил «бесконечный энтузиазм»[348].

Швабинг

«В районе Мюнхена под названием Швабинг в ту пору можно было встретиться с самыми разнообразными группами: теософы, мистики, гностики, даосы, маздеисты, буддисты, необуддисты, сионисты, профсоюзники, большевики и пацифисты – все пытались толковать историю и вербовали учеников», – пишет Петер Орцеховски. Однако этот список не полон: там были еще антропософы, спириты и черные маги – всех не перечесть[349]. Кроме того, Орцеховски упоминает лишь философские, религиозные и оккультные группы, тогда как в Швабинге с ними соседствовали писатели, поэты и художники – порой величайшие фигуры того времени. Эта цветистая смесь, исследующая все возможности человеческого духа во всевозможных направлениях, дала некоторым исследователям повод назвать Швабинг «богемным» местечком. Это так же неверно, как называть Дитриха Эккарта смешным полусумасшедшим поэтишкой. Конечно, в Швабинге была представлена вся богемная фауна, но главное то, что он, так же как Монмартр и Аскона, был одним из центров европейской культуры, где вырабатывалось будущее и проверялось на прочность прошлое.

Эти времена «благоприятствовали религиям, пророкам, гуру и спасителям, заявлявшим, что они способны несколькими простыми истинами установить в этом хаотическом мире порядок»[350]. Подобные типажи попадались и в Швабинге, например Рудольф Паннвитц, чья книга «Германское учение» была написана как пророчество и как хартия будущей религии

новой Европы. Он был «пророком гиперборейцев» и заполнил более четырехсот страниц предостережениями, приказами и проповедями. Все они начинались словами «Дух бога вашего говорит так». Эта новая религия должна была содержать в себе и знание, и любовь всех предшествующих религий. Был еще Людвиг Дерлетх, «швабингский пророк», который собирался очистить и реформировать церковь и создать новую теократию, которую он лично и возглавил бы. Он хотел вдохнуть жизнь в воинственное, героическое христианство и оживить в этом упадочном мире исконные христианские ценности. Его элитные христианские войска, приняв клятву бедности, безбрачия и преданности, действовали бы по примеру суфийского Ордена убийц, Иезуитов, или Тамплиеров. Они вели бы священную войну против толпы, против демократических установлений современного мира, против национального государства, рыночной экономики и против оторвавшейся от своих корней христианской церкви. Конечной целью легионов Дерлетха было завоевание Европы, овладение всем миром и установление глобальной диктатуры[351].

Был и Космический кружок или Космисты, которые назывались также Безмерные. Это была маленькая, но заметная группа. Космисты, согласно Дэвиду Клэю Ларджу, хотели омолодить окостеневший и слишком «умный» современный мир через возрождение язычества. У них мы опять находим, несмотря на всевозможные отличия, черты, общие для всех: отвержение индустриализирующегося современного мира, неприятие либерального рационализма, парламентской демократии и ортодоксального христианства. Они имели склонность к мистицизму и оккультизму. Они хотели достичь высших состояний сознания путем проникновения в скрытые, темные части человеческой личности и выбрали себе в учителя Фридриха Ницше, Зигмунда Фрейда, Карла Юнга и Йоханна Бакхофена. Тот, кто сумеет пройти этими опасными путями, станет сверхчеловеком нового типа. Усилия космистов, пишет Лардж, представляли собой «любопытную смесь абсолютизма, культа героя, жажды великих решений и готовности к жертве во имя фундаментального очищения и спасения». Вспоминая полвека спустя о своем кратком знакомстве с ними, Томас Манн сказал, что корни немецкой катастрофы лежали в подобных кругах, пронизанных всепоглощающим чувством собственного превосходства[352].

В Швабинге спиритические сеансы были обычным делом. Изучая эту среду через некоторых ее представителей, «можно ощутить ее особую атмосферу», а именно «живой религиозный интерес, но при этом крайнюю критичность по отношению к

учениям традиционных церквей и поиск контакта с чем-то божественным с помощью мистических и оккультных вдохновений», – пишет Хильдегард Шателье. В своей работе – посвященной жизни мюнхенского поэта Ганса фон Гумпенберга, который уже в 1885 году написал пьесу «Спириты» и скрупулезно записывал указания своего духа-руководителя Гебена, – Шателье вновь демонстрирует присущее тому времени осознание необходимости нового поворота, а также волю к преодолению унаследованного от Просвещения голого рационализма для того, чтобы суметь прийти к новым религиозным формам. Главное – это единство всего существующего. «Бог – это чистый дух. Но так как материя существует, это его творение тоже требует божественного совершенства». Единство всего существующего подразумевает также «непрерывность между всеми формами жизни. Тогда мир представляет собой систему, состоящую из множества уровней, в которой имеется неразрывная связь между духами, человеческими существами, животными, растениями и материей. Жизнь со смертью не прекращается, так как после смерти душа продолжает эволюционировать на других, высших уровнях бытия. Земля и человечество являются частями космического целого»[353].

То, что Гумпенберг записывал под диктовку своего духа-руководителя, практически является классикой жанра. Спиритические сеансы Космического кружка были куда неистовее. Они граничили с демоническим, а порой и переступали эти границы. Это не значит, что космисты были чокнутыми недоумками. Карл Вольфскехль был видным профессором немецкой литературы в Мюнхене и в Гейдельберге (где одним из его почитателей был Геббельс). Альфред Щюлер был распространителем идей Ницше, сдобренных пряностями своего собственного приготовления, и завсегдатаем салона Брукманов, где бывал Рильке и другие знаменитости (скоро среди них окажется и Адольф Гитлер). А Людвиг Клагес (позже он присоединится к нацистам) напишет книгу «Ум – противник души», интересную и по сей день. Поэт Стефан Георге в свой мюнхенский период тоже установит с космистами связь, едва не оказавшуюся для него роковой.

Щюлер, увлеченный черной магией, постоянно искал спиритических медиумов, которые, думалось ему, совершат новый прорыв в проявлении космических сил, которые пока еще подавлены инерцией патриархальных, рационалистических и капиталистических традиций. С этой целью он попытался склонить к сотрудничеству душу Стефана Георге, к тому времени уже известного поэта. Дело происходило на «римском» банкете:

все участники были одеты и пытались вести себя как древние римляне. Этот ужин проходил в доме Щюлера и, в конце концов, вылился в спиритический сеанс. Во время сеанса Георге возбуждался все больше и больше и вел себя так, словно в него вселился дух. Позже он признает, что долго страдал от последствий «ядовитой магии этого ночного сеанса». Георге удалось отойти от космистов, и он основал свою собственную группу Круг Георге.

«То ли демон, то ли бог»

Об этом кружке напишет Петер Ашхайм: «*Georgekreis* [группа Георге] был кругом учеников и посвященных, сектой без формального или обязывающего статуса, абсолютным центром которой был их учитель. Несмотря на то, что в ближнем кругу всегда происходили небольшие изменения, число членов никогда не превышало сорока. Несмотря на небольшую численность, этот кружок стал образцом культурной элиты и оказал огромное влияние на авангардистскую поэзию, литературоведение и историю»[354]. Действительно, этот кружок обладал всеми признаками секты или культа. Когда люди впервые сталкивались с ним, это переживалось как решающее, поворотное событие в жизни, новое рождение. Выбор учеников в любом случае оставался за учителем, который вел себя совершенно как гуру. Тот, кто желал пройти инициацию, должен был выдержать испытания, а вступление закреплялось священной клятвой. Некоторые избранные получали от учителя новые имена. Лишь он знал, кто в действительности входит в кружок, а кто – нет.

Центром всего этого был Стефан Георге (1868—1933), широко известный поэт, слава которого в те дни превосходила славу Райнера Марии Рильке. «Говорили, что все молодые немцы двадцатых годов находились под влиянием Стефана Георге – даже те, кто никогда не слышал его имени и не прочел ни одной его строки»[355].

> Из его слов, произнесенных ненавязчиво, тихо,
> Исходила захватывающая сила и соблазн;
> Он заставляет самый воздух вращаться вокруг тебя,
> Он может убить тебя, даже не дотронувшись[356].

Действительно, некоторые считали Георге богом, другие – дьяволом. Один признавался, что в «присутствии Георге понял,

наконец, что такое божественное». Другой «получил впечатление страшной, демонической силы природы, потрясающей мир»[357]. «В нем видели величайшего поэта современности… и одновременно его почитали пророком и магом, великим “гуру” и оракулом, стоящим во главе интеллектуальной элиты, посвященных мира культуры, которые “трепетали перед ним” словно перед первосвященником. В Берлине, Мюнхене, Гейдельберге он руководил кружком самой умной, открытой и динамичной германской молодежи. В них он видел надежду страны. Он был источником таинственных изречений, публиковал загадочные стихи, ставшие культурным маяком для целого поколения»[358].

Джордж Моссе обрисовывает Стефана Георге так: «Он серьезно верил в свою роль поэта-провидца, глашатая перемен. Ему казалось, что поэзия – это лучшее средство для изображения трагичности этих времен, чьи страдания может облегчить лишь сила и решимость вождя. Поэзия идет к самой сути вещей и в то же время не связана никакой конкретной политической программой. И главное, поэт не ограничен кажущейся фатальностью материалистических, исторических или экономических условий. Он находится над ними. Он напрямую чувствует пульс нации. С этой точки зрения поэт, естественно, должен выступить вперед и стать пророком современности»[359].

В круге Георге не было места женщинам, это был *Männerbund*, исключительная территория мужчин. По этой причине, а также потому, что он объявил «святым» одного мальчика, Георге и его учеников заподозрили в гомосексуализме. Однако некоторые исследователи его жизни решительно отвергают это обвинение. Узы мужской дружбы были совершенно нормальными для членов кружка, глубоко связанных со своей эпохой. Как и другие, они противостояли современности, интеллектуальности и демократии масс. Другим типичным зловещим элементом культа Георге были «фантазии о всемогуществе и желание смерти, игравшие среди них столь важную роль». Учитывая число самоубийств и безвременных смертей среди членов кружка, «исследователь едва может удержаться от соблазна говорить о неудержимом стремлении к смерти» в их среде[360]. В те дни тамплиеры и госпитальеры скакали рядом со Смертью и Дьяволом, подобно рыцарю на гравюре Дюрера.

«Георге подчеркивал необходимость элитарного руководства – что не исключало появления единичного вождя. Вместо образа одинокого рыцаря Георге отстаивал концепцию ордена, подобного тамплиерам или крестоносцам. В нем было сильно стремление к переменам, он искренне верил, что решение в конце концов будет найдено. Грядущий век должен стать веком элиты, а

не масс. Он станет эпохой, когда великие личности будут преобразовывать общество и культуру. Для Георге эти новые люди одновременно были и божественными, и мужественными, а также обладали необычайной силой воли… Его ученики, настроенные так же, как и он сам, составляли ядро этой элиты» (Джордж Моссе[361]). Они воплощали истинную душу Германии. Он называл эту истинную душу «тайная Германия» (*das geheime Deutschland*).

Клаус фон Штауффенберг

Во времена крайностей рождаются исключительные личности, способные эти крайности соединить. И в нашей истории Стефан Георге был бы всего лишь одним из многих исключительных немцев, возвышавшихся над массами, если бы из его кружка не вышел Клаус Шенк фон Штауффенберг (1907—1944), главная пружина в покушении на Гитлера 20 июля 1944 года. «Моим учителем был величайший поэт этой эпохи», – гордо говорил он. На это дерзкое предприятие, которое могло стоить ему жизни, Штауффенберга вдохновляли идеалы Георге. Когда его поставили к стенке, последними его словами были: «*Es lebe das geheime Deutschland!*» («Да здравствует тайная Германия!») – Германия величия, а не убийства, разрушения и смерти.

В 1924 году, через год после того, как в кружок вошли два его брата, Клаус фон Штауффенберг встретился с Георге. «Эта встреча и сформировавшиеся взаимоотношения станут одним из самых значительных переживаний его юности. Это произошло в годы становления личности, и это задаст направление его развития, сформирует его ценности, поведение – в конечном счете, все его мировоззрение»[362]. Клаус обладал всеми чертами идеального ученика Георге: он был аристократом и очень хорошо сознавал свой статус; он был высоким красавцем, очень похожим на прекрасную статую Рыцаря из Бамберга, стоящую в кафедральном соборе его родного города; он был умен, талантлив и отличался исключительной силой воли.

Для самого Георге и его учеников поэзия была не занятным времяпрепровождением, а чем-то гораздо большим. Поэзия была средством переживания реальности во всей ее полноте, а также средством обретения знания и силы. «Поэт должен не заменить политического лидера, он должен его подготовить, – писал Вольфшкель, входивший в кружок Георге. – Он должен привести в гармонию душу Германии со вселенской волей, проявляющейся через него. Он должен благословить ее второе замужество и

подготовить к рассвету, когда молодежь нового отечества вновь почувствует пламенное единство при звоне своего некогда глубоко закопанного оружия». В лозунге «поэт как вождь» выразилась не столько претензия круга Георге на политическое руководство, сколько его миссия, состоявшая в руководстве будущим Вождем[363].

Ученики Георге «должны были стать хранителями будущего Германии, исключительными, элитными кадрами, тщательно воспитанными и подготовленными для лидерства. Воспитание и подготовку этих кадров Георге считал своей священной обязанностью, миссией, исполнением своего долга перед Германией. И не только перед Германией: это был его долг перед человечеством в целом, перед жизнью духа, перед вселенной, богами и любыми сущностями или принципами, управляющими ее развитием»[364].

Его ученики должны были быть мистическими воинами, солдатами духа, участниками духовного крестового похода. В этом отношении они были наследниками рыцарей из поэмы Георге «Тамплиеры» (из которой взят эпиграф к этой главе). Само собой разумеется, они не имели ничего общего с Новыми тамплиерами Ланца фон Либенфельса. Они должны были быть подобны средневековым возвышенным духовным воинам, готовым пожертвовать всем ради своих идеалов и для защиты других. «Современные тамплиеры, собравшиеся вокруг Георге, были для него особым типом знати, аристократией духа. Такую аристократию за несколько лет до этого превозносил Ницше, а Д. Г. Лоренс – несколькими годами позже… Первоначальный смысл слов “тайная Германия” – в указании на благородство этих людей, на источники их вдохновения и на то, чего они должны были достичь… Георге, в отличие от Ницше, не удалился в одиночество; сущностью его метода было создание тайной империи для прихода нового рейха… Это была программа воспитания элиты, доведенная до предела элитарности. Тайная Германия была клубом, в котором новых членов избирали, и для этого их обучали, одного за другим»[365].

Клаус фон Штауффенберг решил служить отечеству в вооруженных силах. Один из его подчиненных позже вспоминал: «Меня очень впечатлила личность Штауффенберга. Он казался мне идеалом офицера… Это был человек, обладающий природным авторитетом». В широких кругах его считали «самым блестящим и многообещающим молодым офицером вермахта… Один из его коллег заметил: “Меня поражало, до какой степени офицеры, превосходящие его по рангу, чувствовали его естественное превосходство и подчинялись ему”. С точки зрения

одного из его командиров, он был “единственным в Германии гениальным штабным офицером”. Гейнц Гудериан, вдохновитель моторизации военных действий, архитектор бронетанковых формаций и блицкрига, вскоре стал считать Штауффенберга самым вероятным кандидатом на пост главы генерального штаба»[366].

Затем канцлером Германии стал Адольф Гитлер. «Георге всегда провозглашал, что политика враждебна искусству и – в широком смысле – враждебна жизни духа и самой сущности человечества. Однако его отношение к нацистам казалось противоречивым, и несколько членов его кружка поддержали новую власть… В конце концов Георге отвернулся от нового режима… Неодобрение Георге, порой двусмысленно выраженное, не мешало нацистам превозносить его как своего духовного предшественника. Они пытались сделать с ним то же, что и с Ницше – включить в свою идеологию»[367].

Национал-социализм возродил германский рейх, принес ему величие, он вел к новому миру и новому человеку, став осуществлением ожиданий Вождя, возмещением несправедливостей, якобы совершенных морально и культурно отсталыми победителями 1918 года, он демонстрировал могущество и силу воли, его ритуалы и музыка отзывались в немецкой душе. У него было все для того, чтобы прельстить консервативную, националистическую и традиционалистскую Германию, в том числе и идеалистов, на которых эти вещи действовали сильнее, чем они сами готовы были себе признаться. Гитлер мастерски вел свое революционное движение так, чтобы максимально использовать эти составляющие немецкой ментальности. Противостоять магии этого соблазнителя сумели немногие.

«Так удалось обмануть целое поколение молодых мужчин и женщин, которые поддались этому с такой легкостью и готовностью, что сегодня это может показаться одновременно и необъяснимым, и постыдным. Однако если бы эволюция нацизма была иной, если бы не было ни войны, ни холокоста, он был бы довольно привлекателен даже сегодня, и не только для хулиганов и бритоголовых, но и для начитанных, вдумчивых, хорошо образованных людей, а также для тех, кто имеет склонность к искусству… Немало будущих заговорщиков… чувствовали, что нашли в национал-социализме элементы, которые они готовы были поддержать. Подобные чувства были и у некоторых членов кружка Стефана Георге». Клаус фон Штауффенберг позже скажет: «Гитлер умеет высказывать некоторые базовые истинные идеи, способные вести к духовному возрождению. Поэтому он может

обольстить некоторые благородные и идеалистичные души». Согласно одному из его друзей, Штауффенберг «был взволнован магнетизмом, который излучал этот человек, его страстностью, которая неожиданно делала осуществимым то, что в том затхлом мире казалось невозможным… В начале Штауффенберг был впечатлен достижениями Гитлера… Но к тому времени, когда я встретился с ним, он уже был глубоко встревожен происходящим»[368].

Прозрение приходило постепенно. Железный кулак тоталитаризма, грубое и методичное подавление евреев, непрекращающийся поток бесстыдной пропаганды, темная сторона Гитлера и его верных рыцарей, заносчивость и жестокость СС, атмосфера подозрения и страха – для тех, кому удалось сохранить хоть каплю здравомыслия, все это выглядело все более и более зловещим. Каждый новый шаг режима делал это яснее. В 1934 году в «ночь длинных ножей» было обезглавлено СА. А в 1938-м состоялось то, что нацистские юмористы назвали *Kristallnacht*, «хрустальная ночь», – в действительности же это был самый большой погром в истории современной Германии. Штауффенберг был «подавлен».

В 1941 году в Африке Штауффенберг получил тяжелейшие ранения, когда штурмовой самолет с бреющего полета расстрелял его машину. «Его нашли почти без сознания около перевернутого, сгоревшего и пробитого снарядами автомобиля. Его ранения были ужасающими. В левый глаз попала пуля, правый тоже серьезно пострадал. Ему практически отстрелило правое предплечье, а на левой руке он потерял два пальца. Серьезно ранено колено, спина и ноги утыканы шрапнелью… Пока с ним работали хирурги, он наотрез отказывался от всевозможных обезболивающих, анестезирующих, успокаивающих лекарств и от снотворного. Даже в докладе Гестапо с восхищением говорится о силе воли, с которой он пошел к выздоровлению… Своему дяде, посетившему его в госпитале, он по секрету сказал, что то, что он выжил, не было случайностью. Его жизнь, как бы искалечена она ни была, сохранена для какой-то особой цели, некоего предопределения»[369].

Штауффенберг пришел к убеждению, что Гитлер должен умереть, как бы это ни противоречило моральным принципам, кодексу чести и его собственной клятве в верности Гитлеру, которую он принес как офицер. «Я знаю, тот, кто будет действовать, войдет в историю Германии как предатель; но тот, кто будет бездействовать, станет предателем своей собственной совести. Если бы я не сделал ничего, чтобы остановить эту бессмысленную бойню, я никогда не смог бы смотреть в глаза

вдовам и сиротам военного времени». Ведь речь шла уже не о нескольких сотнях людей, которые не устраивали Гитлера, не о нескольких тысячах пойманных наудачу евреев – речь шла о сотнях тысяч солдат Германии и других наций и о систематическом геноциде. Штауффенберг как офицер генерального штаба не мог об этом не знать, даже если он и не знал всего. «Штауффенберг был главной фигурой в заговоре, источником направляющей силы и решимости».

Передают, что генерал Хеннинг фон Тресков, один из главных заговорщиков, говорил: «Покушение должно быть осуществлено любой ценой. Если даже все окончится неудачей, нужно попытаться захватить власть в Берлине. Главное сейчас – не столько достижение практических целей переворота, сколько само его осуществление. Мы должны доказать миру и истории, что у людей, участвовавших в сопротивлении, хватило смелости на этот решительный шаг. В сравнении с этим все остальное не имеет значения»[370]. С момента захвата власти Гитлером 30 января 1933 года всякий, кто вставал у него на пути, рисковал жизнью. Еще за неделю до этой даты Гитлера можно было бы выбросить на свалку истории, но с того дня судьба Германии была решена.

Сколько раз покушались на Гитлера? Уилл Бертхолд написал книгу «*Die 42 Attentate auf Adolf Hitler*» («Сорок два покушения на Гитлера»). Другие говорят, что их было больше сорока шести. Однако Гитлер пережил их все, порой самым чудесным образом, словно что-то предупреждало или защищало его. Покушение Штауффенберга обошлось ему дороже, чем признавали официально, – с тех пор его здоровье стало быстро ухудшаться. После встречи с Гитлером Геббельс записал, что тот «полон решимости дать всем кровавый урок» – несколько недель после покушения «он почти все время проводил, планируя месть»[371]. По особому приказу Гитлера один фельдмаршал и несколько высокопоставленных генералов были удавлены фортепианными струнами вместо веревок – они должны были умирать медленно. Все это было отснято на пленку, и Гитлер мог любоваться картинами казни на своей вилле в Зальцберге. Убийства других заговорщиков, сообщников, подозреваемых в сообщничестве и членов их семей продолжались до самого конца войны; в общей сложности погибло более 5000 человек.

Общественное мнение Германии, не говоря уже о пропагандистской машине Геббельса, единогласно осудило покушение. Тресков, как и Штауффенберг, предвидел эту реакцию и на следующий день после провала покушения сказал: «Теперь они все набросятся на нас с проклятиями. Но я убежден, больше

чем когда-либо, что мы поступили правильно. Я верю, что Гитлер – закоренелый враг не только Германии, но и всего мира… Моральная ценность человека проявляется лишь там, где он готов отдать жизнь за свои убеждения… Бог обещал не уничтожать Содом, если там найдется хоть десяток достойных людей. Я надеюсь, что из-за нас он пощадит Германию». «Согласно некоторым свидетельствам, – пишут Майкл Байгент и Ричард Лейгх, – генерал-майор Хеннинг фон Тресков, выйдя из своей штаб-квартиры, пошел к линии фронта и там застрелился. Согласно другим источникам, он просто вышел из укрытия и среди артиллерийских разрывов пошел по направлению к ничейной земле между немцами и русскими»[372].

Впоследствии заговорщиков вновь и вновь обвиняли в предательстве отечества в трудный для него час и в нарушении воинской клятвы, принесенной лично Адольфу Гитлеру. При этом редко упоминают о том, что никогда раньше такая клятва не приносилась определенному лицу, что она была дана под давлением, что все это было организовано второпях на следующий же день после смерти президента фон Гинденбурга, и каждый отказавшийся дорого заплатил бы за это. Забывают и то, что писал в «Майн Кампф» сам Гитлер: «Государство может требовать уважения к себе и к своей власти до тех пор, пока эта власть используется в интересах нации или, по крайней мере, не в ущерб этим интересам. Авторитет государства не может быть самоцелью, иначе любая тирания оказалась бы священной и неприкосновенной. Если правительство использует инструменты власти, находящиеся в его руках, с тем чтобы вести народ к гибели, тогда бунт становится не только правом, но и обязанностью всякого гражданина. На вопрос о том, создалась ли такая ситуация, нельзя ответить ученой диссертацией. Вопрос решает лишь использование силы и конечный успех»[373]. В заключение стоит добавить, что цену клятвы можно сравнить с чудовищными и бесчеловечными деяниями, лежащими на совести того человека и режима, которым она была принесена.

«За эти девять месяцев – с момента покушения 20 июля 1944 года до окончания войны в Европе – людские потери были огромны… В целом погибло больше, чем за предшествующие четыре года и одиннадцать месяцев войны. Эта статистика дает представление о том, какова была ставка в заговоре Штауффенберга. Умри Гитлер 20 июля 1944 года, потери во Второй мировой войне были бы в два раза меньше» (Байгент и Лейгх[374]).

Высший и низший выбор

Немецкое стремление к новому целостному духовному опыту было неподдельным и искренним. Традиционные религии всегда переносили исполнение надежд в мир иной, но человек интуитивно чувствует, что если Бог – это не просто симулякр[21] над облаками, а что-то большее, то и земля и человеческая жизнь должны иметь какой-то смысл. В те времена ошеломляющих перемен ждали появления нового мира и нового, высшего человеческого существа. Просвещение задало все возможные вопросы, но лишь немногие из данных им ответов заслуживали доверия. Люди чувствовали, как сдвигаются тектонические плиты несомненных религиозных и философских фактов. Результатом этого была серия землетрясений – одна революция за другой, одна война за другой – и чувство нестабильности, потери ориентации, страха. Рушились привычные структуры иерархического общества, а социальные феномены, дотоле неведомые – в особенности активность нищих человеческих масс, – поднимались на поверхность и казались первобытными и угрожающими. Современный мир срывал людей с насиженных мест и сгонял их в городские агломерации, принуждая к близким, прямым и порой сбивающим с толку взаимоотношениям.

«Возрождение мистического духа на рубеже веков» стремилось к чему-то такому, чего не могли дать ни церкви, ни философы: к чувству полной реализации как во внешней, так и во внутренней жизни, к чему-то настоящему, не импортированному из других культур и уж во всяком случае не навязанному. «Немецкий народ всегда воспринимал [католическую церковь] как что-то инородное, выражая таким образом отвращение к павловско-августинскому христианству бога-отца Иеговы». Нацистский автор говорит об этом так: «Германия не нуждалась в восточных символах. На земле, породившей около 1300 года немецкий мистицизм, чувствовалось, что вера в ревнивого бога Яхве – это притворство и безумие»[375].

Последняя большая фаза развития глобального христианства, протестантизм, подошла к концу. Чувствовалась необходимость «решительно отвергнуть еврейские трансцендентные рассуждения и одновременно разорвать связь между немецким умом и теологией откровения». При этом ожидали, что новая религия будет «глубочайшей внутренней немецкой религией без примеси иудаизма, без посредников и без дуализма». Все это можно было найти в Мейстере Экхарте и мистиках Рейнланда и Фландрии, представлявших собой уникальный, удивительный западный феномен. «Нет сомнений, стремиться изменить современное состояние дел, извращенное в своей сердцевине, и обрести религию, приспособленную к нашему видению мира, можно лишь

в направлении, в котором шел Экхарт»[376].

Мейстер Экхарт (1260—1328) был монахом доминиканского ордена. Не таким, как часто воображают средневековых монахов: отшельником, постоянно погруженным во внутреннее созерцание Бога. Он много путешествовал, стал магистром теологии в Сорбонне и даже дважды был «*magister actu regens*» (главой кафедры теологии) – «в те времена исключительная честь, ставившая его на один уровень с Фомой Аквинским». Он также был облечен полномочиями некоторых высших должностей своего ордена. Примером Экхарту служил Альберт Великий, еще одна выдающаяся фигура средневековья. Экхарту были близки вершины мистического опыта, которые, в более широком контексте, породили светила, подобные Хайдевичу и Дитриху фон Фрайбургу. Его переживания, выраженные не только на латинском, но и на его родном верхненемецком, своей непосредственностью, чистотой и полнотой близки переживаниям величайших мистиков Востока.

Удивительно, что Экхарт, доминиканский приор и преподаватель, мог учить, что Бога нужно искать в сердце, что он – это не ментальная концепция, но прямой, подавляющий и невыразимый опыт, что «искра» души – это сам Бог, и тот, кто может полностью жить в ней, и *есть* Бог во времени, в пространстве и за их пределами. Он учил, что в божественном все противоположности сплавляются вместе и исчезают в великом единстве, что божественна любая вещь, проявленная в мире, но Всевышний является полностью самим собой и без всякого проявления. Ученый магистр теологии, должно быть, всерьез воспринял тексты, которые изучал, и в своем прозрении вышел за их пределы к прямому опыту, при этом по-прежнему оставаясь реалистом, видящим божественное присутствие в любой вещи и одновременно вовлеченным во множество разнородных занятий[377]. Он едва не был осужден за ересь, чего не избежали некоторые его мистические утверждения.

Мейстер Экхарт стал одним из символов «тоски по якобы интегральной культуре средних веков… Старые романтики стремились к знанию и универсальному гуманизму, они оживляли свое знание, так как пытались не только “думать” свои идеи, но и жить ими. Той же дорогой пойдут и новые романтики [главным образом, фолькистское движение], возвращаясь к непосредственности, оригинальности, художественности и радости жизни людей времен Парацельса и Дюрера» (Юстус Ульбрихт[378]). Главным покровителем этого движения был издатель Юген Дидерихс. С этой ключевой фигурой мы уже встречались, обсуждая возрождение немецких мифов, легенд и

новую немецкую религию. Дидерихс, впрочем, вовсе не собирался застревать в прошлом. Напротив, он пытался как можно больше сделать для великого будущего.

В одном из его писем можно найти следующее: «Не верьте, я не считаю новый романтизм целью всякого развития… Но почему бы ему не принять участие в развитии современного человека? А именно, вместе с мистицизмом… Наш протестантизм очень отличался бы от того, что мы имеем сегодня, не будь наши теологи после смерти Лютера такими склочными болванами… Я глубоко убежден, что и я сам, и мое издательство должны идти в направлении углубления религии без догм и что грядущий период, всего вероятнее, даст людей, необходимых для этого. Я считаю, что появление таких фигур, как Толстой, Юген Шмитт и Эмерсон, является началом движения в этом направлении. В этот список, разумеется, следует добавить Мейстера Экхарта»[379]. Как нам рассказывает Ульбрихт, в самом начале XX века ошеломленные и потерянные интеллектуалы искали божественное присутствие в своем сердце. В культурной среде того времени на эту идею их могли натолкнуть лишь мистики, подобные Мейстеру Экхарту, Генриху Сеусе и Иоганну Таулеру. «Таким образом, ренессанс мистицизма на рубеже веков является в действительности еще одной главой в истории религии немецких интеллектуалов, их стремления достичь освобождения своими силами. “Человек сам спасает себя – вот новая религия”, – пишет в своей записной книжке молодой книгопродавец Дидерихс; чтение Ницше явно не прошло для него даром. Заметны и его страдания из-за “смерти Бога”. Впрочем, эта “смерть” воспринималась его поколением как возможность религиозного освобождения…

После десяти лет работы по созданию новой религии в проспекте “Книги для религиозного развития” Дидерихс подводил итоги своим усилиям в этом направлении. Он стремился высвободить религиозные силы, окаменевшие в ходе истории в результате слепого наследования готовых церковных форм. Он хотел вновь привести их в прямой контакт с жизнью современности… В том же проспекте можно прочесть: “Необходимо еще раз подчеркнуть, что Мейстер Экхарт для будущего развития немецкой религии значит даже больше, чем Лютер для протестантизма”. Дидерихс также писал: “Несмотря на прошедшие 400 лет [с начала Лютеровской реформации], работа только началась”»[380]. Здесь он имеет в виду не только протестантизм: речь идет об общем чувстве банкротства традиционных религий и о стремлении к новому миру и новому человеку, который должен, наконец, стать оправданием

сотворения Богом жизни на земле и всеискупающим ее венцом.

Фраза о том, что Германия не нуждается «в восточных религиозных символах и вере в ревнивого бога Яхве», взята из «Мифа двадцатого века» Альфреда Розенберга. Читатель помнит, что Розенберг был официальным главным идеологом и надзирателем за идеологией в нацистском рейхе. (Неофициально, но исключительно эффективно этой работой занимался сам Адольф Гитлер, именно он и следил за надзирателем.) Как мы уже видели, согласно Розенбергу, Германии была необходима «религия без иудейства, без посредников, без дуализма: глубочайшая внутренняя немецкая религия. И основателем ее является Мейстер Экхарт»[22] . В этой цитате особое беспокойство вызывает слово «немецкая». Нет сомнений, Мейстер Экхарт был немецкого происхождения, хотя в 1300 году слово «Германия» означало нечто совсем иное, чем сегодня. Но можно ли его, одного из ведущих членов международного доминиканского ордена, преподавателя парижской Сорбонны и, прежде всего, католика, с полным правом называть *немецким* мистиком? А если посмотреть с другого угла: можно ли втиснуть в германские рамки его целостную реализацию божественного? Великий мистик средневековья тоже был ассимилирован господствующей идеологией (*gleichgeschaltet*), то есть интегрирован в псевдокультуру нацистского молоха. «В этом немецком мистике впервые в истории и полностью сознательно – хотя и в одеждах того времени – появляется новый, возрожденный германский человек»[381].

Даже Юген Дидерихс не устоял перед нацистскими чарами и посулами великого будущего. Незадолго до смерти он читал лекции для *Kampfbund für deutsche Kultur* (Боевого отряда немецкой культуры) Розенберга. Плоды нацизма были чудовищны, но его зарождение и рост сами по себе были трагедией. Каким бы ни было его содержание и гитлеровская сердцевина, нацизм стал пробным камнем и конечным результатом развития не только Германии, но и всего западного мира в целом. Догматические религии в общем не оправдали ожиданий, возникла мучительная тоска по «истинной религии», по духовности, которая смогла бы вовлечь в работу все части человеческого существа в этой земной жизни, которая оказалась бы, наконец, достойной полной самоотдачи, полного самопожертвования, в ходе практики которой вера могла бы постепенно вылиться в живую Истину.

Именно это стремление стояло за такими странными на первый взгляд сектами, как Тайная Германия Георге, именно в этом был смысл прозрения Ницше о сверхлюдях, «детях полудня». Перед Германией в описываемый нами период стоял выбор: либо

преодолеть нынешнее состояние человека, совершая (трудное) усилие по продвижению к великому завтра, либо (что много легче) повернуться к прошлому, к старым богам, зачисляя даже выразителей иной, более чистой возможности, например Экхарта, в пантеон прошлого. Германия была поставлена перед выбором в гнетущих обстоятельствах. Она держала в своих руках судьбы мира.

Германия пошла по легкому пути.

Часть третья
Гитлер и его Бог

12. Мировоззрение Гитлера

Национал-социализм был религией, а Гитлер – ее Христом.

Джон Толанд

Нацизм

«Как таковой идеологии не было. Не было связной, компактной теории, которую можно было бы назвать национал-социализмом. Даже основные понятия, такие как “раса” или “нордический”, получали противоречивые и расплывчатые определения, а порой и вовсе оставались без таковых», – пишет бывший профессор Гейдельбергского университета Клаус фон Зее[1]. Хайнц Хёхне, историк СС, придерживается того же мнения: «Едва ли найдется такой пункт программы НСДАП, относительно которого у национал-социалистов не было бы разногласий»[2]. Ганс Франк, в ранние годы бывший юристом Гитлера, а позднее занимавший высокие посты в нацистской иерархии, утверждает, что «в конечном счете у каждого вождя был свой национал-социализм». А Ральф Ройт называет нацистское движение «мешаниной разнообразных идеологических тенденций»[3]. Подобные высказывания могли бы удивить рядовых членов партии, живших не хлебом единым, но всяким лозунгом, впечатанным в их мозг. Нам же, после того как мы узнали, из каких разнородных источников появился национал-социализм, это кажется очень правдоподобным.

В национал-социализме имелась христианская составляющая, представителями которой являются Дитрих Эккарт – почитатель мистика Иоганна Таулера, Артур Динтер, который желал довести Реформацию до конца, и Йозеф Геббельс – католик, перенесший свои апокалиптические ожидания на Гитлера и его Третий рейх. Рудольф фон Зеботтендорф, глава общества Туле, имел явную склонность к оккультизму, равно как и два других члена этого общества – Эккарт и Рудольф Гесс; можно также вспомнить члена СС Отто Рахна, которому было поручено отыскать святой Грааль, и Генриха Гиммлера со своим *Ahnenerbe* («наследием предков»). Именно Гиммлер, который в течение нескольких лет пользовался помощью Карла Марии Вилигута, сделал из СС оккультный воинствующий орден.

Социалистическую тенденцию представляли братья Грегор и

Отто Штрассеры, Геббельс (пока того не обработал Гитлер) и значительное число членов руководства СА, включая Хуго Штеннеса, который пойдет на открытый бунт против Гитлера в Берлине, а также сам шеф СА Эрнст Рем, который упрямо будет требовать, чтобы Гитлер начал, наконец, «вторую революцию», более или менее социалистическую. Присутствовала и откровенно фолькистская струя, главным образом связанная с *Artamanen*, в который входили и Гиммлер, и министр сельского хозяйства Вальтер Дарре, и Рудольф Хёсс – комендант Освенцима, а также Мартин Борман – коварный помощник Гитлера. В дополнение к этому на нацизм влияли разнообразные восточные воззрения, в первую очередь через Поля де Лагарда – предшественника нацизма, ориентированного на Восток, затем через Зеботтендорфа – известного астролога, тесно связанного с турецкими аспектами оккультизма и суфизма, через Карла Хаусхофера и его сына Альбрехта, хорошо знакомых с религиями и духовностью Востока. Не надо забывать и Гесса, знаменательно рожденного в египетском городе Александрия – перекрестке оккультных дорог Запада и Востока, а также Гиммлера с его интересом к йоге и Бхагавадгите. Этот краткий перечень лиц, с которыми мы уже познакомились в ходе нашего повествования, можно было бы продолжать почти до бесконечности, следуя разветвлениям разнообразных нацистских интересов, многие из которых переплетались и наслаивались друг на друга.

Базовые принципы национал-социализма можно кратко сформулировать следующим образом. Краеугольным камнем этой шаткой идеологической постройки была идея расового превосходства арийско-нордически-германского народа. Арийцы были, по словам Гитлера, «Прометеями человечества», это означало, что немцы – это раса господ (*Herrenmenschen*), стоящая выше всех других, которая может с полным основанием править другими народами как своими рабами. Об этом фундаментальном и искреннем убеждении мы уже писали не раз, в особенности в главе «Высшие люди». Всякая форма фашизма исповедует страстный национализм. В Германии же чувство превосходства и национальный эгоизм, впитанные с молоком матери, раздулись до невероятных размеров. Из этого вытекает все остальное.

Становой хребет национализма – это *Führerprinzip*, принцип вождя. Это относилось не только к собственно фюреру Адольфу Гитлеру, но и к пирамиде всех его подчиненных, к управляющим *гау*, или провинциями, к руководству округов, районов и более мелких подразделений, вплоть до фюреров, отвечавших за квартал. Гитлер открыто провозгласил, что партия равна

государству, и наоборот. В речи, обращенной к одной из *Ordensburgen*, высших партийных школ, он сказал: «Идея нашей демократии состоит в следующем. Первое: на каждую руководящую позицию ответственный не баллотируется снизу, а выбирается сверху, и так до самого основания пирамиды. Второе: эти люди имеют непререкаемый авторитет для тех, кто находится ниже их, и безусловно подотчетны тем, кто стоит выше… Таким образом, мы имеем здесь принцип абсолютного подчинения и абсолютной власти»[4]. Действительно, власть абсолютная и абсолютистская. Эту тоталитарную систему Гитлер называл «истинная демократия» и считал, что она бесконечно превосходит жалкие структуры, основанные на массах и подсчете голосов, которые обыкновенно называют демократическими.

Как бы то ни было, на вершине этой пирамиды, невидимо присутствуя повсюду, находился *настоящий* фюрер. Его ждали так страстно, и наконец он явился – вождь немецкого народа, на которого молились как на мессию. Тот, кто искоренит все несправедливости и поведет их к золотому веку. «Немцы жаждали быть ведомыми. Гитлер и его пропагандисты прекрасно сознавали, что концепция фюрера была лозунгом, отвечавшим этому стремлению». Дети в детском саду пели: «Мы верим в фюрера, / мы живем ради нашего фюрера, / мы умираем за нашего фюрера, / и мы становимся героями». А первая клятва, которую торжественно приносили те, кому исполнилось десять, была следующей: «В присутствии Кровавого знамени, которое олицетворяет нашего фюрера, я клянусь, что посвящу все мои силы и всю мою энергию спасителю нашей страны Адольфу Гитлеру. Я желаю и готов отдать жизнь за него, и да поможет мне Бог. Один народ, один рейх, один фюрер!»[5]

Третьим принципом национал-социализма был *Gleichschaltung*, что можно перевести как «унификация» или «интеграция» – имеется в виду интеграция чего бы то ни было в тело пропитанного нацизмом народа. Существовавшие раньше структуры общества, равно как и структура немецкого государства, должны исчезнуть. В то время Германия состояла по крайней мере из семнадцати федеральных единиц, которые сами по себе были государствами и обладали соответствующими прерогативами. Всего за несколько месяцев Гитлер смел все эти остатки феодализма и заменил их структурированной тоталитарной системой, в которой все в конечном счете стали одинаковыми существами в одинаковых мундирах. Гитлеровская идея «истинной демократии» на практике обернулась жестко структурированной армейской иерархией, где значение имели отличительные знаки униформы, а не человек внутри. Как писал

один нацистский поэт, все они стали «кулаком фюрера». Мы многое узнали, разбирая природу немецкого «отказа думать», – это может помочь нам, людям постмодернистской эпохи, не только понять, как же случилось, что «от демократии отказались без всякой борьбы» (Кершоу) и почему «народ с такой готовностью отдавал все свои права и свободы» (Фридрихс), но и то, почему эта потеря демократии «в очень широких кругах» воспринималась как «искупление и освобождение» (Хаффнер).

Четвертый принцип национал-социализма касался взаимоотношений с миром за пределами Германии. Прежде всего, это означало поквитаться с Францией. Большая часть нацистской пропаганды раннего периода была просто-напросто выражением общенародных чувств, вызванных поражением в войне, ложных мифов о причинах этого поражения, а также негодования от вынужденного принятия Версальского договора. Немецкая мания величия выросла из более раннего чувства неполноценности отсталой средневековой страны, сравнивающей себя с «югом» и его духовными ценностями. Ненависть все больше и больше фокусировалась на соседней Франции, в особенности когда та стала культурной доминантой Европы и французский язык заменил латинский как *lingua franca*. В 1806 году Наполеон завоевал и упразднил «Священную Римскую империю германской нации». Шок от его присутствия и проведенных им реформ послужил, как мы уже видели, толчком к началу немецкого возрождения.

Если Гитлер чего-то и хотел – так это отомстить за Версаль; унизительно обставленное подписание перемирия Франции с Германией в Компьене в июне 1940 года вознесло его на вершину престижа и власти. Теперь он должен был осуществить и другие пангерманские военные цели: дать Германии «место под солнцем», завоевать для нее «жизненное пространство», которое предоставит расе господ (*Herrenmenschen*) принадлежащие ей по праву территории и ресурсы. Аморальные действия, ведущие к этому – будь то теории, договоры или завоевания, – оправданий, по сути, не требовали. Возводить ли «стену против коммунизма», подписывать ли с теми же коммунистами пакт о ненападении – если народ будет уверен, что это делается для его же блага и славы, он примет все что угодно.

Это подводит нас к пятому и последнему принципу национал-социализма – к антисемитизму. Джон Вайсс назвал антиеврейские настроения, господствовавшие в то время в Германии «идеологией смерти» (это название он дал и своей нашумевшей книге); Даниел Голдхаген вызвал в 1996 году скандал книгой об «элиминационистском антисемитизме в

современной Германии». Обе эти книги, равно как и энергичная реакция на их появление вкупе с последующими комментариями, были запоздалой и необходимой рефлексией о немецкой ответственности за холокост. По ходу нашего повествования мы прослеживали рост этих иррациональных антиеврейских чувств. Существует множество свидетельств проеврейских действий со стороны «арийцев», но невозможно отрицать того факта, что в целом отношение к евреям было враждебным.

Бесспорно, Гитлеру не требовалось слишком много усилий для того, чтобы национал-социалист атаковал еврея. Для Гитлерюгенда же это было занятным развлечением, ведь о том, чтобы получить отпор, речи не шло. Национал-социализм хотел удалить евреев из немецкого общества. Гитлер же хотел удалить их из тела человечества физически. Понимал ли это средний национал-социалист? Почти наверняка – нет, хотя он и мог об этом догадываться, стоило лишь внимательно прочитать то, что написал фюрер, или внимательно прислушаться к тому, о чем он вопил во весь голос. Но даже если «коричневорубашечник» и знал, он предпочел бы об этом не думать. Таким образом он – прямо или косвенно – способствовал исполнению приказов фюрера и участвовал в бойне.

Гитлеризм

Программа НСДАП, второпях состряпанная в начале 1920 года Гитлером и Антоном Дрекслером, с развитием движения быстро теряла актуальность, в особенности это касалось эксцентричных пунктов об экономике и финансах. Однако Гитлер не соглашался менять эту программу ни на йоту – кроме одного пункта о вожде партии, который в изначальной версии был подконтролен верховному комитету: коль скоро Гитлеру были предоставлены диктаторские права, его власть должна быть абсолютной.

«Гитлер уважал жесткие, неизменные формулы – здесь можно увидеть влияние его католического воспитания. Важен политический символ веры, “вокруг которого вращается мир”, – говорил он. И добавлял, что “какой бы идиотской” программа ни была, “люди поверят в нее, если мы будем ее убежденно отстаивать”. Действительно, Гитлер провозгласил старую партийную программу, несмотря на ее очевидные слабости, “неизменяемой”. Устарелые, архаичные черты преобразовали ее из объекта обсуждения в объект почитания. Более того, ее целью было не давать ответы на вопросы и не определять направление

движения – она просто должна была привлекать внимание. “Разъяснять – значит плодить разногласия”, – говорил Гитлер. Вера решает все. И так как он настаивал на единстве фюрера и идеологии, точно так же был утвержден принцип непогрешимого, неизменного фюрера. Один из его сторонников высказался лаконично: “Нашу программу можно выразить двумя словами: Адольф Гитлер”»[6].

Гитлер шел своим путем. «Говорить на одном дыхании о Гитлере и таких властителях, как Геббельс, Геринг, Риббентроп и Гиммлер, считать Гитлера *primus inter pares* (первым среди равных) – значит плодить заблуждения. Он – совершенно отдельный феномен, сила, движущаяся независимо от партийных вождей, которые попадают на свои позиции по его решению, которых он использует и которые ни в коем случае не могут действовать независимо от него»[7].

«Мы почти ничего о нем не знали, – признает Раушнинг. – Самые близкие его партийные товарищи не имели понятия о том, что он планирует, ни даже о том, что он намеревался заложить в основание»[8]. Мы уже видели, что и Шпеера, и Геббельса он оставлял в неведении не только по поводу общей картины, но и по поводу ключевых решений. «Никогда в жизни я не встречал человека, который так редко выказывал бы свои чувства, – говорит Шпеер, – если же это случалось, он немедленно вновь закрывался. Во времена Шпандау [в тюрьме после войны] я порой говорил с Гессом об этой странности Гитлера. Да, нам обоим порой казалось, что мы сблизились с ним. Но каждый раз нас ждало разочарование. Как только кто-то из нас пытался перейти на чуть более личный тон, Гитлер тут же возводил непреодолимую стену»[9].

Шпеер также утверждает, что Гитлер настраивался на присутствующих и вел себя в разных условиях по-разному. Комментируя «застольные беседы» в штаб-квартире в Растенбурге, Шпеер предупреждает: «Гитлер не был самим собой, когда он сидел за столом в “штаб-квартире фюрера”. Меня всегда поражало, как изысканно он высказывался в присутствии группы офицеров и других образованных людей, временами ударяясь в пафос. Это был иной Гитлер, не тот, которого я знал в узком кругу. Должно быть, среди гауляйтеров и партийных функционеров он также был другим, вновь сползая к жаргону периода борьбы и братства»[10].

Нацизм обычно считают формой фашизма, симптомы которого после Первой мировой войны можно было найти почти в любой развитой стране мира. Это справедливо лишь отчасти и главным образом касается второстепенных черт: величия нации,

интеграции всего народа в единое тело, строгого иерархического принципа, обезличивания граждан и угрожающих поз по отношению к соседям. Все виды фашизма имели своего «вождя» – фюрера, дуче, каудильо, нетаджи – это слово переводится на любой язык. Специфическим для нацизма, однако, является особый характер его вождя и тот факт, что все движение *идентифицируется* с ним до такой степени, что делает его несравнимым даже с итальянским фашизмом Муссолини. «Крайне неверно называть Гитлера фашистом, – пишет Себастьян Хаффнер в своих *Anmerkungen zu Hitler* (“Заметках о Гитлере”), – его национализм – это все что угодно, но не фашизм»[11].

«Национал-социализм в своей основе и с самого начала был “гитлеризмом”, а сам Гитлер – если смотреть с этой точки зрения – был первым убежденным “гитлеровцем”», – пишет Йохен Кирчхофф. Он повторяет вопрос Готфрида Бенна: «Гитлер ли создал это движение, или оно создало Гитлера?» Все осведомленные люди отвечают единогласно: «Без Гитлера национал-социализма нет и не было бы. Они идентичны»[12]. Если уж Гитлер был Германией – о чем Рудольф Гесс кричал в Нюрнберге перед выстроившимися батальонами, – то национал-социализмом он был наверняка. Потому-то Фест и может цитировать старых партийцев, утверждавших, что «Гитлер был самым радикальным нацистом из нас всех»; мало того – он был «единственным нацистом». Точно так же Ницше называл Христа единственным христианином. Именно этот аспект позволил Конраду Хайдену назвать в своей книге одну из глав «Гитлер против национал-социализма», в которой слово «национал-социализм» означало обычные воззрения на фашизм, тогда как Гитлер и гитлеризм были чем-то совершенно иным и куда более радикальным.

Имеется множество свидетельств о том, что «планы и военные цели Гитлера никогда не менялись», в частности, об этом говорит Шпеер. Фест пишет, что «Гитлер упрямо шел к целям, известным только ему», добавляя, что «структура мышления Гитлера была такова, что всякий новый феномен понимался им как еще одно подтверждение давно определившихся идей», что говорит о «последовательности в его мышлении»[13]. Гитлер начал свою жизнь в политике в возрасте тридцати лет, а в «Майн Кампф» он пишет: «Когда человек подходит к тридцатому году жизни, ему еще многому нужно учиться. Это очевидно. Но с тех пор все новое, что он узнает, в сущности служит лишь усилению его базовых идей; оно будет органически связано с ними, заполняя структуру фундаментального мировоззрения, которым он уже обладает»[14].

«Усиление» идей Гитлера легко проследить. Он начал в Мюнхене под руководством Эккарта с непоколебимой убежденности в том, что немцы – это раса господ, что вести их к реализации высочайших устремлений суждено именно ему и что евреи являются врагами на пути к осуществлению всего этого. Практические аспекты этой задачи большей частью совпадали с политическими устремлениями того времени. В тюрьме в Ландсберге, вероятно, под влиянием Розенберга, Гесса и Хаусхофера, рамки его целей раздвинулись. Теперь он стал посланным свыше вождем, который должен завоевать надежную и устойчивую жизненную опору для арийской расы в Европе, а затем подготовить свои арийские легионы для завоевания мира. Впоследствии, став рейхсканцлером, он использовал международную ситуацию, чтобы заложить основы арийской мировой империи и осуществить то, что до тех пор было немыслимым, – геноцид евреев.

Мы уже цитировали Германа Раушнинга, который говорил, что Гитлер не мог провозгласить свои великие, основные идеи в самом начале. На первых порах он должен был ограничиться «фашистской», то есть «националистической» и «социалистической» программой, которую тогдашние участники движения могли понять и принять. Гитлер и так уже слыл «провидцем и мечтателем» в среде реалистически мыслящих нацистов из-за своего демагогического стиля и вождистской ментальности. Что произошло бы, если бы он приоткрыл свои истинные глобальные задачи? Лишь его почти чудесные успехи в роли канцлера, как на внутреннем, так и на внешнем фронте, сумеют подогреть ожидания до такой точки, что германский мессия сможет открыто провозгласить любую цель, какой бы грандиозной она ни была, и дать приказ осуществить ее.

В чем же тогда различие между нацизмом и гитлеризмом?

Чистым гитлеризмом было создание внутри СА персональной охраны Гитлера, СС. В подходящий момент, когда СА обезглавят в «ночь длинных ножей», СС станет независимым формированием, подчиненным единственно фюреру. Черные рыцари должны были воплотить расовый идеал Гитлера. Они функционировали как религиозный орден – Орден мертвой головы. Все другие национал-социалистические организации их опасались; они же были автономны и вели себя как беспощадная полицейская сила, отвечающая лишь перед своим высшим начальником. СС разрослись практически до размеров государства в государстве и после успешного окончания войны имели бы среди арийцев высший статус благородных сверхлюдей.

Каким бы высокомерным ни было отношение нацистов к

противникам Германии, средний национал-социалист едва ли мог принять всерьез требование «жизненного пространства» на Востоке, выдвигаемое Гитлером. Причиной являлось то, что это пространство невозможно было приобрести: существующие европейские союзы и присутствие «архиврага» Франции на западной границе привели бы в этом случае к гибельной войне на два фронта. Тем не менее, немедленно после победного блицкрига на Западе Гитлер дал команду начать разработку плана операции «Барбаросса» (вторжения в Россию) и послал генерала Йодля к офицерам генерального штаба, чтобы те подготовили все необходимое. Как рассказывает Джон Толанд в своей широко известной биографии Гитлера, эти заслуженные офицеры буквально оцепенели. «Затем раздался хор протестов. Это была война на два фронта, которая привела к поражению Германии в Первой мировой. И почему такая внезапная перемена после заключения пакта [о ненападении] с Москвой?» Но Йодль оборвал дебаты. «Господа, – сказал он, – это не подлежит обсуждению, это решение фюрера»[15]. Гитлер царствовал полновластно и безраздельно.

Для его последователей национал-социализм был, прежде всего, революцией внутри страны, которая должна принести стабильность и порядок вместо хаоса, работу вместо безработицы и хлеб вместо голода и бедности. Безусловно, чувство национального превосходства всегда было частью немецкого характера, а месть за Версаль всегда была важным пунктом нацистской программы, но по сравнению с возрождением самой страны все это было вторично. Завоевание мира и окончательная битва с международным еврейством – это всего лишь сумасбродные идеи в голове Адольфа, которыми он заводит аудиторию, когда немного разойдется. «То, что именно эти сумасбродные идеи позволят Гитлеру посрамить всех скептиков и идти вперед по своему исключительному пути, тогда понимали лишь немногие»[16].

Нет сомнений, Гитлер имел в виду «окончательное решение» с самого начала своей карьеры, эта идея всегда была с ним, даже тогда, когда обстоятельства вынуждали его согласиться на время с мадагаскарским планом или с эмиграцией германских и австрийских евреев. С точки зрения Гитлера, избежать окончательного сведения счетов между ложным и истинным избранными народами было невозможно. Рост национал-социалистического движения, вновь обретенное благосостояние Германии, индустриализация, дисциплина и унификация немецкого народа никогда не имели другой цели, кроме войны, завоевания мира арийцами, а это, по Гитлеру, было возможно

лишь при условии уничтожения врага, «международного еврейства». «Никто не знал, в чем была внутренняя правда Гитлера», – пишет Иоахим Кёхлер, но апокалиптическая битва между арийцами и евреями явно была ее частью. «Он, очевидно, хранил какой-то секрет, в который верил с “гранитной” непоколебимостью… Гитлер никогда ни единым словом не выдал, что планирует величайшее аутодафе в истории»[17], – пишет Йохим Кирхгофф. И заключает: «То, что многие считали национал-социализмом, было лишь фасадом и маскарадом»[18]. Это была пища для презренных масс.

Мессия

Передают, что Гитлер в одном из своих монологов сказал: «*Ich bin auf Grund höherer Gewalt da*»[19]. «*Höherer Gewalt*» означает «деяние божье», и слова Гитлера можно перевести как: «Я нахожусь здесь по воле свыше, по воле Бога». Прямо или косвенно он будет провозглашать это различными способами на протяжении всей своей карьеры. Вместо «бога» он часто использовал слово *Vorsehung* – провидение (то есть Божья воля), например, когда говорил: «Когда подойдет к концу моя жизнь, должна быть окончена и работа, которую мне поручило провидение. Провидение или нечто подобное, не важно, как это назвать»[20]. Эрнст Ганфштенгль, одно время постоянный спутник Гитлера, не раз слышал это слово из его уст. Впоследствии он напишет: «Профессиональный “рыцарь Святого Грааля”, Гитлер был убежден, что все его действия без исключения служат общему благу. Его вера в свою судьбу ни на секунду не позволяла ему усомниться в том, что он призван провидением к определенной миссии. Вследствие этого все, что противоречило его точке зрения, было либо никудышным и презренным, либо работой сатанинского противника»[21].

Став канцлером Германии, Гитлер смог оглянуться назад и сказать следующее: «Несмотря на полностью неблагоприятное окружение, я избрал свой путь и следовал ему, неизвестный и безымянный, пока, в конце концов, не добился успеха. Меня часто объявляли мертвецом, постоянно желали моей смерти, и все же в итоге я стал победителем». Во время судьбоносного визита австрийского канцлера фон Шушнига в Оберзальцберг в феврале 1938 года, незадолго до аншлюса, Гитлер стращал его, как гангстерский главарь, крича: «У меня есть историческая миссия, и эту миссию я доведу до конца, так как она поручена мне провидением!.. Тот, кто не со мной, будет раздавлен… Я выбрал

труднейший из путей, которыми когда-либо шел немец; я добился величайшего успеха в истории Германии, я сделал больше, чем любой другой!»[22]

Во время речи в Вюрцбурге в 1937 году Гитлер провозгласил: «В конечном счете, отдельный человек слаб как сам по себе, так и во всем, что бы он ни делал, перед лицом всесильного провидения и его воли. Но когда он действует в гармонии с этим провидением, он становится невероятно могущественным! Тогда на него изливается сила, отличавшая всех великих людей мира. И когда я оглядываюсь на пять лет, лежащие у нас за спиной, я думаю, что могу сказать: “Это не просто дело рук человеческих!” Если бы нами не руководило провидение, я бы не всегда смог разобраться в хитросплетениях дорог, ведущих в будущее. Никто не может творить историю народа, историю мира, если его намерения и способности не благословило провидение»[23].

Его секретарша Траудл Юнге рассказывает, как в 1943 году она спросила Гитлера, почему тот не женился. Его первый мотив был обычным: потому что он не смог бы стать хорошим семьянином. Затем же, к ее полному замешательству, он сказал, что не хочет иметь детей, потому что «потомству гениев нелегко живется. От них ожидают такого же величия, как и от их знаменитых отцов, и не прощают им посредственности. Кроме того, большинство из них становятся кретинами». «Это было первое заявление, услышанное мною из уст Гитлера, которое я серьезно могла бы интерпретировать как манию величия, – вспоминает Юнге. – До того момента у меня порой складывалось впечатление, что Гитлеру свойственна мегаломания по отношению к своим идеям и проектам, но его личность в это никогда не включалась. Обычно он говорил: “Я инструмент судьбы и должен следовать пути, на который меня направило божественное провидение”»[24]. Должно быть, эта девушка еще не входила в узкий круг Гитлера, когда тот заявил в штаб-квартире в Растенбурге: «Мне будет комфортно в том историческом кругу, куда я попаду, если Олимп действительно существует. Там, где я окажусь, будут величайшие умы всех времен»[25].

«Гитлера никогда не интересовала простая тирания, – пишет Фест. – И одна лишь жажда власти не способна объяснить ни его личность, ни его энергию. Разумеется, власть, практически безграничное ее использование без необходимости давать кому-либо отчет, значила для него очень много. Но само по себе это никогда его не удовлетворяло. Нетерпеливость, с которой он завоевывал, расширял, использовал и, наконец, израсходовал эту власть, показывают, что он не был рожден простым тираном. Он должен был исполнить свою миссию: защитить Европу и

арийскую расу от смертельной угрозы, и с этой целью он стремился создать империю, которая переживет его самого…

Во вводной части своих речей он вновь и вновь обращался к мифу о “человеке из народа”, к тем дням, когда он был “неведомым фронтовиком в великой войне”, “человеком без имени, без денег, без влияния, без последователей”, – но который оказался призванным провидением. Он любил представляться как «одинокий странник ниоткуда». И ему нравилось, когда вокруг него были блестящие мундиры – это оттеняло простоту его собственного костюма. Его непритязательный и простой внешний вид, умеренность, а также отсутствие семьи и жизнь в тени могли великолепно сливаться в массовом уме с образом великого одинокого человека, несущего на себе бремя избранности судьбой, отмеченного мистическим самопожертвованием»[26].

В своем дневнике Геббельс сообщает, что Гитлер сказал ему с осознанием своей избранности: «Я не умру ни слишком рано, ни слишком поздно»[27]. Однако его все больше и больше беспокоило, хватит ли у него времени исполнить свою задачу. «В письме, датированном июлем 1928 года, он пишет, что сейчас ему тридцать девять, и, “в лучшем случае”, у него в распоряжении есть “только двадцать лет” для осуществления “его громадной задачи”. Его постоянно мучила мысль о безвременной смерти. “Время поджимает”, – говорил он в феврале 1934 года. И продолжал: “Мне уже недолго осталось жить… Я должен заложить основы, на которых смогут строить другие. Я не доживу, я не увижу результата”. Он также боялся покушения; какой-нибудь “идиот или преступник” мог убить его и помешать завершению миссии»[28].

«Мы знали о нем очень немного, – пишет Раушнинг. – Даже его самые близкие товарищи не представляли, что было у него на уме, чему он стремился заложить хотя бы основание. Ужасный, нервный страх не успеть достичь цели постоянно толкал его вперед»[29]. Вернер Мазер подтверждает это и показывает, как ипохондрия Гитлера, особенно заметная начиная с 1937 года, постепенно усиливалась. Возраст и проблемы со здоровьем, главным образом воображаемые, заботу о которых он поручил отталкивающему доктору Моррелю, несомненно играли ключевую роль в его решениях начинать войны немедленно, как только это становилось возможным.

Клаус Эккехард-Барш говорит прямо: «Образцом для Гитлера был Христос»[30]. Джон Толанд утверждает, что «национал-социализм был религией, а Гитлер – ее Христом»[31]. Это не просто образное сравнение. Гитлер играл роль спасителя «с предельной серьезностью», пишет Иоахим Фест. И он придавал особое

значение тому факту, что занялся общественной жизнью в возрасте тридцати лет, как и Христос. «Да, нас мало, – сказал он в первые годы своего движения. – Но однажды в Галилее один человек тоже бросил вызов, а сейчас его учение правит миром». «Гитлер строил из себя мессию, исполненного фанатичной веры в истинность своих идеалов, который следует предначертанному пути», – соглашается Майкл Риссман. Сам Гитлер однажды сказал, что на его могиле будет написано: «Этот человек никогда не сдавался, никогда не отчаивался и никогда не шел на компромиссы, он знал лишь цель и путь к ней, и у него была великая вера по имени Германия». Работу, которую «начал, но не смог закончить Христос, он, Гитлер, доведет до конца».

Когда были найдены остатки значительной по объему личной библиотеки Гитлера, исследователи к своему удивлению обнаружили там множество книг по оккультизму и религии. В заметке в *The Atlantic Monthly* Тимоти Райбек анализирует ту ее часть, что хранится сейчас в библиотеке Конгресса. Эти книги, пережившие грабежи и хаос войны в Европе, были найдены весной 1945 года в соляной копи около Берхтесгадена. Райбек пишет: «Мне открылся совершенно неожиданный Гитлер: человек с устойчивым интересом к духовности. Среди кучи нацистской макулатуры… я обнаружил более 130 книг на религиозные и духовные темы, от западного мистицизма до восточного оккультизма, включая учение Иисуса Христа… Там был и немецкий перевод бестселлера Стэнли Джонса “Христос на горе” (1931), и книга в пятьсот страниц о жизни и учении Иисуса под названием “Сын: Евангелические источники и высказывания Иисуса из Назарета как в их изначальной форме, так и с иудейскими искажениями”, изданная в 1935 году. Некоторые книги датируются началом двадцатых, периодом, когда Гитлер был безвестным демагогом на периферии политической жизни Мюнхена, другие – поздними годами, когда он уже стал властелином Европы»[32].

В некоторых книгах Гитлер делал «подчеркивания, пометки на полях, ставил вопросительные и восклицательные знаки», например, в работе Фихте, которую ему подарила знаменитый режиссер Лени Рифеншталь. «По мере того как я следовал этим карандашным пометкам, мне стало ясно, что Гитлер искал дорогу к божественному, и для него она сводилась лишь к одному. Фихте спрашивал: “Откуда Иисус взял силу, которая поддерживала его последователей все это время?” Гитлер жирно подчеркнул ответ: “Через свою абсолютную идентификацию с Богом”. В другом месте Гитлер выделил небольшой, но многозначительный абзац: “Бог и я одно. Это прямо выражено в двух идентичных

предложениях: его жизнь – это моя жизнь; моя жизнь – его. Моя работа – это его работа; его работа – моя работа”»[33].

«Пропаганда, делавшая из Гитлера спасителя, не просто предназначалась для вербовки последователей и не была результатом холодного расчета. Пропаганда, проводимая Геббельсом, Гессом, Штрайхером и Штрассером, выражала то, во что верил сам Гитлер. Гитлер действительно видел в Иисусе Христе своего предшественника», – пишет Петер Орцеховски. Он приводит слова Гитлера из речи, произнесенной на самом взлете нацизма: «И сегодня, мой германский народ, я требую от тебя: укрепи меня своей верой. Будь с этих пор источником моей силы и моей веры. Не забывай: от того, кто отрекается от себя в этом мире, Всевышний никогда не отречется!.. Я учил вас верить, дайте же мне теперь вашу веру!»[34]

«Новая система ценностей, основанная на жестокости и насилии», была, конечно, не тем, что принес в мир Христос, это было нечто прямо противоположное. Прежде всего Гитлера в Христе очаровывала не сущность его учения, не внутренний путь души, хотя и это могло показаться ему интересным. Главным образом его привлекали величие и слава Христа, за которым до сих пор идут миллионы, его ключевая роль как основателя нового мира, то, что он стал решающей поворотной точкой своего времени. Также его завораживало то, что Христос был напрямую вдохновлен Богом, это был сын Божий, посланный с тем, чтобы осуществить задачу, которую Гитлер, очевидно, считал соизмеримой со своей собственной.

«Провидение предопределило, что я стану величайшим освободителем человечества, – говорил Гитлер Раушнингу. – Я освобожу человека от насилия ума, который становится самоцелью, от грязных и унизительных мук химеры, называемой “совесть” и “мораль”, и от требований свободы и личной независимости, к которым, в любом случае, способны очень немногие… Христианскому учению о ничтожестве и незначительности индивидуальной души и о личной ответственности я с ледяной ясностью противопоставляю освобождающее учение о ничтожестве и незначительности индивида и его развития по сравнению с реальным бессмертием нации, частью которой он является. Вместо догмы, вместо показательного страдания и смерти божественного спасителя приходит показательная жизнь и деяния нового фюрера и законодателя, освобождающего массы верующих от бремени свободы выбора»[35].

Эти крайне важные цитаты раскрывают перед нами суть миссии Гитлера в его собственном понимании. Его послали в этот

мир и им руководили с тем, чтобы преобразовать совесть и мораль человечества в нечто противоположное христианской совести и морали. Человечество шаг за шагом пыталось стать более сознательным и более индивидуализированным, Гитлер же видел индивида чем-то подобным клетке тела или муравью в муравейнике. То, что он собирался сделать с человеком, показывает истинные масштабы зла, представителем которого был германский мессия. Разрушения и смерть, которые он принес в мир, были лишь началом.

Его слова, обращенные к Шпееру – они обсуждали гигантские здания будущей столицы, – нужно понимать совершенно буквально: «Говорю вам, Шпеер, эти здания важнее всего. Вы должны сделать все возможное, чтобы закончить их, пока я жив. Если мне удастся говорить в них, управлять из них, они будут освящены; лишь в этом случае они могут быть полезны моим преемникам»[36]. «Он часто говорил, что его могила будет оказывать на нацию политическое влияние, которое нельзя недооценивать», – сообщает Шпеер. И он же вспоминает в другом месте о гигантском зале, который должен был быть построен в Берлине, с венчающим его купол орлом, держащим в когтях земной шар: «Этот зал, по сути, был местом культа. Идея была в том, что столетия традиций и почитания придадут ему значение, не меньшее того, которое храм Св. Петра в Риме имеет для христиан»[37].

Когда осматриваешь карту гитлеровского сознания – что мы и делали до сих пор, – виден водораздел, словно раскалывающий его на две части. С одной стороны лежит все то, что относится к «мистическому» Гитлеру: это провидец, для которого мир является ареной апокалиптического столкновения избранных народов, провозгласивший, что время этой решающей битвы, время рождения нового мира и нового человека пришло, убежденный, что главным протагонистом этой драмы является он сам, избранный или посланный провидением. С помощью особых сил, которыми обладал Гитлер, он сумел передать это видение немецкой аудитории. Она, в свою очередь, была подготовлена к этому глубоко укоренившейся убежденностью в своем превосходстве над другими народами и ожиданиями вождя, который даст им, наконец, законное место под солнцем.

По другую сторону этого водораздела сознания Гитлера мы находим мысли банальные и бессвязные, словно принадлежащие другому существу, куда более низкого уровня. «Я ничего не знаю о том, что будет после смерти, и у меня хватает честности в этом признаться… Ум и душа, без сомнения, возвращаются в некий общий резервуар, так же как и тело. Таким образом, мы служим

питательным элементом, основанием, из которого появляется новая жизнь. Нечего ломать себе голову, как и почему это происходит. Нам никогда не понять сущности души… Где-то на мировой шкале нам указано место… В некотором смысле все это приводит к пониманию бессилия человеческого существа перед вечным законом природы – и искупление человека в том, что он пытается понять божественное провидение и не верит, что способен восстать против этого закона. И когда человек смиренно склоняется перед законами – это прекрасно… Всемогущая сила, сотворившая эти миры, дала каждому существу свою задачу. Все происходит так, как и должно происходить… Если бы я захотел поверить в божественную заповедь, этим могло бы быть лишь повеление сохранять расу…»[38]

Таков, по-видимому, краткий свод гитлеровской метафизики, во всяком случае в поздний период его жизни. В общем направлении виден агностицизм, что противоречит его вере в божественное руководство и провидение. Здесь стоит вспомнить замечание Шпеера о том, что Гитлер по-разному говорил с разной аудиторией. Фундаментальное отличие между этими двумя типами мышления состоит, видимо, в том, что в первом случае перед нами вдохновленный Гитлер-провидец, а во втором – обычное приземленное существо, заимствующие свои мысли где придется.

Шаткая структура мышления приземленного Гитлера покоилась на некоторых любопытных основаниях. Он верил в «теорию пустой земли», по которой Земля – это пузырь в бесконечной скале. Он верил и в «теорию мирового льда» Ганса Гёрбигера, которую отвергли даже высокопоставленные исследователи из *SS-Ahnenerbe*, но которую – поскольку ее придерживался Гитлер – им, по приказу Гиммлера, вновь пришлось принять. Он считал, что древние греки были германским племенем, а римские легионеры – вегетарианцами. Он верил, что Христос был арийцем и предтечей антисемитизма. Вымышленный мир Виннету и старины Шаттерхенда до самого конца влиял на принятие его решений. И он непоколебимо стоял за арийскую науку, в противовес космополитической еврейской. «Безусловно, существует нордическая и национал-социалистская наука, которая должна противостоять либеральной еврейской науке. Последняя уже не выполняет своих функций и находится в процессе исчезновения»[39].

Вера

Этот фантастический, паранормальный мир Гитлера, становившийся со временем все в большей и большей степени миром, в котором жила вся Германия, скреплялся *верой* и *силой воли*, которую эта вера производила. Гитлер прямо говорил, что «вера – это всё». Вера в особую роль арийцев и в величие Германии была необходима для тех, кто принадлежал к фолькистскому движению, да и для всей реакционной Германии в целом. Фюрер отождествлялся с Народом, и вера в Германию стала верой в Гитлера. «Гитлер не был обычным политиком со своей программой, который вынужден оправдывать перед народом свои действия. Он был освободителем, фигурой экзотерического культа, чьей целью было освободить мир от евреев… Строго говоря, немцам не нужно было ничего знать. Им нужно было лишь иметь веру»[40].

«Я учил вас вере: дайте же мне теперь свою веру!» – кричал Гитлер. И он же сказал по другому поводу: «Когда-нибудь в грядущих веках история, которую уже не будут беспокоить ни “за”, ни “против” нашего полного конфликтов времени, займется анализом периода подъема национал-социализма. Она неизбежно придет к следующему выводу: имела место удивительная победа веры над так называемой реальностью»[41]. Последняя встреча Шпеера с Гитлером в *Führerbunker* была очень эмоциональной. Гитлер только что узнал, что человек, бывший когда-то его «безответной любовью», сделал все возможное, чтобы остановить исполнение его «нероновского приказа» об уничтожении Германии. Он спросил: «Верите ли вы еще в успешное продолжение войны или ваша вера мертва?» «Вновь Гитлер ставил вопрос так, что ответ сводился к формальному подтверждению моей веры», – пишет Шпеер. «Если бы вы только могли верить, что не все потеряно! – произнес Гитлер, в то время как бункер сотрясался от разрывов непрекращающейся бомбардировки русских. – Вы ведь можете надеяться; этого мне было бы достаточно». И после нескольких часов внутренней борьбы Шпеер ответил: «Мой фюрер, я безусловно вас поддерживаю». Он, Шпеер, пишет, что глаза Гитлера наполнились слезами[42].

Лишь вера способна была свершить чудеса, ради которых фюрер, «сильный свыше», «существо света», был послан в этот мир. Его миссия давала ему право использовать народ как инструмент, пожертвовать им, если необходимо; точно так же она оправдывала «беспощадное» уничтожение любого, кто помешал бы осуществлению его целей или принял бы в этой решающей битве сторону противника.

Эти постулаты вновь и вновь подтверждались самим

Гитлером. Он с пеной у рта ругал военных, которые знают слова «дисциплина» и «повиновение», но им неведома «вера», ведь первые – понятия военные, а последнее – религиозное. В то время как генералы понимали свои операции в терминах планирования и эффективности, Гитлер видел их как упражнения в вере, которые пройдут безотказно, если вера абсолютна. Солдат не мог жить, отвечая этим идеалам фюрера, он мог лишь умереть. Под конец Гитлер, бушуя в своем бункере, кричал о том, что *все* предали его, так как их вера не была достаточно сильна. Тысячи и тысячи наскоро сделанных крестов, шлемы на прикладах винтовок в бескрайних русских степях, на лугах Шампани, в серых опустевших полях Германии возвышались над останками солдат, предавших его, их фюрера, слабостью своей веры.

Новый мир

Влияние Шпенглера и его «Заката Европы» было весьма велико, и нацисты сделали все возможное, чтобы перетянуть его на свою сторону. Это было не слишком логично, если принять во внимание пессимистические взгляды Шпенглера на будущее европейской цивилизации и человечества в целом, тогда как нацисты видели впереди новый золотой век арийской расы. Гитлер прекрасно отдавал себе отчет в этой нестыковке. После аудиенции, которую он дал Шпенглеру в Байрейте в качестве новоиспеченного канцлера, он, не колеблясь, заявил: «Я не поклонник Освальда Шпенглера! Я не верю в закат Запада. Напротив, я считаю, что провидение возложило на меня задачу предотвратить такой закат». Ведь он, Гитлер, был убежден, что «старая арийская культура возродится под руководством нордического человека». Более того, Шпенглер вышел из фавора в Байрейте, сделав нескольких критических замечаний о Рихарде Вагнере. Впоследствии за глаза его называли просто Закат[43].

Гитлер считал себя пророком «абсолютно нового *Weltanschauung*», что можно перевести как мировоззрение или идеология. Сравнивая это мировоззрение с тем, что преобладало в то время в Европе, он писал в «Майн Кампф»: «Философия жизни, вдохновленная адским духом нетерпимости [так он называл доктрины свободы, равенства и братства “еврейского” Просвещения!], может быть преодолена лишь доктриной, рожденной не менее пламенным духом [то есть его собственным], за которую будут биться с той же решимостью, доктриной, несущей идею новую, чистую и абсолютно истинную… Политические партии готовы к компромиссам, но идеология

никогда этого не делает. Политическая партия склонна изменять свою программу с тем, чтобы лучше выглядеть на фоне других партий, идеология же провозглашает свою непогрешимость… В то время как программа обычной политической партии – это всего лишь рецепт того, как состряпать удовлетворительные результаты из будущих выборов, идеология – это объявление войны старому порядку вещей, существующим условиям, короче говоря, всей господствующей идеологии»[44].

Задачей же политически организованной идеологии (в отличие от обычной политической партии) будет «передать идею, которая зародилась в голове одного индивида [по имени Адольф Гитлер], множеству людей и бдительно следить за тем, как она будет применяться… Величие всякой сильной организации, воплощающей творческую идею, лежит в духе религиозной преданности и нетерпимости, с которой она относится ко всем другим, потому что у нее есть пламенная вера в свою правоту… Будущее движения полностью зависит от этой преданности, даже фанатизма, с которым его члены сражаются за свое дело. Они должны верить, что только их дело является правым, и должны привести его к конечному успеху в борьбе со всеми сходными организациями, существующими в том же поле деятельности»[45]. «Идеология нетерпима и не может удовлетвориться позицией “одной партии среди многих”; она безапелляционно добивается своего полного и исключительного признания, она стремится к полной перестройке всей жизни общества в соответствии со своим видением вещей. Она не может примириться с тем, что какие-то институты прежнего порядка продолжают существовать»[46].

Здесь позиция национал-социализма изложена черным по белому; Гитлер никогда не колебался в проведении этой линии. Он упрямо отказывался от компромиссов с любой другой организацией, какой бы правой или фолькистской она ни была. Эту позицию, когда НСДАП еще была малочисленна, ему порой приходилось отстаивать в борьбе со своими ближайшими последователями. Гитлер был пророком новой идеологии, основанной на вере, и с его точки зрения это означало необходимость свержения всех существующих вер и идеологий и создание нового мира. Рядовые национал-социалисты видели лишь внешнюю оболочку этого мессианского мировоззрения, в редких исключениях кому-то удавалось проникнуть чуть глубже, но никто не знал самой его сердцевины, ибо Гитлер надежно скрывал ее в себе.

Изложенное выше со всей очевидностью показывает, что мировоззрение Гитлера, какой бы ни была его скрытая сущность,

полностью противостояло как христианству, так и Просвещению. В мире, который он хотел создать, слова «любовь», «душа», «индивидуализация», «равенство», «свобода», «социализм», «интернационализм», «либерализм» продолжали существовать и часто использоваться, но использоваться риторически и всегда с иным, специфическим значением. Гитлер хотел создать некое подобие спартанского тоталитаризма (вроде того, что создал Сталин) с полностью интегрированными в тело Народа улыбающимися, здоровыми, фанатичными и бездушными роботами вместо людей, презирающими чувство собственного достоинства как душевную проказу.

Мы помним, что Гитлер писал в «Майн Кампф», что величие арийца состояло в «желании всеми своими силами служить обществу». В этом арийце инстинкт самосохранения достиг своей благороднейшей формы, «так как он добровольно подчиняет свое “я” жизни общества и, если требуется, даже жертвует им». С самого начала Гитлеру было ясно, что жизнь немецкого народа должна быть строжайше регламентирована и унифицирована. «Я знаю, что должен быть строгим преподавателем», – говорил Гитлер Раушнингу. «Первым делом я должен создать народ», – говорил он. Народ должен был стать мечом Гитлера. «Мы должны быть жестоки (*grausam*), – сказал он. – Мы должны вновь [как в первобытные времена?] научиться быть жестокими с чистой совестью. Только так мы сможем вытравить из нашего народа мягкосердечие и сентиментальное филистерство, этот “уют” и бюргерское ничтожество. У нас нет времени на добрые чувства. Чтобы наш народ исполнил свою историческую миссию, мы должны заставить его быть великим»[47].

«Одновременно с производством танков, пушек и самолетов, сознание народа также милитаризировалось. Вести войну за жизненное пространство можно было лишь с помощью убежденных национал-социалистов… Немцев перевоспитывали. Диктат фюрера не оставался за входной дверью. Его щупальца касались каждого члена семьи и проникали в самые затаенные мысли человека. По словам Гитлера, не должно было остаться “пустого пространства, где индивид был бы предоставлен самому себе”. Этот процесс полного пропитывания проходил почти незаметно. Его главным инструментом была [вездесущая] партия» (Гвидо Кнопп[48]). Ведь Гитлер писал в «Майн Кампф», что государство является «средством для определенной цели» и что цель эта состоит «в сохранении и развитии общества физически и психологически однородных созданий»[49].

«*Революционная концепция мира и человеческого существования* добьется решающего успеха лишь при условии,

что это новое мировоззрение будет преподано или, при необходимости, навязано всему народу. Другим условием является то, что контролирующая организация, само движение, должно находиться в руках как можно меньшего количества людей, абсолютно необходимых для функционирования нервных центров создаваемого государства»[50]. Генри Пикер, который тайно (по совету Бормана) записывал застольные разговоры Гитлера, сообщает: «НСДАП де-факто полностью контролировала каждого гражданина… Гитлер подстриг всю нацию под одну гребенку и почти добился этим создания нового человеческого типа, ставящего волю выше интеллекта, а суровость и веру – выше естественных чувств». Ежедневное существование нации было «подчинено прусской военной дисциплине, “народное общество” было преобразовано во “всегда готовое к битве военизированное общество”, где каждый мужчина с ранних лет и до старости носил оружие»[51]. «Чтобы обеспечить свою сохранность, расе необходимо жертвовать жизнью индивида», – писал Гитлер. Позже он добавил, не так деликатно: «Жизнь индивида не нужно переоценивать. Муха откладывает миллион яиц, и все они погибают. Однако мухи выживают»[52]. Бурлейгх называет это «бесчувственной формой нового варварства». Быть может, это сказано слишком мягко.

Вскоре после прихода Гитлера к власти немцы оказались в герметически закрытой стране. Это было нужно для того, чтобы гитлеровское «строгое обучение» достигло своих целей, другими словами, чтобы пропаганда, методично нацеленная на перестройку содержания немецких мозгов, без всяких помех добралась до каждого индивида в любом уголке рейха. О пропаганде в «Майн Кампф» Гитлер написал целую главу, замаскировав ее названием «О военной пропаганде». Он пишет: «Я быстро понял, что правильное владение пропагандой – очень большой плюс и что это искусство нашим буржуазным партиям практически неизвестно». Зловещие слова, если учесть, что как раз тогда радио стало входить в каждый дом. «В большой лжи всегда есть некая сила, заставляющая в нее поверить»[53], – писал он, тем самым сообщая неприкрытую правду о природе своей лжи и выдавая всю свою игру. Но он мог бы этого и не говорить. Вся история гитлеризма и его последствий является наглядной исторической демонстрацией, показывающей, с какой неотвратимостью искусство бесстыдной лжи способно объединить всю нацию вокруг фюрера.

Безусловно, не Гитлер придумал все это. Кое-что из этих знаний о человеке и его психологии почерпнуто из древней мудрости, что-то является простым здравым смыслом, что-то

заимствовано из современных ему французских авторов. Однако Гитлер, получив ясное представление о психологических механизмах и их эффективности, с их помощью начал переделывать повседневную реальность в Германии, превратив ее в остров иррациональности в полуразумном мире. «Пропаганда требует самых лучших мозгов, какие только можно сыскать», – писал он. Когда в его поле зрения появился Йозеф Геббельс, Гитлер каким-то образом сразу почуял его способности, несмотря на то, что маленький доктор в то время считал себя социалистом и хотел изгнать реакционера Гитлера из партии.

Геббельс был назначен самодержавным владыкой культуры Третьего рейха. Он работал под внимательным присмотром Гитлера и достиг высот в относительно новых пропагандистских методах. Его не смущали сомнения морального порядка, его основная идея была проста: «Хорошая пропаганда – это та, которая производит желаемый результат. Всякая другая пропаганда является плохой»[54]. Согласно Уильяму Ширеру, наблюдавшему Третий рейх вблизи, «Геббельс полностью изолировал мир, в котором жили немцы»[55]. А Роберт Геллатели пишет: «Гитлеровская Германия стала современным обществом массового потребления, с миллионами читателей газет и регулярных потребителей новостей в кинотеатрах. Невероятно популярным было радио. Когда радио исправило свою первоначальную ошибку и перестало уделять слишком много времени откровенной политике, перед его притягательностью не смог устоять практически никто. Радио слушали и дома, и в общественных местах, например в ресторанах, и даже на работе. Немецкие центры радиовещания поняли, что весь секрет состоит в правильной пропорции развлечений, новостей и тематических передач, например речей Гитлера»[56].

«На ниве пропаганды наши товарищи – признанные мастера», – писал Геббельс[57]. С самого начала источником вдохновения всего этого был не кто иной, как Гитлер. Он давно понял важность пропаганды; он организовал первые публичные шествия и церемонии, которым будут подражать и которые будут улучшать в последующие годы; он выбрал символы, лозунги и униформу; он построил вездесущую партийную пирамиду; он разбудил спящие пропагандистские таланты доктора Геббельса. Прозорливая работа по оформлению национал-социалистического движения была одним из его крупнейших достижений. «В конце 1926 года партия основала школу ораторов, чтобы дать своим последователям необходимую информацию и технические приемы, необходимые для эффективных публичных выступлений. К концу 1932 года эта школа, согласно ее учетным

листам, подготовила около 6000 ораторов»[58], вечер за вечером несущих весть о национал-социализме в самые удаленные и незаметные уголки страны. Это тоже была инициатива Гитлера.

«Национал-социализм – это религия»

Будущий король пропаганды Геббельс записал в своем дневнике в 1928 году: «Национал социализм – это религия. Пока недостает лишь религиозного вдохновения, разбивающего вдребезги старые, уходящие формы и создающего новые. Нам не хватает ритуала. Придет время, когда национал-социализм станет государственной религией всех немцев. Моя партия – это моя церковь, и я верю, что наилучшим образом служу своему господу, когда следую его воле и освобождаю угнетенный народ из цепей рабства»[59]. Молодое поколение историков уже без каких-либо проблем признает национал-социализм эрзац-, псевдо– или полурелигией, а то и просто религией без всяких приставок и оговорок. Он, безусловно, и был религией для тех, кто услышал призыв мессии-фюрера. «Я называю мировоззрение Гитлера и, следовательно, национал-социализм религией»[60], – утверждает Орцеховски; Берш пишет, что национал-социализм был «не идеологией той или иной разновидности, но по сути религией»[61], а Клаус Вондунг видит решающим фактором национал-социализма то, что он был «независимой религией»[62].

У нацистов был свой годичный цикл святых обрядов. На каждый случай был выработан особый четко расписанный ритуал, с лесами флагов и знамен, с музыкой, создающей определенную атмосферу, с факелами и кострами. Все это происходило в наиболее подходящее для данного случая время дня или ночи. Великим людям воздавали славу, вспоминали павших, а живых посвящали в тайные мистерии отечества и святой крови, текущей в их жилах. Были и церемонии приема в партийные организации, в армию и в СС – всегда включавшие клятву верности Адольфу Гитлеру лично. Его символически представляло священное Кровавое знамя, мистическим образом содержащее и способное передавать присутствие и силу фюрера.

Главным праздником года был партийный съезд, который проводился в Нюрнберге в сентябре. Он продолжался неделю, и в нем участвовали делегации со всех концов Германии. В 1938 году Гитлер провозгласил: «К настоящему времени несколько [ритуальных] действ достигли своей окончательной формы». «До этой поры, – пишет Шпеер, – я считал фразу *Das Tausendjährige Reich* [Тысячелетний Рейх] чисто теоретической, всего лишь

заявкой на создание чего-то, что просуществует дольше, чем средняя продолжительность жизни. Но когда я увидел, что Гитлер таким образом канонизирует ритуал, я понял, что эту фразу надо понимать буквально. Я долго думал, что все эти построения, марши и посвящения являются лишь частью ловкого пропагандистского театра. И только тогда я понял, что для Гитлера они были подобны священным обрядам основания церкви… Теперь я думаю, что он, всего вероятнее, добровольно отказывался от меньшего статуса народного героя с тем, чтобы приобрести гораздо больший статус основателя религии»[63].

Для многих немцев, в особенности для протестантов, религия Гитлера сосуществовала с верой в Христа. Некоторым другим Гитлер Христа заменил. В его честь воздвигались домашние алтари, которые ежедневно украшали живыми цветами и перед которыми молились. «Моему дорогому, фантастическому, почти невероятному фюреру», – писали в письмах женщины, «безгранично отдавшиеся ему» в «безумии невообразимого счастья». К письмам прилагались фотографии «и вся полнота моей жизни». Рук, к которым прикоснулся Гитлер, не мыли неделями, камешек, на который он наступил, становился реликвией, а женщина, которой он улыбнулся, считалась в своей деревне святой. «Когда вы освобождали Судетские земли, я вязала для вас эти носки. И теперь мы оба достигли цели, я – маленькой, а вы – большой», – писала Гитлеру учительница. «Не он говорит, что-то иное говорит через него… Его главнейшая характеристика – абсолютная мужественность… Он полон безграничного добросердечия, бескрайней веры, полнейшей личной скромности, но также беспредельной гордости своим народом, тем, что достигнуто и чего еще суждено достичь…»[64]

Истинные цели Гитлера, несмотря на то, что он, не скрываясь, выражал их, были настолько фантастичны, что воспринимались только метафорически – во всяком случае, первым поколением нацистов. Что же касается второго – тех, кто прошел Гитлерюгенд, людей из СС, младших офицеров под конец войны – они уже были достаточно фанатизированы, чтобы воспринимать его слова буквально. Все цели Гитлера сводились к ведению войн, необходимых для закладки фундамента арийской мировой империи. Немцы тогда не понимали, что от них требуется лишь способствовать всему этому в качестве необходимого пушечного мяса. Однако Гитлер заблаговременно предупредил их: «Битву за новое мировоззрение могут вести лишь люди героического духа, готовые пожертвовать всем, иначе уже в самом начале будет невозможно найти истинных боевых последователей, готовых положить жизнь за свое дело… И чтобы упрочить основы,

необходимые для успеха, всем, кого это касается, нужно объяснить, что *это новое движение заслужит честь и славу у потомков, но сегодня ему нечем вознаградить тех, кто следует за ним*»[65].

«Гитлер не оставил своим людям никаких сомнений в том, что нужно ждать войны», – свидетельствует Раушнинг. «Мы должны быть готовы к тяжелейшей войне, которую когда-либо вел какой-либо народ, – говорил Гитлер. – Только это испытание воли подготовит нас к господству, к которому мы призваны. Моим долгом будет вести эту войну, невзирая на потери. Жертвы будут ужасающими»[66]. Он был готов «оправдать принесение в жертву всего поколения немецкой молодежи». При необходимости, пусть погибнет больше, чем в Первой мировой, так как у него «есть право посылать молодежь на смерть». Когда придет день и он прикажет начать войну, «мысль о десяти миллионах молодых мужчин, которых он пошлет на смерть», его не остановит[67].

Мы уже проанализировали основные темы «Майн Кампф», и презрение Гитлера к немецкому народу нам не в новинку. (Геббельс презирал «этих каналий» не меньше.) Во время битвы за Сталинград Гитлер сказал: «Здесь я тоже холоден как лед: если немецкий народ не готов сражаться за самосохранение – прекрасно, значит он должен исчезнуть»[68]. С приближением конца это отношение Гитлера становится все более явным. «Если немецкий народ уже не так силен, не готов пролить кровь за свое собственное существование, он заслуживает исчезновения, уничтожения другой, более сильной стороной… Тогда за немецкий народ я не пролью ни слезинки»[69]. А Альберту Шпееру он сказал: «Если в этой борьбе германская нация потерпит поражение, значит, она оказалась слишком слаба. Это означает, что она не выдержала исторического испытания и обречена на гибель»[70].

Он становился все более циничным. В связи с бомбардировками он сказал Шпееру: «Чем меньше народу терять – тем лучше он будет сражаться». «Если немецкий народ не способен меня ценить, я буду вести эту войну один!» – кричал он в безопасности своего бункера, выводя мановением руки воображаемые армии на мнимые позиции. В итоге, когда фронты союзников неудержимо сходились к центру Германии, он отдал приказ о проведении политики выжженной земли. «Ни один немец не должен оставаться на территории, занятой врагом», – писал Шпеер. Все население территорий, находящихся под угрозой, должно быть насильственно эвакуировано, а всё, что останется, – уничтожено. Когда Гитлеру попытались указать на нехватку транспорта для сотен тысяч людей посреди зимы, он

рявкнул: «Пусть идут пешком!» И добавил, обратившись к Кейтелю: «Мы уже не можем позволить себе заботиться о населении»[71].

«Если эта война будет проиграна, – сказал он Шпееру, – народ тоже погибнет. Нет необходимости заботиться о вещах, которые потребуются для выживания немецкого народа. Напротив, нам лучше уничтожить и это. Нация показала свою слабость, и будущее всецело принадлежит сильнейшей нации с востока [он имел в виду СССР]. В любом случае, после битвы останутся лишь отбросы, ведь все лучшие уже убиты»[72]. Не мессия предал свой избранный народ, это народ подвел и предал его, все до единого.

Новый человек

Гитлер был убежден, что человечество способно трансформироваться в высший вид. «Человек претерпевает огромные изменения. В ходе тысячелетий воистину совершался процесс трансформации», – передает Раушнинг слова Гитлера и добавляет: «Гитлер был не просто политиком, но чем-то гораздо большим. Он был пророком нового человечества».

Более того, благодаря Раушнингу до нас дошло и следующее любопытное высказывание Гитлера: «Творение еще не закончено, во всяком случае в том, что касается человека. С биологической точки зрения, человечество находится на распутье. Уже можно различить черты нового типа человеческих существ… По этой причине старый человеческий вид, известный нам, неумолимо деградирует… Вся сила творения будет сконцентрирована на новом виде человека. Оба вида быстро отделятся друг от друга и будут развиваться в противоположных направлениях. Один опустится на уровень ниже человеческого, второй возвысится над современным человечеством. Второго можно назвать “человеко-богом”, а первого – “животным массы”… Да, человек – это то, что должно быть преодолено. Ницше уже знал кое-что об этом… Проще говоря, человек становится Богом – смысл именно в этом. Человек становится богом…» И именно здесь он произнес слова, которые так часто цитируют: «Те, кто считают национал-социализм политическим движением, ничего в нем не понимают. Это больше чем религия: это воля к созданию нового человечества»[73].

Мы помним, что в конце девятнадцатого – начале двадцатого веков идея «нового человека» выдвигалась мыслителями самых разных направлений. Это было вызвано не только

неудовлетворенностью современным состоянием человека и тоской по прошлому; человеческое существо теперь тоже стали считать переходным, которого несут вперед волны общих перемен. Человек преобразует себя или будет преобразован природой или провидением в высшее существо. У марксизма была теория экономического процесса, который приведет к созданию этого нового существа. Из сверхчеловека Ницше давно уже сделали клише. У Фрейда был идеал существа, сознающего свои скрытые глубины, социально адаптированного и преобразованного. Юнг предложил техники для отождествления с архетипическим божеством внутри, а Лист и Май предвидели, что вновь появится *Edelmensch* («человек благородный»). Георге проповедовал развитие более тонких человеческих способностей, что приведет к созданию некоего сплава сверхпоэта и греческого бога. Поэтому неудивительно, что мы встречаемся с «новым человеком» даже в дневнике Геббельса. «Хайль и Зиг новому человеку!.. Мы должны спуститься в глубочайшие бездны, чтобы создать нового человека… Я ищу новое Царство и нового человека…»[74]

Эрнсту Юнгеру тоже виделся новый человек – в одной из своих книг о Первой мировой он писал: «Дух битвы, более жестокой, безжалостной и дикой, чем все битвы прошлого, с использованием современных материалов, в траншеях, произвел человека, какого еще не видел мир… Это новые завоеватели, стальные натуры, приспособленные к битве в самых отвратительных ее формах… Когда я смотрю на них, во мне рождается озарение: это новый человек»[75]. Юнгера уважали, и его книги были очень популярны. В особенности были знамениты его военные мемуары *In Stahlgewittern* («В стальной буре»). Эта книга стала библией Добровольческого корпуса, ее читали и те, кого самого потрепало в этих бурях, и те, кто сожалел, что был слишком молод для этого.

Когда Гитлер восклицает, что новый человек существует, он описывает его, пользуясь характеристиками, употребляемыми Юнгером для *Frontschweine* (буквально: «фронтовых свиней» – так немцы в просторечии называли окопных солдат, фронтовиков). «Новый человек живет среди нас. Он здесь! – триумфально прокричал Гитлер. – Теперь вы довольны? Скажу вам по секрету: я видел нового человека, бесстрашного и ужасающего. Я перепугался!» Остается загадкой, кем этот сверхчеловек, «живущий среди нас», мог бы быть. Всего вероятнее, это был сам Гитлер, отраженный в зеркале, ибо «среди нас» не было места ни для кого, кто посмел бы превзойти фюрера. Джон Толанд пишет: «Со временем он стал смотреть на себя как на избранника судьбы,

человека, превосходящего всех других людей, чей гений и сила воли способны победить врага. Загипнотизированный своими политическими и военными победами, он сказал одному нацистскому бонзе, что он – первый и единственный человек, поднявшийся до “сверхчеловеческого состояния”. Его природа была “скорее божественной, чем человеческой”, и потому, будучи первым представителем новой сверхчеловеческой расы, он “не связан никакими условностями человеческой морали” и “стоит выше закона”»[76].

Свобода от всех моральных ограничений была неотъемлемой частью евангелия Гитлера, которое он принес арийцам. «Мы освободимся от всех научных и гуманитарных предрассудков. Поэтому в школах для юнкеров, которые я организую и где будут воспитываться все будущие члены нашей расы господ, я буду распространять евангелие свободного человека – человека, ставшего господином над жизнью и смертью, над страхом и предрассудками, который научился владеть своим телом, мускулами и нервами… и который, между тем, стоит над искушениями ума и так называемой независимой науки»[77].

Новый человек Гитлера должен жить в гармонии и согласии со своими инстинктами; он будет естественным, «непосредственным» существом. «Нужно опасаться своего ума и совести и доверять инстинктам. Мы должны вновь обрести наивность… Провидение предназначило мне стать величайшим освободителем человечества»[78]. Мы уже видели, от чего он хотел освободить его: от господства ума, от мук его собственной совести и морального чувства, от необходимости индивидуальной свободы и личной независимости. Все указывает на то, что сверхчеловек Гитлера был полностью запрограммированным варваром, интегрированным в варварский Народ, считающий себя господином и хозяином всех других народов.

«Мой великий эксперимент в образовании я начну с молодежи, – говорил Гитлер. – Мы, старики, уже истрепались. Да, мы стары. Мы заражены до самой сердцевины. В нас больше нет безошибочных инстинктов. Мы трусливы, мы сентиментальны. В своей крови мы несем груз прошлого, полного унижений, глухую память рабства и пресмыкательства. Но моя славная молодежь – разве найдутся во всем мире юноши красивее этих? Только посмотри на этих молодых мужчин и мальчишек! Что за материал! С ними я смогу построить новый мир!»[79]

«Мои педагогические принципы суровы, – продолжал Гитлер. – Слабые составляющие должны быть выбиты молотом. В моих *Ordensburgen* вырастет молодежь, от которой содрогнется мир. Мне нужны неистовые, властные, бесстрашные,

безжалостные юноши… Они должны уметь переносить боль. У них не должно быть ничего слабого или мягкого. В сверкании их глаз вновь видны свободные, великолепные хищники. Мне нужна сильная и красивая молодежь. Для этого я использую все виды физических упражнений. Молодежь должна быть атлетичной – это первое и главное. Этим путем мне удастся свести на нет эффект тысячелетнего приручения человека, и я получу чистый, благородный природный материал. Так я смогу создать нечто новое.

Интеллектуального образования быть не должно. Знанием я испорчу молодежь. Я бы предпочел, чтобы они учили лишь то, что само собой узнается в игре. Но они должны выучиться господству над собой. Чтобы преодолеть страх смерти, они должны будут пройти через самые суровые испытания. Это стадия героической молодежи. Из этого разовьется стадия свободного, творческого человека, который стоит в центре мира и задает ему правила, человека-бога. В моих *Ordensburgen* будет культовый пример гармоничного, владеющего собой богочеловека, и он подготовит молодежь к новой стадии – мужской зрелости». «Но здесь Гитлер остановился, – пишет Раушнинг, – так как не мог объяснять это подробно. Там были и дальнейшие стадии, о которых ему – даже ему – не позволено было говорить. Более того, он полагал, что передаст это – свою тайну, когда его уже не будет в живых. Что-то крайне важное должно было случиться тогда, некое потрясающее откровение. Чтобы завершить свою миссию, ему нужно было умереть жертвенной смертью»[80].

«Гитлер стремился достичь, – пишет Христиан Центнер, – внутреннего единства нации, сплавленной в марширующую колонну, организованную железной рукой, готовую к самопожертвованию, способную исполнить любой приказ национал-социалистического руководства»[81]. «Гитлеровское воспитание молодежи было всеохватным», – говорит Генри Пикер, комментируя одну из застольных бесед Гитлера. Затем он приводит его слова, которые достойны занять место в любой антологии тоталитаризма: «Эти мальчики вступают в организацию в возрасте десяти лет и впервые получают глоток свежего воздуха. Затем, четыре года спустя, они переходят из Юнгфольк[23] в Гитлерюгенд и остаются там еще четыре года. И тогда мы еще меньше хотим, чтобы они опять попали в руки тех, кто создает барьеры класса и статуса, – лучше мы отдадим их в СА или в СС… и так далее. И если они, оставаясь там в течение восемнадцати месяцев или двух лет, так и не станут настоящими национал-социалистами, тогда они отправляются в Трудовую службу и шлифуются там еще шесть или семь месяцев с лопатой в

руках. И если после этих шести или семи месяцев еще останутся какие-то пережитки классового сознания или гордости своим статусом, тогда о них на протяжении следующих двух лет позаботится Вермахт. Через два или через четыре года они вернутся. Чтобы предотвратить их сползание к старым привычкам, мы немедленно берем их в СА, СС и так далее. И всю оставшуюся жизнь им не видать свободы»[82].

«Гитлер был готов списать старое поколение со счетов. В ноябре 1933 года он заметил: “Если противник говорит: “Я не перейду на твою сторону”, я спокойно отвечаю: “Твой ребенок уже наш… Ты уйдешь, но твои потомки уже стоят в новом лагере. Через некоторое время для них уже не будет существовать ничего, кроме этого нового общества””… Плюралистическую молодежную культуру заменили монолитные Гитлерюгенд и Лига немецких девушек для тех, кому от четырнадцати до восемнадцати, и Германские мальчики и Лига девочек для десяти-четырнадцатилетних»[83]. К концу 1938 года Гитлерюгенд насчитывал более семи с половиной миллионов членов; в марте следующего года он стал единственной разрешенной молодежной организацией в рейхе.

Отслуживший в Гитлерюгенде был, по сути, полностью подготовленным солдатом. «Стрельбе и строевой подготовке обучался каждый. Более специальная подготовка проходила в специальных подразделениях Гитлерюгенда. В 1938 году морской Гитлерюгенд насчитывал 50 тысяч человек, моторизованный – 90 тысяч, части воздушных сил – 74 тысячи, клубы авиамоделизма – 73 тысячи, части связи Гитлерюгенда – 29 тысяч человек»[84]. Их кумирами были пилоты-истребители Галланд, Молдерс и Марсель, а также «Лис пустыни» Эрвин Роммель, самый знаменитый военный этого режима. Из этого полностью нацифицированного и фанатизированного «молодого поколения» – «я вижу блеск в их глазах, когда они говорят о фюрере» – получились потрясающие солдаты; например, в танковом дивизионе *Hitler Jugend*; как писал Геббельс в дневнике, они совершили «чудеса героизма» в Нормандии и у Бастони. Именно такие полумальчишки, многие из которых выглядели просто детьми, защищали последние укрепления перед мостом в Гавеле, в предместьях Берлина; этот эпизод пересказан в фильме Бернарда Вики *Die letzte Brücke* («Последний мост»). Именно такое маленькое подразделение выстроилось перед сгорбившимся и хромающим Гитлером, который в последний раз вышел из бункера, чтобы вручить им награды за храбрость. К тому времени от разбомбленной мечты Гитлера об *Ordensburgen* останутся лишь дымящиеся руины.

«Я хочу раскрыть вам один секрет, – сказал Гитлер Герману Раушнингу где-то в 1933 году, – я создаю орден»[85]. Идея «кружка посвященных» для людей, близких к Гитлеру, была не нова, вспоминает Раушнинг. Розенберг уже конфиденциально сообщил ему об этом в Мариенбурге, бывшей главной резиденции Тевтонского ордена. В действительности, в этой идее нет ничего странного. Всякий раз, когда в истории появляется действительно новое и убедительное мировоззрение, происходит почти автоматический процесс разделения между его внешней формой, приспособленной для масс, и его эзотерической, внутренней сущностью, предназначенной для немногих избранных.

В главных чертах это соответствовало взглядам Гитлера на свое движение. Имелась основная масса членов, для которых программа партии должна оставаться вечной и неизменной, как церковная догма. Ими будет двигать бездумная вера в партию и в фюрера. Помимо этого, были старые соратники, *die alten Kämpfer*, вставшие на сторону Гитлера в годы борьбы, ставшие второстепенными фюрерами в партийной пирамиде, «маленькими гитлерами», как их порой называли. «Гитлер знал, что этим людям не подняться до высших идей. Это заскорузлые политики, затвердевшие в изматывающей каждодневной борьбе. Их мысль никогда не выходила за пределы однажды усвоенных принципов национал-социализма». Гитлер хорошо знал их сильные и слабые стороны и наградил их за верность, удовлетворив их амбиции и алчность.

Лишь когда это поколение сойдет со сцены, сможет оформиться «мирская нация священников», первая волна «новой религии человечества, религии создания нового человеческого вида». Гитлер понимал, что это станет возможным лишь после решительной войны за завоевание мира, «которая неизбежно случится». Национал-социализм или, скорее, гитлеризм был еще во младенчестве. «Он вновь и вновь упоминал об этих пунктах в разговоре. И за кажущимся смирением чувствовалось жгучее нетерпение достичь, наконец, состояния, которое он считал для себя естественным: творческого государственного деятеля и законодателя, образцового художника и градостроителя, пророка и основателя новой религии»[86].

«Партия – это неверная концепция. Я бы предпочел говорить – орден»[87], – произнес Гитлер. Он имел в виду нечто сходное с масонской организацией, структурированное по типу средневековых гильдий. «[Масоны] создали что-то вроде аристократии с функциями духовенства. Они отделили себя от

других, следуя особым традициям. Они создали тайное учение, которое было не просто словесным кредо, но постепенным развитием высших озарений с помощью символов и тайных ритуалов». «Опасность и величие» масонства лежали в его иерархической организации и учении, опирающемся на символы и ритуалы, обращающемся напрямую к воображению, «без вмешательства интеллекта». Именно это восхищало Гитлера, это он и пытался воспроизвести. «Разве вы не видите, что наша партия должна быть чем-то подобным: орденом, иерархической организацией мирского духовенства? – спросил он Раушнинга. – Но это, само собой, означает, что у других ничего похожего быть не должно. Здесь либо мы, либо масоны, либо церковь, но не две организации одновременно. Одно исключает существование других, что ясно поняла католическая церковь, во всяком случае, в том, что касается масонов, [отлучая их от церкви]. Сейчас мы сильнее всех и разделаемся с обоими – и с масонством, и с церковью»[88]. В случае церкви ему надлежало действовать осторожно, ибо христианство глубоко укоренилось в мышлении и обычаях немецкого народа, но его конечная цель не оставляет сомнений. Масонство же, напротив, было безобидным и беззащитным; его немедленно запретили, как только Гитлер пришел к власти.

Навязчивая идея Гитлера об основании ордена обрела конкретную форму в СС, Ордене мертвой головы. СС были основаны тогда, когда Гитлер из тактических соображений позволил СА вступить в *Kampbund* – боевую ассоциацию, объединявшую различные правые полувоенные организации. СС были *его*: его личной охраной, присягавшей и подчинявшейся исключительно ему. Это был зародыш элиты, созданный без каких-либо компромиссов, и эта элита станет новой аристократией арийской крови, во всей полноте воплотив идеалы Гитлера.

Поначалу СС были лишь незначительными подразделениями, они служили бесплатно, сопровождая Гитлера повсюду, и были готовы защищать его ценой жизни. Но ситуация изменилась в 1929 году, когда Гитлер поставил во главе СС Генриха Гиммлера. «До той поры СС были всего лишь организацией, – пишет Хайнц Хёхне, – теперь они должны были стать орденом. Гиммлер нашел образец в истории для создания своего ордена: иезуиты… В иезуитах было все, что он считал главными чертами орденской ментальности: доктрина [безусловного] подчинения и культ организации»[89].

«Создание из этой кучки людей [280 человек в 1929 году] сильнейшей идеологической армии является заслугой

Гиммлера, – говорил Гитлер. – Мало-помалу мои СС превратились в армию, к которой у меня никогда не было претензий. Не на что пожаловаться. Именно Гиммлер сделал из них то, что они есть. Из маленькой группки слабо связанных людей он построил аппарат руководства. В хорошем смысле его можно назвать фолькистским Игнатием Лойолой»[90]. «Организация СС была создана Гиммлером по принципам ордена иезуитов, – пишет Вальтер Шелленберг, который сам был генералом СС. – Служебный устав и духовные упражнения, проповедованные Игнатием Лойолой, составляли схему, которую пытался тщательно скопировать Гиммлер. Абсолютное подчинение было главнейшим правилом; любой приказ должен был исполняться беспрекословно»[91]. Это объясняет, почему Гиммлера за глаза порой называли «черным иезуитом» или «великим инквизитором».

Чистота крови была так же важна, как и умение беспрекословно повиноваться. «Гиммлер всегда приходил в волнение, если в жилах СС обнаруживалась хоть капля неарийской крови. С 1 июня 1935 года всякий командир СС, начиная с ротного старшего сержанта и выше, должен был предоставить доказательства, что ни он, ни его жена не имеют еврейских предков; с 1 октября это требование распространилось на командиров низшего ранга, а немного спустя – и на каждого члена СС. Каждый должен был представить “арийское” родословное дерево. Для офицеров и унтер-офицеров его корни должны были доходить как минимум до 1750 года, для всех остальных – до 1800-го»[92]. Более того, физическое состояние кандидата должно было быть безупречным. «Старые войска СС, легион сверхлюдей довоенного времени, отвергали всякого рекрута с малейшим физическим недостатком, даже с единственной пломбой в зубе»[93].

«Как у монахов и священников, как в коммунистической партии, там был длительный подготовительный период – период “послушничества”, включавший идеологическую подготовку, трудовую и военную службу, достижение совершенства в спорте… Загадочные ритуалы посвящения подчеркивали торжественность приема в привилегированную касту, подобие мирского духовенства. Полуночная церемония принятия клятвы была, по всей видимости, очень впечатляющей. Очевидец свидетельствует: “У меня выступили слезы, когда при свете факелов тысячи голосов хором произнесли клятву. Это было как молитва”. Существовало и нечто наподобие катехизиса, включавшего, в частности, следующее: “Почему мы верим в Германию и в фюрера?” “Так как мы верим в Бога, мы верим в Германию,

которую он создал в своем мире, и в фюрера, Адольфа Гитлера, которого он послал нам". Как все секты и тоталитарные организации, СС не признавали никакой ереси и никакой независимой личной сферы. Это было пожизненно» (Майкл Бурлейгх[94]). «Я ни минуты не сомневаюсь – многие сейчас не понимают этого, – что через сто лет все руководство Германии будет приходить из СС», – сказал Гитлер в одном из своих ночных монологов.

Мы помним, что Гитлер был невысокого мнения о расовой чистоте немецкого народа. После столетий дегенерации «раса – это то, чем мы должны стать», говорил он и полагал, что для ее восстановления потребуется около сотни лет. СС в арийско-нордическо-германской нации должны были служить основой, «передвижным кровехранилищем» для расового восстановления германского народа. Именно с этой целью от каждого эсэсовца и его жены требовались документы, подтверждающие их расовую чистоту. Другим шагом была концентрация всей лучшей крови германских народов и их потомков (фламандцев, голландцев, скандинавов, шведов и даже французов) в СС. Дивизии войск СС *Panzerdivision Nederland Grenadierdivision* и *Landstorm Nederland* были голландскими, *Grenadierdivision Langemarck* – фламандской, *Grenadierdivision der SS Charlemagne* – французской. (Дивизии СС из славянских народов стали формировать, лишь когда военная ситуация стала критической и стандарты членства в СС существенно снизились.) Еще одним шагом к очищению немецкой крови стало похищение на оккупированных территориях детей, выглядевших по-арийски. Их отдавали на воспитание в немецкие семьи. В главе «Похищенные дети» своей книги «Немецкая травма» Гитта Серени пишет, что их число, «возможно, достигало четверти миллиона». Большинство было из Восточной Европы.

Эсэсовцы в «стильной и элегантной» униформе хорошо осознавали свой статус. В основании пирамиды нацистского государства были обычные люди (евреи и цыгане не считались), затем шли члены национал-социалистической партии, после них – люди из СА в мундирах. На самой же вершине стояли СС, с презрением глядя на других, даже на СА, которые в их глазах были лишь безмозглыми уличными драчунами. Самыми сливками СС был *Leibstandarte Adolf Hitler* – преторианская гвардия Гитлера, которой командовал Зепп Дитрих. Это были арийцы, больше всего напоминавшие «образ Господа нашего», населявшие сладкие сны Лиги немецких девушек и кошмары не-нацистов.

«В СС находятся люди лучшего типа», – пишет Шелленберг. Действительно, Гиммлер усиливал элитарный характер СС, пытаясь привлечь туда как можно больше представителей

немецкого дворянства и образованной молодежи. В высших эшелонах СС было значительное число офицеров с университетским образованием, в особенности юристов, экономистов и врачей. Они руководили СС как хорошо намуштрованные технократы. Это объясняет, почему орден, как раковая опухоль, распространялся по телу Третьего рейха. Бурлейгх пишет: «Историки много шумели по поводу того, что среди них было много юристов и экономистов, две трети которых имели высшее образование, а треть – докторские степени. Однако они, как и следовало ожидать, обошли вниманием тот факт, что докторат часто венчает усидчивое бездумие и ничего не говорит о самой личности. Ирония как раз в том, что именно университеты и были рассадниками элитарной формы антисемитизма, чей радикализм едва скрывался под панцирем "научной объективности" в подходе к "еврейскому вопросу". Теперь же эти студенты-радикалы получили возможность применить на практике то, что они так часто обсуждали в узких кругах»[95].

Сейчас широко признается тот факт, что СС были, словами Питера Лебенды, «полностью сознательным культом… Мечтой Гиммлера было создать из СС новую религию». «Церковные браки эсэсовцам запрещались, узы супружества скреплялись на собственных церемониях СС. Так как супруги проходили строгий тест на расовую чистоту, их принимали в состав нарождающейся элиты. За каждого ребенка матери полагался подарок от СС. Дети эсэсовцев проходили церемонию, альтернативную крещению, причем крестным отцом седьмого ребенка в семье становился сам Гиммлер. Главнейшим украшением этой церемонии был портрет Гитлера, а вместо духовенства – эсэсовцы со знаменами со свастикой и надписью "Проснись, Германия!" … Все это в точности отвечает хорошо документированным тенденциям сект и прочих тоталитарных организаций: контролировать все окружение члена секты»[96].

Стандартная форма СС (у них была еще серая, *feldgrau*, для повседневной носки), со сдвоенной руной *Зиг* и черепом на фуражке, внушала немцам не меньший страх, чем тот, что испытывали жители оккупированных территорий. Каждый знал, что эти символы означают нацистскую беспощадность, пытки и смерть. «Я знаю, многим становится плохо, как только они завидят эту черную форму, – с удовлетворением сказал Гиммлер в речи, обращенной к своим командирам. – Мы это понимаем. Мы и не ждем, что окажемся центром народной любви»[97]. У них были свои церемонии для рождения, бракосочетания и смерти, в которых местный командир СС играл роль священника; у них была своя терминология для обозначения внутриорденской

иерархии; у них было свое правосудие: ни одна внеорденская структура, даже военный трибунал, не могла привлечь эсэсовца к ответственности. Они жили в убеждении, что являются высшими и благороднейшими существами на земле. Управление миром – их законное право, ведь они – потомки нордической расы господ прошлого, которая, сохранив чистоту своей крови, сейчас вновь обретает присущие ей права и духовные силы.

Эти притязания на сверхчеловеческий статус Гиммлер стимулировал, как мог. Одним из его консультантов, с которым на протяжении ряда лет его связывала сердечная дружба, был австрийский провидец Карл Мария Вилигут или Вайстгор, «последний потомок древнего рода германских мудрецов Улиготов из Анса-Уана-Сиппе, уходящего корнями в отдаленные доисторические времена»[98]. Гиммлера впечатлила точность некоторых предсказаний Вилигута – он сделал его полковником СС и направил работать в исследовательские центры СС, занятые славными временами нордически-арийско-германского прошлого. Именно Вилигут разработал дизайн кольца с черепом, который Гиммлер вручал лишь самым высокопоставленным и самым верным своим паладинам. Кроме того, Вилигут убедил рейхсфюрера СС в особом значении и ценности для его ордена замка Вевельсбург неподалеку от Падерборна.

Старый обветшавший замок быстро привела в порядок команда заключенных импровизированного концентрационного лагеря. Это здание должно было стать «замком ордена СС, сравнимым по значимости с Мариенбургом средневековых тевтонских рыцарей», иначе – «Ватиканом» Ордена мертвой головы. То, что Гиммлер относился к этому очень серьезно, показывают дошедшие до нас планы будущей мировой столицы ордена – огромного комплекса зданий с Вевельсбургом в центре. Более того, несколько авторов напоминают нам, что после окончания завоевательных войн СС должны были жить в своем собственном государстве. По территории оно должно было примерно совпадать с территорией бывшей Бургундии – не современной виноградной французской провинции, а старой земли бургундов, от южной Германии до самого Средиземного моря. Символическое значение этого выбора, возможно, состояло в том, что Нибелунги были бургундами, а главный лозунг СС, вышитый на рукавах их кителей, был вдохновлен *Nibelungen Treue*, легендарной верностью Нибелунгов: *Meine Ehre heisst Treue*, «моя честь – это верность».

Поразительна свобода, с которой Гиммлер и его подручные могли заниматься осуществлением своих фантазий о прошлом, настоящем и будущем величии арийцев. Это показывает, как

далеко зашло превращение Германии в остров иррационализма. Гиммлер мог публично провозглашать, что является инкарнацией германского императора Генриха Птицелова и в качестве кульминационного пункта грандиозной церемонии общаться с духом Птицелова у гробницы, в которую с воинскими почестями были помещены его останки. Он мог санкционировать и финансировать в 1938—39 годах экспедицию Эрнста Шафера в Тибет, надеясь отыскать там следы первых, богоподобных арийцев. Подобные экспедиции были посланы также в Исландию и Антарктику. Планировались и другие – на Дальний Восток и в Тиауанако, древний индейский город в Андах, но их пришлось отменить из-за войны.

Сопоставляя все это и припоминая, что уже в «Майн Кампф» Гитлер проходился по бородатым, бессильным фолькистским мечтателям, можно заключить, что в отношениях между Гитлером и Гиммлером не все было гладко. Но, насколько нам известно, «верный Генри» все же оставался верен своему фюреру, хотя некая внутренняя напряженность могла повлиять на его неопределенное поведение во время покушения Штауффенберга и на его решение пойти на переговоры со шведами под конец войны. Конечно, он, Гиммлер – главный полицейский рейха, был в курсе тех шпилек, что Гитлер отпускал в его адрес. Шпеер, например, пишет, как мало симпатий у Гитлера вызывала мифологизация СС. «Что за ерунда! – восклицал он. – Мы, наконец-то, достигли эпохи, которая оставила весь мистицизм позади, а теперь он хочет начать все сначала. Мы с тем же успехом могли бы остаться с церковью. У нее, по крайней мере, традиция. Подумать только, меня однажды могут превратить в эсэсовского святого! Можете себе вообразить? Да я перевернусь в могиле». Затем следует гитлеровский пассаж о том, что, «когда римляне создавали великие здания, наши предки жили в глиняных халупах», и вопрос о том, зачем привлекать к этому факту внимание всего мира[99].

Но характер их отношений был гораздо более сложным. Гиммлер выковал из СС самый главный инструмент рейха, подчиненный исключительно фюреру, воодушевленный идеологией и, самое важное, верой в фюрера. И ничего менять и преобразовывать пока не следовало, так как эта организация сформировалась под прямым наблюдением Гитлера и вдохновлялась им самим. «Я не делаю ничего, о чем не знал бы фюрер», – говорил Гиммлер, щелкавший каблуками, даже когда Гитлер общался с ним по телефону. Есть все основания ему верить, во всяком случае, до той поры, пока падение рейха не стало казаться неизбежным.

И мы вынуждены разойтись во мнениях с теми авторами, которые пытаются убедить нас, что Гитлер дистанцировался от гиммлеровских проектов, например от Вевельсбурга. 2 июля 1940 года Гитлер подписал «декрет фюрера и рейхсканцлера о строительных работах в районе Вевельсбурга», сообщает нам Рюдигер Зюннер. Тем самым он предоставил шефу СС полную свободу действий в реализации всех этих планов. Хёхне пишет, что Гитлер «никогда не появлялся в Вевельсбурге», но этому противоречит фотография в «*Unholy Alliance*» Лебенды, на которой мы видим Гитлера и Гиммлера в зале старого замка. Подпись гласит: «Гитлер с Гиммлером в Вевельсбурге».

В действительности, Орден мертвой головы был одним из самых образцовых творений Гитлера, Генрих Гиммлер был лишь его инструментом. СС были «избранной элитой, которая держала в своих руках жизнь и смерть»[100]. Здесь вновь задает тон Эрнст Юнгер: «Наша работа – убивать, а наша обязанность – делать свою работу хорошо». СС были натренированы с тем, чтобы стать бесчувственными, автоматически повинующимся роботами, ангелами или демонами смерти. Они были воплощением «бесчувственной формы нового варварства», всегда готовыми «дать или принять смерть» (*den Tod zu geben und zu nehemen*). И череп – символ смерти на их фуражках, кольцах, оружии и танках, и черный цвет их униформы не были ни позерством, ни игрой. Они означали именно то, на что указывали – что их носители являются служителями Смерти. «Большинство из вас знает, что это такое, когда в ряд лежит сотня трупов, или пятьсот, или тысяча. Пережить это, сохраняя при этом *приличие* – извиняя некоторые проявления человеческой слабости, – непросто. Это закалило нас. Это неписаная *славная страница* нашей истории, которая так и останется незаполненной»[101]. Так Гиммлер говорил своим командирам, и эти акценты расставил он сам.

Читая о Второй мировой войне в Европе, обнаруживаешь, что там, где немцы и смерть, там и эсэсовцы. Делая зло, они чувствовали свою силу, свою сверхчеловечность. Ганс Гюфтиг был одно время комендантом концентрационного лагеря Бухенвальд в Эттерсберге, в окрестностях Веймара, где когда-то жил Гете. В интервью, которое он дал в 1986 году, комфортно устроившись на покое, он, в частности, сказал: «Сегодня это кажется таким жестоким, бесчеловечным, безнравственным. Тогда это не казалось мне безнравственным. Я прекрасно понимал, что буду делать в СС. Мы все это знали. Это было что-то в душе, а не в уме. Мы все знали, чем будем заниматься в СС. В сущности, все очень просто. Я был нацистом»[102].

13. Медиум

Дух всегда важнее внешней силы,
воплощающей его.

Адольф Гитлер

«Я вновь и вновь думаю об этом, – говорил Шпеер Гитте Серени, – и знаете, даже если бы все люди, близкие к Гитлеру в тот или иной период, были живы, а психологи и историки, пытающиеся разобраться в личности Гитлера, смогли бы их всех расспросить, мне не приходит на ум ни один, кто мог бы объяснить его»[103]. А Тревор-Ропер приводит следующие слова Шпеера: «Демоническую фигуру этого человека во всей ее полноте нельзя объяснить просто как продукт этих событий [Первой мировой войны и ее последствий]. Они с тем же успехом могли породить и посредственного национального лидера. Дело в том, что Гитлер был одним из тех необъяснимых исторических феноменов, которые лишь изредка появляются среди людей. Его личность определила судьбу Германии. Лишь он один направил страну по дороге, которая привела к этому ужасному концу, и не давал с нее свернуть. Наша страна была околдована им так, что едва ли во всей истории вы найдете примеры подобного»[104].

Вальтер Лангер в докладе для Управления стратегических служб, представленном в 1943 году, также откровенно выражает свое замешательство: «Если мы детально проштудируем огромное количество материалов, которые собраны о Гитлере, едва ли что-то поможет нам объяснить, почему он именно таков, каков есть… Сколько бы мы ни изучали имеющиеся материалы, его поведению в настоящий момент невозможно найти разумного объяснения. Наши материалы описательны, это множество данных о том, как он ведет себя при таких-то обстоятельствах, что он думает о том-то и том-то, но он не объясняет почему»[105].

С одной стороны, Гитлер был «одиноким странником ниоткуда», как он любил представляться, с другой стороны, это был человек, «призванный провидением». «На протяжении всей своей жизни, где бы он ни был, Адольф Гитлер постоянно оставался загадочным незнакомцем», – пишет Рон Розенбаум[106]. Вернер Мазер соглашается с ним: «Гитлера невозможно объяснить ни его социальным происхождением, ни его образованием, ни его ранним окружением»[107]. Шпеер, человек, который был ему очень близок, также сказал: «Гитлер в каком-то смысле производил впечатление полного чужака. Он действительно пришел из

другого мира. Именно поэтому, появляясь на сцене в ходе войны, он всегда казался таким странным»[108].

Все, кто имел возможность наблюдать его некоторое время вблизи, сходятся в том, что существовал, говоря словами Конрада Хайдена, «резкий водораздел в его личности». Одна часть была, так сказать, «внешней скорлупой» видимого человека, скрывающей «пустую сердцевину» (Шпеер), «бессодержательную индивидуальность» (Фест), «пустоту личности» (Кершоу). Фест также пишет о том, что и сегодня «многие просто не способны смириться с тем, что эти грандиозные события объясняются такой банальной фигурой, как Гитлер»[109]. Те, кто не видели в нем Бога, часто потешались над его внешним видом. Это был «великий Адольф с маленькими усиками», «страшно бледный» человечек ниже среднего роста с «кондукторской фуражкой», надвинутой на глаза, «слабое моллюскоподобное существо, тестовидное, как творог, женственное, напоминающее парикмахера, а не воина»[110]. «Как можно примирить глубину и катастрофические размеры этих событий с вульгарной посредственностью человека, породившего их?» – спрашивает Розенбаум[111].

Но порой вульгарная посредственность Гитлера исчезала. Ее место занимала сила, приходившая то ли изнутри, то ли сверху, то ли с заднего плана, превращая его в потрясающе «харизматичное» существо. «Неожиданно, посреди разговора, лицо Гитлера становится напряженным, словно из-за внутреннего видения, – описывает Хайден собственные наблюдения. – В эти моменты его отвратительные черты словно исчезают, а нечто запредельное усиливается до такой степени, что становится страшно. Его глаза смотрят вдаль, будто читая или различая что-то, что не способен видеть никто другой… И вот этот человек, за минуту до того неловко стоявший неподалеку, время от времени бормоча реплики, даже не менявшие направление разговора, неожиданно охвачен решимостью и начинает говорить. Вся комната заполняется его голосом. Деспотичные манеры подавляют каждого, кто пытается прервать его или противоречить ему. Холодок бежит по спине от жестокости его заявлений. Всякий предмет выносится на суд истории, даже самая незначительная вещь кажется великой. Тогда слушатель преисполняется благоговения и чувствует, что в комнату вошло новое существо. Этого гремящего демона здесь раньше не было – между ним и робким сутулым человечком нет ничего общего. Он способен к этому превращению как в личном разговоре, так и перед полумиллионной аудиторией»[112].

То же самое происходило, как правило, когда Гитлер произносил свои речи. Фест описывает, с каким режиссерским

тщанием он лично разрабатывал все детали, чтобы, в ожидании его, напряжение зала поднялось до высшей точки. «Он запрещал всякие вступительные речи или приветствия; по его мнению, они могут лишь отвлечь аудиторию от его личности. На несколько мгновений он задерживался перед трибуной, механически пожимая руки, немой, рассеянный, с бегающими глазами, но уже готовый, словно медиум, вобрать в себя энергию зала, понестись на крыльях той силы, что уже присутствовала здесь скрыто, лишь время от времени находя выход в выкриках собравшихся. Первые слова ронялись приглушенно, словно на ощупь, в молчание затаившей дыхание аудитории; их часто предваряла пауза, становившаяся, наконец, невыносимой, во время которой оратор собирался с духом. Начало было монотонным, тривиальным, обычно он еще раз проходился по легенде своего восхождения… Это формальное начало еще больше подогревало предвкушение самой речи. Это также позволяло ему прочувствовать общее настроение и приладиться к нему. Раздавшийся свист порой вдохновлял его на боевой тон – и так шло до тех пор, пока не раздавались первые аплодисменты. Именно это создавало контакт, опьяняло его. “Примерно через пятнадцать минут”, по словам свидетеля, “происходило то, что можно описать, лишь употребив старый, вышедший из употребления оборот: в него вселялся дух”»[113].

«Когда его личность подвергалась этой трансформации, преобразовывались и все позиции, чувства и ценности. Поэтому “фюрер” мог с величайшей убежденностью делать заявления, противоречащие тому, что говорил “Гитлер” лишь несколько минут назад. Он мог браться за самые сложные проблемы и в несколько минут сводить их к простейшим понятиям, он мог создавать планы кампаний, быть верховным судьей, общаться с дипломатами, игнорировать все этические и моральные принципы, отдавать приказы о казнях или разрушении городов без малейших колебаний. Делая все это, он пребывает в прекрасном настроении. Все это было бы совершенно невозможным для “Гитлера”» (Лангер[114]).

Эрнст Ганфштенгль, один из ближайших к Гитлеру людей в период его восхождения к власти, вспоминает: «У него был хамелеоновский дар отражать желания масс. Он общался с ними на какой-то особой длине волны, не словами, но другим типом вибраций, на который он мог настраиваться. В этом, быть может, заключалась одна из причин его полного презрения к иностранным языкам и к необходимости изучать и понимать их. Бывало, он разговаривал с иностранцем через переводчика, но его дар медиума работал с индусом так же хорошо, как и с

готтентотом».

«Он обладал чертами медиума, – продолжает Ганфштенгль, – который то ли индукцией, то ли осмосом впитывает страхи, амбиции и эмоции всей немецкой нации, а потом дает им выражение… Он может сидеть часами, развалившись как крокодил в нильском иле, как паук, застывший в центре паутины. Но как только к компании присоединяется кто-то интересный… ты видишь, как он словно включает все свои инструменты. Будто радаром ощупывает он все существо своего собеседника – и вот, ему уже ясно видна длина его волны, его тайные стремления и эмоции. Пульс разговора начинает биться чаще, и человек, как под гипнозом, начинает верить, что он нашел в Гитлере невероятные глубины симпатии и понимания. Гитлер обладал самой мощной силой убеждения из всех мужчин и женщин, которых я когда-либо знал. Избежать его чар было почти невозможно»[115].

Раушнинг тоже сравнивает Гитлера с медиумом. «Медиумы – это главным образом обыкновенные, незаметные люди, неожиданно обретающие силы, возносящие их над нормами обыденной жизни. Эти силы не являются составляющими их обычного существа, это гости с другого уровня бытия. Они берут контроль над медиумом, но самого его не затрагивают и не изменяют. Нет никаких сомнений, что подобные силы работали через Гитлера – силы истинно демонические, использующие его, обычного человека, лишь в качестве инструмента. Именно эта смесь обыденного и экстраординарного в личности Гитлера придавала общению с ним такой странный характер»[116]. «Магическая сила величия» излучалась «ничтожеством», «созданием, которое как человек ниже тебя и меня»[117].

Магнетизм

«Криста Шрёдер, секретарь Гитлера, наблюдавшая его в течение пятнадцати лет, заключила, что у того был “редкий магнетический дар, воздействующий на людей”, “шестое чувство и интуиция ясновидящего”. Он мог “каким-то загадочным путем предугадывать подсознательные реакции толпы и необъяснимым образом гипнотизировать своих собеседников”. Он обладал, по ее словам, “восприимчивостью медиума и одновременно силой гипнотизера”»[118].

Множество свидетельств подтверждают слова Шрёдер. Историк Хьюго Тревор-Ропер говорит, например, о «непреодолимом колдовском очаровании Гитлера».

Записывавший «застольные беседы» упоминает в своих комментариях об «*этих удивительных магнетических флюидах, которые он излучал с таким искусством*», и сам выделяет эти слова. Эрнста Ганфштенгля поражает «исключительный магнетизм его личности». Вальтер Лангер также удивляется «магнетическим свойствам» объекта своего исследования.

В биографии Гитлера Фест пишет: «[Гитлер] обладал “чудовищной убедительностью”. Наряду с этим он был наделен способностью оказывать гипнотический эффект на своих собеседников. Руководство партии, гауляйтеры и “старые борцы”, пробившиеся на вершину вместе с ним, были, без сомнения, “бандой эксцентриков и эгоистов, тянущих в разные стороны”. Их нельзя было назвать «раболепными» в обычном смысле этого слова. То же самое справедливо и в отношении армейской верхушки, по крайней мере, ее части. И тем не менее, Гитлер навязывал им свою волю, как хотел. И он делал это не только тогда, когда был на вершине власти, но и гораздо раньше, будучи лишь маргинальным радикалом, а также в самом конце, когда от него оставалась лишь выгоревшая оболочка когда-то могучего человека»[119].

«Они все были под его чарами, – говорит Шпеер о ближайших гитлеровских приспешниках. – Они подчинялись ему слепо, у них не было никакой собственной воли; не знаю, в каких медицинских терминах это можно описать»[120]. А Серени цитирует следующие слова Шпеера: «Несомненно одно: всякий, кто долгое время сотрудничал с ним, становился зависимым от него. Какими бы грозными они ни казались в своих собственных владениях, в его присутствии они становились маленькими и пугливыми»[121]. Мы уже видели, что Гиммлер весь превращался во внимание и щелкал каблуками, когда ему звонил Гитлер. Геббельс «был подавлен магнетической мощью Гитлера». А Геринг сказал однажды Яльмару Шахту: «Я стараюсь изо всех сил, но когда я стою перед Гитлером, у меня по-прежнему душа уходит в пятки»[122].

Сам Шахт, «великий экономист и финансовый мудрец», после разговора с Гитлером расставался с ним «глубоко впечатленный и полный новых сил, – пишет Раушнинг. – Он всегда чувствовал, что в него влилась новая энергия и что грандиозные перспективы, нарисованные Гитлером, придают его работе новый смысл… Если даже умнейший из всех экономических руководителей чувствовал так, разве мог я чувствовать по-другому?» Ибо и сам Раушнинг признается: «Наблюдая за собой, я часто ловил себя на том, что вновь попал под его чары, и вынужден был сражаться с этим словно с гипнотическим наваждением»[123]. Шпеер употребляет

выражение «когда Гитлер завладел мной», а в своем дневнике в Шпандау он запишет: «Сложное чувство зависимости от него сохраняется и по сей день»[124] (ноябрь 1949 года).

Гитлер оказывал такое же сильное воздействие и на офицеров, воспитанных в решительном прусском духе. Даже бравый Роммель попадал под его влияние всякий раз, когда встречался с ним. «Гитлер излучает магнетическую, может быть, гипнотическую силу», – пишет он жене[125]. Вальтер Бломберг, генерал вермахта и одно время министр обороны, «говорил, что рукопожатие Гитлера может излечить его от простуды»[126]. Бывший офицер, воевавший на Восточном фронте, у которого Клемповский брал интервью для своей книги *Haben Sie Hitler gesehen?* («Видели ли вы Гитлера?»), вспоминает: «Продолжали поступать бессмысленные приказы фюрера. Наконец, наш командир дивизии не выдержал: “Я выложу ему всю правду-матку!” Я вижу его как сейчас – стоящим в овраге рядом с нашими штабными автобусами. Но вернувшись [после встречи с Гитлером], он произнес: “Фюрер прав”»[127].

Адмирал Дёниц назвал Гитлера «существом, от которого исходит сила и которое обладает огромным даром внушения». «Обычно очень здравомыслящий технократ Карл Дёниц в присутствии Гитлера впадал в транс. Он признавался, что через несколько дней бежал из штаб-квартиры Гитлера, чтобы вновь обрести власть над своим умом»[128]. В марте 1945 года, когда русские угрожали Данцигу, «гауляйтер Форстер в полном отчаянии проходил через мой офис», – рассказывает одна из секретарш Гитлера. «Он рассказал мне, что на Данциг идут 1100 русских танков, тогда как у вермахта – всего четыре, и те без бензина. Форстер решительно готовился, не скрывая от Гитлера свой взгляд на происходящее, представить ему катастрофическую реальность ситуации. “Будьте уверены, я выложу ему все, пусть даже он выбросит меня из кабинета”. Каково же было мое удивление, когда он вышел от Гитлера совсем другим человеком. “Гитлер обещал мне новые дивизии для Данцига”, – сказал он. Увидев мою скептическую улыбку, он добавил: “Конечно, я не представляю, где он может их найти. Но он сказал мне, что спасет Данциг; поэтому, вне всяких сомнений, так и будет”… Очевидно, над ним поработала роковая гипнотическая сила Гитлера»[129].

Это были способные и властные военачальники, руководившие наиболее подготовленными и самыми оснащенными армиями в мире. Первоначальный успех Гитлера вознес их на вершину власти и самодовольства. В присутствии же Гитлера они становились такими же кроткими, как его овчарка. Это факт интригующий и необъясненный. Ульрих де Майзиере,

офицер генерального штаба, свидетельствует: «Демоническую силу, которая исходила от Гитлера, трудно описать. Лишь немногим удавалось избежать его чар. Это была сила, влиявшая одинаково на всех военных. Это трудно понять, если не пережил сам». Молодые офицеры, являвшиеся с фронта по вызову Гитлера, полные решимости объяснить ему, какой катастрофической является ситуация, покидали его штаб-квартиру со словами: «Это потрясающий человек». Фельдмаршал фон Клюге, командующий группой армий «Центр» (средней из трех, вторгшихся в Россию и первоначально нацеленной на Москву), ругался с Гитлером по телефону, используя самые грубые слова. Его вызвали в штаб-квартиру фюрера. Все ответственные лица убеждали его – он должен сделать все, чтобы объяснить серьезность ситуации на фронте. Через час фон Клюге вышел из конференц-зала со словами: «Гитлер прав. Я попробую еще»[130].

«Я был не единственным, кто подпал под это странное очарование Гитлера, – пишет Шпеер. – То же самое случалось и с государственными деятелями, обладающими заметным весом, с людьми типа Гинденбурга, Саймона [министр иностранных дел Великобритании], Ллойда Джорджа [британский государственный деятель], Муссолини и многими другими»[131]. Из этих «других» несколько знаменитостей достойны упоминания: американский авиатор Чарльз Линдберг; герцог Виндзорский, который, останься он королем Эдвардом VIII, мог бы стать причиной больших осложнений; шведский исследователь Свен Хедин; Юнити Мидфорд, дочь лорда Редешдейла. (Она была влюблена в Гитлера, обожала участвовать в нацистских парадах в Мюнхене и там же, в Английском саду, пыталась покончить с собой, когда ее страна объявила Германии войну.) Необходимо, однако, еще раз заметить, что «магнетизм» Гитлера действовал не только на отдельные личности, но и на аудитории, тысячные толпы, которые он мог доводить до экстатического безумия, а также на всю немецкую нацию в целом. «Гитлер зарядил всю нацию как батарею», – пишет Геббельс в своем дневнике; а Тревор-Ропер замечает: «Этими чарами был околдован весь немецкий народ»[132].

Джордж Болл, один из следователей, допрашивавших немецких бонз во время Нюрнбергского процесса, говорил Шпееру: «Для нас самым необъяснимым являются постоянные ссылки на харизму, некую мистическую силу или особое обаяние Гитлера. С точки зрения любого моего соотечественника и, я думаю, любого британца – мы видели ленты с Гитлером, слушали его по радио, читали написанное им, – все это абсолютно непостижимо. Как может кто бы то ни было найти в этом

человеке таинственное обаяние? Как вы это объясните? Думаю, для нас это самая главная загадка».

«Это можно объяснить лишь в том случае, – ответил Шпеер, – если вы признаете, что существуют люди, обладающие магнетическими или гипнотическими способностями. Вы пытаетесь избежать этого влияния, освободиться, но вы находитесь в его… вы… вы попадаете в зависимость от него». Согласно Серени, здесь Шпеер пытался перевести слово *hörig*, которое буквально означает «крепостной», «порабощенный», но не смог найти английского эквивалента. «Болл высказал предположение, что эта харизма объясняется властью, и Шпеер согласился, что власть, безусловно, оказывает некое таинственное влияние. Но он добавил, что его всегда удивляло именно то, что влияние Гитлера на свое окружение было таким же эффективным и до 1933 года, когда одно [политическое] поражение следовало за другим, кризис следовал за кризисом. И все же Гитлер добился успеха почти исключительно силой своей личности. “Это тайна, – сказал Шпеер, – но дело в том, что Германию ни до 1933 года, ни между 1933 и 1945 годами невозможно объяснить без Гитлера. Он был и всегда оставался центром всего этого”»[133].

Хьюго Тревор-Ропер, служивший тогда офицером разведки, был первым, кто работал с множеством аутентичных документов, которые он использовал для доклада «Последние дни Гитлера». Со временем он занял кафедру современной истории в Оксфорде. Однако в середине девяностых годов ему хватило смелости признаться Рону Розенбауму: «Безусловно, Гитлер обладал необычайной силой. Она не работала во всех случаях, она не оказывала влияния, грубо говоря, на аристократов или на тех, кому бросалась в глаза вульгарность его поведения и окружения. Но когда он хотел загипнотизировать, он был во всеоружии». «В ходе своего исследования, – поясняет Розенбаум, – Тревор-Ропер был поражен, как сильно эти чары продолжали держать людей в своей власти даже после такой позорной катастрофы»[134].

«В своих “Последних днях” Тревор-Ропер пытался показать, что любое объяснение жизни Гитлера обязательно должно учитывать существование этих чар, – продолжает Розенбаум. – Он не столько пытался объяснить, сколько вызвать это колдовское чувство. Но он сделал это так эффективно, что его самого обвинили в пособничестве колдовству, в том, что он сам попал под власть этих чар и придает им, наряду с мифом о Гитлере, посмертную жизнь»[135]. В «Последних днях Гитлера», одной из первых и самых влиятельных послевоенных книг о Гитлере, Тревор-Ропер пишет прямо: «Сила Гитлера была силой гипнотической»[136]. В полном согласии с этим, Фест напишет в

своей книге «Лицо Третьего рейха»: «…Характер неодолимого влияния, оказываемого Гитлером на умы, можно понять лишь в религиозных терминах»[137].

Можем ли мы надеяться понять Гитлера, если оставим эти его силы без объяснения? Но какой историк с именем осмелится в объяснении исторического феномена употребить религиозные понятия или оккультную терминологию?

Голубые глаза

Гипнотический эффект, который Гитлер оказывал на определенных людей, «нужно считать фактически достоверным», пишет Конрад Хайден[138]. «Он использовал магнетические флюиды, – говорит один из очевидцев, слова которого приводит в своей книге Клемповский. – Это было нечто вроде гипноза… после этого невозможно было трезво мыслить… Теперь в это уже никто не верит»[139]. Действительно, заслуживает внимания фундаментальное различие между утверждениями непосредственных свидетелей и размышлениями людей, которые узнавали о Гитлере позже по слухам или из книг. Гвидо Кнопп, подчеркивая эту разницу, напоминает нам: «Имеются многочисленные свидетельства современников о том, что Гитлер, навязывая свою волю другим, даже в своем близком окружении пользовался гипнотической силой»[140].

Лоренс Рис приводит в пример некоего Фридолина фон Шпауна, вспоминавшего о встрече с Гитлером на партийном ужине. «Неожиданно я заметил, что взгляд Гитлера задержался на мне. Я поднял глаза. Это был один из самых необычайных моментов в моей жизни. Не то чтобы он смотрел на меня с подозрением, но я чувствовал, что он как-то изучает меня… Мне было трудно так долго выдерживать его взгляд. Но я подумал: «Я не должен отводить глаза, иначе он может решить, что я что-то скрываю». И потом случилось что-то, о чем может судить лишь психолог. Этот остановившийся на мне взгляд вдруг прошел прямо сквозь меня в неведомые дали. Это было так необычно. И этот его долгий взгляд совершенно убедил меня в том, что он – человек с благородными намерениями. Сегодня никто не верит в это. Говорят, что я старею и впадаю в детство. Но это не так. Это было потрясающее переживание».

«Сходный эффект Гитлер оказывал на многих других», – пишет Рис и упоминает о переживании четырнадцатилетней девочки, которой было позволено пожать руку Гитлеру: «Он приблизился. Все стихло. Мы были так взволнованы, я

чувствовала, что сердце бьется у меня в глотке. Потом он подошел ко мне, и я чуть не забыла подать ему руку. Я просто посмотрела на него и увидела добрые глаза. И в глубине души я пообещала: «Я всегда буду верна тебе, потому что ты хороший человек». Это было словно во сне. И потом я держала свое слово»[141].

«Это лицо было бы непримечательным, если бы не глаза, – пишет Вильям Ширер. – Они были гипнотическими. Пронзительными. Проникновенными. Насколько я помню, они были светло-голубыми, но дело не в цвете. Вас немедленно поражала их сила. Они смотрели на тебя в упор. Они смотрели сквозь тебя. Они, казалось, обездвиживали того, на кого были направлены, некоторых пугая, некоторых, особенно женщин, очаровывая, но, в любом случае, они овладевали этим человеком… Неоднократно во время этих нюрнбергских дней я видел, как закаленные партийные вожди, которые провели рядом с Гитлером многие годы, замирали, когда он останавливался поговорить с тем или другим, загипнотизированные этим проникающим взглядом. Поначалу я думал, что так реагируют лишь немцы. Но однажды на приеме для зарубежных дипломатов я заметил, как один посланник за другим попадал под влияние этих знаменитых глаз»[142].

Полковник, сопровождавший генерала фон Клюге на встрече с Гитлером перед войной, вспоминает, как Гитлер пожимал руки всем присутствующим: «Это очень впечатляло. У него были огромные темно-синие глаза, какие, должно быть, были у Фридриха Великого. Эти синие глаза смотрели на людей, и те словно входили в транс, как лягушки перед змеей…»[143] Голубые? Темно-синие? Цвет глаз Гитлера, согласно разным свидетельствам, варьируется от «водянисто-серых» и «холодных рыбьих», проходя через «голубовато-серые» (Франсуа-Понсе) и доходит в конце концов до «ярко-синих», «темно-синих» и «великолепной синевы – как звезды» в описании Геббельса.

Даже в последние дни Гитлера и его рейха «очарование этих глаз, околдовавших столько, казалось бы, трезвых людей – измучивших Шпеера, ставивших в тупик Раушнинга, прельщавших Штумпфеггера и убедивших одного промышленника, что Гитлер имеет непосредственный контакт со Всевышним, – это очарование их не оставило. И тщетно его противники утверждали, что они в действительности отвратительны. “Они не глубокие и не голубые, – протестовал Раушнинг. – Его взгляд застывший и мертвый, в нем нет яркости и блеска истинной жизни”. Но сам Раушнинг волей-неволей признает то, о чем Шпеер говорит прямо и о чем красноречиво

свидетельствуют тысячи не столь критически настроенных немцев (и не только немцев): у Гитлера были глаза гипнотизера, овладевавшие умом и привязанностями каждого, кто поддавался их власти. Даже его лечащие врачи, включая самых критичных, признают очарование этих блеклых серо-голубых глаз, возмещавшее грубость других черт его лица…» (Тревор-Ропер[144])

«Когда этот человек глядел на вас, его взгляд проходил прямо насквозь», – сказал один учитель в интервью Клемповскому. «Он смотрел в глаза каждому», – сказал другой учитель[145]. Ганса Фрюгвирта товарищи по работе выбрали для участия в параде, и он был «страшно горд этим». «Когда мы маршировали мимо Гитлера и повернули головы в его сторону, произошло нечто странное: мне показалось, что Гитлер посмотрел мне прямо в глаза. Когда я думаю об этом, у меня до сих пор пробегает холодок по спине. Этот момент все перевернул во мне. Все мои товарищи говорили позже, что почувствовали то же самое»[146]. Осознавал ли это сам Гитлер? В одном из своих монологов он жалуется: «Самое утомительное – это стоять там часами, пока они маршируют мимо. Уже пару раз случалось, что я чувствовал головокружение. Вы не представляете, как тяжело стоять там все это время, не имея возможности даже согнуть ноги в коленях. Мне нужна защита от солнца. В прошлый раз я делал приветствие вытянутой рукой уже терпимее». А затем добавляет: «Но обычно я – ведь все они поворачивают лица в мою сторону – смотрю каждому в глаза»[147].

Один из подобных случаев, на который в литературе обращают мало внимания, хотя он произошел в один из переломных моментов в карьере Гитлера, заслуживает небольшого исторического введения.

СА были армией национал-социалистической партии. Но постепенно они стали и ее проблемой, в особенности, когда ряды СА разрослись до полумиллиона после кризиса 1929 года с последовавшей затем безработицей. (В 1931 году было три миллиона безработных. Позже это число вырастет до шести-семи миллионов.) Большая часть СА ожидала от НСДАП работы и хлеба, это были базовые социалистические требования, что противоречило «социализму» Гитлера, который подразумевал под этим скорее самопожертвование и объединение всей нации в однородную упорядоченную массу. Таким образом, существовали идеологические разногласия между политическим и военным крылом национал-социалистической партии.

Более того, некоторые руководители НСДАП, начинавшие как убежденные «классические» социалисты, воспринимали второе прилагательное в названии партии – социалистическая – всерьез,

как реальную программу и обещание. Одним из них был Геббельс, другим – его первый босс Отто Штрассер. Брат Отто Штрассера Георг был социалистом даже в большей степени. Когда же Гитлер в поисках денег стал все чаще и чаще обращаться к руководителям немецкой промышленности, социалистические элементы обвинили его в том, что он обуржуазился и предал программу партии. Они даже потребовали его отставки. Окончательно это внутреннее напряжение будет снято лишь в 1934 году – хирургическим удалением нежелательных элементов в «ночь длинных ножей».

Порой конфликт перерастал в открытое противостояние, примером чего является бунт Штеннеса в 1930—1931 годах в Берлине. Хьюго Штеннес был главой регионального отделения СА в Берлине, где Геббельс был гауляйтером. В столице Германии раскол в НСДАП осложнялся еще и тем, что «культурные» немцы с севера презирали «мужичье» – дующих пиво и жрущих сосиски баварцев, причисляя к ним и мюнхенскую клику Гитлера. В то время как Гитлер шел к власти постепенно, используя законные методы, СА на севере Германии, чувствуя свою силу, требовали немедленной социалистической революции. Вспыхнуло восстание. СА напали на штаб-квартиру партии и на офисы партийного органа, геббельсовского *Der Angriff*. Они требовали отставки Гитлера с поста вождя партии. Однако Гитлер победил в открытой борьбе благодаря поддержке СС. Верные своей клятве, СС встали за него как один. (Подъем СС в Третьем рейхе берет начало с этого кризиса.) Штеннес и другие бунтари из руководства СА были заменены верными гитлеровцами. Придет день, и Штеннесу, чтобы спасти свою жизнь, придется бежать. (Он добежит до самого Китая, где возглавит личную охрану Чан Кайши.)

После подавления бунта, 16 апреля 1931 года, Гитлер провел общий сбор СА в Берлинском дворце спорта. Там присутствовал и пока никому не известный Альберт Шпеер. «Мы стояли молча. Час проходил за часом. Затем приехал Гитлер с небольшим эскортом. Издалека я услышал, как выстроившиеся у входа рапортовали ему. Мы все думали, что он пойдет к трибуне для выступления, но вместо этого Гитлер прошел в зал, где стояли рядами люди в форме. Наступила мертвая тишина. Он стал прохаживаться вдоль шеренг. В огромной чаше стадиона слышались лишь эти одинокие шаги. Это продолжалось часами. В конце концов он подошел к моей шеренге. Его глаза были направлены на нас; казалось, он хотел этим взглядом принять от каждого клятву верности. Когда он подошел ко мне, мне показалось, что эта пара пристальных глаз овладела мной на бесконечный период

времени. Меня впечатлило еще и то, что у Гитлера хватило храбрости ходить без охраны через ряды СА, бунтовавших против него всего несколькими днями ранее. Я тщетно пытаюсь понять, как он часами был способен оказывать столь мощное психологическое воздействие»[148].

Следующие два четверостишия взяты из сборника стихотворений, написанных анонимно членами Гитлерюгенда. «Даже когда перед тобой стоят тысячи, / каждый чувствует, что твой взгляд направлен именно на него, / и думает, что для него пришел великий момент, / и ты заглянешь глубоко в его душу… / Ведь никто еще не уходил от тебя с пустыми руками, / пусть даже луч твоих глаз коснулся его лишь однажды. / Мы знаем, что каждый раз ты делаешь так, чтобы мы почувствовали: / “Я с тобой – и ты принадлежишь мне”»[149].

«Этот коротышка вопил, как припадочный»

«Сила, которая вызывала великие исторические лавины религиозных или политических движений, есть магическая сила устного слова, – писал Гитлер в “Майн Кампф”. – Широкие народные массы лучше отзываются на воздействие риторики, чем на какую-либо другую силу. А все великие движения – движения общенародные. Это вулканические извержения человеческих страстей и эмоций, вызванные к жизни безжалостной богиней нужды или факелом устного слова, брошенного в самую гущу народа».

Кто, в таком случае, окажется идеальным сеятелем устного слова? «Из ста так называемых ораторов найдется едва ли десять, которые, с успехом выступив перед аудиторией дворников, слесарей и чернорабочих, способны на следующий день говорить на ту же тему с университетскими профессорами и студентами. Из тысячи ораторов лишь один, быть может, способен выступить перед смешанной аудиторией – профессорами и слесарями, находящимися в одном зале, да еще так, что его утверждения будут равно понятны и той, и другой группе, одновременно мощно воздействуя на обе и вызывая энтузиазм, выражающийся в сердечных аплодисментах, как у одной стороны, так и у другой»[150]. Этим одним из тысячи, конечно, был сам Гитлер. Какими бы хвастливыми ни были его заявления, они не противоречат фактам. Мы знаем об этом от свидетелей его выступлений перед слесарями, перед профессорами и перед смешанной аудиторией в одном и том же зале.

«Даже его злейшие противники вынуждены признать, что

Гитлер является величайшим оратором, которого знала Германия. Это тем более удивительно, если принять во внимание, что звук его голоса далеко не из приятных. В нем есть что-то резкое, и он срывается на пронзительный фальцет, когда Гитлер возбуждается. Его дикция тоже не из тех, что отличает великих ораторов. В ранние годы она была особенно плохой. Это была смесь верхненемецкого языка и австрийского диалекта. В структуре его речей также нет ничего особенного. В целом, они ужасающе длинны, плохо структурированы и полны повторений. Некоторые из них просто больно читать. И между тем, когда он их произносил, они оказывали потрясающий эффект на аудиторию»[151].

Гитлер имел обостренное чувство публики, с которой он вступал во взаимодействие, подобное оккультному. Даже его непримиримый оппонент Отто Штрассер вынужден был признать: «Этот человек, как чувствительная мембрана, благодаря интуиции, которую не могут заменить никакие интеллектуальные способности, сумел найти способ стать выразителем самых тайных желаний, самых темных инстинктов, страданий и внутреннего беспокойства народа… Меня часто спрашивали, в чем секрет ораторского успеха Гитлера. Единственное имеющееся у меня объяснение состоит в том, что он владеет необъяснимой интуицией, позволяющей ему безошибочно ставить диагноз неудовлетворенности, от которой страдает его аудитория. Когда он пытается обосновать свои положения с помощью зазубренных теорий, он едва возвышается над уровнем слабой посредственности. Но когда он отбрасывает все костыли, когда он, как ураган, устремляется вперед и говорит то, что внушает ему дух, он немедленно становится одним из величайших ораторов этого столетия»[152].

«Такие пламенные речи были немцам в новинку, в особенности медлительно говорящим баварцам из простонародья. В Мюнхене его крики и жестикуляция были настоящим представлением, и со зрителей брали плату за вход. Но людей на его сторону приводили не просто пламенные речи. Да, это было необычно, но все же гораздо важнее была серьезность, с которой он произносил свои слова», – пишет Лангер. Он цитирует Курта Людеке: «Каждое его слово выходит словно заряженное мощным потоком энергии; порой кажется, что слова вырываются из самого сердца этого человека, причиняя ему невыразимые страдания». А затем Лангер вновь цитирует Отто Штрассера: «Язык Гитлера был словно бичом, которым он подхлестывал возбужденные эмоции слушателей. И каким-то образом ему всегда удавалось сказать именно то, о чем большинство из них уже думало, но не могло

выразить словами. Когда аудитория начинала реагировать, это, в свою очередь, воздействовало на него. И в скором времени, благодаря такому взаимоподогреву, и его аудитория, и он сам опьянялись эмоциональным содержанием речи»[153].

Другим талантом Гитлера было чувство сцены и врожденное умение организовать зрелище, которое развилось через его любовь к театру и близкий контакт с ним. Он посетил сотни оперных постановок. Август Кубицек, единственный близкий друг Гитлера в Линце и в Вене, пишет: «Театр как таковой доставлял Гитлеру радость, у него была к нему страсть… Несомненно, с самого раннего юношества мой друг Адольф обладал ораторским талантом. Он любил говорить и говорил постоянно… Безусловно, у него был и огромный актерский талант, который, в совокупности с ораторским талантом, он умел прекрасно применять»[154]. Кершоу называет Гитлера «совершенным актером»; Фест говорит, что «по сути, это был человек театра», который всегда чувствовал, что играет на сцене; а сам Гитлер, лишь наполовину в шутку, провозгласил: «Я – величайший актер Европы!» В то время все действительно были зачарованы его игрой.

Именно это чувство театрального эффекта сделало Гитлера одним из самых блистательных режиссеров-постановщиков – хоть его и редко ценят с этой стороны. (Этот аспект Гитлера разобран, например, в недавнем исследовании Фредерика Споттса «Гитлер и сила эстетики».) То, что в памяти и в кошмарах человечества осталось от внешнего блеска нацизма – символы, униформы, ритуалы и массовые манифестации, – все это было его творением. «Каждая деталь была крайне важна для Гитлера. Даже сценарии фестивалей он проверял лично до последних мелочей. Он утверждал каждую сцену, каждое движение, выбор флагов и цветов. Знаменательно, что режиссерские таланты Гитлера достигали вершины, когда речь шла о праздновании смерти… В качестве фона он явно предпочитал ночь. Факелы, костры, пылающие колеса были постоянными аксессуарами. И хотя эти ритуалы были якобы позитивными и вдохновляющими, в действительности они вызывали иные чувства – пробуждая апокалиптические ассоциации и страх всемирного пожара или гибели, в том числе личной гибели каждого»[155].

Гитлер видел себя укротителем и вождем масс, истинным трибуном. Он презирал массы, но нуждался в них, ведь в них воплощалось его движение. «И мысль толпы, и схема, в которую она помещает данные опыта, просты, – говорил он. – То, что не вмещается [в схему], причиняет ей страх. Я могу овладеть ею, лишь тогда, когда беру в расчет законы, по которым она живет.

Меня обвиняли в том, что я фанатизировал толпу, что я доводил ее до экстаза. Разные мудрецы считают, что толпу нужно успокаивать и держать в тупой апатии. Нет, господа, справедливо как раз обратное! Я могу руководить толпой лишь тогда, когда выведу ее из дремоты. Лишь фанатичной толпой можно управлять… Я сделал толпу фанатичной и создал из нее инструмент моей политики. Я пробудил ее. Я возвысил ее над самой собой, я дал ей смысл и функцию. Меня обвиняли в том, что я пробуждаю низменные инстинкты толпы, но я делаю нечто совершенно иное. Когда я обращаюсь к ней с разумными аргументами, она меня не понимает. Когда же, напротив, я возбуждаю в ней соответствующие чувства, она исполняет простые команды, которые я ей подаю. В массовой манифестации мышление отключается. Как раз это-то мне и нужно, я слежу за тем, чтобы каждого посылали на манифестацию, где он может слиться с другими, желает он этого или нет. Интеллектуалов и буржуазию вместе с рабочими. Я смешиваю людей. Я обращаюсь к ним как к массе»[156].

«Когда Гитлер уподобляет толпу женщине, это не просто фигура речи. Достаточно просто взглянуть на соответствующие страницы “Майн Кампф”, на истинно эротический пыл, который вызывала в нем идея и образ толпы, чтобы понять, что он искал и находил, стоя на платформе высоко над ней – над его толпой, заполнявшей зал. Одинокий, неспособный устанавливать [личные] контакты, он все больше и больше жаждал этих коллективных единений. Используя многозначительную фигуру речи (если мы доверимся источнику), он назвал толпу “своей единственной невестой”. Его ораторские излияния были главным образом инстинктивными, а его аудитория, измотанная продолжительными бедствиями, низведенная до нескольких простейших желаний, реагировала на той же инстинктивной длине волны. Звукозаписи того периода ясно передают странный, непристойный, сексуальный характер этих массовых собраний… Писатель Рене Шиккеле однажды уподобил речи Гитлера “сексуальным убийствам”. Многие свидетели сравнивали чувственно заряженные манифестации того времени с дьяволопоклонством» (Иоахим Фест[157]).

Историк Карл Александр фон Мюллер был одним из лекторов, читавших вводный курс для армейских пропагандистов в Мюнхенском университете в 1919 году. Одним из слушателей был Адольф Гитлер. Мюллер был свидетелем восхождения Гитлера и порой встречал его в салонах Беккманов и Бехштейнов. В январе 1923 года он впервые присутствовал на его публичном выступлении. «На скольких митингах я здесь бывал [в зале

Лёвенбрау]! Но ни разу ни во время войны, ни во время революции я не чувствовал такой раскаленной добела волны массового возбуждения, которая дохнула мне в лицо, как только я вошел… Военизированные формирования, следящие за порядком, лес ярко-красных знамен с черной свастикой, военные, революционеры, националисты и социалисты. В аудитории – главным образом бедствующий средний класс во всех его прослойках. Часами несмолкающая, гремящая военная музыка; часами короткие речи подчиненных. Когда же придет *он*? Не случилось ли что-нибудь, не задержится ли он? Невозможно описать лихорадочное чувство тревожного ожидания, нарастающее в этой атмосфере. Вдруг при входе видно движение. Слышатся выкрики команд. Оратор на трибуне обрывает предложение, не договорив. Все вскакивают на ноги с криком “Хайль!” И сквозь ревущие массы народа и колыхающиеся знамена идет он с сопровождающими лицами, он, кого все это время ждали все. Быстро шагает он к трибуне, правая рука твердо вскинута вверх. Он проходит довольно близко от меня, и я вижу – это совсем другой человек, не похожий на того, которого я порой встречал в частных домах»[158].

Эффект от речи Гитлера был подобен удару молнии, поражавшему как массы простого народа, так и смешанных с ними интеллектуалов. Они приходили из любопытства, а уходили полностью убежденными, обращенными, готовыми посвятить свою жизнь этому потному человеку с усиками и нависающей челкой. Рудольф Гесс, услышав Гитлера впервые, сидел, улыбаясь, глядя в пространство и бормоча: «Это он! Это он!» О «силе внушения» Гитлера, его «гипнотической убедительности» Шпеер часто упоминает в своих книгах, и, в частности, пишет: «Магнетическая сила охватила меня, лишь только я впервые услышал его – и с тех пор не отпускала». Подобными свидетельствами мгновенного обращения можно заполнить солидный том. Приведем в пример признание Карла Людеке: «И вдруг мою способность суждения смыло как волной. Не знаю, как описать чувство, охватившее меня, когда я услышал этого человека. Его слова били меня как кнутом. Когда он говорил об унижении Германии, я был готов кинуться на любого врага. Его воззвание к немцам звучало как призыв к оружию, а то, что он говорил, было священной истиной. Он казался вторым Лютером. Я забыл обо всем, я видел лишь этого человека. Затем, оглянувшись вокруг, я увидел, что его магнетизм владел всеми этими тысячами как одним существом… Напряженная воля этого человека, накал его искренности, казалось, перетекали в меня. Я испытывал восторг, сравнимый с религиозным переживанием»[159].

Есть и свидетельство Лени Рифеншталь, известного режиссера и фотографа, умершей недавно в возрасте 101 года. Впервые она услышала Гитлера в 1932 году. Гитте Серени она рассказала следующее: «Я заметила, какими эмоциональными становятся люди, когда говорят за или против Гитлера. Меня это заинтересовало, и я отправилась послушать его. Так вот, это было как удар молнии»[160]. В другом месте она описывает это переживание так: «И в то же мгновение мне вдруг открылось апокалиптическое видение, которое я не способна забыть. Казалось, передо мною распростерлась вся земная поверхность, подобно полусфере. Затем она неожиданно раскололась посередине, выбрасывая фонтан воды, такой мощный, что он коснулся неба и потряс землю. Я была словно парализована. И хотя в его речи я многого не поняла, я была зачарована. И я чувствовала, что вся аудитория находится во власти этого человека»[161].

В своей автобиографической повести «Михаэль» доктор Йозеф Геббельс рассказывает о своем собственном озарении. «Я иду, нет, меня влечет к трибуне. Я долго стою там, глядя ему в лицо. Это не оратор. Это пророк! По его лбу струится пот. На бледном сероватом лице сверкают глаза как две сияющих звезды. Его кулаки сжаты. Слово за словом, предложение за предложением, он извергает громы, словно в день Страшного суда. Я уже не знаю, что делаю. Все мои чувства словно отключились… На секунду этот человек взглянул вниз, на меня. Пристальный взгляд этих голубых глаз ударил в меня, как пламенный луч… Теперь я знаю, куда поведет меня дорога, дорога зрелости. Я больше ничего не слышу. Я словно в дурмане… Я пожимаю теплую пульсирующую руку этого человека. Это была клятва на всю жизнь. И мои глаза глубоко погружаются в две большие голубые звезды»[162].

«Почти абсолютное зло»

«Во время послевоенного Международного трибунала в Нюрнберге материалы, относящиеся к влиянию на национал-социализм эзотерической мысли, сознательно отметались в сторону и поэтому не были зафиксированы, – пишут Майкл Байгент и Ричард Лейгх. – Согласно одному британскому прокурору, покойному Айри Ниву, большие объемы свидетельств были слишком странными, чтобы принимать их во внимание; они дали бы возможность многим высокопоставленным чинам национал-социализма сослаться на невменяемость и, по причине

ограниченной ответственности, уйти от наказания… Выход на поверхность иррациональных сил, затопивших Третий рейх, был феноменом беспокоящим, тревожным и потенциально опасным. Ведь если мир осознает потенциальную силу иррационального, да еще в таких чудовищных коллективных масштабах, это будет равноценно открытию ящика Пандоры, наполненного будущими несчастьями. Народы западных демократий и Советского Союза серьезно выбило бы из колеи осознание того, чему именно они противостояли…

Вследствие этого целое поколение историков не уделяло достаточного внимания роли эзотерического в подъеме нацистской Германии. Вместо того чтобы оценить и исследовать религиозное измерение национал-социализма, они боязливо отметали его в сторону, используя ничего не объясняющие формулировки типа “массовое помешательство”, “массовая истерия” или “массовый гипноз”. Затем эти феномены сводились к теориям, заимствованным из социологии, экономики и так называемой политологии. Лишь несколько писателей пытались рассмотреть эту тему честно». Байгент и Лейгх называют Томаса Манна, Германа Броха, Михаэля Турнира и Джорджа Штайнера. «Историки же предпочли сознательно игнорировать этот вопрос на протяжении более чем двадцати лет. И когда за него, в конце концов, взялись, это были историки маргинальные, которые, пользуясь сомнительными “фактами” и фальшиво-сенсационными теориями, ринулись в противоположную крайность»[163].

Гюнтер Шольдт написал объемную книгу о писателях – современниках Гитлера. Его поразило, как много писателей видело «бездонное зло» в его личности и деяниях и использовали слова типа «сатана», «дьявольский» и «демонический», характеризуя его. Вот несколько примеров. Конрад Хайден пишет о «бездонной силе», бывшей в Гитлере, о «демоне, переодевшемся в неизвестного солдата из венских меблированных комнат». Эмиль Факкенхайм, «теолог холокоста», называет владычество Гитлера «радикальным злом», «извержением демонизма в историю». Для Вильяма Ширера Гитлер был «человеком несомненного, хоть и злого гения», «бесовской личностью», «демоническим диктатором».

В интервью с Роном Розенбаумом Алан Буллок восклицает: «Если он не является злым, тогда кто же?.. Если он не зол, тогда само это слово не имеет значения!» Для Йегуды Бауэра, «который в широких кругах считается самым авторитетным историком холокоста», Гитлер олицетворяет «почти предельное зло». Себастьян Хаффнер называет Гитлера «истинно злым человеком»

и говорит о «неизмеримом зле в нем». Посол Франсуа-Понсе считает, что Гитлера «демон довел до последних пределов». Историк же Мильтон Гиммельфарб говорит так: «Я не думаю, что Гитлер был государственным деятелем. Я не думаю, что он был инструментом случайности. Я думаю, что он – злой человек, гений зла». У Гитты Серени мы находим: «Я полагаю, что зло Гитлера шло гораздо дальше этого безумия», – она имеет в виду холокост. И Тревор-Ропер тоже пишет об «этом демоническом характере», «демоническом и смертоносном гении».

Есть и те, кто может рассказать об этом из первых рук. Адмирал Карл Дёниц говорит: «Гитлер был демоном». Генерал Франц Хадлер заявил: «Я не находил в нем гениального, только демоническое». Генерал СС Вальтер Шелленберг писал в своих мемуарах: «Гитлер был во власти демонических сил, которые его использовали…» Ульрих де Майзиере, офицер генерального штаба: «От Гитлера исходило демоническое влияние, которое сложно описать, но против которого лишь немногие могли защититься». Яльмар Шахт, сделавший возможным экономическое возрождение нацистской Германии, после войны утверждал: «Гитлер был гением, но гением зла». И так далее.

Список человеческих инструментов «злого гения», находившихся на верхушке, велик, но многие так и остались неизвестными публике, а имена других почти изгладились из памяти. Это не только Герман Геринг, Генрих Гиммлер, Йозеф Геббельс и Мартин Борман. Был также и Рейнхард Гейдрих – воплощение «белокурой бестии», чье имя еще вызывает смутные ассоциации, был Рудольф Хёсс – комендант Освенцима, Адольф Эйхман и Амон Гёт – комендант лагеря в «Списке Шиндлера». Но кто знает имя Теодора Эйке – коменданта Дахау, изобретателя бесчеловечного режима концентрационных лагерей и организатора их охраны – *SS-Totenkopfe* (части СС Мертвая голова)? Или имя Одило Глобочника, которого Гиммлер добродушно называл Глобус: он поручил ему строительство лагерей уничтожения в Польше? Или Ганса Каммера – «технократа уничтожения», коменданта пригорода ада под названием *Mittelkampf Dora*, где собирались Фау-2? Или начальников *Einsatzgruppen* в России, с такой эффективностью уничтожавших десятками тысяч как евреев, так и неевреев: Вальтера Олендорфа, Артура Небе, Фридриха Йенкельна..?

Необъясненное зло

В предисловии к биографии Гитлера Ян Кершоу

безапелляционно пишет: «Если мы назовем Гитлера злым, это может доставить моральное удовлетворение, и это может быть правдой, но это ничего не объясняет»[164]. Это заявление демонстрирует, что в западном сознании нет никакой ясности в вопросе о том, что такое зло. Кершоу, уважаемый историк, кажется, чувствовал себя обязанным следовать новейшей и доминировавшей в то время среди историков тенденции, которая в значительной степени опиралась на французский структурализм, в некоторых своих разновидностях известный как функционализм. Структурализм понимает личность и историческое событие как результат переплетения неких глубоко лежащих структур. В результате индивид как таковой практически исчезает. Переплетающиеся нити этих структур предопределяют событие, а заодно и личности, которые являются его участниками, точно так же, как структуры человеческого тела обуславливают дифференциацию и функции клеток, составляющих различные ткани. Итоговое заключение состоит в том, что объяснять нечего: вещи таковы, каковы они есть.

Философская мода приходит и уходит; как и любая другая мода она какое-то время парит в восходящих потоках популярности, а потом лежит сдувшись на обочине дороги. Объяснение, которое давал феномену Гитлера Карл Густав Юнг за шестьдесят лет до Кершоу, имеет существенные отличия. «Гитлер принадлежит к категории истинно мистических шаманов. Власть Гитлера имеет не политическую, а магическую природу», – говорил он. Согласно Юнгу, секрет Гитлера был в том, что он позволял подсознанию управлять своим поведением. Он был подобен человеку, который внимательно прислушивается к советам загадочного шепчущего голоса и «затем *следует им*. В нашем случае, даже если подсознание порой и связывается с нами во сне, у нас слишком много разума, слишком много мозга для того, чтобы ему подчиняться, – Гитлер же слышит и подчиняется. Истинный лидер всегда *ведом*»[165].

Неужели мы должны отмести столько свидетельств честных и умных людей лишь потому, что они не вписываются в построенные постфактум теории, в которых «слишком много мозга», или потому, что в современных религиозных или философских интерпретациях мира для них нет места? «Гитлер отдался силам, которые влекли его, – силам темного и разрушительного насилия, – пишет Раушнинг. – И когда он все еще думал, что у него есть свобода выбора, он уже сдался во власть того вида магии, который мы с серьезными основаниями, а не метафорически можем назвать магией демонической. И вместо человека, который, шаг за шагом поднимаясь все выше,

избавляется от остатков темного прошлого и становится все чище, перед нами предстает существо все более одержимое, с каждым шагом все более связанное, зависимое, бессильное, жертва сил, которые держат его в своей власти и более не отпускают… Он выбрал легкий путь; он позволил себе сползать вниз; он отдался во власть сил, влекущих его в преисподнюю»[166].

Другим хорошо образованным наблюдателем, видевшим Гитлера вблизи, был французский посол Андре Франсуа-Понсе. Последнюю главу своих посольских воспоминаний о пребывании в Германии он озаглавил «*Hitler, le possédé*» («Гитлер, одержимый»). Здесь мы находим еще одно описание контраста между Гитлером в «нейтральном» состоянии и тем же самым человеком, когда он был «экзальтирован». «В начале беседы он словно не слушал или не понимал вас; он был индифферентным и, так сказать, аморфным. Виден был лишь человек, часами погруженный в какое-то странное созерцание… И вдруг – словно нажали на какую-то кнопку – он начинает стремительную речь, говорит высоким голосом, страстно, неистово. Своим скрипучим голосом с раскатывающимися “р” он выкрикивает аргументы; они следуют один за другим, все быстрее, все многочисленнее… Он кричит, гремит, словно обращаясь к тысячной толпе. Проснулся оратор, великий оратор римской традиции, трибун… И вдруг поток прекращается. Гитлер погружается в молчание. Он кажется истощенным, словно у него кончились батарейки. Он вновь рассеян и инертен». Франсуа-Понсе также пишет, что люди из окружения Гитлера говорили о случавшихся с ним кризисах, «которые начинались демонстрацией потрясающей силы и завершались жалобными стонами раненого животного… Очевидно одно: он не был нормален. Он был психически нездоровым человеком, почти помешанным, персонажем из “Бесов” Достоевского»[167].

Герман Раушнинг в спорной последней главе своей книги «Говорит Гитлер» тоже писал: «Этот человек ненормален». Он в свой черед узнал о кризисах Гитлера от кого-то «из его ближайшего окружения». «Ночью он просыпается, судорожно вскрикивая. Зовет на помощь. Сидя на краю кровати, он выглядит как паралитик. Он охвачен паникой и дрожит так, что даже кровать трясется. Произносит путаные и непонятные слова. Дышит судорожно, словно задыхаясь. Тот же человек, – вспоминает Раушнинг, – рассказал мне о сцене, в которую я не поверил бы, если бы информация не исходила из этого источника. Гитлер стоял посреди комнаты, раскачиваясь, оглядываясь в замешательстве. “Это он! Это он! Он пришел сюда!” – простонал он. Его губы посинели. С лица капал пот.

Неожиданно он стал произносить бессмысленные числа, затем бессвязные слова и обрывки предложений… Затем он опять застыл, его губы двигались. Его вытерли насухо и дали что-то выпить. Но неожиданно он завопил: “Там! Там! В углу! Кто стоит там?” Он стал стучать ногами и впал в свой обычный припадок гнева. Мы показали ему, что там нет ничего особенного, и он постепенно успокоился. Затем много часов спал. И потом некоторое время его можно было терпеть»[168].

Писатель Йозеф Рот писал в своем дневнике: «Люди так и не поняли даже сейчас, что национал-социализм – это не политическое, это адское движение. Оно не может изменить своих намерений, так как непостижимой волей провидения в нем с самого начала было заложено лишь *одно* намерение: уничтожать. Этот человек [то есть Гитлер] является одним из сотни тысяч хвостов сатаны, бичей божьих. Каждое слово из его уст произносится лично Люцифером. То, что метафизические мыслители так и не поняли этого – даже сегодня – и по-прежнему сидят как в тюрьме в рамках традиционных концепций, продолжая говорить о какой-то рациональной политике, с избытком свидетельствует о нехристианском безразличии этих христиан. Христианин, который не чувствует дьявола, едва ли способен понять Бога»[169].

В ноябре 1941 года передовые немецкие войска остановились в пятидесяти километрах от Москвы, и некоторые уже могли видеть в бинокли ее пригороды, но морозы ниже тридцати и совершенное расстройство снабжения войск привели к полной остановке наступления. Москву так и не возьмут. Эта неудача, помноженная на непостижимое объявление Гитлером войны Соединенным Штатам Америки 11 декабря, стала поворотной точкой в ходе войны в Европе. Планы Гитлера рухнули. Он взвалил вину за такой ход событий на своих генералов, обвиняя их в недостатке веры (*Glaube*) в нацизм и своего фюрера. Он взял верховное командование вооруженными силами на себя. В официальном коммюнике, сообщавшем народу об этом решении, упоминались «воля и чувство ответственности и вместе с этим *внутренний зов*, который заставил государственного деятеля Адольфа Гитлера стать своим собственным военачальником». Там говорилось и о намерении Гитлера «самому принимать все важнейшие военные решения», в которых он будет «*следовать своим прозрениям*».

Томас Манн, находившийся в изгнании в США, немедленно использовал это коммюнике в радиопередаче на Германию. О Гитлере он сказал так: «Этот монстр, разрываемый на части собственными злодеяниями, удалился в Берхтесгаден

образумиться. Там, в бодрящем горном воздухе, он вскоре вновь обрел веру в свою миссию; безумие быстро прошло. Вновь и вновь в этом коммюнике упоминаются его прозрения, внутренние голоса, тайные воззвания [к духам]. Как видно, его психиатру не удалось этого предотвратить. Такой романтики мы не видали со времен Орлеанской девы…»[170] Этот язвительный выпад основывается не просто на догадках Манна – уже тогда многим были известны неожиданные отлучки Гитлера на свою виллу Бергхоф в Оберзальцберге и его зависимость от прозрений и внутренних озарений.

Без сомнения, решения Гитлера, во всяком случае, важнейшие, диктовались чем-то. Комментаторы, в зависимости от своего мировоззрения, называют это «интуицией», «голосом» или «голосами», «шестым чувством» или «вдохновением». Он сам говорил Раушнингу: «Неважно, чем вы заняты: если оно не созрело, вам этого не сделать. Как художник я знаю это очень хорошо. Я знаю это и как политик. Единственное, что вы можете делать [тогда], – это хранить терпение, отложить, вновь обдумать, отложить опять. Это продолжает работать в подсознании. Оно зреет. Порой постепенно исчезает. Если у меня нет внутренней безошибочной уверенности в том, что “да, это и есть решение, должно быть именно так”, я ничего не предпринимаю. Если даже вся партия кричит мне: “Сделай что-нибудь!” – я не делаю ничего. Я жду, что бы ни случилось. Но *когда мне говорит голос*, тогда я знаю: “Вот оно, пришло время действовать”»[171].

Вальтер Лангер собрал из своих источников следующую информацию: «Хотя Гитлер и старается представить себя очень решительным человеком, который никогда не колеблется в трудной ситуации, как правило, это не так. Как раз тогда его стремление оттянуть принятие решения заметно лучше всего. В такие периоды практически невозможно заставить его сделать хоть что-то. Главным образом, он остается в одиночестве и зачастую практически недоступен даже для своего ближайшего окружения. Он часто погружается в депрессию, у него плохое настроение, он предпочитает почитать что-нибудь, посмотреть кино или играет с архитектурными моделями. Согласно голландскому источнику, эта нерешительность не связана с расхождением во мнениях среди его советников. В такое время он почти не обращает на них внимания и предпочитает не обсуждать вопрос, требующий решения…

Случалось, что в подобных ситуациях он, не говоря никому ни слова, покидал Берлин и отправлялся в Берхтесгаден, где проводил время, гуляя в горах в совершенном одиночестве…

Именно в эти периоды бездействия Гитлер ждет, что его «внутренний голос» направит его. Он не обдумывает проблему в обычном смысле – он ждет, что решение будет ему дано… Как только решение у него в руках, его состояние радикально меняется. Это опять фюрер… «Он очень весел, балагурит и никому не дает возможности вставить слово, тогда как сам постоянно подшучивает над всеми». Такое настроение держится столько, сколько нужно для того, чтобы работа была сделана. Однако как только приказания, необходимые для претворения плана в жизнь, отданы, Гитлер, по всей видимости, теряет к нему интерес. Он становится совершенно спокойным, занимается другими вещами и спит необыкновенно долго»[172].

Решение, принятое после того, как был услышан голос, было окончательным. Никто не мог изменить его, влиять на него и даже обсуждать его. Это касалось как конкретных решений Гитлера, так и вдохновения, лежащего в основе всей его «миссии». «Мне кажется, что планы и цели Гитлера никогда не менялись» (Шпеер). «Нельзя не заметить удивительного соответствия между целями, которые Гитлер провозгласил в двадцатых годах, и курсом, который немецкая политика приняла после 1933 года» (Джеффри Стоукс). «С самого начала своей политической деятельности… он мог лишь варьировать центральные темы, но не мог менять основных направлений» (Стэнли Гонен). Ганфштенгль пишет о «необычайной живучести его идей», Дж. П. Стерн – о «его необыкновенном постоянстве цели», а Кершоу – о его «идеях фикс, которые, в главных чертах оставались неизменными вплоть до его смерти в 1945 году».

В горах

Горная вилла в баварских Альпах, в Оберзальцберге, чуть выше Берхтесгадена и неподалеку от Зальцбурга[24] , была одним из любимых мест, куда Гитлер удалялся для получения своих вдохновений. Он обнаружил Берхтесгаден в 1922 году с помощью – кого же еще? – Дитриха Эккарта, который скрывался там, когда был в розыске за клеветнические статьи в своем антисемитском журнале «Простым немецким». Гитлеру тоже понравилось это место с возвышающимися массивами Вацман и Унтерсберг. (Тот факт, что Берхтесгаден лежит практически на австрийской границе, мог сыграть дополнительную роль в выборе Гитлера – во времена его восхождения к власти в любой момент могла возникнуть необходимость бежать от преследования немецких властей. Он стал гражданином Германии лишь в 1932 году.) В

1925-м он купил *Haus Wachenfeld*, предположительно на деньги, полученные от Бехштейнов, и переименовал его в *Berghof*. «До 1939 года [а в некоторых случаях и после] переломные, “потрясавшие мир решения” Гитлер принимал в этом горном доме в Оберзальцберге в баварских Альпах»[173].

«Он там размышлял», – пишет Франсуа-Понсе, возможно, единственный высокопоставленный иностранец, помимо Муссолини, к которому Гитлер питал слабость. Именно в Оберзальцберге, *auf dem Berg* («на горе») – так этот загородный дом назывался в окружении Гитлера – он принял французского посла в последний раз. Однако встреча состоялась не в самом Бергхофе, а в *Kehlsteinhaus*, до которого от виллы было рукой подать. Кельштайнхаус был построен для Гитлера по инициативе и под руководством Мартина Бормана, и его строительство стоило жизни немалому количеству заключенных. Дело в том, что это строение было сооружено на вершине пика Кельштайн, и добраться туда можно было лишь на лифте, который поднимался по шахте, вырубленной в сплошной скале высотой в 110 метров. Через огромные окна открывался захватывающий вид.

«Со всех сторон взгляду открывалась, словно из самолета, захватывающая панорама, – рассказывает Франсуа-Понсе. – У подножия полукруглого горного массива виден Зальцбург и окрестные деревни, над которыми, куда ни бросишь взгляд, вздымаются горные вершины. Дом будто подвешен в воздухе на краю почти отвесной скалы. И все это вместе, погруженное в сумерки осеннего дня, выглядит грандиозно, первозданно, словно в галлюцинации. Посетитель не знает, спит он или бодрствует. Он хочет понять, где же находится. Не в замке ли Монтсалват, где жили рыцари Грааля?..» Эта лирическая ассоциация с рыцарями Грааля обретает более конкретный смысл, если знать, что в одном из своих монологов Гитлер вспоминает о прекрасном немецком языке Франсуа-Понсе и его визите «в Гральсбург», то есть в замок Грааля, как он порой называл Кельштайнхаус.

Из Бергхофа Гитлеру открывался великолепный вид на Унтерсберг, где, согласно легенде, спит Карл Великий, который однажды проснется, чтобы биться с антихристом и подготовить новый золотой век – или, если угодно, чтобы повести немецкий народ к величию. «Он сидел там, – вспоминает Шпеер, – перед панорамой Унтерсберга, где, согласно легенде, до сих пор спит император Карл Великий, готовый однажды пробудиться и воссоздать былую славу Германской империи. Гитлер, естественно, применял эту легенду к себе. «Видите там Унтерсберг? Моя резиденция как раз напротив. Это не случайно!..»

Горы давали Гитлеру, как он неоднократно утверждал, внутренний покой и уверенность, необходимые для его неожиданных решений. Он также готовил здесь свои самые важные речи… В течение недель, по видимости праздных, которые он там проводил, он давал возможность вызреть содержанию своих речей или своим мыслям. То, что накапливалось, в конце концов прорывалось как поток, сносящий все плотины, и изливалось на его приверженцев или на участников переговоров»[174].

«Я хожу в горы не только из-за красивых видов, – говорил Гитлер. – Воображение там работает живее. Я оставляю мелочи и банальности позади и могу тогда яснее различить, что лучше, что нужно сделать, что увенчается успехом… Ночью из моей спальни я порой часами гляжу на горы. Тогда вещи становятся яснее… Для меня Оберзальцберг обрел совершенно особое значение… Да, я тесно связан с этими горами…»[175]

«Здесь, над миром, в недостижимой вышине восседает фюрер, – пишет Раушнинг. – Это его *Adlerhorst* (орлиное гнездо). Здесь он находится лицом к лицу с вечностью. Здесь он определяет ход этого века, его века… Отсюда, из хрустального дома в горах, где никто не беспокоит его, он рассылает команды, словно Бог с облаков. Сюда нужно доставлять необходимую информацию. Он хочет править отсюда… Он также любит одинокие прогулки. Горные леса опьяняют его. Эти прогулки также являются священнодействием, его молитвой. Он смотрит на проплывающие облака, слышит, как роса каплет с елей. Он слышит голоса. Я встречал его в этом состоянии. Тогда он никого не узнает. Он хочет быть один. Бывает, он избегает людей»[176].

Риенци

Обычно медиумами не становятся – медиумами рождаются. Точнее, человек рождается с такой предрасположенностью. Существуют ли какие-либо данные об оккультных переживаниях Гитлера в период, предшествующий тому, к которому относятся вышеприведенные свидетельства? Одно такое событие в литературе описано, однако ему никогда не уделялось достаточно внимания и его не оценили во всех его далеко идущих последствиях. В возрасте шестнадцати лет, в Линце, вместе со своим другом Августом Кубицеком Гитлер впервые присутствовал на исполнении оперы Вагнера «Риенци». Кубицек впоследствии детально описал реакцию Гитлера на это событие. Особую ценность его свидетельству придает то, что его впоследствии

подтвердил сам Гитлер.

В основу либретто оперы Вагнера «Риенци» легла история жизни Кола ди Риенцо (1313—1354), трибуна, который хотел восстановить былую славу коррумпированного и упадочного Рима в период авиньонского пленения пап. Рожденный в простой семье, Кола ди Риенцо в 1347 году вступил в борьбу с римскими феодалами, которые фактически правили городом и угнетали народ. Его мечтой было возрождение величия и славы бывшей столицы мира. Его идеал Италии, «святой» и единой, был близок к мистическому. Он, по всей видимости, хотел положить начало третьему – согласно учению Иоахима Флорского – периоду мировой истории: царству святого духа. Поначалу народ следовал за Риенци (так его стали называть). Он считал себя трибуном, подобным народным вождям древнего Рима, и сознательно вел себя соответственно этому образу. Но когда он начал говорить о высших материях, лежащих за пределами понимания бедняков, которые думали лишь об улучшении своего положения, народ его оставил. В конце концов, по наущению знати, они восстали и убили своего трибуна. У Вагнера Риенци погибает в огромном пожаре.

По всей видимости, молодой Адольф неожиданно и с большой силой почувствовал, что в событиях на сцене, в музыке Вагнера предсказана его собственная судьба. Там был идеалист ниоткуда; кризисная ситуация, созданная и эксплуатируемая негодяями; был героический протест и героические действия трибуна, пытавшегося начать новую эру. Вероятно, драматическое предательство и гибель в пламени казались ему тогда лишь театральным ходом, хотя о возможности *Weltenbrand*, мирового пожара, Гитлер говорил еще в тридцатых годах. Однако либретто Вагнера оказалось пророческим.

«Это был самый впечатляющий момент нашей с ним дружбы, – пишет Кубицек. – Когда я вновь вспоминаю мою юношескую дружбу с Адольфом Гитлером, ярче всего всплывают в памяти не его монологи и политические идеи, но тот ночной час на Фрайнберге», где Гитлеру «открылся в видении путь, по которому он должен был идти».

После представления «Риенци» они, потрясенные трагической гибелью героя, в молчании вышли из театра. «Была уже полночь, но мой друг, серьезный и ушедший в себя, засунув обе руки в карманы куртки, не останавливаясь, дошел до конца улицы и вышел из города». Они взошли на вершину холма под названием Фрайнберг. Там «Адольф встал напротив. Он схватил обе мои руки и сжал их. Этот его жест был нов для меня. По силе этого пожатия я мог судить, до какой степени он был впечатлен. Слова

не текли из его уст как обычно, скорее, они извергались, неоформленные, грубоватые…

Постепенно он стал говорить свободнее… Но так, словно через него говорило другое «я» – его это поражало так же сильно, как и меня. Не то чтобы он был опьянен своим красноречием, как говорят об ораторе с хорошо подвешенным языком. Напротив! У меня, скорее, сложилось впечатление, что он и сам с изумлением наблюдал за тем, что со стихийной силой прорывалось из него… Он был в экстатическом состоянии, в полном восторге, и то, что он только что пережил в «Риенци», преобразилось в грандиозное видение на другом уровне – на его собственном… Впечатление, полученное от оперы, было лишь внешним толчком, вынудившим его говорить. И как скопившиеся воды прорывают дамбу, так изливались из него слова. В великолепных захватывающих образах он раскрыл передо мной свое будущее и будущее своего народа… Он говорил о задаче, которую его народ доверит ему: вывести его из состояния рабства к высотам свободы… Он говорил об особой миссии, которая будет на него возложена». Кубицек пишет, что прошло много лет, прежде чем он понял, что в действительности значили для его друга те минуты под ночным ноябрьским небом. Когда они спустились с холма и вошли в город, часы пробили три. Однако Гитлер развернулся и вновь зашагал к холму. «Мне нужно побыть одному», – сказал он. Больше он никогда к этому не возвращался.

К июлю 1939 года, «перед началом войны», когда Гитлер уже был известным всему миру всесильным немецким фюрером и рейхсканцлером, Кубицек, хотя и ставший прекрасным музыкантом, не сумел подняться выше поста секретаря в муниципалитете небольшого городка. Гитлер пригласил тогда своего вновь обретенного друга на фестиваль почитаемого ими обоими Вагнера в Байрейте. Фюрер играл там роль покровителя и благодетеля. Как-то за разговором Кубицек напомнил Гитлеру о тех минутах на Фрайнберге, думая, что после всего пережитого они изгладились из его памяти. «Но лишь только я произнес первые слова, я заметил, что он прекрасно помнил все это в мельчайших деталях… Я также был среди гостей, когда он рассказывал о том, что случилось после представления «Риенци» в Линце, г-же [Винифред] Вагнер. Таким образом, точность моих воспоминаний была подтверждена дважды. И я никогда не забуду тех слов, которые он сказал г-же Вагнер в заключение. Он очень серьезно произнес: “Именно тогда все это и началось”»[177].

Бригитта Хаман, очень надежный источник, пишет: «Гитлер придавал важность тому, чтобы его считали инкарнацией Риенци»[178]. Часто, особенно в мюнхенский период, его звали

«трибуном». Не менее надежный Ральф Ройт упоминает, что так его называли товарищи по заключению в Ландсберге, «имея в виду вагнеровского Риенци»[179]. Эта опера, одна из самых ранних у Вагнера, исполнялась считанное число раз. Таким образом, можно предположить, что Гитлер поведал одному из своих приспешников историю, которую он расскажет позже Винифред Вагнер.

Ежегодный партийный съезд в Нюрнберге открывался увертюрой к «Риенци», которую Кёхлер называл «полуофициальной увертюрой рейха» и «музыкальной сводкой идеологической программы Гитлера». Серпико назовет ее «неофициальным гимном Третьего рейха». «В Третьем рейхе господствовала музыка Вагнера, так как она была явно созвучна нацистским мифам и служила их идеологическим фоном»[180].

На эту тему есть интересная история. Весной 1938 года Роберт Лей, рейхсфюрер Немецкого рабочего фронта, спросил Гитлера, почему партийные съезды всегда должны открываться музыкой Вагнера, хотя множество великолепных современных немецких композиторов жаждут выразить национал-социалистическое миропонимание своей музыкой. Гитлер отнесся к этому скептически, но все же назначил дату для прослушивания представленных композиций. За день до назначенной даты он, однако, попросил, чтобы после всех других композиций музыканты также сыграли увертюру из «Риенци». Так и было сделано. «Я должен признать, – писал Шпеер годы спустя в тюрьме Шпандау, – что знакомая величавость увертюры из “Риенци”… неожиданно произвела впечатление откровения».

До нас дошли слова, которые Гитлер сказал тогда Лею: «Вы знаете, Лей, я не случайно открываю партийные съезды увертюрой из “Риенци”. Это не просто музыкальный вопрос. Двадцати четырех лет от роду, этот человек, сын трактирщика, убедил римский народ изгнать продажный сенат, напомнив им о великом прошлом Римской империи. Когда в юности я слушал эту музыку в Линце, у меня было видение о том, что однажды и мне удастся объединить Германскую империю и вновь сделать ее великой»[181].

Но придет день – в апреле 1945 года – и Кубицек вновь вспомнит о «самой ранней сцене в карьере Гитлера» на холме Фрайнберг. «Глубоко потрясенный, я следил в эти ужасные дни за битвой за Рейхсканцелярию. Мировой пожар [Вторая мировая война] завершался. Тогда я поневоле думал о финальной сцене из “Риенци”: трибун гибнет в пламени пылающего Капитолия»[182].

Линии сходятся

В нашем повествовании мы подошли к пункту, где должны еще раз напомнить читателю о его основных линиях и показать, что все они сходятся в одной точке. В самом начале нашей истории мы указали на несоответствие между «человеком ниоткуда» Адольфом Гитлером и высочайшим положением, занятым им среди немецкоговорящего народа, – достижение, напоминающее сказочные превращения и мифы. В данном случае, однако, это исторический факт. С одной стороны – бессильное ничтожество, с другой – человек, способный устроить всемирный пожар. Рон Розенбаум и другие историки, изучавшие феномен Гитлера, назвали это несоответствие «разрывом». Одним из аспектов этого разрыва является «пропасть между мелким мошенником из “фильм нуар”, шарлатаном, над которым издевались репортеры из *Munich Post*, и масштабами ужаса, который породил Гитлер, придя к власти в Берлине»[183]. Как это могло случиться, по-прежнему остается загадкой даже для маститых историков.

Первым важным эпизодом в восхождении Адольфа Гитлера было то, что мы назвали «превращением», а другие «разворотом» или «поворотной точкой». Эта загадочная трансформация в его личности произошла летом 1919 года. А именно между тем днем, когда капитан Карл Майр сказал небрежно: «А, это Гитлер из полка Листа», и днем, когда он очень уважительно попросил этого капрала разъяснить другому армейскому пропагандисту еврейский вопрос. Между этими двумя датами что-то произошло. Настолько важное, что австрийского капрала сочли нужным ввести в маленькое секретное крыло общества Туле, в DAP. Нечто, объясняющее и тот поразительный факт, что Гитлер вошел в политику полностью подготовленным. Он уже знал, что этот ничтожный политический кружок он использует в качестве плацдарма для создания массового движения, основанного на новом революционном миропонимании. Он вошел в эту партию с готовым планом, с намерением захватить ее, понимая, что его выход на политическую сцену был «непреложным решением, определяющим жизнь».

Как случилось, что Гитлер, который в мае 1919 года не был антисемитом – во всяком случае, не был им открыто, – в последующие месяцы стал воинствующим юдофобом? Как удалось Гитлеру создать основы своего мировоззрения, в котором арийские германцы являются мировой расой господ, сам он послан для того, чтобы вести этот народ к вершинам славы и власти, а евреи являются главными противниками в грядущей апокалиптической битве? Все авторитеты сходятся в том, что убеждения Гитлера оставались неизменными с самого начала его

политического пути. Он демонстрировал «удивительное постоянство цели» (Дж. П. Стерн). Обычно обретение новой парадигмы, новой ментальной составляющей происходит поэтапно. В случае же с Гитлером это, по всей видимости, произошло довольно внезапно.

Гитлер считал себя призванным, мессией, носителем нового революционного мировоззрения, которое лишь он один способен осуществить. Следовательно, ему нужно обладать для этого абсолютной властью. Лишь он знает тайную миссию во всей ее полноте – и это противоречит одному из мифов, созданных историками, о том, что якобы поначалу он был лишь «зазывалой», собирающим толпы для нового исторического дела. В начале нашего повествования мы показали, что порой он действительно изображал из себя такого «зазывалу» – но лишь для отвода глаз, для того, чтобы не показаться смешным в обстоятельствах, когда еще не было возможности раскрыть свои замыслы полностью. Однако именно он был человеком, посвященным в тайну того, что надлежит совершить. Именно он был героем, избранным для исполнения этой миссии, и рядом с ним не было места ни для кого другого. Он продемонстрировал это при первой же представившейся возможности – в июле 1921 года. Тогда он сделал смелый ход, подав в отставку и поставив других руководителей DAP перед дилеммой: либо постепенно сойти с политической сцены, либо сделать Гитлера «единолично ответственным» за партию.

Человеком, открывшим истинного Гитлера, был Дитрих Эккарт. Мы встречаемся с ним в каждой поворотной точке карьеры Гитлера, вплоть до смерти Эккарта в последние дни 1923 года. Он буквально создал Гитлера. Это не слишком сильное утверждение. Достаточно вспомнить о тех исключительных почестях, которые Гитлер воздавал своему «другу, который был ему как отец родной». Эккарт действительно был «крестным отцом» Гитлера, а именно тем, кто обнаружил его, дал ему посвящение и взял под свою защиту. Так в масонских и других тайных обществах называли людей, играющих эту роль. Значимость его влияния на судьбу Гитлера должна быть не меньшей, иначе невозможно понять, почему именно его именем с такими фанфарами завершается «Майн Кампф».

Эккарт, хоть и завзятый индивидуалист, был образцовым представителем своего времени. Он был поэтом, драматургом и плодовитым публицистом, ведущим активную светскую жизнь. Он также был воинствующим националистом, знакомым с десятками важных людей не только в Мюнхене, но и в Берлине и в других местах. Более того, он был открытым антисемитом, отлично

знающим литературу по этому вопросу и вносящим в нее свой оригинальный вклад. И он был тесно связан с обществом Туле, а значит, и с сильными *Germanenorden* вкупе с Пангерманским союзом.

Мы уже познакомились с атмосферой, в которой жили эти тайные организации. Они играли решающую роль в борьбе против той части немецкого народа, которая имела левые устремления. Даже в области политики их действия всегда засекречивались. Это были тайные заговоры, они вели политику силы, порой прибегая к убийствам. И все же это было лишь поверхностным движением в мире того времени, насыщенном оккультизмом и полном религиозных ожиданий. (Считалось, что *Germanenorden* создан в ответ на вызов, брошенный тайными еврейскими обществами и происками «сионских мудрецов».) В Эккарте легко увидеть знакомые нам германские устремления, а также и «оккультный» способ воспитания, примененный им к своему ученику Адольфу Гитлеру.

Свидетельства того, что Гитлер обладал оккультными силами, являются историческими фактами – как бы академические историки ни пытались замалчивать их. В своей книге «Гитлер и Сталин – параллельные жизни» Алан Буллок пишет: «В экземпляре наполеоновских “Размышлений”, находившемся в его библиотеке, Сталин выделил абзац: “Именно в тот вечер в Лоди я поверил в то, что я – необыкновенный человек. Меня стало снедать желание совершать великие вещи, о которых до того времени я мог лишь мечтать!” Однако ни в случае Сталина, ни в случае Гитлера у нас нет указаний на подобный момент откровения»[184]. Как мы видели несколькими страницами ранее, это очевидная неправда, во всяком случае, в том, что касается Гитлера. Август Кубицек зафиксировал этот момент: сразу после того, как он и его друг Ади впервые побывали на исполнении «Риенци» Вагнера. Не менее важным является пересказ Гитлером этого самого события Винифред Вагнер и его слова: «Тогда-то все это и началось». Эти моменты кажутся заслуживающими упоминания Бригитте Хаман (2002), Анне Марии Зигмунд (2000) и Ральфу Ройту (2003). Действительно, многие историки молодого поколения в гораздо большей степени, чем их старшие коллеги, готовы учитывать *все* исторические свидетельства, включая и те, которые сложно интерпретировать в рамках общепринятого господствующего мировоззрения.

Есть и другое переживание, по значимости сравнимое с откровением Риенци, и на него также легко указать. Это момент, когда Гитлеру, пациенту военного госпиталя в Пазевалке,

местный пастор сообщил, что Германия проиграла войну, а император отрекся от престола. В «Майн Кампф» Гитлер посвятил описанию этого случая не менее трех страниц. «Что касается меня, то когда этот старичок [то есть пастор] продолжил свой рассказ и сообщил нам, что теперь мы должны положить конец этой длинной войне, так как она проиграна, а мы во власти победителя, я был полностью раздавлен… Оставаться и слушать я больше не мог. Меня окружила тьма. Шатаясь, я еле добрел до своей койки и спрятал раскалывающуюся голову между подушкой и одеялами. Я не плакал с того момента, когда стоял у могилы матери… Следующие дни были ужасны, а ночи еще хуже… Во время этих ночей росла моя ненависть – ненависть к организаторам этого подлого преступления». Гитлер имеет в виду немцев, членов правительства, которые по указанию «евреев» приняли и подписали перемирие. «В последующие дни мне стала ясна моя судьба… С евреями прийти к взаимопониманию невозможно. Это должно быть твердое и нерушимое “или – или”. И про себя я тогда решил, что займусь политической работой»[185].

Это переживание в Пазевалке[25] было для Гитлера не менее важным, чем полученное примерно тринадцатью годами ранее откровение о своей судьбе на Фрайнберге. В каком-то смысле оно было подтверждением: «Мне стала ясна моя судьба». Рассказ Гитлера указывает на то, что в Пазевалке он прошел через глубокий экзистенциальный кризис. «Из страданий, из беспросветного отчаяния… Гитлера неожиданно вызволило “сверхъестественное видение”», – пишет Джон Толанд[186]. Согласно Рону Розенбауму, он пережил «что-то вроде трансформирующего видения или галлюцинации. Это был момент преображения, изменяющего жизнь… У Гитлера появились и миссия, и миф, которые приведут его к власти пятнадцать лет спустя». Розенбаум также упоминает, что Гитлер «слышал голоса» или «имел чудесное видение свыше» и что «Гитлер сам утверждал, что получил в видении указание освободить Германию от евреев и большевиков»[187].

В докладе Вальтера Лангера в Управление стратегических служб мы находим следующее: «Именно тогда, когда он был в госпитале в Пазевалке, страдая от истерической слепоты и немоты, у Гитлера было видение о том, что он освободит немцев из рабства и сделает Германию великой. Именно это видение подвигло его на политическую карьеру и оказало решающее влияние на ход мировых событий. Это видение больше, чем что-либо еще, убедило его в том, что он избран провидением и ему суждено исполнить великую миссию. Вероятно, это самая необычайная характеристика зрелой личности Гитлера, именно

это и ведет его “с безошибочностью сомнамбулы”». Более того, Лангер приводит следующие слова Гитлера из интервью *Pariser Tagezeitung*, опубликованного 23 января 1940 года: «Когда я был прикован к постели [в Пазевалке], ко мне пришла мысль, что я освобожу Германию и сделаю ее великой. Я немедленно понял, что так и случится»[188]. И все это несмотря на то, что Гитлер в те дни был одиноким нулем.

Хотя Гитлер, очевидно, не говорил всей правды о том, что Хаффнер называет «пробуждением в Пазевалке», он, тем не менее, никогда этого не скрывал, точно так же, как не скрывал и своего переживания на Фрайнберге в Линце. Оба опыта схожи и в некотором смысле дополняют друг друга. В видении в Пазевалке, скорее всего, была добавлена идентификация евреев в качестве врагов его задания по преобразованию мира. Итак, теперь ему были явлены три основные опоры его мировоззрения: спасение Германии, его руководящая роль в этом и противодействие евреям, под какими бы личинами те ни скрывались. Гитлер намеренно исказил истину, написав, что «заняться политической работой» он решил в Пазевалке. В действительности это случилось летом следующего года в Мюнхене. Возможно, так он хотел скрыть факт, что решение было принято не им самим, или не вполне самостоятельно, или было принято при обстоятельствах, которые он не хотел раскрывать.

Переживания в Пазевалке и на Фрайнберге – так же, как и большинство решающих моментов в жизни Гитлера – неприемлемы для тех, чье мировоззрение не оставляет места для «сверхъестественных» или «сверхматериальных» феноменов. В монументальной биографии Гитлера, написанной Кершоу, мы, например, читаем: «В начале двадцатых годов Гитлер часто упоминал о переживании в Пазевалке. Имеется и приукрашенная версия, которую он вставил в “Майн Кампф”. Нескольким приближенным он рассказывал, что, когда, ослепнув, он находился в Пазевалке, он получил там что-то вроде видения, контакта или вдохновения о том, что он должен будет освободить немецкий народ и вновь сделать Германию великой. Это очень маловероятно. Этот якобы религиозный опыт служил для создания ореола таинственности вокруг его личности; это играло на руку Гитлеру, так как было ключевой составляющей мифа о фюрере. Уже за два года до мюнхенского путча многие его последователи были знакомы с ранним вариантом этого мифа».[189] Такого рода утверждения ничего не объясняют. Профессиональный и пользующийся большим уважением историк Алан Буллок заслуживает нашей благодарности за то, что изменил основу своего понимания Гитлера. Он признал, что у

него нет никакого ясного и окончательного объяснения этого человека. Он даже сказал Рону Розенбауму следующее: «Думаю, мистикам есть что сказать по этому вопросу»[190].

Считать фантастичным или не относящимся к делу то, что Гитлер сам неоднократно говорил о своих фундаментальных переживаниях, в особенности если его свидетельства, прямые или косвенные, проливают свет на важнейшие факты, – по меньшей мере, неразумно. Неразумно также отметать бесчисленные свидетельства заслуживающих доверия и хорошо осведомленных людей о том, каким они видели Гитлера. Эти свидетельства не вписываются в систему взглядов, преобладающую в научном сообществе; но едва ли разумно объявлять их необоснованными и даже ложными просто потому, что у нас нет инструментов для их интерпретации.

События в Линце и Пазевалке были переживаниями медиума. Их аутентичность подтверждается последующими историческими событиями, которые говорят о том, что это было чем угодно, но не простыми иллюзиями или галлюцинациями. *Это*, в сущности, и было тем, во что верил Гитлер, именно это стояло за его поразительными деяниями, причем полный объем этих откровений он хранил в тайне. Капитан Майр мог что-то знать или подозревать об этом. Дитрих Эккарт, скорее всего, был посвящен в эту тайну. Именно поэтому он взял Гитлера под покровительство и с таким тщанием, преданностью и убежденностью придал вместе с Майром первый импульс его карьере. В утверждении Эккарта, реальном или апокрифическом, что он автор музыки, под которую пляшет Гитлер, есть доля истины. Все это объясняет, почему Гитлер смог выйти на политическую сцену с полностью готовой программой; почему он принял решение, от которого уже не мог отступиться (ведь он не мог избежать явленной в откровении судьбы); почему он не мог смириться с тем, чтобы кто-то стоял выше его или наравне с ним; и почему он никогда не отклонялся от единожды выбранного направления.

Медиум – это человек, способный открыться тому, чтобы через него начало действовать нематериальное существо. Когда это существо действует через медиума, можно сказать, что последний «одержим» им. Мы не раз видели, как незаметный Гитлер неожиданно превращался в непобедимого оратора. Мы видели маленького Гитлера, становящегося всевластным фюрером немцев, стремящимся к мировому господству. Его идеи могут показаться безумными, но они были чудовищно эффективными. Мы также видели ленивца Гитлера, человека богемы, способного, однако, к сверхчеловеческим взрывам

энергии, когда его подстегивало вдохновение. И мы видели Гитлера, способного «гипнотизировать» людей и овладевать ими, видели того, кто перед принятием важнейших решений ждал, что скажет «голос».

Голос не существует сам по себе, это всегда чей-то голос, голос какого-то существа. Гитлер говорил, что его миссия была поручена ему провидением, божественной волей, которая руководит каждым его шагом, и что с ним может произойти лишь то, чему провидение либо благоприятствует, либо не противодействует. Его доверие к этому руководству было абсолютным. Мы уже видели, что после того, как голос выносил свой вердикт, решение не подлежало пересмотру даже перед лицом кажущейся невозможности. Он гордился тем, что играет ва-банк, идет на риск, зная, что руководство не подведет его. До определенного момента так оно и было. Его карьера была блестящим подтверждением истинности его вдохновений. Многие принимали это за настоящий гений, «величайший гений в истории» (Геббельс). С одной стороны мы видим приземленного Гитлера, верящего в теорию мирового льда и в то, что Христос был арийцем, с другой – вдохновенного человека, имеющего грандиозные планы, сталкивающегося с одним кризисом за другим и преодолевающего их, человека, восходящего от мистера Никто из армейских бараков до почитаемого германского мессии, для которого нет невозможного, «как бы близко и как бы часто он ни оказывался у края пропасти» (Буллок).

Слово, на которое вновь и вновь наталкиваешься в описаниях силы, исходящей от Гитлера, – это «харизма». Обычно при этом читателя отсылают к Максу Веберу (1864—1920). Вебер определял харизму как «качество личности, которое считают необыкновенным (обычно полагают, что оно имеет магические источники как в случае пророков, так и в случае великих врачей, законодателей, вождей или героев), вследствие чего такого человека считают одаренным сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по крайней мере, некими недоступными обычным людям силами и по этой причине – “лидером”»[191]. В большинстве случаев, когда используется слово «харизма», даже если автор и ссылается на веберовское определение, в нем уже не остается духа, присутствующего у Вебера. Обычно «харизма» – это просто удобный ярлык, который авторы-профессионалы используют для обозначения верхнего предела их понимания человека, из которого исходит сила. Дальше этого предела они идти не желают. Если для Вебера слова «магический», «сверхъестественный» и «сверхчеловеческий» еще что-то значили, для современных авторов, использующих концепцию харизмы,

они не значат ничего. У Вебера была открытость, которой нет у большинства современных заслуженных историков. И говорить «харизма» – значит пытаться сказать все, не говоря ничего.

Когда мы искали корни нацизма, мы пришли к выводу, что западное мировоззрение ущербно. Оно состоит из обломков иудео-христианской доктрины, бессвязно смешанных с материалистическим принципом: «все есть материя, потому что ничего кроме материи существовать не может». Научные воззрения управляют одной областью современного ума, в то время как по соседству – и ум не видит в этом никакой проблемы – обитает какое-нибудь догматическое верование или, зачастую, самые странные предрассудки. Точно так же, как и в уме Адольфа Гитлера. Но существует ли мировоззрение или концептуальный взгляд на вещи, связная и достаточно широкая система миропонимания, в которой эти хитросплетения гитлеровской личности могли бы найти объяснение?

«Гитлер – в некотором смысле мистик. Он говорит, что им управляет внутренний голос. Он удаляется в безмолвие своей виллы и ждет этого голоса. И он исполняет все, что бы этот голос ни сказал. Он находится во власти определенной сверхнормальной силы, и именно из этой силы, как он выражается, исходит голос. Вы заметили, как люди, враждебно к нему настроенные, после личного контакта с ним становятся его поклонниками? Это знак той силы. Именно от этой силы он получает внушения. Постоянное повторение этих внушений привело к тому, что они завладели немецким народом»[192]. Эти слова произнес в ходе одной беседы 31 декабря 1938 года индийский философ и йогин Шри Ауробиндо.

Шри Ауробиндо учился в школе Св. Павла в Лондоне и в Кембриджском университете; он получил фундаментальное гуманитарное образование и, даже живя в Южной Индии, в довольно зрелом возрасте в совершенстве помнил латынь и греческий; он был одним из ведущих индийских политиков-революционеров и одно время считался «самым опасным человеком в Индии»; он в совершенстве владел английским языком и написал более тридцати объемистых томов по философии, психологии и духовности. Отлично знакомый с традициями и историей как Запада, так и Востока, он предложил глобальное синтетическое миропонимание, позволяющее объединить все уровни реальности.

Шведская академия рассматривала кандидатуру Шри Ауробиндо на получение Нобелевской премии по литературе в 1950 году – в год его смерти. Выдвижение его кандидатуры поддержали Габриэла Мистраль и Перл С. Бак[26] . Мистраль

писала о нем так: «Шесть языков, которыми владеет учитель из Пондичери, придали его стилю гармонию, ясность, свободную от всякой витиеватости, и обаяние, близкое к магическому… Это действительно «добрая весть»: знать, что в мире есть место, где культура достигла подобной высоты – объединив в одном человеке сверхъестественную жизнь с совершенным литературным стилем. Красивая и строгая классическая проза играет роль служанки духа». Мы вскоре увидим, что Шри Ауробиндо пристально следил за карьерой Гитлера и ходом Второй мировой войны. Это с избытком документировано как его собственными работами, так и записями его бесед.

14. Мировоззрение Шри Ауробиндо

Эволюция не закончена; разум – это не последнее слово природы, а человек – не последняя ее форма. И как человек произошел от животного, так и из человека появится сверхчеловек.

Шри Ауробиндо

Двойная лестница

Мировоззрение Шри Ауробиндо эволюционно; оно включает в себя общепринятое научное мировоззрение и в то же время превосходит его. В этом мировоззрении материя не является единственной и самодостаточной реальностью, одни лишь материальные факторы не способны объяснить эволюционный процесс. Эволюционный принцип – «создание материальных форм, сначала бессознательных и безжизненных, а затем материи живой и мыслящей, появление все более и более организованных тел, способных выразить все большую силу сознания, – изучался наукой с физической стороны, – пишет Шри Ауробиндо в своем главном труде “Жизнь Божественная”. – Но очень мало было сделано для понимания внутренней стороны – стороны сознания. Исследовалась главным образом физическая основа, инструменты сознания, а не развитие процессов сознания как таковых».

«В эволюции имеется некая непрерывность, ведь жизнь основывается на материи, разум – на доразумной жизни, интеллектуальный же разум, в свою очередь, опирается в своем появлении на витальный ум, который имеет дело с чувствами и восприятиями. И все же расстояние от одного уровня сознания до другого в этой восходящей серии огромно. Кажется, что через эту пропасть невозможно ни перепрыгнуть, ни навести мост. При этом мы не находим в прошлом никаких конкретных удовлетворительных свидетельств того, что этот переход в действительности имел место. Нет информации и о том, каким способом он был совершен. Даже во внешней эволюции – эволюции физических форм, где у нас хватает данных, есть “недостающие звенья”, которые так и не могут найти. В эволюции же сознания этот переход объяснить еще труднее. Это скорее метаморфоза, чем переход»[193].

Основой всякого существования, в какой угодно форме, является «Это» – вездесущая реальность, которую невозможно ни ограничить, ни определить именем. Ее сущностные атрибуты – это бытие, сознание-сила и абсолютное блаженство. В индийской традиции «Это» часто называют Брахман. «Брахман во всем сущем, все сущее в Брахмане, Брахман есть все сущее». Это абсолютное, неделимое нечто, без центра, без очерчивающих границ. «Вездесущая Реальность есть истина всей жизни и истина всякого существования, абсолютного и относительного, телесного и бестелесного, живого и безжизненного, разумного и бессмысленного. И во всех видах самовыражения этой Реальности, постоянно меняющихся и даже постоянно противостоящих друг другу, – от противоречий, доступных нашему опыту до отдаленнейших парадоксов, теряющихся на границах невыразимого, – Реальность едина, это не сумма и не набор составляющих. Все разнообразие исходит из нее, все перемены совершаются в ней, в нее они возвращаются. Все утверждения подвергаются отрицанию лишь для того, чтобы вести к более широкому утверждению той же Реальности. Противоположности сталкиваются, чтобы выявить единую истину в ее противоречивых аспектах, чтобы через конфликт обнаружилось их единство. Брахман – это альфа и омега. Брахман – это Единый, и вне его нет бытия»[194].

Эволюционный цикл, участниками которого мы являемся, происходит в Нем – в своем источнике, сущности и цели. И так как ему нет конца, нет конца и его проявлениям, космическим циклам. Очевидно также, что там, где есть эволюция, развертывание, раскрытие, должно было произойти предварительное свертывание или инволюция. «Ничто не может эволюционировать из материи, если оно уже не содержится в ней изначально… Эволюция жизни из материи предполагает ее предшествующую инволюцию в материю, иначе нам придется предположить, что жизнь была сотворена дополнительно и магическим, необъяснимым образом помещена в природу… Во всем сущем есть скрытое сознание, которое мало-помалу начинает проявлять свои врожденные сущностные силы – иначе эволюцию сознания и знания невозможно было бы объяснить»[195]. Имеется «восходящая и нисходящая иерархия планов сознания, которая, как двойная лестница, сначала опускается в несознание материи, а затем вновь восходит через расцвет жизни, души и ума в бесконечность духа»[196].

Именно в этом источник известных нам уровней бытия: материи, жизни и ума, а также планов, превосходящих уровень ума. У этих уровней есть и другое название: «великая цепь

бытия». Артур Лавджой в предисловии к своей книге пишет: «Фраза, выбранная мной для названия [“Великая цепь бытия”], с давних пор была одной из самых расхожих в словаре западной философии. Она также хорошо известна в науке и метафизической поэзии. Сама концепция, которую в настоящее время можно выразить идентичной или близкой фразой, была одной из полудюжины самых продуктивных и устойчивых отправных точек западной мысли. Действительно, еще столетие назад “великая цепь бытия” была, возможно, самым широко известным подходом к описанию *схемы* вещей – упорядочивающей организации вселенной. Неудивительно, что во многих областях знания она задала направление развития современных идей»[197].

«Ничто не может развиться из материи, если оно уже не содержится в ней, – пишет Шри Ауробиндо. – Каждый шаг, каждый уровень бытия подготавливает следующий, в нем содержится то, что проявится на следующих уровнях… В каждом атоме есть то, что становится в нас волей и желанием… Каждая частица того, что мы зовем материей, неявно содержит в себе [все другие принципы бытия] … Жизнь, ум и сверхразум уже присутствуют в атоме». В конечном счете, «материя – это форма духа, его обитель. И именно здесь, в самой материи, возможно раскрытие и реализация духа». Ибо «материя – это субстанция и сила духа. Иначе она не могла бы существовать»[198].

Человек – это переходное существо

Один из афоризмов Шри Ауробиндо гласит: «Эволюция не закончена; разум – это не последнее слово природы, а человек – не последняя ее форма. Когда-то человек произошел от животного; сейчас из человека появляется сверхчеловек»[199]. Другими словами, место человека – где-то на верхней ступени восходящей лестницы, но не на самой ее вершине. Человек – это не царь природы, он просто является ее высшим достижением к настоящему времени. Однако будущая эволюция – если есть смысл измерять ее во времени – может оказаться такой же длительной, как и прошедшая. «Принято считать, что животное – это живая лаборатория, в которой природа создала человека. Сам же человек, быть может, это живая и думающая лаборатория, в которой – и с сознательным сотрудничеством которой – она стремится создать сверхчеловека, Бога»[200]. В обеих цитатах «сверхчеловек» означает новую эволюционную ступень или ступени, которые возвышаются над нами так же, как мы сами

возвышаемся над животными.

«Человек – это переходное существо, а не конечный результат. Для этого он слишком несовершенен. Он несовершенен в своей способности к знанию, несовершенен в воле и в действии, несовершенен в своем отношении к радости и красоте, несовершенен в своей жажде свободы и в инстинкте к порядку. Даже если он сможет достичь совершенства в пределах своего вида, сам принцип этого вида слишком низок и узок, чтобы удовлетворять потребностям вселенной. Необходимо нечто большее, высшее, более способное к всеохватной универсальности – высшее существо, высшее сознание, воплощающее в себе всё, чем собирался стать этот мир… Человек должен развить из себя божественного сверхчеловека: он рожден для того, чтобы идти выше. Человечество – этого мало»[201].

Человек играет особую, критическую роль в мировом эволюционном процессе: он стоит на перепутье. Это загадочный «икс», неполное, проблематичное, сомневающееся в себе существо между двумя полусферами низшей и высшей природы. «Человек анормален, он так и не нашел своей собственной нормы – он может воображать, что это не так, он может казаться в некотором смысле нормальным, но эта нормальность, скорее, является временной организацией в ожидании лучшего. Поэтому, несмотря на то, что человек бесконечно выше и растения, и животного, его природа не так совершенна, как у животного или растения. На это несовершенство не стоит пенять, это скорее привилегия и обещание, открывающие перед нами бескрайние просторы для саморазвития и самопревосхождения. Человек в своих высших проявлениях – это полубог, вышедший из животной природы и величественно анормальный в сравнении с ней. То же, чем он начинает становиться, – полный Бог, – настолько превышает его сегодняшнюю природу, что кажется ему сегодня ненормальностью – точно так же как и сам он анормален по животным критериям»[202].

Строение человеческого существа так же многопланово, как и его эволюционная позиция, простирающаяся от отдаленного и большей частью забытого прошлого в бескрайнее будущее. «… Даже его физическое существо не исчерпывается телом; явная плотная материя еще не есть вся наша субстанция. Древнейшее ведантическое знание говорит о пяти уровнях нашего существа: материальном, витальном, ментальном, идеальном и духовном или блаженном. И каждому из этих уровней нашей души соответствует уровень субстанции или, используя древний образный язык, оболочка. Позднейшая психология обнаружила, что субстанции этих пяти оболочек являются материалом трех

тел [которые содержатся одно в другом]: грубого физического, тонкого и причинного. Наша душа одновременно пребывает во всех трех, однако здесь и сейчас мы осознаем лишь наш материальный носитель. Но можно научиться осознавать и другие тела. Собственно говоря, причиной всех так называемых “психических” и “оккультных” феноменов и является приподнятие завесы над этими телами – и, соответственно, над нашей физической, психической и идеальной личностями. Мы все больше и больше начинаем их изучать, правда, не достаточно интенсивно и довольно неуклюже; от всего этого пока больше шума, чем толку»[203]. Иными словами, каждый человек содержит в себе все уровни космической эволюции. Он представляет собой, согласно традиции, «микрокосм». «Человек – микрокосм – содержит в своем существе все эти планы, от бессознательного до своего сверхсознательного бытия»[204].

«Вся загвоздка в материи»

Из всех уровней реальности и соответствующих им миров космической «мировой лестницы» йогическое видение Шри Ауробиндо и его духовные усилия фокусировались именно на материи. Он смело шел до конца в логических выводах из положения Упанишад о том, что все есть Брахман. Тогда «материя тоже есть не что иное, как Брахман». «Материя – это форма духа, его обитель, и именно здесь, в самой материи, возможно раскрытие и реализация духа»[205].

«В материи заключен корень всей проблемы; именно она создает препятствие [духовному усилию]: ведь именно материя делает жизнь грубой, ограниченной, она несет боль и смерть. Из-за материи ум больше чем наполовину слеп, его крылья подрезаны, ноги привязаны к жердочке, и он не может подняться вверх, в свободный простор, который чувствует над собой. Поэтому можно понять и с его точки зрения оправдать духовного искателя, который, испытывая отвращение к материальной грязи, возмущаясь животной грубостью жизни и не вынося самоограничивающей узости и приземленности ума, решает порвать со всем этим и устремляется к единственной цели: через молчание и бездействие возвратиться к неподвижной свободе духа. Но эта позиция не является единственно возможной. Хотя она прославлена и украшена блестящими, божественными примерами, мы еще не обязаны считать ее последней универсальной мудростью. Лучше давайте беспристрастно и спокойно посмотрим, в чем же смысл этой божественной

организации вселенной. А что касается великой загадки, этого узла, спутанного клубка материи, отрицающей дух, – попробуем не рубить сплеча, но найти решение, попытаемся отделить друг от друга и распутать все его нити. Сначала мы должны со всевозможной четкостью и полнотой сформулировать это затруднение, это противоречие, если потребуется, скорее преувеличивая, чем преуменьшая серьезность проблемы. Затем мы попытаемся найти выход»[206].

В этом и состоит духовная революция Шри Ауробиндо. Нужно иметь в виду, что в истории человечества главной целью всех духовных усилий, как правило, было освобождение от материи, от болезненного гнета этого мира. Шри Ауробиндо же признает материю тем, чем она и является в действительности, – формой духа. Другими словами: если Божественное создало этот мир, а мы родились в нем, то оба эти факта подразумевают некую цель, ведь Божественное сознание есть безошибочное сознание-истина во всех своих проявлениях. «Касание земли придает силы ее сынам, даже если они ищут сверхфизического знания. Можно даже сказать, что овладеть сверхфизическим во всей полноте – его высоты всегда достижимы для нас, – мы сможем лишь при условии, что наши ноги будут прочно опираться на физическое. “Земля – его опора” – в Упанишаде всегда используется эта фраза, когда говорится о высшем “Я”, проявленном во вселенной. И безусловно, чем шире и надежнее наше знание физического мира, тем шире и надежнее будет фундамент нашего высшего знания, даже высочайшего, даже брахмавидьи [знания Брахмана]»[207].

Этот эволюционирующий космос является одним из «бескрайних саморасширений Брахмана» в божественном акте ви́дения, который одновременно является актом творения. Тип сознания, участвующий в этом божественном самопроявлении, Шри Ауробиндо называет «сознанием-истиной» или «сверхразумом», «истинным инструментом творения вселенского бытия». Сверхразум – это не ментальное человеческое сознание, известное нам; это и не высший его уровень. Сверхразум «лежит далеко за пределами всякой возможности дать его удовлетворительную ментальную схему или изображение, за пределами всякого ментального видения или описания. Обычному нетрансформированному ментальному пониманию трудно выразить или войти в то, что основано на принципиально ином сознании с радикально иным способом видения вещей. Даже если что-то из этого и было бы постигнуто в некоем озарении или открыто нам в видении, для того, чтобы мы смогли ухватить истину этих переживаний, потребовался бы иной язык, иные термины – не абстрактные ярлыки, которыми обычно

оперирует наш ум. Вершины человеческого ума непостижимы для животного, точно так же движения сверхразума находятся за пределами обычного человеческого понимания…»[208]

«Природа ума и всякая его мысль основаны на сознании конечного; природа сверхразума по самой своей сути является сознанием и силой бесконечного. Она видит все с позиции единства и рассматривает все вещи, даже величайшее их множество и разнообразие, даже то, что для ума выглядит самыми крайними противоречиями, в свете этого единства. Воля, идеи, чувства, ощущения сверхразума состоят из субстанции этого единства, его действия протекают на этой основе. Напротив, для разума думать, видеть, желать, чувствовать, ощущать – значит прежде всего проводить различия. Понимание единства он может лишь сконструировать. Даже если ум и переживает это единство, он должен действовать на основе ограниченности и различия. Сверхразум же, божественная жизнь – это жизнь неотъемлемого, спонтанного и сущностного единства»[209].

Согласно Шри Ауробиндо, эволюционное движение не может остановиться и его невозможно остановить. В эволюционном раскрытии – сама суть этого мира. Появление супраментального[27] существа, ауробиндовского сверхчеловека, является неизбежным. «Супраментальная трансформация в ходе эволюции земного сознания предопределена и неизбежна, ведь восходящее движение эволюции не закончено и ум – не последняя ее вершина»[210]. Однако при создании нового, высшего вида в эволюции будут появляться промежуточные существа – без этого гигантский скачок от человека к сверхчеловеку осуществить невозможно.

Человечество едино

Предварительным условием воплощения на земле сверхчеловека является объединение человечества. Причем имеется в виду не его унификация, единообразие, но главным образом сопереживание высших ценностей человечества в его общем опыте. «Человечество едино в своей природе, едино физически, витально, эмоционально, ментально – и оно всегда было таким, несмотря на всевозможные различия в интеллектуальном развитии… У всего рода человеческого, у всех людей в целом одна общая судьба, которую человечество пытается найти. Восходящие и нисходящие циклы, через которые оно проходит за бесчисленные тысячелетия своей истории, все ближе подводят его к этой цели»[211]. С этой точки зрения

современная глобализация и связанный с ней неизбежный хаос являются явным признаком перехода к новой эре. Поэтому многие аспекты современного мира, кажущиеся негативными, можно рассматривать и в положительном смысле – как знаки исключительно сложных перемен, неизбежных в ходе этого крайне важного процесса.

Современный мир уже не является конгломератом отдельных миров или культур, которые существовали на одной планете, но зачастую не имели никакого понятия друг о друге. «Весь мир сейчас подчиняется одному закону», – писал Шри Ауробиндо уже во время Первой мировой войны. После Второй мировой войны он пишет: «У человечества есть обыкновение выживать в серьезнейших катастрофах, будь они результатом его собственных ошибок или природных катаклизмов. Так и должно быть, если в его существовании есть какой-то смысл, если его длительная история и постоянное выживание не являются просто случайным результатом счастливого стечения обстоятельств, как сказало бы нам материалистическое мировоззрение. Если человеку суждено выжить и способствовать эволюционному движению – в котором он в настоящее время является высшей ступенью и до некоторой степени полусознательным лидером, – человечество должно избавиться от хаоса современной международной жизни и прийти к началам организованного совместного действия. Конечным результатом этого должно стать некое мировое государство, унитарное или федеральное, быть может конфедерация или коалиция – всякая меньшая или менее прочная организация не сможет удовлетворительно служить выполнению задач, стоящих перед человечеством»[212].

Ученый и революционер

Аравинда Акройд Гхош родился в Калькутте 15 августа 1872 года. Его отец, хирург К. Д. Гхош, был англофилом и позаботился о том, чтобы в его доме не было слышно бенгальского языка – только английский и немного хинди. Он многого ждал от своих сыновей и в 1879 году послал трех старших в Великобританию. Аравинда должен был готовиться там к сдаче экзаменов для поступления в Индийскую государственную службу (ICS). Это означало принадлежность к номенклатуре колониального режима – высочайший статус, доступный для индийца. Поначалу три брата жили в семье священника-конгрегационалиста в Манчестере, городе, который был центром и образцом промышленной революции. Аравинда получил там прекрасное

домашнее образование европейского типа. «Я ровным счетом ничего не знал ни об Индии, ни об индийской культуре», – напишет он позже. Особое чувство у мальчика с рано пробудившимися поэтическими способностями вызвала поэма Шелли «Восстание ислама». «Я вновь и вновь перечитывал ее, конечно, далеко не все понимая. Безусловно, она находила отзвук в какой-то части существа… Я думал, что приму участие в таком же изменении мира и посвящу этому жизнь»[213].

С 1885 года Аравинда учился в известной школе Св. Павла в Лондоне. Он стал знатоком греческого и латинского языков, а также английской литературы. Он изучал «закон Божий» (Библию), французский язык и математику. Письменные отзывы преподавателей говорят о том, что эти предметы давались ему без труда. По своей инициативе он также изучил итальянский, немецкий и испанский в достаточной степени, чтобы читать Данте, Гете и Кальдерона в оригинале. Тогда он жил в большой нужде, так как его отец, по неизвестным причинам, практически перестал посылать денежное содержание ему и его другому брату: большая часть их скудных средств шла старшему, учившемуся в Оксфорде. Целый год Аравинде приходилось перебиваться «одним-двумя бутербродами с чаем по утрам, а вечером – однопенсовым куском колбасы».

Аравинда сдал экзамен на стипендию в Королевском колледже Кембриджского университета, и ему была предоставлена первая же открывшаяся вакансия – это означало, что он был лучшим кандидатом. Известный под именем А. А. Гхош, Аравинда учился в Королевском колледже с октября 1890 по октябрь 1892 года. Благодаря стипендии времена жесточайшей бедности остались позади. «Так как он получал стипендию, он должен был готовиться к классическим кембриджским экзаменам на диплом с отличием [эквивалент бакалавра искусств]. Он сдал их после двух лет подготовки вместо обычных трех. Одновременно, как кандидат на должность в ICS, он должен был следовать совершенно другой программе и продемонстрировать свое владение полудюжиной предметов на трех экзаменационных сессиях»[214]. Он успешно двигался по всем этим направлениям.

Общее образование, получаемое в этом университете, кратко охарактеризовано Питером Хисом так: «Как гуманитарий, Аравинда был вовлечен в систему образования, уходившую корнями в Ренессанс. Овладеть латинским и греческим, читать в оригинале Гомера, Софокла, Вергилия и Горация, впитать культуру классической Греции и Рима – вот что считалось приличным образованием для английского джентльмена. Правда, то, что изучалось в классах, составляло лишь часть, и не самую

важную, приобретаемого в Кембридже опыта. Сама атмосфера этого университета полностью захватывала тех, кто поступал в него, и совершенно преобразовывала личность»[215]. А. А. Гхош вышел из Кембриджа ученым-гуманитарием и джентльменом. Знания, обретенные здесь, он сохранит на всю жизнь, став общепризнанным мастером английского языка и широко образованным человеком.

Но Аравинда уже не желал поступать в Индийскую гражданскую службу. Под влиянием отца, посылавшего ему вырезки из газет с описанием английских бесчинств в Индии, он стал смотреть на присутствие Британии в Индии по-новому. Он вступил в одни из националистических ассоциаций индийских студентов. В этих организациях находились осведомители, доносившие правительству о революционных речах А. А. Гхоша. Кроме того, он ненавидел рутинную бумажную работу в бюрократичной ICS. Три раза его вызывали на последний экзамен по верховой езде, но он так и не явился. В результате он был дисквалифицирован и исключен из списка кандидатов в ICS.

По стечению обстоятельств, именно тогда махараджа Бароды, во время одной из своих многочисленных поездок в Европу, посетил Лондон. Он обрадовался случаю за бесценок заполучить человека, подготовленного к ICS, что означало квалификацию много выше средней. Аравинда отплыл в Индию в феврале 1893 года. Он ступил на индийскую землю в гавани Аполло в Бомбее и был принят на службу Саяджи Рао Гаэквада III (1863—1939) два дня спустя. Несомненно, что контраст княжеской, но отсталой Бароды с такими местами, как Манчестер, Лондон и Кембридж, был разительным. Через некоторое время Аравинда уже читал курс французского языка и преподавал английский в колледже Бароды, где позже станет проректором. Махараджа также пользовался его услугами в качестве неофициального личного секретаря, главным образом для написания речей и истории своего царствования.

Не прошло и полугода после его прибытия в Индию, как Аравинде предложили написать серию статей в газете *Indu Prakash*. Этот момент можно считать его вступлением в индийскую политику. В появившейся серии, названной «Новые светильники вместо старых», он в пух и прах разносил партию Индийского национального конгресса (основанную в 1885 году) за ее смиренное поведение по отношению к британским хозяевам. Он делал это так убедительно, что руководство газеты испугалось и попросило его сбавить тон или писать на другие, не столь животрепещущие темы. «Новые светильники» – свидетельство ранней политической зрелости А. А. Гхоша и того огня, который

горел в нем уже тогда. Несмотря на атмосферу «апатии и отчаяния», царившую в то время (независимость казалась тогда разумным людям «абсурдной химерой»), он был первым, кто открыто потребовал в печати полной независимости для своей родины.

Он был принят в Западное тайное общество в Бомбее, а также принес клятву беззаветно служить родине в *Anushilan Samiti*, «первой истинно революционной индийской организации» в Калькутте. К этому времени он женился на девушке из своего родного города, Калькутты (этот город тогда все еще был столицей Британской Индии – Дели займет его место лишь в 1911 году). Он бывал в Калькутте почти каждый год во время отпуска – этими случаями он пользовался для проведения тайной революционной деятельности, к которой позже присоединится и его младший брат Барин. Они пытались создать сеть организаций для подготовки вооруженного восстания. Впрочем, будет преувеличением сказать, что в те ранние годы их усилия увенчались даже умеренным успехом.

Но как раз тогда (в 1905 году) лорд Керзон внезапно объявил о разделении Бенгалии на две административных единицы (со временем это приведет к образованию индийского штата Западная Бенгалия и государства Бангладеш). Бенгальцы были крайне возмущены разделом своей древней земли – казалось, они подхватили патриотическую лихорадку. В этой атмосфере революционная деятельность наконец стала возможной. Революционный пыл подогрели и победы Японии в Порт-Артуре (1904 год) и Мукдене (1905 год) в войне с Россией – это впервые доказало, что азиатская страна может побеждать чванливых европейцев. В 1906 году в Калькутте был основан бенгальский Национальный колледж. Несмотря на то, что его жалование при этом уменьшалось в несколько раз, Аравинда оставил службу у махараджи и стал ректором этого колледжа.

Начался период лихорадочной активности. Ауробиндо – теперь он писал свое имя именно так – не только держал на плаву Национальный колледж, он также помогал газете воинствующих экстремистов *Yugantar* («Время перемен»), редактором которой был его брат Барин, регулярно писал в *Bande Mataram* – англоязычном революционно-националистическом еженедельнике и даже нашел время написать пьесу «Персей-освободитель», вышедшую в 1907 году. Голос Ауробиндо Гхоша разнесся по всей Индии. Его заметки, пропагандируя идею безусловной независимости и осуждая коллаборационизм, были написаны так искусно, что не пересекали тонкой грани, отделявшей их от прямых призывов к бунту.

Ауробиндо всегда предпочитал действовать за кулисами и настаивал на том, чтобы его имя нигде не упоминалось. Однако его все же вынудили выйти на сцену – началось дело о «подстрекательстве к бунту в *Bande Mataram*» (1907 год). Обвинение так и не смогло ничего доказать. Единственным результатом процесса стало то, что Ауробиндо сделался всеиндийской знаменитостью.

К тому времени Ауробиндо Гхош стал признанным лидером «крайних» – фракции Конгресса, которая была не удовлетворена робкой политикой «умеренных». По существу, он был самым экстремальным «крайним». На конгрессе в Сурате в декабре 1907 года произойдет столкновение – его настойчивость в отстаивании идеи полной независимости Индии от колониальной оккупации приведет к расколу всего Конгресса. Политическая умеренность вскоре умрет своей смертью. В 1929 году, более чем через двадцать лет после того, как Ауробиндо определил «сварадж» как «полную независимость», Джавахарлал Неру провозгласит, что «в первой статье конституции Конгресса под словом “сварадж” нужно понимать “полную независимость”». Еще восемнадцать лет спустя эта цель будет реализована – Индия станет свободной.

В богатой событиями жизни Ауробиндо большое значение имеет 1908 год – год решительных внутренних перемен. Он долгое время стремился найти четкую психологическую базу в стремительном потоке событий. Спустя какое-то время после конгресса в Сурате он встретил в Бароде йогина Вишну Баскара Леле. Эта встреча оказала большое влияние на Ауробиндо. Дело в том, что, последовав советам Леле по успокоению ума, он совершенно неожиданно получил потрясающий опыт «безмолвного Брахмана». В действительности, это был больше чем опыт, это была постоянная реализация – состояние внутреннего молчания больше никогда не покидало его. Он также принял совет Леле следовать указаниям внутреннего голоса на пути духовного исследования, называемого йогой – «искусством сознательного самораскрытия».

Однако британские власти прекрасно знали, как опасен политик Ауробиндо Гхош, и искали способ избавиться от него. Возможность представилась 30 апреля 1908 года. Барин со своей группой молодых патриотов, тайным вдохновителем которых был Ауробиндо, произвел очередную неудачную попытку покушения на официальное британское лицо. Тогда колониальные власти взялись за дело решительно. Ауробиндо Гхош был арестован одним из первых. Суд над ним и другими революционерами, главным образом молодыми студентами, бросившими учебу для того, чтобы сражаться за свободу родины, вошел в индийскую

историю под именем «Алипорское дело о бомбе» – арестованные содержались в Калькутте в Алипорской тюрьме. Процесс продолжался целый год. Барина и еще одного революционера приговорили к смерти – затем этот приговор заменили ужасами тюремного заключения в Порт-Блэре на Андаманских островах. Остальных приговорили к различным срокам заключения. За недостатком улик о причастности к покушению Ауробиндо был оправдан.

Годичное пребывание в тюрьме Ауробиндо использовал для интенсивной внутренней работы. Это привело к серии все более глубоких духовных реализаций. И тот Ауробиндо, который вышел из тюрьмы 6 мая 1909 года, был другим человеком в сравнении с тем, кто вошел в нее со связанными руками и веревкой вокруг поясницы за год до того. Он видел теперь, что его политическая работа и борьба за освобождение Индии являются лишь частью борьбы за духовный подъем человечества, который должен будет вывести его на новый уровень развития. В своей знаменитой речи в Уттапаре он сказал, что национализм, то есть освобождение страны, – это лишь часть *санатана дхармы*, вечного закона.

Но британские власти не забывали об Ауробиндо-политике. Самые высокопоставленные из них – лейтенант-губернатор Бенгалии и вице-король – называли его в письмах «опаснейшим человеком в Индии». Когда был подписан еще один ордер на его арест, Ауробиндо, следуя указанию внутреннего голоса, немедленно оставил Калькутту. На весельной лодке он достиг Чандернагора – французского анклава к северу от столицы, а немного спустя отплыл в Пондичери – другой французский анклав на Коромандельском берегу к югу от Мадраса, где предполагал временно остановиться. Он больше не покинет Пондичери никогда.

За ним последовала горстка молодых бенгальских революционеров, ставших его первыми учениками. Ему вновь пришлось пережить период крайней бедности. Но никакие внешние обстоятельства уже не способны были поколебать его, и даже постоянное присутствие британских шпионов вокруг дома, где он жил, скорее забавляло. До нас дошли его рабочие дневники, посвященные практикуемой или, скорее, открываемой им йоге. Именно эта работа поглощала все его время. Вскоре он станет известен как «учитель из Пондичери» или *Махайогин* (великий йогин), как его называют до сих пор. К нему присоединялось все больше учеников, некоторые пересекали весь субконтинент, следуя внутреннему зову. А затем появился некто, независимо пытавшийся решить те же самые задачи, что и Ауробиндо. Это стало толчком для начала нового периода в

развитии того, что Ауробиндо позже назовет своей «интегральной йогой».

Леди из Парижа

Мирра Альфасса родилась 21 февраля 1878 года в Париже. Ее отец был турком, а мать – египтянкой. Семья переехала в Париж за несколько месяцев до ее рождения. В те времена этот город, обновленный бароном Хауссманом, был культурной столицей мира. Именно здесь родилась «высокая мода», это была Мекка художников; универсальные магазины, художественные выставки, цирки и кабаре, наподобие «Мулен-Руж», привлекали неиссякаемые потоки туристов. Всемирные выставки проходили там в 1889 (именно тогда была построена Эйфелева башня) и в 1900 годах. Париж задавал тон в манерах и модах, а французский язык по-прежнему оставался языком Европы, на нем говорили образованные люди и дипломаты всех стран.

Мирра выросла в довольно богатой буржуазной семье. Ее брат станет генерал-губернатором французской Экваториальной Африки. Сама она уже в раннем возрасте обнаружит большую независимость ума и решит стать художницей в дни, когда живопись и игра на фортепиано могли быть прекрасным времяпрепровождением для женщины, но никак не профессией. Поступив в 1893 году в одну из художественных академий, Мирра оказалась вовлечена в бурную жизнь артистической среды того времени. «Я знала всех великих художников [конца] девятнадцатого и начала двадцатого века». Среди ее близких знакомых были Огюст Роден и Анри Матисс. Когда Мирра вошла в мир искусства, расцвет импрессионизма уже остался позади, задавали тон постимпрессионизм, пуантилизм и фовизм.

В 1897 году она вышла замуж за художника Анри Мориссе.

Работы самой Мирры ценили. Некоторые ее картины были избраны жюри ежегодной крупной официальной выставки *Salon de la Société Nationale des Beaux-Arts* в 1903, 1904 и 1905 годах. Однако сама она считала себя «очень посредственным художником». Но за видимой канвой внешних событий с раннего детства шло интенсивное развитие внутренней жизни, и этим она не могла поделиться ни с кем. Ее родители были материалистами и атеистами, а муж, видимо, тоже не особенно интересовался подобными вещами. «Во мне было такое желание знать… Знать, знать, *знать*! Понимаешь, я не знала ничего, то есть совсем *ничего*, кроме вещей обычной жизни: внешнее знание. Я прорабатывала все, что мне давали изучать. Я выучилась не

только всему, что преподавали мне, но и всему, чему учили брата, – высшая математика и все такое! [Ее брат учился в Политехнической школе.] Я училась, училась и училась – но все это было не то. *Ничто* не давало мне объяснения, я ничего не могла понять!»[216] Она искала знание, которое помогло бы ей объяснить внутреннюю реальность.

Так продолжалось до тех пор, пока она не встретила одного индийца, заехавшего в Париж и подарившего ей копию «Бхагавадгиты». Он сказал: «Читайте “Гиту” и примите Кришну в качестве символа имманентного бога, внутреннего божества». Он сказал лишь это. «Но в один месяц все было сделано. Я впервые узнала, что необходимо обнаружить что-то внутри меня, что важнее этого нет ничего. Я ринулась вперед как ураган, меня ничто не могло остановить»[217]. Мирра обладала упрямым характером, а теперь шлюзы, сдерживавшие талые воды, были открыты. Она читала всю духовную литературу, какую только могла найти, – «Дхаммападу» и другие буддийские и индуистские тексты. Кроме того, в эти десятилетия в Европе многие открывали для себя искусство и религии Востока, чему способствовали писатели, например братья Мопассаны, а также весьма активный музей Гиме в Париже.

В 1903 году ей попало в руки *Revue cosmique* («Космическое обозрение»), выпускаемое Космическим обществом, основателями которого были Макс Теон (псевдоним Луиса Бимштейна) и его жена. Контакты с Теоном привели к тому, что Мирра взяла на себя руководство журналом и дважды посетила эту пару оккультистов в Тлемсене (Алжир) в 1906 и 1907 годах. Там, у подножия Атласских гор, Теоны уединенно жили на вилле, окруженной великолепным садом. Мирра убедилась, что оккультные способности Теона оправдали ее ожидания, не меньшее уважение она питала и к мадам Теон, всегда отзываясь о ней исключительно высоко. Скоро она научилась всему, чему можно было у них научиться.

«Необходимой составляющей эволюции человечества является познание этих [оккультных] вещей и привнесение их истин и сил в жизнь, – писал Шри Ауробиндо. – Наука сама в некотором смысле является оккультизмом, ведь она выводит на свет методы, которые природа держит в тайне; наука использует свое знание с тем, чтобы привести в действие силы, не включенные природой в набор обычных операций; она организует и предоставляет в распоряжение человека скрытые природные силы и процессы – широкий спектр физической магии. Ведь всякая магия – это использование тайных истин бытия, тайных природных сил и процессов. Другой магии нет и не может быть. И

очень может быть, что для того чтобы сделать завершенным физическое знание, потребуется знание сверхфизическое, ведь за процессами физической природы стоят сверхфизические факторы: ментальные, витальные и духовные силы и воздействия, а их не способны ухватить никакие внешние инструменты познания»[218].

Мирра занялась оккультизмом в том же научном, непредвзятом духе. «[Оккультизм] – это знание, которое современный мир едва ли признает научным, – говорила она. – И все же оно научно в том смысле, что имеет четкие методы, и если в точности воспроизвести все условия, то получаешь тот же самый результат»[219]. «Оккультизм на Западе… так никогда и не повзрослел, не достиг зрелости. Он не сумел подвести под себя прочные философские или систематические обоснования. Его слишком увлек романтизм сверхъестественного. Его главная ошибка в том, что он направил свое основное усилие на обнаружение формул или эффективных методов использования сверхъестественных сил. Его занесло в магию, белую и черную, то есть в романтические, чудесные сферы оккультного мистицизма. Он кичился своими знаниями, которые, в сущности, были очень скудными и ограниченными. Эти тенденции, а также шаткость ментальных оснований привели к тому, что защищать его стало трудно, а дискредитировать очень просто – он стал легкой и уязвимой мишенью» (Шри Ауробиндо)[220].

Мирра и Анри Мориссе постепенно отдалялись друг от друга. Теперь Мирра жила одна. Она активно участвовала в жизни суматошного метрополиса – Парижа, – как мы можем судить по ее беглым упоминаниям об этом периоде, которые она роняла здесь и там в беседах. Она рассказывала о популярном театре «Гран Гиньоль» со спектаклями типа «Горбун», в каком-то смысле аналогичными нашему «Джеймсу Бонду», о театрах на открытом воздухе с комедиями Жоржа Фейдо и классических постановках «Комеди Франсез». Были и встречи со знаменитостями, такими как Анатоль Франс и Генрик Сенкевич, автор «Камо грядеши». Была музыка Рихарда Вагнера, Камиля Сен-Санса, Сезара Франка и Амбруаза Томаса, автора лирической оперы «Миньон», были и концерты Юджина Исайи, великого бельгийского скрипача.

Вероятно, через Теонов около 1908 года Мирра познакомилась с Полем Ришаром – тот также приехал в Тлемсен, чтобы встретиться с ними. Ришар – довольно амбициозный гуманитарий и свободомыслящий социалист – начинал протестантским священником в Лилле, а после получения степени стал адвокатом в Парижском апелляционном суде. В 1910 году он посетил Пондичери, чтобы агитировать там за кандидата своей социалистической партии, ведь Пондичери –

французский анклав – имел право на одно место в Палате представителей в Париже. Однако, по всей видимости, реальной целью этого визита были поиски йогина, который мог бы глубже ввести его в духовные и оккультные аспекты жизни, что глубоко его интересовало. Когда же, после прибытия в этот сонный южноиндийский городок, он начал расспросы, то услышал, что ему повезло – как раз недавно в городе поселился великий йогин с севера. Так Поль Ришар встретился со Шри Ауробиндо, который произвел на него большое впечатление.

Пройдет еще четыре года, и Ришар, на этот раз вместе с Миррой, на которой он женился в 1911 году, вновь вернется в Пондичери. Теперь уже он выставлял в Палату представителей свою собственную кандидатуру. За это время Мирра познакомится с суфийским учителем и музыкантом Инайатом Ханом, в ходе европейского тура его «Королевских музыкантов Хиндустана», и особенно хорошо – с Абдулом Баха, сыном и преемником Бахауллы, основателя религии Бахаи.

К этому времени Мирра была так хорошо духовно и оккультно подготовлена и получила такой глубокий опыт в этих областях, что ее саму можно было считать истинной йогиней. В ходе своих встреч с учителями Востока и Запада и собственных опытов ей стало ясно, что человечество движется к созданию нового мира, и чтобы помочь этому движению, необходимо осуществить новый синтез духовного знания. Ее мировоззрение имело много общего с идеями Шри Ауробиндо, о которых ей рассказал Поль Ришар. Она согласилась сопровождать Ришара в его поездке в Пондичери, не подозревая, что ждало ее там. Они прибыли в Пондичери 29 марта 1914 года. Ришар поспешил к своему йогину из Бенгалии, но Мирра пошла туда лишь после полудня того воскресного дня. Она желала встретиться с ним один на один, чтобы самой понять, что он из себя представляет. Эта встреча имела решающее значение. В своем дневнике 1 апреля она записала: «Начался новый этап».

Избирательские потуги Ришара потерпели полное фиаско; в гангстерском мире пондичерской политики того времени он был наивным ягненком среди волков. Он добился большего успеха на другом фронте – убедил Шри Ауробиндо рассказать о своем революционном видении в философском журнале. Ежемесячник был назван «Арья», и на его обложке впервые было напечатано имя «Шри[28] Ауробиндо» Гхоша, вместе с именами двух других редакторов – Поля и Мирры Ришар. Именно в этом журнале Шри Ауробиндо с 1914 по 1921 год опубликует все свои основные работы. Месяц за месяцем он одновременно писал главы «Жизни Божественной», «Синтеза йоги», «Идеала

человеческого единства», «Человеческого цикла», «Тайны Вед» и других работ, каждый раз в самый последний момент успевая сдать рукописи в типографию. Прежде чем большая часть этих работ появится в форме книг, пройдет еще двадцать лет.

Очень скоро все хлопоты по изданию и наполнению ежемесячника содержанием легли на плечи одного Шри Ауробиндо – Поля выслали из французской Индии за контакты с этим «ужасным» Ауробиндо Гхошем. Всякий раз, когда совершался новый теракт против колониальных властей, подозревали, что его тайным вдохновителем, несмотря на славу ученого и йогина, является Гхош, хотя в то время он вовсе не был вовлечен в действия такого рода.

Поль и Мирра Ришар отплыли в охваченную войной Европу. В 1916 году Полю удалось добиться места торгового представителя в Японии, и Ришары вновь поплыли на восток, на этот раз опасными, из-за немецких подводных лодок, водами. Япония навсегда запомнится Мирре своей красотой, но также и ментальной скованностью ее жителей.

После четырех лет пребывания в Японии Ришары вновь, под пристальным наблюдением британской полиции, вернулись в Индию. Мирра больше не покинет Пондичери. Однако Поль, как он ни ценил познания Шри Ауробиндо, не смог признать его духовного превосходства. У него были свои амбиции. Позже он станет профессором в одном американском университете.

Первые годы в Пондичери Мирра вела уединенную жизнь, ограничиваясь созданием подходящего материального окружения, в котором Шри Ауробиндо мог бы развивать свою йогу. Когда же в 1926 году его йога достигла критической точки и для ее продолжения он должен был полностью отойти от внешней активности, Мирра взялась за организацию жизни в общине, которая к тому времени выросла вокруг Шри Ауробиндо. За неимением лучшего, эту общину назвали традиционным словом «ашрам». (Ашрам – это духовная община вокруг гуру.) Однако ашрам Шри Ауробиндо не был задуман как замкнутое общество, об этом свидетельствует присутствие женщин на равных правах с мужчинами, а позже и детей. Он задумывался как питомник новой жизни для создания нового мира – поэтому он должен был столкнуться со всеми проблемами этого мира, чтобы найти их решения. Символически он был расположен в центре города.

Теперь Мирра – Шри Ауробиндо стал называть ее Мать – стала «Матерью ашрама Шри Ауробиндо». Шри Ауробиндо больше не принимал посетителей и продолжал свою работу невидимо. О ее деталях мы знаем очень мало. Даже если он и вел в те дни «дневники йоги», до нас они не дошли. Единственные

указания на эту работу можно найти в некоторых мельком оброненных упоминаниях в письмах к ученикам (которых становилось все больше) и в его стихотворениях. После высокой литературной, йогической и философской активности периода «Арьи» он не писал новых книг – лишь продолжал постоянно переписывать и расширять эпическую поэму «Савитри», начатую еще в Бароде и законченную в последние дни его жизни. Мать постоянно была с учениками. Она создала образцовую общину, ставшую словно миром в миниатюре. Во время Второй мировой войны она даже создаст школу для детей связанных с ашрамом семей беженцев, спасавшихся от японского вторжения.

В то же время под руководством Матери была построена Голконда – дом для гостей неподалеку от главного здания ашрама. На Всемирном солнечном конгрессе (1983 г.) в городе Перт, Австралия, о Голконде было сказано следующее: «В одном из самых отсталых районов Индии было построено одно из самых передовых зданий в мире. Что касается материалов и рабочих, условия были самыми неблагоприятными. Это железобетонное строение было создано главным образом добровольцами-непрофессионалами [ашрамитами] в условиях очень ненадежных поставок материалов [работа была прервана на время Второй мировой войны, так как цены на строительные материалы возросли в десять раз], причем практически каждая арматурная деталь изготовлялась на заказ. Однако в результате было создано красивое здание, которое как в архитектурном смысле, так и по своей приспособленности к тропическому климату (13° к северу от экватора) отвечает самым высоким мировым стандартам»[221].

Главной целью йоги Шри Ауробиндо была реализация новой формы сознания, которую он назвал Сверхразумом, и низведение ее вниз, в материю, с тем чтобы стало возможным формирование нового, высшего вида. Под «материей» подразумевалась прежде всего материя его собственного тела, которая, являясь частью материи человечества, должна была стать ее символическим представителем и центром нисхождения. Из «Переписки с Ниродбараном»[29] – регулярного обмена письмами с доктором ашрама – мы знаем, что его многолетняя работа привела к тому, что это нисхождение было уже близко. Однако именно в тот момент силы, препятствующие как его усилиям, так и прогрессу всего человечества в целом, атаковали его лично (он неудачно упал и сломал бедро). Целью этого было отложить или даже предотвратить реализацию сверхразума. Те же самые силы, собрав легионы во внешнем мире, развязали Вторую мировую войну, которой Шри Ауробиндо и Мать придавали столько важности, что вынуждены были временно прервать свою йогу.

Но даже когда Вторая мировая война – второй акт великой войны XX века – подошла к концу, Шри Ауробиндо объявил, что ситуация в мире является не менее, если не более, серьезной. Теперь в распоряжении человечества были беспрецедентные разрушительные силы, и стремления коммунистического блока к мировой гегемонии вызвали страх армагеддона, всеобщего разрушения: третьего, заключительного акта великой войны. Именно в этих обстоятельствах Шри Ауробиндо по причинам, неизвестным его биографам, оставил тело, чтобы опять работать за кулисами – на этот раз не за кулисами политики, но за кулисами материального мира. Мать продолжила его работу по йоге в теле и в 1956 году провозгласила, что нисхождение Сверхразума в земную атмосферу наконец произошло. «Рожден новый мир», – сказала она. Из ее бесед с учениками мы можем составить представление о работе, на которой она сконцентрировала все свои усилия: трансформации человеческого тела в тело нового вида. Она сообщила, что ей удалось построить то, что можно назвать «архетипом» нового вида. Она оставила свое старое материальное тело в 1973 году.

«Атакуют титаны-короли…»

Шри Ауробиндо никогда не считал свой уход в уединение в 1926 году окончательным. Это было необходимо для его йоги, это был приказ его внутреннего голоса, которому он подчинялся беспрекословно. Его уединение многими было понято превратно. Тайна, которая окружала его йогу, необходимая для всякого серьезного духовного поиска, не давала возможности немедленно объяснить происходящее. «Те, кто был занят будничной политикой, жалели, что он отошел от дел. Они думали, что он потерян для Индии и для всего мира и занят лишь собственным внутренним спасением. Поэтому его называли бездельником и эскапистом. Даже сейчас нет достаточного понимания того, что привело его к этому решению», – пишет Ниродбаран в книге «Двенадцать лет со Шри Ауробиндо».

В духовных и политических вопросах Шри Ауробиндо был радикалом. Безусловная независимость Индии считалась химерой, когда он впервые потребовал ее от колониальных оккупантов; теперь такой же химерой казалась полная трансформация материи в ее собственную божественную сущность и создание в ходе сознательной эволюции нового вида. Шри Ауробиндо не начинал с этой идеи, он вообще не начинал с идей. Все более глубокие духовные реализации постепенно

подвели его к неизбежности такой постановки проблемы, хотя порой он и был обескуражен усилиями, которые требовались от него для ее решения. Но он был упрям, и его вера во внутреннее руководство могла быть поколеблена, но не сломлена. «Пусть все люди смеются надо мной, пусть весь ад падет на мою голову за мою самонадеянность – но я иду вперед и буду идти до тех пор, пока не добьюсь победы или не погибну. Вот в каком духе я ищу Сверхразум. Ни о какой погоне за собственным величием или за величием других не может быть и речи», – писал он в одном из писем[222].

«То, что нужно сделать, так же велико, как и человеческая жизнь, поэтому сферой деятельности этих первопроходцев будет вся жизнь в целом. Для них ничто не будет чуждым или не относящимся к делу. Ведь духовному преобразованию должны подвергнуться все составляющие человеческого существования – не только интеллектуальная, эстетическая и этическая, но и динамическая, витальная и физическая. Поэтому ни к этим составляющим, ни к любой области деятельности, связанной с ними, они не будут испытывать ни презрения, ни отвращения, – как бы ни настаивали они при этом на необходимости изменения их духа или преобразования их форм» («Человеческий цикл») [223]. «Шри Ауробиндо однажды написал ученику: «Думаю, я могу сказать, что я проверял это [духовное знание и духовный опыт] день и ночь, год за годом, скрупулезнее, чем любой ученый проверяет свою теорию или метод на физическом плане». Как это делалось, показывает “Дневник йоги” (*Record of Yoga*). Его можно рассматривать как лабораторный журнал, фиксирующий длительную серию экспериментов по йоге» (Питер Хис) [224]. Шри Ауробиндо не желал «давать санкцию на новую версию старой неудачи», создавая новую йогу, которая «не принесет истинного и радикального изменения внешней природы человека»[225].

Если отход Шри Ауробиндо от общественной жизни не был выходом на покой, еще меньше это походило на уединение с полным отречением от дел этого мира. Он читал газеты и внимательно следил за всеми мировыми событиями. В его распоряжении были и выработанные им йогические методы восприятия: «Я вижу мир от края и до края, и горизонт моему взору не преграда…»[226] Кроме того, он должен был ежедневно отвечать на письма учеников, которые могли свободно переписываться с ним, порой злоупотребляя этой привилегией. «Дорогой мой сэр, – пишет Шри Ауробиндо Ниродбарану, – если бы вы видели меня теперь – уткнувшегося носом в бумаги с послеобеденного времени до самого утра – я разбираю, разбираю, разбираю и пишу, пишу, пишу – даже каменное сердце ученика

дрогнуло бы…»[227] В этих письмах, выдержки из которых опубликованы в многотомном сборнике «Письма о йоге», обсуждались все проблемы человеческой жизни – от самых банальных до самых тонких – и одновременно в них четко отражались политические перемены как внутри Индии, так и за ее пределами.

Кроме того, приходилось вести непрекращающиеся йогические битвы, ведь ни одно йогическое исследование, ни одна попытка продвинуться вперед не проходит без испытания или атаки – невидимые силы, господствующие в этом мире, не желают выпускать его из своих лап. Об этом аспекте работы, в то время никому не известном, Шри Ауробиндо написал в 1935 году в стихотворении «Труд Божества». Это одно из самых прекрасных стихотворений, существующих на земле. Языком баллады в легком, непринужденном ритме здесь изображены испытания, выпадающие на долю пионеров эволюции. «Тот, кто захочет низвести сюда небеса, / сам должен спуститься в грязь / и переносить тяготы земной природы, / и идти путем страданий… Моих зияющих ран не счесть, / и атакуют титаны-короли, / но я не могу передохнуть, пока не выполнена задача / и не исполнена вечная воля… / Я погрузился в ужасное сердце бесчувственной Земли / и слышал колокол ее черной мессы. / Я видел источник, из которого исходят ее страдания, / и глубинную причину ада…»[228]

«Властители-титаны» атаковали Шри Ауробиндо ранним утром 24 ноября 1938 года. Это был день даршана – один из четырех дней в году, когда ашрамиты и гости могли увидеть его лично с Матерью, сидящей рядом, и получить их благословения. Он очень неудачно упал в своей комнате и сломал правую бедренную кость. Это случилось как раз тогда, когда после многих лет непрерывных усилий, ожидалось нисхождение высшего, Супраментального сознания в материю. Теперь же условия жизни Шри Ауробиндо решительно изменились. Раньше доступ в его комнаты имели лишь Мать и верный Чампаклал, теперь же нужно было допустить врачей, фельдшеров и помощников; перелом бедра был очень сложным, и для выздоровления требовалось долгое время. Находясь возле Шри Ауробиндо, эти люди воспользовались возможностью и беседовали с ним, задавали вопросы. Беседы были записаны Пурани («Вечерние беседы со Шри Ауробиндо») и Ниродбараном («Беседы со Шри Ауробиндо»). Эти записи являются прямым свидетельством вовлеченности Шри Ауробиндо и Матери во Вторую мировую войну.

В июле 1942 года, когда исход войны был все еще не ясен,

Шри Ауробиндо писал ученику: «Вы не должны думать об [этой войне] как о борьбе одних стран против других, тем более как о борьбе за Индию. Это сражение за идеал, который должен прочно установиться на земле, сражение против тьмы и лжи, которые пытаются сейчас заполонить всю землю и все человечество. Нужно видеть силы, стоящие за сражающимися сторонами, а не те или иные второстепенные обстоятельства… Это борьба за свободу развития человечества, за условия, которые дадут людям свободу и пространство для того, чтобы думать и действовать согласно своему внутреннему свету и расти в истине и духе.

Нет ни малейших сомнений, что если определенная сторона победит, этой свободе и надежде на свет и истину придет конец. Работа, которую надлежит сделать, будет подчинена таким условиям, что станет выше человеческих сил. Придет царство лжи и тьмы, жестокое подавление и деградация большей части человечества – такие, что люди этой страны [Индии] ничего подобного и во сне не видели и пока не способны даже вообразить. Если же победит другая сторона, провозгласившая себя сторонницей свободного будущего человечества, этой ужасной опасности удастся избежать. Тогда будут созданы условия, в которых идеал сможет расти, божественная работа может быть завершена, а духовная истина, за которую мы боремся, сможет установиться на Земле. И те, кто сражается на этой стороне, – сражаются за Божественное против царства Асура[30] , которое нам угрожает»[229].

Человеческий цикл

Книги Шри Ауробиндо опираются не только на его скрупулезно проверенный духовный опыт, но и на огромную эрудицию. Он был прекрасно знаком с традициями, культурами и некоторыми основными языками Востока и Запада, впитав в себя их литературу и поэзию – Гомера и Шелли наряду с Вьясой и Калидасой. Он восхищался Платоном в частности и всей греческой культурой в целом, «где просто жить – уже означало получать образование». Об этом свидетельствуют его эссе о Гераклите и четыре тысячи гекзаметров незаконченного эпоса «Илион». Он очень высоко ценил Будду, который, «если говорить о действиях, был самой могучей известной нам личностью, жившей на земле и оказавшей влияние на земную жизнь»[230]. Он также часто ссылался в своих работах на Ницше.

О его эрудиции и прекрасной памяти говорит то, что он использовал в качестве отправной точки своего труда

«Человеческий цикл» идею Лампрехта[31] о поэтапном развитии человечества. Шри Ауробиндо использовал его терминологию для обозначения стадий этого развития (символическая, типическая, условная, индивидуалистическая и субъективистская), наполнив эти термины новым глубоким содержанием.

Символический этап – религиозный и духовный; жизнь в этот период является прямым проявлением или символом внутренней истины. Следующий, типический этап, является главным образом этическим и психологическим: в обществе, перешедшем на эту стадию, духовные истины становятся моральными идеалами или нормами, а преобладающие психологические качества начинают определять категории или «типы» людей. «Условный же этап человеческого общества зарождается тогда, когда внешние подпорки, внешнее выражение духа или идеала становятся важнее самого идеала – одеяние или тело становится важнее, чем сам человек». Это период стандартизации и огрубелости, когда все постепенно становится лишь «именем, оболочкой, маской». Он «либо должен быть расплавлен в тигле индивидуалистического периода общества, либо его слабость и ложь приведут к гибели всю систему жизни, цепляющуюся за него»[231].

«Восставший индивид сбрасывает с себя иго, провозглашает истину, как он ее видит сам. Тем самым он неизбежно подрывает саму основу религиозного, социального, политического и, в какой-то момент, быть может, даже морального порядка старого общества – ведь оно базируется на авторитете, которому он не верит, на условностях, которые он разрушает, а не на живой истине, которая могла бы с успехом противостоять его собственной. Поборники старого порядка, быть может, правы, когда они пытаются подавить его – как разрушительную силу, пагубную для общественной безопасности, политического строя и религиозной традиции. Но на этом он стоит и не может иначе [согласно знаменитым словам Мартина Лютера], потому что его миссия в том, чтобы разрушать – разрушать ложь и обнажать новые основания истины». Индивидуалистическая стадия означает «начало века протестантизма, века разума, века бунта, прогресса и свободы»[232] – века, открывшего возможность обновления и возрождения, века Ренессанса и Реформации.

В этот век разрушаются окаменевшие слои мысли и общества, что дает человечеству возможность взглянуть на мир новыми глазами и заново исследовать живую реальность. Это путь к «субъективистскому периоду человечества, к которому оно должно вернуться еще раз, чтобы вновь обрести свое внутреннее «я» и начать движение по восходящей линии нового цикла

цивилизации». Европейские аналоги этих исторических фаз «человеческого цикла» уже должны быть нам ясны, в особенности после всего того, что мы узнали о конце христианской эры в Европе, о новых открывшихся возможностях с началом Ренессанса и века Разума, о важности великой мутации, *Wende*[32] , начавшейся около 1880 года, в которую мы все еще полностью вовлечены в настоящее время и которая уже принесла столько значительных перемен. Необходимо добавить, что, согласно Шри Ауробиндо, циклы развития человечества никогда не повторяются, они являются выражением восходящей эволюции, витками расширяющейся спирали.

«Век разума, – писал он в 1916 году, – на наших глазах подходит к концу. Новые идеи получают признание удивительно быстро и стремительно распространяются по земному шару. Эти динамичные идеи – например, ницшеанская воля к жизни, бергсоновское вознесение интуиции выше интеллекта или новейшая немецкая философская тенденция признавать сверхрациональные способности и существование уровня сверхрациональных истин – препятствуют преждевременному наступлению эры типического экономического рационализма. Уже начинает устанавливаться новое интеллектуальное равновесие, и скоро начнут применяться на практике концепции, дающие надежду на то, что индивидуалистическую эру человеческого общества сменит не новая типическая стадия, а век субъективный, который вполне может оказаться великим и эпохальным переходом к совсем иной цели. Быть может, мы уже живем в предрассветных сумерках нового периода человеческого цикла»[233].

Шри Ауробиндо был убежден в важности перемен в жизни человечества. Он был далек от того, чтобы считать хаос и насилие, вызываемое этими переменами, дурным предзнаменованием, напротив, он оценивал их скорее положительно, как признаки ускоренного движения к новому и высшему этапу развития человечества. «Все эти тенденции, пусть и в грубых, первичных, слабо сформированных формах, уже проявлены в сегодняшнем мире и растут день ото дня с удивительной скоростью. Их появление и рост означают переход от рационалистического и утилитарного периода человеческого развития к высшей субъективистской эпохе»[234]. Эти изменения, однако, были столь глубоки, что спровоцировали две «горячие» мировые и третью, потенциально еще более разрушительную, «холодную» войну. Они привели к убийству миллионов и к новому выходу на поверхность самых темных слоев человеческой природы.

Шри Ауробиндо еще перед Первой мировой войной ясно видел опасную сторону немецкого национального характера. «Военная мощь, политические и коммерческие амбиции Германии, наряду с острым чувством стесненности ее географического положения и тем фактом, что ее окружал враждебный союз, были непосредственными моральными причинами [Первой мировой войны]. Однако реальная причина лежит в самой природе международных отношений и в психологии национальной жизни. Главной чертой этой психологии является преобладание и обожествление национального эгоизма, выступающего под священным именем патриотизма». Национальный эгоизм Германии раздулся непомерно, что привело к необратимости направления, которое приняла ее политика. «В Германии… классы аристократов и капиталистов, объединившись, образовали Пангерманскую партию с чрезмерными и почти безумными амбициями… Пангерманизм выражал стремление немецкой индустрии к овладению значительными природными ресурсами и широким выходом к Северному морю. Все это можно было взять у стран, лежащих вдоль Рейна. Захват африканских территорий… и, возможно, французских угольных месторождений… вот каковы были ее реальные цели»[235].

Выводы, которые сделала стоявшая на дарвинистских позициях Германия, Шри Ауробиндо суммирует в «Человеческом цикле» так: «Завоевание мира немецкой культурой – это прямой путь человеческого прогресса. Но под культурой здесь понимается не просто уровень знаний, система или определенная форма идей, моральных и эстетических тенденций. Культура – это жизнь, которой управляют идеи, но идеи, основанные на истинах жизни, организованные так, чтобы добиться от нее наибольшей эффективности. Поэтому всякая жизнь, неспособная к этой культуре или этой эффективности, должна быть уничтожена или подавлена. Всякую же жизнь, способную к ней, но фактически не достигшую ее уровня, необходимо поддерживать и в конце концов ассимилировать. Но вопрос о способности – это всегда вопрос рода или вида, в человечестве же – вопрос расы. Полностью способной является лишь тевтонская раса. Следовательно, все тевтонские расы должны быть присоединены к Германии и сделаны частью немецкой общности. Расы менее способные, но не являющиеся совершенно непригодными, нужно онемечить. Другие же – безнадежно деградировавшие, как латинские расы Европы или Америки, или расы, неполноценные по самой своей природе, как большая часть африканцев и азиатов, – нужно либо, где возможно, полностью

заменить, либо господствовать над ними, эксплуатировать их и обращаться с ними в соответствии с их неполноценностью. Таким образом эволюция сделает шаг вперед на пути к совершенству человечества»[236]. Всего в нескольких строках дано полное описание комплекса расового превосходства и будущей расовой политики Германии.

Параллели и контрасты

Сравнивая концепции Адольфа Гитлера с мировоззрением Шри Ауробиндо, можно найти поразительные совпадения. Прежде всего, Гитлер считал себя глашатаем и основателем новой эры в человеческой истории, которая следует за эпохой христианства. В его намерения входило формирование расы сверхлюдей, которые создадут новый мир; они будут править им, укрепленные верой в свою расу и в ее особую миссию; их власть будет всемирной и продлится тысячу лет, то есть вечно; более того, сверхлюди будут становиться все чище и благороднее, так как будут избавлены от опасности деградации, исходящей от низших рас и прежде всего от самой низшей, демонической расы – еврейской. Мировоззрение Шри Ауробиндо провозглашало новую эру, начало преобразования человеческих существ в высшие существа, которых он называл «сверхлюдьми»; эти высшие существа будут жить в новом мире, являющемся выражением более высокого сознания, которое они собой воплощают. В первом приближении можно сказать, что мировоззрение Гитлера является темным двойником мировоззрения Шри Ауробиндо. Соображения такого рода даже привели к тому, что некоторые провозгласили Гитлера «аватаром», то есть божественным воплощением, пришедшим положить начало новой эпохе (см. *Miguel Sarrano*: *Hitler – El ultimo Avatar*).

Однако мировоззрение Шри Ауробиндо по сути своей прогрессивно, тогда как взгляды и намерения Гитлера – ультрареакционны и возвращают человечество в эпоху варварства, которую, казалось бы, мы навсегда оставили позади. Новый человек Гитлера был воспитан так, чтобы слепо подчиняться командам и не зависеть от своих чувств и эмоций. Его приучали вести себя по-господски, без пощады к чужим народам, считать тяготы и войну своей родной стихией, а смерть – свои высшим достижением. Он гордился тем, что был непреклонен и неистов до жестокости. Его личность выражалась в его униформе, его полезность народу – в обезличенности.

Сверхчеловек Гитлера знал, во имя чего умереть, но зачем ему было жить – остается загадкой. Неужели расовой гордости, приправленной воскрешенным фольклором и новой религией масс, достаточно для человека? Разве может быть удовлетворительной жизнь робота высшей расы? И кто будет их богом после того, как Гитлер сойдет с земной сцены?

По контрасту со зловещей картиной мира, управляемого расовыми роботами, Шри Ауробиндо подчеркивал первостепенную важность индивида, сознание которого возвышается над уровнем массы или группы. Индивид является центром или «генератором» космических сил в человечестве. «Коллективный ум понимает вещи сперва подсознательно, а если и сознательно, то путанно и хаотично; масса может прийти к ясному пониманию и осуществлению идей, уже находящихся в ее подсознательном “я”, лишь через ум индивида. Те мыслители, историки и социологи, которые преуменьшают важность индивида и готовы растворить его в массе или счесть, скорее, клеткой, атомом, ухватили лишь теневую сторону работы природы в человечестве. Человек не похож ни на материальные природные творения, ни на животных именно потому, что в намерения природы входит все более и более сознательная эволюция человека. В нем гораздо больше развита индивидуальность, она обладает первостепенной важностью и совершенно необходима»[237].

«Индивидуалистический принцип человека, рассматриваемого как отдельное существо, состоит в свободе развиваться и руководить своей жизнью, удовлетворять свои ментальные тенденции, эмоциональные, витальные и физические нужды согласно своим собственным желаниям под руководством своего разума. Этот принцип не признает никаких других ограничений этого права и свободы, кроме обязательства уважать это право и свободу в других… Если смотреть на жизнь в этом ключе, то окажется, что каждая нация, точно так же, как и индивид, имеет неотъемлемое право свободно управлять – хорошо или плохо, если она того пожелает, – своими собственными делами, и в эти дела никто не имеет права вмешиваться до тех пор, пока она сама не начинает вмешиваться в дела других наций». В этих формулировках Шри Ауробиндо ясно слышится эхо идей Канта и идеалов Просвещения.

Мы уже неоднократно видели, что фашизм в целом и нацизм в частности являются бунтом против идеалов Просвещения и прежде всего против идеи «прогресса». Основная же мысль Шри Ауробиндо как раз и состояла в возможности и необходимости трансформации человеческого существа во что-то высшее, что

является единственным путем реального прогресса. Однако это – задача неимоверной сложности, вероятно, именно поэтому ее никогда и не пытались решить раньше. Но Мать-Земля, казалось, уже достигла в подготовке человечества пункта, когда создались условия, благоприятствующие попытке осуществить невозможное. Около 1900 года все указывало на неизбежность решительных перемен – к лучшему или к худшему.

Шри Ауробиндо решительно настаивал на важности идеалов Просвещения для поддержания импульса поступательного движения человечества. Эти новые ценности – «демократическая троица» свободы, равенства и братства – должны стать постоянными составляющими психологической структуры человечества. Пути «поступательной эволюции» нужно держать открытыми. «Нам важно видеть, на чью сторону встают люди или нации; если они становятся на сторону истины, они немедленно становятся инструментами божественного замысла, несмотря на все дефекты, ошибки, ложные движения и поступки, которые есть в любом человеке и в любом обществе. Победа одной стороны [союзников] оставит открытой дорогу для эволюционных сил; победа же другой потащит человечество назад – к ужасающей деградации. В самом худшем случае может случиться даже так, что оно исчезнет, подобно тому как в ходе эволюции вымирали и исчезали другие виды»[238].

Выбор высший и выбор низший: что же пошло не так?

И все же редко какой «иностранец» так высоко ценил качества и способности немецкого народа, как Шри Ауробиндо. «Германия некоторое время являлась самым замечательным примером нации, готовящейся к субъективной стадии развития. Во-первых, она имела некое видение – к несчастью, интеллектуальное, а не духовное – и смелость следовать ему, которая была все-таки витальной и интеллектуальной, а не духовной. Во-вторых, она была госпожой своей собственной судьбы и имела возможность организовать жизнь так, чтобы та выражала ее видение самой себя… Реальным источником этой огромной субъективной силы, которая так исказилась в объективном проявлении, были вовсе не военные или политики Германии… Эта сила шла от ее великих философов: Канта, Гегеля, Фихте, Ницше, от ее великого поэта и мыслителя Гете, от ее великих композиторов Бетховена и Вагнера и от всего того в немецкой душе, что они собой выражали. Нация, чьи главные достижения почти полностью лежали в области философии и музыки, была явно предназначена для того, чтобы

первой повернуть к субъективизму и стать главным действующим лицом в первых значительных событиях – будь они добрыми или злыми – на заре субъективного века.

Это одна сторона предназначения Германии. Другая была видна в ее гуманитариях и естествоведах, работниках образования, в организаторах. Эта страна издавна славилась трудолюбием, добросовестностью, прилежанием, верностью идеям, духом тщательной и честной работы. Народ может быть богато одарен субъективными способностями, но если он недостаточно культивировал эту низшую часть своей природы, он не сможет навести мост между миром идей и фантазий и миром фактов, между видением и силой, а только это и может сделать осуществление идеалов возможным… В Германии этот мост существовал… Более полувека Германия направляла проникновенный взор вглубь себя, в глубину вещей и идей. Она искала истину своего собственного существования и истину мира. Еще полвека она упорно проводила научное исследование объективных путей осуществления того, что, как ей казалось, она уже обрела».

Что же пошло не так? «[Германия] приняла свое витальное эго за свое “я”; она искала душу, а нашла лишь силу. Ибо она сказала, подобно асуру: “Я – это мое тело, моя жизнь, мой ум, мой темперамент” и с титанической силой отождествилась с этим. Особенно важно то, что она заявила: “Я – это моя жизнь и мое тело”, а большей ошибки ни человек, ни нация совершить не могут. Душа человека, душа нации – это нечто более высокое и более божественное; она выше своих инструментов, ее нельзя заключить ни в физическую, ни в витальную, ни в ментальную формулу. Она не сводится и к формуле, описывающей определенный нрав или характер. Если ограничить ее таким образом, эта ложная формация – даже будучи воплощенной в бронированном общественном теле огромного социального динозавра – лишь подавит рост внутренней реальности и приведет к упадку и исчезновению. Такова судьба всего того, что непластично и не способно к адаптации»[239].

Этот фрагмент был написан во время Первой мировой войны. Еще больше подходит он к Германии, развязавшей Вторую мировую. Какое-то время Германия была единственной страной, где сконцентрировались стремление и возможность выйти за пределы человека, как показано на страницах, посвященных различным идеям сверхчеловеческих существ, а также идеям о том, что Бога можно найти в собственной душе и что душа человека способна общаться как с душой нации, так и с всеобщей душой. Что же за сила исказила эти перспективы и направила

развитие назад и вниз? Выяснением этого вопроса мы и должны теперь заняться.

15. Властелин Наций

От моей миссии меня может освободить лишь тот, кто призвал меня к ней.

Адольф Гитлер

Наше повествование приняло неожиданный оборот: мы вдруг заговорили об Индии и о работе Шри Ауробиндо и Матери, которых, казалось бы, должны были интересовать духовные вопросы, а не война. И все же Индия непосредственно связана с темой нашей книги: два с половиной миллиона индийцев сражались в рядах британских войск на полях Второй мировой войны, а сама эта страна, как мы увидим далее, играла важную роль в стратегических планах Гитлера. Япония пыталась вторгнуться на индийский субконтинент. Индия, главный столп Британской империи, была, несмотря на то, что военные действия большей частью проходили в Европе и в тихоокеанском регионе, одной из главных ставок в войне. Шри Ауробиндо и Мать пристально наблюдали за ходом военных действий, об этом свидетельствуют многочисленные документы. И они считали чрезвычайно важным свое личное вмешательство, доказательством чему служит постоянство их усилий в этом направлении.

Принимая во внимание изобилие фантазий в литературе о Гитлере, нацизме и об Ордене мертвой головы, не было бы никакого смысла представлять этот новый материал, под каким бы необычным углом мы его ни подавали, если бы он не прояснял некоторые фундаментальные вопросы, на которые «академическая история» не смогла найти ответы. Нужно уважать исторические факты. Новое поколение немецких историков начинает использовать данные, которые долгое время находились под запретом, несмотря на то, что для понимания Гитлера и его революционного движения они совершенно необходимы. Многие из этих заново оцененных фактов касаются рождения национал-социализма, другие – психологических взаимоотношений немцев со своим фюрером, рейхом и войной, третьи же касаются загадочной личности фюрера, которая сделала возможным и национал-социализм, и войну. Мы также будем работать с этими фактами.

Одержимый

«Когда мы говорим, что Гитлер находится под властью витальной силы, мы констатируем факт, а не выносим моральную оценку. Это видно из того, что он делает и как он это делает», – сказал Шри Ауробиндо в январе 1939 года[33] . Он упомянул об этом еще раз: «Можно сказать, что сам Гитлер – не дьявол, но он находится во власти одного из них»[240]. Мы уже писали о том, что Шри Ауробиндо внимательно следил за событиями в мире. Мать даже говорила, что война полностью прервала их йогическую работу – ситуация в мире была критической, и они ни на мгновение не могли позволить себе оставить ее без внимания.

В «Переписке с Ниродбараном», которая датируется серединой тридцатых, можно найти указания на то, что Шри Ауробиндо все больше и больше был обеспокоен ростом нацизма. Ситуация в мире на пороге войны и самое ее начало ежедневно обсуждались в небольшой группе учеников, которые оказались рядом с ним после перелома бедра. В его комнате даже был установлен громкоговоритель, соединенный с внешним радио, чтобы он мог лично слушать новости Би-Би-Си. «Я не видел еще ни одного человека, который следовал бы указаниям асура с такой исключительной точностью, – сказал он о Гитлере после того, как тот вторгся во Францию. – Он никогда не рассматривает аргументы за или против. Для него это не имеет значения. Именно так он идет против всех генералов… Все это время он следовал своим вдохновениям и опирался на удачу… У него самый оригинальный ум, потому что этот ум – не его собственный»[241].

По словам Матери, Гитлер «прекрасно осознавал, что является инструментом» асура. В ее письме к сыну Андре, написанном после того, как в Мюнхене была решена судьба Чехословакии, мы читаем: «О недавних событиях. Ты спрашиваешь, что это было: “опасный блеф” или “нам едва удалось избежать катастрофы”? Если мы примем обе эти возможности одновременно, то окажемся ближе к истине. Гитлер, безусловно, блефовал… Он использовал тактику и дипломатию, но, с другой стороны, за каждой человеческой волей стоят силы, чье происхождение не является человеческим, и которые сознательно стремятся достичь определенных целей. Игра этих сил очень сложна и обычно не улавливается человеческим сознанием. Но для простоты объяснения их можно разделить на два противоположных лагеря: на тех, что работают для исполнения воли Божественного на земле, и тех, что препятствуют этому… Гитлер является избранным инструментом антибожественных сил, желающих насилия, хаоса и войны, так как они знают, что это замедляет действие божественных сил и

препятствует их работе. Именно поэтому катастрофа была так близка, хотя ни одно человеческое правительство и не желало ее сознательно»[242].

В 1951 году, в одной из бесед с детьми из школы ашрама Мать говорила: «Гитлер общался с существом, которое он считал Всевышним. Это существо приходило, давало советы, говорило ему все, что он должен сделать. Обычно Гитлер уединялся и пребывал в одиночестве до тех пор, пока не входил в контакт со своим “руководителем” и не получал от него вдохновляющие идеи. Затем он исполнял их с величайшей точностью. Это существо, которое Гитлер считал Всевышним, было просто-напросто асуром, которого в оккультизме называют Властелин Лжи. Сам же он провозгласил себя Властелином Наций. Он выглядел потрясающе. Он может пустить пыль в глаза любому, кроме того, кто обладает реальным оккультным знанием и способен видеть то, что лежит за внешней формой. Он мог провести любого, он был действительно великолепен.

Обычно он являлся перед Гитлером в серебряных доспехах и шлеме; казалось, его голова горела огнем и вокруг была аура ослепительного света… Он говорил Гитлеру, что тот должен делать; он играл с ним словно с мышью или обезьянкой. Он явно решил сделать так, чтобы Гитлер совершил все возможные безумства, прежде чем свернет себе шею – что и произошло… Гитлер был великолепным медиумом. Он был очень талантлив, но ему не хватало ума и способности различать. Это существо могло сказать ему что угодно, и он все проглатывал. Именно оно мало-помалу толкало Гитлера вперед. И оно делало это для развлечения, вовсе не принимая этого всерьез. Для таких существ люди – это ничтожные твари, с которыми они играют, как кошка с мышью, до тех пор, пока не съедят»[243].

«В молодости Гитлера считали забавным чудаком, и никто не обращал на него внимания, – говорил Шри Ауробиндо. – Он попал во власть витального существа, именно это придает ему размах и величие. Без этой витальной силы он был бы грубовато-дружелюбным малым со своими увлечениями и некоторой эксцентричностью. Именно людей подобного типа, у которых психическое[34] не развито и слабо, может захватить такое существо. В них нет ничего, что могло бы противостоять этой силе. По его последним фотографиям [январь 1939 года] я вижу, что он стал настоящим преступником и быстро катится вниз». В те же дни Шри Ауробиндо заметил: «Может показаться странным, что судьба всего мира зависит от одного человека, однако это действительно так. Все глядят на него снизу вверх. В определенном смысле человечество никогда еще не опускалось

так низко, как сейчас. Такое впечатление, что судьбы мира вершат несколько насильников, а все остальные готовы склониться перед одним человеком»[244].

«Гитлер был всего-навсего человеческим существом. Как человек, он был очень мягким, очень сентиментальным, – говорила Мать. – У него было сознание простого рабочего, кто-то сказал, сапожника… одним словом, рабочего, учителя… Но он был одержим [витальной силой] … Он был медиумом, очень хорошим медиумом. *И эта сила овладела им именно во время спиритического сеанса*. Как раз в такие моменты [когда в него входило витальное существо], с ним случались припадки, которые называли эпилептическими. Но это была не эпилепсия, это были критические стадии одержимости… Когда он хотел узнать что-нибудь от этого существа, он удалялся “размышлять” на свою виллу [в Оберзальцберг]. В действительности же он интенсивно призывал там того, кого называл своим богом, высшим богом, того, кто был Властелином Наций… Само собой, это существо не являлось физически. Гитлер был медиумом, он “видел”, он обладал определенной силой ясновидения. И именно тогда с ним случались эти припадки… Люди из его окружения это знали»[245].

Слухи о загадочных кризисах Гитлера просочились наружу. Именно по этой причине противники прозвали его *Teppichfresser*, «коврожуй». Самое лучшее описание этого феномена приведено в последней части книги Раушнинга «Говорит Гитлер», которую мы цитировали в предыдущей главе. Достоверность гитлеровских кризисов все еще оспаривается. Как бы то ни было, в нашем распоряжении множество описаний его припадков крайней ярости, в особенности на совещаниях с генералами. Он вопил, его лицо становилось багровым и в углах рта выступала пена. Во всяком случае, предрасположенность была налицо.

Посол Франсуа-Понсе также упоминает о том, что в окружении Гитлера говорилось о кризисах, которым тот подвержен. Они шли «от крайних проявлений ужасающего гнева до жалобных стонов раненого животного… Ясно то, что нормальным он не был; это был психопат, почти помешанный, персонаж из Достоевского, один из “одержимых”»[35] [246]. А вот фрагмент из книги «Взлет и падение Третьего рейха» Ширера, где описываются встречи Гитлера с Чемберленом. Тогда фюрер был «в состоянии высшей степени нервозности»: «Казалось, он находился, как я записал в дневнике тем вечером, на грани нервного срыва. “*Teppichfresser!*” – пробормотал мой немецкий спутник, редактор, втайне презиравший нацистов. Он объяснил, что в последние дни фюрером овладела такая мания по поводу

чехов, что он не единожды полностью терял контроль над собой, бросался на пол и жевал край ковра. Отсюда и пошло прозвище “коврожуй”. За день до того, разговаривая с партийцами в отеле “Дреесен”, я уже слышал это слово в применении к фюреру – само собой, говорили шепотом»[247].

«Инструментом, пригодным для асурических сил, стать легко – они берут и используют движения твоей низшей природы, поэтому никаких духовных усилий совершать не приходится» (Шри Ауробиндо[248]). «Нередко человек, попадающий под влияние [демонических сил], начинает считать себя высшим существом. Дело в том, что это дает людям чувство собственной исключительности и необыкновенности… Это случается с людьми амбициозными, с теми, кто желает власти, господства над другими, кто хочет быть великим учителем, великим наставником, кто хочет творить чудеса и обрести необычайные способности» (Мать[249]). Открытость этим силам может привести не только к разрушению души, обычно это также имеет и губительный физический эффект – что демонстрирует нам сгорбленный, шатающийся и дрожащий Гитлер в свои последние дни в берлинском бункере.

«Гитлер открылся воздействиям, которые толкали его вперед, воздействиям темной и разрушительной силы. И когда он думал, что у него все еще оставалась свобода выбора в принятии решений, в действительности он уже целиком находился под влиянием того, что мы можем с достаточным основанием, а не только метафорически, назвать демонической магией. Вместо человека, который, взбираясь вверх, шаг за шагом освобождается от остатков темного прошлого, перед нами предстает все более и более одержимое существо, которое с каждым шагом все крепче связывается, порабощается, калечится, жертва сил, которые захватили его и больше не отпускают… Он избрал легкий путь – падение, отдавшись силам, влекущим его вниз» (Герман Раушнинг[250]).

«Гитлер в некотором смысле мистик, – говорил Шри Ауробиндо. – Это новый тип мистика – мистик инфрарациональный, темная противоположность того, чего желаем достичь мы: мистицизма сверхрационального… Чтобы получить свои сообщения, он уединяется и ждет, пока они не придут»[251]. Именно поэтому Гитлер вновь и вновь утверждал, что «изучение интеллектуальных материй не приводит к истинному знанию»[252], и настаивал на безусловной *вере* в свое лидерство – ведь знание, необходимое для осуществления этого лидерства, приходило к нему из скрытого, но могучего и безошибочного источника. Как мы видим, большую часть того, что выражено

здесь с использованием оккультных терминов, восприимчивые современники Гитлера чувствовали; у них просто не было необходимых понятий, чтобы адекватно выразить свои ощущения. Они называли Гитлера шаманом, существом света, волшебником, сверхчеловеком или мессией, владеющим силами, необходимыми для выполнения его задачи по спасению мира. Именно так объясняются и его «магическое» влияние, и его ораторские и гипнотические способности.

Падшие ангелы

Веками в европейской цивилизации никого так не боялись, как дьявола. В ученых трактатах объясняется, как это антибожественное существо из преисподней впервые появилось в халдейской Месопотамии. Европейское воображение рисовало его в виде отталкивающего двойника великого бога Пана. Детскость этого образа стала одной из причин того, что дьявол сошел с современной религиозной сцены. Он выглядел слишком смешным – современная ментальность, объявляющая себя научной, не могла принимать его всерьез. В результате зло стало необъяснимым, потеряв источник. А бесконечное зло, совершенное во Второй мировой войне, для некоторых ведущих историков оказалось лишенным субстанциональности, реальной основы и потому не достойным серьезного рассмотрения. Теологов же крайние формы этого зла просто лишали дара речи.

«Враждебные силы существуют. Из йогического опыта о них знали в Азии со времен Вед и Зороастра (а также мистерий Египта и каббалы), они были известны и в древней Европе», – писал Шри Ауробиндо[253]. На основании данных духовного опыта составлен обширный и детальный каталог сил, установивших свое господство на земле и атакующих любое устремление человеческой души к цели, которая превышает их и угрожает их существованию. Согласно индийской традиции, в нисходящем порядке идут: *асуры* – великие враждебные существа витально-ментального плана, которых порой сравнивают с титанами из греческой мифологии; затем *ракшасы* – безобразные «людоеды» с витального уровня, которые, тем не менее, способны принимать самые соблазнительные формы. На самом низшем уровне находятся *пишачи* – маленькие существа, для которых нет большего удовольствия, чем натворить как можно больше бед и сделать человеческую жизнь невыносимой. Почему же эти силы находятся во вселенной, в мире, который и в целом, и в каждой своей части является Брахманом?

Чтобы объяснить происхождение этих враждебных сил, Мать рассказала детям из школы ашрама одну историю. Она настаивала, что это просто иносказание, чтобы хоть как-то разъяснить реалии, превышающие человеческое понимание[36] . Высшее Существо – это *сат-чит-ананда*, другими словами, вечное Бытие-Сознание-Блаженство. Так как оно содержит в себе все, в один (вечный) момент в нем появилось стремление к проявлению, и этого стремления было достаточно, чтобы проявить или «сотворить» всю лестницу миров – то, что Божественное «видит», немедленно осуществляется. Так была создана сверхкосмическая башня миров, от самого низшего уровня до высочайшего, населенная бесчисленными существами. Эта башня существует в вечности, так как творческому стремлению Божественного нет начала и конца. Наряду с этим Божественное остается отстраненным и беспристрастным, самосуществующим в своем самосознании и блаженстве. Эти миры не изменяются, не эволюционируют, и все существа, населяющие их, полностью удовлетворены состоянием своего бытия.

В Божественном содержатся все возможности, поэтому была и возможность создания эволюционирующего мира, мира полной свободы. И из-за этой свободы случилось так, что верховные атрибуты или персоналии Божественного в высшем акте эгоцентризма сочли Божественным самих себя и отвернулись от своего истока. Истина (*сат*) стала Ложью; Сознание (*чит*) стало Тьмой и Неведением; Жизнь (*тапас*, сила сознания) обернулась Смертью; а Блаженство и Любовь (*ананда*) превратились в Страдание. Существуют четыре великих асура – властители Лжи, Тьмы, Смерти и Страдания. Эти четыре силы лежат в основе нашей эволюционирующей вселенной и способны множиться, порождая каскады нисходящих эманаций, демонов меньшего ранга. Главные же – эти «железные четверо, грозные повелители нашего дыхания, / господа лжи, короли неведения, / высшие властители страдания и смерти», – как писал Шри Ауробиндо в своем сонете «Железные диктаторы»[254]. Это четыре всадника Апокалипсиса, четыре силы ада.

Очевидно, с этим творением что-то пошло не так, Высшее Существо обернулось своей противоположностью. И так как асуры являются воплощением абсолютного, непримиримого эгоизма, это творение навсегда могло бы остаться миром лжи, неведения, страдания и смерти. Кто был ответственным за этот «несчастный случай»? – творческая сила Высшего Существа, другими словами, Вселенская Мать, женский принцип всего существующего. И поэтому именно она обратилась к Высшему Существу за

позволением послать вслед за первой волной творения вторую и создала богов, таких же великих, как и великие Асуры, но менее независимых. Из-за присутствия богов изначальное статичное состояние получило возможность вновь двинуться вверх, начать долгое эволюционное восхождение, которое сможет вернуть творение к Божественной Истине, Свету, Жизни и Любви. Но «железные диктаторы» не отдадут добровольно своей власти над вселенной. Именно поэтому эволюция – это постоянное сражение между божественными и асурическими силами. Именно об этом рассказывается в историях всех народов, в мифах, передаваемых из поколения в поколение.

В этом великом падении «космический Ум отделился от света» Божественного сознания, которое есть сознание единства и потому – сознание сущностной, непогрешимой Истины. «В результате этого, вместо мира интегральной истины и божественной гармонии, сотворенного в свете божественного Гносиса, мы живем в мире, основанном на полуправдах низшего космического Ума, где все наполовину правда, наполовину заблуждение». Ложь – крайний результат этого Неведения. «Она создана асурическими силами, вмешавшимися в творение; она не просто отделена от истины и потому ограничена в знании и открыта ошибкам – она является прямым бунтом против истины или имеет обыкновение объединяться с истиной лишь для того, чтобы извратить ее. Эта сила… заменяет истинное знание своим собственным извращенным сознанием, а свои сознательные фальсификации или прямые противоположности Истины называет истиной вещей»[255].

Гитлером овладела именно эта сила – Властелин Лжи, называющий себя Властелином Наций. В те времена, когда нации претерпевали радикальные перемены в направлении нового, высшего сознания гармонии и истины, эта асурическая сила сражалась, как могла, за сохранение статус-кво – своей власти над миром. Согласно Шри Ауробиндо и Матери, именно эта сила стала инициатором войн двадцатого века. Она подстрекала не только Гитлера, но и всех, кто ложью и насилием шел против прогрессивного движения всего мира и объединения человечества. Именно эта сила и охраняла Гитлера.

Заговоренная жизнь

Гитлер часто навещал вдову своего любимого архитектора Пауля Трооста. Однажды она спросила его, почему он так мало заботится о своей безопасности. Тот ответил, что следует своему

«внутреннему голосу», который сказал, что ему суждено оставаться в живых, «пока он будет нужен немецкому народу». Когда Германия перестанет нуждаться в нем, он «будет отозван к своему создателю»[256]. Альберт Шпеер пишет: «Чем больше события загоняли его в угол, тем упрямее он противопоставлял им свою веру в намерения судьбы. Естественно, он по-прежнему трезво воспринимал военные реалии. Но он преобразовывал их своей собственной верой и даже в поражении видел тайную гарантию грядущей победы, данную провидением. Порой ему случалось осознавать безнадежность ситуации, но он непоколебимо верил в то, что в последний момент судьба неожиданно повернет события в его пользу. Если в Гитлере и было фундаментальное безумие, так это его несокрушимая вера в свою счастливую звезду»[257].

Фактом остается то, что полная событий жизнь Гитлера была словно под защитой – не раз он лишь чудом избегал смерти. В предисловии к своей книге «Сорок два покушения на Адольфа Гитлера» Вилл Бертольд пишет: «Очень трудно в точности сказать, сколько же покушений на жизнь Гитлера было совершено на самом деле; документальные источники по-прежнему неполны, а для свидетелей и участников граница между грандиозными планами и реальными действиями со временем оказалась размытой». Сорок два покушения, о которых он рассказывает, – это те, что он смог удовлетворительно документировать. Но «если принять во внимание все то, относительно чего конспираторы договаривались, соглашались, за что брались, делая первые шаги и пытались осуществить, – тогда число покушений будет существенно большим»[258]. Некоторые покушения известны достаточно хорошо. Например, попытка Иоганна Эльсера в пивной «Бюргербраукеллер» 8 ноября 1939 года – тогда Гитлер ушел неожиданно рано. Или покушение Штауффенберга 20 июля 1944 года в ставке Гитлера в Растенбурге – тогда ничего не подозревавший полковник задвинул чемодан с бомбой за тумбу дубового стола, подальше от Гитлера.

Четыре года во время Первой мировой войны Гитлер выполнял опасную работу *Meldegänger*, то есть посыльного, доставлявшего приказы из штаба на передовую. Такой посыльный скакал зигзагами по земле, изрытой воронками, и был любимой мишенью вражеских снайперов. «Он всегда возвращался невредимым, хотя порой действительно искушал судьбу, и это непомерно раздуло его самоуверенность. После испытаний первых лет и нескольких крайне опасных ситуаций, из которых ему чудесным образом все-таки удалось вывернуться, он стал считать себя личностью исключительной, человеком, которого

защищает сам господь. Эта вера укреплялась еще и тем, что в его счастливую звезду верили и его боевые товарищи: “Если Гитлер здесь – ничего не случится”»[259].

Когда полиция открыла огонь по демонстрантам во время путча 1923 года, Гитлеру опять повезло. «Он был на волосок от гибели, избежав пули, убившей Эрвина фон Шойнберг-Рихтера, который шел рядом»[260]. Однако это еще не все. Его телохранитель Ульрих Граф – дородный усатый детина, который постоянно виден с овчаркой своего фюрера на фотографиях первых нацистских лет, – шел тогда слева от него. Когда раздались выстрелы, Граф своим телом прикрыл Гитлера, которого увлек в своем падении Шойнберг-Рихтер. В Графа попало, по меньшей мере, одиннадцать пуль. (Он выжил.)

Эрнст Ганфштенгль рассказывает, как самолет Гитлера однажды едва не упал в Балтийское море. Это произошло во время одного из пропагандистских туров, по пути из Кенигсберга в Киль. «Погода была очень плохой, все небо затянули тучи, но Бауэр [пилот Гитлера] поднялся над облаками, и мы летели при свете солнца. Однако мы не учли усилившийся боковой ветер, и когда мы вышли из облаков, внизу было лишь море, исполосованное дождем. Бауэр включил аппараты для ориентировки, но по какой-то причине берлинская станция не работала, а сигналы из Бремена и Любека постоянно прерывались и давали расходящиеся координаты. Топливо кончалось, и атмосфера стала очень напряженной… Я вспомнил, что Гитлер не умеет плавать… В конце концов он не смог больше этого выносить и заорал на Бауэра: “Поворачивай к югу, земля может быть только там!” … К тому времени ситуация стала критической. Топливные баки были практически пусты. Но в последний момент мы наткнулись на берег – мы оказались над каким-то средневекового вида городком, которого никто из нас не мог узнать». Этим городом был Висмар. Бауэру удалось сесть на аэродроме неподалеку «буквально на одном литре горючего. Гитлера пошатывало, это был один из немногих случаев, когда я видел его в состоянии физического испуга»[261].

После покушения Штауффенберга в июле 1944 года Гитлер демонстрировал как трофей свои разодранные штаны, а также пиджак с квадратной дырой на спине. Его спокойствие основывалось, прежде всего, на этом «чудесном спасении». Словно этот акт предательства усилил его веру в собственную миссию. Во всяком случае, так он представил дело Муссолини, прибывшему в Раустенберг во второй половине того же дня с рабочим визитом. Когда они осматривали руины комнаты для совещаний, Гитлер сказал: «Я вновь и вновь думаю об этом и

прихожу к заключению, что со мной ничего уже не случится, тем более что я не впервые чудом избегаю смерти… После моего сегодняшнего спасения я больше чем когда-либо убежден, что мне суждено довести наше общее дело до счастливого конца»[262].

Также следует обратить внимание на любопытное явление, произошедшее в бункере фюрера под самый конец. Гитлер попрощался со своим окружением, и все знали, что самоубийство неминуемо. «Случилась неожиданная вещь, – рассказывает Тревор-Ропер. – Огромная тяжелая туча словно спала с душ обитателей бункера. Ужасный колдун, тиран, который заряжал все их дни невыносимым мелодраматическим напряжением, скоро уйдет. В эти краткие мгновения междуцарствия они могли повеселиться. В столовой канцелярии, где обедали солдаты и служащие, устроили танцы. Пришли вести [о неминуемом самоубийстве], но это не помешало развлечениям. Из бункера передали, чтобы они вели себя потише, но танцы продолжались. Портной, работавший в штаб-квартире, удивился, когда… бригаденфюрер Раттенхубер, начальник полицейской охраны и глава СС, дружески ударил его по спине и поприветствовал с демократической сердечностью… “Я заметил, что атмосфера полностью изменилась”, – рассказывает он. Затем от одного из своих товарищей он узнал о причине этой неожиданной и необычной приветливости: Гитлер попрощался, он собирается покончить с собой»[263]. Инструмент перестал работать; колдовские чары пали; асурическое влияние исчезло.

Линии сходятся (продолжение)

Во время красной революции в Баварии законное социал-демократическое правительство Гофмана бежало в Бамберг и некоторое время оставалось там даже после освобождения Мюнхена в мае 1919 года. Это значило, что реальная власть в республике Бавария была у рейхсвера (так были названы урезанные после войны немецкие вооруженные силы). Ими командовал генерал Арнольд фон Мёхль. Это одна из фигур, на которой не задерживается внимание историков. Но Мёхль обладал важными связями не только в высшем армейском командовании, он был в близких отношениях и «с пангерманцами, а в особенности с обществом Туле»[264]. Если свести вместе все имеющиеся факты, становится ясно, что этот командующий баварским рейхсвером был вовлечен в заговор правых кругов по свержению социал-демократического правительства.

Фельдмаршал Эрих фон Людендорф, вновь обретя уверенность, пошатнувшуюся после поражения Германии в войне, появился в Мюнхене в поиске сторонников будущего переворота. (Вскоре он окажется замешанным в «капповском путче».) Капитан Карл Майр позднее напишет, что «Людендорф и его друзья, словно голливудские “искатели талантов”, высматривали “лояльных” сотрудников». Людендорф вскоре обнаружил DAP – политический кружок, основанный обществом Туле. Его было не так сложно найти, ведь Людендорф встречался с поборниками национализма, включая генерала фон Мёхля, «каждую среду в небольшом конференц-зале в отеле “Четыре времени года”», в штаб-квартире общества Туле.

В эти критические месяцы 1918—1919 гг. Туле достигло пика активности. Оно стало сборным пунктом всех правых в столице Баварии. В соответствии с указаниями Рудольфа фон Зеботтендорфа, Туле не только основало два отряда Добровольческого корпуса, *Kampfbund Tule* и *Bund Oberland*, но также постоянно поддерживало контакт с правительством в изгнании. Организации правящих левых были созданы по-дилетантски, так что Туле с легкостью могло засылать туда своих людей, надевая на них красные повязки и подделывая документы. Правда, и само общество Туле было защищено не лучше, и это стоило жизни нескольким его членам.

Именно генерал фон Мёхль создал разведывательный аппарат Четвертого военного округа, замаскированный под видом отдела рейхсвера по информации и пропаганде. Он же поставил во главе его капитана Майра. «Я выбрал нескольких людей, отличившихся во время войны. Одним из них был Гитлер», – вспоминал Майр позже[37] . Мы знаем, что Гитлер по заданию Майра присутствовал на собрании в «Штернекербрау» 12 сентября 1919 года, а также то, что позднее он присоединится к этому тайному кружку общества Туле для того, чтобы использовать его в качестве трамплина для исполнения своей миссии. Майр доложил о Гитлере в письме к Вольфгангу Каппу. Там говорилось, что капрал стал «движущей силой» DAP, которую вдохновляет «горячий национализм». Сила Гитлера оказалась настолько эффективной, что, как только стало известно, что Капп и другие заговорщики пытаются свергнуть правительство, Гитлер под опекой Эккарта в самолете рейхсвера был послан в Берлин. Капп, увы, продержался недолго, и они прибыли слишком поздно.

Очевидным фактом является то, что рейхсвер, пангерманцы и *Germanenorden*, при поддержке влиятельного вагнеровского кружка из Байрейта, постоянно плели заговоры по низвержению социал-демократического правительства. Еще раз они попытаются

сделать это в 1923 году. Тогда Гитлер захватит руководство переворотом, который три нерешительных «фона» спланировали в Мюнхене. Изучая литературу, с удивлением обнаруживаешь, как тесно все эти правые борцы за власть были связаны друг с другом. Это либо родственники, либо одноклассники, либо друзья по военной академии. Они служили вместе на фронте или же были братьями по *Germanenorden*, товарищами-пангерманцами, или входили в узкий Байрейтский кружок.

Не менее загадочным выглядит следующий факт: когда Гитлер только начал контактировать с DAP, генерал фон Мёхль потребовал, чтобы ему представили «этого человека», – свидетельствовал позже Майр. Для того чтобы военный, стоящий на вершине иерархии, лично пожелал встретиться с ничтожным и эксцентричным капралом, ему должны были сообщить о нем что-то из ряда вон выходящее. Фон Мёхль также лично распорядился, чтобы Гитлер остался в рейхсвере даже после вступления в политическую партию (то есть в DAP), и чтобы ему выплачивали пособие[265]. С момента, когда одинокий капрал в своем бараке кормил хлебными крошками мышей, прошло совсем немного времени.

Единственным заметным человеком, соединившим в то время свою судьбу с судьбой Гитлера, был, конечно же, Дитрих Эккарт. Удивительно, как стремительно улучшается его репутация в среде молодых немецких историков, начинающих, наконец, осознавать его решающую роль в судьбе Германии. Эккарт – уже не «завсегдатай кофеен и наркоман», но «серый кардинал DAP» (Гесеман), «отец-основатель НСДАП» и «уважаемый член мюнхенского высшего общества» (Берш).

Прежде всего, Эккарт был широко известным драматургом, он был лично знаком с Вильгельмом II и был редактором и издателем газеты «Простым немецким», в которой сотрудничали практически все заметные писатели-националисты того времени. Более того, он был чрезвычайно влиятелен как в Берлине, так и в Мюнхене, так как имел широчайший круг знакомств, что было бы невозможным, будь он всего лишь пьяницей и морфинистом. Неправильное понимание Эккарта берет начало в работах ученых-историков ненемецкого происхождения, не имевших никакого понятия о все еще живой «пивной культуре» Мюнхена, где можно кружка за кружкой дуть золотое варево хоть всю ночь и между тем оставаться уважаемым гражданином. «Отеческий друг» Гитлера глубоко интересовался мистицизмом. Действительно, он был одним из самых заметных сторонников той точки зрения, что Бог не является собственностью той или иной церкви, но что его можно найти в сердце. Он писал в одном из своих стихотворений:

«Проснись, и ты увидишь, что стал Богом».

Ты словно тот, кто бодрствует ночью, но спит днем,
Не ведаешь, что окружен ярчайшим светом.
Ты теряешь самого себя в мире, словно в иллюзорном сне,
И не видишь, что другой мир окружает тебя.
Пойми же, наконец: иной мир уже здесь,
Твой дух еще не пришел сюда – а он уже был здесь[266].

Не ожидаешь найти такие строки у воспитателя Гитлера. Но мы уже видели, что у многих немцев тогда было живо неподдельное стремление к чему-то более искреннему и глубокому, чем то, что могла предложить им путаная переходная европейская культура.

Увы, это чистейшее и истинно духовное стремление было извращено всеобщим эгоцентрическим желанием быть *высшей* расой. Здесь Эккарт не только не отличался от других, но, наоборот, был активным защитником этой идеи. «Миссия немцев закончится – и это убеждение запечатлено в моем сердце – лишь в последний час человечества», ибо немецкий народ должен «исполнить свое предназначение, которое состоит в спасении мира… Сила, мощь и величие Германии необходимы для того, чтобы излечить этот мир!»[267] И далее следует загадочный силлогизм: «Душа, по определению, является христианской»; душа есть лишь у немцев; следовательно, быть немцем и быть христианином – это одно и то же. Отсюда в свою очередь следует, что триада «богоподобный – христианский – немецкий» является антитезой «дьявольскому – еврейскому – антигерманскому»[268].

Эккарт, как и все фолькистское движение, противостоял материалистическому миру, окружавшему его. По сути, он считал себя борцом за новую духовность, которая приведет к новому миру и новому человечеству. Немцы были доблестными борцами за духовность, а евреи – эгоистичными покровителями материализма. Последние не имели никакого понятия ни об истинной духовности, ни о душе, ни об иной жизни. Вольтер давно уже написал: «Чрезвычайно странно, но ни в одном из законов избранного народа нет ни слова ни о духовности, ни о бессмертии души… Совершенно очевидно и несомненно то, что Моисей нигде не обещал евреям наград или наказаний в иной жизни, никогда не говорил им о бессмертии их душ, не прельщал их небесами и не устрашал адом: все было бренным»[269].

Эккарт поддерживал DAP до 12 сентября 1919 года и к тому времени он уже не раз выступал в этом «рабочем кружке» общества Туле. И он уже был знаком с Гитлером. Именно он,

Эккарт, был заявлен докладчиком в тот день, но болезнь помешала ему прийти. Он послал Готфрида Федера выступить вместо себя, а доктора Гутберлета попросил доложить ему о первом явлении австрийского капрала народу за пределами рейхсвера. Следовательно, первые встречи Эккарта с Гитлером должны были состояться до 12 сентября – но после первых дней июня, когда Гитлер еще был в Мюнхенском университете на спецкурсах армейских пропагандистов. Возможно, их познакомил капитан Майр; он знал Эккарта лично, так как забирал у него копии газеты «Простым немецким» и тайно распространял их в рейхсвере. Майр, как и многие другие офицеры, также контактировал с обществом Туле.

Но в таком случае у Эккарта для подготовки человека, которого он назовет «мой Адольф» и с которым у него установится «очень личная и близкая связь» (Берш), остается совсем немного времени. Точно так же нет времени и для выработки и укрепления той решимости, с которой Гитлер примется за выполнение своей задачи. Мы знаем, что Гитлер с самого начала не сомневался, что призван стать вождем немецкого народа, и вступил в DAP с явно выраженной целью использовать ее для осуществления своих амбиций. Статьи и стихи Эккарта и историческая информация о нем свидетельствуют о том, что с самого начала он видел в своем ученике человека, «который вновь сделает Германию великой». Очень скоро именно так он будет представлять Гитлера в кругах своих состоятельных знакомых.

Уважительное обращение капитана Майра к своему скромному подчиненному, особая заинтересованность генерала фон Мёхля, поддержка, оказываемая Эккартом «человеку ниоткуда», которого он едва знал, введение Гитлера в отделение общества Туле с далеко идущими, но пока скрытыми целями, начало его карьеры, являющейся «исполнением задания, возложенного на него судьбой», – все это в сумме означает, что в те летние месяцы произошло нечто из ряда вон выходящее. Единственным объяснением, дающим ответ на все эти загадки, является следующее: на спиритическом сеансе открылось, что Гитлер является «тем самым человеком».

В другом месте нашей истории мы показали, что сразу после войны спиритизм был очень распространен в Германии, не только потому, что люди желали сохранить контакт с погибшими родными и близкими, но просто из интеллектуального и духовного интереса. Напомним: основатель Туле Рудольф фон Зеботтендорф был разносторонним, известным оккультистом. Его правая рука, Вальтер Наухауз, читал книги по мистицизму и

область его интересов «простиралась от исследований фон Листа до астрологии, хиромантии и работ Перита Шоу. В письме к Листу он признается, что интересуется каббалой, индуистскими и египетскими верованиями. Как и Зеботтендорф, Наухауз был очарован мистическими учениями древних теократий и тайных культов»[270]. Брондер говорит о Туле как о тайной ложе, в эзотерическом центре которой находился «магический кружок, где практиковались тайные науки». Публике был известен лишь фасад – общество Туле, представляющее собой внешний «экзотерический круг»[271].

Тогда становится яснее роль «отеческого друга», а точнее, «крестного отца» Гитлера Дитриха Эккарта. Гитлер будет почитать его даже после безвременной смерти последнего, даже после того, как станет канцлером Германии. Широкий круг знакомств Эккарта мог быть результатом его известности как писателя, но мог быть и отражением его высокого статуса в спиритических кругах. То, как его принимали, например, у Брукманов, Бехштейнов, Лейхманов, а также в семье Вагнеров, равно как и в кругу офицеров рейхсвера, говорит о том, что от этого человека, несмотря на слабость его тела, исходил несомненный авторитет или «харизма». Эккарт был единственным, кто знал, что в действительности движет его учеником. Он знал то, что Гитлер не открывал никому (единственное возможное исключение – Гесс).

Существуют ли какие-нибудь указания на связь между Гитлером и спиритизмом? Тимоти Райбек, разбирая книги, оставшиеся от библиотеки Гитлера, был удивлен, как «серьезно тот изучал духовные вопросы» и как глубоко интересовался оккультизмом. Он обнаружил книги о Нострадамусе, нордических рунах, свастике и Граале. Также там были спиритические книги, наподобие «Мертвых и живых». Хеземан, в свою очередь, упоминает книги «О духах надземных и подземных», «Смерть и бессмертие в мировоззрении индогерманских мыслителей» (рождественский подарок от Генриха Гиммлера) и «Тайна вдохновения: из чудесного мира творческой силы. Для проницательных и умных людей, обладающих гением, то есть находящихся в контакте с гениями и разумами, а также с царством духов и духовными сонмами»[272].

«Большинство ученых исключают возможность того, что Гитлер принимал идеи этих культов всерьез, – пишет Райбек. – Но заметки на полях нескольких книг такого рода как минимум свидетельствуют о его интеллектуальной вовлеченности в глубины оккультизма веймарской эпохи… Одной из книг, где пометок больше всего, является “Магия: история, теория и

практика” (1923) Эрнста Шертеля… На копии, принадлежавшей Гитлеру, есть авторское посвящение, нацарапанное карандашом на титульном листе. Страницы этой книги были детально проштудированы, ее поля содержат множество отметок. Особенно жирная карандашная черта попалась мне под словами: “Никогда не сможет породить новый мир тот, кто не несет в себе демонических семян”…

В томах Фихте, подаренных ему [Лени] Рифеншталь, – продолжает Райбек, – я обнаружил буквально водопад подчеркиваний, вопросительных и восклицательных знаков и пометок на полях, идущих через сотню страниц серьезнейшего богословского текста… И по мере того, как я следовал этим карандашным пометкам, мне стало ясно, что Гитлер искал дорогу к божественному и для него она сводилась к одному. Фихте спрашивал: “Откуда Иисус черпал силу, которая поддерживала его последователей все это время?” Гитлер жирно подчеркнул ответ: “В своей абсолютной идентификации с Богом”. В другом месте Гитлер выделил небольшой, но многозначительный абзац: “Бог и я – одно. Это просто выражено в двух идентичных предложениях: его жизнь – это моя жизнь; моя жизнь – его. Моя работа – это его работа, его работа – моя работа”». Райбеку это напоминает о высказывании Гитлера в декабре 1941 года: «Если бог есть, он дает нам не только жизнь, но также сознание и знание. Если я живу в согласии с моими, данными Богом, озарениями, я не могу сбиться с пути. Даже если это случится, моя совесть будет чиста»[273].

Хеземан с оговорками цитирует Йозефа Грайнера, бывшего товарища Гитлера по мужскому общежитию в Вене: «Гитлер забил себе голову идеями о факирах и йогах Индии, которые творят чудеса путем аскезы, а также уводя органы чувств от внешнего мира и концентрируясь на внутренних мыслях». Согласно Грайнеру, Гитлер посетил несколько лекций по оккультизму и чрезвычайно интересовался оккультными феноменами всякого рода[274]. Не удивительно, что он восхищался операми Вагнера, – те были населены существами внематериальных планов, а сверхъестественное было там обычным способом понимания реальности.

Согласно (заслуживающему доверия) Рудольфу Олдену, Гитлер мог впервые столкнуться со спиритизмом после того, как прибыл в часть из госпиталя в Пазевалке. «Должно быть, Гитлера ввела в спиритический кружок одна шведская графиня». Тот, кто найдет это диким, забывает о том, что Карина фон Канцов – первая жена Геринга, которая после своей безвременной смерти была канонизирована в нацистском мире, – также происходила из

высшей шведской знати, причем в ее семейном замке была часовня, посвященная спиритической религии, где проводились сеансы[275]. «Среди спиритов было много армейских офицеров». Это также очень правдоподобно. Как мы увидим ниже, лейтенанта Рудольфа Гесса ввели в спиритические круги офицеры из бывшего полка Карла Хаусхофера. (Во время Первой мировой войны в армии существовали масонские «полевые ложи».) И Оден заключает: «Несомненно, у Гитлера была предрасположенность к получению вдохновений свыше. Но в настоящее время все наши факты – не более чем слухи. Все следы тщательно стерты [нацистским режимом]»[276].

Если все это выглядит довольно расплывчато, то следующие факты неоспоримы. Как мы помним, в одной пережившей войну книге из библиотеки Гитлера, а именно в немецком переводе «Национализма» Рабиндраната Тагора было посвящение: «*20.04.21. logapor, wodan, wigiponar. Herrn Adolf Hitler, meinem lieben Armanenbruder. B. Steininger*». Последнее предложение, которое обычно и цитируют, опуская предыдущее, означает: «Господину Адольфу Гитлеру, моему дорогому арманен-брату». «Арманен» – это *Edelmenschen* Гвидо фон Листа, сверхчеловек сегодняшнего дня. «*Logapor, wodan, wigiponar*» позаимствовано из надписи, сделанной на старогерманском языке на одном драгоценном камне, найденном в Нордендорфе, в Баварии. Это означает: «Логапор и Вотан, дайте божественную защиту».

Бабетта Штайнингер, подарившая ему эту книгу, была одной из первых членов НСДАП в Мюнхене[277]. «То, что она называет Гитлера “своим дорогим арманен-братом”, может означать лишь одно: они оба – и Гитлер, и Штайнингер – принадлежали к одному из филиалов тайного общества Листа или были тесно связаны с ним, даже если у нас нет на это никаких прямых указаний», – пишет Майкл Хеземан. *Germanenorden*, общество Туле и общества, подобные Арманен, серьезно относились к своей клятве хранить тайну. Здесь уместно напомнить, что несколько учредителей этих обществ были известными спиритами, а главным их оккультным вдохновителем был Гвидо фон Лист, получавший откровения посредством спиритизма и ясновидения.

Самоубийство Гели Раубаль, племянницы Гитлера, происшедшее 18 сентября 1931 года, является одним из самых широко обсуждаемых фактов жизни Гитлера. Его тайна по-прежнему не раскрыта. Именно Гели была страстной любовью Гитлера. (Ева Браун была, скорее, приятной и надежной спутницей.) «Живая, привлекательная молодая женщина, которая вела завидную жизнь при своем знаменитом дяде», видимо, под воздействием внезапного порыва, вытащила из ящика стола

пистолет Гитлера и выстрелила себе в грудь. Гитлер в то время был на пропагандистском туре. «Под пластами анализа погребены слова самого Гитлера – он отвечал на вопросы детектива Сауера» сразу после того, как вернулся. Эти ответы зафиксированы в протоколе: «Недавно, после того как в определенном кругу она принимала участие в столоверчении [то есть в спиритическом сеансе], она поведала мне, что не умрет своей смертью»[278]. Неудивительно, что Рон Розенбаум, также упоминающий этот документ, добавляет, что «это замечание показалось архивисту Веберу очень странным»[279]. Ревнивый Гитлер знал обо всем, что происходило с его племянницей, и ничего не разрешал ей делать без своего ведома. Эти его слова, произнесенные без подготовки при даче свидетельских показаний, как минимум говорят о том, что в его личном окружении практиковалось некая разновидность спиритизма.

«Сейчас в мире происходят великие перемены, – пишет Раушнинг. – Эта тема вновь и вновь всплывала в разговорах [Гитлера]: переворот, который мы, простые люди, не способны понять во всей полноте. В таких случаях Гитлер говорил как провидец и посвященный… Обретение “магического видения” казалось ему целью человеческой эволюции. Сам он считал, что уже стоял на пороге этого магического знания, и приписывал свой успех и свое будущее величие этому факту. Какой-то мюнхенский ученый, помимо специальных работ, написал несколько замечательных вещей о древнем мире и о первых сагах человечества, о способности людей в древние времена к видению в состоянии сна, о ином типе знания, которое нам показалось бы сверхъестественной силой, выходящей за рамки рациональных законов природы. Раньше у людей в центре лба был глаз циклопа, являвшийся органом магического восприятия вселенной, позже он дегенерировал в шишковидную железу. Подобные идеи зачаровывали Гитлера. Порой он с жаром их разбирал. Собственную жизнь он считал подтверждением существования таких скрытых сил»[280].

Друг

В документальных фильмах о партийных конгрессах в Нюрнберге и сейчас можно увидеть представителя фюрера, стоящего на трибуне над немцами в униформе, построенными четкими каре. Он вдруг резко поворачивается влево, твердо вскидывает руку, приветствуя прибывающего Гитлера, и, как председатель НСДАП, объявляет: «Партия собралась на съезд и

приветствует своего фюрера Адольфа Гитлера. Заседание продолжается. Говорит Гитлер!»

Этим человеком, гордо представлявшим своего вождя миру, был Рудольф Гесс. В жизни Гитлера он играл очень неординарную роль.

Гесс родился в 1894 году, в египетском городе Александрия, где его отец занимался коммерцией. Он обучался в элитных бизнес-школах в Европе, например, в *École supérieure de commerce* в Невшателе в Швейцарии, и свободно говорил по-английски. Во время войны он поначалу был лейтенантом пехоты, но затем перешел в воздушные силы и стал одним из боевых пилотов, гордых и заносчивых. О том, что он был первоклассным пилотом, свидетельствуют его победа в соревновании по перелету вокруг Цугшпитце, высочайшей горы в Германии, а также осуществление непростого перелета в Шотландию несколько лет спустя. После окончания Первой мировой войны один из офицеров его полка ввел его в общество Туле. Он стал одним из активных участников его «внутреннего кружка». Во время красной революции в Баварии он сражался в *Kampfbund Tule*, подразделении Добровольческого корпуса, сформированном этим обществом. Хеземан пишет, что Гесс был «близким доверенным лицом Рудольфа фон Зеботтендорфа». Это может объяснить, почему Гесс, будучи «полновластным представителем» фюрера, помог своему бывшему наставнику, когда у того в 1933 году возникли серьезные проблемы с нацистскими властями.

В апреле 1919 года Гесс, зарабатывавший на жизнь экспортом текстиля, был представлен Карлу Хаусхоферу (1869—1946), который был когда-то командиром его полка. Гесс проявил интерес к «геополитике» Хаусхофера, которую генерал-майор преподавал в Мюнхенском университете. Он вскоре станет его студентом. Между учителем и учеником установится очень тесная связь. Гесс очень интересовался всем, что касалось оккультизма. Хаусхофер же претендовал на то, что обладает способностью ясновидения, будучи при этом знакомым со многими аспектами знаний традиционного Востока, в особенности Японии. На основании этого можно резонно предположить, что близкие взаимоотношения между пятидесятилетним преподавателем и двадцатипятилетним учеником имели оккультную подоплеку. В дневнике жены Хаусхофера упоминается о серии ночных отсутствий генерала, начиная с 5 июня. Тот объяснял их караульной службой. Но генералов не посылают в караул, а ситуация в Баварии к тому времени нормализовалась. Однако как раз тогда заговорщическая и политическая активность националистов достигла пика, и, по стечению обстоятельств,

именно 5 июня в Мюнхенском университете начались курсы армейских пропагандистов. Хаусхофер знал всех их организаторов и лекторов.

Карл Хаусхофер был амбициозным человеком. Его сын Альберт позже, находясь в тюрьме, напишет, что его отца «ослепила мечта о власти». Сам Хаусхофер был убежден, что его геополитическая теория объясняет фундаментальные политические процессы, в том числе войны, и что она поможет Германии завоевать достойное место под солнцем. Поле применения геополитики обширно – в последние годы эту теорию даже реабилитировали. И все же в конечном счете она сводится к тому, что самые развитые и могущественные народы должны завладеть всем, что представляется им необходимым для своего благосостояния. Ее основы были «научными», другими словами, неодарвинистскими. Хаусхофер не собирался сам захватывать власть, он хотел обучать людей, стоящих у власти; его девизом было: «давайте обучим наших руководителей». Этот генерал-профессор был тесно связан с военными и академическими кругами, а к пангерманцам был близок с ранних лет.

Однако у него был один серьезный недостаток: его жена была дочерью богатого бизнесмена-еврея. Поэтому сомнительно, что он когда-либо входил в общество Туле, ведь каждый член *Germanenorden* должен был представить декларацию о том, что в жилах его близких нет ни капли еврейской крови. Хаусхофер также держался на расстоянии от Гитлера. Даже когда его ученик Гесс в мае 1920 года убедил своего профессора присутствовать на одном из его выступлений, «генерал-профессор» Хаусхофер не пошел на риск и не стал компрометировать себя общением со странным политическим выскочкой, австрийским капралом, тогда еще числившимся в армии. Более того, Хаусхофер, как впоследствии сообщила его жена, досадовал на влияние, которое Гитлер оказывал на его ученика и близкого друга.

Энтузиазм Гесса по поводу Гитлера был поистине безграничным, доходящим до «экстатического фанатизма» (Гильперт). «Эта странная дружба» (Берш) приведет к тому, что Гесс будет сообщать в письмах, что Гитлер – его «дражайший друг, выдающееся человеческое существо!» «Я как никогда предан ему! Я люблю его!»[281] Эти взаимоотношения стали особенно тесными в ландсбергской тюрьме – Гесс принял активное участие в мюнхенском путче. Именно он окружил своими штурмовиками членов правительства и объявил, что они арестованы. После провала путча он некоторое время находился в бегах, затем нашел убежище в доме Хаусхофера, которому удалось убедить его сдаться полиции. В мае 1924 года Гесс так и поступил и, к своему

удовольствию, также оказался в Ландсберге. «Как мне повезло, что я оказался здесь! – писал он своей матери. – Каждый день я могу быть вместе с этим сияющим существом – Гитлером»[282].

Ситуацию в ландсбергской тюрьме мы описали выше. К нашей же истории непосредственное отношение имеет то, что Гитлер и Гесс оказались не только на одном этаже, но и в одной «квартире». Этот период жизни Гитлера очень важен, так как у него вновь появилось, по словам Гесса, «время сконцентрироваться, отдохнуть и обрести фундаментальные знания»[283]. Принимая во внимание личности и интересы обоих, представляется очевидным, что они создали вокруг себя оккультную атмосферу. Теперь в каждом письме Гесс называет Гитлера «трибун» (отсылка к переживанию Гитлера после «Риенци»).

Хаусхофер, навещая Гесса, по необходимости встречался и с Гитлером. Установлено, что профессор геополитики навестил тюрьму восемь раз и провел у обоих заключенных в общей сложности двадцать два часа. Безусловно, этого времени было достаточно, чтобы Хаусхофер смог развить свои теории перед Гитлером. Некоторые результаты этих частных уроков можно обнаружить в «Майн Кампф». Когда позже Хаусхофер попадет в переплет из-за перелета Гесса в Шотландию, он напомнит нацистским властям, что знал Гитлера с 1919 года – что, может быть, и справедливо, но еще не значит, что он общался с ним с того времени, – и что он навещал Ландсберг «каждую среду».

Рудольф Гесс был одним из трех людей, с которыми у Гитлера установились близкие взаимоотношения. Двое других – это Дитрих Эккарт и Альберт Шпеер. Естественно, с каждым из них отношения складывались по-разному. Эрнст Ганфштенгль описал, как вел себя Гитлер вечером сразу после выхода из тюрьмы. «Тогда мне особенно бросилась в глаза эмоциональная составляющая дружбы, выросшей между ним и Гессом. “*Ach, mein Rudi, mein Hesserl*” [О мой Руди, мой Гессик], – стонал он, расхаживая взад и вперед. “Как ужасно, что он еще там!” [Гесс вышел на свободу позднее] … Вероятнее всего, физической гомосексуальной связи между ними не было, однако пассивное влечение было налицо»[284].

У Конрада Хайдена, довольно здравомыслящего журналиста, есть следующий интригующий параграф: «Неожиданно посреди разговора лицо Гитлера меняется, словно отражая внутреннее видение. В такие моменты его отвратительные черты словно исчезают, а что-то запредельное усиливается до такой степени, что становится просто страшно. Его глаза устремлены вдаль, он словно читает или видит что-то, невидимое ни для кого другого.

И говорят, что, если проследить за направлением его взгляда, в дальнем углу порой можно увидеть Рудольфа Гесса. С глазами, прикованными к фюреру, Гесс словно говорит с ним, не разжимая губ… Несомненно, в ранние годы Гитлер использовал своего младшего друга в качестве необходимого дополнения к собственной личности…»[285]

Это загадочное утверждение в некотором смысле подтверждает капитан Майр, который в своей статье «Я был начальником Гитлера» пишет: «Гесс был первым и самым успешным наставником Гитлера… Он по-дилетантски увлекался месмеризмом и гипнотическими методами лечения и самого большого успеха добился, без сомнения, с Гитлером. Перед каждой важной речью Гитлер порой целыми днями оставался наедине с Гессом, который каким-то неведомым способом приводил Гитлера в то неистовое состояние, в котором тот появлялся на публике»[286]. Во время гитлеровских речей Гесс мог повторять, «не разжимая губ», в унисон с Гитлером некоторые пассажи, которые он запоминал во время репетиций. Заметка Майра была написана после его бегства из Германии (а напечатана после того, как его интернировали и бросили в концентрационный лагерь). Возможно, он позаботился о том, чтобы упомянуть в своей статье лишь о влиятельных фигурах нацистского мира, уместно позабыв и об Эккарте, и о своей собственной роли. Нетрудно догадаться, что этот «неведомый способ», которым Гесс приводил Гитлера «в неистовое состояние», являлся тем же самым способом, которым пользовался медиум Гитлер, открываясь овладевшей им силе.

Еще немного о друзьях

Среди верных рыцарей Гитлера можно различить две группы людей. В первую входят люди, подобные Гессу, Розенбергу, Штрайхеру, Динтеру, Герингу, Рему, Франку, Эссеру, Гюнтеру и Фрику; во вторую – подобные Гиммлеру, Геббельсу, фон Ширахy и Шпееру. В первой были люди, поддержавшие его в самом начале, они явно имели особую связь с Гитлером и выживали даже тогда, когда их отношения с фюрером заходили в тупик. В случае с Ремом, который был главной мишенью «ночи длинных ножей» и единственным исключением в первой группе, Гитлеру потребовался целый день, чтобы решить, наконец, что тот должен умереть, причем Рему была дана возможность застрелиться и уйти из жизни с почетом. А Гесс, который своим полетом в Шотландию нанес Гитлеру «второй по серьезности личный

удар»[287] (первым была смерть Гели Раубаль), был уверен, что, если они встретятся вновь, Гитлер поймет и простит его. С людьми из второй группы, какой бы близости к фюреру они ни достигали, он никогда не был связан лично. Он просто «овладевал» ими. В каждом из этих случаев процесс формирования зависимости детально известен. Все эти факты вновь указывают на то, что за внешними узорами, известными под именем «история», лежит оккультная тайна.

Альфред Розенберг и его жена бежали от Русской революции; в конце 1918 года они оказались в Мюнхене и стали частью мюнхенской русской общины. В те бурные времена на русских интеллектуалов глубокое влияние оказала теософия (ведь мадам Блаватская была русской), а многие были хорошо знакомы и со спиритизмом (вспомните Распутина). Императорский двор задавал тон, практикуя спиритизм и другие формы оккультизма. На русском языке существовала обширная спиритическая литература. Многочисленные русские общины принесли эти интересы во многие города Западной Европы, в том числе и в Германию.

Почти сразу после своего прибытия в Мюнхен Розенберг отправился на встречу с широко известным Дитрихом Эккартом. Они немедленно нашли общий язык; им помогли их общие интересы – мистицизм, антисемитизм и антибольшевизм. Розенберг стал «правой рукой Эккарта», помогая ему писать и редактировать газету «Простым немецким». Другим их общим интересом был оккультизм – весной 1919 года Эккарт введет русского прибалта в общество Туле. Несколько недель спустя он представит его Адольфу Гитлеру, который к тому времени навещал Эккарта почти ежедневно. Отношения Розенберга и Гитлера в то время были «очень дружескими» (Берш).

Розенберга интересовали оккультные идеи, это ясно показывают основные темы «Мифа двадцатого столетия»; даже его одержимость сионизмом и масонством, по всей видимости, имеет оккультную подоплеку. Именно он перевел на немецкий «Протоколы сионских мудрецов», напечатал их в «Фелькишер Беобахтер» и посвятил их обсуждению поток антисемитских памфлетов. Все это не мешало ему восхищаться священными книгами Индии, Христом и Мейстером Эккартом. Другой частью личности этого бледного интеллектуала была его связь с «миром сновидений». «Розенберг открыто, энергично и подчеркнуто настаивал на важности сновидений в жизни, – пишет Барш. – Для Розенберга миф и сновидение обладают практически теми же самыми атрибутами… Сновидение – это активность и сила души; сновидение как таковое обладает причинным статусом, оно также

является силой и, в конечном счете, приводит к «акту творения»[288].

Розенберг был одним из тех, кто обратился в гитлеризм немедленно, как только увидел Гитлера на одном из его выступлений, – несмотря на то, что лично встречался с ним и раньше и не был особенно впечатлен. Так было и с Юлиусом Штрайхером, пресловутым издателем «*Der Stürmer*» – непристойного антисемитского издания, тираж которого, после того как нацисты пришли к власти, возрос с 20 тысяч до 400 тысяч экземпляров. Одними из самых верных его читателей были лично фюрер и рейхсканцлер. Гитлер будет защищать Штрайхера в любых обстоятельствах, даже когда того придется отстранить от гауляйтерства в Тюрингии из-за постоянных скандалов и неприкрытой коррупции. «Несмотря на все его недостатки, здесь нет ни одной полнокровной личности, подобной ему… А еврей в действительности еще ниже, кровожаднее и сатаничнее, чем его изобразил Штрайхер», – сказал Гитлер в одном из монологов[289].

Он никогда не забудет того, что в 1922 году, после своего «обращения», Штрайхер перевел в НСДАП всю Немецкую социалистическую партию (DSP) целиком – он был тогда ее председателем. Напомним, что DSP была одной из двух партий, организованных с подачи Туле для привлечения под знамена национализма рабочего класса. Второй, и куда более успешной, была DAP. С тех самых пор Штрайхер, расхаживающий с хлыстом, как и его фюрер, стал самым верным нацистом. На фотографиях, сделанных во время Пивного путча, видно, как он обращается к толпе на Мариенплатц, в самом сердце Мюнхена – как раз тогда, когда никто из путчистов не знал, что делать дальше, а генерал Людендорф отдал приказ идти к Фельдернхалле, где и раздадутся выстрелы.

«Для Штрайхера убежденность в конечной победе основывалась на факте существования Адольфа Гитлера. То, что этому противоречила эмпирическая реальность – ведь в то время Гитлер практически не имел никакой власти, – не имело значения, – пишет Клаус-Эккехард Берш. – Юлиус Штрайхер верил не только в то, что на Гитлере лежит благословение божье, но и в то, что он является посредником между Богом и людьми». Берш также подчеркивает, что вера Штрайхера не основывалась на расовых соображениях. «Нигде у Штрайхера, которого обычно выводят примитивным расистом, вы не найдете утверждения о том, что Гитлер является фюрером, потому что в нем в совершенстве выразился расовый потенциал немецкого народа. Дело было не в причинах низшего порядка, не в природе и не в расе; величие Адольфа исходило из его особой роли в борьбе за

светлое будущее против злобного врага рода человеческого»[290].

«Штрайхер был тесно связан с Динтером, а также дружил с Дитрихом Эккартом, – пишет Мартин Собирой. – Потрясающее впечатление, производимое Гитлером, когда на спиритических сеансах им овладевал дух, может объяснить, почему 20 октября 1922 года Штрайхер включил в НСДАП практически всех своих последователей». Это также может объяснить, почему он считал Гитлера божьим посланцем, спасителем немецкого народа. Сам Штрайхер вел себя как существо, в которое вселился какой-то подлый бес, в нем не оставалось уже ничего человеческого. Согласно Шпееру, «его считали отвратительным даже в Третьем рейхе», а Йозеф Персико, очевидец Нюрнбергского процесса, пишет, что в Нюрнберге «этот человек стал изгоем: обвинители его поносили, а другие обвиняемые избегали»[291]. Но Штрайхер «говорил и действовал так, как того втайне желал Гитлер, – замечает Хайден. – Штрайхер был воплощением подсознания Гитлера»[292].

Артур Динтер был человеком, открыто восставшим против фюрера. Он обвинил его в предательстве идеалов НСДАП и потребовал, чтобы тот ушел с поста руководителя партии, – несмотря на то, что Гитлер уже пришел к власти и держал жизнь каждого немца в своих руках. Как мы видели в одной из предшествующих глав, Гитлер даже не бросил его в концентрационный лагерь, он просто изолировал его, так чтобы тот не был слышен и не мог больше причинить вреда.

Динтер признавал, что сам был практикующим спиритом. Он открыл для себя спиритизм сразу после войны, когда жил в отеле в Люцерне: «группа постояльцев приступила к столоверчению после того, как весь репертуар игр был исчерпан, спеты все популярные арии и песенки и кто-то уже в двенадцатый раз затягивал песню с припевом “я люблю тебя”». Динтер утверждал, что изучал спиритизм главным образом с научной точки зрения. В свой «Грех против духа» – продолжение невероятно популярного «Греха против крови» – он вставил сообщения некоего духа и посвятил эту книгу двум медиумам, которые служили каналом для этих сообщений.

Согласно источникам Собироя, Динтер знал Штрайхера и Эккарта, и именно Эккарт познакомил его с Гитлером. Вероятно, Динтер, в свою очередь, ввел Гитлера в контакт со своим главным духом, который называл себя *Segensbringer*, что буквально значит «приносящий благословения». Если это действительно так, то этот дух, вероятнее всего, был тем же самым Властелином Наций Гитлера, так как вряд ли он позволил бы другому сверхъестественному существу вмешиваться в работу своего

избранного инструмента. «Поэтому влияние Динтера на Гитлера, основывающееся на спиритических истоках его расизма и на практическом спиритическом опыте, – полагает Собирой, – должно быть гораздо важнее, чем принято считать»[293]. Во всяком случае, это объяснит необычайную снисходительность Гитлера к человеку, который сначала был одним из нацистов-новаторов в знаменитом Веймаре, а затем осмелился пойти против него самого.

Был ли Хаусхофер действительно «законченным черным магом», как пишут некоторые авторы-фантазеры? Да, у него были безмерные амбиции и он хотел стать «серым кардиналом» НСДАП. Он всегда считал Гесса перводвигателем, стоящим за Гитлером. Шумно радуясь первому геополитическому успеху Гитлера, он аплодировал и самому себе – как источнику вдохновения Гесса. Исходя из того, что мы уже знаем, едва ли можно сомневаться в том, что Хаусхофер и Гесс были вовлечены в оккультную практику, а именно в спиритизм. Во время допросов союзников в мае 1945 года Хаусхофер попытается преуменьшить свою роль в формировании военных целей Гитлера, он также будет намекать, что некоторые главы «Майн Кампф» написаны Гессом (вероятно, это было лишь плодом его воображения). С тех пор, как Гитлер отдалился от Эккарта, то есть ориентировочно с 1923 года, он стал сам себе хозяин. Он мог себе это позволить, так как имел прямой контакт с источником вдохновения – со своим богом, с Властелином Наций.

Гесс всегда защищал Карла Хаусхофера и его сына Альбрехта – они были ему дороже собственной семьи. И это несмотря на то, что Хаусхоферы были из еврейского лагеря. Они оба заняли высокие академические посты, а Альбрехт, много путешествовавший и имевший связи с высшими кругами в Великобритании, даже станет на время консультантом в *Dienststelle Ribbentrop*, совете экспертов при Министерстве иностранных дел Риббентропа. В этой позиции он будет помогать Гитлеру во время пресловутой Мюнхенской конференции 1938 года. Хаусхоферы начнут сомневаться в справедливости занятой ими конъюнктурной пронацистской позиции лишь тогда, когда Гитлер захочет идти на Россию.

Несомненно, они участвовали в планировании авантюры Гесса – его полета в Шотландию, с тем чтобы убедить мифическую античерчиллевскую коалицию заключить мир с Германией и избавить ее от войны на два фронта. Несмотря на то, что Альбрехт был личным другом герцога Гамильтона, с которым собирался встретиться Гесс, их понимание расстановки политических сил в Лондоне было совершенно ошибочным.

Геббельс писал в дневнике: «То, что случилось с Гессом, – на совести Хаусхоферов, отца и сына»[294]. Их допрашивала тайная полиция, а их карьере пришел конец. С этого момента Гитлер специальными указами запретил все виды оккультной практики (кроме тайных, по просьбе высших лиц рейха). И все же Хаусхоферов Гитлер не уничтожил. Позже Альбрехт окажется в тюрьме по подозрению в участии в заговоре Штауффенберга. За несколько дней до конца войны, по личному указанию Гиммлера, он был расстрелян эсэсовцами на развалинах Берлина. В кулаке он сжимал 80 удивительно духовных сонетов, написанных им в тюрьме Моабит.

Карл и Мария Хаусхофер покончили с собой, когда узнали, что их второй сын нашел и опознал тело Альбрехта. Незадолго до этого Гесс, симулируя потерю памяти, глядя прямо в лицо Хаусхоферу, отрицал, что когда-либо встречался с ним. Однако позже он признается Шпееру, что идея полета в Шотландию «была внушена ему сверхъестественными силами во сне»[295]. Это может быть отсылкой к спиритической практике; в любом случае некое оккультное переживание подобного рода является единственным «логичным» объяснением поступка Гесса. Гитлер не имел к этому никакого отношения: к 10 мая (дата полета Гесса) подготовка к осуществлению плана «Барбаросса» зашла уже очень далеко – невероятно, чтобы фюрер мог ставить судьбы такой грандиозной кампании в зависимость от циркового трюка.

16. Два стихотворения

В конечном счете, отдельный человек слаб как сам по себе, так и во всех своих действиях, если идет против всесильного провидения и его воли. Но он становится невероятно могущественным, когда действует в гармонии с этим провидением! Тогда на него изливается сила, отличавшая всех великих людей этого мира.

Адольф Гитлер

Вероятно, с позиций обыденного сознания Шри Ауробиндо прежде всего можно было бы назвать поэтом. Правда, поэзию здесь нужно понимать в ее изначальном смысле – как активность уровней сознания, превышающих ум, которая обладает силой видеть, прозревать, действовать и творить. У слов есть сила, и тот, кто, будучи вдохновлен словами силы, выражает ее, является провидцем, открывающим истину. «Для нас [людей современного мира] поэзия – это забава и игра интеллекта, а воображение – игрушка, поставщица развлечений, затейница, баядерка ума, – пишет Шри Ауробиндо. – Но для людей древности поэт был провидцем, открывающим истины, а воображение – не пляшущей куртизанкой, но жрицей в божьем храме, призванной не сплетать выдумки, но раскрывать в образах непростые истины. Даже метафора и сравнение используются там с серьезной целью и должны передавать реальность, а не развлекать нас искусными трюками мысли. Для этих провидцев образ был символом, являющим скрытое, и его использовали потому, что в момент озарения он мог дать уму то, к чему не способно точное интеллектуальное слово, пригодное лишь для логического и практического мышления или для выражения вещей физических и внешних»[296].

Шри Ауробиндо был одним из выдающихся поэтов XX века и его величайшим духовным поэтом. Он не был приверженцем поэтических традиций своего времени, он стоял в стороне, возвышаясь над ними, хотя и очень хорошо знал их и даже в своем кажущемся одиночестве следил за их развитием. Помимо других, он очень ценил Малларме, Йитса, Уитмена и Элиота. Но для него были также живы поэты древней Греции и Рима, равно как и «слышавшие истину» поэты Вед и Упанишад и поэты

классического санскрита. Он искал адекватное и уникальное выражение внутреннего опыта в адекватной и уникальной форме, без всяких уступок.

Главным творением Шри Ауробиндо в области поэзии является «Савитри», эпическая поэма почти в 24 тысячи строк, над которой он работал со времен Бароды до последних дней жизни. Из переложения одной из историй Махабхараты она выросла в целую поэтическую вселенную. «Я использовал “Савитри” как средство восхождения. Я начал ее на определенном ментальном уровне; каждый раз, когда мне удавалось достичь более высокого уровня, я переписывал ее, используя сознание этого уровня», – объяснял Шри Ауробиндо Ниродбарану. Этот эпос перерабатывался им одиннадцать или двенадцать раз. «Для меня “Савитри” была не просто поэмой, которую нужно написать и закончить, она была испытательной площадкой. Я хотел увидеть, до какой степени можно использовать йогическое сознание в поэзии, а также испытать его творческий потенциал»[297].

Рэймонд Пайпер, профессор Сиракузского университета (США), так оценил «Савитри»: «На протяжении почти пятидесяти лет… Шри Ауробиндо создавал то, что, вероятно, является величайшей эпической поэмой, написанной на английском языке… Я даже рискну предположить, что это самая полная, всеохватная, красивая и совершенная космическая поэма из всех существующих. Символически она движется от первичной космической пустоты, через тьму и страдания земли, к высшим уровням супраментального духовного существования, освещая все важнейшие проблемы человеческого бытия. И все это выражено стихами беспримерной концентрации, величия и метафизического мастерства»[298].

Однако в своей поэзии Шри Ауробиндо пишет не только о возвышенном. Его внимание, так же как и его йога, проникает во все аспекты человеческого бытия. Открытое, всеприемлющее отношение к миру в его поэзии выражается в конкретных, даже научных утверждениях, в эпиграммах, в лиричности, юморе, сатире, ритмических новшествах, в автобиографических фактах, исторических реконструкциях и мифологических интерпретациях.

«Карликовый Наполеон»

Шри Ауробиндо написал о Гитлере и о нацизме два стихотворения, которые без сокращений приведены ниже[38] . Первое, названное «Карликовый Наполеон – Гитлер, октябрь 1939 года», написано в полемичной, бичующей манере. Это атака,

направленная лично против Гитлера. Оно написано вскоре после вторжения в Польшу. Поэтическое качество этих строк для нас здесь не так уж важно. Создание «Карликового Наполеона» было скорее йогическим действием, йогической магией, противостоящей агрессии диктатора, который уже аннексировал Австрию и Чехословакию и которого теперь, когда пришла очередь Польши, часто сравнивали с Наполеоном.

Шри Ауробиндо постоянно подчеркивал важность открытых выступлений против расползающейся по миру темной силы. В этом конкретном случае он, без сомнения, хотел показать стоящей за Гитлером асурической силе, что духовная оппозиция взяла происходящее на заметку.

> Взгляни: каприз воли Майи
> Неожиданно порождает разительное чудо,
> Действительность сливается с невероятным.
> По мановению ее волшебной палочки
> Ничтожность добивается великого, низость – возвышенного[299].

Под майей часто подразумевают иллюзию. Однако майя по сути своей – это сила божественного в его проявлении, высший женский принцип или вселенская Мать. Она есть *шакти* – неотъемлемая сила божественного. Она *пракрити* – природа, в противопоставлении ее духу. И все же следует иметь в виду, что, несмотря на видимую дуальность в таком понимании самопроявления божественного, дух и его шакти по сути своей едины. Она – это он, он – это она, и оба есть одно.

В книгах «Человеческий цикл» и «Идеал человеческого единства» – они имеют к нашей истории непосредственное отношение – Шри Ауробиндо часто использует слово «природа» в том же смысле, что и слово «майя» в этом стихотворении. Например, он пишет: «В будущем нет ничего невозможного, и если природа хочет что-то осуществить, она создает необходимые для этого средства»[300]. Наша вселенная – это работа природы. Ее главная работа – это эволюция, «нелегкое движение от материи к духу». Для того чтобы наш мир был миром эволюционным, работа природы совершенно необходима, ведь именно она создала великие негативные существа, называемые асурами, и великие положительные существа, называемые богами. И все это – работа Единого, ибо ничто не может существовать без него.

«И когда мы говорим об ошибках природы, мы используем

фигуру речи, незаконно заимствованную из нашего человеческого опыта и человеческой психологии. В природе не бывает ошибок, существует лишь определенное количество ее шагов, которые она проделывает раз, затем еще раз в заранее задуманном ритме, и каждый из этих шагов имеет свой смысл и особое место в приливах и отливах ее постепенного поступательного движения… Ибо природа, устав от упрямой инертности и извечного сопротивления, по-видимому, мало заботится о том, сколько прекрасных и ценных вещей погибнет, коль скоро будет достигнута ее главная цель. Но можно быть уверенным: если что-то разрушается, то лишь потому, что, в конечном счете, для достижения цели этого нельзя было избежать»[301].

Это ничтожество желает возвыситься над землей
Так же, как великие колоссы прошлого.
Но ум Наполеона был быстр, широк и смел,
Сердце способно к тишине и к буре, словно море,
А хватка воли – динамична и прочна.
Его взор мог обнять собой весь мир
И полновластно видеть и мелкое, и великое.
Движение непомерной глубины и охвата
Сумел он взять под контроль и направить к цели.

Теперь обычно забывают, как часто Адольфа Гитлера в зените его славы сравнивали с Наполеоном Бонапартом – не в пользу последнего. Аншлюс Австрии, раздел Чехословакии, вторжение в Польшу, а затем неожиданное нападение на Данию и Норвегию и завоевание Франции – все это было поводом для того, чтобы превозносить Гитлера до небес, называть его величайшим в истории гением, военным стратегом и завоевателем. В нацистском мире это спонтанное восхищение продержится вплоть до первых серьезных поражений в России, после чего его придется искусственно подпитывать пропагандистской машиной Геббельса.

Гитлер первым сравнил себя с французским императором. «То, что не удалось Наполеону, удастся мне», – хвастался он перед Раушнингом в тридцатых годах[302]. «Гитлер считал, что он некоторым образом продолжает традицию корсиканца», – пишет Ройт[303]. Параллели между фюрером и императором проводят в биографиях Гитлера Толанд и Мазер. Джон Лукач пишет: «Параллели или, точнее, сходные черты между карьерами Гитлера и Наполеона (именно карьерами, а не биографиями) очевидны даже простому читателю, не обладающему глубоким

знанием истории… правда, различия здесь еще значительнее»[304].

Томас Манн считал Наполеона человеком, назначением которого было упрочить идеалы Просвещения, выраженные Французской революцией, и распространить их по всей Европе[305]. Шри Ауробиндо решительно настаивал на том же. «Не поднимись тогда Наполеон, реакционные силы Европы раздавили бы французскую демократию. Его заслуга в том, что он стабилизировал Французскую революцию, и мир сумел получить понятие о демократии. В противном случае это задержалось бы века на два-три». Наполеон принес Франции не одну лишь славу, «он дал Франции мир, порядок, стабильное правительство и безопасность. Он был не только выдающимся завоевателем, он был также одним из величайших администраторов и организаторов, каких только знал мир… Единственная беда была в том, что ему не хватало дерзости и смелости. Если бы он довел до конца свой замысел об объединении Европы, не потребовалась бы эта [гражданская] война в Испании, Италия объединилась бы гораздо раньше, а немцы были бы более цивилизованны. Если бы он не провозгласил себя императором, а остался первым консулом, он добился бы большего успеха»[306].

«Гитлер не выдерживает с Наполеоном никакого сравнения, – говорил Шри Ауробиндо. – Гитлер – это человек одной идеи… тогда как у Наполеона было много идей: он был не только военачальником, но и администратором, организатором, законодателем и многим другим. Именно он преобразовал и Францию и Европу, он упрочил Французскую революцию. Он был не просто законодателем – он установил основы социальных законов, администрации и финансов, которым следуют и сегодня. Он был не только одним из величайших военных гениев истории, но и одним из величайших людей вообще, со множеством способностей. Гитлер – это человек без интеллекта, у него есть лишь одна идея, которую он проводит в жизнь с большой энергией и жестокостью. Он не контролирует свои эмоции. Он нерешителен в политике – что некоторые называют осмотрительностью. И его сила исходит от асура, который владеет и управляет им, тогда как Наполеон был обычным человеком, действующим силой своего ума, достигшего высшего развития, возможного в человеческом существе»[307].

Это же существо, сделанное из низшей глины, – совсем иное,
В нем нет величия, это играющий карлик,
В его естестве смешались железо и грязь,

Маленький, ограниченный, мечтательный ум,
Хитрый и умелый в своей узкой области.
Это сентиментальный эгоист, грубый и пустой,
Чье сердце никогда не было добрым, свежим и молодым,
Безрассудный дух, движимый надеждами и страхами,
Впечатлительный невротик со слезами и воплями,
Неистовый и жестокий, дьявол, дитя, дикарь…

Адольф Гитлер был «солипсистом». В словаре можно найти определение солипсизма как «теории, согласно которой единственное, в чем ты можешь быть уверен, – это твое собственное существование, твои собственные мысли и идеи». Это также «крайняя форма скептицизма, которая отрицает возможность всякого знания, кроме знания о своем собственном существовании». Другими словами, солипсист – это единственный герой в пьесе своей собственной жизни, а мир для него – сцена. В психологии это также называют «нарциссизмом». Биограф Гитлера Ройт утверждает, что тот был «болезненно эгоистичным одиночкой», а Кершоу – что тот был «крайним, нарциссическим эгоистом», страдающим от «эгоцентризма монументальных масштабов». «Он просто не мог терпеть ситуаций, в которых не доминировал», – заключает Ганфштенгль[308].

Жизнь Гитлера изобилует примерами, подтверждающими справедливость сказанного. В возрасте шестнадцати-семнадцати лет в Линце он был увлечен одной девушкой, Стефани, которую его воображение преобразило в Валькирию, но к которой он так и не осмелился подойти. В Вене он принялся было за оперу на сюжет из древнегерманской мифологии «Кузнец Виланд», хотя даже не знал, как писать партитуру. «Гитлер не признавал, что обстоятельства реального мира должны ограничивать его мечты и его волю», – так описывает это его друг юношества Кубицек. Тот же самый Кубицек был первым, кому приходилось страдать от страстных гитлеровских монологов, от его «неутолимого желания разражаться тирадами». Для Адольфа это было единственным способом самовыражения, его внутреннее смятение находило выход в словесных потоках. Гитлер никогда не был способен к нормальному разговору, в какой бы то ни было компании. И когда он пускался в свои тирады, даже к одному человеку он обращался как к толпе.

«Гитлеру жизнь представлялась чем-то вроде непрерывного парада перед гигантской аудиторией», – пишет Фест. Он также

упоминает о его неспособности жить без позерства. «Это стремление к театральности было в центре его существа… Череда новых ролей давала ему ориентацию и опору в мире: от ранней роли сына из хорошей семьи и праздного студента, прогуливавшегося по Линцу с тросточкой и в лайковых перчатках, через вереницу ролей вождя, гения и спасителя до вагнерианского конца, где его целью было создать торжественный оперный финал. Каждый раз он занимался самовнушением, являясь в чужих личинах и заимствованных формах существования. И когда после одного удачного международного трюка он назвал себя, в порыве простодушного хвастовства, “величайшим актером Европы”, он говорил не только о своих способностях, но и о своей глубинной потребности»[309].

Ближе к концу солипсист-Гитлер мог месяцами двигать несуществующие или совершенно истощенные армии по картам, размашистыми жестами посылая тысячи на бессмысленную смерть. Его поступки стали еще абсурднее в ходе «имитации вагнерианского конца», когда связь с обессиленными людьми на полях сражений была потеряна и он без колебаний торопил гибель народа, который оказался недостойным его. «Если немецкая нация потерпит в этой борьбе поражение, значит, она была слишком слаба. Это значит, что она не вынесла проверки историей – ничего, кроме гибели, ее и не ждало»[310]. Кроме того, все его предали. «Я буду сражаться в этой битве один!» – театрально кричал человек, ставший развалиной. Годами приказывая убивать, сам он, однако, так ни разу и не выстрелил, даже в приступе ярости.

Подсознательные импульсы этого «существа из низшей глины» загнали его в существование «из грязи и железа». Подоплекой каждого его действия была потребность в ненависти. Шпеер называет Гитлера «патологическим ненавистником», а Генрих Манн считал его «верховным жрецом ненависти». «Любой разговор, каким бы простым он ни был, доказывал, что этот человек одержим безграничной ненавистью… Казалось, ему всегда нужно было что-то ненавидеть», – пишет Раушнинг[311]. Кубицек соглашается: «В громовых, полных ненависти тирадах он давал выход своей ярости против существующего мира, против всего человечества, которое его не понимало, которое не дало ему шанса, которое травило и обманывало его»[312]. Из этой ненависти родилась потребность мстить каждому, кто перешел ему дорогу. Существует длинный список людей, павших жертвой его смертных приговоров, с некоторыми из них мы уже встречались в нашем повествовании.

«Гитлер страшно жесток, – говорил Шри Ауробиндо, –

жестокость у него в крови»[313]. В январе 1939 года Шри Ауробиндо заметил, что Гитлер «становится все преступнее и очень быстро катится вниз»[314]. (Именно тогда Гитлер определился с «окончательным решением» еврейского вопроса, что видно из его печально известной речи 30 января в Рейхстаге). Придя к власти, он восклицал: «Мы беспощадны! У нас нет буржуазных предрассудков! Они думают, я бескультурный варвар. Да, мы варвары! Мы желаем быть ими. Это почетный эпитет»[315]. Его молодежь должна была быть беспощадной, устрашающей и жестокой. «В целом режим, вопреки своему идеалу бесстрастной суровости, отличался откровенной жестокостью, к которой Гитлер лично постоянно подстрекал», – говорит Фест. Можно было выразиться и жестче, особенно если вспомнить бесконечные страдания, пытки, убийства и разрушения, порожденные этим режимом во время войны.

В начале нашего повествования, рассказывая об истоках НСДАП и СА, мы уже говорили о презрении Гитлера как к самой человеческой жизни, так и к гуманистическому подходу вообще. Бесспорно, времена тогда были хаотичными и полными насилия, но нет сомнений в том, что корни бесчеловечного характера национал-социалистического движения нужно искать в личности его основателя и единственного реального руководителя, подстрекаемого силой, во власти которой он находился. «Без воли к жестокости действовать невозможно… При установлении всякой новой власти террор абсолютно необходим», – говорил он[316]. В другом месте он выражал это следующим образом: «Наша дорога не является чистой. Я не знаю никого, кто на пути к величию не замарал бы себе ног. Строить что-то на чистом основании – это дело наших преемников»[317]. Да, так может говорить политик. Но дело в том, что Гитлер просто наслаждался разрушениями в Лондоне, опустошением Варшавы, Белграда, Ленинграда и Сталинграда. Ему доставляло удовольствие воображать падение манхэттенских небоскребов под ударами бомбардировщиков дальнего действия завтрашнего дня. И он смаковал снятые по его приказанию фильмы о первых казнях участников покушения Штауффенберга. Некоторые казненные были задушены фортепианными струнами и мучились около двадцати минут, прежде чем умереть.

Этот крикливый оратор со скрипучим голосом,
Пророк скудных ограниченных идей
Делает вид, что ведет человечество вперед;
Его величие должно воздвигнуть триумфальную арку

будущего.

Эти слова Шри Ауробиндо – повторим еще раз – датируются октябрем 1939 года; тогда мир затаил дыхание, намерения Гитлера были далеко не ясны. Между Германией и Россией существовал пакт о ненападении, а Муссолини все еще не решался перейти в лагерь Гитлера. Он говорил о «вечной» дружбе с Третьим рейхом, одновременно роняя презрительные замечания о немцах и их фюрере, который в сравнении с ним самим выглядел подражателем. Япония же, казалось, прочно увязла в Восточной Азии.

Теперь мир созрел, готов для его банкета.
Его тень падает от Лондона до Кореи.
Города и страны рушатся на его пути.
Ужас охватил народы:
Судьба мира находится во власти этого бешеного оратора.

Шри Ауробиндо никогда не сомневался в масштабах гитлеровских планов. «Гитлеризм – это величайшая угроза, которая когда-либо вставала перед миром», – говорил он. «Судьба всего мира зависит от одного человека… Его целью, совершенно очевидно, является мировая империя». Или, точнее, это «асур стремится к власти над миром. Асурический мир низошел в человеческий, чтобы сохранить свое господство на земле»[318].

Этого пигмея поддерживает мощь Титана,
Этот карлик – лишь грубый инструмент могучей силы.
[Им руководит] существо, ненавидящее свет и радость свободного духа,
Состоящее лишь из силы, ловкости и титанической мощи,
Тот, кто хочет втоптать человечество в грязь
И объединить всю землю под своим стальным ярмом.
Именно он настаивает на этом жестоком и грандиозном плане.
И это он, сбивая человеческий ум и волю в одну массу,
Покорную и пластичную в его жуткой хватке,

Выкрикивает свои демонические лозунги над толпой.

От исхода этой апокалиптической драмы, пролог которой исполняла крикливая марионетка с усиками, кривлявшаяся в свете прожекторов, зависит ни больше ни меньше как судьба человечества:

Но если мы позволим его империи установиться,
Его власть подготовит тот печальный час,
Когда бессознательное вновь восстановит свои права
И человек, вышедший на поверхность как сознательная сила природы,
Вновь погрузится в глубокую изначальную ночь,
Разделив, как те формы, что приходили до него,
Судьбу динозавров и мамонтов.
Тень от мантии Титана
Легла на объятый паникой земной шар.

Шри Ауробиндо знал, как эта витальная сущность овладела Гитлером, знал, где Гитлер получал свои «вдохновения»:

В своей высокой вилле на роковом холме
В одиночестве прислушивается он к этому властному голосу,
К тому, кто предписывает ему эти неожиданные ходы,
Тигриные прыжки демонической ловкости.

Однако те, кто чувствует, что входящая в них черная сила выводит их за пределы самих себя к величию, забывают о цене, которую приходится платить. Они не только продают дьяволу свою душу, но обычно страдают уже в этом теле.

Он слишком маленький, слишком человеческий для этого ужасного гостя.
Его тело не способно выдержать силу этой энергии —
Оно стало каналом под пыткой, а не счастливым

восприемником.
Это [давление] заставляет его думать, действовать, кричать и извиваться.

Мы знаем о «кризисах одержимости», которым был подвержен Гитлер. Согласно Вернеру Мазеру, начиная с 1937 года его физическое состояние также ухудшалось[319]. Он начал принимать большие количества лекарств, прописанных его личным лечащим врачом Тео Моррелем. «Его преследовала идея, что карьера его будет недолгой, что она не продлится более десяти лет, и он стремился завершить свою работу до того, как истечет время, отпущенное судьбой» (Франсуа-Понсе[320]). Он не ел мяса, не употреблял алкоголя и не курил, но поедал огромное количество пирожных – в последние дни кто-то назвал его «робот-тортоед».

«Он боится, что его отравят, убьют, боится, что потеряет здоровье, пополнеет, что его предадут, что он потеряет свое мистическое руководство, боится анестетиков, безвременной смерти, боится, что его миссия останется незаконченной», – писал Вальтер Лангер, получив эту информацию от людей, приближенных к диктатору. Гитлер также страдал от огромного нервного напряжения. Во времена Мюнхенского соглашения Ширер видел, что «этот человек стоит на пороге нервного срыва». Еще раз это повторилось, когда он ожидал подписания пакта о ненападении с Москвой[321]. В дни, предшествующие вторжению в Россию, Геббельс заметил, что «фюрер живет в состоянии невероятного напряжения». Похожее напряжение охватило Гитлера в апреле 1940 года, во время операции в Норвегии, а также месяц спустя во время кампании на Западе: «Гитлера трясет»[322].

К концу стало хуже. «Физически он представлял собой страшное зрелище. От своей комнаты до зала совещаний он перемещался болезненно и неуклюже, бросая вперед тело и подволакивая ноги. Он потерял чувство равновесия; если на этом недлинном пути (20—30 метров) его останавливали, он должен был садиться на одну из банкеток, которые с этой целью стояли у обеих стен, или опираться на человека, с которым разговаривал… Он лежал совершенно апатично, с одной лишь мыслью: шоколад и пирожное. Его дикая страсть к пирожным стала просто болезненной»[323]. В последних документальных фильмах, например там, где он прикалывает Железные кресты на грудь детям-героям из Гитлерюгенд, видно, как дрожит его левая рука,

а также и нога, когда он садится.

Его припадки безумия участились. Между тем он выносил один смертный приговор за другим, приказав расстрелять даже мужа сестры Евы Браун. Начальник генерального штаба рассказывает: «Он стоял передо мной с багровыми щеками, поднятыми кулаками, все его тело тряслось, он был вне себя от гнева и потерял всякий контроль над собой. После каждого извержения гнева он прохаживался взад и вперед по самому краю ковра, затем останавливался напротив меня и бросал следующую порцию обвинений. Он задыхался от крика, его глаза вылезали из глазниц, а вены на висках набухли». И все же, как нам известно, «он все еще сохранил некоторые гипнотические силы»[324]. «Нация, в которой остается хоть один безупречный человек, не погибнет», – говорил он в эти дни. Шпеер комментирует: «Без сомнения, этим единственным безупречным человеком он считал самого себя»[325].

Однако в октябре 1939 года мечта о Третьем рейхе и о германском господстве над миром была еще жива – именно тогда она достигла своего пика:

> Его гонят, и он должен идти вперед, покоряя всех,
> Угрожая и требуя, жестокий, неодолимый,
> Пока он не встретит на своей бурной дороге
> Большего демона или громовой удар Бога.

Четыре в одном

На Западе под индуизмом часто ошибочно понимают полное предрассудков идолопоклонство с пантеоном гротескных восьмируких пучеглазых богов с высунутыми языками и слоновьими бивнями. Однако индуизм – это, по-видимому, древнейший монотеизм на земле. Все боги в нем являются аспектами или космическими силами Единого, именно поэтому над главными входами в храмы виден символ ОМ – звук, являющийся выражением Единого, на котором, как считается, держится вселенная. Но каждый человек избирает свое возлюбленное божество, *ишта девата*, для личного почитания, прекрасно зная при этом, что его бог, как и все другие, является аспектом Единого и его представителем. По аналогии можно сказать, что четыре великих асура представляют собой аспекты Антиединого (который тоже является Единым, ибо в мире нет

ничего, кроме него). Для нашего же повествования важно то, что Властелин Лжи, овладевший Гитлером, был также представителем Неведения, Страдания и Смерти; таким образом, его личность проявлялась во всех этих четырех аспектах.

Ложь

Эккарт и Гитлер часто повторяли высказывание Шопенгауэра, что еврей является «величайшим мастером лжи». Анализируя «Майн Кампф», мы обнаружили, что Гитлер взял на вооружение методы, приписываемые мифическим сионским мудрецам из «Протоколов» – в этом отношении его мог детально проинструктировать Альфред Розенберг. В «Майн Кампф» Гитлер открыто провозгласил, что ложь является первостепенным инструментом политического действия: «В большой лжи всегда есть сила правдоподобия, потому что на глубинных уровнях своей эмоциональной природы широкие массы или нация всегда подвергаются порче легче, чем на уровнях сознательных или волевых. Поэтому в примитивной простоте своих умов они скорее поверят большой лжи, чем маленькой». Массы немецкого народа в «своей примитивной простоте» продемонстрировали его правоту.

Конрад Хайден сказал, что Гитлер обладал «феноменальной лживостью», и назвал его «пророком дьявола». Гюнтер Шольдт пишет о его «бесстыдности в обращении с истиной». Когда Гитлер писал, что для еврея ложь является искусством, он точно определил характер своих собственных умственных процессов. «Еврей говорит, чтобы скрыть свои мысли или, по крайней мере, замаскировать их, и, чтобы понять, что он имеет в виду, нужно уметь видеть скрытый смысл его слов»[326]. Его собственный язык и язык Йозефа Геббельса, его глашатая, которого он выбрал с такой удивительной проницательностью, скоро соткут вокруг Нацландии непроницаемый кокон иллюзии. Германия в мгновение ока оказалась изолированной от демократической Европы, попав под хрустальный колпак, в мир с собственной магией, околдовывающей своих граждан.

Кристиан Центнер называет Гитлера «прожженным макиавеллистом, который считает оправданными любые меры, если они способствуют достижению поставленных им целей»[327]. «Гитлер стал канцлером, обещая, что он не только будет действовать строго конституционно, но и будет терпеть постоянное вмешательство в его деятельность со стороны Гинденбурга и подчиняться всем мыслимым ограничениям»[328]. Что же касается его внешней политики, в тридцатых годах он успокаивал французов следующими словами: «Я думаю, что сейчас во всей Германии не найдется того, кто всем сердцем не

одобрил бы любых усилий, направленных на улучшение отношений между Францией и Германией… Я считаю, что сохранение мира в Европе особенно желательно… Молодая Германия, руководимая мной, высшим выражением которой является национал-социалистическое движение, имеет одно искреннее желание – достичь взаимопонимания с другими европейскими нациями»[329]. Его миролюбивые речи в тридцатые годы снискали ему имя *Friedenskanzler*, мирный канцлер. Месяцами, в ходе следующих друг за другом предвыборных кампаний во время своего восхождения к власти, он даже воздерживался от словесных атак на евреев, так как считал момент и общее настроение неподходящими.

Неведение

Мы уже не раз видели, с каким неистовством романтизм и неоромантическое фолькистское движение Германии восставали против интеллекта и его владычества во времена века разума. Мы убедились и в том, что разрозненные политические течения, объединенные под общим ярлыком «фашизм», в действительности являлись националистически-романтическими воплощениями этого духа. Политика всегда работает, обращаясь к самым низким уровням человеческой природы – единственному, что объединяет массы. Интеллектуалы же подавляются грубой политической силой. Это писали Лебон, Сорель и другие авторы того времени. Гитлер, которого Эккарт познакомил с их работами, прекрасно знал все это, когда писал «Майн Кампф». Он намеревался идти вперед, переводя часы назад, заставляя человечество вернуться в варварские времена, предшествующие цивилизации. Но то, о чем некоторые горячие головы лишь теоретизировали, Гитлер положил в основу своих практических методов.

В глазах германской молодежи он желал видеть хищный блеск, а их умам стремился придать, по словам Бурлея, «бесчувственную форму нового варварства». Они должны стать расой господ – бессердечными, дерзкими и жестокими, обученными воевать и беспощадно руководить подчиненными народами. Крепкое тело имело первостепенную важность, культура ума была вторичной. Их примером была Спарта.

Их идеал воплотился в личности Рейнхарда Гейдриха, правой руке Гиммлера. Гейдрих был шефом тайной полиции, и его порой называли «белокурой бестией». До того как он был убит чешскими партизанами, ходили слухи, что его прочат в наследники Гитлеру. «Для всего мира он воплощал не только безграничную жестокость и сознательную бесчеловечность, лежавшие в основе национал-социалистического государства и

системы СС, но и страшные черты тех, на ком держался этот режим и кто осуществлял гитлеровскую политику уничтожения. Гейдрих давал четкое представление о том, чем стал бы режим Гитлера и новый национал-социалистический порядок в Европе, одержи Третий рейх победу»[330].

Интеллектуалом, ответственным за претворение в жизнь гитлеровского антиинтеллектуализма, был доктор Йозеф Геббельс. «Он стал голосом этого безумия», – пишет Гвидо Кнопп[331], сам же Геббельс считал себя «кузнецом немецкой души». Посол Франсуа-Понсе называл его «одним из самых зловещих гитлеровцев», в чьем уме было «что-то извращенное и дьявольское… Никто не сравнится с ним в искусстве перепрыгивать из истины в ложь и обратно»[332]. Шпееру он также виделся «страшно опасным»; он называл его «умнейшим и совершенно аморальным учеником Гитлера»[333]. «Злым гением второй половины гитлеровской карьеры был Геббельс», – пишет Ганфштенгль. «Этот издевающийся, завистливый, порочный, дьявольски одаренный карлик всегда казался мне рыбой-лоцманом акулы-Гитлера»[334]. Шри Ауробиндо, разговаривая со своими учениками, упомянул о том, что Геббельс наряду с Гитлером «находится во власти сил витального плана»[335].

Говоря о нацистских руководителях, находящихся под властью враждебных сил, Шри Ауробиндо упомянул и Германа Геринга, маршала рейха, властелина и наркомана. Мнение Шри Ауробиндо находит подтверждение в неожиданном источнике – в письме Герингу от его жены Карин фон Канцов. «Быть морфинистом значит то же самое, что совершать самоубийство: каждый день теряется маленькая часть твоего тела и души. Тобой овладел злобный дух и злобная сила, а тело постепенно разрушается болезнью. Спаси себя, этим ты спасешь и меня тоже»[336].

В Нюрнберге Геринг сказал своему адвокату следующие многозначительные слова: «Если хочешь совершить что-то действительно новое, хорошие люди бесполезны. Они довольны собой, апатичны, у них есть их дорогой Господь и их собственные мудрые мозги – с ними ничего уже не поделать… Нужны именно опытные преступники… Те, за которыми большой счет, сделают то, что ты им прикажешь; когда ты предупреждаешь их, они мотают себе на ус, так как знают, как делаются дела, как делится добыча… Дайте мне опытных негодяев, но при условии, что у меня будет власть, безусловная власть над жизнью и смертью… Да что вы знаете о возможностях зла! Вы беспрестанно пишете книги и придумываете философии, хотя единственное, что вы знаете, – это кое-что о добродетели, о том, как ее обрести. А ведь

миром движет нечто совсем иное!»[337]

Страдание

О лжи и неведении можно рассуждать, смерть – это факт, но что такое страдание? Это одно из основных человеческих переживаний. В Третьем рейхе мы видим страдания, которым людей подвергали преднамеренно с сознательной жестокостью – символом этого стал Освенцим. Количество физических и психологических страданий, причиненных «простыми людьми» (из названия нашумевшей книги Браунинга), было неимоверным. В их истоках мы, как всегда, находим Адольфа Гитлера, медиума, которым овладел асурический бог. Большинство немцев не знало об этом. Они называли своего вождя мессией; он свят и чист, он парит над всей этой грязью. «Если бы только фюрер знал!» – стало на земле нацизма поговоркой. Но фюрер знал очень хорошо, так как практически во всех случаях – безусловно, в самых жутких и отвратительных – первые приказы отдавал именно он.

Если же есть желание узнать о страдании побольше, можно почитать воспоминания тех, кто прошел через все это. Впрочем, сами факты донести невозможно. Лишь те, кто был в команде смертников в Освенциме, кто выжил под грудой голых тел где-нибудь в степях России, те, кто чудом остался в живых, чтобы рассказать о медицинских экспериментах в Бухенвальде, или те, кому в Париже в гестапо вырывали ногти, – лишь они действительно *знали*. И все же чтобы узнать, на что способен наш вид, можно почитать, например, такие книги, как «Мастера смерти» Ричарда Родеса, «Немецкая травма» Гитты Серени, «Солдаты зла» Тома Сегева, «Места ужаса» Герды Убершер, «Аннус мунди» Вислава Килара, «Требник ненависти» Леона Полякова или книги Энтони Биворза о Сталинграде и о падении Берлина.

Ужасает изобретательность человека в поиске новых средств причинения страданий себе подобным. В «Аннус мунди», воспоминаниях о пяти годах, проведенных в Освенциме, Вислав Килар рассказывает о *Stehbunker*, «стоячем карцере». Это была постройка, содержащая четыре бетонные камеры; в каждой едва хватало места для того, чтобы четверо могли стоять, тесно прижавшись друг к другу. В нее пробирались через узкую низкую дверь. Некоторых заключенных запирали в этих камерах на неопределенное время, то есть до тех пор, пока они не умрут без еды и питья. Они справляли нужду там же, где стояли. По мере того как люди слабели, они постепенно сползали к полу, причиняя своим товарищам еще больше страданий. Ждать смерти приходилось сутками.

Не менее ужасна бесчеловечность некоторых граждан этой

гордившейся своими высшими общечеловеческими ценностями страны. Мартин Борман, сын всевластного гитлеровского подручного, был назван по имени отца. Однажды вместе со своими маленькими братьями и сестрами он навестил дом Генриха Гиммлера. Гедвиг Поттхаст, секретарше и любовнице Гиммлера, неожиданно пришла в голову идея показать детям «что-то очень интересное, личную коллекцию босса». Она провела их наверх и открыла двери чердака. «Там были столы и стулья, изготовленные из частей человеческого скелета». Сиденье одного стула было сделано из костей таза, ножки другого – из костей ног со ступнями. Потом госпожа Поттхаст показала детям экземпляр «Майн Кампф» в обложке из человеческой кожи. Молодой Мартин Борман, ставший после войны католическим священником и миссионером, «помнил, с какой медицинской обстоятельностью она показывала и объясняла все это»[338].

Смерть

«Все исчезнет, останется лишь смерть и слава великих деяний». Вальтер Шелленберг в своей книге «Лабиринт» пишет, что Гитлер часто цитировал эти слова из «Хавамалы», древней нордической саги[339]. Еще в начале тридцатых Гитлер сказал Герману Раушнингу: «Мы никогда не сдадимся, никогда! Мы, возможно, погибнем, но мы прихватим с собой весь мир. Муспилли. Мир в огне!»[340] Катастрофический конец света был одной из главных тем нордических мифов и подсознательной навязчивой идеей германо-нордических народов. В конце истории неизбежно придут *Götterdämmerung*, сумерки богов. Мир либо погибнет в ужасной зиме (*Fimbulwinter*) и всё покроется льдом, либо будет великий вселенский пожар, муспилли. Муспилли также фигурирует в одной поэме девятого века об апокалипсической битве между Илией и антихристом. «Во время муспилли ни один член клана не сможет помочь другому. Когда весь мир сгорает в огне, а горячий воздух пожирает все – что останется от земли, за которую ты бился вместе с сородичами?»[341]

У Гитлера была, пишет Фест, «абстрактная мания разрушения», он также упоминает о его «страстном желании катастрофы». Тревор-Ропер называет его «ангелом разрушения», а в другом месте, в «Последних днях Гитлера» – «богом уничтожения». Кершоу приписывает ему «азиатскую волю к разрушению», Споттс целый раздел своей книги о фюрере называет «Мастер разрушения». Разрушение было не просто следствием стремления Гитлера к мировому господству, это было его сознательной целью – основной идеей, которую ему внушал Титан.

«Согласно рассказу генерала Гальдера, Гитлер пошел против своих генералов, настояв на обстреле и бомбардировке Варшавы, хотя город уже был готов к сдаче. Он получал эстетическое удовольствие от картин разрушения: апокалиптически потемневшего неба, стен, снесенных тысячами тонн бомб, людей, пораженных паникой, сметенных с лица земли»[342]. «Я помню его реакцию на последний ролик с новостями о бомбежке Варшавы, – пишет Шпеер. – Гитлер был очарован… Его энтузиазм не имел границ. “Вот что с ними будет! – кричал он вне себя. – Вот так мы их уничтожим!”»[343] Бомбежка Роттердама также была совершенно излишней, но должна была послужить устрашающим примером тевтонского ужаса.

Лондон бомбили без перерыва в течение 65 ночей, погибло 45 тысяч человек. «Вы видели карту Лондона? – спрашивал Гитлер на одной из ночных посиделок в близком кругу. – Он так плотно застроен, что единственного центра возгорания достаточно, чтобы разрушить весь город. Так уже случалось в прошлом, лет двести назад. Геринг хочет использовать множество зажигательных бомб совершенно нового типа, чтобы создать центры возгорания во всех частях Лондона. Везде пожары. Тысячи. Они сольются в одно гигантское море огня. У Геринга верная идея. Бризантные бомбы не работают, но это можно сделать зажигательными – мы полностью разрушим Лондон»[344].

Геббельс начиная с 18 октября экстатически комментировал бомбардировку Англии в своем дневнике. «Страшные новости из Лондона. Метрополис стирается с лица земли… Пожары в Сити должны быть ужасными… Мы массированно атакуем Плимут с внушительными результатами… Репортажи из Ковентри: это чистый ад… Мы опять произвели мощный налет на Плимут…» Гитлер ожидал, что через три месяца от Лондона останется лишь «груда развалин». «К гражданскому населению Британии я не питаю ни малейшей симпатии», – сказал он[345].

«Когда Югославия после путча армейских офицеров попыталась выйти из Трехстороннего союза, куда ее заставили войти силой, Гитлер был настолько вне себя от ярости, что приказал систематически бомбить беззащитную столицу с бреющего полета в течение трех дней. Это была “операция Наказание”»[346]. Белград «был разрушен до основания. Три дня и ночи бомбардировщики Геринга, едва не задевая крыши, проходили над столицей… убив 17 тысяч жителей, ранив гораздо больше и превратив город в груду дымящихся развалин»[347].

Согласно «твердому решению» Гитлера, Ленинград, Москву, Сталинград и Киев нужно было «сровнять с землей». Как писал в своем дневнике Геббельс, «над городом вновь должен пройти

плуг»[348]. Генри Пикер, один из тех, кто вел записи «Застольных бесед», поясняет: «8 сентября 1941 года Ленинград был полностью окружен немецкими войсками. Из трех миллионов жителей удалось эвакуировать лишь 400 тысяч. 632 тысячи умерли от голода»[349]. «Могу вообразить, что многие удивленно спрашивают себя: «Неужели Гитлер способен разрушить такой город, как Петербург? – задумчиво говорил Гитлер. – Конечно, меня воспитывали совсем по-другому. Я не мог видеть, как кто-то страдает, я не мог никому причинить зла. Но если я вижу, что под угрозой существование вида, тогда холодный как лед интеллект берет верх над чувствами. Я вижу лишь жертвы, которые потребуются в будущем, если не принести жертвы сейчас»[350]. Однако ни Ленинград, ни Сталинград, ни Москва так и не будут взяты.

Но Гитлер смотрел и дальше. «Никогда я не видел его таким возбужденным, как под конец войны, когда, словно в бреду, он рисовал и себе, и нам картину гибели Нью-Йорка в урагане огня, – пишет Шпеер. – Он описывал, как небоскребы, превратившись в пылающие факелы, валятся один на другой, а сияние взрывающегося города освещает небо»[351]. Шпеер также уверен, что Гитлер не колебался бы ни мгновения, если бы мог использовать атомное оружие как против Англии, так и против любой другой военной цели. Уже Раушнингу (в начале тридцатых) он говорил: «Мы ослабим физическое здоровье врага и сломим его моральную волю к сопротивлению. Я думаю, у бактериологического оружия есть будущее»[352].

«Огонь был стихией Гитлера, однако в огне ему нравились не его прометеевские свойства, а разрушительная сила. Он разжег пожар мировой войны, он принес на континент огонь и меч – быть может, это лишь образные обороты. Но сам по себе огонь, в прямом и буквальном смысле слова, всегда вызывал в нем глубокое волнение. Я вспоминаю, – продолжает Шпеер, – как по его приказу показывали кинохроники с видами горящего Лондона, море огня в Варшаве или кадры с взрывающимися караванами судов, и тот восторг, с которым он смотрел эти фильмы»[353]. Шри Ауробиндо считал эту гитлеровскую очарованность огнем «настоящим знаком асура» и ожидал от него «других действий, обнаруживающих дьявольскую изобретательность».

Генриетта фон Ширах близко знала Гитлера в течение многих лет, так как была дочерью его личного фотографа и женой руководителя Гитлерюгенда. Именно она как-то сказала: «Я верю, что некоторые люди притягивают смерть; Гитлер, без сомнения, был одним из них»[354]. Действительно, несколько самых близких к

нему женщин пытались покончить с собой. Мими Райтер в Бертехсгадене пыталась повеситься, ее обнаружил и успел спасти брат. Юнити Валькирия Мидфорд, помпезная британская нацистка, которая была без ума от Гитлера, и которую он принял в свой мюнхенский круг, выпустила две пули себе в голову, но выжила. Ева Браун два раза пыталась покончить с собой, в ноябре 1932 года и в мае 1935-го. В первый раз она выстрелила себе в шею, во второй раз приняла смертельную дозу снотворного. Ее обнаружила сестра, когда было еще не слишком поздно. Гели Раубаль застрелилась в сентябре 1931 года.

Сам Гитлер «страдал от постоянной готовности к самоубийству», по словам Себастьяна Хаффнера. Его друг Кубицек вспоминает, что он серьезно думал о самоубийстве во времена влюбленности в Стефани в Линце. После провала мюнхенского путча Гитлер угрожал самоубийством в загородном доме Ганфштенгля в Баварии, его отговорила жена Ганфштенгля, Хелена. В ландсбергской тюрьме он начал было голодную забастовку, но его уговорили прекратить ее. Во времена серьезного партийного кризиса в декабре 1932 года, когда, казалось, все было потеряно – хотя вскоре ситуация вновь неожиданно изменится, – Гитлер, говорят, произнес следующие слова: «Если партия развалится, мне хватит и трех минут, чтобы застрелиться»[355]. В другой ситуации он сказал: «Это пара пустяков! Пистолет – что может быть проще!»[356] 30 апреля 1945 года это было всерьез. «Суицидальный импульс, сопутствовавший ему всю жизнь, побуждавший его идти на максимальный риск, наконец достиг своей цели»[357].

Однако тогда, когда он встал у последней черты, вся Германия уже превратилась в империю смерти. Бомбардировки союзников обратили в руины большую часть немецких городов. Везде можно было видеть истрепанную полосатую форму: это были истощенные как скелеты, подобные призракам заключенные концлагерей – метастазы лагерей и их филиалов, как рак, сетью покрыли всю страну, въевшись даже в городские агломерации. Союзные армии с боями шли к сердцу страны, преодолевая отчаянное сопротивление, что вело к еще большим разрушениям. Колонны заключенных из восточных лагерей, изможденных и грязных, перегоняли с места на место – позади оставался шлейф из трупов. Волны беженцев с востока, спасающихся от наступающих русских армий, стремились добраться до американцев, французов или англичан на западе.

А в подземном бункере на семнадцатиметровой глубине стоял он, развалина-фюрер, с желудком, набитым пирожными, опираясь о стену: в этой последней битве он будет сражаться

один. По его приказам были сформированы *Fliegendes Stangericht*, мобильные военно-полевые суды, облеченные всеми полномочиями, чтобы выносить приговоры дезертирам, мародерам и пораженцам, которых вешали у дорог с табличками на груди, сообщавшими об их преступлении. Он приказал, чтобы все граждане рейха бежали перед наступающими армиями, если придется, пешком, по морозу и снегу. А затем он издал серию приказов, первым из которых (19 марта) был «Неронов приказ», согласно которому «все военные, транспортные, промышленные, продовольственные объекты, средства связи, а также все другие ресурсы на территории рейха, которые враг может немедленно или в обозримом будущем использовать для ведения войны, должны быть уничтожены»[358].

21 апреля Геббельс, «обезьяна Гитлера», провел в разрушенном здании министерства пропаганды последнюю планерку для личного состава. «Дрожа от холода, двенадцать джентльменов сидели перед министром, одетым в безукоризненный темный костюм. Он задал им вопрос: “Что я могу поделать с народом, который не желает воевать, даже когда насилуют его женщин? Немцы заслужили то, что их ожидает, они сами выбрали это”… Он скрестил руки на груди и посмотрел в глаза каждому из присутствующих: “Я никого не заставлял сотрудничать со мной, немецкий народ мы тоже не принуждали. Немцы сами выбрали нас! Зачем вы работали со мной? Теперь вам перережут глотку”. В дверях он обернулся еще раз и прокричал: “Но когда мы сойдем со сцены, содрогнется земля!”»[359] Муспилли…

«Дети Вотана»

На той части земного шара, которую мы называем Запад, эра христианства подходила к концу, а христианская цивилизация разрушалась; со времен Возрождения Запад жил в переходном состоянии. «По мере того как христианское мировоззрение теряет авторитет, угрожающие скачки “белокурой бестии” в ее подземной тюрьме становятся все слышнее, и в любой момент она может вырваться на свободу с катастрофическими последствиями, – писал К. Г. Юнг. – Память о древней германской религии еще жива… Мы убеждены, что современный мир разумен, и опираемся на экономические, политические и психологические факторы. Но если мы на мгновение забудем, что живем в 1936 году от рождества Христова [именно тогда были написаны эти слова]… мы обнаружим, что Вотан как гипотеза

очень удовлетворительно объясняет факты. Я даже решусь на еретическое утверждение, что бездонные глубины характера Вотана объясняют национал-социализм лучше, чем все разумные факторы взятые вместе»[360].

В одной из предшествующих глав мы уже говорили о Вотане, одноглазом боге в зеленой шапке, скачущем во главе своих диких охотников. Он овладевает сознанием своих бешеных бойцов, придавая им силу и неуязвимость. Нацизм гордился тем, что возродил беспощадный дух древнегерманских воинов. В Гитлерюгенде пели: «Если даже весь мир лежит в руинах, / что нам за дело? / Мы маршируем вперед, / ведь сегодня нам принадлежит Германия, / а завтра – весь мир». А журнал СС *Das Schwarze Korps* писал, что горящие английские города – это гигантские костры, зажженные в честь летнего солнцестояния, ведь это бог Тор мстит врагам Германии своими молниями (взрывами бомб) [361].

Об этой фундаментальной черте Гитлера и нацизма мы говорили достаточно, и нам легко будет интерпретировать стихотворение Шри Ауробиндо «Дети Вотана (1940)». Дата написания является частью заглавия. Не следует забывать, что тогда масштабы предстоящих событий и сам исход войны еще были совершенно неопределенны, и было неизвестно, что ждет человечество. Это придает дополнительный смысл этому стихотворению, написанному на роковом перекрестке истории индийским духовным учителем.

«Куда идут ваши войска, о дети Вотана?
Под вашей поступью земля дрожит от страха,
Пламя смерти смеется в ваших глазах».
«Мы видели знак Тора, молот нового творения,
Семя крови в земле, кровавый цветок в небесах.
Мы идем превратить землю в ад и назвать ее раем.
Бичом семи страданий поразили мы сердце человечества;
Матерь Божья истекает кровью в свете нашего черно-золотого восхода».
«Я слышу крик разрушающегося мира, о дети Вотана».
«Вини извергающийся вулкан, ругай горящую нефть!
Страдание – пища, дающая нам силу,
Пытка – блаженство, пробирающее нас до нутра.
Мы безжалостны, мы могучи, мы радостны,
Боги содрогаются от нашего нечеловеческого смеха.
В нас – закаленные сердца героев, на нас – пояс Ориона;
Наша воля облачена в молнии, а дела наши – львиные

когти.
Нам нравится творимая нами боль, как мужчине – поцелуй женщины».
«Видели ли вы свою судьбу на весах Бога, о дети Вотана,
И хвост дракона, взбивающий пену далеких морей?»
«Мы смеемся над Богом,
Мы заткнули рот священникам, бормочущим у его алтаря.
Вождь наш владеет судьбой, он медиум ее тайн.
Мы уничтожили ум, а мысль задушили удавкой;
Жалость и честь мертвы, лишь сила владеет природой.
Мы строим новый порядок; в наших бомбах – вопли мира Вотана.
Мы – это копья судьбы, мы дети Вотана,
Мы – это люди-титаны, сверхлюди, мечта мудреца.
Помесь хищника, демона с божеством мощи и воли,
Мы рождены в свете заката человечества, и мы шествуем в ночь.
По телам исчезающих наций, среди воплей наступающего катаклизма,
Под взрывы бомб и снарядов, под пение пикирующих бомбардировщиков,
Освещенные погребальным костром истины,
Мы идем к сатанинскому веку»[362].

17. Мир, висящий на волоске

История чаще всего умалчивает о тех событиях, которые, хотя и происходили по ту сторону занавеса, в действительности имели решающее значение. Она отмечает лишь эпизоды видимого действа, разворачивающегося на сцене.

Шри Ауробиндо

Когда Шри Ауробиндо начал писать «Арью» в 1914 году, основные черты его мировоззрения были ему ясны – но на реализацию поставленных задач уйдет вся его жизнь и вся жизнь Матери. Если предположить, что оформление его зрелых идей началось около 1890 года, то окажется, период развития его мировоззрения совпадает по времени с десятилетиями больших перемен и больших надежд в Западной Европе.

Основное различие между Шри Ауробиндо и другими провозвестниками рождения «нового мира» и «нового человека» состояло в том, что он нашел систему и метод, позволявшие реализовать его идеал, тогда как другие – в том числе Маркс, Ницше и Георге – были не способны придать своим теориям конкретную форму и предложить хотя бы приблизительный метод. Для Шри Ауробиндо создание нового человека было необходимым условием создания лучшего будущего. «Надеяться на реальные перемены в человеческой жизни без изменения человеческой природы неразумно и недуховно, это все равно, что требовать чего-то противоестественного и нереального, невозможного чуда»[363]. Средства изменения человеческого существа были выработаны в различных традиционных системах индийской йоги, и Шри Ауробиндо взял их за основу. «Человек-микрокосм» – существо очень сложное, и каждая система, как правило, берет за основу лишь одну его черту. Поэтому Шри Ауробиндо, для того чтобы помочь современному человеку использовать его природу в качестве отправного пункта для создания нового вида, должен был свести вместе существующие системы, создав «интегральную йогу». Целью этой йоги был уже не мир иной, но появление на земле существа, вышедшего за пределы человека.

Обычно считается, что, чем духовнее какая-то вещь, тем она призрачнее и нереальнее. Однако, согласно Шри Ауробиндо,

материя не является единственной реальной субстанцией во вселенной, и уровень «реальности» или «эффективности» субстанции растет по мере увеличения ее духовности. Это также означает, что духовное развитие дает силу. «Чем тоньше – тем мощнее, можно сказать, тем конкретнее в истинном смысле… Бессильный дух – это не дух… То, что находится выше физического, так же реально, как и физическое, и знание этих высших планов является составной частью целостного знания», – писал Шри Ауробиндо в «Жизни Божественной»[364].

Духовные традиции, как правило, предостерегают от использования духовных сил по той причине, что это может привести к росту эгоизма и духовному падению. Но для решения задачи, которую поставили перед собой Шри Ауробиндо и Мать, требовалось вести постоянные битвы с силами, властвующими на земле. Против использования темными силами черной магии нет другой защиты, кроме использования белой магии силами света. «Шри Ауробиндо не является ни бессильным моралистом, ни расслабленным пацифистом»[365], – писал он о себе в третьем лице. Его йога была не «аскетизмом или бегством от жизни», но усилием, направленным на создание высшей жизни в материи. «Я занят землей, а не запредельными мирами ради них самих, – писал он. – Я ищу именно земной реализации, а не бегства к далеким вершинам»[366].

«…Опыты йоги принадлежат внутреннему миру, они протекают согласно своим собственным законам, имеют собственные методы восприятия, критерии и все прочее. Однако они отличаются от критериев, методов и законов мира физических чувств и мира рационального или научного знания… Как и в науке, здесь также необходимо накапливать опыт за опытом… Необходимо развить способность интуитивного различения, которая позволяет сопоставлять разные опыты, видеть, что же они означают, в какой степени и в какой области они применимы, какое место каждый из них занимает в целом, как примирить или как соотнести некий опыт с теми, которые, казалось бы, противоречат ему, и так далее. Лишь тогда вы сможете надежно двигаться в мире духовных феноменов. Это единственный способ проверки духовного опыта»[367]. Более того: «Полагаю, я могу сказать, что проверял это день и ночь, год за годом скрупулезнее, чем любой ученый проверяет свою теорию или метод на физическом плане»[368].

«Невидимая сила, производящая осязаемые результаты, как внутренние, так и внешние, – в этом весь смысл йогического сознания… Не только результаты, но и сами движения этой силы осязаемы и конкретны». «Это не волшебная палочка и не детская

игрушка, это то, что нужно наблюдать, понимать, развивать, чем нужно овладевать, чтобы уметь использовать или – так как очень немногие могут использовать эту силу, разве что в очень ограниченной степени – чтобы суметь быть ее инструментом». Вновь говоря о себе в третьем лице, он сообщает следующее: «В своем уединении Шри Ауробиндо внимательно следил за всем, что происходило в мире и в Индии и активно вмешивался, если это было необходимо, используя, однако, лишь духовную силу и молчаливое духовное влияние… Как только он овладел этой силой, он начал использовать ее, поначалу лишь в узкой области личной работы, но затем для постоянного воздействия на мировые силы»[369]. В следующих разделах мы остановимся на некоторых ключевых моментах и исторических событиях самого начала Второй мировой войны и непосредственно предшествующих ей, которые были предметом забот Шри Ауробиндо и Матери.

Мюнхенское соглашение (30 сентября 1938 года)

29 сентября 1938 года Адольф Гитлер, Бенито Муссолини, Невилл Чемберлен и Эдуард Даладье встретились в Мюнхене, чтобы решить судьбу Чехословакии; представители самой Чехословакии приглашены не были. Гитлер требовал раздела Чехословакии, с тем чтобы Судетская область и населявшие ее немцы присоединились к его Великой Германии. В противном случае он угрожал войной. Сейчас Мюнхенскую конференцию считают апогеем политики «умиротворения», с помощью которой западные государства старались умерить амбиции Гитлера, сгладить все острые вопросы и уговорить немецкого диктатора, также известного под именем «мирный канцлер», занять более разумную позицию. Эта политика «умиротворения», которую дальновидный фюрер использовал в полной мере, привела на следующий день к подписанию соглашения, в котором требования Гитлера полностью удовлетворялись.

Чехословакию заставили отдать Германии «11 тысяч квадратных миль территории, на которой проживало 2 миллиона 800 тысяч немцев и 800 тысяч чехов. В этом районе находились все обширные чешские оборонительные сооружения, бывшие до этой поры самой грозной линией укреплений в Европе, за возможным исключением линии Мажино во Франции. Но это еще не все. Этот раздел разорвал на части чехословацкую систему железных и обычных дорог, телефона и телеграфа. Согласно немецким источникам, расчлененная страна лишилась 66 %

угольных запасов, 80 % лигнита, 86 % химикатов, 80 % цемента, 80 % текстильного производства, 70 % железа и стали, 70 % электроэнергии и 40 % лесных запасов. Процветающую промышленную нацию разделили и разорили в один день»[370].

Великобритания и Франция не стали защищать Чехословакию, хотя честь – согласно заключенным ими международным соглашениям – обязывала их сделать это. Более того, как объяснил позднее генерал-фельдмаршал фон Манштейн: «Если бы разразилась война, мы в действительности не смогли бы эффективно защищать ни нашу западную, ни нашу польскую границы. И если бы Чехословакия решилась оборонять свои укрепления, мы, без сомнения, не смогли бы их прорвать – у нас не было необходимых для этого средств». Генерал Йодль, начальник штаба оперативного руководства вооруженных сил Германии, подтвердил это во время процесса в Нюрнберге: «Об этом не может быть и речи! На наших западных укреплениях, которые были всего-навсего большой стройплощадкой с пятью боевыми и семью резервными дивизиями, мы не смогли бы устоять против ста французских дивизий. В военном смысле это невозможно»[371].

По возвращении из Мюнхена Чемберлена встречали как героя. «Размахивая декларацией, которую он подписал с Гитлером, торжествующий премьер обратился к толпе, собравшейся на Даунинг-стрит… С улыбкой он произнес несколько слов из окна своей резиденции. “Дорогие друзья, – сказал он, – это второй случай в истории, когда мы возвращаемся из Германии на Даунинг-стрит с почетным миром. [Первым было возвращение Дизраэли с Берлинского конгресса в 1878 году, во времена Бисмарка]. Я верю, что это означает сохранение мира в нашу эпоху”. “Таймс” написала, что “ни один завоеватель еще не возвращался домой, увенчанный более достойными лаврами”»[372]. Единственным несогласным был Уинстон Черчилль. Впрочем, он противостоял политике «умиротворения» с самого начала. Он предостерегал: «Мы понесли полное и сокрушительное поражение… Безмолвная, страдающая, брошенная и разбитая Чехословакия погружается во тьму… Это катастрофа первой величины, и она постигла Великобританию и Францию… И не думайте, что это конец. Это лишь начало сведения счетов»[373].

Шри Ауробиндо и Мать недвусмысленно осудили Мюнхенское соглашение. «Прогнившая» Франция «отступилась от своего обязательства» и «предала Чехословакию», тем самым призвав возмездие на свою голову. «Чехи могли бы постоять за себя, если бы их не предали союзники. Если бы союзники вместе с Россией [которая была партнером Франции по соглашению]

согласились им помочь, чехи могли бы дать настоящий бой… Блюм и Даладье[39] совершили худшие из возможных ошибок, первый – своей политикой невмешательства [в недавно закончившуюся гражданскую войну в Испании], второй – предательством чехов»[374].

Чемберлен был «хитроумным дураком, считавшим, что он обращается с Гитлером как настоящий дипломат, совершенно не понимая, что же он делает в действительности… Пока у руля Чемберлен, ничего не изменится. В политике он мыслит как коммерсант»[375]. (Ширеру Чемберлен казался тогда «таким наивным, что в это почти невозможно было поверить».) «На фотографии с Мюнхенской встречи я видел Чемберлена с Гитлером, – говорил Шри Ауробиндо. – Тот глядел на Чемберлена с дьявольским коварством в глазах, а Чемберлен был словно муха перед пауком как раз перед тем, как тот ее поймает. И он поймал его»[376].

Шри Ауробиндо объяснял, какую роль в военном восстановлении Германии сыграла Великобритания. «Именно Англия подтолкнула Германию к власти. Она видела, что Франция набирает силу в послевоенной Европе [то есть после Первой мировой войны]. И в свойственном ее дипломатии эгоистичном стиле она помогла Германии подняться, чтобы создать [на европейском континенте] баланс сил. Она не думала, что Германия направит свое оружие против нее. Было время, когда Франция и Англия чуть не начали соперничать… Мне еще не приходилось видеть такого полного банкротства английской дипломатии»[377].

«Западная цивилизация терпит крах, – заметил Шри Ауробиндо. – Даже цивилизация девятнадцатого века, со всеми ее недостатками, была лучше, чем то, что мы имеем теперь. Европа не вынесла испытания Первой мировой войной… С определенной точки зрения, человечество никогда еще не опускалось так низко, как сейчас. Такое впечатление, что судьбы народов вершат несколько насильников, а остальной мир готов склониться перед одним человеком… Человеческий ум в Европе потерпел сокрушительное поражение… В последние годы девятнадцатого века нам казалось, что человеческий ум достиг определенной высоты разумности, и любая новая идея, прежде чем быть принятой, должна удовлетворить его требованиям. Но теперь, по-видимому, уже нельзя рассчитывать на то, что здравый смысл выдержит создавшееся напряжение»[378].

А Гитлер, убежденный в том, что ему нужно торопиться, отпустил тормоза. До этого он не слишком давил на евреев, он готовился к своей мировой войне и не позволял себе отвлекаться.

Однако про себя он решил, что надвигающаяся война будет подходящим поводом для осуществления, незаметно для всего мира, одного из аспектов своей «идеи фикс» – хирургического удаления евреев с тела человечества. Всего через месяц после завершения Мюнхенской конференции он воспользовался малозначительным поводом, чтобы провести «хрустальную ночь» (это благозвучное название получил крупнейший в новой истории Германии погром).

Вскоре серия декретов сделала жизнь евреев в Германии невыносимой. Досталось не только им: 8 декабря Гиммлер дал указание «бороться с цыганской чумой». Раньше это были полумеры, которыми он вынужден был ограничиваться, чтобы не слишком шокировать мир. Теперь же Гитлер без околичностей работал над тем, чтобы уничтожить евреев на всех территориях, находившихся в его власти, имея конечной целью их полное уничтожение (*ausmerzen*) во всем мире. Шри Ауробиндо уже тогда видел его намерения и предупредил в последний день 1938 года о готовящемся «хладнокровном убийстве евреев».

Однако Гитлер был горько разочарован результатами Мюнхенской встречи. Неистовствуя по поводу Чемберлена, он кричал: «Этот тип лишил меня торжественного въезда в Прагу!» Но он больше не потерпит, чтобы расстраивались его планы. Нагло нарушив Мюнхенские соглашения, 14 марта 1939 года немецкие войска вошли в Чехословакию. Когда на следующий день Гитлер узнал, что военной реакции ни со стороны Великобритании, ни со стороны Франции не последует, он торжествующе воскликнул: «Я знал! Через две недели об этом и говорить перестанут!» Еще через день новый властитель Чехословакии триумфально въехал в Град, знаменитый пражский замок, где обычно заседало правительство.

Начало Второй мировой войны (1 сентября 1939 года)

Польша

Со времени написания «Майн Кампф» неизменной целью Гитлера было завоевание России. Однако чтобы попасть туда, нужно было преодолеть некоторые географические препятствия – между Германией и Россией лежали Чехословакия и Польша. С Чехословакией он расправился быстро, цинично и без помех. Теперь же для вторжения в Польшу, ему требовалось согласие России – для того, чтобы в итоге атаковать Сталина, ему нужно было на какое-то время подружиться с ним.

Пакт о ненападении между Германией и Россией был

заключен 23 августа, как раз вовремя для того, чтобы вторжение в Польшу могло идти в соответствии с намеченными планами. Возможно, это было самое циничное соглашение в истории, прекрасно иллюстрирующее подход Гитлера к морали международных отношений. Ведь одним из основных пунктов нацистской идеологии и пропаганды было уничтожение иудео-большевизма; с другой стороны, и для русских, и для коммунистов во всем мире нацизм был цветом мирового империализма и заклятым врагом. И все же, несмотря на то, что сообщение о заключении этого пакта совершенно ошеломило всех, верные сыны обоих блоков, мгновенно изменив курс, вновь дружно двинулись вперед в соответствии с новыми линиями своих партий.

Шри Ауробиндо отметит, что «Гитлер получает от своего асура замечательные указания. Им движет не ум, он следует указаниям голоса. Он рассматривает все возможности и когда наконец решается на что-то, то идет напролом. Единственное, чего он не предвидел, – это то, что Британия и Франция вступятся за Польшу»[379]. И действительно, терпению британцев и французов, а вместе с тем и политике «умиротворения» пришел конец. К тому времени Чемберлен понял – его заставили это понять как его коллеги по правительству, так и Палата общин, – что Гитлер его провел. Великобритания и Франция предупредили Гитлера, заявив, что на этот раз они не оставят агрессию безнаказанной. А 2 сентября они ультимативно потребовали вывода вторгшихся в Польшу войск к 11 часам следующего дня. В противном случае их страны оказывались в состоянии войны с Германией.

Пауль Шмидт, официальный переводчик Гитлера, был свидетелем его первой реакции на эту новость. Гитлер находился в компании Иоахима фон Риббентропа, своего министра иностранных дел. «Когда я вошел в комнату, Гитлер сидел за рабочим столом, а Риббентроп стоял у окна. Оба смотрели на меня с ожиданием. [Британский посол только что передал Шмидту ультиматум.] Я остановился в нескольких шагах от стола Гитлера и медленно перевел ультиматум Великобритании. Когда я закончил, наступила полная тишина. Гитлер сидел неподвижно, глядя перед собой… Мне показалось, прошло сто лет. Наконец, он повернулся к Риббентропу, который все так же стоял у окна. “Ну, и что теперь?” – спросил Гитлер с яростью во взгляде, словно обвиняя Риббентропа в дезинформации по поводу ожидаемой реакции Великобритании. Риббентроп тихо ответил: “Я полагаю, французы вручат нам подобный ультиматум в течение следующего часа”»[380].

«Да, он получает замечательные указания от своего асура, – сказал Шри Ауробиндо в другой раз. – Порой асуры способны с великолепной точностью предвидеть события на витальном и на тонком витальном планах, точно так же, как это возможно на плане духовном. Конечно, это не значит, что они непогрешимы. Но Гитлер совершил только одну ошибку: атакуя Польшу, он не думал, что союзники вмешаются. Наполеон подобных указаний не получал»[381]. Именно так на западном фронте началась «странная война». Противники встали на позиции по обе стороны границы от Швейцарии до Северного моря, делая громогласные пропагандистские заявления, глядя друг на друга в бинокли, играя в футбол и выкрикивая оскорбления. Однако 10 мая 1940 года *Sitzkrieg* (сидячая война) переросла в *Blitzkrieg* (блицкриг, молниеносную войну). Войска Гитлера вторглись в Нидерланды, Люксембург, Бельгию и Францию.

Дюнкерк

Гитлер начал эту фазу своей войны дерзким маневром: он атаковал армии союзников (бельгийские, французские и британские экспедиционные силы) на участке, который считался непроходимым, проведя войска через поросшие лесом Арденнские холмы Бельгии. Его внутренний голос опять творил чудеса, и энтузиазм, с которым он поддержал новаторские идеи командующих своими бронетанковыми войсками, мог иметь тот же источник. В результате осуществления этого плана, армии союзников в Бельгии и на севере Франции, общей численностью больше миллиона человек, были отрезаны от основных сил. Бельгийцы, руководимые своим загадочным королем Леопольдом III, вскоре сдались, следуя примеру голландцев. Неожиданно британская экспедиционная армия вместе с частью французских войск оказалась в западне. Они были вынуждены как можно быстрее отступать к третьему по величине порту Франции Дюнкерку.

Когда отступающие армии были полностью окружены, Гитлер приказал своим танковым дивизиям остановиться. «Тем вечером [24 мая] наши бронетанковые дивизии были остановлены у канала Аа. Танкисты были поражены. С противоположного берега не стреляли. По ту сторону мы уже различали мирные шпили Дюнкерка. Не свихнулось ли командование операцией? Командиры дивизий были удивлены еще больше. Они знали, что могут занять Дюнкерк без большого труда, так как англичане еще вели бои около Лилля. Почему им не позволяют занять последний порт, позволяющий врагам бежать в Англию?»[382]

Этот приказ Гитлера горячо обсуждают до сего дня, и у каждого историка есть свое объяснение. Вот некоторые из них. Он

по-особенному относился к британцам, которые происходили от таких же арийских племен, что и немцы, и хотел склонить их к сотрудничеству, пощадив окруженные войска. Он сомневался в эффективности танков на местности, пересеченной реками и каналами. Войска устали и нуждались в отдыхе. Он опасался атаки французов на южном фланге. Его военная компания шла так гладко, что он начал нервничать и опасаться, что все может неожиданно рухнуть. И так далее.

Принимая во внимание военную ситуацию, безвыходность положения сотни тысяч вражеских солдат и тот факт, что само продолжение войны с Великобританией зависело от спасения этих войск, реальной причиной решения Гитлера – возможно, в сочетании с одним из вышеупомянутых элементов – могло быть обещание Геринга устроить для скученных в гавани и на берегу вражеских войск мясорубку силами его люфтваффе. Немцы гордились одержанной победой, и Геринг хотел получить в ней свою долю. Если люфтваффе сделает свое дело, танки можно сберечь для решительного броска на юг и на Париж. Воображение Гитлера также могла увлечь картина кровавой каши, в которую бомбардировщики превратят беспомощные войска. С этого момента он считал себя хозяином мира – и миру следовало с этим считаться.

Когда же началась эвакуация экспедиционного корпуса, Гитлер понял, что совершил ошибку, и 26 мая вновь отдал приказ начать атаку наземными войсками. Однако союзники получили время, позволившее им организовать оборону периметра, который они героически защищали. Когда же началась операция «Динамо» – эвакуация войск целой флотилией судов, от эсминцев до прогулочных катеров и рыбачьих лодок, – случилось нечто очень неприятное для немцев: интенсивность их «беспощадной бомбардировки» войск союзников упала почти до нуля.

И участники операции, и историки сходятся в том, что погода в те дни стояла прекрасная: в голубом небе сияло солнце, а море было, «как стекло» – к счастью для солдат, которым пришлось брести до судов по воде, в противном случае они бы не смогли погрузиться. Однако решающую роль играл другой погодный фактор: на аэродромы лег туман, и бомбардировщики не могли взлетать. «Туман спас англичан. Низкой облачностью заволокло не только Дюнкерк, но и все аэродромы люфтваффе, в результате чего все три тысячи бомбардировщиков оказались прикованными к земле» (Толанд[383]). Ройт и Кершоу также упоминают «плохую погоду», что может означать лишь плохие погодные условия на материке. Ширер же цитирует дневник немецкого генерала Гальдера: «Мы захлопнули бы этот карман на берегу, если бы

наши танки не остановили. Из-за плохой погоды вылеты люфтваффе невозможны, и теперь мы должны стоять и смотреть, как бессчетные тысячи врагов перебираются в Англию под самым нашим носом»[384].

Как только сдалась Бельгия, Шри Ауробиндо, внимательно следивший за ходом событий, прокомментировал: «Эта сдача означает, что Дюнкерк – а также Кале – попадут в руки немцев… [Экспедиционной армии] не спастись, если они не сумеют удержать Дюнкерк или не попытаются прорваться в просвет с французской стороны… Остенде [бельгийский порт] был в руках бельгийской армии. С его падением Дюнкерк окажется легкой добычей, разве что у союзников окажется там достаточно войск для защиты. Теперь даже бегство затруднено. Они могут попытаться прорваться и соединиться с французами на Сомме. В противном случае, я не вижу выхода»[385].

30 мая, когда операция «Динамо» шла полным ходом, ученик заметил: «Дюнкерк все еще в руках союзников… Если им удастся уйти, это будет великолепным трюком». Шри Ауробиндо ответил: «Да, это можно будет назвать великолепным военным трюком». На следующий день Шри Ауробиндо сам начал беседу, не без удовольствия заговорив об эвакуации союзников: «Они уходят-таки из Дюнкерка!» Ученик заметил: «Да. Кажется, эвакуации помог туман». Шри Ауробиндо: «Да. Туман довольно редок в это время года…» Согласно Ниродбарану, который записывал эти беседы, тон Шри Ауробиндо говорил о том, что туман был вызван оккультным вмешательством[386]. Эвакуация продолжалась до 4 июня, когда немцам удалось, наконец, занять город. Всего было эвакуировано 338 226 человек, из них 123 095 французов и 16 816 бельгийцев[387]. «Если бы британская экспедиционная армия была потеряна, Черчилль почти наверняка не сумел бы устоять перед растущим давлением мощных сил внутри Великобритании, готовых пойти на мирное соглашение с Гитлером»[388].

Шри Ауробиндо позже напишет о себе, еще раз в третьем лице: «Внутренне он помогал союзникам духовной силой со времен Дюнкерка, когда все ожидали немедленного падения Великобритании и окончательного триумфа Гитлера, и он с удовлетворением увидел, что стремительное победное движение немцев было почти тут же остановлено и ход войны начал поворачиваться в противоположном направлении. Он сделал это, так как видел, что за Гитлером и нацизмом стояли темные асурические силы и что их победа привела бы к порабощению человечества силами зла и к задержке в его развитии, в особенности к задержке в его духовной эволюции…»[389] Через несколько дней после событий, которые потом назвали

«дюнкеркским чудом», он сказал: «Если Англия сможет победить в войне с Германией, значит, она находится под особой защитой». И в декабре того же года: «[Британцев] спасло божественное вмешательство… Их бы разгромили, вторгнись Гитлер в Англию вовремя, то есть сразу же после падения Франции»[390].

Заслуживает упоминания и то, что Шри Ауробиндо сказал 20 июня, то есть еще до того, как Гитлер завершил свою западную кампанию: «Я думаю, следующая война будет между Россией и Германией»[391]. (В марте 1940 года, еще до блицкрига, он заметил: «Гитлер – это большая опасность для России»). 21 июля 1940 года Гитлер впервые объявил верховному командованию о своих планах вторжения в Россию и заявил, что намерен атаковать ее весной следующего года[392]. Толанд описывает, как были ошеломлены офицеры, когда генерал фон Браухич поручил им подготовку плана вторжения, получившего впоследствии название план «Барбаросса».

Черчилль

Гитлер не вторгся в Англию, и Великобритания, вопреки ожиданиям, устояла. Причиной тому был один человек: Уинстон Черчилль. Он стал премьер-министром 10 мая, в первый день немецкой атаки. «Черчилль стал для Гитлера не просто противником. Охваченной паникой Европе немецкий диктатор казался чем-то вроде непобедимой судьбы. Черчилль низвел его до уровня силы, с которой можно совладать», – пишет Фест[393].

Перед вторжением Гитлера во Францию, Шри Ауробиндо вскользь заметил, что «Англия довольно ненадежна при ее нынешнем руководстве»[394] и что он и Мать ищут подходящего человека. Если у асура был инструмент в одном лагере, то силам света, раз уж они приняли решение активно участвовать в битве, нужен был инструмент в лагере противоположном.

Теперь почти забыто, какими зыбкими в действительности были шансы на приход Черчилля к власти. Дело в том, что у него была репутация сорвиголовы, и на него возлагали ответственность за катастрофу в Галлиполи во времена Первой мировой. Еще недавно, как главный лорд адмиралтейства, он был вынужден отвечать за британские неудачи в Норвегии. Кроме того, его упрямая позиция непримиримого противостояния нацистской Германии шла вразрез с широко распространенным мнением, что можно и уступить, попросить о мире – на что Гитлер охотно согласился бы. Гитлер, казалось, инстинктивно чувствовал, что Черчилль станет серьезным препятствием на пути к осуществлению его планов, и люто ненавидел его. Он называл его «некомпетентным демагогом-алкоголиком», «полуамериканским пьянчугой, которым помыкают жиды»,

«политической шлюхой», «бесхарактерной свиньей» и многими другими эпитетами подобного рода.

Отдавал ли себе Черчилль отчет в духовной поддержке, которую ему оказывали? В палате Общин 13 октября 1942 года он сказал: «Порой у меня есть чувство – в действительности, очень сильное чувство – вмешательства. Я хочу подчеркнуть, что порой чувствую, что вмешивается некая руководящая рука. Я чувствую, что у нас есть покровитель, потому что мы служим великому делу, и мы не потеряем этого покровителя, если будем служить этому делу верно. И какому делу!»[395] Величие общего дела часто находит отзвук в его речах, в которых порой пробивались ауробиндовские нотки: «Вы спросите, в чем наша цель? Я могу ответить одним словом: победа… ибо без победы не сможет выжить… не сможет выстоять тысячелетнее стремление и движение человечества к своей цели». «За ними – за нами, за армиями и флотами Британии и Франции – стоит группа разбитых государств и запуганных наций… которых, если мы не сумеем выстоять, накроет ночь варварства…» «Если мы сумеем устоять [против Гитлера], тогда вся Европа сможет стать свободной и жизнь в этом мире будет продолжать двигаться вперед, к сияющим духовным вершинам. Но если мы падем, тогда весь мир… погрузится в пучину нового средневековья…» «…Надо иметь поистине слепую душу, чтобы не видеть, что здесь, на земле, идет движение к некой великой цели, осуществляется великий план, и нам выпала честь быть его верными слугами»[396].

Шри Ауробиндо назвал коалиционное правительство национального сотрудничества «замечательным правительством». Британский дух сопротивления, который, несмотря на отчаянность ситуации, Черчиллю удалось пробудить, «свел на нет множество опасностей». Еще до того, как 22 июня 1940 года было подписано перемирие немцев с французами и все ожидали, что Гитлер, на волне успеха, переправит войска в Англию, Шри Ауробиндо сказал: «Я не думаю, что вторжение вероятно или возможно», а несколько дней спустя: «Я не думаю, что какая-либо атака [на Англию] вероятна сейчас… Нет, Гитлер не нападет…» После перемирия, когда вторжение казалось неминуемым, Шри Ауробиндо опять взвесил шансы и сказал: «Никто не знает, какие карты у Гитлера в рукаве, но я не думаю, что он может атаковать… Он никогда не взвешивает за или против. Если он получает правильную вдохновляющую мысль, все это не имеет значения… Он постоянно опирался на свои вдохновения и шел вперед, все зависело от удачи. Что касается Франции, Польши и всех других стран, он составлял предварительный план и затем осуществлял его, но что касается Англии – никто не знает, что у

него на уме. У него самый оригинальный ум, потому что этот ум не его собственный»[397]. Гитлер назначал несколько дат для начала операции «Морской лев», в ходе которой немецкие войска должны были пересечь Ла-Манш, но атака, в действительности, так никогда и не началась.

Операции «Морской лев» должны были предшествовать интенсивные боевые действия люфтваффе Геринга – нужно было уничтожить Королевские военно-воздушные силы вместе с их аэродромами. В том, что экспедиционной армии удалось ускользнуть, а люфтваффе не смогли этому помешать, Гитлер винил Геринга. Теперь у того был шанс оправдаться. Для операции Adlerangriff («Орлиный налет»), которая превратится в «битву за Англию», первую воздушную битву в истории, он использовал все, чем мог располагать тогда: 1039 истребителей, 998 бомбардировщиков и 316 пикирующих бомбардировщиков. Соотношение сил, как позже будет вспоминать Черчилль, было «семь или восемь к одному».

За несколько недель до атаки ученик спросил Шри Ауробиндо: «Почему Гитлер сказал, что хочет закончить эту кампанию к 15 августа?» Шри Ауробиндо ответил: «Это является ясным указанием, если бы такое указание было необходимо, что он является врагом нашей работы»[398]. 15 августа было днем рождения Шри Ауробиндо. Говорил ли Гитлер когда-либо что-то подобное? В книге Ширера «*The Nightmare Years*» («Кошмарные годы») мы находим следующее: «11 июня я обедал в “Алдоне” [отель в Берлине] с Карлом фон Вигандом, старым корреспондентом Херста, который как раз вернулся с фронта, взяв интервью у Гитлера. Диктатор сказал ему, что с Францией будет покончено к середине месяца, то есть через четыре дня! – а с Великобританией – к середине августа, то есть еще через два месяца. Карл… сказал, что Гитлер вел себя так, словно весь мир лежал у его ног». Еще через несколько страниц Ширер пишет: «Первого августа, занимаясь разными делами на Вильгельмштрассе, я заключил два пари с нацистскими чиновниками: одно о том, что знамя со свастикой будет развеваться на Трафальгарской площади к 15 августа; другое – что к 7 сентября. Я бился об заклад, что этому не бывать».

В конце концов 15 августа наступило, и Ширер вспоминает: «Уже чувствовалось нарастающее возбуждение сопровождавших нас военных. На пути из Дюнкерка в Кале они роняли намеки, что сегодняшний день, 15 августа 1940 года, может стать историческим. Люфтваффе могут провести, если не помешает погода, свой самый массированный налет на Великобританию. Как оказалось, 15 августа битва за Англию разгорелась жарче

всего, в тот день в боях участвовало больше самолетов, чем когда-либо раньше. Люфтваффе сделало 1950 вылетов, RAF (Королевские воздушные силы) – почти тысячу, и все это на фронте длиной в пятьсот миль. Это была одна из решающих битв в истории и она – наряду с похожей, произошедшей ровно месяц спустя, 15 сентября – определила судьбу Великобритании. В конечном счете, это решило судьбу и нацистской Германии»[399]. Королевские ВВС победили.

Несмотря на эту победу, ситуация, в которой оказалась Великобритания, была мрачной, и любой другой руководитель на месте Черчилля мог бы пойти на попятную в этой, казалось бы, безнадежной ситуации. Британия должна была в одиночестве противостоять мощному и опьяненному победами врагу; она лишилась большей части своего тяжелого военного снаряжения – экспедиционной армии пришлось оставить его на континенте. К тому же бесчисленные стратегические проблемы каждый день ухудшали ситуацию в ее огромной империи на Востоке. Более того, до британцев, которые теперь подвергались серьезным бомбардировкам в Лондоне и в других местах на юге страны, доходили лишь плохие вести – ни единого луча надежды. Военная помощь Соединенных Штатов была сомнительна – Рузвельт был занят своими внутриполитическими битвами. Однако Черчилль не колебался – во всяком случае, на публике. Гитлер «разлегся на всю Европу», и Великобритании «выпала честь быть единственной защитницей ее свободы». «Если Англия сможет продержаться по крайней мере год или две зимы, тогда есть шанс», – сказал Шри Ауробиндо[400].

Унижение Франции

Перемирие между Германией и Францией было подписано 22 июня 1940 года в Компьене. Гитлер организовал унизительнейшую церемонию, потребовав, чтобы оно было подписано на том же самом месте, где в 1918 году сдалась Германия, и в том же самом вагоне – для этой цели он был доставлен из музея в Париже. Едва маршал Петен вошел в состав военного кабинета, как Шри Ауробиндо предупредил, что тот опасен. Теперь он выразился резко: «Этот глупец Петен продал Францию». «Петен убил Революцию – революцию, которой потребовались еще три революции, чтобы упрочиться и закрепиться»[401]. Мы знаем, как для Шри Ауробиндо были важны идеи Просвещения и Французской революции, необходимые для будущего развития человечества, мы знаем и то, что Гитлер боролся против них.

«Гитлер позаботится о том, чтобы Франция не смогла больше подняться… Франция будет ужасно истощена», – сказал Шри

Ауробиндо[402]. Именно это и произошло, хотя Петен и его пособники думали, что сумеют уберечь страну от унизительных оскорблений и жадности Гитлера. Францию разделили на пять частей. Эльзас и Лотарингия вновь стали немецкой территорией. Север страны был объединен с Бельгией в некий временный протекторат (со временем он будет аннексирован и включен в Великую Германию). Атлантическое побережье с его бесценными портами было оккупировано. «Виши»[40] Петена стала, в некотором смысле, независимой страной со своим правительством. Пятая часть – юг страны – была оккупирована Италией, это была ее доля в разделе добычи. Гитлер с избытком добился осуществления *Kriegsziele* (военных целей) Первой мировой войны. У него никогда не было сомнений, что Францию нужно использовать, эксплуатировать и выжать насухо. И если он позволил какое-то время существовать режиму «Виши», то просто потому, что был слишком занят другими делами. Выражаясь словами Роберта Пакстона, «сотрудничать хотел только Петен, Гитлер желал лишь добычи»[403].

Шри Ауробиндо опасался, что Гитлер разрушит Париж. «Париж был центром человеческой цивилизации на протяжении трех веков. Сейчас он разрушит его. Это знак асура. История повторяется. Греко-римская цивилизация также была разрушена германцами… Маловероятно, что Германия сохранит Париж. Разрушение Парижа означает разрушение современной европейской цивилизации»[404]. Осведомленные люди сообщают нам, что Шри Ауробиндо верно смотрел на вещи.

Шпеер цитирует следующие слова Гитлера: «В прошлом я часто подумывал, не разрушить ли нам Париж». «Хоть я и привык к его импульсивным замечаниям, – пишет Шпеер, – я был, тем не менее, шокирован этим холодным проявлением вандализма. Точно так же он относился к разрушению Варшавы»[405]. Ганфштенгль свидетельствует о том, что разрушение Парижа было у Гитлера чем-то вроде навязчивой идеи. «“Во Франции мы поступим решительно! – кричал он. – Мы превратим Париж в руины! Мы должны разорвать цепи Версаля!” Бог мой, думал я, Париж в руинах, Лувр и все сокровища искусства уничтожены. Каждый раз, когда Гитлер приходил в это состояние, мне просто физически становилось плохо»[406]. А Фест пишет в книге *Der Untergang* («Крушение»): «Согласно Францу Гальдеру, начальнику генерального штаба, во время кампании против Польши Гитлер настоял на том, что Варшаву нужно бомбить, хотя город уже был готов сдаться. Он с восторгом наблюдал за разрушением в полевой бинокль. Позже он предполагал разрушить Париж, а также Москву и Ленинград…»[407]

В конце концов, после того, как союзники высадились в Нормандии, приказ о разрушении Парижа был отдан. Он приведен со всеми необходимыми ссылками в книге Ларри Коллинза и Доминика Лапьера «Горит ли Париж?» Вот он: «Париж не должен попасть в руки врага, в противном же случае врагу должно достаться лишь поле, покрытое руинами». Авторы пишут, что через день после освобождения культурной столицы мира «каждый парижанин, выгляни он в эту ночь из окна, мог увидеть одно из чудес этой войны: невредимый Париж… Все те бесценные памятники, что сделали из этого города маяк цивилизованного человечества, простояли нетронутыми в течение пяти лет самой разрушительной войны в истории»[408].

Пятьдесят на пятьдесят

Несмотря на то, что британцы победили в «битве за Англию», Шри Ауробиндо считал, что у Гитлера еще остаются высокие шансы на победу. «Лишь британские военно-морские силы препятствуют Гитлеру овладеть миром… Он практически хозяин Европы. Вторгнись он в Англию сразу же после падения Франции, сейчас он был бы уже в Азии. Теперь ему стала противостоять иная сила. И все же опасность не миновала. У него пятьдесят процентов шансов на успех. Это вопрос баланса сил. Вплоть до падения Франции он был крайне удачлив, так как действовал заодно с асурической силой, стоящей за ним, от которой получал удивительно верные сообщения»[409].

Не один Шри Ауробиндо считал, что шансы противников были равны. Томас Манн в мае 1941 года думал так же. Джон Лукач пишет, что «в 1940 и 1941 годах Гитлер был близок к тому, чтобы выиграть войну»[410]. А Тревор-Ропер в беседе с Роном Розенбаумом сказал: «Он действительно чуть не выиграл войну. Ему не хватило самой малости»[411]. В послесловии к «Человеческому циклу» Шри Ауробиндо говорит то же самое: «[Немцам] было рукой подать до победы»[412].

Ученик сказал Шри Ауробиндо: «Ганди пишет, что непротивление, которое пытались практиковать некоторые его последователи в Германии, провалилось, так как было недостаточно сильным, чтобы сгенерировать тепло, способное растопить сердце Гитлера». На это Шри Ауробиндо ответил: «Здесь нужна плавильная печь. Единственный способ растопить сердце Гитлера – это разнести его бомбами в клочья»[413]. Это было еще до войны. Тогда Шри Ауробиндо также заметил: «У мира нет шансов, разве что в Германии что-то произойдет или Гитлер со Сталиным поругаются. Но сейчас это очень маловероятно»[414]. Пакт о ненападении между Россией и Германией был еще в чести. После капитуляции Франции Шри Ауробиндо выразил свое

мнение четко: «Гитлер становится властелином Европы… Сейчас лишь его смерть может спасти ситуацию»[415].

Когда же положение стало критическим, он сказал: «Мировому господству Гитлера противостоит лишь британский флот»[416]. И действительно, единственными утешительными вестями в то время были действия британского военно-морского флота, например битва в Атлантике с немецким линкором «Граф Шпее», которая окончилась тем, что эта гордость немецкого флота была затоплена экипажем, а капитан покончил с собой. Когда Франция сдалась, возникла реальная угроза того, что французский флот, второй по величине в мире, попадет в руки Гитлера. День за днем Шри Ауробиндо внимательнейшим образом следил за ситуацией. «Если французский военный флот попадет в руки Гитлера, тот станет колоссально силен… Если Петен сдаст флот и колонии, это будет вершиной позора и полной катастрофой… Если французский флот попадет в руки Гитлера, ситуация станет крайне опасной…»[417] «Согласно параграфу 8 перемирия (между Германией и Францией), французский флот… “должен быть сконцентрирован в особых портах и демобилизован и разоружен под немецким и итальянским контролем”, – пишет Черчилль. – Но кто в здравом уме мог поверить Гитлеру на слово после всего, что уже произошло, и при таком раскладе сил?.. На кон была поставлена жизнь нашего государства и спасение нашего общего дела»[418].

Часть французского флота, включая сверхсовременные линейные крейсеры «Дюнкерк» и «Страсбург», стояла на якоре в Мер-эль-Кебир, военной гавани в Оране. Великобритания выставила адмиралу ультиматум. Он мог: а) присоединиться к британцам и продолжать борьбу против Германии и ее союзников; б) под конвоем перевести корабли в британский порт; в) отвести корабли в какой-нибудь французский порт в Вест-Индии, где они будут демилитаризованы, а команды репатриированы. Если же это предложение будет отвергнуто, через шесть часов его корабли потопят. Адмирал отказался. 3 июля большинство кораблей было пущено ко дну или безнадежно повреждено; погибло 1250 человек.

«Этот мощный удар, практически разом уничтоживший французский флот как военный фактор, произвел глубочайшее впечатление на все страны, – пишет Черчилль. – Эта Великобритания – которую многие уже списали со счетов, которую иностранцы считали балансирующей на краю пропасти, готовой сдаться перед напором военных сил, объединившихся против нее, – наносит безжалостный удар по своим вчерашним ближайшим друзьям, на время обеспечивая себе безусловное

господство на море. Стало ясно, что британский военный кабинет ничего не боится и не остановится ни перед чем. Так оно и было»[419].

Но Британия оставалась «в осаде» довольно продолжительное время, и ее руководители действительно не могли предложить своему народу ничего, кроме «крови, труда, слез и пота». Военные катастрофы следовали одна за другой: Северная Африка, Греция, Крит… «К сентябрю 1942 года завоевания Гитлера выглядели на карте ошеломляюще. Средиземное море стало практически внутренним озером стран оси Берлин-Рим. Германия и Италия владели его северным берегом от Испании до Турции и южным – от Туниса почти до самого Нила, не доходя до него шестидесяти километров. Немецкие войска занимали территории, протянувшиеся от норвежского Северного мыса до Египта, от Атлантики в Бресте до нижнего течения Волги» (Вильям Ширер[420]).

Шри Ауробиндо надеялся, что Великобритании удастся продержаться год или две зимы; она продержалась. Во вторую зиму ход событий решительно изменился. «Операция Факел», англо-американское вторжение в Северную Африку, началась в ночь с 7 на 8 ноября 1942 года, как раз когда Роммелю со своим Африканским корпусом пришлось отступить от Эль-Аламейна. Когда же завершилась Сталинградская битва (31 января), исход войны был практически предрешен – к тому времени Красная Армия уже развернулась в полную силу своей боевой мощи, а Соединенные Штаты, шокированные японским нападением на Перл-Харбор, вступили в войну на стороне антигитлеровской коалиции. Сегодня мы знаем, что именно те события предрешили исход войны. Но тогда сражения по-прежнему шли по всему миру, неся страдания, разрушения и смерть, которым, казалось, не будет конца.

Цель: Индия

В своей книге *Griff nach der Weltmacht* («Стремление к мировому господству») Фриц Фишер цитирует несколько источников, из которых мы узнаем следующее: «Немцы преследовали на Украине экономические и политические цели. Они хотели сохранить самый надежный путь к Месопотамии и Аравии и к [нефтяным полям] Баку и Персии, который получили бы, завоевав Украину… [Один политик] даже утверждал, что “раз Англия не дает Германии расширяться в западном направлении, ее экспансия должна быть направлена через Украину и Крым к

Индии"». Усилия немецкой внешней политики должны увенчаться завоеванием русских территорий, необходимых в качестве моста в Среднюю Азию[421]. Это цитаты времен Первой мировой войны.

В ходе Второй мировой в октябре 1940 года, когда Югославия подписала протокол, делающий ее полностью зависимой от Германии, Шри Ауробиндо заметил: «Если эти новости верны [они были верны], это начало конца Балкан. Болгария не будет сопротивляться. Греция окажется беспомощной без поддержки Турции, а что Турция может сделать одна? Таким образом, Гитлер окажется в Малой Азии, а это значит – на пути в Индию. Это проделки асура. Теперь движения Гитлера становятся ясны. Он попытается продвинуться к Средиземноморью, захватить Суэцкий канал, а затем Египет…»[422] Примерно тогда же Шри Ауробиндо сказал: «Если бы ему не мешала Англия, Гитлер сначала разобрался бы с Россией, а затем двинулся в Азию и, в конечном счете, в Индию»[423]. Хотя Англия и не поддалась, Гитлер все же пошел на риск, напав на Россию и ввязавшись в войну на два фронта. Он вновь был верен своим основным идеям, одной из которых было завоевание «жизненного пространства» на Востоке. Африканский корпус продвигался к Египту и Суэцкому каналу, одновременно Южная группа армий в России шла к Каспийскому морю и Кавказу. Они сходились словно клещи, открывая немецким армиям путь в Азию.

Для Шри Ауробиндо с самого начала не было сомнений, что Гитлер стремится к мировому господству. «Он явно нацелен на всемирную империю… Фронт господа – это фронт духовный, который пока существенно отстает. Гитлеровская Германия – это не фронт господа, это асурический фронт, с помощью которого асур стремится к господству над миром. Это нисхождение витального мира в человеческий, с тем чтобы установить свое господство на земле»[424].

Более того, согласно Шри Ауробиндо и Матери, Индия занимает особое место среди других наций в развитии человечества в целом. В это развитие каждый народ (нация или культура) должен внести свои сущностные элементы, присущие его уникальному характеру. С точки зрения Шри Ауробиндо, Индия должна была поделиться своим духовным знанием – драгоценностью, которую она сберегала веками. И так как Властелин Лжи хотел повернуть человечество назад, к «сатанинскому веку», он хотел использовать Гитлера (или других) для того, чтобы атаковать один из главных элементов, которые могли способствовать появлению высшего, духовного человечества.

Гитлеровские планы относительно Азии не так широко

известны, однако они хорошо документированы. «В фантазиях Гитлера российская кампания становилась переломным моментом войны, который, как по мановению волшебной палочки, разрешит все трудности и откроет дорогу к власти над миром… Широким захватом клещей через Северную Африку, Ближний Восток и Кавказ, завоевав между тем Россию, он двинется вперед, к Афганистану. Затем эта страна станет базой, с которой он нанесет Британской империи удар в самое сердце – по Индии. Ему казалось, что до мирового господства рукой подать» (Фест[425]). В середине августа 1942 года Гитлер говорил: «Нашим следующим шагом будет продвижение на юг от Кавказа, где мы поддержим восстания в Ираке и Иране против англичан. Другое движение пойдет от Каспийского моря к Афганистану и Индии. Тогда англичане останутся без нефти. Через два года мы будем на границах Индии. Двадцати или тридцати немецких дивизий будет достаточно. Тогда Британская империя рухнет» (Шпеер[426]).

Для Гитлера Индия всегда ассоциировалась с Великобританией. «Английское самосознание родилось в Индии», – прозвучало в одном из его монологов[427]. В биографии Гитлера, написанной Толандом, мы читаем: «Риббентроп настойчиво давил на японцев через их посла Ошиму с тем, чтобы они перенаправили свой главный удар на Индию, но безуспешно. Не добился успеха и Гитлер, когда пригласил Ошиму в Вольфсшанц и повторил эту просьбу. Вермахт, говорил он, намерен ударить в направлении Кавказа. Как только этот нефтяной регион будет в наших руках, откроется прямая дорога на Персию. Тогда немцы и японцы смогут зажать британские силы на востоке в гигантские клещи»[428]. Ральф Джиордано описывает тот же стратегический план в своей книге «*Wenn Hitler den Krieg gewonnen hätte*» («Если бы Гитлер выиграл войну»).

«Сообщение московской газеты, озаглавленное “Гитлер планировал завоевание Индии: документальные подтверждения”, появившееся 21 июня 1986 года, на следующий день было перепечатано в “*Indian Express*”. Согласно документам, на которых основано это сообщение, Германия, Италия и Япония в январе 1942 года подписали соглашение о разделе сфер влияния. Гитлер рассчитывал, быстро расправившись с Россией, весной того же года вторгнуться в Западную Азию, что должно было создать базу для завоевания Индии»[429]. «Грузинский историк, профессор Цикишвили, говорит о *Sonderstab F* – контингенте, целью которого было продвижение к Западной Азии и Индии… Это высокомеханизированное воинское спецсоединение имело 1620 машин, собственные артиллерийские, танковые и авиационные подразделения, разведку и контрразведку. Этот корпус главным

образом состоял из студентов стран Востока, обучавшихся в немецких университетах и прошедших нацистское промывание мозгов. Среди них были и немцы, которые жили в Индии и Западной Азии и знали местные обычаи и языки»[430].

Ашрам Шри Ауробиндо в опасности

С момента подписания Францией перемирия 22 июня 1940 года французские колонии разделились: некоторые пошли за маршалом Петеном, некоторые объединились с генералом де Голлем, хотя он был тогда почти неизвестен. Де Голль, которого Шри Ауробиндо назвал «выдающимся человеком», чтобы спасти честь Франции, сформировал правительство в изгнании и поэтому был заочно приговорен к смерти правительством Петена. Некоторые французские колонии, в том числе Пондичери, никак не решались сделать выбор и напряженно, затаив дыхание, следили за развитием событий в Западной Европе. Все зависело от того, как поведет себя Великобритания, находящаяся под непосредственной угрозой немецкого вторжения. Если бы Уинстон Черчилль не стал премьером, мирное соглашение между Германией и Великобританией было бы вполне возможно. Тогда будущее мира стало бы совсем другим.

Пондичери был французским анклавом, иными словами, одной из заморских территорий Франции, где ее корабли могли бросить якорь, пополнить запас пресной воды и продовольствия и вести торговлю. На восточном и западном побережье Индии было еще три таких места, а еще одно находилось в устье Ганга. В Пондичери Францию представлял губернатор, который во времена нашего повествования был одним из тех, кто выжидал. Его положение было нелегким, ведь Пондичери – это всего лишь небольшой портовый городок, окруженный британской территорией. Как анклав, он должен был получать многие товары из Франции (и был известным логовом контрабандистов). Война и так уже усложнила жизнь и взвинтила цены, а теперь британцы легко могли перерезать все связи этого французского анклава с остальной частью субконтинента.

«Губернатор Пондичери сползает в сторону правительства Петена», – сказал Шри Ауробиндо 4 июля 1940 года. На следующий день он прокомментировал ситуацию так: «Французский губернатор сейчас напуган, так как руководство Петена приказало выполнять распоряжения правительства, а функционер обязан выполнять приказы вышестоящих властей. Более того, Гитлер пригрозил адмиралам и чиновникам

[колониальных территорий], что в случае неподчинения их жены и дети будут отправлены в концентрационные лагеря». Когда ученик сказал, что британцы запретили своим кораблям заходить в Пондичери, Шри Ауробиндо ответил: «Да, должно быть, они сделали это, узнав о позиции губернатора».

Два дня спустя тот же ученик сказал, ссылаясь на немецкие источники: «Франция разорвала дипломатические отношения с Англией. В этом случае правительство [Британской] Индии, естественно, примет жесткие меры и оккупирует Пондичери не моргнув глазом». Шри Ауробиндо: «Дипломатические отношения здесь уже разорваны». Прими губернатор сторону «Виши», существование ашрама оказалось бы под угрозой и по другой причине: дело в том, что католическое правительство Петена было известно своим строгим отношением к конфессиональным ценностям и враждебностью ко всему некатолическому, в особенности ко всевозможным «идолопоклоннническим» религиям и сектам. Поэтому, как заметил Шри Ауробиндо, «если католическое правительство окажется у руля, наш ашрам запретят»[431].

И все же самая непосредственная угроза в те тревожные дни исходила из самого ашрама, где немалое число патриотичных садхаков [духовных искателей] было настроено антибритански и, следовательно, прогитлеровски. Еще 11 мая Ниродбаран, доктор ашрама, говорил Шри Ауробиндо: «Позиции в ашраме разделились. Некоторые стоят за британцев, некоторые – за Гитлера». Шри Ауробиндо: «За Гитлера?» Ученик: «Не вполне так, но они против британцев». Шри Ауробиндо: «Не слишком разумная позиция. Как может Индия, которая борется за свободу, объединяться с тем, кто отбирает свободу у других наций?»

Эта ситуация была довольно серьезной, так как неделю спустя Шри Ауробиндо, против обыкновения, сам начал разговор: «По всей видимости, не пять-шесть, а больше половины наших людей симпатизируют Гитлеру и желают ему победы». Ученик, смеясь: «Половина?» Шри Ауробиндо: «Здесь не над чем смеяться. Это очень серьезно. Правительство может распустить ашрам в любой момент. В Индокитае были распущены все религиозные организации. А здесь против нас весь Пондичери. Они ничего не могут сделать лишь потому, что губернатор Бонвин дружески расположен к нам. Но даже он, узнав, что люди в ашраме стоят за Гитлера, будет вынужден предпринять какие-то шаги – как минимум, выслать их. Если эти люди хотят, чтобы ашрам распустили, пусть они придут сюда, и это сделаю *я сам*, а не полиция.

Они не имеют ни малейшего понятия о том, что происходит в

мире, и болтают, как дети. Гитлер – это самая страшная угроза, с которой когда-либо встречался мир. Неужели они думают, что, если Гитлер победит, у Индии будет шанс на свободу? Хорошо известно, что он положил глаз на Индию. Он открыто говорит о мировой империи. Он повернет на Балканы, раздавит Италию, что займет от силы недели три, затем Турцию и Западную Азию. Западная Азия в конечном счете означает Индию. Если там он встретится со Сталиным, тогда это будет лишь вопрос того, кто из них возьмет верх и окажется здесь. Я слышал, К. говорил, что Россия сейчас может спокойно завоевать Индию. Именно эта рабская ментальность и держит Индию в цепях. Разве он не понимает, что первым делом Сталин уничтожит в Индии всю духовность..?» А когда он услышал, что над одним учеником насмехались его товарищи-садхаки за то, что тот сожалел о поражении Голландии, Шри Ауробиндо сказал: «Они рады, что Голландию оккупировали? И одновременно желают Индии свободы! Вот чего я никак не могу понять. Как они могут симпатизировать Гитлеру, разрушающему другие нации и отбирающему у них свободу? Это смех не над сочувствием к союзникам, это смех над сочувствием к человечеству»[432].

Все более усложнявшаяся ситуация привела к тому, что какое-то время Шри Ауробиндо симпатизировал Японии. Он давно уважал этот народ за его самурайские качества. «Способность японцев к самопожертвованию, патриотизму, самоотречению и молчанию была замечательной… Японцы – это кшатрии [каста князей-воинов], а их эстетическое чувство, конечно, хорошо известно». Но вскоре, в особенности после частых сообщений о жестокости японцев во время военных кампаний, Шри Ауробиндо был вынужден признать, что эти качества изменились к худшему. «Европейское влияние испортило все это, и посмотрите, какими жестокими они стали, а это совершенно не японское качество… Героический народ с великолепным самоконтролем… Но возможно, эти вещи уже принадлежат прошлому. Очень жаль, что народ, который смог реализовать эти идеалы на практике, теряет их из-за контакта с европейской цивилизацией… Японцы стали бандитами. Они заразились духом нацистов и фашистов с Запада»[433].

И все же Шри Ауробиндо, видя одновременное продвижение к Индии Гитлера с запада и японцев с востока, наряду с давней российской угрозой, все же предпочел бы, чтобы Индия оказалась в руках японцев. Его аргументы были двоякими. Вот первый: «Я не желаю, чтобы японцы проиграли в войне с китайцами, потому что они могут потребоваться как противовес Германии и России, когда те, если Британия падет, попытаются проникнуть в Азию…

Из трех зол Япония, вероятно, меньшее, и я не думаю, что она аннексирует Индию… Япония не хочет, чтобы Азией завладели “варвары”»[434]. Второй аргумент был духовного порядка: религиозно настроенные японцы терпели бы существование религиозных организаций, подобных ашраму Шри Ауробиндо, тогда как Гитлер и Сталин просто уничтожили бы его.

В Индии можно было встретить весь спектр возможных отношений к воюющим сторонам, что еще больше увеличивало сложность ситуации, с которой должны были иметь дело Шри Ауробиндо и Мать. Ультранационалистический «Вишва хинду паришад» одобрял сотрудничество с британцами и с их индийской армией, но главным образом потому, что поступление на военную службу дало бы индийцам подготовку и знание военного дела, необходимые для восстания против британцев после войны. (Вспомним, что британская индийская армия насчитывала два с половиной миллиона человек; они участвовали в боях на всех фронтах, где сражались британские войска.) Исламская лига тоже склонялась к поддержке колониальных властей в надежде, что после войны те согласятся с их требованием о разделе страны по конфессиональному признаку. В партии Конгресса мнения разошлись; доходило до того, что один и тот же человек мог одновременно придерживаться противоположных точек зрения. Некоторые члены Конгресса хотели, чтобы Индия объединилась с Британией, рассчитывая на то, что после войны страна сможет обрести свободу в обмен на помощь в критических обстоятельствах. Другие, например С. Ч. Бозе, использовали ситуацию для того, чтобы организовать вооруженную борьбу против колониальных угнетателей.

Субаш Чандра Бозе, бенгалец, родился в 1897 году; основные этапы его образования были теми же, что и у Шри Ауробиндо. Он также отказался вступать в Индийскую гражданскую службу и стал одним из руководителей Индийского национального конгресса. Порвав с Мохандасом С. Ганди, он основал собственную партию. В борьбе против британцев – за время политической карьеры его арестовывали одиннадцать раз – его вдохновляли фигуры Муссолини и Гитлера. И когда те были на вершине власти, он отправился в Европу, чтобы изучить элементы успеха этих диктаторов. А в конце января 1941 года бежал из-под домашнего ареста и предпринял полное приключений путешествие в Берлин через Кабул, Самарканд и Москву. В Германии он основал легион из индийских солдат британской армии, попавших в немецкий плен. С тех пор его стали называть *нетаджи*, что на хинди значит то же, что «фюрер», «дуче» и «каудильо», то есть «вождь».

У Бозе хватило ума понять, что на Гитлера нельзя полагаться. Уже в 1933 году он сказал: «Сегодня я сожалею, что должен вернуться в Индию с убеждением, что новый германский национализм не только эгоистичен, но и высокомерен… Новая расовая философия, которая базируется на очень шатких научных основаниях, означает возвеличивание белых рас в целом и германской расы в частности». Гитлер соизволил принять его лишь раз, и эта встреча была довольно напряженной. Бозе ожидал от фюрера обещания, что Индия станет независимой даже в том случае, если эта независимость будет достигнута с помощью Германии. Это противоречило характеру, расовым идеалам и политическим амбициям Гитлера. Он начал давать Бозе советы, но тот сказал переводчику: «Сообщите его превосходительству, что я занимался политикой всю жизнь и не нуждаюсь в советах, от кого бы они ни исходили». На что Гитлер предложил ему попытать счастья в Японии.

В результате Бозе предпринял другое рискованное путешествие, на этот раз на подводной лодке в Токио; посреди Индийского океана его пересадили с немецкой подлодки на японскую. Японцы отнеслись к его планам освобождения Индии от британцев с большей симпатией, хотя тоже выражали скептицизм и, будучи хозяевами положения, не торопились открывать свои карты. В Юго-Восточной Азии Бозе сформировал Индийскую национальную армию (INA), опять-таки из военнопленных и индийских эмигрантов, живших на территориях, которые сейчас называются Индонезия, Малайзия, Мьянма (до недавнего времени Бирма) и Сингапур. Пиком его усилий стала Импхалская кампания в марте 1944 года, когда японская армия, включавшая 3000 человек из INA Бозе, перешла индийскую границу в районе Северо-западных холмов. Было очевидно, что, как бы упорно ни сопротивлялись англичане и индийцы, Импхал падет. Но неожиданно, на месяц раньше чем обычно, начались муссонные дожди, и «шансы японцев», а также Индийской армии Бозе «на победу буквально смыло водой». Это была, по словам Хью Тойе, «военная катастрофа первой величины»[435]. Бозе погиб 18 августа 1945 года на пути в Японию, когда его двухмоторный бомбардировщик потерпел крушение при взлете с аэродрома в Тайбэе. В Индии он официально считается героем. Многие ашрамиты, поддерживавшие Гитлера, были сторонниками С. Ч. Бозе.

Учитывая все эти обстоятельства, Шри Ауробиндо посчитал необходимым сделать публичный жест, явно выражающий его отношение к Гитлеру и странам гитлеровской коалиции. В прошлом он сам рисковал жизнью в борьбе с англичанами, теперь

же, в изменившейся мировой ситуации, он был вынужден поддерживать их. «Он всегда стоял за идеал полной независимости, он первым высказал его публично и бескомпромиссно отстаивал его как единственный идеал, достойный уважающей себя нации», – писал Шри Ауробиндо о себе. Теперь он должен был помогать метрополии, которую сам однажды уподобил демону, сосущему кровь из Матери Индии.

Впервые Шри Ауробиндо и Мать открыто выразили свою позицию 19 сентября 1940 года, как раз после окончания «битвы за Англию». Они послали 500 рупий (тогда это была существенная сумма) губернатору Мадраса в качестве вклада в военный фонд вице-короля. В сопровождающем письме говорилось: «Мы чувствуем, что эта битва – не просто законная самозащита и защита других стран от мировой власти Германии и нацистского образа жизни – нет, это защита цивилизации и ее высших социальных, культурных и духовных ценностей, защита всего будущего человечества. И это мы будем поддерживать всегда, что бы ни случилось. Мы надеемся на победу Британии и на наступление эпохи мира и единства между народами, лучшего и более надежного миропорядка»[436]. Когда об этом заявлении было сообщено в газетах, ответом была волна негодования; негодовали в том числе и ауробиндовцы, как за пределами ашрама, так и внутри него.

Негодование перешло в конфликт, когда Шри Ауробиндо послал письмо, поддерживающее предложение, сделанное Стаффордом Криппсом 31 марта 1942 года. Криппс, бывший посол Великобритании в России, а теперь член черчиллевского военного кабинета, был послан своим правительством в Индию с особой миссией. Он предлагал Индии самоопределение сразу же после войны в обмен на ее лояльность в военное время. Шри Ауробиндо тут же увидел, что это было эквивалентно статусу доминиона и почти автоматически вело к полному самоопределению и независимости. Поэтому он послал Стаффорду Криппсу следующее письмо: «…Как тот, кто был одним из националистических лидеров, работавших ради независимости Индии – хотя в настоящее время моя активность проходит уже не в политической, а в духовной сфере, – я хочу выразить мою признательность за все, что вы сделали, чтобы это предложение стало осуществимым. Я приветствую это предложение как данную Индии возможность самой установить и со всей свободой организовать свою будущую независимость и единство и де-факто занять место среди свободных наций мира. Я надеюсь, оно будет принято и использовано надлежащим образом, несмотря на все разногласия и расколы… Поэтому я

публично выражаю поддержку вашему предложению и надеюсь, что это поможет вам в вашей работе»[437].

Он также отправил к руководству партии Конгресса в Дели надежного ученика с посланием, содержащим рекомендацию принять предложение Криппса. Реакцией было презрение: как может давать советы человек, отошедший от политики и живущий многие годы в уединении? Никто из этих политиков, с их предвзятыми мнениями и расхожими идеями о религии, йоге и духовности, не имел понятия о том, в чем же в действительности состояла работа Шри Ауробиндо. Исполнительный комитет Конгресса отверг предложение Криппса семью голосами против пяти[438]. Долговременные последствия этого решения окажутся катастрофическими. Это приведет, помимо прочего, к расколу страны на Индию и Пакистан.

По всей стране реакция на позицию Шри Ауробиндо выразилась в «презрении и агрессии», как написал недавно индийский корреспондент автору этой книги. «Один уважаемый член парламента, который к настоящему времени является садхаком йоги [Шри Ауробиндо] вот уже в течение 40 лет, в это воскресенье рассказал мне о реакции в Индии, которую вызвала тогда поддержка Шри Ауробиндо военных усилий Британии. В то время этот человек был молодым борцом за свободу в Гуджарате, обожествлял Ганди и даже готовился к вооруженной борьбе против британцев. Когда разнеслись вести о том, что Шри Ауробиндо поддержал Британию в войне, немалое количество этих борцов за свободу просто обезумело от ярости. В слепом негодовании многие физически атаковали центры Шри Ауробиндо и организации, связанные с ним. Этот господин был одним из тех, кто совершил нападение на центр в Гуджарате, при этом, насколько мне известно, они громили имущество и атаковали любого, кого подозревали в том, что он является садхаком или последователем Шри Ауробиндо».

«И где сейчас Гитлер?..»

К этому времени ежедневные разговоры Шри Ауробиндо с учениками постепенно сошли на нет. Когда три года назад автор спросил Ниродбарана о причинах этого, тот сказал, что не знает. В его книге «Двенадцать лет со Шри Ауробиндо» мы читаем: «Первоначальный полноводный поток становился все тоньше и тоньше, и в последние годы мы просто оказывали молчаливые услуги молчаливому Присутствию. Либо мы исчерпали все возможные темы и наступило пресыщение, либо Шри Ауробиндо

перестал давать на это свою внутреннюю санкцию»[439].

Действительная причина, быть может, упомянута самим Шри Ауробиндо в письме, датированном 1942 годом: «В эти времена всемирного кризиса я должен всегда быть настороже и находиться в постоянной концентрации». Спустя несколько лет Мать скажет в одной беседе, что война полностью остановила их йогу. «Дело в том, что если бы мы продолжили личную работу, у нас не было бы уверенности, что мы успеем завершить ее до того, как другая сторона [Властелин Наций] перевернет землю вверх дном – что отбросило бы всё предприятие на столетия назад. В первую очередь нужно было остановить *именно это*: эту работу Властелина Наций»[440].

Тысяча страниц бесед со Шри Ауробиндо, записанных в первые месяцы войны – Ниродбаран откровенно признает, что «почти треть не была записана из-за нехватки времени или просто из-за лени»[441], – дает нам некоторое представление о том, что заботило Шри Ауробиндо и Мать в ходе войны. Нет никаких сомнений, что на всем протяжении этой всемирной трагедии их работа продолжалась, чему можно найти многочисленные свидетельства в их беседах и письмах. 15 августа 1945 года (15 августа – день рождения Шри Ауробиндо) император Хирохито, впервые в истории напрямую обратившись к нации, выступил по радио, провозгласив безусловную капитуляцию своей страны. Таким образом, во Второй мировой войне была поставлена точка. Индия станет независимой в 1947 году в ноль часов 15 августа.

После окончания войны Шри Ауробиндо писал: «Сейчас не время хлопать немцев по плечу, обнимать и утешать их. Если им вновь позволят спокойно встать на ноги, без того чтобы они искупили ужас тьмы и страдания, которые они принесли человечеству, они поднимутся лишь для того, чтобы повторить сделанное – если что-либо иное их не остановит. Единственная помощь, которую мы можем сейчас оказать Германии, – это молчание»[442].

Конец войны не означал, что мир оказался вне опасности. Великая война XX века не прекратилась 15 августа 1945 года. Всего через месяц после этой даты, отвечая на вопрос своего корреспондента, Шри Ауробиндо писал: «О современной цивилизации. Не ее нужно спасти; спасти нужно весь мир, и это, безусловно, будет сделано, хотя, быть может, не так скоро и не так просто, как хотелось бы многим, или не так, как им представляется. Настоящее состояние, безусловно, должно измениться, но как это произойдет – путем ли катастрофы или путем нового творения на основе высшей истины – остается под вопросом. Мать пока оставила этот вопрос без ответа, и я могу

сделать лишь то же самое».

2 июня 1946 года: «Лучшие вещи, за которыми будущее, растут или зреют в тайне, худшее же везде на виду»[443]. 19 октября 1946 года: «Я никогда не прилагал сильной и настойчивой воли к осуществлению чего-либо в мире – я не говорю здесь о личном – без того, чтобы это, в конце концов, не реализовалось, несмотря на возможные проволочки, поражения и даже катастрофы. В свое время Гитлер был победителем на всех фронтах, и казалось неизбежным, что весь мир окажется под игом асура; но где сейчас Гитлер и где власть его? Берлин и Нюрнберг поставили точку в этой чудовищной главе истории человечества. Сейчас другие темные силы угрожают затмить и даже поглотить человечество, но придет конец и им, точно так же, как пришел конец тому кошмару».

9 апреля 1947 года: «Я знаю, что готовится под покровом тьмы, и могу видеть и чувствовать первые признаки его прихода». 18 июля 1948 года, когда конфликт между двумя большими блоками, на которые разделилось человечество, – коммунизмом и либерализмом, – принял серьезные масштабы: «Дела плохи, становятся хуже и могут в любое время стать хуже некуда и даже хуже, чем хуже некуда, если это возможно. Но всё, сколь угодно парадоксальное кажется возможным в современном смятенном мире… Все это было необходимо – некоторые возможности должны были выйти на поверхность, чтобы можно было избавиться от них и расчистить дорогу новому и лучшему миру; это нельзя было откладывать на потом»[444].

4 апреля 1950 года: «Что касается меня, то современные мрачные обстоятельства не разочаровывают меня и не убеждают в бесполезности моей воли “помочь миру” – я знал, что они должны были наступить. Они присутствовали в мировой природе и должны были подняться на поверхность, чтобы истощиться или быть изгнанными, – что даст шанс проявиться лучшему, свободному от них миру. Все же на внешнем плане что-то было сделано, и это может помочь или подготовить какие-то свершения и на внутреннем фронте… Поэтому я не расположен даже сейчас, в этих мрачных обстоятельствах, считать, что моя воля помочь миру обречена на провал»[445].

В 1950 году в Корее начались военные действия – холодная война превратилась в горячую. Издатель ашрамского журнала «Мать Индия», собираясь писать на эту тему статью, просил Шри Ауробиндо оценить ситуацию. «Все это ясно как день, – отвечал он. – Это первый шаг в осуществлении стратегического плана коммунистического блока по овладению сначала этими северными частями, а затем и всей Юго-Восточной Азией. Это

лишь подготовка их действий в отношении остальной части континента – Тибет здесь играет роль ворот в Индию. Если им это удастся, они вполне могут шаг за шагом овладевать миром, пока не будут готовы заняться Америкой… Современная ситуация серьезна, как никогда»[446]. Еще одна война, куда более разрушительная – ядерная, казалась неминуемой, пока не была достигнута точка «гарантированного взаимоуничтожения» (*MAD – Mutual Assured Destruction*).

Теперь, когда прошло больше полувека с тех пор, как было написано письмо, приведенное выше, мы знаем, что третьего мирового пожара, потенциально самого разрушительного, не произошло. Человечество не исчезло. Здесь тоже могли сыграть роль силы, действовавшие «за кулисами». События на поверхности всегда имеют невидимую часть, уходящую в сферы, составляющие всю полноту реальности, а человеческие актеры на помосте – это большей частью лишь бессознательные инструменты сил, действительно определяющих ход истории.

Гитлер очень хорошо осознавал оккультные уровни бытия и важность времени, в котором он жил, – времени великих перемен в судьбах человечества. Он гордился тем, что был избранником, представителем существа, считавшего себя Властелином Наций, хозяином Земли. Он обрел силу и интуицию, согласившись стать проводником зла, способного отбросить человечество на низшую, давно пройденную ступень эволюции. Лишь эта сила, стоявшая за ним, способна объяснить, каким образом человек ниоткуда смог стать фюрером и мессией немецкого народа; лишь эта космическая сила могла быть первоисточником чудовищных негативных сил – лжи, неведения, страдания и смерти, которые были спущены с цепи Гитлером.

Все древние традиции говорят нам о битве добра и зла – это истинный ключ к истории человечества. Порок всегда более понятен, злу легче открыться; для того же, чтобы встать на сторону добра, необходима способность различения и постоянное усилие, а люди легко путаются и быстро устают. Если бы не было сил добра – как бы мы их ни называли, – которые поддерживают существование и эволюцию человечества, наш вид мог бы исчезнуть уже не раз, как и множество других видов на этой земле.

Вторая мировая война была лишь одной из фаз великой войны двадцатого века, которая, в свою очередь, была выражением изменений в человечестве, готовящемся решительно шагнуть вперед на пути своего эволюционного развития. В этом смысле эту войну можно рассматривать как кризис сознания, господствовавшего в мире, сознания, которое и по сей день

остается почти исключительно «западным». Но Вторая мировая война была в то же время и прямым вмешательством сил тьмы, вызвавшим реакцию со стороны сил света, чтобы сохранить будущее этой планеты и будущее человечества. Лишь такая перспектива, лишь такой масштаб соизмерим с размахом этих страшных событий.

В 1945 году силы зла не были окончательно побеждены, мы все это знаем. Опустошения и ужасы, вызванные ими в последующие десятилетия, – часть нашего жизненного опыта. Современный мир находится в смятении. Однако причиной этого всеобщего смятения является тот факт, что человечество впервые за все время своего существования становится единым на физическом уровне. А это означает бесконечные трения одних «священных» эгоизмов о другие и необходимость работы для их преодоления.

В 1947 году Шри Ауробиндо сформулировал пять важнейших целей, реализация которых сможет подвести человечество к порогу новой эры. Он назвал все это «мечтами», так как их осуществление в ту пору казалось немыслимым. Эти «мечты» в действительности были подробно разъяснены им в работах, написанных во время Первой мировой войны, когда их исполнение выглядело совершенно нереальным. Вот они. Свобода Индии, которая должна сыграть важную роль в будущем человечества. Возрождение Азии. Формирование сверхнациональных конгломератов, подобных Европейскому Союзу, что в итоге должно привести к объединению человечества. Мировое единство. И, наконец, распространение в мире индийской духовности и ее методов саморазвития, которые необходимы для изменения природы человеческого существа, без чего лучшее будущее невозможно. Ни один из этих пяти пунктов не осуществлен полностью (истинная Индия все еще разделена), но все пять достигли определенного уровня реализации и за довольно короткий срок.

Те, кто умер, страдали и умирали не зря, если живые способны видеть проблески грядущего рассвета и идти к нему.

Ссылки

Часть первая

1 Anton Joachimsthaler: *Hitlers Weg begann in München 1913—1923*, p. 154.

2 Christian Zentner: *Adolf Hitlers ‚Mein Kampf' – Eine kommentierte Auswahl*, p. 65.

3 Adolf Hitler: *Mein Kampf*, p. 199. В качестве базового английского текста здесь использовался ранний анонимный перевод, вышедший в Jaico Publishing, New Delhi. Однако все цитаты были сверены с немецким изданием 1939 года, *Zentralverlag der NSDAP*, Munich.

4 J. P Stern: *Hitler – The Führer and the People*, p. 4.

5 Joachim Fest: *Hitler* (1974 ed.), p. 754.

6 Id., p. 9.

7 Christian von Krockow: *Hitler und seine Deutschen*, p. 7.

8 Ron Rosenbaum: *Explaining Hitler – The Search for the Origins of His Evil*, pp. xv and 68.

9 Id., p. xv.

10 Цит. по: Joachim Köhler: *Wagners Hitler – Der Prophet und sein Vollstrecker*, p. 418.

11 Anton Joachimsthaler, op. cit., p 184.

12 Ralph Reuth: *Hitler – Eine politische Biographie*, p. 79.

13 Anton Joachimsthaler, op. cit., p. 203.

14 Brigitte Hamann: *Hitlers Wien – Lehrjahre eines Diktators*, p. 22.

15 Anton Joachimsthaler, op. cit., p. 184.

16 Id., p. 225.

17 Id., p. 229.

18 Christian von Krockow, op. cit., p. 52.

19 Anton Joachimsthaler, op. cit., p. 243.

20 Id., p. 244.

21 Id., p. 232 (facsimile).

22 Joachim Fest, op. cit., p. 115.

23 Werner Maser: *Adolf Hitler – Legende, Mythos, Wirklichkeit*, p. 177.

24 Heinz Höhne: *The Order of the Death's Head*, p. 17.

25 Eberhard Jäckel: *Hitlers Weltanschauung*, pp. 130—31.

26 Konrad Heiden: *The Führer* (1999 ed.), p. 77.

27 John Lukacs: *The Hitler of History*, p. 49.

28 Ian Kershaw: *Hitler – 1889—1936 Hubris*, p. 128.

29 Joachim Fest, op. cit., p. 177.

30 Henry Picker: *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*, p. 76.

31 Rudolf von Sebottendorff: *Bevor Hitler kam*, Roland Faksimile edition (2000), p. 8.

32 Peter Levenda: *Unholy Alliance*, p. 46.

33 Nicholas Goodrick-Clarke: *The Occult Roots of Nazism – Secret Aryan Cults and Their Influence on Nazi Ideology*, p. 18.

34 Anton Joachimsthaler: *Hitlers Weg began in München*, p. 40.

35 Nicholas Goodrick-Clarke, op. cit., p. 54.

36 Peter Orzechowski: *Schwarze Magie – Braune Macht*, p. 79.

37 Brigitte Hamann: *Hitlers Wien*, p. 308.

38 Nicholas Goodrick-Clarke, op. cit., p. 192.

39 Id., p. 98.

40 Факсимиле приведено в Detlev Rose: *Die Thulegesellschaft – Legende, Mythos, Wirklichkeit*, p. 90.

41 Слова Reginald Phelps, цитируются в Detlev Rose, op. cit., p. 16.

42 Nicholas Goodrick-Clarke, op. cit., p. 45.

43 Detlev Rose, op. cit., pp. 19, 25.

44 Id., p. 24.

45 Hermann Gilbhard: *Die Thulegesellschaft – Vom okkulten Mummenschanz zum Hakenkreuz*, p. 48.

46 Otto Holzapfel: *Die Germanen – Mythos und Wirklichkeit*, p. 53.

47 Nicholas Goodrick-Clarke, op. cit., p. 138.

48 Id., p. 140.

49 Rüdiger Sünner: *Schwarze Sonne – Entfesselung und Missbrauch der Mythen in Nationalsozialismus und rechter Esoterik*, p. 29.

50 Nicholas Goodrick-Clarke, op. cit., p. 140.

51 См. Hans von See: *Barbar, Germane, Arier – Die Suche nach der Identität der Deutschen*, p. 217, and Otto Holzapfel, op. cit., p. 138.

52 Joachim Fest: *Hitler*, p. 115.

53 Detlev Rose, op. cit., p. 27.

54 Nicholas Goodrick-Clarke, op. cit., p. 133.

55 Rudolf von Sebottendorff, op. cit., p. 34.

56 Id., p. 42.

57 Nicolas Goodrick-Clarke, op. cit., p. 144.

58 Rudolf von Sebottendorff, op. cit., p. 52.

59 Detlev Rose, op. cit., p. 57.

60 Rüdiger Sünner, op. cit., p. 41.

61 Detlev Rose, op. cit., p. 7.

62 Id., p. 37.

63 Franz Wegener: *Das Atlantidische Weltbild*, pp. 11, 80. See also Jocelyn Godwyn: *Arktos – The Polar Myth in Science, Symbolism and Nazi Survival.*

64 Rudolf von Sebottendorff, op. cit., p. 47.

65 Stefanie von Schnurbein and Justus Ulbricht (ed.): *Völkische Religion und Krisen der Moderne*, p. 245.

66 Rudolf von Sebottendorff, op. cit., p. 62.

67 См. например: Dietrich Bronder: *Bevor Hitler kam*, p. 243. Книгу Брондера не следует путать с книгой Зеботтендорфа – обе имеют одинаковое заглавие.

68 Nicholas Goodrick-Clarke, op. cit., p. 143.

69 Walter Schellenberg: *The Labyrinth*, p. 95.

70 Nicholas Goodrick-Clarke, op. cit., p. 132.

71 Moritz Bassler and Hildegard Châtelier (ed.): *Mystique, mysticisme et modernité en Allemagne autour de 1900*, pp. 115 ff.

72 Rudolf von Sebottendorff, op. cit., pp. 16, 24, 25 and 47.

73 Id., p. 179.

74 Id., pp. 57 ff.

75 Hermann Gilbhard, op. cit., p. 12.

76 Detlev Rose, op. cit., pp. 42—43, 67.

77 Rudolf von Sebottendorff, op. cit., p. 169.

78 Konrad Heiden: *The Führer*, p. 89.

79 Joachim Köhler: *Wagners Hitler – Der Prophet und sein Vollstrecker*, p. 215.

80 Christian Zentner: *Adolf Hitlers ‚Mein Kampf' – Eine kommentierte Auswahl*, p. 79.

81 Peter Orzechowski: *Schwarze Magie – Braune Macht*, p. 34.

82 Joachim Köhler, op. cit., p. 215.

83 Hermann Gilbhard: *Die Thule-Gesellschaft*, p. 148.

84 Id., p. 149.

85 Ibid.

86 Rudolf von Sebottendorff: *Bevor Hitler kam*, p. 184.

87 Adolf Hitler: *Mein Kampf*, pp. 186—87.

88 По переводу *Mein Kampf*, сделанному Ralph Manheim, p. 200, примечание.

89 Anton Joachimsthaler: *Hitlers Weg begann in München*, p. 252.

90 Ian Kershaw: *Hitler – 1889—1936 Hubris*, p. 126.

91 André Brissaud: *Hitler et l'Ordre noir*, p. 67, примечание.

92 Adolf Hitler, op. cit., p. 187.

93 Ralph Reuth: *Hitler – Eine politische Biographie*, p. 100.

94 Ian Kershaw, op. cit., p. 127.

95 Anton Joachimsthaler, op. cit., pp. 251, 255.

96 Peter Orzechowski, op. cit., pp. 22, 205.

97 Anton Joachimsthaler, op. cit., p. 255.

98 Adolf Hitler, op. cit., p. 187.

99 Id., p. 203.

100 Christian Zentner, op. cit., p. 76.

101 Adolf Hitler, op. cit., p. 203.
102 Id., p. 200.
103 Anton Joachimsthaler, op. cit., p. 260.
104 Adolf Hitler, op. cit., 191.
105 Joachim Fest: *Hitler*, p. 175.
106 Adolf Hitler, op. cit., p. 202.
107 Brigitte Hamann: *Hitlers Wien*, p. 332.
108 Joachim Fest, op. cit., p.132.
109 John Toland: *Adolf Hitler* (1977 ed.), p. 106.
110 Konrad Heiden, op. cit., p. 85.
111 George Mosse: *The Crisis of German Ideology – Intellectual Origins of the Third Reich* (1998 ed.), pp. 26, 296, 297.
112 François Delpla: *Hitler*, p. 74.
113 Цитируется в Geoffrey Stoakes: *Hitler and the Quest for World Dominion – Nazi Ideology and Foreign Policy in the 1920s*, p. 52.
114 Adolf Hitler, op. cit., p. 559.
115 *Monologe im Führerhauptquartier 1941—1944*, pp. 161, 173.
116 Michael Rissmann: *Hitlers Gott – Vorsehungsglaube und Sendungsbewusstsein des deutschen Diktators*, p. 131.
117 Большая часть информации, приведенной в нижеследующих абзацах, почерпнута из биографии Эккарта, написанной Маргарет Плевниа: *Auf dem Weg zu Hitler – Der ‚völkische' Publizist Dietrich Eckart*.
118 Rudolf von Sebottendorff, op. cit., p. 77.
119 Margarete Plewnia, op. cit., pp. 37 ff.
120 Id., p. 35.
121 Id., p. 47.
122 Ibid.
123 Ernst Hanfstängl: *Hitler – The Missing Years*, pp. 45, 80.
124 John Lukacs: *The Hitler of History*, p. 43.
125 Joachim Fest: *Hitler*, p. 429.
126 Brigitte Hamann: *Hitlers Wien*, p.333.
127 Joachim Fest, op. cit., p. 201.
128 Ian Kershaw: *Hitler – 1889—1936 Hubris*, p. 137.
129 August Kubizek: *Adolf Hitler, mein Jugendfreund*, p. 188.
130 Nicholas Goodrick-Clarke: *The Occult Roots of Nazism*, p. 194.
131 André François-Poncet: *Souvenirs d'une ambassade à Berlin*, pp. 84, 85.
132 Ian Kershaw, op. cit., p. 240.
133 August Kubizek, op. cit., p. 191.
134 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, p. 320.
135 Albert Speer: *Spandau: the Secret Diaries*, p. 118.
136 Adolf Hitler, op. cit., p. 42.
137 Walter Schellenberg: *The Labyrinth*, p. 94.

138 John Weiss: *Ideology of Death – Why the Holocaust Happened in Germany*, p. 156.

139 Id., p. 165.

140 Brigitte Hamann, op. cit., p. 337.

141 John Weiss, op. cit., pp. 168, 169.

142 Brigitte Hamann, op. cit., p. 361.

143 Adolf Hitler, op. cit., pp. 25—26.

144 August Kubizek, op. cit., p. 61.

145 Id., p. 82.

146 Brigitte Hamann, op. cit. p. 502.

147 Id. p. 547.

148 Albert Speer: *Spandau: the Hidden Diaries*, pp. 59, 347.

149 Изображение этого плаката приведено в: Brigitte Hamann, op. cit., p. 545.

150 Ian Kershaw, op. cit., p. 171.

151 Joachim Fest, op. cit., pp. 112, 131.

152 Anton Joachimsthaler: *Hitlers Weg begann in München*, p. 276.

153 George Mosse: *The Crisis of German Ideology*, p. 297.

154 Ralph Reuth: *Hitler*, p. 123.

155 George Mosse, op. cit., p. 297.

156 Id., p. 296.

157 Hermann Gilbhard: *Die Thule-Gesellschaft*, p. 152.

158 Hilde Kammer & Elisabeth Bartsch: *Lexikon Nationalsozialismus*, p. 168.

159 Louis Snyder: *Encyclopedia of the Third Reich*, p. 191.

160 John Toland: *Adolf Hitler*, p. 133.

161 Ron Rosenbaum: *Explaining Hitler – The Search for the Origins of His Evil*, pp. 37, 38.

162 Ian Kershaw, op. cit., p. 162.

163 Id., p. 165.

164 Sebastian Haffner: *Anmerkungen zu Hitler*, p. 186.

165 Peter Longerich: *Geschichte der SA*, p. 39.

166 Eugene Davidson: *The Making of Adolf Hitler – The Birth and Rise of Nazism*, p. 210.

167 Ian Kershaw, op. cit., 199.

168 Adolf Hitler, op. cit., pp. 479, 480.

169 Joachim Fest, op. cit., p. 139.

170 Ian Kershaw, op. cit., p. 165.

171 Konrad Heiden: *The Führer*, p. 95.

172 Joachim Fest, op. cit., p. 134.

173 Id., pp. 134—35.

174 Peter Orzechowski: *Schwarze Magie – Braune Macht*, pp. 30—31.

175 Adolf Hitler, op. cit., pp. 380, 381, 319.

176 Id., pp. 305, 317, 299.
177 Laurence Rees: *The Nazis – A Warning from History*, p. 23.
178 Konrad Heiden, op. cit., pp. 124—25.
179 *Monologe im Führerhauptquartier 1941—1944*, p. 146.
180 Цит. по: Christian Zentner: *Adolf Hitlers ‚Mein Kampf'*, p. 94.
181 Otto Friedrich: *Before the Deluge – A Portrait of Berlin in the 1920s*, p. 59.
182 Michael Burleigh: *The Third Reich*, p. 36.
183 Heinz Höhne: *The Order of the Death's Head*, p. 63.
184 Konrad Heiden, op. cit., p. 280.
185 Peter Longerich, op. cit., p. 17.
186 Id., p. 16.
187 Id., p. 39.
188 Konrad Heiden, op. cit., p. 120.
189 Heinz Höhne, op. cit., p. 20.
190 Ernst Hanfstängl: *Hitler – The Missing Years*, p. 76.
191 Id., p. 47.
192 Konrad Heiden, op. cit., p. 94.
193 Ron Rosenbaum, op. cit., pp. 44, 45.
194 Ernst Hanfstängl, op. cit., p. 93.
195 Heinz Höhne, op. cit., pp. 80, 137.
196 Joachim Fest, op. cit., p. 157.
197 John Toland, op. cit., p. 130.
198 Anton Joachimsthaler, op. cit., p. 298.
199 Ian Kershaw, op. cit., pp. 187—88.
200 Sebastian Haffner: *Germany: Jekyll & Hyde – 1939, Deutschland von innen betrachtet*, p. 56.
201 André Brissaud: *Hitler et l'Ordre noir*, p. 65.
202 Joseph Persico: *Nuremberg – Infamy on Trial*, p. 188.
203 Hermann Rauschning: *Gespräche mit Hitler*, p. 87.
204 John Toland, op. cit., p. 381.
205 Ibid.
206 Ernst Hanfstängl, op. cit., p. 231.
207 John Weiss: *Ideology of Death*, p. 228.
208 Sebastian Haffner: *Anmerkungen zu Hitler*, p. 189.
209 Ralph Reuth: *Hitler*, p. 146.
210 Ernst Hanfstängl: *Hitler – The Missing Years*, p. 98.
211 Sebastian Haffner, op. cit., p. 189.
212 Joachim Fest: *Hitler*, p. 174.
213 Id., p. 184.
214 Ernst Hanfstängl: op. cit., p. 98.
215 Ralph Reuth, op. cit., p. 152.
216 Joachim Fest, op. cit., p. 179.
217 David Clay Large: *Hitlers München*, p. 236.

218 Brigitte Hamann: *Winifred Wagner, oder Hitlers Bayreuth*, p. 84.
219 Id., pp. 86—87.
220 Margarete Plewnia: *Auf dem Weg zu Hitler*, p. 101.
221 Robert Gellately: *Backing Hitler*, p. 11.
222 Ernst Hanfstängl, op. cit., p. 83.
223 Id., p. 81.
224 Margarete Plewnia, op. cit., p. 86.
225 Id., p. 90.
226 Id., p. 91.
227 Id., p. 112.
228 Ibid.
229 André Brissaud: *Hitler et l'Ordre noir*, p. 53.
230 Id., p. 167.
231 Hermann Rauschning: *Gespräche mit Hitler*, p. 212.
232 Id., p. 170.
233 Id., *«Widmung»*.
234 Hermann Gilbhard: *Die Thule-Gesellschaft*, p. 170.
235 Rudolf von Sebottendorff, op. cit., p. 130.
236 Hermann Gilbhard, op. cit., p. 173.
237 Ralph Reuth, op. cit., p. 118.
238 Konrad Heiden, op. cit., p. 356.
239 Anton Joachimsthaler: *Hitlers Weg begann in München 1913—1923*, p. 226.
240 John Toland: *Hitler*, p. 246.
241 Id., p. 250.
242 Joachim Fest: *Hitler*, pp. 190—91.
243 Id., p. 192.
244 Id., p. 193.
245 Ibid.
246 Ernst Hanfstängl: *Hitler – The Missing Years*, p. 117.
247 Id., p. 117.
248 John Toland, op. cit., p. 263.
249 Ernst Hanfstängl, op. cit., p. 114.
250 *Monologe im Führerhauptquartier*, p. 262.
251 Karin Wilhelm в сборнике: *Der Nationalsozialismus als politische Religion*, p. 232.
252 Ernst Hanfstängl, op. cit., pp. 115, 123.
253 William Shirer: *The Rise and Fall of the Third Reich*, p. 81.
254 Christian von Krockow: *Hitler und seine Deutschen*, p. 98.
255 Christian Zentner: *Adolf Hitlers ‚Mein Kampf'*, p. 177.
256 Eberhard Jäckel: *Hitlers Weltanschauung*, p. 135.
257 William Shirer: *The Nightmare Years 1930—1940*, pp. 156—57.

258 Eberhard Jäckel, op. cit., p. 7.
259 John Weiss: *Ideology of Death*, p. 211.
260 Adolf Hitler: *Mein Kampf*, p. 510.
261 Christian Zentner, op. cit., p. 192.
262 Adolf Hitler, op. cit., pp. 386, 514, 515.
263 Joachim Fest, op. cit., 82.
264 William Shirer, op. cit., p. 57.
265 Adolf Hitler, op. cit., p. 389.
266 Fritz Fischer: *Griff nach der Weltmacht*, p. 93. Также см. Edouard Husson: *Comprendre Hitler et la Shoah*, ch. III, «*Les thèses de Fritz Fischer*».
267 Fritz Fischer, op. cit., p. 82.
268 Klaus von See: *Barbar, Germane, Arier – Die Suche nach der Identität der Deutschen*, pp. 191, 193.
269 Adolf Hitler, op. cit., pp. 505, 542, 548—49.
270 André Pichot: *La société pure – de Darwin à Hitler*, p. 15.
271 Adolf Hitler, op. cit., p. 549.
272 Id., pp. 469, 279, 288.
273 Id., p. 280.
274 Id., p. 228.
275 Anthony Read: *The Devil's Disciples – The Lives and Times of Hitler's Inner Circle*, p. 21.
276 Joachim Fest, op. cit., p. 83.
277 Volker Maurersberger, op. cit., pp. 95, 96.
278 Id., p. 114.
279 Цитируется в Hugo Friedrich: *Before the Deluge*, p. 324.
280 Volker Maurersberger, op. cit., p. 87.
281 André Pichot: *La société pure*, p. 395. Также см. Léon Poliakov: *Le mythe aryen.*
282 Adolf Hitler, op. cit., p. 243.
283 Id., pp. 246, 368.
284 Christian Zentner, op. cit., p. 161.
285 Adolf Hitler, op. cit., p. 322.
286 Henry Picker: *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*, p. 704.
287 Franz Wegener: *Das Atlantidische Weltbild*, pp. 45, 61.
288 Adolf Hitler, op. cit., p. 326.
289 Id., pp. 239—40.
290 Christian Zentner, op. cit., p. 160.
291 Adolf Hitler, op. cit., pp. 340, 239, 238, 294.
292 Quoted in Christian von Krockow, op. cit., p. 240.
293 Цит. по: Christian Zentner, op. cit., p. 159.
294 Max Weinreich: *Hitler's Professors*, p. 34.
295 Adolf Hitler, op. cit., p. 277.

296Id., pp. 395, 100.
297 Id., p. 48.
298 Id., p. 249.
299 Christian Zentner, op. cit., p. 103.
300 Joachim Fest, op. cit., p. 209.
301 Цит. по: Christian Zentner, op. cit., p. 125.
302 Eberhard Jäckel, op. cit., p. 138.
303 Hermann Rauschning: *Gespräche mit Hitler*, pp. 22, 265.
304 Adolf Hitler, op. cit., p. 191.
305 Id., pp. 108, 320, 375.
306 Id., pp. 474, 183.
307 Id., p. 357.
308 Eberhard Jäckel, op. cit., p. 13.
309 Adolf Hitler, op. cit., p. 379—80.
310 Id., pp. 290, 319, 382, 384.
311 Id., p. 385.
312 Id., pp. 319, 304, 317.
313 Цитируется в Peter Orzechowski: *Schwarze Magie – Braune Macht*, p. 187.
314 Adolf Hitler, op. cit., pp. 322—23, 383.
315 Id., p. 476.
316 Id., pp. 305, 99, 213.
317 Ralph Reuth: *Hitler*, p. 185.
318 Joachim Köhler: *Wagners Hitler*, pp. 8—9.
319 Hermann Rauschning, op. cit., p. 71.
320 Adolf Hitler, op. cit., p. 251.
321 Joachim Fest, op. cit., p. 533.
322 Jay Gonen: *The Roots of Nazi Psychology – Hitler's Utopian Barbarism*, p. 22.
323 Adolf Hitler, op. cit., 538, 256, 255, 260.
324 Id., p. 271.
325 Id., p. 256.
326 Id., pp. 264, 257.
327 Eberhard Jäckel, op. cit., p. 96.
328 Adolf Hitler, op. cit., p. 264.
329 Id., p. 273.
330Id., p. 265.
331 Norman Cohn: *Histoire d'un mythe – La «conspiration juive» et les protocoles des sages de Sion*, p. 31. Это французский перевод книги *Warrant for Genocide.*
332 Norman Cohn, op. cit., p. 106.
333 Id., p. 192, 166.
334 Adolf Hitler, op. cit., p. 258.
335 Konrad Heiden, op. cit., p. 456.

336 Adolf Hitler, op. cit., p. 538.
337 Norman Cohn, op. cit., p. 250.
338 Ron Rosenbaum: *Explaining Hitler*, p. 83.
339 Joachim Köhler, op. cit., p. 410.
340 Werner Maser: *Adolf Hitler*, p. 267.
341 Adolf Hitler, op. cit., 257, 272, 508.
342 Adolf Hitler, op. cit., p. 541.
343 John Weiss, op. cit., p. 211.
344 Fritz Fischer: *Hitler war kein Betriebsunfall*, pp. 146 ff.
345 Christian von Krockow, op. cit., p. 296.
346 Ernst Hanfstängl, op. cit., pp. 120—21.
347 Martin Allen: *The Hitler / Hess Deception*, p. 9.
348 *Monologe im Führerhauptquartier*, p. 110.
349 Ernst Hanfstängl, op. cit., p. 121.
350 Adolf Hitler, op. cit., pp. 523, 531, 532.
351 Joachim Fest, op. cit., p. 688.
352 Adolf Hitler, op. cit., p. 123.
353 Id., p. 533.

Часть вторая

1 George Mosse: *The Crisis of German Ideology*, p. viii.
2 Sebastian Haffner: *Germany: Jekyll & Hyde*, p. 44.
3 Joachim Fest: *Hitler*, p. 375.
4 Thomas Mann: *Deutschland und die Deutschen – Essays 1938—1945*, p. 83.
5 John Weiss: *Ideology of Death*, 139, 142, 154—55, 234.
6 Приводится в: Günter Scholdt: *Autoren über Hitler*, p. 434.
7 Ibid.
8 Id., p. 435.
9 Norman Cohn: *The Pursuit of the Millennium*, p. 119. The following quotations are from the same chapter.
10 Id., p. 125.
11 Sebastian Haffner, op. cit., p. 130.
12 George Mosse, op. cit., p. 50.
13 Ralph Giordano: *Wenn Hitler den Krieg gewonnen hätte*, p. 74.
14 Adolf Hitler: *Mein Kampf*, pp. 322, 526, 531.
15 Hermann Rauschning: *Gespräche mit Hitler*, pp. 138—39.
16 Id., p. 39.
17 Johannes Leeb (ed.): *Wir waren Hitlers Eliteschüler*, pp. 63, 67, 17.
18 Joachim Fest: *Speer – The Final Verdict*, p. 76.
19 Albert Speer: *Spandau – The Secret Diaries*, p. 50.

20 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, pp. 115—16.

21 Id., pp. 121, 198—99.

22 Joachim Fest: *Hitler*, p. 527.

23 Frances Yates: *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition*, p. 159.

24 Id., p. 162.

25 Julia Zernack в книге: *Völkische Religion und Krisen der Moderne* (Stefanie Schnurbein and Julius Ulbricht ed.), p. 228.

26 Цит. по: Jonathan Glover: *Humanity – A Moral History of the Twentieth Century*, p. 319.

27 Id., p. 123.

28 См. Herbert Rosendorfer: *Deutsche Geschichte – Ein Versuch*, pp. 30 ff.

29 Léon Poliakov: *Le mythe aryen*, p. 125.

30 Id., p. 127.

31 Id., p. 128.

32 John Weiss, op. cit., p. 64.

33 Dietrich Bronder: *Bevor Hitler kam*, p. 102.

34 John Weiss, op. cit., p. 72.

35 Id., p. 73.

36 Michael Ley в книге *Der Nationalsozialismus als politische Religion*, Michael Ley and Julius Schoeps ed., p. 19.

37 Id., p. 153.

38 Ibid.

39 Nicholas Goodrick-Clarke: *The Occult Roots of Nazism*, p. 87.

40 Günter Scholdt: *Autoren über Hitler*, p. 45.

41 Id., p. 33.

42 Nicholas Goodrick-Clarke, op. cit., p. 88.

43 Brigitte Hamann: *Hitlers Wien*, pp. 304 ff.

44 Nicholas Goodrick-Clarke, op. cit., p. 98.

45 Sebastian Haffner: *Von Bismarck zu Hitler*, p. 90.

46 Barbara Tuchman: *The Proud Tower*, p. 331.

47 Sebastian Haffner, op. cit., pp. 88—89.

48 Konrad Heiden: *The Fuehrer*, p. 194.

49 Fritz Fischer: *Krieg der Illusionen*, p. 66.

50 Klaus von See: *Barbar, Germane, Arier*, p. 292.

51 Brigitte Hamann: *Winifred Wagner, oder Hitlers Bayreuth*, p. 84.

52 Цит. по: William Shirer: *The Rise and Fall of the Third Reich*, p. 109.

53 Brigitte Hamann, op. cit., p. 85.

54 Joachim Fest, op. cit., p. 616.

55 Fritz Fischer: *Hitler war kein Betriebsunfall*, p. 186.

56 Id., pp. 187—88.

57 Id., p. 191.

58 Id., p. 192.
59 André Pichot: *La société pure – de Darwin à Hitler*, p. 386.
60 Dietrich Bronder, op. cit., p. 291.
61 Цит. по: Léon Poliakov: *Le mythe aryen*, pp. 195, 220, 223, 225.
62 André Pichot, op. cit., p. 61.
63 Léon Poliakov, op. cit., pp. 390—91.
64 André Pichot, op. cit., pp. 186—87.
65 Id., p. 70.
66 Christian Zentner: *Adolf Hitlers «Mein Kampf»*, p. 160.
67 Adolf Hitler: *Mein Kampf*, p. 124.
68 Henry Picker: *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*, pp. 707, 261.
69 *Adolf Hitler: Monologe im Führerhauptquartier 1941—1944,* Werner Jochman ed., pp. 143, 66, 67, 58.
70 Hermann Rauschning, op. cit., pp. 12, 129.
71 *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*, p. 127.
72 George Mosse: *The Crisis of German Ideology*, p. 200.
73 John Weiss: *Ideology of Death*, pp. 132 ff.
74 Hermann Gilbhard: *Die Thule-Gesellschaft*, p. 39.
75 André Pichot, op. cit., p. 326.
76 Id., p. 332.
77 George Mosse, op. cit., p. 91.
78 Joachim Köhler: *Wagners Hitler*, p. 166.
79 André Pichot, op. cit., p. 24.
80 Id., p. 308.
81 Adolf Hitler, op. cit., pp. 336—37.
82 Christian Zentner, op. cit., p. 29.
83 André Pichot, op. cit., pp. 24, 353, 349.
84 Id., pp. 45—46.
85 William Shirer, op. cit., p. 103.
86 George Mosse, op. cit., pp. 93, 94.
87 Id., p. 94.
88 See Klaus von See, op. cit., p. 292.
89 George Mosse, op. cit., pp. 94 ff., здесь и в других местах.
90 William Shirer, op. cit., p. 107.
91 Id., p. 107.
92 *Monologe im Führerhauptquartier*, p. 150.
93 Stefanie von Schnurbein and Justus Ulbricht (ed.): *Völkische Religion und Krisen der Moderne*, p. 176.
94 Ernst Hanfstängl: *Hitler – The Missing Years*, pp. 41, 269.
95 Geoffrey Stoakes: *Hitler and the Quest for World Dominion*, p. 77.
96 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, p. 150.

97 Klaus von See: *Barbar, Germane, Arier*, p. 308.
98 Adolf Hitler, op. cit., pp. 242—43.
99 Hermann Rauschning, op. cit., pp. 218—19.
100 Adolf Hitler, op. cit., pp. 303, 318, 385.
101 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, p. 148.
102 John Weiss: *Ideology of Death*, p. 33.
103 Christian von Krockow: *Hitler und seine Deutschen*, p. 85.
104 Hermann Rauschning, op. cit., p. 128.
105 См. главу «Fritz Gehrlich and the Trial of Hitler's Nose» в книге Ron Rosenbaum: *Explaining Hitler*.
106 *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*, p. 694.
107 Adolf Hitler, op. cit., pp. 508, 248, 332, 333.
108 Id., pp. 459, 460, 336, 337.
109 Klaus von See, op. cit., p. 292.
110 John Weiss: *Ideology of Death*, p. 108.
111 George Mosse: *The Crisis of German Ideology*, p. 4.
112 Hermann Gilbhard: *Die Thule-Gesellschaft*, p. 35.
113 Rüdiger Sünner: *Schwarze Sonne*, p. 54.
114 Georges Mosse, op. cit., p. 9.
115 Rüdiger Sünner, op. cit., p. 23.
116 Michael Ley: *Apokalypse und Moderne*, p. 38.
117 Michael Burleigh: *The Third Reich – A New History*, p. 50.
118 Volker Mauersberger: *Hitler in Weimar*, p. 98.
119 Цит. по: George Mosse, op. cit., p. 35.
120 Klaus von See: *Barbar, Germane, Arier*, p. 29.
121 Приведено в Michael Ley, op. cit., p. 35.
122 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, p. 151.
123 *Monologe im Führerhauptquartier*, pp. 214, 232.
124 Nicholas Goodrick-Clarke: *The Occult Roots of Nazism*, p. 157.
125 Rüdiger Sünner, op. cit., pp. 67—69.
126 Albert Speer, op. cit., p. 39.
127 Joachim Fest: *Speer – The Final Verdict*, p. 21.
128 Rüdiger Sünner, op. cit., p. 24.
129 Joachim Fest, op. cit., p. 22.
130 Ibid.
131 Dietrich Bronder: *Bevor Hitler kam*, pp. 216 ff.
132 Oswald Spengler: *Der Untergang des Abendlandes*, p. 660.
133 Rudolf Höss: *Kommandant in Auschwitz*, pp. 76—77.
134 Anna Maria Sigmund: *Die Frauen der Nazis II*, p. 37.
135 Oswald Spengler, op. cit., p. 664.
136 Moritz Bassler and Hildegard Châtellier (ed.): *Mystique, mysticisme et modernité en Allemagne autour de 1900*, p. 172.
137 Richard Fletcher: *The Conversion of Europe*, p. 45.
138 Stefanie von Schnurbein and Justus Ulbricht (ed.): *Völkische*

Religion und Krisen der Moderne, p. 170.

139 Oswald Spengler, op. cit., p. 669.

140 Dietrich Bronder, op. cit., p. 219.

141 Léon Poliakov: *Le mythe aryen*, p. 133.

142 Moritz Bassler and Hildegard Châtellier (ed.), op. cit., p. 169.

143 Id., p. 170.

144 Max Brewer в сборнике Stefanie von Schnurbein and Justus Ulbricht (ed.), op. cit., p. 177.

145 Joseph Goebbels: *Tagebücher*, p. 1049.

146 Автор благодарит Мартина Собироя за информацию, на которой основываются эти страницы. См. Martin Sobieroj: *Der Stern des Abgrundes* (рукопись), pp. 139 ff.

147 John Weiss, op. cit., p. 250.

148 См. Volker Mauersberger: *Hitler in Weimar*, pp. 222 ff.

149 Hermann Rauschning: *Gespräche mit Hitler*, p. 103.

150 George Mosse: *The Crisis of German Ideology*, pp. 72—73.

151 Nicholas Goodrick-Clarke: *The Occult Roots of Nazism*, pp. 162—63.

152 Richard Noll: *The Jung Cult – Origins of a Charismatic Movement*, p. 260.

153 Rüdiger Sünner: *Schwarze Sonne*, p. 16.

154 Id., pp. 80—82, passim.

155 Id., pp. 27, 24.

156 Joachim Fest: *The Face of the Third Reich*, pp. 340—41.

157 См. Frederic Spotts: *Hitler and the Power of Aesthetics*, p. 365.

158 Thomas Mann: *Deutschland und die Deutschen*, p. 100.

159 Id., p. 100.

160 Joseph Goebbels: *Tagebücher*, pp. 142, 158.

161 Oswald Spengler: *Der Untergang des Abendlandes*, p. 1102.

162 René Alleau: *Hitler et les sociétés secrètes*, p. 174.

163 Klaus von See, op. cit., p. 229, passim.

164 Albert Speer: *Spandau – The Secret Diaries*, p. 262.

165 Adolf Hitler, op. cit., p. 398, 408.

166 В книге Joachim Fest: *Hitler*, pp. 244, 256.

167 Rüdiger Sünner: *Schwarze Sonne*, p. 16.

168 Oswald Spengler: *Der Untergang des Abendlandes*, p. 778.

169 Adolf Hitler: *Mein Kampf*, p. 50.

170 Joachim Fest: *The Face of the Third Reich*, p. 386.

171 Цит. по Ralf Schnell: *Dichtung in finsteren Zeiten – Literatur und Faschismus*, p. 176.

172 Joachim Fest, op. cit., pp. 377 ff.

173 Hermann Rauschning, op. cit. pp. 210—11.

174 John Weiss: *Ideology of Death*, p. 29.

175 Albert Speer: *Spandau – The Secret Diaries*, p. 151.

176 Michael Ley, op. cit., p. 68.
177 John Weiss, op. cit., p. 35.
178 George Mosse, op. cit., pp. 50, 66.
179 George Mosse: *The Crisis of German Ideology*, pp. 133, 298.
180 Id., pp. 129, 140, 143.
181 Anna Maria Sigmund: *Die Frauen der Nazis II*, pp. 10, 274.
182 Norbert and Stephan Lebert: *Denn Du trägst meinen Namen*, p. 46.
183 Jonathan Glover: *Humanity – A Moral History of the Twentieth Century*, pp. 324, 325.
184 Dieter Wunderlich: *Göring und Goebbels*, p. 47.
185 Guido Knopp: *Hitlers Helfer*, p. 186.
186 George Mosse, op. cit., p. 130.
187 Rudolf von Sebottendorff: *Bevor Hitler kam*, p. 92.
188 Georges Mosse, op. cit., p. 142.
189 Léon Poliakov: *Histoire de l'antisémitisme I*, pp. 321, 320.
190 Elaine Pagels: *The Origin of Satan*, p. 33, 2.
191 Ron Rosenbaum: *Explaining Hitler*, p. 324.
192 Id., pp. xx, xxiii.
193 Ron Rosenbaum, op. cit., ch. 18 passim.
194 Id., pp. 32—33.
195 Pierre Barret and Jean-Noël Gargand: *Si je t'oublie Jérusalem*, pp. 80 ff.
196 Evan Connell: *Deus lo volt – A Chronicle of the Crusades*, p. 12.
197 Léon Poliakov, op. cit., pp. 243, 245.
198 Id., pp. 252, 260.
199 Id., pp. 283—84.
200 Id., p. 303.
201 Paul Johnson: *A History of the Jews*, p. 242.
202 Dietrich Bronder: *Bevor Hitler kam*, p. 352.
203 John Weiss: *Ideology of Death*, p. 23.
204 Dietrich Bronder, op., cit., p. 352.
205 Michael Ley: *Apokalypse und Moderne*, p. 153.
206 John Weiss, op. cit., p. 24.
207 Lucy Dawidowicz: *The War against the Jews 1933—45*, p. 50.
208 Voltaire: *Philosophical Dictionary*, pp. 16, 19.
209 Id., p. 16 (примечание).
210 Id., p. 107.
211 John Weiss, op. cit., p. 97.
212 Lucy Dawidowicz, op. cit., p. 54.
213 George Mosse, op. cit., p. 38.
214 Lucy Dawidowicz, op. cit., p. 68.
215 George Mosse, op. cit., p. 131.
216 Lucy Dawidowicz, op. cit., p. 65.

217 Léon Poliakov, op. cit., p. 277.
218 Georges Mosse, op. cit., p. 143
219 Id., p. 133.
220 Id., pp. 138—39.
221 John Weiss, op. cit., p. 136.
222 Id., p. 130.
223 Peter Padfield: *Himmler – Reichsführer-SS*, p. 40.
224 Léon Poliakov, op. cit., p. 241.
225 Ibid.
226 Ernst Hanfstängl: *Hitler – The Missing Years*, p. 49.
227 *Monologe im Führerhauptquartier*, p. 234.
228 Цит. по Robert Wistrich: *Hitler and the Holocaust*, p. 1.
229 Léon Poliakov, op. cit., p. 247.
230 Joachim Köhler: *Wagners Hitler*, p. 92.
231 Otto Friedrich: *Before the Deluge*, p. 113.
232 Günter Rohrmoser: *Deutschlands Tragödie – Der geistige Weg in den Nationalsozialismus*, p. 74.
233 Christian von Krockow: *Hitler und seine Deutschen*, p. 90.
234 Viktor Klemperer: *Tagebücher 1937—1939*, pp. 132—33.
235 См. Anna Maria Sigmund: *Des Führers bester Freund.*
236 Otto Friedrich. op. cit., pp. 110—11.
237 Robert Wistrich, op. cit., pp. 110—11.
238 Léon Poliakov, op. cit., p. 42.
239 Robert Wistrich, op. cit., p. 33.
240 Léon Poliakov: *Histoire de l'antisémitisme II*, p. 347.
241 Id., pp. 404, 403.
242 См. Anna Maria Sigmund, op. cit.
243 Léon Poliakov: *Histoire de l'antisémitisme I*, pp. 16—17.
244 John Weiss, op. cit., pp. 9—10.
245 Id., pp. 10—11.
246 Id., pp. 14, 53.
247 John Weiss, op. cit., pp. 317, 384.
248 Adolf Hitler: *Mein Kampf*, pp. 251—52, 254, 274.
249 Léon Poliakov, op. cit., pp. 35, 38, 275—76.
250 Id., p. 329.
251 Hermann Rauschning: *Gespräche mit Hitler*, pp. 164, 175.
252 Konrad Heiden: *The Fuehrer*, p. 58.
253 John Weiss, op. cit., p. 214.
254 Joachim Fest: *Hitler*, p. 92.
255 John Weiss, op. cit., pp. 214—15.
256 Konrad Heiden, op. cit., p. 58.
257 Léon Poliakov: *Histoire de l'antisémitisme II*, pp. 233—34.
258 Otto Friedrich, op. cit., p. 110.
259 John Weiss, op. cit., p. 207.

260 Dietrich Bronder: *Bevor Hitler kam*, pp. 343—44 (курсив в оригинале).

261 Christian Zentner: *Adolf Hitlers «Mein Kampf»*, p. 158.

262 Цит. по Robert Wistrich: *Hitler and the Holocaust*, p. 59.

263 Id., p. 72.

264 Léon Poliakov: *Histoire de l'antisémitisme I*, pp. 278, 275.

265 Robert Wistrich, op. cit., pp. 79—80.

266 Konrad Heiden, op. cit., p. 458.

267 Robert Wistrich, op. cit., p. 23.

268 André François-Poncet: *Souvenirs d'une ambassade à Berlin*, p. 120.

269 Ian Kershaw: *Hitler – 1889—1936 Hubris*, p. 573.

270 Traudl Junge: *Bis zur letzten Stunde*, p. 202.

271 Adolf Hitler: *Mein Kampf*, p. 66.

272 Lucy Dawidowicz: *The War against the Jews 1933—45*, p. 208.

273 Id., p. 202.

274 Peter Longerich: *Der ungeschriebene Befehl – Hitler und der Weg zur «Endlösung»*, pp. 185—86.

275 Gitta Sereny: *Albert Speer: His Battle with Truth*, pp. 7, 100.

276 Ian Kershaw, op. cit., p. 248.

277 Gitta Sereny, op. cit., p. 248.

278 Robert Gellately: *Backing Hitler*, p. 7.

279 Ron Rosenbaum: *Explaining Hitler*, p. 83.

280 Werner Maser: *Adolf Hitler – Legende, Mythos, Wirklichkeit*, p. 267.

281 Joachim Fest, op. cit., pp. 39, 533.

282 HR Trevor-Roper: *The Last Days of Hitler*, pp. 179—80.

283 John Lukacs: *The Hitler of History*, pp. 47, 130 (примечание).

284 Gitta Sereny: *The German Trauma*, p. 280.

285 JP Stern: *Hitler – The Führer and the People*, p. 79.

286 George Mosse: *The Crisis of German Ideology*, pp. 280—82, passim.

287 Id., pp. 551—52.

288 Joachim Fest: *Hitler*, pp. 148, 378.

289 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, p. 68.

290 Joachim Fest, op. cit., p. 284.

291 Michael Baigent and Richard Leigh: *Secret Germany*, p. 259.

292 Hermann Bahr, цитируется в Michael Ley and Julius Schoeps (ed.): *Der Nationalsozialismus als politische Religion*, p. 209.

293 Michael Baigent and Richard Leigh, op. cit., p. 247.

294 Peter Levenda: *Unholy Alliance*, p. 44.

295 Thomas Freller: *Cagliostro – Die dunkle Seite der Aufklärung*, p. 74.

296 Eric Hobsbawm: *The Age of Empire 1875—1914*, pp. 256,

262.

297 Peter Orzechowski: *Schwarze Magie – Braune Macht*, pp. 14, 11.

298 Detlev Rose: *Die Thule-Gesellschaft*, p. 9.

299 Nicholas Goodrick-Clarke: *The Occult Roots of Nazism*, p. 1.

300 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, p. 448.

301 Gitta Sereny: *Albert Speer: His Battle with Truth*, pp. 416—17 passim.

302 Michael Baigent and Richard Leigh: *The Elixir and the Stone*, pp. 253—54, passim.

303 Nicholas Goodrick-Clarke, op. cit., p. 29.

304 Id., p. 30.

305 Ulrich Linse: *Geisterseher und Wunderwirker*, p. 119.

306 Helmut Neuberger: *Winkelmass und Hakenkreuz*, p. 51.

307 Sebastian Haffner: *Defying Hitler*, p. 53.

308 Jochen Kirchhoff: *Nietzsche, Hitler und die Deutschen*, p. 49.

309 В сборнике Moritz Bassler and Hildegard Châtellier (ed.): *Mystique, mysticisme et modernité en Allemagne autour de 1900*, p. 95.

310 Id., p. 96.

311 Ulrich Linse, op. cit., p. 62.

312 Moritz Bassler and Hildegard Châtellier (ed.), op. cit., p. 104.

313 Ulrich Linse, op. cit., p. 15.

314 Moritz Bassler and Hildegard Châtellier (ed.), op. cit., p. 106.

315 Arthur Rimbaud: *Oeuvres complètes*, p. 272.

316 Marion Ackermann: «Ueberlegungen zum Einfluss des Spiritismus auf Kandinsky» в сборнике *Mystique, mysticisme, etc.*, p. 190.

317 David Clay Large: *Hitlers München*, p. 110.

318 Peter Padfield: *Himmler*, p. 71.

319 Peter Levenda: *Unholy Alliance*, p. 176.

320 Wilhelm Wulff: *Zodiac and Swastika*, pp. 110—12, passim.

321 George Mosse: *The Crisis of German Ideology*, p. 206.

322 Nicholas Goodrick-Clarke, op. cit., p. 88.

323 Sebastian Haffner: *Von Bismarck zu Hitler*, p. 220.

324 Dietrich Bronder: *Bevor Hitler kam*, p. 128.

325 Konrad Heiden: *The Fuehrer*, pp. 84—85.

326 Peter Orzechowski, op. cit., p. 171.

327 Id., p. 174 (курсив в оригинале).

328 Günter Scholdt, op. cit., p. 115.

329 Id., pp. 114 ff.

330 Joachim Fest, op. cit., pp. 514—15.

331 Peter Orzechowski, op. cit., p. 173.

332 JP Stern: *Nietzsche*, p. 92.

333 In Walter Kaufmann: *Nietzsche – Philosopher, Psychologist,*

Antichrist, p. 245.

334 JP Stern, op. cit., p. 69.

335 Id., p. 108.

336 Цитируется в Philip Novak, op. cit., p. 135.

337 JP Stern, op. cit., pp. 71, 77.

338 Carl Pletsch: *Young Nietzsche – Becoming a Genius*, p. 197.

339 Lesley Chamberlain: *Nietzsche in Turin – An Intimate Biography*, p. 52.

340 Walter Kaufmann, op. cit., p. 163.

341 Курсив в оригинале.

342 JP Stern, op. cit., p. 104

343 Franz Wegener: *Das Atlantidische Weltbild*, p. 68.

344 Id., pp. 64, 65.

345 Brigitte Hamann: *Hitlers Wien*, p. 299.

346 Id., p. 300.

347 Wilfried Daim: *Der Mann, der Hitler die Ideen gab*, pp. 210—11.

348 Brigitte Hamann, op. cit., pp. 546—47.

349 Peter Orzechowski, op. cit., p. 38.

350 Stefan Breuer: *Aesthetischer Fundamentalismus – Stefan George und der deutsche Antimodernismus*, p. 12.

351 Id., pp. 120 ff.

352 David Clay Large, op. cit., pp. 57, 66.

353 Hildegard Châtellier: *Entre religion et philosophie: approaches du spiritisme chez Hanns von Gumppenberg*, в книге *Mystique, mysticisme, etc.*, pp. 115 ff.

354 Steven Aschheim: *Nietzsche und die Deutschen – Karriere eines Kults*, p. 72.

355 Otto Friedrich: *Before the Deluge*, p. 226.

356 Hugo von Hofmannsthal, in Stefan Breur, op. cit., p. 25.

357 Ibid.

358 Michael Baigent and Richard Leigh: *Secret Germany*, pp. 110—11.

359 George Mosse, op. cit., p. 209.

360 Id., p. 68.

361 Id., pp. 210, 211.

362 Michael Baigent and Richard Leigh, op. cit., p. 110.

363 Stefan Breuer, op. cit., p. 225.

364 Baigent and Leigh, op. cit., p. 274.

365 Id., pp. 260—61, passim.

366 Id., pp. 4—5, passim.

367 Id., p. 130.

368 Id., pp. 136—37, passim.

369 Id., pp. 6—7, passim.

370 Id., pp. 33, 35, 39.
371 Joseph Goebbels: *Tagebücher V*, pp. 2084, 2106.
372 Baigent and Leigh, op. cit., pp. 64, 60.
373 Adolf Hitler: *Mein Kampf*, p. 91.
374 Baigent and Leigh, op. cit., p. 66.
375 *Mystique, mysticisme, etc.*, p. 172.
376 Id., p. 173.
377 См. Alain de Libera: *La mystique rhénane*.
378 Justus Ulbricht: *Die Rückkehr der Mystiker im Verlagsprogramm von E. Diederichs* в сборнике *Mystique, mysticisme, etc.*, pp. 165 ff.
379 Id., p. 169.
380 Id., p. 170.
381 Id., p. 176.

Часть третья

1 Klaus von See: *Barbar, Germane, Arier*, p. 210.
2 Heinz Höhne: *The Order of the Death's Head*, p. 67.
3 Ralph Reuth: *Hitler*, p. 198.
4 Peter Orzechowski: *Schwarze Magie – Braune Macht*, p. 191.
5 Id., p. 192.
6 Joachim Fest: *Hitler*, pp. 240—41.
7 Sebastian Haffner: *Germany: Jekyll & Hyde*, p. 41.
8 Hermann Rauschning: *Gespräche mit Hitler*, p. 229.
9 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, p. 156.
10 Albert Speer: *Spandau – The Secret Diaries*, p. 345.
11 Sebastian Haffner: *Anmerkungen zu Hitler*, p. 71.
12 Helmut Heiber, цит. по: Peter Orzechowski, op. cit., p. 190.
13 Joachim Fest, op. cit., pp. 8, 390.
14 Adolf Hitler: *Mein Kampf*, p. 68.
15 John Toland: *Adolf Hitler*, p. 855.
16 Hermann Rauschning, op. cit., p. 71.
17 Joachim Köhler: *Wagners Hitler*, pp. 334, 336, 410.
18 Jochen Kirchhoff, op. cit., p. 54.
19 *Monologe im Führerhauptquartier*, p. 303.
20 Peter Orzechowski, op. cit., p. 182.
21 Id., p. 182.
22 William Shirer: *The Rise and Fall of the Third Reich*, p. 326.
23 Peter Orzechowski, op. cit., p. 181.
24 Traudl Junge: *Bis zur letzten Stunde*, p. 121.
25 *Monologe im Führerhauptquartier*, p. 303.
26 Joachim Fest, op. cit., p. 417, 521.
27 Joseph Goebbels: *Tagebücher*, p. 409.

28 Joachim Fest, op. cit., p. 535.

29 Hermann Rauschning, op. cit., pp. 190, 229.

30 Claus-Ekkehard Bärsch: *Der junge Goebbels*, p. 111.

31 John Toland, op. cit., p. 294.

32 Timothy W. Ryback: «Hitler's Forgotten Library», in *The Atlantic Monthly*, May 2003.

33 Id., pp. 13, 14.

34 Peter Orzechowski, op. cit., p. 176, 180.

35 Hermann Rauschning, op. cit., pp. 212, 83. Те, кто знакомы с повестью Джорджа Штайнера «The Portage to San Cristobal of A. H.» (1981), в которой старик Гитлер, пойманный израильскими охотниками на нацистов в Южной Америке, произносит речь в свое оправдание, заметят, что вышеприведённые абзацы являются главным источником его аргументов.

36 Albert Speer: *Spandau – The Secret Diaries*, p. 16.

37 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, p. 222.

38 *Monologen im Führerhauptquartier*, pp. 135, 151, 135, 158, 149.

39 Hermann Rauschning, op. cit., p. 210.

40 Joachim Köhler, op. cit., p. 355.

41 Peter Orzechowski, op. cit., p. 179.

42 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, pp. 604, 607.

43 Brigitte Hamann: *Winifred Wagner, oder Hitlers Bayreuth*, p. 258.

44 Adolf Hitler: *Mein Kampf*, pp. 379, 380.

45 Id., pp. 290, 294, 293.

46 Цит. по Christian Zentner: *Adolf Hitlers ‚Mein Kampf'*, p. 46.

47 Id., p. 22.

48 Id., p. 22.

49 Jay Gonen: *The Roots of Nazi Psychology*, p. 143.

50 Adolf Hitler, op. cit., p. 476 (курсив наш).

51 Henry Picker: *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*, pp. 289, 25, 36.

52 Frederic Spotts: *Hitler and the Power of Aesthetics*, p. 119.

53 Adolf Hitler, op. cit., p. 198.

54 Otto Friedrichs: *Before the Deluge*, p. 206.

55 William Shirer: *The Nightmare Years 1930—1940*, p. 422.

56 Robert Gellately: *Backing Hitler*, p. 185.

57 Id., p. II 626.

58 Joachim Fest, op. cit., p. 252.

59 Joseph Goebbels, op. cit., p. I 327.

60 Peter Orzechowski, op. cit., p. 187.

61 Claus-Ekkehard Bärsch, op. cit., p. 279.

62 In Günter Scholdt: *Autoren über Hitler*, p. 117.

63 Albert Speer: *Spandau – The Secret Diaries*, p. 262.

64 Beatrice and Helmut Heiber: *Die Rückseite des Hakenkreuzes*, pp. 71, 151, 163, 42.
65 Id., p. 99 (курсив наш).
66 Hermann Rauschning, op. cit., p. 215.
67 Id., pp. 42, 16, 79.
68 *Monologe im Führerhauptquartier*, p. 239.
69 Joachim Fest, op. cit., p. 655.
70 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, p. 529.
71 Id., pp. 585, 586.
72 Id., p. 588.
73 Hermann Rauschning, op. cit., pp. 231—32.
74 Joseph Goebbels, op. cit., pp. I 95, 138, 162.
75 Цит. по: Christian von Krockow: *Hitler und seine Deutschen*, p. 38.
76 John Toland, op. cit., pp. 884—85.
77 Hermann Rauschning, op. cit., p. 47.
78 Id., pp. 211, 212.
79 Id., p. 237.
80 Id., pp. 236—38.
81 Christian Zentner, op. cit., p. 103.
82 Цит. по: Michael Burleigh, *The Third Reich – A New History*, p. 215.
83 Michael Burleigh, op. cit., p. 235.
84 Joachim Fest, op. cit., p. 350.
85 Hermann Rauschning, op. cit., p. 233.
86 Id., p. 236, passim.
87 Id., p. 187.
88 Id., pp. 226—27, passim.
89 Heinz Höhne: *The Order of the Death's Head*, p. 163.
90 *Monologe im Führerhauptquartier*, p. 169.
91 Walter Schellenberg: *The Labyrinth*, p. 15.
92 Heinz Höhne, op. cit., p. 162.
93 Max Hastings: *Das Reich*, p. 26.
94 Michael Burleigh, op. cit., p. 194.
95 Ibid.
96 Michael Burleigh, op. cit., p. 194.
97 Id., p. 192.
98 Nicholas Goodrick-Clarke: *The Occult Roots of Nazism*, p. 179.
99 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, p. 147.
100 Christian von Krockow, op. cit., p. 245.
101 Id., p. 246.
102 John Weiss: *Ideology of Death*, p. 341.
103 Gitta Sereny: *Albert Speer – His Battle with Truth*, p. 361.
104 HR Trevor-Roper: *The Last Days of Hitler*, p. 89.

105 Walter Langer: *The Mind of Adolf Hitler*, p. 141.
106 Ron Rosenbaum: *Explaining Hitler*, p. 6.
107 Werner Maser: *Adolf Hitler – Legende, Mythos, Wirklichkeit*, p. 284.
108 Albert Speer: *Spandau – The Secret Diaries*, p. 19.
109 Joachim Fest: *The Face of the Third Reich*, p. 106.
110 Günter Scholdt: *Autoren über Hitler*, p. 206.
111 Ron Rosenbaum, op. cit., p. 295.
112 Konrad Heiden: *Hitler*, p. 299.
113 Joachim Fest: *Hitler*, pp. 326—27.
114 Walter Langer, op. cit., pp. 130—31.
115 Ernst Hanfstängl, op. cit., pp. 267, 265—66.
116 Hermann Rauschning: *Gespräche mit Hitler*, pp. 274—75.
117 Konrad Heiden, op. cit., p. 299.
118 Frederic Spotts: *Hitler and the Power of Aesthetics*, p. 45.
119 Joachim Fest, op. cit., p. 519.
120 Joachim Fest: *The Face of the Third Reich*, pp. 312—13.
121 Gitta Sereny, op. cit., pp. 136—37.
122 Id., p. 137.
123 Hermann Rauschning, op. cit., pp. 178, 275.
124 Albert Speer, op. cit., p. 144.
125 Guido Knopp: *Hitlers Krieger*, p. 30.
126 Joachim Fest: *Hitler*, p. 453.
127 Walter Kempowski: *Haben Sie Hitler gesehen?* pp. 188—89.
128 Joseph Serpico: *Nuremberg*, p. 29.
129 JP Stern: *Hitler – The Führer and the People*, p. 52.
130 Id., p. 245.
131 Albert Speer, op. cit., p. 188.
132 HR Trevor-Roper, op. cit., p. 171.
133 Gitta Sereny, op. cit., p. 137.
134 Ron Rosenbaum, op. cit., p. 65.
135 Ibid.
136 HR Trevor-Roper, op. cit., p. 202.
137 Joachim Fest: *The Face of the Third Reich*, p. 446.
138 Konrad Heiden, op. cit., p. 292.
139 Walter Kempowski, op. cit., p. 71.
140 Guido Knopp, *Hitler – Eine Bilanz*, p. 149.
141 Laurence Rees, op. cit., pp. 29, 89.
142 Williamn Shirer: *The Nightmare Years*, p. 129.
143 Walter Kempowski, op. cit., p. 138.
144 HR Trevor-Roper, op. cit., p. 116.
145 Walter Kempowski, op. cit., pp. 60, 152.
146 Guido Knopp, op. cit., p. 90.
147 *Monologe im Führerhauptquartier*, p. 225.

148 Albert Speer, op. cit., pp. 85—86.
149 Günter Scholdt, op. cit., p. 101.
150 Adolf Hitler: *Mein Kampf*, pp. 100, 287.
151 Walter Langer, op. cit., pp. 44—45.
152 Ralf Georg Reuth: *Hitler*, p. 122.
153 Walter Langer, op. cit., pp. 47, 48.
154 August Kubizek: *Adolf Hitler, mein Jugendfreund*, pp. 80, 29, 30.
155 Joachim Fest: *Hitler*, pp. 512—13.
156 Hermann Rauschning, op. cit., pp. 198—99.
157 Joachim Fest, op. cit., pp. 323—24.
158 Anton Joachimsthaler: *Hitlers Weg begann in München 1913—1923*, p. 306.
159 Fritz Redlich: *Hitler – Diagnosis of a Destructive Prophet*, p. 52.
160 Gitta Sereny: *The German Trauma*, p. 240.
161 Fritz Redlich, op. cit., p. 79.
162 Claus Ekkehard Bärsch: *Der junge Goebbels*, pp. 186—87.
163 Michael Baigent and Richard Leigh: *Secret Germany*, pp. 240—41.
164 Ian Kershaw: *Hitler – 1889—1936 Hubris*, p. xvii.
165 Цит. по: John Toland: *Adolf Hitler*, p. 282 (курсив в оригинале).
166 Hermann Rauschning, op. cit., pp. 202—03.
167 André François-Poncet: *Souvenirs d'une ambassade à Berlin*, pp. 351—52.
168 Hermann Rauschning, op. cit., pp. 272—73.
169 Цит. по: Günter Scholdt, op. cit., p. 188.
170 Thomas Mann: *Deutschland und die Deutschen*, pp. 367—68 (курсив наш), 172—74.
171 Hermann Rauschning, op. cit., p. 170 (курсив наш).
172 Walter Langer, op. cit., p. 72.
173 Richard Overy: *Interrogations*, p. 105.
174 Albert Speer, op. cit., pp. 137, 139.
175 *Monologe im Führerhauptquartier*, pp. 167, 204, 207.
176 Hermann Rauschning, op. cit., pp. 246, 267, 277.
177 August Kubizek: *Adolf Hitler, mein Jugendfreund*, pp. 111 ff. passim.
178Brigitte Hamann: *Hitlers Wien*, p. 40.
179 Ralph Reuth: *Hitler*, p. 171.
180 Anna Maria Sigmund: *Die Frauen der Nazis II*, p. 252.
181 Albert Speer: *Spandau*, p. 88.
182 August Kubizek, op. cit., p. 291.
183 Ron Rosenbaum, op. cit., p. 77.
184 Alan Bullock: *Hitler and Stalin – Parallel Lives*, p. 376.

185 Adolf Hitler, op. cit., pp. 176 ff., passim.
186 John Toland, op. cit., p. xviii.
187 Ron Rosenbaum, op. cit., pp. xiv, xxxvi.
188 Walter Langer, op. cit., pp. 159, 33.
189 Ian Kershaw, op. cit., p. 103.
190 Ron Rosenbaum, op. cit., p. 92.
191 Stephen Turner (ed.): *The Cambridge Companion to Weber*, p. 94.
192 Nirodbaran: *Talks with Sri Aurobindo*, p. 84.
193 Sri Aurobindo: *The Life Divine*, pp. 707—08.
194 Id., p. 33.
195 Id., pp. 42, 185, 612.
196 Sri Aurobindo: *On Himself*, p. 23.
197 Arthur Lovejoy: *The Great Chain of Being*, p. vii.
198 Sri Aurobindo: *The Life Divine*, pp. 42, 179, 183, 258, 711, 665, 761.
199 Sri Aurobindo: *Thoughts and Aphorisms*, p. 27.
200 Sri Aurobindo: *The Life Divine*, p. 3.
201 *Sri Aurobindo Archives and Research*, April 1983, p. 3.
202 Sri Aurobindo: *The Human Cycle*, p. 220.
203 Id., p. 259.
204 Sri Aurobindo: *The Synthesis of Yoga*, p. 604.
205 Sri Aurobindo: *The Life Divine*, pp. 242, 665.
206 Id., pp. 242—43.
207 Id., p. 11.
208 Id., pp. 919—20.
209 Id., p. 965.
210 Sri Aurobindo: *On the Mother*, p. 40.
211 Sri Aurobindo: *The Human Cycle*, p. 59.
212 Sri Aurobindo: *The Ideal of Human Unity*, p. 315.
213 AB Purani: *Evening Talks with Sri Aurobindo*, p. 378.
214 Peter Heehs: *Sri Aurobindo – A Brief Biography*, p. 15.
215 Id., p. 14.
216 Georges Van Vrekhem: *The Mother – The Story of Her Life*, p. 26.
217 Id., p. 27.
218 Sri Aurobindo: *The Life Divine*, p. 652.
219 The Mother: *Questions and Answers 1954*, p. 38.
220 Sri Aurobindo, op. cit., p. 876.
221 *Mother India*, Jan. 1989, p. 26. Другие подробности о Голконде приведены в книге Georges Van Vrekhem: *Beyond Man*, pp. 204 ff.
222 Id., p. 144.
223 Sri Aurobindo: *The Human Cycle*, p. 266.

224 Peter Heehs: *Sri Aurobindo – A Brief Biography*, pp. 99—100.
225 Sri Aurobindo: *Letters on Yoga*, p. 1306.
226 Sri Aurobindo: *Collected Poems*, p. 120.
227 Nirodbaran: *Correspondence with Sri Aurobindo*, p. 525.
228 Sri Aurobindo, op. cit., pp. 99 ff.
229 Sri Aurobindo: *On Himself*, p. 593.
230 Sri Aurobindo: *The Life Divine*, p. 29.
231 Sri Aurobindo: *The Human Cycle*, pp. 11, 12.
232 Id., pp. 17, 14.
233 Id., p. 23.
234 Id., p. 29.
235 Sri Aurobindo: *The Ideal of Human Unity*, pp. 209, 219.
236 Sri Aurobindo: *The Human Cycle*, pp. 50—51.
237 Id., p. 246.
238 Sri Aurobindo: *On Himself*, p. 396.
239 Sri Aurobindo: *The Human Cycle*, pp. 40 ff. passim.
240 Nirodbaran: *Talks with Sri Aurobindo*, pp. 190, 575.
241 Id., pp. 817, 806.
242 *Glimpses of the Mother's Life 2*, p. 157.
243 La Mère: *Entretiens 1950—51*, pp. 207—08.
244 Nirodbaran, op. cit., pp. 194, 85.
245 La Mère: *Entretiens 1953*, pp. 429—30 (курсив наш).
246 André François-Poncet: *Souvenirs d'une ambassade à Berlin*, p. 352.
247 William Shirer: *The Rise and Fall of the Third Reich*, p. 391.
248 Sri Aurobindo: *On Himself*, p. 395.
249 La Mère: *Entretiens 1954*, pp. 283—84, passim.
250 Hermann Rauschning: *Gespräche mit Hitler*, pp. 202—03.
251 Nirodbaran, op. cit., pp. 84, 957, 919.
252 Ralph Reuth: *Hitler*, p. 183.
253 Sri Aurobindo: *Letters on Yoga*, p. 393.
254 Sri Aurobindo: *Collected Poems*, p. 136.
255 Sri Aurobindo, op. cit., p. 381.
256 David Clay Large: *Hitlers München*, p. 396.
257 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, p. 483.
258 Will Berthold: *Die 42 Attentate auf Adolf Hitler*, p. 8.
259 Ralph Reuth: *Hitler*, p. 48.
260 Joachim Köhler: *Wagners Hitler*, p. 261.
261 Ernst Hanfstängl: *Hitler – The Missing Years*, p. 180.
262 Joachim Fest: *Hitler*, p. 709.
263 Id., pp. 227—28.
264 Bruno Hipler: *Hitlers Lehrmeister*, p. 86, footnote.
265 Id., p. 86, footnote.
266 Цит. по: Claus-Ekkehard Bärsch: *Die politische Religion des*

Nationalsozialismus, p. 68.

267 Id., pp. 77, 73.

268 Ibid.

269 Voltaire: *Philosophical Dictionary*, pp, 24—25.

270 Nicholas Goodrick-Clarke: *The Roots of Nazism*, p. 148.

271 Dietrich Bronder: *Bevor Hitler kam*, p. 243.

272 Michael Hesemann: *Hitlers Religion*, p. 30.

273 Timothy W. Ryback, «Hitler's Forgotten Library», in *The Atlantic Monthly*, May 2003.

274 Michael Hesemann, op. cit., pp. 30—31.

275 Anna Maria Sigmund: *Die Frauen der Nazis I*, p. 37

276 Martin Sobieroj: *Der Stern des Abgrundes* (manuscript), pp. 128—29.

277 Michael Hesemann: *Hitlers Religion*, pp. 111—12.

278 Anna Maria Sigmund: *Des Führers bester Freund*, p. 175.

279 Ron Rosenbaum: *Explaining Hitler*, p. 102.

280 Hermann Rauschning: *Gespräche mit Hitler*, pp. 229—30.

281 Claus-Ekkehard Bärsch, op. cit., p. 162.

282 Bruno Hipler, op. cit., p. 155.

283 Id., p. 159, footnote.

284 Ernst Hanfstängl, op. cit., p. 123.

285 Konrad Heiden: *Hitler*, p. 285.

286 Bruno Hipler, op. cit., p. 89, footnote.

287 Gitta Sereny: *Albert Speer: His Battle with Truth*, p. 240.

288 Claus-Ekkehard Bärsch, op. cit., p. 204.

289 *Monologe im Führerhauptquartier*, p. 158.

290 Claus-Ekkehard Bärsch, op. cit., pp. 163 ff. passim.

291 Joseph Persico: *Nuremberg*, p. 99.

292 Konrad Heiden, op. cit., p. 457.

293 Martin Sobieroj, op. cit., p. 115, 59, 60.

294 Joseph Goebbels: *Tagebücher*, volume 4, p. 1617.

295 Albert Speer, op. cit., p. 252.

296 Sri Aurobindo: *The Human Cycle*, pp. 10—11.

297 Nirodbaran: *Correspondence with Sri Aurobindo*, pp. 543—44.

298 Цит. по: KR Srinivasan Iyengar: *Sri Aurobindo*, p. 636.

299 Sri Aurobindo: *Collected Poems*, p. 110.

300 Sri Aurobindo: *The Ideal of Human Unity*, p. 288.

301 Id., p. 99, emphasis added.

302 Hermann Rauschning, op. cit., p. 114.

303 Ralf Reuth: *Hitler*, p. 479

304 John Lukacs: *The Hitler of History*, pp. 243—44.

305 Thomas Mann: *Deutschland und die Deutschen*, p. 55.

306 Nirodbaran: *Talks with Sri Aurobindo*, pp. 150, 166.

307 Id., pp. 956—57.

308 Ernst Hanfstängl: *Hitler – The Missing Years*, p. 60.
309 Joachim Fest: *Hitler*, pp. 518, 520, 517.
310 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, p. 529.
311 Hermann Rauschning: *Gespräche mit Hitler*, p.83.
312 August Kubizek: *Adolf Hitler, mein Jugendfreund*, p. 165.
313 Nirodbaran, op. cit., p. 121.
314 Id., p. 194.
315 Joachim Fest, op. cit., p. 412.
316 Hermann Rauschning, op. cit., p. 257.
317 Ernst Hanfstängl, op. cit., p. 136.
318 Nirodbaran, op. cit., pp. 56, 20, 660, 669.
319 См. гл. *«Der kranke Führer, Reichskanzler…»* in Werner Maser: *Adolf Hitler – Legende, Mythos, Wirklichkeit.*
320 André François-Poncet: *Souvenirs d'une ambassade à Berlin*, p. 13.
321 William Shirer: *The Rise and Fall of the Third Reich*, pp. 343, 429.
322 Ralph Reuth: *Hitler*, pp. 343, 429.
323 Joachim Fest: *Der Untergang*, pp. 34—35.
324 Id., pp. 728, 729.
325 Albert Speer: *Spandau – The Secret Diaries*, p. 19.
326 Christian Zentner: *Adolf Hitlers «Mein Kampf»*, p. 49.
327 Id., p. 29.
328 Konrad Heiden: *The Fuehrer*, p. 421.
329 Id., p. 327.
330 Charles Sydnor в сборнике Ronald Smelser and Enrico Seyring (ed.): *Die SS*, p. 218.
331 Guido Knopp: *Hitlers Helfer*, p. 9.
332 André François-Poncet, op. cit., p. 118.
333 Gitta Sereny: *Albert Speer: His Battle with Truth*, pp. 324, 368.
334 Ernst Hanfstängl, op. cit., p. 224.
335 Nirodbaran, op. cit., p. 84.
336 Guido Knop, op. cit., p. 78.
337 Dieter Wunderlich: *Göring und Goebbels*, p. 226.
338 Norbert and Stephan Lebert: *Denn Du trägst meinen Namen*, pp. 102—03.
339 Walter Schellenberg: *The Labyrinth*, p. 94.
340 Hermann Rauschning, op. cit., p. 11.
341 Otto Holzapfel: *Die Germanen*, p. 155.
342 Joachim Fest, op. cit., p. 726.
343 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, pp. 317—18.
344 Id., p. 389.
345 Albert Speer: *Spandau – The Secret Diaries*, p. 45.
346 Joachim Fest, op. cit., p. 711.

347 William Shirer, op. cit., p. 826.
348 Joseph Goebbels: *Tagebücher IV*, p. 1671.
349 *Tischgespräche im Führerhauptquartier*, p. 270.
350 *Monologe im Führerhauptquartier*, p. 71.
351 Albert Speer, op. cit., p. 80.
352 Hermann Rauschning, op. cit., p. 10.
353 Albert Speer, op. cit., p. 80.
354 Guido Knopp, op. cit., p. 146.
355 Joachim Fest, op. cit., p. 354.
356 Erich Korsthorst: *Die Geburt der Tragödie aus dem Geist des Gehorsams*, p. 46.
357 Joachim Fest, op. cit., p. 732.
358 Id., p. 731.
359 Dieter Wunderlich: *Göring und Goebbels*, p. 213.
360 Michael Baigent and Richard Leigh: *Secret Germany*, p. 226.
361 Rüdiger Sünner: *Schwarze Sonne*, p. 85.
362 Sri Aurobindo: *Collected Poems*, p. 112.
363 Sri Aurobindo: *The Life Divine*, p. 1059.
364 Id., pp. 257, 1024, 651.
365 Sri Aurobindo: *On Himself*, p. 22.
366 Id., pp. 99, 124.
367 Id., p. 91.
368 Id., p. 469.
369 Id., pp. 197, 202, 38.
370 William Shirer: *The Rise and Fall of the Third Reich*, pp. 421—22.
371 Id., p. 424.
372 Id., p. 420.
373 David Cannadine (ed.): *The Speeches of Winston Churchill*, p 134.
374 Nirodbaran: *Talks with Sri Aurobindo*, pp. 603, 723.
375 Id., pp. 741, 605.
376 Id., p. 84.
377 Id., p. 142.
378 Id., pp. 82, 85, 154.
379 Nirodbaran, op. cit., p. 709.
380 William Shirer, op. cit., p. 613.
381 Nirodbaran, op. cit., p. 713.
382 John Toland: *Adolf Hitler*, pp. 833—34.
383 Id., p. 835.
384 William Shirer: *The Nightmare Years*, p. 535.
385 Nirodbaran, op. cit., pp. 672, 674, 678.
386 Id., pp. 680—81.
387 Patrick Odone: *Dunkirk 1940*, p. 125.

388 Ian Kershaw: *Hitler 1936—1945: Nemesis*, p. 297.
389 Sri Aurobindo: *On Himself*, p. 39.
390 Nirodbaran, op. cit., pp. 744, 998.
391 Id., p. 733.
392 Christoph Studt: *Das Dritte Reich in Daten*, p. 136.
393 Joachim Fest: *Hitler*, p. 637.
394 Nirodbaran, op. cit., p. 231.
395 Maggi Lidchi-Grassi: *The Light that Shone into the Dark Abyss*, p. 72.
396 *The Speeches of Winston Churchill*, pp. 149, 154, 177, 233.
397 Id., pp. 681, 693.
398 AB Purani: *Evening Talks*, p. 710.
399 William Shirer, op. cit., pp. 537, 580, 583—84.
400 Nirodbaran, op. cit., p. 735.
401 Id., pp. 747
402 Id., p. 754.
403 Robert Paxton: *Vichy France*, p. xxxvi.
404 Nirodbaran, op. cit., pp. 707, 712.
405 Albert Speer: *Inside the Third Reich*, p. 249.
406 Ernst Hanfstängl: *Hitler – The Missing Years*, p. 120
407 Joachim Fest: *Der Untergang*, p. 153.
408 Larry Collins and Dominique Lapierre: *Is Paris Burning?* p. 435.
409 Nirodbaran, op. cit., p. 919.
410 John Lukacs: *The Hitler of History*, p. 129.
411 Ron Rosenbaum: *Explaining Hitler*, p. 268.
412 Sri Aurobindo: *The Ideal of Human Unity*, p. 319.
413 Nirodbaran, op. cit., pp. 120—21.
414 Id., p. 553.
415 Id., p. 721.
416 Id., p. 919.
417 Id., pp. 738, 740, 759.
418 Winston Churchill: *The Second World War*, p. 315.
419 Id., p. 320.
420 William Shirer: *The Rise and Fall of the Third Reich*, p. 914.
421 Fritz Fischer: *Griff nach der Weltmacht*, pp. 485—87, passim.
422 Nirodbaran, op. cit., p. 939.
423 Id., p. 815.
424 Id., 660, 669.
425 Joachim Fest: *Hitler*, p. 643.
426 Albert Speer: *Spandau*, p. 47.
427 *Monologe im Führerhauptquartier*, p. 54.
428 John Toland, op. cit., p. 977.
429 Georges Van Vrekhem: *Beyond Man*, p. 238.

430 Rudolf Hartog: *The Sign of the Tiger*, p. 58.
431 Nirodbaran, op. cit., pp. 779, 781, 784, 794.
432 Id., pp. 630, 641—42, 643.
433 Id., pp. 25, 142, 852.
434 Id., p. 810.
435 Hugh Toye: *The Springing Tiger Subhash Chandra Bose*, p. 39.
436 Sri Aurobindo: *On Himself*, p. 393.
437 Id., p. 399.
438 Simon Burgess: *Stafford Cripps – A Political Life*, p. 168.
439 Nirodbaran: *Twelve Years with Sri Aurobindo*, p. 229.
440 *L'Agenda de Mère II*, p. 410.
441 Nirodbaran, op. cit., p. 228.
442 Sri Aurobindo: *On Himself*, p. 399.
443 Id., pp. 167, 168.
444 Id., pp. 169, 170, 171.
445 Id., p. 172.
446 Id., p. 416—17.

notes

Notes

1

Все переводы неанглоязычных текстов сделаны автором с оригиналов.

2

Кондотьер – во времена итальянского возрождения глава отряда наемных солдат, предлагавший свои услуги враждующим государствам. – *Прим. пер.*

3

Так называлась германская армия после Версальского договора. – *Прим. пер.*

4

Диатриба – резкая, желчная, придирчивая речь с нападками личного характера. – *Прим. ред.*

5

Völkisch – германское народное националистическое движение с ярко выраженной расистской составляющей. Подробно рассматривается в главе 9. – *Прим. пер.*

6

Немецкое слово *völkisch* невозможно адекватно перевести. Оно ассоциируется с «расой» и со всем тем, что принадлежит далекому прошлому народа. Слова «*völkisch*», «фольклор» и «фолк-музыка» – родственные.

7

Эрцбергер, Маттиас (1875—1921) – член германского правительства в октябре-ноябре 1918 г.; подписал от имени Германии Компьенское перемирие в 1918 г. В 1919—1920 г. был министром финансов. – *Прим. пер.*

8

«Майн Кампф» первоначально выходила в двух отдельных томах. Первый был написан в тюрьме в Ландсберге, второй – в Оберзальцберге после освобождения. Начиная с 1931 года эти два тома печатались под одной обложкой.

9

Дом в Браунау-на-Инне, где он родился, стоял лишь в нескольких десятках метров от границы с Германией, проходящей по реке Инн. По странному совпадению Ева Браун, его будущая любовница и жена (на один день), провела часть своей юности на противоположном берегу Инна, в немецкой деревушке Зимбах-на-Инне, в пансионе благородных девиц, управляемом монахинями. (См. John Lukacs: *The Hitler of History,* p. 54, footnote, and Anna Maria Sigmund: *Die Frauen der Nazis,* p. 232.)

10

Герман Раушнинг (1887—1982) – важный источник конфиденциальных высказываний Гитлера в 1932—1934 гг. Он был богатым землевладельцем и национал-социалистическим президентом сената в Данциге, в то время вольном городе под протекторатом Лиги Наций. Книга, содержащая записи нескольких его разговоров с Гитлером и некоторых мыслей, которые тот высказывал в его присутствии, имела непростую судьбу. Она была раскритикована такими учеными, как Теодор Шайдер и Вольфганг Ганел. Ян Кершоу безапелляционно писал в предисловии к своей биографии Гитлера, что книга «Говорит Гитлер» или *Gespräche mit Hitler*, которую мы цитируем, «сейчас считается настолько недостоверной, что лучше вообще не обращать на нее внимания». Однако свидетельство Раушнинга очень высоко ценилось Хьюго Тревор-Ропером и Аланом Буллоком, а также уважаемым немецким историком Гюнтером Мольтманом. Со временем уникальность и аутентичность книги стали общепризнанными. Более молодое поколение немецких историков – Джиордано, Кёхлер, Кирхгофф, Ройт, Хеземан и другие – ссылаются на Раушнинга не только без оговорок, но и с нескрываемой благодарностью.

Ясно общее происхождение *Volk* и таких слов, как фольклор и фолк-музыка.

12

Artamanen не следует путать с Арманен (*Armanen*). Арманен – это имя, которым Гвидо фон Лист называл сверхлюдей, с незапамятных времен хранящих вечные германские традиции; первосвященники из их числа якобы и сейчас воплощены на земле. Организация же *Artamanen* основана в 1924 году Виллибандом Хеншелем, с тем чтобы «способствовать расовой чистоте. Ее цель – воссоздание германской расы». (Peter Padfield, *Himmler*, p.37). Это название толкуют по-разному. Согласно Пэдфилду, оно «выражает точку зрения, согласно которой города являются сточными канавами эпохи упадка, а земля – единственным реальным источником силы народа». Одно время Гиммлер возглавлял местное отделение *Artamanen* в Баварии.

13

Орадур-сюр-Глан – поселок во Франции, уничтоженный нацистами вместе с жителями. Лидице – польский поселок, который постигла та же судьба. – *Прим. пер.*

14

Гитта Серени взяла у него интервью в 1971 году, незадолго до его смерти. «Значит, вы не чувствовали, что это были люди? – Грузы, – сказал он без выражения. – Просто грузы. – Когда вы впервые стали считать их «грузами»? – Думаю, это началось в тот день, когда я впервые увидел *Totenlager* [могилы] в Треблинке. Я помню, там стоял Вирт, и рядом с ним были ямы, полные иссиня-черных трупов. Это не имело отношения к человеку, не могло иметь; это была масса гниющей плоти» (*Gitta Sereny: Into that Darkness*, p.201).

catholic (англ.) – всемирный. – *Прим. пер.*

16

Милленаризм – вера в установление тысячелетнего царства добра в результате победы над силами зла после второго пришествия. – *Прим. пер.*

17

Ordensburg (нем.) – буквально: замок, построенный религиозным орденом. – *Прим. пер.*

18

Подход, исключающий внутреннюю реальность. Согласно позитивизму, реальное знание может основываться лишь на объективных фактах, добытых методами естественных наук и логики. – *Прим. пер.*

19

«Германия, Германия превыше всего». – *Прим. пер.*

overman (англ.) – буквально «надчеловек», «зачеловек». – *Прим. пер.*

21

Симулякр – пустая форма, имитация, не существующая реально, но замещающая, вытесняющая собой реальную вещь. – *Прим. пер.*

22

У многих нацистов, находившихся на вершине иерархии, были свои любимые мистики. Для Розенберга это Экхарт, для Дитриха Эккарта – Таулер, а Гиммлер, говорят, постоянно носил в кармане Бхагавадгиту. Как видно из остатков личной библиотеки Гитлера, он питал слабость к Христу.

23

Jungvolk – детская организация в нацистской Германии. – *Прим. пер.*

24

Salz означает «соль». Этот горный район с доисторических времен известен своими соляными копями. Именно в этих шахтах нацисты спрятали множество награбленных ценностей. Имя *Hitler* также писалось его предками *Hiedler* или *Hüttler*, что означает *Salz-Hütter*, то есть «хранитель соли» (*Tischgespräche*, p. 13).

25

Порой можно встретиться с утверждением, что Гитлера излечили гипнотическим внушением, и точно так же под гипнозом дали ему откровение о его собственной судьбе. Сенсационная книга, повествующая о том, как доктор Эдмунд Форстер создал Гитлера, была написана Дэвидом Льюисом и опубликована в 2003 году под названием «Человек, который изобрел Гитлера». Эта книга, в свою очередь, основана на повести Эрнста Вайсса. Все ее привязки к фактам весьма неубедительны, в большинстве случаев это лишь догадки. Кроме того, сама изначальная гипотеза о том, что одно единственное гипнотическое внушение могло вызвать всю эту невероятно сложную трагедию, говорит об очень слабом понимании того, чего стоило Гитлеру стать Гитлером и начать судьбоносное осуществление своих идей. В 2004 году Бернард Хорстман выпустил книгу *Hitler in Pasewalk – Die Hypnose und ihre Folgen* («Гитлер в Пазевалке – гипноз и его последствия»), в которой он рассказывает в точности ту же самую историю, что и Льюис, при этом даже не упоминая его книги в списке литературы.

26

Габриэла Мистраль – чилийская поэтесса (Нобелевская премия 1945 г.). Перл С. Бак – американская писательница (Нобелевская премия 1938 г.). – *Прим. пер.*

27

Термин *supramental* «супраментал, супраментальный» (буквально – «надразумный, надразум») в поздних работах Шри Ауробиндо употребляется в том же значении, что и *supermind* «сверхразумный, сверхразум». – *Прим. пер.*

28

Шри – приставка к имени святого или уважаемого человека в Индии. – *Прим. пер.*

29

Nirodbaran's Correspondence with Sri Aurobindo. Second complete edition, 1995. – Прим. пер.

30

Асур (от санскр. *asura*) – демон. В индийской мифологии асуры – враги богов. – *Прим. пер.*

31

Карл Лампрехт (1856—1915) был знаменитым (пан)германским историком, профессором истории в Бонне и Лейпциге, автором *Deutsche Geschichte* («Истории Германии») в двенадцати томах и советником рейхсканцлера Бетман-Гольвега.

Wende (нем.) – временной рубеж. – *Прим. пер.*

33

Нужно иметь в виду, что слова Шри Ауробиндо, приводимые в «Беседах со Шри Ауробиндо» и в «Вечерних беседах со Шри Ауробиндо», были записаны участниками бесед по памяти, правда, с большой тщательностью и всего через несколько часов после того, как были услышаны.

Психическое – в терминологии Шри Ауробиндо, эволюционирующая часть души, формирующаяся вокруг искры божественного, находящейся в каждом человеке. – *Прим. пер.*

35

«Possessed» (англ.), «Possédés» (фр.), то есть «Одержимые [бесами]» – так переводится на английский и французский название романа Достоевского «Бесы». – *Прим. пер.*

Эта аллегория имеет множество близких параллелей в других духовных традициях. В процессе творения этого мира либо произошел «несчастный случай», либо этот мир был сотворен низшим демиургом. Падшие ангелы во главе с Люцифером упоминаются в Библии. Разница между этими дуалистическими концепциями и рассказом Матери в том, что в ее интерпретации «падение» не вечно – существует восходящий эволюционный процесс, возвращающий этому самопроявлению божественного его истинный облик.

37

Сегодня признают, что в те месяцы, когда в Баварии установились социалистический и коммунистический режимы, капрал Адольф Гитлер носил красную повязку. Бруно Гилпер в своем в общем-то одностороннем эссе о Карле Хаусхофере «*Hitlers Lehrmeister*» пишет, что Гитлер был шпионом общества Туле. Эта теория, какой бы натянутой она ни казалась на первый взгляд, согласуется с глубоко укоренившимися националистическими чувствами, которые Гитлер выказывал в ходе войны, и с тем фактом, что сразу после разгрома Республики Советов он оказывается членом комиссии по отсеиванию воинствующих красных из армии. Его временная работа в Туле, возможно, никак не связана с обнаружением Гитлера капитаном Майром.

38

Стихотворения Шри Ауробиндо даются в подстрочном переводе. – *Прим. пер.*

39

Леон Блюм – премьер-министр Франции (июнь 1936 – июнь 1937 года). В соответствии со своей политикой невмешательства, в частности, запретил законному правительству Испании перевести через франко-испанскую границу закупленное вооружение. Эдуард Даладье, возглавляя французское правительство в апреле 1939 – марте 1940 года, подписал Мюнхенское соглашение. – *Прим. пер.*

40

«Виши» – общепринятое название прогитлеровского режима во Франции с июля 1940 по август 1944 г. В городе Виши находилось правительство Петена. – *Прим. пер.*